

IV.

ВЫГОЗЕРО.

ВЫГОЗЕРО.

XXXI.

НИКИТИНЪ.

Федоръ Никитинъ, крестьянинъ родомъ съ Выгозера, лѣтъ около 45, высокій, статный, весьма пріятной паружности. Въ молодости занимался портняжнымъ мастерствомъ и въ то время выучился лѣтъ множество былинъ, преимущественно на поморьѣ, въ Кемскомъ уѣздѣ, гдѣ часто бывалъ для работы; но онъ не могъ припомнить отъ кого именно онъ былинны занимствовалъ. Въ послѣднее время онъ многое позабылъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ поступилъ на службу лѣснымъ стражникомъ, потому что служба эта не даетъ ему досуга распѣвать былинны. Живетъ онъ теперь на Карельскомъ острову, верстъ 50 отъ Выгозерскаго погоста, но сохранилъ въ родномъ селѣ участокъ земли и крестьянское хозяйство. Никитинъ поетъ очень пріятнымъ голосомъ и весьма складно. Нѣкоторыя изъ его былинъ были записаны для г. Рыбинкова писаремъ мѣстнаго исправника.

—
170.

ИЛІЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ подь славныя подь Кіевъ градъ,
И ко славному князю ко Владиміру,
И приходитъ посѣль да скоровѣтныя.
Приходилъ посѣль да изъ чиста поля,

А изъ чиста поля отъ Калина царя,
И отъ Калина царя да Калиновича.
А онъ идѣтъ посѣль да не съ удачкою,
А онъ не бьетъ челомъ, не низко кланяется,
Ай прямо грядѣтъ въ гриднн свѣтлыя,
И во тѣе ли волаты княженецкія.
А онъ бросилъ ярлыкъ на кленовый столъ,
А вѣдь сей ярлыкъ-то былъ написанный,
И чтоль на свинцу да чубаравскоемъ.
И сей ярлыкъ вѣсѹ былъ сорока пудовъ.
Ужъ какъ бросилъ сей ярлыкъ да на кленовый
столъ,
Ай чтоль кленовый столъ да подломнилася,
И тутъ Владиміръ князь да испугается,
И онъ бросилъ взоръ да на посла на скоровѣстнаго,
Испроговоритъ онъ да таково слово,
И чтоль тому послу да скоровѣтному:
«А ты откуда пришлоу да добрый молодецъ,
«И отъ кого принеся ты сей посланный ерлыкъ?»
И чтоль отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ,
И чтоль скорый посѣль Васплій Ивановичъ:
— Я изъ инои земли, изъ золотой орды,
— Отъ Калина царя да Калиновича,
— Ай же ты Владиміръ князь да стольне-кіевскій!
— И ты давай-ко-си изъ Кіеву да поединщика,
— Поединщика да супротивника.
— И супротивъ Калина царя да Калиновича
— Ежели не дашь ты намъ да поединщика,
— Поединщика и супротивника,
— То мы твой славныя Кіевъ градъ въ полонъ
возьмемъ,

— И въ полонъ возьмемъ и весь огнемъ сож-
гемъ. —

И тутъ весьма Владиміръ князь да закручинило,
Закручинило князь да запечалило,
Испроговоритъ Владиміръ таково слово:
«По грѣхамъ то вѣрно случилося,
«И богатырей во градѣ не случилося.»
И какъ на тую славу на великую,
Какъ прослышала во царевомъ кабаки голъ ка-
бацка,

А по имени ли тотъ Васильюшка уныясливы.
Какъ приходилъ Василей въ гридни свѣтлая,
И въ тѣе ли полаты княженецкія,
И онъ какъ крестъ то кладеть да по писаному,
И поклонъ тотъ ведеть да по ученому,
И на всѣ стороны Василей поклоняется,
И бьетъ целомъ да о сыру землю,
И ласковому князю Владиміру.

Испроговоритъ Василей таковы слова:
— А гои же ты Владиміръ князь да стольнѣ-кїев-
скій,

— И стольне-кїевскій славно-Владимірскій!
— И ты почто же такъ сильнѣ кручинилъся,
— Но зачѣмъ же тебѣ да такъ печалиться?
— Развѣ нѣтъ у насъ да на святой Руси,
— Развѣ нѣтъ у насъ во стольноѣмъ во градѣ
въ Кїевѣ,

— Развѣ нѣтъ такова да супротивника,
— Ай супротивъ Калина царя да Калиновича?
— Ай какъ есть у насъ да во чистомъ полѣ,
— И во чистомъ полѣ да во бѣломъ шатрѣ,
— Ай есть вѣдь тамъ да удалой добрый моло-
децъ.

— Еще старья казакъ да Илья Муромецъ.
— И про него же славу про великую,
— И про него же силу богатырскую,
— И во стихахъ поють, и въ старинахъ ска-
жутъ,

— И на бою ему то смерть не писана.
— А знаю я объ томъ и вѣрно вѣдаю
— И что онъ можетъ сразиться супротивъ Ка-
лини.

— И что онъ можетъ сразиться супротивъ царя
да Калина. —

Испроговоритъ Владиміръ князь да таково слово:
«Ай ты скорѣй достапъ да добра молодца,
«И славнаго казаку Илью Муромца.»

Приѣзжаетъ Василей во чисто поле.
Во чисто поле да ко бѣлу шатру.
И во бѣломъ шатри - то спитъ да добрый моло-
децъ,

А онъ-то спитъ да добрый молодець глубокимъ
сномъ,

А его добрый конь зоблетъ ишени да бѣлоярову
И шиплетъ добрый конь травеньку шелковую,
И пьетъ-то добрый конь водочку ключовую.
И дожидатъ Васильюшко уныясливый,
И когда прохватится да добрый молодець,
Старья казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да спитъ Ивановичъ.
И онъ восприяуль отъ крѣпша сна да безпробуд-
наго,

И предъ собой увидѣлъ стоитъ да добрый моло-
децъ,

И тотъ ли то Васильюшко уныясливый,
И бьетъ челомъ Василей низко кланяйтся,
И какъ удалому да добру молодцу,
Старому казаку да Ильѣ Муромцу.
Испроговоритъ Василей таково слово;

— А гои же ты старья казакъ да Илья Муро-
мецъ!

— И сослужи-тко-сь Владиміру да службу вѣр-
ную,

— И отгони отъ Кїева цюдовница великого.
— Приѣзжаетъ Калинъ царь Калиновичъ,
— И со той ли силой со невѣрною,
— И со тымъ ли войскомъ со татарскимъ. —

Цютъ ли выслушалъ да таковы слова
Старья казакъ да Илья Муромецъ,
И скоро онъ беретъ своего добра коня.
И какъ садился онъ да на добра коня,
И поѣзжалъ же тутъ онъ во чисто полѣ,
И чтоль подъ славныя да чтоль подъ Кїевъ градъ.
Только видѣли вѣдь добра молодца какъ сѣдучи,
Но не видѣли удалаго поѣдучи.

Во чистомъ поли да курева стоитъ,
Курева стоитъ, да пылъ столбомъ валить.
Куда падаютъ коньта лошадинья,
И становятся тутъ колодци ключевой воды.

И какъ доѣхалъ старья казакъ да Илья Муро-
мецъ

И до того ли до города Кїева,
У какъ увидѣлъ онъ тутъ стоитъ въ чистомъ
поли,

И какъ увидѣлъ онъ тутъ рать-сила великая,
И во чистомъ поли вѣдь стонтъ бѣлы шатеръ,
Въ которомъ шатрѣ былъ да Калина царь Кали-
новичъ.

И направляетъ коня да ко бѣлу шатру,
Ко бѣлу шатру да къ Калину царю,
Къ Калину царю да Калиновичу,
И какъ увидѣлъ тутъ Калина царь,

И Калина царь да что-ль Калиновичъ.
 А какъ садился Калина на добра коня,
 И на того ли на жеребчика на ворона,
 И берётъ Калина саблю вострую,
 И во вторыхъ беретъ конье да долгомѣрное,
 И выѣзжать Калина во чисто поле
 И супротивъ русскаго богатыря.
 И какъ не два ли ясныхъ сокола слетаются,
 И не двѣ ли сильнѣи горѣ вмѣсто скатаются,
 И какъ два сильнѣихъ могучѣихъ богатыря сра-
 жаются.

И они съѣхались добры молодцы побратались,
 А ѣ у Калинѣ царя конь на колѣна палъ,
 А ѣ самъ ли Калинѣ царь подъ конёмъ лежитъ,
 И разбить онь до конскаго до сѣдлица.

А старья казакъ да Илья Муромецъ,
 А ѣ на кони сидитъ подобно какъ столѣтній дубъ.
 И на конѣ сидитъ да не шатается,
 А его сердечико да розгоряется.

Началь рубить тутъ силу всю татарскую,
 И пролил онь всю кровь татарскую,
 Очистилъ онь вѣдь славный Кіевъ градъ,
 Избавилъ отъ панасти онь князя Владиміра.
 И приѣзжаетъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ.
 И какъ встрѣчаютъ добра молодца да по ученому,
 И бьютъ челомъ да добру молодцу со вѣсмъ усер-
 діемъ,

И Владиміръ князь да ёму въ особину:
 «И какъ спасибо тебѣ да добрый молодецъ
 «И за то, что избавилъ отъ той панасти отъ ве-
 ликія,

«И что-ль отъ той бѣды да отъ напрасныя,
 «За то-ль я тебя добрый молодецъ вѣдь жалую:

«Ты бери-ко-сь отъ мени да злата серебра,
 «И ты бери отъ мени каменя драгоцѣннаго;

«Пан городъ на-бѣ тебѣ да съ пригородкамн,
 «Или тебѣ села надо да съ приселкамн,

«Или тебѣ деревни надо со крестьянами?»
 А ѣ отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ.

И солнышку князю Владиміру:

— Ничего вѣдь мнѣ не надобно.

— Только дай-ко мнѣ похвальный листъ,

— И напиши Владиміръ ты своей рукой. —

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

171.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 3).

Изъ того ли изъ города пѣзъ Мурома,
 Изъ того ли села да Карачаева,
 Бѣла тутъ поѣзда богатырская.
 Выѣзжаетъ оттуль да добрый молодецъ,
 Старын казакъ да Илья Муромецъ,
 На своемъ ли выѣзжаетъ на добромъ кони,
 И во томъ ли выѣзжаетъ во кованомъ сѣдлѣ.
 И онь ходилъ гулялъ да добрый молодецъ,
 Ото младасти гулялъ да онь до старости.
 Ёдетъ добрый молодецъ да во чистомъ поли,
 И увидѣлъ добрый молодецъ да латырь камешокъ,
 И отъ камешка лежитъ три розстани,
 И на камешки было подписано:
 Въ первую дороженку ѣхати — убиту быть,
 Во дрѹгую дороженку ѣхати — жепату быть,
 Третьюю дороженку ѣхати — богату быть.

Стоитъ старенькой да издивляется:
 Головой качать самъ выговаривать:
 «Сколько лѣтъ я во чистомъ поли ходилъ гулялъ
 да ѣзживалъ,
 «А ещѣ таковаго чуда не нахаживалъ.
 «Но на что поѣду въ ту дороженку да гдѣ бо-
 гату быть?»

«Нѣту у мени да молодой жены,
 «И молодой жены да любимой семьи,
 «Некому держать тощить да золотой казны,
 «Некому держать да платя цвѣтнаго.
 «Но на что мнѣ въ ту дорожку ѣхати гдѣ же-
 нату быть?»

«Вѣдь прошла моя тене́рь вся молодость.
 «Какъ молодника вѣдь взитъ да то чужа корметь,
 «А какъ старая-та взитъ дакъ на печи лежать,
 «На печи лежать да киседемъ кормить.
 «Развѣ поѣду я вѣдь добрый молодецъ,
 «А ѣ во тую дороженку гдѣ убиту быть?
 «А ѣ пожилъ я вѣдь добрый молодецъ на семь
 свѣтн,

«И походилъ погулялъ вѣдь добрый молодецъ во
 чистомъ поли.»

Но поѣхалъ добрый молодецъ въ ту дорожку гдѣ
 убиту быть.

Только видѣли добра молодца вѣдь сядучи,
 Какъ не видѣли добра молодца поѣдучи.

Во чистомъ поли да курева стоитъ,
 Курева стоитъ да пылъ столбомъ летитъ.

Съ горы на гору добрый молодецъ поскакиваль,
Съ холмы на холму добрый молодецъ попрыгиваль,

Онъ вѣдь рѣкы-ты озѣра между ногъ спущаль,
Онъ синій моря-ты на околь скакаль.

Лишь проѣхаль добрый молодецъ Корелу про-
клятую,

Не доѣхаль добрый молодецъ до Индіи до бе-
гатини,

И наѣхаль добрый молодецъ на грязи на смолен-
скіи,

Гдѣ стоятъ вѣдь сорокъ тысячей разбойниковъ

И тѣ ли починъ тати подорожники.

И увидѣли разбойники да добра молодца,

Старога казаку Илью Муромца.

Закричалъ разбойническій атаманъ большой:

— А гой же вы мои братці-товарищи,

— И разудаленькии вы да добры молодци!

— Приймайтесь-ко за добра молодца,

— Отбирайте отъ него да платье цвѣтное,

— Отбирайте отъ него да что-ли добра копя. —

Видитъ тутъ вѣдь старшии казакъ да Илья Муро-
мецъ,

Видитъ онъ тутъ что да бѣда пришла,

Да бѣда пришла да неминуема.

Испроговоритъ тутъ добрый молодецъ да таково
слово:

«А гой же вы сорокъ тысячъ разбойниковъ

«И тѣхъ ли татѣи починныхъ да подорожниковъ!

«Вѣдь какъ бить третать вамъ будетъ стара не-
кого,

«Но вѣдь взять-то будетъ вамъ со старога да
нечего.

«Нѣтъ у старога да золотой казны,

«Нѣтъ у старога да платья цвѣтнаго,

«А и пѣтъ у старога да камня драгоцѣннаго.

«Столько есть у старога одинъ вѣдь добрый конь,

«Добрый конь у старога да богатырскіи.

«И на добромъ конѣ вѣдь есть у старога сѣдѣ-
лышко,

«Есть сѣдѣлышко да богатырское.

«То не для красы, братцы, и не для басы,

«Ради крѣпости да богатырскіи,

«И что можно было сидѣть да добру молодцу,

«Биться ратиться добру молодцу да во чистомъ
полѣ.

«Но еще есть у старога на кони уздечика тес-
мянная,

«И во той-ли во уздечкии да во тесмянни

«Какъ зашито есть по камешку по яфонту.

«То не для красы, братцы, не для басы,

«Ради крѣпости да богатырскіи.

«И гдѣ ходитъ вѣдь гулять мой добрый конь,

«И средіи вѣдь ходитъ ночи темныи,

«И видѣо егѣ да за пятнадцать верстъ да равно-
мѣрныи.

«Но еще у старога на головушкѣ да шеломчатъ
колпакъ,

«Шеломчатъ колпакъ да сорока пудовъ.

«То не для красы, братцы, не для басы,

«Ради крѣпости да богатырскіи.»

Скричалъ сымчалъ да громкимъ голосомъ

Разбойническій да атаманъ большой:

— Ну чтожь вы долго дали старому да выгова-
ривать!

— Приймайтесь-ко вы ребяташка за дѣло рат-
ное. —

А и тутъ вѣдь старому да за бѣду стало,

И за великую досаду показалоси.

Спималъ тутъ старшій со буйной главы да ше-
ломчатъ колпакъ,

И онъ началъ старенькій тутъ шеломѣи пома-
хивать.

Какъ въ стѣрону махнеть — такъ тутъ и улица,

А и въ дрѣгу онъ махнеть — дакъ переулочекъ.

А видятъ тутъ разбойники да что бѣда пришла,

И какъ бѣда пришла и неминуема,

Скричали тутъ разбойники да зычнымъ голосомъ:
«Ты оставь-ко добрый молодецъ да хоть на сѣ-
мена.»

Онъ прибилъ ипрубилъ всю силу невѣрную,

И не оставилъ разбойниковъ на сѣмена.

Обращается ко камешку ко латырю,

И на камешки подиись подиисываль:

И что ли очищена тая дорожка прямоѣзжая.

И поѣхаль старенькой во ту дорожку гдѣ женату
быть,

Выѣзжаетъ старенькой да во чисто полѣ,

Увидалъ тутъ старенькой полаты бѣлокаменныи,

Приѣзжаетъ тутъ старенькой къ полатамъ бѣло-
каменнымъ,

Увидала тутъ да красна дѣвица,

Сильная поляница удалая,

И выходила встрѣчать да добра молодца:

— И пожалуй-ко-сь ко мнѣ да добрый молодецъ! —

И она бьетъ челомъ ему, да низко кланяйтся,

И беретъ она добра молодца да за бѣлыи руки,

За бѣлыи руки, да за златыи перстни.

И ведетъ вѣдь добра молодца да во полаты бѣ-
локаменныи,

Посадила добра молодца да за дубовый столъ,

Стада добра молодца она угашивать,

Стала у добраго молодца выспрашивать:

— Ты скажи-тко, скажи мнѣ добрый молодецъ!

— Ты какой земли есть, да какой орды,

— И ты чьего же отца есть, да чьей матери?

— Еще какъ же тебя именемъ зовутъ,

— А звеличаютъ тебя по отечеству? —

А и тутъ отвѣтъ-то держаль да добрый молодецъ:

«И ты почто спрашивашь объ томъ да красна дѣвица.

«А я теперь усталъ да добрый молодецъ,

«А я теперь усталъ да отдохнуть хочу.»

Какъ беретъ тутъ красна дѣвица да добра молодца,

И какъ беретъ его да за бѣлы руки,

За бѣлы руки да за златы перстни,

Какъ ведетъ тутъ добра молодца

Во тую ли во спальню богатоубрану,

И ложитъ тутъ добра молодца на ту кроваточку обмансливу.

Испроговорить тутъ молодецъ да таково слово:

«Ай же ты дунечка да красна дѣвица!

«Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую.»

И какъ хватилъ тутъ добрый молодецъ да красну дѣвицу,

И хватилъ онъ ей да по подпазушки,

И бросилъ на тую на кроваточку,

Какъ кроваточка-то эта подвернулася,

И улетѣла красна дѣвица во тотъ да во глубока погребъ.

Закричалъ тутъ вѣдь старый казакъ да зычнымъ голосомъ:

«А гой же вы братицъ мои да вси товарищи,

«И разудалиши да добры молодцы!

«По имай хватай воть и самъ итеть.»

Отворяетъ погреба глубока,

Выпускаетъ двѣнадцать да добрыхъ молодцовъ,

И все сильныхъ могучихъ богатырей,

Едину оставилъ саму да во погребѣ глубокомъ.

Бьютъ-то челомъ да низко кланяются

И удалому да добру молодцу,

И старому казаку Илью Муромцу.

И приѣзжаетъ старенькой ко камешку къ олатырю,

И на камешки-то онъ поднись подписываль:

И какъ очищена и та дороженка да прямоѣзжая.

По направляетъ добрый молодецъ да своего коня

И во тую ли дороженку да гдѣ богату быть.

Во чистомъ поли наѣхалъ на три погребѣ глубокихъ,

И которыи пасыпавы погребѣ златомъ серебромъ,

Златомъ серебромъ камешемъ драгоцѣннымъ.

И обиралъ тутъ добрый молодецъ все злато это серебро,

И роздавалъ это злато серебро по нищей по брати,

И роздалъ опъ злато серебро по сиротамъ да безпріютнымъ.

Но обращался добрый молодецъ ко камешку къ олатырю,

И на камешки онъ поднись подписываль:

И какъ очищена эта дорожка прямоѣзжая.

И опъ задумалъ ѣхать тутъ да добрый молодецъ

И которой же дороженкой да прямоѣзжею.

И коя лежитъ дороженка отъ Кіева,

Отъ Кіева и до Чернигова,

И мѣрная дороженка была три девяноста равномѣрныхъ верстъ,

А около-то ѣздили да ровно двѣ тысячи.

И на той ли на дороженки да прямоѣзжая,

А и на шести дубахъ сидѣлъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,

И онъ свисталъ вѣдь посвистомъ змѣинымъ,

И онъ кричалъ вѣдь покрикомъ звѣриннымъ.

И отъ посвиста его да отъ змѣинаго,

И отъ покрика его да отъ звѣринаго,

Умирали тутъ сильныи могучии богатыри.

По наѣхалъ тутъ добрый молодецъ на шесть дубовъ да кряновистыхъ,

И какъ увидалъ тутъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,

И видить онъ опасно ѣдучись-то добра молодца.

Засвисталъ опъ въ полсвиста да въ пол-змѣинаго,

Закричалъ онъ въ полкрика да въ пол-звѣринаго,

А и у стараго казаки Илья Муромца

Вѣздитъ добрый конь да потыкается,

Отъ того ли отъ страха отъ великаго.

И онъ тутъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,

И онъ тутъ бьетъ коня да выговаривать:

«Ой же ты медвѣжій кормъ, да травяной мѣшокъ!

«Ты зачѣмъ же во чистомъ поли да потыкаешься,

«Развѣ вѣдаешь ты падъ собой незгодушку великую;

«Развѣ вѣдаешь со мной да супротивника?

«А вѣдь мнѣ-ка-ва-ли добру молодцу,

«На бою-то мнѣ вѣдь смерть не писана,

«Я не вѣдаю того что меня убѣтъ.»

Какъ увидалъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,

И кричалъ разбойникъ во весь крикъ да богатырскии,

Вь богатырскіи да по звѣриному,
И засвисталъ Соловѣй разбойникъ по змѣиному,
И засвисталъ во весь свистъ богатырскія.
У старенькаго вѣдь добра молодца конь па ко-
лѣни палъ.

И онъ тутъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
И онъ бьетъ коня, да выговаривать:
«Ахъ ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
«Развѣ нѣ бывалъ ты во чистомъ поли,
«Не слыхалъ ты покрика звѣрнаго,
«И не слыхалъ же ты и посвиста змѣйнаго?»
А ѣ беретъ вѣдь старенькой свой тугой лукъ,
Потягаетъ свой тугой лукъ да богатырскіи,
Вынимать колчанъ со стрѣламы да со калѣнными,
И полагаетъ онъ вѣдь стрѣлочку каленую,
И стрѣляетъ онъ въ Соловья разбойника,
И прилетѣла стрѣлочка да прямо въ правый
глазь,

И тому ли собака Соловью разбойнику.
Увалился Соловей разбойникъ на сыру землю,
И наскочилъ же тутъ да добрый молодець,
И палагалъ ему да петелку шелковую,
И на его ли на голову татарскую,
И привязалъ тутъ петелку ко стремени,
И поѣзжалъ тутъ добрый молодець во славный
Кіевъ градъ

И ко стольнему князю ко Владиміру.
Какъ видѣли во городи тутъ добра молодца вѣдь
ѣдучи.

Какъ пріѣхалъ добрый молодець во Кіевъ градъ,
И привезъ тутъ онъ Соловья разбойника Дог-
матьева.

И во скоромъ времени узналъ Владиміръ князь
И выходилъ Владиміръ онъ да на крылечко,
Целоговоритъ Владиміръ князь да таково слово:
— И ты скажи-сь-ко скажи-сь да добрый моло-
дець!

— И ты какой земли, да ты какой орды,
— И чьего отца есть и чьѣе матери,
— И какъ же тебя добра молодца да именемъ
зовуть,

— И звеличаютъ по отечеству?
— И ты куда же ѣдешь, откуль путь держишь?—
Отвѣтъ держалъ да добрый молодець:
«А гой же ты ласковое солнышко Владиміръ
князь!

«Ѣду я отъ города Чернигова,
«А ѣ отъ Чернигова пріѣхалъ и до Кіева,
«И очистишь ту дороженку да прямоѣзжую
«И на которой былъ тутъ Соловѣй разбойникъ
Догматьевичъ.

«И онъ убивалъ вѣдь свистомъ змѣинымъ,
«И покрикомъ звѣинымъ,
«Сильнѣишхъ онъ богатырей,
«И тѣхъ ли поляницъ да всѣхъ удалыхъ.
«А я вѣдь самъ-то добрый молодець
«Изъ того ли города изъ Мурома,
«Изъ того села да Карачаева,
«Изъ села вѣдь Карачаева крестьянскій сынъ.
«Именемъ зовутъ меня да Илья Муромецъ,
«По отечеству да сынъ Ивановичъ.»
Собиралъ Владиміръ князь почестенъ ширь,
И па тѣхъ ли князей и па бѣяры,
И па тѣхъ ли па вельможъ да па великинъхъ,
И па рускиныхъ на славныхъ богатырей,
И па поляницъ да па удалыхъ.
Испроговоритъ Владиміръ таково слово:
— Ты повели-тко добрый молодець,
— И тому ли Соловью разбойнику,
— Засвистать ему въ пол-свиста въ пол-змѣи-
наго,

— И закричати въ пол-крика звѣрнаго.
— А ѣ пусть потѣшатся мои всѣ князи бѣяра,
— И пусть услышать всѣ вѣдь рускии богатыри,
— И тѣ ли поляницы всѣ удалыи. —

И повелѣлъ же тутъ да старыи казакъ да Илья
Муромецъ

И засвистать въ пол-свиста въ пол-змѣинаго,
И закричати въ пол-крика въ пол-звѣрнаго.
По не послушалъ татаринъ Соловей разбойникъ
Догматьевичъ,

Закричалъ во весь вѣдь крикъ да богатырскіи,
Богатырскіи да по звѣриному,

И засвисталъ во весь свистъ по змѣиному.
И всѣ народъ тотъ людюшки да испугалися,
И конь мертвые, а пны окорачъ ползуть,
Владиміръ князь стойтъ онъ и шатается.

А ѣ молоду княгиню ѣго Абраменну
И снасъ ея да жизни вѣдь доброй молодець,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ.

Тутъ ли ему да за бѣду стало,
И за великую досаду показалоси.
Выводилъ Соловья да во чисто полѣ,
Отрубилъ у него да буйцу голову,
Буйцу голову его татарскую.
И тутъ ему да Соловью славу поють.

Записано на Выгозерѣ, 16 іюля.

172.

ИВАНЪ ГОСТИННЫЙ СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 13).

Какъ отъ батюшки было отъ умнаго,
 Какъ отъ матушки да отъ разумныя,
 Зарождается чадушко безумноё,
 Что-ль по имени Иванушко Гостинпой сынъ.
 Какъ не стало у Иванушка да родна батюшко,
 И остается у Иванушка да родна матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна.
 И унимаеъ родна матушка да своего чада,
 И того ли чада милаго,
 И того ли дитятка любимаго,
 И какъ по имени Иванушка Гостинаго.
 «А гой же ты свѣтъ мое чадо непамятное!
 «И не ходи-тко чадо да на царевъ кабакъ,
 «И ты не пей-ко-сь, не кушай зелена вина,
 «И не имѣй союзъ со голями кабацкими,
 «И не связывайся чадо со жопками со курвами,
 «И со тѣма ли со дѣвками со блядками.»
 И не послушала Иванушко да своей матери,
 И онъ сталъ тутъ пить, кушати да зелено вино,
 И сталъ онъ знаться тутъ со голями кабацкими,
 И съ тѣма ли со жонками со блядками,
 И съ тѣма ли со дѣвками со курвами.
 И какъ прослышала да ёво матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна,
 И приходила тутъ ево да родна матушка,
 Приходила она да на царевъ кабакъ,
 Испроговоритъ она да таково слово!
 «А гой же вы народъ люди православныя!
 «И не видали ль вы моего да чада милаго,
 «Чада милаго дитя любимаго,
 «И что ль по имени Иванушка Гостинаго?»
 Испроговорятъ народъ да православныя:
 — А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!
 — И не видали мы твоего да чада милаго,
 — И что ль по имени Иванушка Гостинаго. —
 Испроговоритъ тутъ Офимья Александровна,
 И что ли ко тѣмъ голямъ ко кабацкимъ:
 «А гой же вы голы вы кабацкія!
 «Вы скажите-тко да гдѣ моё есть чадо милоё,
 «И чадо милоё дитя любимоё,
 «И что-ль по имени Иванушко Гостинный сынъ?
 «И за то дарю васъ златомъ серебромъ.»
 И привели тутъ голы кабацкія
 А ѣ оборванаго да добра молодца,

А ѣ что-ль по имени Иванушка Гостинаго.
 И какъ берётъ Ивана родна матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна,
 И какъ берётъ ево да за желты кудри,
 За желты кудри да за бѣлы руки,
 И за бѣлы руки да за златы перстны,
 И повела ево на прѣстанъ корабельную,
 И ко тѣмъ ли купцамъ да ко заморскимъ,
 И ко заморянамъ купцамъ да къ вавилопянамъ.
 Испроговоритъ честна вдова Офимья Александровна,
 Испроговоритъ она да таково слово:
 «А гой же вы купцы заморяна,
 «И вы заморяна купцы да ѣ вавилопяна!
 «И вы купите-тко да моего чада,
 «И моего ли купите чада милаго,
 «И чада милаго купите дитя любимаго,
 «И что-ль по имени Иванушка Гостинаго,
 «И дайте-тко за него мѣ-ка-ва пятьсотъ рублей.»
 Испроговорятъ купцы да таково слово:
 — А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!
 — И не вора ли продашь да не разбойника?—
 А ѣ отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна
 И ко тѣмъ купцамъ да ко заморянамъ,
 Ко заморянамъ купцамъ да къ вавилопянамъ:
 «И не вора продаю, да не разбойника,
 «А моего ли продаю да чада милаго,
 «И что-ль по имени Иванушка Гостинаго.»
 А ѣ отвѣтъ держитъ да добрый молодець,
 И что ль Иванушко Гостинпой сынъ,
 И ко тѣмъ купцамъ да ко заморянамъ,
 Ко заморянамъ купцамъ да къ вавилопянамъ:
 — И не жалѣйте-тко вы да цѣлой тысящи,
 — И что было бы мой матушкѣ
 — И до гробной доски еѣ да не скитатися. —
 И тутъ пролилъ горючія слезы добрый молодець,
 И въ слезахъ-то добрый молодець слово повыволвилъ:
 — И ты прощай-ко-сь прощай да родна матушка,
 — И какъ честна вдова Офимья Александровна,
 — И по писаному была да родна матушка,
 — А ѣ по житью бытью да змѣя лютая. —
 И тутъ простилася да родна матушка,
 А какъ простилася она да съ любимымъ сыномъ,
 Съ любимымъ сыномъ да со Иванушкомъ.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

173.

СОРОКЪ КАЛКЪ.

Изъ того-ли изъ города изъ Мурома,
 Изъ того-ли села изъ Карачаева,
 А изъ того-ль скита да изъ Ефимьина,
 А изъ той-ли пустыни богомолены,
 Выходило соробъ калкъ да добрыхъ молодцовъ,
 Выходило соробъ калкъ да со калкою.
 Выходили онѣ да во чисто полѣ,
 Становилися калкушки да во зеленой лугъ,
 Во зеленой лугъ да во единой кругъ,
 И тынули калкушки коньцо да во сыру землю,
 И на коньца положили они сумочки,
 А и сумочки ты были у нихъ да рита бархату.
 И стали они думать думу заединую:
 «Мы куда поидемъ братці калкушки да куда
 путь держимъ?»
 «И кто изъ насъ братці калкушки буде атаманъ
 большой?»
 «Молодой Михайлушка Романовичъ да атаманъ
 большой.»
 И стали они думать думу заединую.
 «Мы поидемъ братці ребятушки во славный
 Ерусалимъ градъ,
 «И ко гробу Господнему да помолитися,
 «И ко честнымъ мощамъ да причаститися,
 «И во Ерданъ рѣки да покупатися,
 «И во плакупъ травы да покататися.
 «Кто изъ насъ убьетъ, или украдетъ-ли,
 «Или по русскому сказать — какъ сдѣлать тяж-
 кій блудный грѣхъ,
 «И того казнить вѣдь казнию калкою,
 «И жива конать да по грудямъ въ сыру землю.»
 И думали тутъ добры молодцы, да и пошли во
 чисто поле,
 И во славный Кіевъ градъ,
 Ко ласкову ко солнышку Владиміру.
 Не дошедши до города до Кіева,
 На пути попалъ солнышко Владиміръ князь
 стольне-кіевскій,
 Онѣ бьютъ челомъ да о сыру землю,
 И они бьютъ челомъ да низко кланяются:
 «И здравствуй ласковое солнышко Владиміръ
 князь,
 «Что-ль Владиміръ князь да стольне-кіевскій,
 «Стольне-кіевскій славно-владимірскій!

«И ты подай-ко намъ Владиміръ князь мило-
 стню,
 «Ты подай-ко-сь намъ каликамъ переходимъ,
 «И ты подай-косъ намъ по гривнѣ злotoй,
 «И что было бы пройти въ славный Еросолимъ
 градъ,
 «И ко гробу Господнему да помолитися,
 «И ко святымъ мощамъ да причаститися,
 «И во Ерданъ рѣкѣ да покупатися,
 «И во плакупъ-травѣ да покататися.»
 Подаде Владиміръ князь по гривнѣ злotoй,
 Пснроговоритъ самъ да таково слово:
 — А гой же вы соробъ калкъ да добрыхъ мо-
 лодцовъ,
 — И соробъ сильныхъ могучихъ богатырей!
 — Вы идите-тко добры молодцы во славныя во
 Кіевъ градъ,
 — Ко молодой мойей жены къ Абракснны.
 — И пусть примѣтъ она калкъ со честію,
 — И пусть поитъ, кормитъ, и съ честію спать
 приметъ. —
 И бьютъ челомъ калки о сырой земли,
 И бьютъ калкушки да низко кланяются,
 И самъ путь держать ко городу ко Кіеву,
 И къ молодой княгинѣ ко Абраксннѣ,
 Какъ вступили жъ только въ славный Кіевъ градъ,
 Идутъ они во тѣ полаты бѣлокаменны,
 И къ молодой княгинѣ ко Абракснны,
 И они бьютъ челомъ да до сырой земли,
 И отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра,
 И отъ Абракснны супруга отъ законнаго.
 Пснроговорятъ калки таково слово:
 «А гой же ты Абраксина да молода жена!
 «И ты накорми калкъ, напой, да спать прими.»
 Посадила Абраксина калкъ за столички дубовыи
 И за тѣя-ли за скатерѣдочки за браныя.
 И всѣ калки за столомъ да наѣдалися,
 И всѣ калкушки да за столомъ и напивалися,
 Но и всѣ калкушки да на спокоей пошли,
 Какъ единъ остается калчій атаманъ большой.
 И молодой Михайлушка Романовичъ.
 Прельстилась въ Михайлушку молода жена Абрак-
 сина,
 И стала просить его къ себѣ да на кроватичку.
 — И ты пожалуй-ко да доброй молодецъ,
 — Молодой Михайлушко Романовичъ!
 — А не угодно-ли тебѣ да почевать со мной,
 — А и почевать со мной да и позабавитися?
 Пснроговоритъ калчій атаманъ большой,
 Молодой Михайлушка Романовичъ:
 «Вѣдь у насъ положена какъ заповѣдь великаи

«А ѿ великая тутъ заповѣдь калицкая:
 «Кто изъ насъ убьетъ, или украдетъ-ли,
 «Или по русскому сказать — какъ сдѣлать тяж-
 кій блудный грѣхъ, —
 «Того казнить вѣдь казню калицкою,
 «И жива конать да по грудямъ въ сыру землю.»
 Но вѣдь въ томъ тутъ добра молодца да приза-
 мѣтили,
 И тѣ ли калики да его товарищи,
 И сконали его по грудямъ во сыру землю.
 И они путь держатъ каликушки да во славный
 Ерусалимъ градъ,
 Что-ли ко гробу Господнему да помолитися,
 Что-ли ко святымъ мощамъ да причаститися,
 И во Ердань рѣкѣ да покупатися,
 И во плакунь-травѣ да покаталися,
 Пришли они во славнѣе во Еросолимъ градъ,
 И ко гробу Господнему да помолилися,
 И ко честнымъ мощамъ да причастилися,
 И во Ердань рѣкѣ да покупалися,
 И во плакунь-травѣ да покаталися.
 И они взадь тутъ путь держать-то сорокъ ка-
 лнхъ да добрыхъ молодецвъ.
 Какъ дошли до славнаго до града Кіева,
 И до ласкова солнышка да до Владимира,
 И посмотрѣли они мѡлода Михайлушка Рома-
 нова,
 И свосего-ли калицкаго да атаманъ-больша.
 И какъ оббзрили тутъ калицкаго да атаманъ-
 больша,
 И мѡлода Михайлушку Романовича,
 И веѣ-ль тутъ каликушки да удивились,
 И какъ живой есть тутъ калицій атаманъ-большой,
 И мѡлодїй Михайлушка Романовичъ,
 И тутъ у калицкаго атаманъ-больша,
 Да веѣ каликушки простилися,
 И какъ избавили Михайлушку да изъ неволюшки.
 И они путь держать да добрыя мѡлодцы,
 И они путь держать да во свои мѣста.

Записано тамъ же. 16 іюля.

174.

САДКО.

И бился Садко купецъ да о великъ закладъ,
 И не о ста рубляхъ онъ бился не о тысящи,
 И о своей онъ бился о буйной головушкѣ,
 И что изъ Новѡграда товарушки повикушнть,

И какъ на желты пески товарушки повыкатить,
 На черны бѡрабли товарушки повыгрузить.
 И началъ Садко купецъ богатя,
 И началъ товарушки выкупливать,
 И на желты пески товарушки выкатывать,
 И на черны бѡрабли товаръ повыгрузить.
 И не могъ Садко купецъ богатя,
 Столько откушнть да одного мѡлока прѣсна,
 Но и въ каждый день на славушку привозать по
 два разъ.
 И видитъ тутъ Садко купецъ богатя,
 И видитъ да что бѣда пришла и неминуема.
 И нагрузилъ Садко купецъ богатя,
 И нагрузилъ веѣ бѡрабли черленыя,
 И отпраляется Садко во синне море,
 Во синне морѣ да во солоноѡ.
 Какъ услышалъ князь да повгородскїя,
 Онъ въ догонъ послалъ за Садкомъ купцомъ бо-
 гатрымъ,
 Какъ догнать Садка купца богатаго,
 Привести Садка да предъ моѡ лицо,
 На то-ль судьбище да на страшное.
 И скоро догоняли слуги вѣрныя,
 Слуги вѣрныя и безызмѣнныя,
 И хочуть только схватить Садка купца бога-
 таго.
 А ѿ видитъ Садко купецъ богатя,
 Какъ бѣда пришла да неминуема,
 И беретъ Садко купецъ богатя,
 И беретъ гусельшка звончатя,
 И бросился Садко купецъ богатя,
 Да во синнѡ море да во солоное.
 И тамъ сымалъ поддонный князь Садка купца
 богатаго,
 Ведеть Садка во полаты бѣлокаменны
 Испроговорнть тутъ поддонный князь да таково
 слово:
 «А гой же ты Садко купецъ богатя!
 «И ты выиграй-ко во гусельшки звончатя,
 «И ты спотѣши, спотѣши меня князя поддоннаго.»
 И началъ Садко купецъ богатя,
 И началъ онъ въ гусельшка выигривать.
 И игралъ Садко купецъ богатя,
 И онъ игралъ въ гусельшка да трѡп суточкы,
 И тутъ поддонный князь да распотѣшился,
 Какъ синнѡ-то море всколыбалося,
 Черны бѡрабли вѣдь въ мори веѣ разрушались,
 И много тутъ погинуло напрасныхъ душъ,
 Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
 И на четвертыя на суточкы
 Новалился спать Садко купецъ богатя,

И какъ во снѣ кажется Садку купцу богатому
 Что-ли пришла къ нему да Богородица,
 Испроговорить ему да таково слово:
 — Ты гой же Садко купецъ богатый!
 — И ты почто игралъ въ гусельника звончатя,
 — И спотѣшалъ вѣдь ты Садко князя поддопного?
 — И какъ поддопный князь да воспотѣшился,
 — И въ тое время снѣ море всколыбалоси,
 — И черны кáрабли да разрушалоси,
 — И много погнбало тутъ напрасныхъ душъ,
 — Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
 — И ты сорви, сорви струны да у гусельниковъ,
 — Ты Садко что-ли купецъ богатый,
 — И за то дарить будеть тебя да златомъ серебромъ,
 — И дарить будеть камнемъ да драгоцѣннымъ, —
 — Не бери-тко, не бери да злата серебра,
 — Не бери-тко камней да драгоцѣнныхъ,
 — И попроси себѣ невѣсту пареченую.
 — И приведетъ онъ сорокъ дѣвицъ да со дѣвицею,
 — И выбирай себѣ Садко купецъ да ты богатя,
 — И выбирай себѣ которой хуже пѣтъ,
 — И которой хуже пѣтъ, коей чернѣе пѣтъ. —
 И восприяуль Садко купецъ богатя
 И онъ отъ крѣпка сна да безпробуднаго.
 И онъ во страхѣ бысть да во великосмѣ,
 И онъ сорвалъ да струпочки звончатя.
 Приходитъ тутъ къ Садку поддопный князь,
 И повелѣтъ (такъ) играть въ гусельника звончатя.

Испроговорить Садко купецъ богатя:
 «А гой же ты поддопный князь!
 «Какъ нельзя выиграть въ гусельника звончатя,
 «И какъ гусельника у меня да потравилоси,
 «И сорвалоси струпочки звончатя.»

Испроговорить поддопный князь да таково слово:
 — Ай же ты Садко купецъ богатый!
 — Ты за то бери съ меня да злата серебра,
 — И ты еще бери-тко каменьевъ да драгоцѣнныхъ. —

Испроговорить Садко да таково слово:
 «А ѿ же ты поддопный князь да что-ль великїя!
 «А ѿ не надо мнѣ-ка-ва да злата серебра,
 «И не надо мнѣ-ка камня да драгоцѣннаго,
 «И столько дай-ко-сь мнѣ невѣсту пареченую,
 «Я здѣсь у тебя хочу жениться.»

И приводилъ поддопный князь сорокъ дѣвицъ да со дѣвицею,
 И выбиралъ Садко купецъ богатя,

И выбиралъ себѣ невѣсту пареченую,
 И выбрасть дѣвицу коей хуже пѣтъ,
 И коей хуже пѣтъ, коей чернѣе пѣтъ.
 И тутъ Садко купецъ богатый,
 Началъ Садко купецъ жениться.
 Всѣ прошли у него да столованїя,
 И отвели Садка купца богатаго,
 Со своей-ли со невѣстой пареченою,
 И повалился спать Садко купецъ богатя,
 И оханїлъ Садко купецъ богатя
 Опъ тую-ли невѣсту пареченую.
 И увидалъ Садко купецъ богатя,
 И увидалъ онъ тутъ что я въ воды лежу,
 Въ воды лежу я на берегу да во своей рѣкѣ.
 И увидалъ Садко купецъ богатя
 И что-ль свои полаты бѣлокаменны,
 И выходилъ Садко купецъ богатя,
 И прославлялъ пречисту Богородицу,
 И что избавила меня да отъ погнбелл,
 И отъ погнбелл да отъ напрасныхъ.

Записано тамъ же, 16 іюля.

175.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ подъ славную да каменну Москву
 И бысть панущенїе великос
 И на грознаго царя Ивана Васильевича.
 Изъ шной земли, изъ золотой орды,
 Наѣзжасть молодой нахвальщикъ,
 И со той ли со силой невѣрною,
 И со тѣмъ ли со войскомъ со татарскимъ.
 А ѿ самъ онъ мѣлодїй нахвальщикъ похваляется:
 «А я всю землю русскую наскрозъ пройду,
 «И каменну Москву я въ плѣнъ возьму.»

И какъ услышалъ эту похвалу
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Призываетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Своихъ трехъ сыновъ любимыхъ,
 Испроговорить да таково слово:
 — А гой же вы мои дѣточки любимыя!
 — И вы берите-тко золотой казны да сколько
 надобно,
 — И вы берите-тко войска сколько надобно,
 — Поѣзжайте вы да во чисто поле,
 — И поразите вы мѣлода нахвальщика. —
 И принимаютъ тутъ дѣти царскїя,
 И что ль за тое ли за дѣло ратное.

И собираютъ войска полки великіе,
 И отправляются они да во чисто поле.
 И наказываетъ имъ да родной батюшко,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 — Вы пойдете вѣдь дѣти во чисто поле,
 — Станете бить рубить вы силу на выпашку,
 — И не оставляйте на улици ни курици;
 — И на воротахъ вы кровью подписывай,
 — Какъ плѣнены эти улици Осдоромъ царевичемъ,
 — Какъ плѣнены эти улици Василіемъ Ивановичемъ. —

Выѣзжаютъ добры молодцы во чисто поле,
 И начали сражаться супротивъ войска псевѣрнаго,
 И начали рубить тутъ силу татарскую,
 И не оставляютъ на улици ни курици,
 На воротахъ они кровью подписывать:
 Какъ плѣнены эти улици Василіемъ царевичемъ.
 И какъ увидѣлъ Василій царевичъ падъ своимъ братомъ,
 А что дѣласть мой братъ родной измѣни великую;
 И побѣдили они тутъ все войско татарское.
 И какъ ѣдутъ они съ побѣдой въ камешну Москву,
 И бьютъ челомъ да своему родиму отцу,
 И бьютъ челомъ ему да до сырой земли:
 «Какъ съ побѣдою тебѣ нашъ Грозный царь,
 «Много лѣтно здравствовать тебѣ Васильевичъ!»
 А и тутъ вѣдь грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Какъ беретъ своихъ онъ трехъ сыновъ,
 За бѣлы руки да за златы перстни,
 И онъ цѣлуетъ ихъ да во уста во сахарныи.
 И какъ садилъ онъ ихъ за столыки да за кленовыи,
 И за тѣя ли за скатерти за бѣлобранныи,
 И начинается у Грознаго почестной пиръ.
 Веѣ ли на пиру сидятъ да полны веселы,
 Веѣ на пиру да напивались,
 Еще какъ веѣ на пиру да наѣдались,
 И веѣ на пиру да порасхвастались.
 И чтоль похвалялъ грозный царь своей зацитою.
 — Какъ повыведу измѣнишку-ту я изъ Кіева,
 — И повыведу измѣни изъ Чернигова,
 — Не повыведу измѣнишку да съ каменной Москвы. —

Испроговорить его да родной сынъ,
 А и родной сынъ Василей царевичъ младъ:
 «А и не повывести измѣнишки будетъ изъ Кіева,

«И не повывести измѣны изъ Чернигова,
 «И не повывести измѣны съ каменной Москвы.
 «Ужъ какъ первая измѣна за столомъ сидитъ,
 «Изъ одной она чашечки ѣсть и пьеть,
 «И платице-то носить одного сукна,
 «Одного сукна да одного швеца.
 «Ужъ какъ на брата сказать, такъ брата жаль,
 «А какъ по брати сказать — себѣ напрасна смерть.»

Какъ скричалъ слычалъ да громнымъ голосомъ
 И грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 — А и гои же вы сорокъ палачовъ да пеню-словныхъ!
 — И вы возьмите скоро моего сына,
 — И чтоль того ли Осдора царевича,
 — И вы ведите-тко-сь на поле на куликово,
 — И что на тую лягу на кровавую,
 — И что на тую ли на плаху на дубовую,
 — И отсѣйте-тко у него по плечъ да буйну голову,
 — И положите его да буйну голову
 — И что на тое ли на коньце на вострое,
 — И принесите его да буйну голову,
 — И супротиво моихъ палатъ да бѣлокаменныхъ,
 — И супротиво ли окошечка косявчета,
 — И супротиво ли моего зеркала хрустальнаго. —

И какъ услышала его да родна матушка,
 И честна царица Омельфа Тимоѣевна.
 И какъ не кукушка по городу прорыскала,
 И что ль царица скоро по городу пробѣжала,
 И ко тому ли братцу къ двуродному,
 И ко тому ли ко Шкипушку Романову.
 Приходила она во гридни свѣтлыи,
 А и она крестъ-то кладѣтъ да по писаному,
 И поклонъ тотъ ведетъ да по учёному.
 «И тебѣ хлѣбъ да соль да добрый молодець,
 «И мой ли ты вѣдь братецъ двуродимыи!
 «Ѣшь ты пьешь да проклаждаешься,
 «И надъ собой же ты незгодунки не вѣдаешь.
 «Какъ укатается изъ глазъ да красно солнышко,
 «Увозятъ у меня да чада милого,
 «И твоего ли племянника любимаго,
 «А и на тое ли болото на куликово,
 «И что ль на тую ли на плаху на дубовую,
 «И какъ на тую ли на лягу на кровавую,
 «И хочутъ отрубить по плечъ да буйну голову.»

Чуть ли выслушалъ глаголы сестры двуродныи,
 И поскорешенько Шкипа спаряжается,
 Посмѣлешенько Романовичъ да отправляется,
 А и обуваетъ онъ чеботники да на босу ногу,
 И кунью шубоньку бросаетъ на одно плечо,

И турью паночку метаетъ на одно ухо,
И выходилъ Никитушка да на конюшенъ дворъ,
И чтоль беретъ Никитушка уздечнику тесмяную,
А ѿ выбираетъ Никитушка коня да чтоль не ѿ-
жана,

А ѿ отправляется Никита во чисто поле.
Столько видѣли добра молодца вѣдь сядучись,
И какъ не видѣли Никитушки поѣдучи.
Въ чистомъ поли да курева стоитъ,
Куда падають коньята лошадиныи,
И тутъ становятся колодцы ключевой воды,
А кой поспѣлъ уйти дакъ того Богъ унесъ,
А кой не поспѣлъ уйти, того конемъ топталъ.
И прѣѣзжаетъ Никита въ поле куликово,
И закричалъ Никита громкимъ голосомъ:
— А ѿ ты стой-жо-сь палачъ да немилосливый,
— А ѿ ты маленькой Милутошка Шкуратьевичъ!
— Ну жъ ты съѣшь кусокъ да самъ подавишься.—
А ѿ выпадаетъ сабля со правой руки,
А ѿ у того ли палача да немилослива.
И отрубилъ у палача да буйну голову,
И чтоль положилъ его да буйну голову,
И тутъ принесть его да буйну голову
И сопротивъ полать да бѣлокаменныхъ,
И сопротиво ли окошечка косявчета,
А ѿ сопротиво ли то зеркала хрустальнаго.
И вѣдь тутъ какъ грозный царь да занечалилсо.
Занечалилсо царь да закручинилсо.
Подаетъ сигналъ онъ по всѣй Москвы,
Чтобы сбиралнсь народъ да православныи,
И поминать его да чада милаго,
И одѣли бы они платьѣ печальнойё.
И какъ собралнсь народъ люди православныи,
И приходили народъ да во Божью церкву,
И приходили они во томъ ли платьѣ во ональноёмъ,
Какъ Никитушка Романовичъ прѣѣхалъ въ платьѣ
драгоцѣнноемъ,

И за собой привезъ онъ ёго чада милаго,
И самъ ставовился онъ да супротивъ царя,
А племяшка поставилъ позади себя.
Испроговорить да таково слово
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А гой же ты старцице удалцице
«И ты Никитушка Романовичъ:
«Развѣ ты надо мной да надсмѣхасиши,
«Какъ пришелъ ты да во Божью церкву,
«И какъ пришелъ ты въ платьѣ драгоцѣнноемъ?
«Весь народъ то люди въ платьѣцѣ ональноёмъ.»
Испроговорить Никита таково слово:
— А гой же ты грозный царь Иванъ Василье-
вичъ!

— Есть ли грѣшнику да тамъ прощеніе,
— А ѿ вповатому да покаяніе? —
«И какъ простилъ бы я, да того негдѣ взять.»
И подаетъ тутъ въ руки грозному царю Ивану
Васильевичу

Своего ль ему да чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
И что ль того ли Федора царица,
И какъ беретъ онъ чада за бѣлы руки,
За бѣлы руки да за златы перстни,
Цѣлуетъ его во уста да во сахарныи.
Испроговорить Никита таково слово:
«А гой же ты старикъ Никитушка Романовичъ!
«Ты бери-тко-сь отъ меня да каменя драгоцѣн-
наго,
«И города ты бери съ пригородками,
«И села ты бери да чтоль съ приселками,
«И ты бери деревни со крестьянами.»
Испроговорить Никита таково слово:
— И мнѣ не надо твой да золотой казни,
— И мнѣ не надо твоего да каменя драгоцѣн-
наго,
— И не надъ (такъ) твоихъ градѣвъ да съ при-
городками,
— И не надо мнѣ твоихъ селъ да со приселками,
— И не надо мнѣ-ка-ва деревѣвъ да со крестья-
нами,
— Только дай-ко мнѣ-ка-ва Грозный царь Иванъ
Васильевичъ,
— Дай-ко-сь мнѣ ты свою отчину. —
И кто что сдѣлалъ и сбѣжитъ, такъ того Богъ
упѣсь.

Записано тамъ же, 17 іюля.

—
176.

БРАТЪЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

(См. Рыбинкова, т. IV, 19.)

Какъ у вдовушки было у нащцы,
Какъ девять сынковъ да однака дочь.
Какъ девять сынковъ да возростать стали,
Возростать стали да вдругъ повьросли.
И вдругъ повьросли да во разбой пошли,
Однаку дочь да замужъ выдали,
И чтоль за славной да за синѣ море,
И за того купца да за богатаго.
«Ужъ я годъ жила да не стоснуласяи,
«Я другой жила да въ умн не было,

«И я на третій годъ да стосковалася,
 «И чтоль у свекрушка да подавалася,
 «И у свекровушки да доложиласи,
 «Съ мужемъ сдумали, вдвоѣ поѣхали,
 «Чтоль за славной за синѣ морѣ,
 «За синѣ морѣ да за солоное.»
 Какъ среди моря да среди сняго,
 Что ль не туценки да призатемнили,
 И не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
 Призатемнѣли черны караблн,
 А ѣ призабѣлѣли да тонки парусы.
 Чтоль наѣхало девять разбойниковъ,
 И у младой жены мужá потрѣбили,
 И чтоль младенчика да въ море спúстили,
 И молоду вдову да прибезчестили.
 Всѣ разбойники спать улягутся,
 И одному жъ разбойнику не поспалось,
 И не поспалось да призадумалось,
 И опъ началъ тутъ вдовушку выпрашивать,
 И началъ у вдовушки вывѣдывать:
 — И ты скажи, скажи, ты скáжись, вдовушка,
 — И ты цѣго роду и цѣго племени,
 — И ты цѣго отца да цѣе матерн?
 — Еще какъ тебя да именемъ зовутъ,
 — Звеличаютъ тебя да по отечеству? —
 И чтоль отвѣтъ дѣржитъ да молода вдова:
 «Ужъ я есть-то роду сама мѣньшого,
 «Ужъ я есть-то рода вдовки нашицы
 «И какъ у вдовушки было у нашицы,
 «И чтоль девять сыновъ было одинака дочь.
 «И какъ девять сыновъ да возростать стали,
 «Возростать сталн да вдругъ повыросли,
 «И вдругъ повыросли да во разбой пошли,
 «И чтоль меня одну за мужъ выдали,
 «И какъ за славной да за синѣ море
 «И за того кунца да за богатаго.
 «Ужъ я годъ то жила да не стоснуласи,
 «И другой жила да въ умн не было,
 «Я на третій годъ да стосковаласи,
 «Я у свѣкрушка да подаваласи,
 «У свекровушки да доложиласи.
 «Двое здумали, съ мужомъ поѣхали,
 «Чтоль за славной да за синѣ морѣ
 «И ко свѣей ли ко родной матушкѣ.
 «Чтоль среди моря да среди сняго,
 «И какъ не туценки призатемнѣли,
 «И не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
 «Призатемнѣли вѣдъ черны караблн,
 «А ѣ призабѣлѣли да тонки парусы.»
 А ѣ все то выслушалъ да тотъ разбойничекъ,
 И опъ вскричалъ слычалъ да зычнымъ голосомъ:

— И вы ставайте-тко да братья родныи!
 — Своего ли зятя мы потрѣбили,
 — Родна племянника да въ море спустили,
 — Родиму сестру да прибезчестили. —
 И всѣ разбойники да пробудилися
 И всѣ разбойники да устрашилися,
 И у родной сестры они простилися:
 «И ты прости, прости да сестра родная,
 «И ты во всемъ прости и ты помилуй насъ!»

Записано тамъ же, 16 юли.

177.

ГОРЕ.

И какъ отъ батюшка было отъ умнаго,
 И отъ матушки да отъ розумной,
 Зародилоси чадушко безумной,
 Безумной чадо перазумной.
 И унимаеть тутъ чадушко родна матушка:
 «И не ходи-тко чадо на царевъ кабакъ,
 «И не пей-ко-сь чадо да зелена вина,
 «И не имѣй суюзъ со голями кабацкими,
 «И не знайся ты чадо со жонками со блядками,
 «И что ли со тѣма со дѣвками со курвами.»
 И не послышалъ тутъ чадо родной матушки.
 И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ ка-
 бакъ,
 И сталъ тутъ нити кушати да зелена вина,
 И сталъ знаться чадо съ голями кабацкими,
 И суюзъ имѣть сталъ съ жонками со блядками,
 А ѣ со тѣма ли-то со дѣвками со курвами.
 А ѣ тутъ вѣдъ къ добру молодцу да Горе привязалоси,
 Какъ молодець со Горюшка да въ козакн по-
 шоль,
 Еще Горе вслѣдъ да топорн несеть,
 Топоры несеть само приговаривать:
 — И ты постой-ко-сь не ушоль да добрый моло-
 дець,
 — И не на часъ къ тебѣ я Горе привязалоси.—
 И молодець со Горюшка да во солдатушки.
 А еще Горе вслѣдъ да оружѣ несеть,
 А ѣ оружѣ несеть само выговаривать:
 — И ты постой-ко-сь не ушоль да добрый моло-
 дець,
 — И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси.—
 И молодець со Горюшка да во быстру рѣку.
 А ѣ Горе вслѣдъ да неводá несеть,

И псводá несетъ да выговаривать:
 — И ты постоя-ко-сь не ушелъ да добрый молодець,
 — И не па часть я къ тебѣ Горе привязалоси.—
 И молодець-то со Горюшка да па синѣ море.
 Еще Горе велѣдъ да гоголѣмъ пловѣтъ,
 И гоголѣмъ пловѣтъ да выговаривать:
 — И ты постоя-ко-сь не ушелъ да добрый молодець,
 — И не па часть я къ тебѣ Горе привязалоси.—
 И молодець-то со Горюшка да во синѣ морѣ.
 А ѣ тутъ-то Горе сѣло вѣдъ па бѣлюю грудь,
 И стало Горюшко да слезно плакати.
 — И тебѣ спасибо добрый молодець,
 — И какъ умѣлъ па сѣмъ свѣтѣ Горѣ номыкати!—
 А ѣ тутъ па вѣкъ Горе розставалоси,
 И со удаленькимъ да добрымъ молодцемъ.

Записано тамъ же, 11 іюля.

—
 XXXII.

Ө. ЗАХАРОВЪ.

Өедоръ Захаровъ, крестьянинъ съ Выгозера, подъ пятьдесятъ лѣтъ, земледѣлецъ; выучился былнпамъ отъ забѣжнхъ людей; пость «головосомъ» былины про Ивана Гордиповича, Батыгу и королевичей изъ Крякова; прочнхъ не умѣеть пѣтъ, а разеказываетъ ихъ словами, съ сохраненіемъ однако стихотворнаго склада.

—
 178.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

А ѣ во городѣ было во Кіевѣ,
 А явилоси чудо песьляхоп,
 Паѣхало Идолищо поганое,
 Ростомъ Идолищо трехъ аршинъ,
 Межъ глазами у него пнда мѣрпал,
 Глаза у него какъ чаши пивныи,
 Онъ сидитъ, ѣтъ да пьетъ, прокладѣтсѣ,
 Надъ Владиміромъ княземъ похваляетсѣ:
 «Я Кіевъ градъ ванъ въ полопъ возьму,
 «А Божьи церевы всѣ па дымъ слущу,
 «Князей боярѣ всѣхъ новырублю.»
 А на ту пору да нá то времечко,
 Старый казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Онъ является Илья да ко Владиміру.
 Испроговоритъ Идолищо поганое:
 «Это кто пришелъ у васъ, какой пастухъ?»
 — Это старый казакъ Илья Муромецъ. —
 Испроговоритъ Идолищо поганое:
 «Онъ много-ль ѣтъ, да много-ль кушаетъ?»
 А отвѣчатъ ему Илья Муромецъ:
 — А колачикъ сѣмъ, дрúгой хочетсѣ.
 — А дрúгой сѣмъ, съ тóго ситъ живу. —
 «А я то Идолищо поганое,
 «Я по хлѣбу кладу за щеку,
 «А по дрúтому кладу я за другую,
 «Дебедь бѣлюю па закусочку,
 «Ведро мѣрпое да па зашпвочку.»
 Испроговоритъ тутъ Илья Муромецъ:
 — Какъ у моего было у батюшка
 — Большобрюхая корбвищо обжорищо,
 — Она много ѣла пїла, — да н лоннула. —
 Таковó слово ему за гпѣвъ пало.
 Онъ бросилъ пожнщомъ книжалищомъ
 Во стараго казака Илью Муромца.
 Его пожнкъ Илья кляухой отвелъ,
 Не попало въ Илью Муромца,
 А попало въ прндвернну со дѣрjami.
 Вышнбло прндвернну со дѣрjami.
 И того Илья не устращаетсѣ,
 А стонтъ Илья да ѣ усмѣхаетсѣ.
 Самъ говоритъ таково слово:
 — Не честь не хвала молодецкая,
 — Окровавитъ полата книженецкая,
 — А повывести Идолища па крылечико. —
 И бралъ тутъ его за желтї кудри,
 За желтї кудри да за бѣлы руки,
 Выводилъ его изъ полаты вопъ.
 Говорилъ Илья таково слово:
 — Не честь будѣ хвала молодецкая,
 — Окровавитъ крылечко княженецкое,
 — Лучше вывести татарина па шїрокъ дворъ. —
 Подпнмалъ его да выше головы,
 Ударилъ его о сырú землю,
 Розбилъ его всего въ дребезги.
 Тутъ среди стола бѣлодубова
 Только Идолище живъ быналъ,
 Только поганое Кіевъ бралъ;
 А вся честь хвала Илья Муромцу.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

179.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

А ѿ у насъ было въ городи Києви,
 У ласкова князя у Владиміра,
 Завелся зачался почестень пиръ
 На мпоги на князя на бояра.
 И па руски поляницы удалця.
 И самъ тутъ Владиміръ весель былъ,
 Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово:
 «У насъ вси молодци были женены,
 «А племянничекъ Иванушко Гординовичъ
 «Онъ холостъ ходилъ и неженатъ гулялъ.
 «Поѣзжай ты, Иванушко, женилися,
 «Сколько надобно бери золотой казны,
 «Или несчетныя силушки великія.»
 Испроговорить Иванушко Гординовичъ:
 — Свѣтъ государь ты мой дядюшка,
 — Солнышко Владиміръ стольнѣ-кїевскій!
 — Миѣ не надо твоей золотой казны,
 — Миѣ не надо твоей силы несмѣтныя.
 — Только дай миѣ три коня что ни лучшиихъ,
 — Еще три молодца избранихъ.
 — Во-первыхъ дай Добрыню Никитича,
 — Во другихъ дай Алешу Поповича,
 — Во третьихъ Исака Петровича.
 — У мѣня есть теперь невѣста новибрана,
 — А во этомъ городи Черниговѣ,
 — У Митрія купца у богатаго,
 — Есть душечка Настасья Митріївична,
 — Всѣмъ то Настасьюшка добрымъ добра,
 — И тѣломъ Настасья быдто снѣгъ бѣла.
 — У ей бровушки были черна соболя,
 — У ней очушки были ясна сокола,
 — Походочка у ней была павиная,
 — Разговорушки были лебедныя. —
 А ѿ садилси молодци поѣхали
 Ко этому городу Чернигову,
 Ко Митрію купцу ко торговому.
 Только видѣли молодцевъ сѣдучи,
 А не видѣли удалцихъ поѣдучи.
 И не путемъ они ѣдутъ не дорогою,
 Прямо ѣдутъ черезъ стѣну городовую.
 Увидѣлъ тутъ Митрѣй торговый гость,
 Скоро выбѣжалъ Митрѣй на шірокъ дворъ,
 Во ѡднихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
 И въ ѡдной рубашкѣ безъ шубоньки,
 Принимаетъ гостей да ѿ ѿдучаетъ.
 «Ай же вы удалци молодци!
 «Вы чего сюда теперь пріѣхали?»
 — А пріѣхали посвататся

— На твоей ли любимой па дочери,
 — А ѿ на этой Настасѣ Митріївичной.
 — Есть ли волей не дашь, мы боѣмъ возьмѣмъ.
 Испроговорить купецъ имъ богатыи:
 «Ай же вы удалци добры молодци!
 «У мѣня за три годы Настасьюшка просватана
 «За того царя за Коцерица,
 «А вы возьмите увезите, вамъ Богъ подастъ.»
 Брали удалци молодци
 Душечку Настасью Митріївичну,
 Посадили еѣ на добра коня,
 Повезли еѣ ко городу Києву,
 И ко ласкову князю Владиміру.
 Не доѣдучи до города Києва,
 Попало на лѣсу три слѣдочника.
 И первый слѣдъ левѣ звѣря,
 А дрúгой слѣдъ лани бѣлѣя,
 А третій слѣдъ черной купочки.
 Тутъ Добрынюшка поѣхалъ за левымъ-звѣрѣмъ.
 А Олешенька за ланью за бѣлою,
 А Исакъ Петровичъ за куночкой черною,
 А Иванушка Гординовичъ
 Отдыхалъ онъ съ Настасьей во бѣломъ шатрѣ.
 Наѣзжаетъ тутъ царицу Коцерицу,
 И говорилъ тутъ царицу таково слово:
 — Ай же ты Иванушко Гординовичъ!
 — Ты почто увезъ невѣсту обрученую,
 — Обрученую Настасью за три года.
 — А ужъ мы стадемъ-ко кидать теперь жеребѣй,
 — Будемъ пробовать мы силу молодецкую. —
 И бросилъ тутъ Иванушко Гординовичъ
 Царица Коцерица о землю,
 И садился ему на бѣлу грудь,
 Садился Иванъ да выговаривалъ:
 «Ужъ ты душечка Настасья Митріївична!
 «Ты подай пожичицу книжалицу,
 «Роспорю я теперичу татарску грудь.»
 А ѿ возмолится царицу Коцерицу:
 — Ужъ ты душечка Настасья Митріївична!
 — Не подай пожичица книжалица,
 — А возми-тко Иванушка за кудри,
 — А спиши-тко съ меня ѣго на землю.
 — За мной будешь жить, дакъ царицей слыть,
 — А за Иваномъ жить, бабой портомойницей. —
 А у дуры у бабы волоса долги,
 Волоса долга да дума коротка.
 Она взяла Иванушка за кудри,
 А склонила его да па сыру землю,
 Исправилъ царицу Коцерицу.
 Нарвали они да ковыль травы,
 Привязали Ивана ко сыру дубу,

Ко сыру дубу да на ковыль траву.
 Сѣрой дубъ погибается,
 А ковыль трава не порывается.
 А на ту пору да на то времечко
 Прилетѣло два малыхъ два сизыхъ голуба,
 Прилетѣли надъ Иванушкомъ вѣркали:
 «За что эта головушка привязана,
 «Привязана головушка прикована?
 «Ради дѣвки ради дурница.»
 А ѣ ты слова царю да не влюбились,
 Онъ беретъ тутъ Иванушковъ тѣгой лукъ,
 Накладываетъ Иванову калену стрѣлу,
 Направляетъ во малыхъ голубовъ.
 А возмолится Иванъ у сыра дуба:
 — Ужъ ты батюшко мой тѣгой лукъ,
 — Матушка да калепá стрѣла,
 — Не пади стрѣла не нá воду,
 — Не пади стрѣла ты ѣ не нá землю,
 — А воротись ко татарину во бѣлу грудь. —
 По егò словамъ тутъ случилоси,
 Калепá стрѣла да воротиласи,
 И вышибла сердце со печенюю.
 А ѣ заплакала Настасья Митріевнча,
 А отъ óдного бережка откáчнутосъ,
 Ко дрúтому да не прикачнутосъ.
 Говоритъ ей Иванъ таково слово:
 — Отвяжи меня Настасья отъ сыра дуба,
 — Я не буду бить тебя наказывать,
 — Только дамъ три грозы княженецкинъхъ,
 — Да и три тебѣ науки молодецкинъхъ. —
 Отвязала Настасья отъ сыра дуба,
 А ѣ беретъ тутъ Иванушко булатнѣй пожь,
 Осебкѣ у ей руки по локѣтамъ прочь.
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Съ поганымъ царемъ охалпаласи. —
 Осебкѣ у ей носъ да и со губами.
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Этима мѣстама цѣловаласи. —
 А копалъ глаза со косицами.
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно.
 — Этима мѣстама умиляласи. —
 А ѣ тулово оставилъ на сырой земли,
 Чернымъ вѣронамъ на грáянье,
 Добрымъ людюшкамъ на бáянье.
 Самъ поѣхалъ ко городу Кіеву,
 А ко дядюшкѣ Владиміру ко Кіевску,
 Розсказалъ ему обо всемъ пòдробно.
 А и только нашъ Иванушка женатъ бывалъ,
 И только Гординовичъ съ женой сыпалъ.

Записано тамъ же. 15 іюля.

180.

ДЮКЪ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
 А ѣ у ласкова князя у Владиміра,
 Открылся зачался почестной пиръ,
 На многи на князи на бояры,
 И на русски поляницы удалыи.
 Этогъ день идетъ къ вечеру,
 А почестной пиръ сталъ на весели.
 Всѣ на пирѣ напивалиси,
 И всѣ на пирѣ наѣдалиси,
 И всѣ на пирѣ порасхвасталиси.
 Сильнѣй-отъ хвасталъ своей силою,
 А богатнѣй хвасталъ золотой казной,
 А удалой хвасталъ добрымъ конѣмъ,
 Умнѣй хвасталъ отцемъ матушкой,
 А безумнѣй хвасталъ молодой женой.
 Тутъ, среди стола бѣлодубова,
 Сидѣлъ удалый добрый молодецъ
 Молодой Дюкъ Степановичъ.
 Онъ не ѣсть, не пьетъ, не кушаѣтъ,
 Ни съ кѣмъ не говоритъ и не хвастаетъ.
 Говоритъ ему Владиміръ князь:
 «Аѣ же ты удалый добрый молодецъ!
 «Ты чего не пьешь, не кушаѣшь,
 «Ни съ кѣмъ не говоришь, не хвастаешь?
 «Развѣ пиръ тебѣ да не по разуму,
 «Или ѣсть тебѣ было нѣчего,
 «Или человекъ бѣдѣнь хвастать не о чемъ?»
 Говоритъ ему Дюкъ Степановичъ:
 — Аѣ ты солнышко Владиміръ стольно-кѣвской!
 — У меня есть живота и больше вашего,
 — Я отъ батюшки остался малешенѣкъ,
 — И не привыкъ ѣсть хлѣба чернаго,
 — А у моей-то родители у матушки,
 — У честной вдовы Амальфы Тимоѣевной,
 — Есть гридни палаты бѣлокаменны.
 — Полы и среда одного серебра,
 — Крюки пробон по булату значѣны,
 — Печки тѣ были муравлены,
 — Помялышка были шелковыи,
 — Водушка была медовая,
 — Колачки некутъ крупивчаты.
 — Колачикъ съѣшь, а другой хочется,
 — А другой съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
 — Если третій съѣшь, то и сыгъ будешь.
 — А серебра и золота смѣту нѣтъ,
 — Широкой дворъ на семи верстахъ,

— И около заборы позолочены. —
 На тѣ слова Владиміръ не повѣрилсо,
 А принялъ молодца за гостя,
 Къ нему въ домъ послалъ Чурилу Плѣнкова
 И мѡлода Олешу Поповича,
 Узнать, описать все имѣніе.
 Пріѣзжали молодцы къ дому Дюкову,
 И увидѣли изрядную женщину.
 Поклонившись ей проздравили:
 «Здравствуй-ко Дюкова матушка,
 «Честна вдова Амельфа Тимоѣевна!»
 Отвѣчала имъ женщина:
 — Я не Дюкова матушка,
 — А Дюкова послѣдняя портомойница,
 — А вы увидите Дюкову матушку,
 — Она отворитъ вамъ глубокіи погребы
 — И покажетъ вамъ много золота и серебра,
 — И всякаго камня драгоцѣннаго. —
 Потомъ Чурила Плѣнковичъ,
 Написалъ письмо ко Владиміру:
 «Ты послушай Владиміръ кіевской!
 «У насъ чернилъ бумаги не ставится,
 «А у Дюка живота остается.»

Записано тамъ же, 15 Юля.

—
 181.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

А ѣ у насъ было во городи во Кіевѣ,
 А какъ сподъ этой-то стѣны городовья
 Выходило два тура златорогія,
 А на встрѣчу турамъ ихна мать родна.
 «Ай же малыи туры неразумнии!
 «Ужъ вы гдѣ туры были, что вы видѣли?»
 — Ужъ мы видѣли, мати, чудо чудное,
 — Чудо чудное видѣли, диво дивное.
 — Тамъ ходила по стѣны красна дѣвица,
 — Не столько ходила, сколько плакала,
 — Она плакала тужила зычнымъ голосомъ. —
 «Ужъ вы глупши туры неразумнии!
 «Это плакала стѣна городова,
 «Она слышала побѣду надъ Кіевомъ.»
 А ѣ на ту пору на другой день,
 Пріѣхалъ Батый тутъ невѣрной царь,
 Со своимъ сынѡмъ Батыгою Батыгичемъ,
 Да съ любимымъ зятемъ татарномъ.
 И со хитрымъ дьячкомъ зловидумчивымъ.
 У Батыги было сили сорокъ тысящей,

И у сына его сорокъ тысящи,
 У зятя у него сорокъ тысящей,
 Да ѣ у хитраго дьячка сорокъ тысящей.
 Обступили обошли они Кіевъ градъ,
 И посылаетъ тутъ Батый царь скорѡ гонца:
 — Ты поди сходи гонецъ ко Владиміру,
 — Ты потребуй у него намъ поединщика.
 — А ѣ не дасть будетъ Владиміръ поединщика,
 — Мы побьемъ разоримъ ѣго Кіевъ градъ,
 — Не оставимъ мы во городѣ ни ѡднаго,
 — Ни ѡднаго Владиміру па сѣмена. —
 А ѣ приходитъ тутъ гонецъ ко Владиміру,
 Ужъ онъ бросилъ ярлыкъ на круглый столъ,
 Самъ онъ садился на ременный стулъ,
 Испроговорить татаринъ таково слово:
 «Ты пожалуй намъ Владиміръ поединщика.
 «А ѣ не дашь буде Владиміръ поединщика,
 «Мы побьемъ разоримъ твой Кіевъ градъ.»
 Видитъ тутъ Владиміръ что бѣда пришла
 И некого послати поединщика.
 Самъ говоритъ таково слово:
 — По грѣхамъ надо мной солучилось,
 — Молодцевъ у меня не случилось.
 — Илья Муромецъ гуляетъ во чистомъ поли,
 — А Добрыня у Макары на ярмонѣ,
 — А ѣ Олешенка Поповичъ въ Новѣгороди.
 — А одинъ мѡлодой Васильюшка у пьянсливой
 — Со похмѣльница лежитъ во царевн кабаки. —
 Запечалился Владиміръ позадумался.
 Услышалъ тутъ Василей таково бѣду,
 Скоро шель на башню на стрѣльнюю,
 И беретъ себѣ Васильюшко тугой лукъ,
 А ѣ накладываетъ Василей калену стрѣлу,
 Онъ пушаетъ во шатры во Батыгичны,
 И убилъ подъ шатрамъ ровво три головы,
 Что не лучшии головушки удалыи.
 Во первыхъ убилъ сына Батыгична,
 Во другихъ убилъ зятя любимаго,
 А ѣ во третьихъ убилъ хитраго дьяка зловидум-
 чива.
 Тутъ увидѣлъ Батый что бѣда пришла,
 Что пзъ Кіева пущена каленѡ стрѣла.
 Призываетъ себѣ татарина побольше всѣхъ,
 А ѣ которой-то татаринъ былъ потолще всѣхъ,
 Да ѣ которой-то татаринъ посильнѣе всѣхъ.
 Отправляетъ онъ его ко Владиміру,
 Отправляетъ онъ его да и наказываетъ:
 «Ты поди скорѣй татаринъ ко Владиміру,
 «Ужъ ты требуй у него виноватаго.
 «И кто это убилъ у меня три головы,
 «Что не лучшии головушки удалыи?»

Пріѣзжаетъ тутъ татаринъ ко Владиміру,
 Онъ не вяжетъ коня да не приказываетъ,
 Скоро бѣжитъ во грядню свѣтлую,
 Опъ Спасову образу не молится,
 И Владиміру князю челомъ не бьетъ,
 Только самъ говоритъ таково слово:
 — Ужь ты старая собака сѣдатый несъ!
 — Это кто сошутилъ таку шуточку.
 — Изъ лука пустилъ калену стрѣлу,
 — А ѣ убилъ подъ шатрами ровно три головы.
 — Ты давай намъ скорѣй виноватаго.
 — А ѣ не дашь буде Владиміръ виноватаго,
 — Мы сейчасъ разоримъ твой Кіевъ градъ. —
 А ѣ приходится тутъ Владиміръ во царевъ кабакъ,
 Говоритъ тутъ Владиміръ таково слово:
 «Охъ молодой Васильюшко уньяпсливій!
 «А не ты-ли сошутилъ таку шуточку,
 «Ты убилъ у Батыги ровно три головы?
 «Поѣзжай-ко къ нему ты прощатися,
 «Во большой во випѣ извинятся.»
 Говоритъ ему Василей уньяпсливій:
 — Ты послушай-ко Владиміръ стольнѣ-кіевскоій!
 — Не могу я теперь пристати, головы поднять,
 — А ѣ шумить-то болить буйна голова,
 — Со похмѣльница дрожать и ножки рѣзвья.
 — Прикажи-тко ты Владиміръ опохмѣлнтися,
 — Хоть единою чарочкой похмѣльшою,
 — Чтобы мѣрюю помѣрнить полтора ведра. —
 Принималъ Василей единой рукой,
 А ѣ выпивалъ тутъ Василей единымъ духомъ,
 Да ѣ по кабаку Василей сталъ похаживать,
 Буйною головушкой покачивать,
 Правую ручкой помахивать.
 «Я теперь могу владѣть добрымъ конемъ,
 «Я теперь могу владѣть саблей острою.»
 А ѣ приходится тутъ Василей ко Владиміру,
 Увидалъ онъ татарина сидячаго,
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Ужь ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кіевскоій!
 «Это что у тебя за дуракъ сидить?
 «Это что у тебя болващъ необтесанный?
 «Опъ Спасову образу не молится,
 «А Владиміру князю челомъ не бьетъ.»
 Выбиралъ тутъ Василей коня по любви,
 На этой на конюшенѣ княженщюкою,
 Сѣдлакъ уздалъ Василей приговаривалъ:
 «Ужь ты конь мой конь лошадь добрая!
 «Не убойсь-тко шуму татарскаго.»
 Выѣзжалъ тутъ Василей изъ Кіева,
 Подѣзжалъ ко татарамъ ко Батиевымъ,
 У Батыя во вины онъ прощается:

«Ты прости меня Батый во большой вины,
 «Дай мнѣ-ка силы сорокъ тысящей,
 «Пособлю я тебѣ взяти нашъ Кіевъ градъ.
 «Ужь я знаю гдѣ ворота худо заперты,
 «Худо заперты ворота, не заложены.»
 А ѣ на ты слова Батый обнадѣяло,
 А ѣ давалъ ему силы сорокъ тысящей.
 Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
 Прибилъ, пригубилъ всѣхъ до ѳдного.
 Поскорешенько назадъ и ворочается,
 Опъ во этоей вины извиняется:
 «Ты прости меня Батый во большой вины!
 «Я попалъ на заставушки російскіи,
 «Отобрали у меня всѣхъ до ѳдного.
 «Еще дай мнѣ-ко силы сорокъ тысящей.»
 А ѣ на ты слова Батый прикинулся,
 А ѣ давалъ ему силы сорокъ тысящей.
 Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
 Опъ прибилъ пригубилъ всѣхъ до ѳдного.
 Поскорешенько назадъ и ворочается,
 И больше въ вины не прощается.
 Размахалась у Василья ручка правая,
 Распиналась у Василья ножка рѣзвая.
 Куды рученкой махнѣтъ — туды улица,
 Куды поженкой піхнѣтъ — переулочекъ,
 Вдвое втрое тѳго топчетъ ѳго добрый конь.
 И видитъ тутъ Батый что бѣда пришла,
 И самъ говоритъ таково слово:
 — Не ужоль таковы люди въ Кіевѣ, —
 — А одинъ молодецъ всѣхъ татаръ прибилъ? —
 Поскорешенько на коней собирается,
 И самъ онъ, невѣрный, заклинается:
 — Не дай мнѣ-ка Богъ на Руси бывать,
 — И не дѣтямъ моимъ и не внучатамъ.
 — Оставайтесь во Кіевѣ по прежнему. —

Записано тамъ же, 15 іюля.

182.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Ай диди диди дидюшечки,
 А и изъ городка было изъ Крякова,
 Изъ того села Карачаева,
 А выѣзжалъ тутъ удалий добрый молодецъ,
 Пѣтре Петровичъ королевскоій сынъ,
 Поѣздить гуляти по чисту полю.
 Опъ увидѣлъ на дубу синя ворона.
 А ѣ беретъ тутъ Пѣтре тѳгой лукъ,

Направляетъ Петре калену стрѣлу.
 Испровержется воронъ птица хитрая:
 «А ѣ ты Петре Петровичъ королевской сынъ!
 «Не спускай-ко ты Петре калену стрѣлу.
 «А ѣ пролешь ты королевичъ воронину кровь,
 «А ѣ рознесетъ мое перье воронинное
 «По широкому да по чисту полю,
 «И сгниютъ мои кости у сыра дуба,
 «У сыра дуба на кореньяцахъ.
 «А поѣзжай-ко Петре на гору высокую,
 «Посмотри-ко во страну во восточную.
 «А ѣ тамъ ѣздитъ татаринъ косинскіи,
 «Онъ тѣшитъ утѣхой молодецкою.
 «А ѣ мечетъ онъ палицу подъ облако,
 «На кони гонять да и подхватывать.»
 А ѣ раздумался Петре королевскій сынъ:
 — Мнѣ-ка старца убить не спасеньѣ,
 — А черна ворона убить не корысть получитьъ.
 — Я повыстану на гору высокую,
 — Посмотрю во страну во восточную. —
 А ѣ увидѣлъ онъ татарина косинскаго,
 Молодецкое сердце разгорѣлоси,
 А ѣ и пробовать силы захотѣлоси.
 Направился къ татарину насупротивъ,
 Съѣхались молодчики ударились,
 А ѣ ударились во копыя во вострыи,
 У нихъ вострыи копыя приломались,
 И не кой коего не поравили.
 А ѣ ударились во палици булатніи,
 У нихъ палици въ рукахъ прищепались,
 И не кой коего не поравили.
 Соскочили они со добрыхъ коней,
 Ухватились они рукопашкою,
 И одолѣлъ королевичъ татарина.
 Онъ садился татарину на бѣлу грудь,
 Вынималъ пожитицо, книжалицо,
 Хочетъ пороти ему бѣлу грудь.
 Тутъ въ плечи его рука устояласи,
 Выпадаетъ ножъ съ руки на землю.
 Сталь тутъ королевичъ спрашивать:
 — Ты скажи, скажи татаринъ косинскіи,
 — Ты койей орды татаринъ, койей земли,
 — Какъ тебя именовемъ зовуть,
 — А чьего отца и каковой матери? —
 А ѣ отвѣчатъ ему татаринъ косинскіи:
 «Ужъ ты сувкинъ сынъ, блядѣиъ сынъ молодой
 щепокъ!
 «Кабы я сидѣлъ на твоѣй груди,
 «Я не спрашивалъ бы имени, отечества.
 «Я бы скоро поролъ твою бѣлу грудь
 «И вынулъ бы тебѣ сердце со печенью,

«А ѣ закрылъ бы тебѣ да очи ясныи.»
 И говоритъ ему Пётре королевской сынъ:
 — Ты послушай-ко татаринъ косинскіи!
 — Ты скажи, скажи да не утайвай,
 — А ѣ какъ тебя именовемъ зовуть.
 — А чьего отца ты, какой матушки? —
 А ѣ говоритъ ему татаринъ косинскіи:
 «А ѣ ты русскій удалый добрый молодецъ!
 «Когда началъ мѣня спрашивать,
 «А я тебѣ теперь буду рассказывать.
 «Я есть не татаринъ не косинскіи,
 «А я русской удалый добрый молодецъ,
 «Изъ этого изъ города изъ Крякова,
 «Изъ этого села Карачаева,
 «А ѣ Василій Петровичъ королевской сынъ.
 «Когда воевали татара косинскіи,
 «Тогда меня съ батюшкой малаго въ полонъ
 взяли,
 «Въ полонъ взяли и въ Литву свезли.»
 Тогда скоро скочилъ Петре на ноги,
 Поднималъ онъ татарина за руки,
 Цѣловалъ во уста во сахаріи,
 Прижималъ ко сердечнику ретивому.
 И сажилси они на добрыхъ коней,
 Поѣзжали ко городу ко Крякову,
 Ко своему селу Карачаеву.
 Подѣзжалъ тутъ Петре королевичъ ко дому,
 Онъ кричитъ тутъ зычнымъ голосомъ:
 — Свѣтъ ты государыни матушка!
 — Ты бери-тко татарина за руки,
 — А корми-тко татарина до сыта,
 — А люби-тко татарина дѣлюби.
 — Это есть не татаринъ косинскіи,
 — А мой старшій братецъ родимыи,
 — Василій Петровичъ королевскій сынъ. —

Записано тамъ же, 25 іюля.

—
 185.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А у насъ было братцы во каменнѣй Москвѣ,
 У Грознаго царя Ивана Васильевича,
 Сбранъ былъ да великій пиръ
 На многи на князи на бояры.
 Все на пиру наѣдалси,
 Все на пиру напивалиси.
 Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Я повывелъ измѣнушку изъ Кіева,

«Я повывель измѣну изъ Чернигова,
 «А повывель я измѣну изъ Пскова,
 «А ѿ повыведу измѣну съ каменнѣй Москвы».
 Зѣ-за того стола да бѣлодубова,
 Изъ этой скамеечки яровчатой,
 Ставаль поднимался удалой добрый молодець,
 А по имени Иванъ да Ивановичъ.
 Ставаль молодець выговариваль:
 — Свѣтъ государь ты мой батюшко,
 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — А не вывелъ ты измѣнушки изъ Кіева,
 — А не вывелъ ты измѣны изъ Чернигова,
 — Да не вывелъ ты измѣны изъ Пскова,
 — А не вывести измѣны съ каменнѣй Москвы,
 — А измѣнушка твоя за столомъ сидитъ,
 — За столомъ сидитъ да во глаза глядитъ,
 — Она платице носитъ одного швеца,
 — Бѣсть-то пѣтъ да съ ѳдой чашечки. —
 Испроговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ты скажи скажи моѣ дитятко,
 «Это кто такова измѣнушка?»
 А ѿ восплачется Иванушко Ивановичъ:
 — Свѣтъ государь ты мой батюшко,
 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Мнѣ на братца сказать, дакъ братца жаль,
 — А на себя сказать, дакъ живу не быть.
 — Которой улпцей ѣхаль я съ тобой,
 — Мы грѣшничковъ были все вѣшали;
 — А которой улпцей ѣхаль братецъ мой,
 — Онъ грѣшнихъ не билъ, а миловаль,
 — Даваль ермички потаенные
 — Велѣлъ виновнымъ укрытися. —
 Испроговорилъ Грозный Иванъ Васильевичъ:
 «А ѿ же вы татары безбожныи,
 «А ѿ же вы палачи немилосливи!
 «Вы берите-тко моего сына Ѳедора
 «За бѣлы руки, да желты кудри,
 «Отвезите-тко его во чисто поле,
 «Ко этому болоту кулікову,
 «Ко этой ко плахѣ ко липовой,
 «А ко той ко сабли ко вострою.
 «Отрубите-тко Ѳедору голову,
 «За его за измѣнушку великую.»
 Тутъ палачи испугалися,
 Грознаго гласу убоилися,
 Средній тулялся за старшаго,
 А старшій тулялся за младшаго,
 А отъ младшаго во-все ѿ отвѣту нѣтъ.
 И всеъ говорили единое слово:
 — Послушай-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Намъ нельзя поднять руки татарскія,

— На твои на роды на царскія. —
 А одинъ малый Малютка Шкуратовичъ,
 Онъ бралъ Ѳедора за руки,
 Выводилъ его на широкій дворъ,
 Посадилъ его во карету темную,
 А повезъ его во чисто полѣ,
 Ко этому болоту кулікову,
 Да ѿ ко этой ко плахѣ ко липовой,
 И ко этой ко сабли ко вострою.
 Видитъ царица российская,
 Молода Марѣя Романовна,
 Что бѣда еѣ пристигла неминуема.
 Она чоботы одѣла на босу ногу
 И шубоньку бросала на одно плечо,
 А ѿ бѣжала царица каменнѣй Москвой
 Ко милому братцу родимому,
 Ко этому Никитѣ Романову.
 Не черная куночка прорыскала,
 Свѣтъ-государини пробѣгнула.
 А ѿ увидѣлъ тутъ Никита Романовичъ,
 Выбѣжалъ Никитушка на широкъ дворъ
 И самъ говорилъ таково слово:
 «Ты послушай-ко сестрица родимая,
 «Молодая ты Марѣя Романовна!
 «А какимъ тебя вѣтрушкомъ закинуло?»
 Отвѣтъ держитъ Марѣя Романовна:
 — Ты постушай-ко родимый мой брателко,
 — Старый Никита Романовичъ!
 — Какъ не стало у тебя да старша племянника,
 — Старша племянника любима крестничка.
 — А увезъ его Малютушка въ чисто полѣ,
 — Отрубить у него буйну голову.
 Тутъ кидался Микитушка Романовичъ
 На свою онъ конюшнѣ богатырскую.
 Онъ бралъ себѣ жеребчика неѣзжана,
 Неѣзжана жеребчика некладана,
 Съѣдалъ уздалъ Никита приговариваль:
 «А ѿ же вы народъ да люди добрыи,
 «Вы сусѣдушки мои порядовныи!
 «Дайте торну путь дорожку широкую,
 «Чтобы старому мощнѣ проѣхати.»
 Только видѣли Микитушку сѣдучи,
 А не видѣли Романовича ѣдучи.
 Только пыль пылить да дымъ столбомъ валить.
 Повывѣхаль, Никита во чисто поле,
 Увидаль онъ Малютку Шкуратова.
 Не доѣдучи болота кулікова,
 Закричалъ тутъ Никита громкимъ голосомъ:
 «А ѿ же ты сукипѣ-сынъ молодой щенокъ Ма-
 лютка Шкуратовъ
 «И не тотъ стаканъ выпьешь ты заклепнешься,

«А съѣшь наше мясо да и задавишься.»

Наѣхалъ Микитушка Романовичъ,

Отрубилъ у Шкуратова голову.

Бралъ онъ любимаго племянника,

Посадилъ его на добра коня,

Привозилъ тутъ Никита во полатушку.

Отправлялся ко грозному царю Ивану Васильевичу,

Бьетъ онъ челомъ да и поклоняется:

«Здравствуй грозный царь Иванъ Васильевичъ,

«Со своей ты съ любимою семьей,

«Съ любимой семьей да съ молодой женой!»

Испроговоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:

— Ты послушай-ко Микита Романовичъ!

— Али ты надо мной да надемѣхаешься,

— Или вовсе про незгодушку не вѣдаешь,

— Какъ не стало у тебя да старша племянника,

— Любимаго хрестинчика а моего сына Ѳедора.

— Увезъ его Малютка въ чисто поле

— Отрубить у его буйну голову. —

Испроговоритъ Микита Романовичъ:

«Ты послушай-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ!

«Есть ли грѣшнику покаяніе,

«А виноватому бываетъ ли прощеніе?»

— А было бы оно, теперъ негдѣ взять. —

«А не отрублена Ѳедору голова,

«А отрублена Малютѣ Шкуратову.»

— Ай же ты Микита Романовичъ!

— За твою за услугу великую,

— Ты бери города съ пригородками,

— Ты бери сѣла со присѣлами,

— И сколько надо бери золотой казны,

— А представъ ты мнѣ Ѳедора прѣдъ меня. —

Говоритъ ему Никита Романовичъ:

«Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,

«И не надо мнѣ-ка сѣлъ со присѣлками,

«Да не надо твоей золотой казны,

«Только дай ты мнѣ Микитину отчину.

«Хошь коня угонн, хошь жену уведи,

«Хошь убей голову — уйди только въ Никитину отчину.»

Который ушелъ, того Богъ унесъ,

А застали — новѣсили, тому судъ пришелъ.

Записано тамъ же, 15 іюля.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВИЧНА ЛИТОВСКАЯ.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,

Изъ орды въ орду, да изъ земли въ землю,

Загулялъ молодецъ въ землю литовскую,

Ко тому королю литовскому,

Господь молодца помиловать,

Король молодца пожаловалъ,

Принялъ молодца служить конюхою.

Три года служилъ молодецъ конюхою,

Пожаловалъ король его ключникомъ.

Три года молодецъ служилъ ключникомъ,

Еще король его пожаловалъ

Постельникомъ служить у своей дочери,

У этой Елены королевичной.

Служилъ молодецъ тутъ постельникомъ,

Ростилалъ онъ перпнушки пуховыи,

Росправлялъ одѣята соболнии,

У Елены былъ да во большой любви.

По времени былъ и на бѣлой груди.

Говоритъ ему Елена королевична:

«Ай же ты удалой добрый молодецъ!

«Не ходи молодецъ въ бесѣду татарскую,

«Не пей молодецъ зелена вина,

«Не расхвастайся Еленой королевичной.»

Во одну пору во это времечко

Выходилъ молодецъ прогулятися,

Приходилъ молодецъ во царевъ кабакъ.

Увидали тутъ татаровья-улановья,

Приняли его съ честью съ радостью,

Брали его за бѣлы руки,

Посадили его за дубовый столъ,

Напили молодца они до пьяна.

Тутъ молодецъ порасхвастался:

— Я три годы служилъ во конюхахъ,

— Три годы служилъ я во ключникахъ,

— А теперъ служу во постельникахъ.

— Постилаю перпнушку пуховую,

— Роспровляю одѣята соболниое,

— А й по времени бываю у Елены на бѣлой груди. —

Тутъ скочили татаровья-улановья,

Брали молодца за желты кудри,

За желты кудри его, за бѣлы руки,

Приводили его къ королю литовскому.

«А вы сведите молодца во чисто поле.

«Отрубите ему да буйну голову.»

Тутъ взмолился удалый добрый молодецъ:

— Вы послушайте татаровья-улановья!
 — Вы возьмите-тко съ меня золотой казны,
 — Не ведите-ко меня во чисто полѣ,
 — Вы сведите-тко къ Елены королевичной. —
 Повели его татаровья-улановья.
 Закричалъ молодецъ да зычнымъ голосомъ:
 — Ты прощай, прощай мой бѣлый свѣтъ,
 — Прощай милая Елена королевична. —
 А ѿ услышала Елена королевична.
 Бросилась она въ окошечко косивчато,
 Въ одной тутъ рубашки безъ пояса,
 Сама говорила таково слово:
 «Ай же вы татаровья-улановья!
 «Вы ведите молодца ко мнѣ на широкъ дворъ,
 «Вы берите съ меня золотой казны,
 «Золотой казны сколько надобно.»
 А сама стала молодца спрашивать:
 «Ты скажи, молодецъ, не утанвай,
 «Не утанвай, меня не оманывай,
 «Холость ли ходишь, или женать гуляшь?
 «Есть ли у тебя молодецъ отецъ и мать,
 «Есть ли у тебя молода жена,
 «Есть ли молодецъ малы дѣточки?»
 Испроговорить удалый добрый молодецъ:
 — Есть у меня отецъ и мать,
 — Есть у молодца молода жена,
 — Есть у меня малы дѣточки. —
 «Ты возьми молодецъ золотой казны,
 «Да поди молодецъ въ твою сторону.
 «Ты корми молодецъ отца и мать,
 «Ты люби свою молоду жену,
 «А корми молодецъ, малыхъ дѣточекъ,
 «А ѿ не хвастай ты Еленой королевичной.»

Записано тамъ же, 15 іюля.

XXXIII.

ВИСАРИОНОВЪ.

Алексѣй Висарионовъ Батовъ съ Выгозера, двадцати шести лѣтъ, земледѣлецъ, дюжій, неворотливый и крайне несообщительный. Удержалъ въ памяти нѣсколько былинь изъ тѣхъ, которыя пѣвалъ его отецъ, скончавшійся года два тому назадъ и считавшійся лучшимъ знатокомъ былинь на Выгозерѣ. Онъ поетъ былины очень складно, вѣрно сохраняя различіе въ напѣвахъ.

185.

КОЛЫВАНЪ БОГАТЫРЬ.

Во чистомъ поли съѣзжалоси
 Три сильныхъ могучихъ богатыря
 По имени первой Колыванъ богатыря,
 Другой Муромлянъ богатыря,
 Третьей Самсонъ богатыря.
 Промежду собою рѣчи говорили,
 Которыя изъ насъ будетъ большій братъ?
 Говоритъ Самсонъ богатыря:
 Кабы былъ столобъ въ землѣ
 Кабы было кольцо въ столбѣ
 Я бы землю всю во кругъ повернулъ.
 Говоритъ Муромлянъ богатыря
 Я бы также повернулъ.
 Говоритъ Колыванъ богатыря:
 Я бы также могъ повернуть.
 Господь Всевышній творецъ
 За нихъ похваленье
 Далъ имъ привидѣнье
 Куда у нихъ было нѣрчено въ путь ѣхать,
 Лежитъ на дороги сумка,
 Въ таковой сумкѣ сложенъ весь земныя грузъ.
 Выскакивать со своего со добраго съ коня
 Самсонъ богатыря.
 Хватаетъ таковую сумку.
 Сумка съ мѣста не ворохнѣтся
 Выходитъ Муромлянъ богатыря
 Со своего со добраго коня
 Хватаетъ таковую сумку.
 По колѣнамъ въ землю усялъ,
 Сумка съ мѣста не ворохнѣтся
 Выходитъ Колыванъ богатыря
 Со своего со добраго коня,
 Хватаетъ таковую сумку.
 По грудямъ въ землю сѣлъ,
 Сумка съ мѣста не ворохнѣтся.
 Съ небеси имъ гласъ прогласилъ:
 Сильніи могучіи богатыри
 Отстанете прочь отъ таковия сумки,
 Весь земныя грузъ въ сумку сложенъ,
 Впредь не похваляйтесь
 Всю землѣю владѣти,
 Наблюдайте свое добро,
 Ѣздите по Русей,

Дѣлайте защиту,
 Сохраняйте Русею отъ неприятели
 А хвастать по пустому вногу не знайте.

Записано въ Давидовѣ, 17 июля.

—
 186.

ИЛЯ МУРОМЕЦЬ И ИДОЛИЩЕ.

Во стольнѣмъ городѣ во Кіевѣ,
 У ласкова князя Владиміра,
 Сдѣлалась побѣдущка великая,
 Великая побѣда на весь Кіевъ градъ.
 Наѣхало Подлищо великоѣ,
 Въ долину Идолищо шти сажень,
 Въ ширину Подлищо трѣхъ сажень.
 Межъ ушами у него вѣдь какъ сажень со локотью,
 Межъ глазами у него вѣдь какъ пада мѣрпая,
 Межъ ноздрами у его изляжетъ каленя стрѣла,
 Самъ на словахъ похваляется:
 «Давайте мнѣ поединщика!
 «Если вѣтъ у васъ поединщика,
 «Я Божьи церкви все на дымъ спущу,
 «А ѣ весь Кіевъ градъ я въ полонъ возьму.»
 А ѣ вѣтъ-то онъ пѣть хлѣбъ-отъ за щекку,
 Другой за другую,
 А ѣ бѣлую лебедь на закусочку.
 Выпивае онъ вѣдь напитокочекъ,
 По боченкѣ сороковочкѣ на единый духъ,
 А во градъ вина все мало ставится.
 А ѣ стольнїя князь стольнѣ-кіевской,
 А ѣ видитъ бѣда пришла,
 Бѣда пришла немнучая.
 А ѣ говоритъ тутъ Василей упрясливой,
 Говоритъ тутъ онъ таково слово:
 — Стольнїя князь стольнѣ-кіевской!
 — Дай-ко-сь мнѣ зелена вина,
 — Ретливѣ сердце мнѣ приобкатить,
 — Буйна голова мнѣ извѣселить. —
 Наливали ему чару зелена вина,
 Мѣрой чара полтора ведра.
 Принималъ Василей единой рукой,
 Выпивалъ Василей единымъ духомъ,
 А ѣ самъ на словахъ выговаривать:
 — Ретливѣ сердце теперь приобкачено,
 — Буйна голова теперь извѣселена. —
 Беретъ въ руки клюку богатырскую,
 Вѣсомъ клюка тїнетъ ровно сорокъ пудъ.

А ѣ сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,
 А ѣ сталъ онъ съ холмы на холму попрядивать:
 Рѣки, мелки озера межъ ногѣ спущалъ.
 Приходитъ Василей упрясливой
 Во то ли онъ во чисто полѣ,
 А ѣ встрѣчу ѣдетъ старый казакъ Иля Муромецъ
 «Здравствуй Василей упрясливой!»
 — Здравствуй старый казакъ Иля Муромецъ! —
 Говоритъ Иля Муромецъ таково слово:
 «А ѣ же ты Васильюшко упрясливой!
 «Все-ль есть во городѣ во Кіевѣ по старому,
 «По старому-ли есть по прежнему?»
 Испроговоритъ Васильюшко упрясливой:
 — Все есть во городѣ не по старому,
 — Все-ль есть во городѣ не по прежнему,
 — Наѣхало Подлищо великоѣ,
 — Въ долину-то Подлищо шти сажонъ,
 — Въ ширину-то Подлищо трѣхъ сажонъ,
 — Межъ ушами у него вѣдь какъ сажень съ локотью,
 — Межъ глазами у него вѣдь какъ пада мѣрою,
 — Межъ ноздрами у его вѣдь изляжетъ калена стрѣла. —
 Говоритъ тутъ старый казакъ Иля Муромецъ:
 «А ѣ же ты Васильюшка упрясливой!
 «Силы у тебя вѣдь есть два меня,
 «Смѣлости-удати у тебя вѣтъ въ полъ-меня.»
 Выходитъ старый казакъ Иля Муромецъ
 Со своего ли онъ вѣдь со добра коня,
 И скидывае изъ себя онъ платье богатырское.
 Снимае съ Василья платье каличьеѣ,
 Надѣваеъ на себя онъ платье каличьеѣ,
 А ѣ на Васильюшка на упряслива,
 Надѣвае платье богатырскоеѣ.
 Посадилъ Василья на своего на добра коня,
 Во двѣнадцать сѣдѣлышекъ засѣдывалъ,
 Во двѣнадцать онъ подпружковъ подтягивалъ.
 Тутъ поѣхалъ Василей по чисту полю,
 Безъ ума его вѣдь конь носить безъ памяти,
 А ѣ радъ бы Василей выпасть да не можно.
 А ѣ старый казакъ Иля Муромецъ
 Беретъ въ руку клюку богатырскую,
 Вѣсомъ клюка тянетъ ровно сорокъ пудъ.
 А ѣ сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,
 А ѣ сталъ онъ съ холмы на холму попрядивать.
 Приходитъ старый казакъ Иля Муромецъ
 Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
 Ко той ко полаты бѣлокаменной,
 Кричитъ покрикомъ богатырскимъ,
 Свсвсузъ посвистомъ соловьинымъ,
 Матушка сыра земля подрогнула,

Полата бѣлокаменна зашаталася.
 Это Идолище не вчуется,
 Не вчуется, за рѣчь не примется.
 Крикнулъ Илья Муромецъ другой разъ,
 Крикнулъ покрикомъ богатырскимъ,
 Свиснулъ посвистомъ соловьинымъ, —
 Матушка сыра земля подрогнула,
 Полата бѣлокаменна зашаталася.
 Это Идолище не вчуется,
 Не вчуется, за рѣчь не примется.
 Крикнулъ Илья Муромецъ третьей разъ,
 Крикнулъ покрикомъ богатырскимъ,
 Свиснулъ посвистомъ соловьинымъ, —
 Вся матушка сыра земля подрогнула,
 Полата бѣлокаменна съ угла на уголь зашаталася,
 А ѣ всѣ питья по столамъ раслескались.
 Говорить Идолище таково слово:
 — Подите-тко-сь, выведите-тко-сь,
 — Какаля-сь калика перехожая,
 — Перехожая калика переѣзжая? —
 А идетъ старый казакъ Илья Муромецъ,
 А ѣ во тую-ли во полату бѣлокаменну,
 А ѣ онъ крестъ-отъ кладѣть по учёному,
 А ѣ поклонъ тотъ ведѣть по писаному.
 «А ѣ здравствуйте вси кунци вси бѣяра.
 «Вси сильни могучи богатыри!»
 Князю Владимиру со княгинею низко кланялсо,
 Низко кланялсо имъ въ особину,
 А этому татарину челомъ не бѣеть.
 Говорить-отъ татаринъ таково слово:
 — А ѣ же ты калика перехожая,
 — Перехожая калика, переѣзжая!
 — Видаль-ли ты, все слыхаль-ли ты,
 — Славнаго богатыря
 — Старога казака Илью Муромца? —
 «Видаль вѣдь я, все слыхаль вѣдь я
 «Старога казака Илью Муромца.
 «Съ менѣ ростомъ, съ менѣ толстомъ,
 «Съ меня ровно всимъ величествомъ.»
 — По вногу ли вѣдь онъ къ выти ѣсть? —
 «А ѣ ѣсть онъ пѣть во славу Божью,
 «Колачикъ съѣсть, по другомъ душа горить,
 «А ѣ другой съѣсть, вѣдь онъ сытъ бывать.»
 — По вногу ли онъ выпивать напитокочкъ? —
 «Онъ стаканчикъ выпѣе, по другомъ душа горить,
 «А другой выпѣеть, онъ доволенъ бывать.»
 — Какъ бы эттакъ былъ, на долѣпъ бы я влалъ,
 — Да грязь родилася.
 — А я то вѣдь какъ ѣмъ-то пью.
 — Хлѣбъ тотъ я за щеку,
 — Другой я за другую,

— Бѣлую лебедь на закусточку.
 — Испиваю я вѣдь напитокочкъ,
 — По бочечкѣ сороковочкѣ
 — На единой духъ.—
 Говорить тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
 «У моего досюль у батюшка родителя
 «Была коровишко обжорнищю,
 «Вного питей пила, только лопнула.
 «А ѣ былъ кобелищю объѣдищю,
 «Вного ѣлъ, только треснулъ онъ.»
 Эта рѣчь-та татарину не влюбилаши.
 Берѣтъ пожичищю княжалищю,
 А ѣ бросилъ пожичищю княжалищю
 Въ старога казака Илью Муромца.
 А ѣ старога казакъ былъ догадливой,
 Былъ догадливой самъ увѣдливой,
 Отвелъ ножичищю кпжалищю
 А ѣ той ли клюкой богатырскоѣй,
 Пролетѣло пожичищю во липину,
 Рвало липину вѣдь со дверма вонъ.
 Говорить тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
 «Пойти взять было татарина за желты кудри.»
 А ѣ взял-то татарина за желты кудри,
 А ѣ самъ говоритъ таково слово:
 «Не честь фала молодецкая,
 «Крoвавить полати княженецкя.»
 Повывелъ татарина на новы сѣни.
 «Не честь фалъ молодецкая,
 «Крoвавить сѣней княженецкинхъ.»
 Повывелъ татарина на широки дворъ.
 «Не честь фала молодецкая,
 «Крoвавить двора княженецкаго.»
 Повывелъ татарина во чисто полѣ,
 А ѣ трюнулъ его единой рукой,
 А ѣ только татаринъ вѣдь живъ бывалъ.
 А ѣ сталъ онъ тоемъ туловомъ помахивать,
 Куды махнетъ — улками,
 Перемахне — переулками.
 Ахъ какъ ребята оружѣ добро.
 Ай гнѣтся татаринъ не ломится.
 Самъ весь на жилияхъ подавается.

Записано въ Тайгевщѣ. 17 июля.

187.

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША.

У того ль у нана у кунца сердопольскаго,
 Было оставленьицо оставлено.
 Добрынюшка Микитиничъ,
 Во младоемъ возрастѣ,
 Остался отъ родителя отъ батюшка.
 Честна вдова Степанида Обрамовна
 Возросила своего сына,
 Добрынюшку все Микитича,
 До полного его до возраста.
 А й сталъ Добрынюшка Микитинецъ,
 Въ чисто поле сталъ поѣзживатьъ,
 Богатырской силы своей пробовать,
 Выѣзжалъ вѣдь онъ на поединчокъ,
 А й со многима всё со витяжыма.
 А й на то ли на ратно на смертно побонцо,
 А й не было съ имъ поединничка.
 А й прославился Добрынюшка Микитинецъ
 А й сильнѣимъ могучѣимъ богатырѣмъ.
 А й прославился Добрынюшка во Кіѣви,
 А й прославился Добрынюшка въ Черниговѣ,
 А й въ матушкѣ Добрыня въ каменной Москвѣ.
 А й прѣѣзжаетъ домой Добрынюшка
 А й со ратнаго смертнаго побонца.
 А й честна вдова Степанида Обрамовна
 А й присудила Добрынюшкѣ жениться,
 Чтобы жилъ былъ онъ съ молодой женой,
 А й не ѣздилъ бы на ратной на смертной побонцо.
 А й Добрынюшка Микитинецъ,
 Онъ слушался свою матушку,
 Прибирать себѣ княгиню обручную,
 А й Настасьюшку Викуличну.
 А й взялъ онъ Настасьюшку въ замужество,
 А й самъ говоритъ таково слово:
 «А й матушка ты честна вдова
 «Степанида Обрамовна!
 «А й душечка Настасья Викулична!
 «Не могу я укротить своего сердца богатырскаго,
 «Поѣду я во чисто полѣ.»
 Говорить тутъ его матушка.
 Честна вдова Степанида Обрамовна:
 — Ай же Добрынюшка Микитинецъ!
 — На кого же оставишь молоду жену? —
 Говорить тутъ Добрынюшка Микитинецъ:
 «А й же ты моя матушка,
 «Честна вдова Степанида Обрамовна!

«Кабы ты меня все спородила
 «Красотою-басотою во Осипа прекраснаго,
 «Силой-храбростью въ старѣаго казѣа Илью Мур-
 ромца,
 «Смѣлостью во Олешу Поповича,
 «Не ѣздилъ бы я во чисто полю,
 «Не билъ бы головъ безновинныхъ,
 «Не слезилъ бы я отцей, матерей.
 «А й такъ не могу укротить своего сердца бога-
 тырскаго,
 «А й поѣду я во чисто полѣ.
 «Матушка Степанида Обрамовна!
 «Дай-ко-съ мнѣ благословеньицо.
 «Вы ждите-тко-съ Добрынюшку во три года.
 «Я не буду, не буду во три года,
 «Вы ждите-тко-съ Добрынюшку во шесть годовъ.
 «Я не буду, не буду во шесть годовъ,
 «А й ждите-тко-съ меня вѣдь во двѣнадцать лѣтъ,
 «Я не буду, не буду во двѣнадцать лѣтъ,
 «Матушка Степанида Обрамовна,
 «А й душечка Настасья Викулична,
 «Не читайте-тко-съ Добрынюшки во живности.
 «А й душечка мнѣ молодѣ жопа,
 «Настасья Викулична!
 «Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
 «Только не ходи за брата крестоваго,
 «За того ли за Олешенку Поповича.»
 А й уѣхалъ Добрынюшка во чисто полѣ.
 А й матушка его Степанида Обрамовна.
 Молодѣ жена Настасья Викулична.
 А й ждали его домой вѣдь во три годы,
 На исходѣ Добрынюшки три годы,
 А й вѣту Добрынюшки во три годы.
 А й ждали Добрынюшку шесть годовъ,
 На исходѣ Добрынюшки во шесть годовъ,
 А й вѣту Добрынюшки во шесть годовъ.
 А й ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
 А й ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
 На исходѣ Добрынюшки девять лѣтъ,
 А й вѣту Добрынюшки во девять лѣтъ.
 А й ждали Добрынюшку во двѣнадцать лѣтъ,
 На исходѣ Добрынюшки двѣнадцать лѣтъ.
 А й Олешенка Поповичъ
 А й сталъ тутъ къ Настасьюшкѣ поѣзживатьъ,
 Поѣзживать сталъ посватывать.
 Самъ говоритъ таково слово:
 — А й же ты Настасьюшка Викулична!
 — Ты волей неидеши, я боѣмъ возьму. —
 А й бралъ-то Настасью за бѣлыя руки,
 За бѣлыя руки, зланы персты,
 А й повѣзилъ Настасью во церковь во Божью»,

А ѿ во тотъ ли Настасью во Черниговъ градъ.
 Еще тамъ столовали пировали онѣ,
 А ѿ мало времечко миновалоси,
 А ѿ приѣзжаетъ Добрынюшка Микитинецъ.
 А ѿ поразвѣдалъ, что нѣту Настасы Викулчиной,
 А ѿ увезѣна у Олешенки Поповича,
 А ѿ во тотъ ли она всё во Черниговъ градъ,
 А ѿ посылаетъ послѣ онъ ко матушки.
 «Ты послушай-ко-сь меня вѣдь посѣль вѣрныя
 «А ѿ за дѣнежной расчѣтъ.
 «А ѿ сѣзди-тко-сь къ моёй матушкѣ,
 «Къ Степанидѣ Обрамовой,
 «А ѿ проси-тко у ёй вѣдь платья цвѣтныи,
 «А ѿ проси-тко у ней вѣдь гусѣлышка нѣмецкѣи,
 «А ѿ проси-тко у ней вѣдь струночки сибирскѣи,
 «Для своего сына Добрыни Микитича,
 «А ѿ что набѣ то рощитаюсь тебѣ за утружденіе.»
 А ѿ послушать егѣ вѣдь посѣль вѣрныя,
 А ѿ сѣзди вѣдь ко его ко родители ко матушки,
 А ѿ къ Степанидѣ къ Обрамовой.
 А ѿ просилъ у ней платица цвѣтныи,
 А ѿ просилъ у ней гусѣлышка нѣмецкѣи,
 А ѿ просилъ у ней струночки сибирскѣи,
 Ради своего сына Добрыни Микитича.
 А ѿ говоритъ послу его матушка,
 Степанида Обрамовна:
 — А ѿ же ты посѣль вѣрныя!
 — А ѿ гдѣ ты видѣлъ моего вѣдь чада милаго,
 — А ѿ Добрынюшку всё Микитича? —
 А ѿ отвѣчаетъ ёй вѣдь посѣль вѣрныя:
 «А ѿ нынѣ мы что ни съ Добрынюшкой приразъ-
 бѣхались.
 «А ѿ платица у него на себѣ вѣдь поvyдержались,
 «А ѿ платица на себѣ вѣдь онъ носить лосинныи.»
 Ёго матушка Степанида Обрамовна
 Подавала послу всё платья цвѣтныи,
 Подавала послу гусѣлышка нѣмецкѣи,
 А ѿ струночки были сибирскѣи.
 А ѿ отвозилъ вѣдь посѣль вѣрныя
 Цвѣтныи платица къ Добрыни Микитичу,
 А ѿ гусѣлушка нѣмецкѣи,
 А ѿ струночки онъ сибирскѣи.
 А ѿ Добрыничица Микитинецъ,
 За утружденіе послу далъ несчетной золотой
 казны,
 А ѿ золотой казны все сколько надобно.
 А ѿ надѣвалъ на себя платицо цвѣтноѣ,
 А ѿ бралъ съ собою гусѣлышка нѣмецкѣи,
 А ѿ бралъ съ собою струночки сибирскѣи,
 А ѿ поѣзжалъ онъ ко городу Чернигову,
 А ѿ на тотъ ли на тотъ на почестень пирѣ.

А ѿ приѣзжаетъ онъ во Черниговъ градъ,
 А ѿ приходитъ онъ на почестень пирѣ,
 А ѿ на пиру былѣ большо собраниицо,
 А ѿ на пиру былъ князь Митрей богатыя,
 А ѿ управитель города Чернигова.
 А ѿ доложилсо Добрынюшка Микитинецъ,
 А ѿ у Митря князя бѣгатаго.
 — А ѿ Митрей князь ты богатыя!
 — А ѿ дай волю-тко сыграть мнѣ въ гусѣлышка
 нѣмецкѣи,
 — А ѿ дай волю-тко поподернуть въ струночки
 сибирскѣи,
 — А ѿ для мѣлода Олеша Поповича. —
 А ѿ говоритъ тутъ Митрей князь таково слово:
 «А ѿ ты сыграй-ко-сь въ гусѣлушка нѣмецкѣи,
 «А ѿ поподѣрни-ко въ струночки сибирскѣи.»
 А ѿ заигралъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ,
 А ѿ заигралъ тутъ въ гусѣлушка нѣмецкѣи,
 Поподѣрнулъ онъ струночки сибирскѣи.
 А ѿ распотѣшилсо Митрей князь богатыя,
 А ѿ распотѣшилсо мѣлодой Олеша Поповичецъ.
 А ѿ наливали Добрыниъ зелена вина,
 А ѿ подносили на поднось мѣлодой князь Олеша
 Поповичецъ,
 Со своѣю онъ со княгинюю.
 А ѿ принимаетъ чару зелена вина
 Добрынюшка онъ Микитинецъ,
 А ѿ выпиваетъ чару зелена вина,
 А ѿ спущаетъ въ стокань свой обручной перстень.
 А ѿ говоритъ тутъ Настасьюшка Викулчица:
 — А ѿ не тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ подлѣ
 меня,
 — А ѿ тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ супротивъ
 меня. —
 А ѿ Добрынюшка Микитинецъ,
 А ѿ хватаетъ Олешу Поповича за шиворотъ,
 А ѿ самъ говоритъ таково слово:
 «А ѿ же ты Олешенка Поповичецъ!
 «Кабы не братецъ былъ ты мнѣ крестовыя,
 «А ѿ тропнулъ бы я тя вѣдь о печной столѣбъ,
 «А ѿ только бы ты живѣ бывалъ.
 «А ѿ такъ сдѣлаю я тебѣ уважечку,
 «Ради братца крестоваго.»
 А ѿ мѣлодой Олеша Поповичецъ,
 А ѿ скоро женился, да не съ кѣмъ спать.
 А ѿ только Олешенька жевать бывалъ,
 А ѿ женать бывалъ онъ съ женой сыналъ.
 А ѿ Добрынюшка Микитинецъ,
 А ѿ всемъ какъ онъ вѣдь честь воздалъ,
 А ѿ Митрею князю со княгинюю.
 Уѣзжалъ онъ во своѣ во помѣстицо,

А ѿ со своєю женою старопрежней.
 А ѿ съ Настасьешкой онъ съ Викулничной,
 А ѿ ко матушкѣ Степанидѣ Обрамовой.
 А ѿ полно больше Добрынюшкѣ ѣздить по чисту
 полю,

Положилъ мыслеть и разумъ
 Во своихъ полатахъ прожнвати.

Записано въ Давидовѣ, 17 іюля.

—
 188.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во томъ-то во городи во Кієви,
 У ласкова князя Владиміра,
 Завелсо завелсо почестень шпръ.
 А ѿ вси на пиру наѣдалися,
 А ѿ вси на пиру напизалися,
 А ѿ вси на пиру корасхвастался.
 А ѿ кто вѣдь хваста отцемъ матушкѣй,
 А нной вѣдь хваста молодой женой.
 Испроговоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
 «А ѿ вси-ль добры молодцы споженены,
 «Вси дѣвушки за мужъ повиданы,
 «Одинъ-то единъ добрый молодець
 «Холость ходилъ, не женать гулялъ,
 «Иванушко Годиновичъ.»
 А ѿ испроговоритъ Иванушко Годиновичъ:
 — А ѿ свѣтъ государь ты мой дядюшка!
 — У меня есть невѣста поприбрапа,
 — Поприбрана невѣста во Кієви,
 — Во Кієви невѣста во Чернигови,
 — У Митрея князя богатаго.
 — А ѿ всимъ-то Настасьешка добрымъ добра,
 — Тѣломъ Настасья какъ снѣгъ бѣла,
 — Походочка у ей вѣдь павлиная,
 — А ѿ тихая рѣчь лебедная,
 — А ѿ брови-ты у ей черпа соболя,
 — Глаза-ты у ей ясна сокола,
 — А ѿ личико у ей вѣдь какъ маковъ цвѣтъ. —
 Испроговоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
 «А ѿ же ты Иванушко Годиновичъ!
 «Чего-ль тебѣ вѣдь все надобно,
 «Города-ль тебѣ пабъ съ пригородками,
 «Аль несчетной тебѣ надо золотой казны,
 «Аль силы войска тебѣ надо великаго?»
 Испроговоритъ Иванушко Годиновичъ:
 — Владиміръ князь стольне-кіевской,
 — Свѣтъ государь ты мой дядюшка!

— Ницѣго вѣдь мнѣ-ка не надобно.
 — Не надо городовъ съ пригородками,
 — Не надо силы войска великаго,
 — Не надо несчетной золотой казны.
 — А ѿ только дай-ко-съ три молодца что ни луч-
 шихъ,
 — Что ни лучшихъ перебраныхъ.
 — Во-первыхъ стараго казака Илью Муромца,
 — А ѿ во-другихъ Исака Петровича,
 — А ѿ во-третьихъ Алѣшу Поповича. —
 А ѿ вид'ли добрыхъ молодцовъ сядучи,
 Не вид'ли удалыхъ поѣдучи.
 Во чистомъ полѣ куревá стоятъ,
 Курева стоятъ, пылъ столбѣмъ валить.
 Не путемъ-то ѣдутъ не дорогою,
 Черезъ башню ѣдутъ треугоднюю.
 Скакали кони черезъ стѣну городовую,
 Приѣзжали во тотъ ли во Черниговъ градъ,
 Ко Митрею князю богатаму,
 А ѿ ко той ко полаты бѣлокаменной,
 А ѿ ко тымъ крыльцамъ ко точенымъ.
 А ѿ вязали добрыхъ коней
 Ко тымъ ко кольцамъ золоченымъ,
 А идуть во полату бѣлокаменну,
 А ѿ крестъ-то кладуть по писаному,
 Поклонъ тотъ ведутъ по уцѣному.
 «А ѿ здравствуйте вси кунци вси бѣяра,
 «Вси сплыни могучи богатыри!»
 А ѿ Митрею князю со княгинею
 Въ особину низко кланялись.
 Говоритъ тутъ Митрей князь богатия:
 — Цѣго пришли гости небывали,
 — Небывали гости неѣзжали?
 — Садитесь-ко-съ вы хлѣба соли покушати,
 — Бѣлыхъ лебедей все порушати. —
 Испроговорятъ добры молодци:
 «Митрей князь богатия!
 «Мы не хлѣба соли пришли кушати,
 «Не бѣлыхъ лебедей мы всё рушати, —
 «Мы пришли зашли обѣ староемъ дѣлѣ, обѣ сва-
 товствн,
 «А ѿ сватать Настасьи Митриѣвичной,
 «За того-ль за Ивана Годиновича.»
 Говоритъ тутъ Митрей князь богатия:
 — А ѿ же вы добры молодци!
 — За три годы Настасьешка просватана,
 — Во тую-ль во землю во невѣрную,
 — За того ль за парща за Кошерища. —
 Испроговорятъ добры молодци:
 «Митрей князь богатия!
 «Ты волей не дашь — мы боёмъ возьмёмъ.»

Испроговорить Настасья Митриѣвична:

— Свѣтъ государь ты мой батюшко,

— Митрей князь богатя!

— Я не йду вѣдь во землю во невѣрную,

— За того ль за царща за Кошерища,

— Я иду за Ивана Годиновича. —

А й брали Настасью добры молодци.

Иванушко Годиновичъ

А й брать онъ вѣдь за бѣлы руки,

За бѣлы руки зланы перстни,

А й водилъ вѣдь во церковь во Божью,

А й садилсь въ корсту золоченую,

А й видѣли добрыхъ молодцевъ садучи,

Не видѣли удалыхъ поѣдучи,

Во чистомъ поли одна пиль стоитъ.

На пути имъ пошло три слѣдочника:

А й первый слѣдочникъ левѣ звѣря,

А й другой слѣдочекъ лани бѣлыя.

А й третій слѣдочекъ черна соболя.

Говорить тутъ Иванушко Годиновичъ:

«Старый казакъ Илья Муромецъ!

«Поди-тко-сь ты за левомъ звѣрѣмъ.

«Достань-ко-сь ты вѣдь левѣ звѣря,

«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.

«А й Исакъ Петровинецъ!

«Поди-тко за ланью за бѣлыя,

«Достань-ко-сь ты вѣдь лани бѣлыя,

«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.

«Алеша Поповинецъ!

«Поди-тко за чернымъ за сободемъ,

«Достань-ко-сь ты черна соболя,

«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.»

А й остался одинъ добрый молодецъ

Иванушко вѣдь Годиновичъ,

А й самъ роскинулъ онъ бѣлы шатеръ,

А й сталъ съ Настасьей забавлятися.

Мало времечко миновалоси,

А й ѣдетъ царицо Кошерицо

Кричитъ покрикомъ богатырскимъ.

Свиснулъ посвистомъ соловьинымъ,

А й самъ на словахъ выговаривать:

— А й же ты Иванушко Годиновичъ!

— Съѣшь мое мясо подавишься. —

Видитъ Иванушко бѣда пришла,

Вѣда пришла неминучая.

Выскакивалъ изъ бѣла шатра

На тую-ль на площадь дуброву зеленую,

Глядитъ-смотреть въ сторону полудѣнную.

А й ѣдетъ царицо Кошерицо.

Куды падаютъ конята лошадины,

Тутъ остаются колодци ключевой воды.

А Иванушко Годиновичъ

Выскакивалъ онъ на добра коня.

А й взялъ сбрую всю богатырскую.

Не двѣ горюшки вмѣсто столкнулось,

Два богатыря вмѣсто съѣхалось.

А й помахнулись въ палици булатни,

А й палици во цѣвьяхъ пригибалися,

Пригибалися переломалися,

А й другъ друга до крови не ранили.

Помахнулись во сабли во вострия,

Востри сабли прищербилися,

Прищербилися пополамъ переломилися,

А й другъ друга до крови не ранили.

Помахнулись во кобыя во вострии,

Востри кобыя притупилися,

А й другъ друга до крови не ранили.

Выскакивали вѣдь съ добрыхъ коней,

На тую-ль на площадь дуброву зеленую,

А й скажываются на рукопашный бой.

Иванушко Годиновичъ

А й взялъ-то татарина за шиворотъ,

А й положилъ-то своей вѣдь правой ногой

Татарина по лѣвой ноги.

А й бросалъ-то его о сыру землю,

А й съѣлъ ему на груди на бѣлыя,

А й на бѣлыя на груди на царскіи,

На царскіи груди татарскіи,

А й самъ говоритъ таково слово:

«А й же ты Настасья Митриѣвична!

«Подай ножичицо книжалницо

«Вывать сердце со печенью татарскою,

«Татарскою сердце царскою,

«Добрымъ людюшкамъ на сглаженіи,

«А й старымъ старухамъ на роптаніи,

«Чернымъ воронамъ всё на граяньи,

«А й сѣрымъ волкамъ всё на воевьи.»

Говорить тутъ царицо Кошерицо:

— А й же ты Настасья Митриѣвична!

— Не подай ножичица книжалница,

— Какъ за имъ вѣдь будешь жить,

— Будешь слить бабой простомыннымъ,

— Будешь старому малому клаятися.

— А й за мной вѣдь будешь жить,

— Будешь слить царицей вѣковѣчноюй,

— Будетъ старый вѣдь малый тѣ клаятися. —

А й у бабы волосъ дологъ, умъ коротокъ.

Выскакивалъ Настасья изъ бѣла шатра,

А й хватаетъ Иванушко Годиновича за желты

кудри,

А й сбиваетъ Иванушко Годиновича о сыру землю.

А й привязали Иванушко Годиновича

Ко тому ли ёго ко сыру дубу,
 А й той ли ёго всё кувиль травой,
 А й сами свалились во бѣль шатерь.
 Мало времечко миновалоси,
 Прилетѣли три сизыхъ, три малыхъ три голуба,
 А й другъ промежь другомъ спрогуркнули:
 «За что эта головушка привязана,
 «Привязана головушка прикована?
 «Ради дѣвки, ради бляди, ради сводницы,
 «Ради сводницы. всё душогубница.»
 Эта рѣчь-то татарину не влюбиласи.
 Выскакиваетъ татаринъ изъ бѣла шатра,
 Вытагиваетъ у Ивана Годиновича
 Съ колычана у его какъ вѣдь тугой лукъ,
 А й берётъ у его калену стрѣлу,
 А й тугой лукъ онь натягивать,
 Калену стрѣлу все направивать,
 А й хочеть стрѣлить сизыхъ малыхъ голубовъ.
 Иванушко Годиновичъ
 У сыра дуба приговаривать:
 — Ужь ты батюшко мой тугой лукъ,
 — Ужь ты матушка калена стрѣла,
 — Не пади-ко стрѣла ты ни на воду,
 — Не пади-ко стрѣла ты ни на гору,
 — Не пади-ко стрѣла ты ни въ сырой дубъ,
 — Не стрѣли сизыхъ малыхъ голубовъ,
 — Обвернись стрѣла въ груди татарскіи,
 — Въ татарскіи груди во царскіи,
 — А й вырви-ко сердце со печенью,
 — Добрымъ людишкамъ на сляжёнїи,
 — А й старымъ старухамъ на роптанїе.
 — Чернымъ воронамъ всё на граянїе,
 — А й сѣрымъ волкамъ всё на воевьё. —
 А й не пала стрѣла вѣдь ни на воду,
 А й не пала стрѣла вѣдь ни на гору,
 А й не пала стрѣла вѣдь ни въ сырой дубъ,
 Не стрѣлила сизыхъ малыхъ голубовъ,
 Обвернулась стрѣла въ груди татарскіи,
 А й въ татарскіи груди во царскіи,
 А й вырвала сердце со печенью,
 Добрымъ людишкамъ на сляжёнїи,
 А й старымъ старухамъ на роптанїе,
 Чернымъ ворономъ всё на граянїе,
 А й сѣрымъ волкамъ всё на воевьё.
 А й тутъ то Настасьюшко заплакала:
 «Я отъ бережка откачуласи,
 «Я ко другому не прикачуласи.»
 Испроговоритъ Иванушко Годиновичъ;
 — Отвяжи-ко Настасья Митриѣвична
 — Отъ того ли меня отъ сыра дуба. —
 Говоритъ Настасья таково слово:

«А й же ты Иванушко Годиновичъ!
 «Отвязала бы я тя отъ сыра дуба,
 «А й будешь ты меня вѣдь всё бити мучити.»
 Говоритъ тутъ Иванушко Годиновичъ:
 — А й же ты Настасья Митриѣвична!
 — Я не буду тебя бити мучити,
 — Только дамъ три науки молодецкіихъ,
 — Молодецкіихъ науки княженецкіихъ. —
 Эта рѣчь-то Настасьѣ не влюбиласи,
 А й выскакиваетъ изъ бѣла шатра,
 А й на туюль на площадь дуброву зеленую,
 А й берётъ въ рукіи саблю вострую,
 А й замахъ держитъ на Иванушко Годиновича,
 А й хочеть у него отсѣчь прочь буйну голову.
 А й богатырско сердце разгорѣлоси,
 Сходилсо Иванушко у сыра дуба,
 Сырой дубъ къ зеніи приклоняется,
 Самъ весь въ штильци прищербается.
 Отходилъ Иванушко Годиновичъ
 На своё волю отъ сыра дуба,
 А й хватаетъ Настасьюшку за желту косу,
 Сбиваетъ Настасью о сыру землю,
 Отсѣкъ у ней губы вѣдь какъ съ носомъ прочь:
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Этима мѣстами нещастливымъ цѣловаласи. —
 Копаль глаза со косицами:
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Этима мѣстами нещастливымъ смотрѣласи. —
 Отсѣкъ у ей руки но локотамъ прочь:
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Этима мѣстами нещастливымъ обинмаласи. —
 Отсѣкъ у ней ноги во колѣнамъ прочь:
 — Этыхъ мѣсть мнѣ не надобно,
 — Этима мѣстами нещастливымъ залеталаси. —
 А й только Иванушко женать бывалъ,
 А й женать бывалъ онь съ женой спалъ.
 А й скоро женился, да не съ кимъ спать.

Записано въ Тайгеницѣ. 17 іюля.

Обувается Чурила снаряжается,
 Наливаетъ Чурила ключевой воды въ тазъ,
 Умываетъ Чурила лицо бѣлое,
 Утираетъ Чурила въ тонго льняно полотно,
 Сапожки на ножки краснаго сафьяна,
 Краснаго сафьяна турецкаго,

Турецкаго питья нѣмецкаго,
 Подъ пяти пяти воробей пролетѣлъ,
 Около носочковъ яичко катилъ.
 На головушку шапочку пятьсотъ-то рублей,
 А й пушисту, пушисту завѣснису,
 Чтобы спереди не видно лица бѣлаго,
 Чтобы сзади не видно желтыхъ-то кудрей.
 Онъ беретъ-то коня да коня шахмака,
 Во двѣнадцать сѣдлышекъ засѣдываетъ,
 Во двѣнадцать онъ подиружковъ подтягивае.
 Подиружки были шелковыи,
 А й супруженки золоченыи,
 А й не ради красы, всё ради крѣпости.
 А й шелкъ-то не рвется, бузатъ тотъ не трется,
 Красно золото не ржавѣтъ.
 Вид'ли-то Чурилушку садучисъ,
 А й не вид'ли удалаго поѣдучисъ,
 Во цистомъ-то поли да одна пыль стоить.
 Увидала Катерина Викулчна,
 Она во поясъ бросалась во косичато окно,
 Она скоро-то шла да по новѣимъ сѣнямъ,
 А еще того скорѣе ко широкимъ воротамъ.
 Отпирала широкія ворѣтника,
 Запускала Чурилушку Пленковича,
 А й ставила коня до во конину стойлу,
 Во кониную стойлу лошадиную,
 А й насыпала шпоны да бѣлояровой.
 Отошла отъ коня да поклонилася.
 «Ужъ ѣшь ты коня да нецѣстой духъ!
 «Не для тѣбя поклоняюсь, для хозяйна,
 «Для хозяйна да для Чурилушки,
 «Для Чурилушки да для Пленковича.»
 Брала Чурилу за бѣлыи руки,
 За бѣлыи руки все значеніи перстни,
 Цѣловала во уста да во сахарни,
 Проводила Чурилу во свѣтлы свѣтлнцы.
 «Сядемъ-ко Чурилушка во шашечки играть.»
 Оны разъ-то играли — проигрывали
 Оны дрѣгой-то играли — выигрывали.
 «Бросимъ-ка Чурилу шашечну игру,
 «Ляжемъ-ко Чурилу на тисовую кровать,
 «На тисовую кроватку, призабавимся.»
 Увидала тутъ дѣвчоночка чѣрная,
 Чѣрная дѣвчоночка челядинка.
 — Еще что же Катерина Викулчна,
 — У тя гость въ гостяхъ да быдто братъ родной,
 — Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ
 женой.—

Испроговоритъ Чурилушка Пленковичъ:
 «Черна дѣвчоночка челядинка!
 «Вотъ тѣ дѣвчоночка шапочка,

«Шапочка да пятьсотъ рублей,
 «Ушиста, пушиста, завѣснста,
 «Чтобы спереди не видно лица чѣрнаго,
 «Чтобы сзади не видно вшиваго пучка.
 «Еще вотъ тѣ дѣвчоночка полтинка серебра,
 «Полтинка серебра да на румянишка,
 «Еще вотъ тебѣ друга на бѣлилушка.»
 Испроговоритъ Катерина Викулчна:
 — Еще а й же ты Чурилушка Пленковичъ!
 — Еще шапочку-то эту самъ сдержи,
 — А й полтинки серебра мнѣ-ка-ва отдай.—
 А й дѣвчоночку пало не по здраву,
 Она скоро-то да по чистому полю,
 А еще того скорѣе во Божью церкву,
 Не крестя ни моля да лица чѣрнаго.
 Испроговоритъ Пермянь да сынъ Васильевичъ;
 «Еще что же ты дѣвчоночка чорная,
 «Чорная дѣвчоночка челядинка,
 «Не крестя ни моля да лица чорнаго.»
 — Ты повслушай Пермянь да сынъ Василье-
 вичъ!
 — У тя гость въ гостяхъ, да быдто братъ родной,
 — Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ
 женой.—
 Онъ скоро-то шолъ да по чистому полю,
 А еще того скорѣе ко широкимъ воротамъ.
 Увидала Катерина Викулчна.
 «Еще охъ-ти мнѣ да пере-охъ-ти мнѣ,
 «Куды-то я кладу да Чурилушку,
 «А й Чурилушку да Пленковича.»
 Еще брала тутъ она да золотыи ключи,
 Отмыкала она тутъ кованыи ларцы,
 Полагала Чурилушку Пленковича.
 Она скоро-то шла да по новѣимъ сѣнямъ,
 А еще того скорѣе ко широкимъ воротамъ,
 Отпирала широкія ворѣтника,
 Запускала Пермяня Васильевича.
 — Еще что же Катерина Викулчна,
 — А въ однихъ ты чулочкахъ бѣзъ чоботковъ?
 — У тя гость въ гостяхъ, да быдто братъ род-
 ной,
 — Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ же-
 ной.—
 «Ты повслушай Пермянь да сынъ Васильевичъ
 «Еще была калика перехожа.
 «Накормила, напоила, на перинки отдохнулъ.»
 Поворотъ-то держалъ Пермянь сынъ Василье-
 вичъ.
 Онъ скоро-то шелъ да по чистому полю,
 А еще того скорѣе во Божью церкву,
 Самъ говоритъ таковое слово:

— Чорна дѣвчоночка челядника!
 — Завела говорить, такъ ты доказывай.—
 «Ты повыслушай Пермьянъ да сынъ Васильевичъ
 «Ты поди-тко во свою да во конину стойлу,
 «Во кониную стойлу лошадиную,
 «Тамъ стоитъ вѣдь Чуриллино конишечко.»
 Поворотъ-то держаль Пермьянъ Васильевичъ.
 А й онъ скоро-то шель да по чистому полю,
 А еще того скорѣе во конидую стойлу,
 Во кониную стойлу лошадиную,
 Тамъ стоитъ-то Чуриллино конишечко,
 Онъ замахъ-то держаль да на конишечка.
 У конишечка головушка скатиласи.
 Еще самъ говорить да такое слово:
 — Еще что же Катерина Викулична!
 — А й откуль у тебя да конишечко,
 — А й конишечко да Чуриллино? —
 «Ты повыслушай Пермьянъ да сынъ Василье-
 вичъ!»
 «Какъ крестовыя братьици съѣзжалися,
 «Они добрыма бѣвми помѣнялися.»
 Поворотъ-то держаль Пермьянъ Васильевичъ.
 А й онъ скоро-то шоль по чистому полю,
 А еще того скорѣе во Божью церкву,
 Самъ говорить такое слово:
 — Еще чорна дѣвчоночка челядника
 — Завела говорить, такъ ты доказывай.—
 «Ты повыслушай Пермьянъ да сынъ Василье-
 вичъ!»
 «Ты поди-тко во свои да свѣтлы свѣтлицы.»
 Поворотъ-то держаль Пермьянъ Васильевичъ.
 А й онъ скоро-то шоль по чистому полю,
 А еще того скорѣе въ свѣтлы свѣтлицы,
 А й браль-то свои да значеніи ключи,
 Отмыкаль-то свои да кованіи ларци,
 Откуль выскочилъ Чурилушка Плёнковичъ.
 Онъ замахъ-то держаль да на Чурилушку,
 У Чурилушки головушка скатиласи.
 Говорить Катерина Викулична:
 — Куды пала Чурилина головушка,
 — Тутъ скатись-ко моя буйна головушка. —
 Онъ замахъ-то держаль да на Викуличну,
 У Викуличны головушка скатиласи.
 Какъ не бѣлия лебеди слеталися,
 Двѣ головушки выѣсто скатилоси.
 Поворотъ-то держаль Пермьянъ Васильевичъ.
 А й онъ скоро-то шель да по чистому полю,
 А еще того скорѣе во Божью церкву,
 Еще самъ говорить да такое слово:
 «Чорна дѣвчоночка челядника!
 «Знала бы ты да коровъ кормить,

«Коровъ кормить, да телятъ поить,
 «А не знала бы ты мужнихъ жонъ доказывати.»
 Онъ замахъ-то держаль да на дѣвчоночка,
 У дѣвчоночки головушка скатиласи.
 Онъ тупымъ-то концомъ да о сырью землю,
 А й онъ вострымъ концомъ да въ свою бѣлую
 грудь.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 июля.

XXXIV.

ЛИСИЦА.

Елена Алексѣева, по прозванію **Лисица**, съ Зубовой близъ Выгозера, бѣдная вдова, изъ раскольниковъ. лѣтъ подл. 60. Извѣстна въ околѣхъ знаніемъ свадебныхъ пѣсень, причитаній, заговоровъ и т. под., и этимъ получаетъ пропитаніе. Былиннъ знаетъ немного, но эти поетъ весьма складно, но старческимъ, дребезжащимъ голосомъ.

190.

ПОѢЗДКИ ИЛЫ МУРОМЦА.

Старой казакъ да Илья Муромецъ,
 Ѣздилъ старъ по чисту полю,
 Опъ рѣки озѣра черѣзъ скакаль,
 Онъ синѣ морюшко на околѣ бѣжалъ.
 Приѣзжалъ старъ ко чисту полю, къ сѣру ка-
 мешку,
 На камешкѣ подишь подиисана:
 Въ одну дорожку ѣхатъ убиту быть,
 А въ другу ѣхатъ богату быть,
 Въ третью ѣхатъ женату быть.
 А стоитъ старъ удивляется,
 Головой кача, выговаривать:
 «На что мнѣ-ка стару убиту быть,
 «На бою стару не написана.
 «А на что мнѣ-ка стару женату быть,
 «Мнѣ-ка старая взять на печи держать,
 «А й молодая взять да чужа кормить.
 «А на что мнѣ-ка стару богату быть,
 «Еще пѣтъ у меня любимой семьи,
 «Любимой семьи молодой жены,
 «Молодой жены малыхъ дѣточекъ,

«Малыхъ дѣточекъ красныхъ дѣвушокъ,
 «Не кому тощитъ золотой казны,
 «Некому держать платья цвѣтнаго.
 «А поѣду въ ту дорожку гдѣ убиту быть.»
 Попроѣдучись Индѣи богатей,
 А и не доѣдучись Корелы проклятыи,
 А стоитъ сорокъ воровъ сорокъ разбойниковъ,
 Стоитъ сорокъ тѣхъ же дураковъ-подорожниковъ.
 — Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
 — Со конемъ, животомъ ёго рѣзучимъ. —
 Говори старъ таково слово:
 «Убить-то вамъ стараго некого,
 «И взять-то со стараго нечего.
 «Золотой казны не случилось,
 «И только съ собой прилучилось
 «Одинъ солѣмъ на главы сорокъ тысячей,
 «На ножгахъ сапожки семи шелковъ,
 «Во рукахъ во погахъ по камешку,
 «По цвѣтному лазуреву по латырю,
 «А чудень-то крестъ да семьсотъ рублей.»
 Говорятъ воры разбойники:
 — Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
 — Со конемъ, животомъ ёго рѣзучимъ. —
 Говори старъ таково слово:
 «Убить-то вамъ стараго некого,
 «И взять-то со стараго нечего.
 «Золотой казны не случилось,
 «Только прилучился добрый конь,
 «И доброму коню у меня цѣны нѣтъ,
 «И потому ему цѣны нѣтъ:
 «Заплетены дрѣги (sic) камешки во гривушку во
 конпную,
 «Положень во хвостикъ самоцвѣтный каме-
 шокъ,
 «Не ради красы басы молодецкіи,
 «Ради темныи ночи осенніи.
 «Гдѣ ходитъ гуляе добрый конь во чистомъ
 полѣ,
 «Вижу за тридцать верстѣ мѣрныхъ.»
 Садился старъ на добра коня,
 Сталъ конничкомъ порыскивать,
 Куды махнѣтъ — улками,
 Куды перемахнѣтъ — переулками.
 Смолились воры разбойники:
 — Старой казакъ Илья Муромецъ!
 — Оставь-ко ты хотъ насъ на сѣмена. —
 Старой казакъ Илья Муромецъ
 Прирубилъ силу татарскую,
 Прирубилъ силу поганую.
 Приѣзжалъ къ тому сѣру камешку,
 Старую подпись выхѣривалъ,

Новую подпись написывалъ:
 Та дорожка очищена,
 Старымъ казакѣмъ Ильей Муромцемъ
 Очищена, оглажена.
 Поѣхалъ въ ту дорожку гдѣ женату быть.
 Приѣхалъ къ палаты бѣлокаменной,
 Привязывалъ ко́ня добраго
 Ко тому столбу ко точёному,
 Ко колечку вязалъ золочёному
 Старой казакъ Илья Муромецъ,
 И шѣлъ въ полату бѣлокаменну,
 И не держали замочки шурупчаты,
 Отворялъ вси двери ворота великіи.
 Нашелъ красну дѣвцу въ своемъ теремѣ,
 И просилъ ключовъ великіихъ
 Отомнуть всѣ погребы глубокіи.
 И жалко красной дѣвцы
 Подать ключовъ великіихъ,
 Не стала красна дѣвица
 Подавать ключовъ великіихъ.
 Старой казакъ Илья Муромецъ
 Не спрашивалъ тыхъ ключовъ великіихъ,
 Онъ толнулъ красну дѣвцу во бѣлу грудь,
 Просѣла она въ тии погребы глубокіи,
 И роскочилиси двери великіи.
 Выпускалъ сорокъ купцей, сорокъ купечичей,
 Сорокъ простыхъ молодецѣвъ со тыхъ погре-
 бовъ глубокіихъ.
 Приѣзжалъ старой казакъ Илья Муромецъ
 Ко тому ко камешку ко сѣрому,
 Тую подпись выхѣривалъ,
 Новую подпись подисывалъ:
 Все эти дорожки очищены,
 Очищены дорожки, оглажены
 Старымъ казакѣмъ Ильей Муромцемъ.
 А не поѣду въ ту дорожку гдѣ богату быть,
 Есть у меня золотой казны несчѣтныи,
 Есть у меня казны — собинны несмѣтныи.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

191.

ДУНАЙ.

Дунай Дунаюшко сынъ Ивановичъ,
 Гулялъ Дунаюшко по чисту полю,
 Стрѣлялъ Дунаюшко сѣрыхъ утешекъ,
 Убилъ Дунаюшко головъ безповинныхъ.
 Кого за руку щипнулъ, то рука прочь,

Кого за ногу щипнулъ, то нога прочь.
 Сдѣлалась надъ Дунаюшкомъ незгодушка великая,
 Сдѣлалась надъ царемъ незгодушка великая,
 Улетѣла люта змѣя пещорская,
 Любимую его племяннику,
 Отъ креста его хрестничку.
 И прозналъ царь про Дуная Дунаюшка,
 Дуная сына Ивановича,
 Набѣ хать за любимую племянничкой,
 Отъ креста его хрестничкой,
 Вывести отъ змѣи пещорскіи.
 А ѣ сидитъ Дунаюшка кручинится,
 Буйная головушка новѣшена.
 Очи ясныя потуги держитъ.
 Говорила Дунаюшку рѣднѣ матушка,
 Рѣднѣ матушка, чѣстнѣ вдовушка:
 «Ты Дунай Дунаюшко,
 «Дунай сынъ Ивановичъ!
 «Поди Дунаюшко на конюшій дворъ,
 «Остался отъ батюшка добрый конь.»
 Шель Дунаюшко на конюшій дворъ,
 Отворилъ конюшій дворъ.
 — Ужъ ты добрый конь, вѣрнѣ слуга!
 — Набѣ сѣздить ко лютой змѣи,
 — Ко лютой змѣи ко пещорскіи,
 — За любимой племянничкой, царской хрестнич-

кой. —

Глаголетъ конь языкомъ человѣческимъ:
 «Семнадцать лѣтъ послѣ батюшка не кармилвалъ,
 «Послѣ батюшка семнадцать лѣтъ не панвалъ.»
 Да тутъ Дунаюшко сынъ Ивановичъ
 Паль коню въ копытце правое.
 — Ужъ ты добрый конь, вѣрнѣ слуга!
 — Свози къ змѣи пещорскіи. —
 И панвалъ пшеницы бѣлояровой
 Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ,
 И кормилъ коня до сита
 Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ.
 Принесла матушка сѣдельшко черкальское,
 Принесла матушка узду золоченую,
 Принесла матушка плетку шелкову,
 Плетку шелкову сорока пудовъ.
 И садился Дунай на добра коня,
 Видѣли добра молодца сѣдучись,
 Не видѣли поѣдучись.
 Въ чистомъ поли курева стоитъ,
 Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
 Пріѣзжалъ къ змѣи пещорскіи,
 Глаголетъ красна дѣвица Дунаюшку:
 «Дунай Дунаюшко Дунай сынъ Ивановичъ!
 «А нусть змѣя лютая

«Нажрется груди бѣлою,
 «Груди бѣлою дѣвочью.»
 Наждралась змѣя пещорская
 Груди бѣлая, груди дѣвочью,
 И повалилась змѣя пещорская,
 Заснула сна крѣпкіи.
 И увезъ Дунаюшко любимую племяннику
 Отъ змѣи пещорскіи,
 И привезъ царю въ полату бѣлокаменну,
 И садилъ ю на золотъ столъ.
 Сталь царь выпрашивать
 И сталь вывѣдывать:
 — Ты красна дѣвица любима моя племянника,
 — Отъ креста моя хрестничка!
 — Везъ тебя Дунаюшко, не пристыдилъ ли,
 — Везъ тебя Дунаюшко, не пристрамиль ли? —
 Отвѣтъ держитъ красна дѣвица.
 Своему хрестну батюшку,
 Царю великому:
 «Везъ меня — не пристыдилъ,
 «Везъ меня — не пристрамиль.»
 Говоритъ царь великкіи:
 — Ты Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ!
 — Городами ль берешь съ пригородками,
 — Али селами берешь съ присѣлками,
 — Аль золотой казной несчетною,
 — Иль силой берешь несметною? —
 Говоритъ Дунаюшко Ивановичъ:
 — Не набѣ золотой казны несчетною,
 — Не набѣ мнѣ силы несметною,
 — Не набѣ мнѣ-ка-ва городовъ съ пригородкамъ,
 — Осталось отъ батюшка родителя
 — Золотой казны несчетною,
 — Остались бочечки сороковочки,
 — И вѣспутъ на цѣночкахъ серебряныхъ.
 — Ты царь великкіи
 — Дай-ка красну дѣвицу за менѣ замужъ. —
 И сложился царь, отдалъ любимую племяннику
 За Дуная сына Ивановича,
 За его вѣрну услугушку,
 Съ весельемъ и радостью.

Записано тамъ же, 15 іюля.

192.

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЪ.

Заводилъ государь да почестенъ пирь,
 На многіи на князи на бояра,
 На сильни могучи богатыри,
 На вси поляницы удалыи.
 И вси во пиру пьаны веселы,
 И вси во честномъ прирехвастаньсь.
 Да иной-то похваста золотой казной,
 А иной-то похваста своей ұдатыю.
 А й за тымъ столомъ бѣлодубовымъ,
 За той скамеечкой каленовою,
 Сидитъ старыи Данилушко Игнатъевичъ.
 Онъ не ѣсть-то не пьетъ самъ не кушаѣ,
 А ничего самъ въ пиру не хвастае.
 Говоритъ царь таково слово:
 «Престарѣвшій Данилушко Игнатъевичъ!
 «Ты чего сидишь въ пиру кручинившесе,
 «Ты чего сидишь въ пиру печалишься?
 «Али мѣсто въ пиру не по отчигѣ,
 «Али чарой въ пиру тебя приобнесли,
 «Али пьяница надъ тобою усѣхнуласи.»
 Говоритъ Данилушка Игнатъевичъ!
 — Бласлови, осударь, слово навимолвить,
 — Не срубн, осударь, буйной головы,
 — Не выпь сердцѣ со печенью.
 — Бласлови Данилу въ монастырь итти,
 — Какъ постричься во старци во чорныи,
 — Поскомидитъся въ книги спасеня,
 — При старости Данилы бы душа спасти. —
 И говоритъ царь таково слово:
 «Престарѣвшій Данилушко Игнатъевичъ!
 «Бласловилъ бы я тебя въ монастырь пойти.
 «Какъ прознають орды невѣрныи,
 «Провѣдають цари нещасливыи,
 «Такъ Кіевъ градъ щеной возьмутъ,
 «Да церкви Божьи на дымъ спустятъ,
 «Меня осударя въ полопъ возьмутъ.»
 — Есть у меня чадо и въ девять лѣтъ.
 — Когда будетъ чадо въ двѣнадцать лѣтъ
 — И будетъ стоять по городи по Кіеву,
 — И по тебѣ Владиміръ стольне-кіевской. —
 Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Бласловилъ Данилу въ монастырь пойти
 Какъ постричься во старци во чорныи,
 Поскомидитъся во книги спасеня,

При старости Данилы бы душа спасти.
 И прознають орды невѣрныи,
 Провѣдають цари нещасливыи.
 Да заводилъ осударь почестенъ пирь,
 На многіи на князи на бояра,
 На сильни могучи богатыри,
 На вси поляницы удалыи,
 И вси во пиру пьаны веселы,
 Вси во честномъ прирехвастаньсь.
 Да иной похваста золотой казной,
 Да иной-то хвастаетъ своей ұдатыю,
 А иной-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
 И самъ осударь-та не ѣсть не пѣ.
 Самъ въ пиру ничимъ не тѣшитенъ,
 Ничимъ въ пиру онъ не хвастаѣ.
 Говоритъ царь таково слово:
 «Ой вы князи вси бояра,
 «Вси сильни могучи богатыри,
 «Вси поляницы удалыи!
 «Выбирайте-тко мнѣ поединника
 «Ѣхать во далечо чисто полѣ,
 «Намъ сила считать, полки высмѣкать,
 «Вывести передъ смѣтой на золотъ столъ.»
 Изъ-за тыхъ столовъ бѣлодубовыхъ,
 Изъ-за той скамеечки кленовыя,
 Выстаетъ молодой Ивапушко Данильевичъ.
 Онъ князьямъ-то бѣе о лѣвѣ руку,
 Самому осударю о правѣ руку.
 — Ѣду во далечо въ чисто поле,
 — Всю силу считаю, полки высмѣкаю,
 — Приведу передъ смѣтой на золотъ столъ. —
 Говоритъ царь таково слово:
 «Нѣтъ ли поматерѣ ѣхать добра молодца?»
 И говорятъ вси князи, вси бояра,
 Вси сильни могучи богатыри,
 Вси поляницы удалыи:
 — Видѣтъ добра молодца по походочкамъ,
 — Видѣтъ добра молодца по поступочкамъ. —
 Наливалъ осударь чару зелена вина,
 Вѣсомъ та чара полтора пуда,
 Мѣрой та чара полтора ведра.
 Принималъ Ивапушко единой рукой,
 Выпивалъ Ивапушко на единый духъ.
 Вид'ли добра молодца сядучисъ,
 Не вид'ли добра молодца поѣдучисъ.
 А во чистомъ поли курева стоитъ,
 Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
 На встрѣту бѣжитъ родной батюшко,
 Онъ голосомъ кричитъ, шлѣпой маше.
 «Молодой Ивапушко Данильевичъ!
 «Ты не ѣдь-ко въ цѣлый гузь,

«Ты ѣдь-ко въ поль-гужа,
 «Ты силу руби съ одного плеча.»
 Молодой Иванушко Данильевичъ
 Онъ во день ѣздилъ по красну по солнышку,
 Онъ въ ночь ѣздилъ по лунну по мѣсяцу,
 И налилъ коню пшеницы бѣлоровой,
 И самъ молодець спать-то лёгъ.
 Проснулся добрый молодець, стоитъ конь доб-
 рын,

Не ѣсть травы шелковыи,
 Не зоблетъ пшеницы бѣлоровой.
 Онъ бѣе коня по тучнымъ ребрамъ:
 — Волчья ѣда, травяной мѣшокъ!
 — И что же ты не зоблешь пшеницы бѣлоро-
 вой,

— Не ѣшь травы шелковыи? —
 Жерствуе*) конь языкомъ человѣчьимъ:
 «Надъ тобой знаю незгодушку великую,
 «Надъ собою знаю незгодушку великую,
 «Копали татара поганин,
 «Копали три погреба глубокиихъ
 «И клали рогатники звѣринныя.
 «И первой тотъ погребъ перѣскочу,
 «И другой тотъ погребъ перѣскочу,
 «Третьяго погреба не могу скочить.
 «Упаду во погребы глубокии,
 «Во ты рогатники звѣринныи.
 «Обневолятъ тебѣ добра молодца
 «Во ты во пѣтники шелковыи,
 «Во ты желѣза во нѣмецкии.»
 Онъ бѣе коня по тучнымъ ребрамъ:
 — Волчья ѣда, травяной мѣшокъ!
 — Ты не знашь незгодушки, не вѣдаешь. —

И садился Иванушко на добра коня,
 Въ чистомъ поли ѣще куревѣ стоитъ,
 Куревѣ стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
 Пріѣзжалъ къ татаровамъ поганинмъ.
 Онъ первой тотъ погребъ перѣскочилъ,
 Онъ другой тотъ погребъ перѣскочилъ,
 Говоритъ конь доброй языкомъ человѣчьимъ,
 Говоритъ мѣлоду Иванушку Данильевичу:
 «Молодой Иванушко Данильевичъ!
 «Дай-ко ты-ка мнѣ здохъ здохнуть.
 «Перѣскочу погребъ и третій.»
 Богатырское сердце разретивилось,
 Онъ бѣе коня по тучнымъ ребрамъ,
 Упалъ конь во погребы глубокии,
 Во ты рогатники звѣринныи.
 Обневолили добра молодца,

*) Такъ въ несколько разъ.

Связали ручки бѣлыи
 Во ты пѣтники шелковыи,
 Во ты желѣза нѣмецкии.
 Росплакался добрый молодець.
 Богородица Иванушку гласъ гласитъ:
 — Молодой Иванушко Данильевичъ!
 — Здынь-ко правую ручку выше головы,
 — Лѣвую ручку ниже пояса,
 — И розлопаютъ пѣтники шелковыи,
 — И рострескаютъ желѣза нѣмецкии. —
 Молодой Иванушко Данильевичъ
 Правую ручку выше головы,
 Лѣвую ручку ниже пояса.
 Розлопали пѣтники шелковыи,
 Рострескали желѣза нѣмецкии,
 Онъ хватилъ татарина кой больше всихъ,
 Онъ сталъ татаринкомъ помахивать,
 Куды махнѣтъ — туды улкамы,
 Куды перемахнѣтъ — переулкамы.
 И добро оружье татарское.
 Гнется татаринъ не ломится.
 На жиливы татаринъ подавается,
 Во вси стороны татаринъ поклоняется.
 Куды махнѣтъ — туды улкамы,
 Куды перемахнѣтъ — переулкамы.
 И та дорожка очищена
 Молодымъ Иваномъ Данильевичемъ.

Записано тамъ же, 15 юли.

—
 193.

КОСТРЮКЪ.

Ѣдетъ царица Крымская,
 Ѣде Унаво татарскии,
 Поляница удалая,
 Съ молодымъ со Кѣстриюкомъ.
 Кострюкъ Кострюковичъ,
 Демьянъ Демьяновичъ,
 Молодой Ѣдетъ черкалонецъ,
 Иде царю въ нову горенку,
 Иде Богу не молится,
 Говоритъ не съ упадками:
 «Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 «Чтобъ были столы розставлены,
 «Терема были роспрозрапены,
 «Кущанья были налажены,
 «И питья наготовлены.»
 Ѣде царица Крымская,

Упавъ ѣдѣть татарскѣи,
Поляница ѣдѣ удалая,
Со молодымъ со Кострюкомъ.
И ѣде Кострюкъ Кострюковичъ,
И ѣде Демьянъ Демьяновичъ,
И ѣде молодой черкаленецъ,
Иде во нову горенку.
Во палату бѣлокаменну.
Идетъ онъ Богу не молится,
Говоритъ не съ упадкою:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть-ли у васъ въ Москвѣ борци,
«Удалы добры молодци,
«Съ Кострюкомъ поборотиси,
«Его силы отвѣдати
«Плеча богатырскаго?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ужъ ты Ѳедька дьякъ на воженку легоше-

некъ,
— На походочку скорѣшенекъ.
— Бѣжи Ѳедька дьякъ ко той церкви ко Божьей,
— Крикни Ѳедька дьякъ во всю орду,
— Чтобы слышали во всю землю. —
Ѳедька дьякъ на воженку легошенекъ,
На походочку крутѣшенекъ,
Бѣжалъ къ церкви соборныи,
Ко Михайлы Архангелу,
Ко кресту Леванидову,
Крикнулъ во всю орду,
Услышали во всю землю,
Заслышали за сорокъ верстъ мѣрныи.
Съ-подъ пятничкой пятны,
Съ-подъ волоцкой стороны
Бѣжить два братца родимыи:
Михалка бѣжитъ нарывається,
Иванка бѣжитъ похваляется.
Пришелъ борець на широкъ дворъ.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Хлѣбъ тебѣ на столи,
— И Богъ стоитъ на стѣны,
— И борець стоитъ на двори. —
Побѣжалъ молодой борець черкаленецъ на широкъ дворъ,

Задѣлъ ногой за скамью,
Убилъ сорокъ бойровей,
Убилъ сорокъ татареней,
Достальни лежать окарачками.
Дай Богъ на дворъ живу сойти,
Со двора живу не притти.
Пришелъ молодой борець черкаленецъ на широкъ дворъ,

Ѳедька поткнулъ, Ѳедька стоитъ не трихнется,
Желты кудерки не шарашатся.
Онъ и другой разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не
трихнется,
Желты кудерки не шарашатся.
Онъ и третей разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не
трихнется,

Желты кудерки не сворѣхнутся.
Говоритъ Ѳедька дьякъ таково слово:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Смѣтъ ли борца побороть,
«Смѣтъ ли молодого ломать,
«Смѣтъ ли рука ногу ломить,
«Смѣтъ ли глазъ новѣворотити?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Кабы тебѣ Господи пособилъ. —
Здмнулъ Ѳедька дьякъ повыше церкви соборныи
Пониже креста Леванидова.
Спустилъ о кирпичный подъ,
Рубашка та лопнула
Ѳтъ бѣлой шеи до груди.
А тутъ Кострюку славы поють,
Славы поють старину скажутъ.
Тутъ царица попурхивала,
На что борца побороль,
На что молодого ломаль,
На что руку ногу ломилъ,
На что глазъ вонъ воротилъ.
Царица не попурхивай,
Крымска не помахивай,
Не выѣхать съ нашего граду.
И царицы славы поють,
Славы поють старину поють.
И только была въ граду царица крымская,
Царица крымская съ честной славою
Не выѣхала зъ граду, въ полонъ взяли.

Записано тамъ же, 15 июля.

XXXV.

ЕЛИСѢЕВЪ.

Иванъ Елисеѣвъ, старикъ раскольникъ,
подъ 80 лѣтъ, съ Выгозера, земледѣлецъ, защи-
мался и рыболовствомъ. Сохранилъ въ памяти
только одну былинну, здѣсь помѣщаемую.

194.

ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ.

Молодой Добрыня Микитинець
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Ай же вы братцы крестовые:
 «Ты молодой Олеша Поповинець,
 «Во другихъ Исáкушко Петровинець!
 «А сходите на конюшню великую,
 «Берите коня что ни лучшаго,
 «Съѣдайте во сѣделышка черкацкіи,
 «Выводите коня на улушку широкую,
 «Чтобы съѣздить Добрынюшкѣ ко городу ко
 Киеву,
 «И ко ласкову князю Владиміру на широкій
 дворъ,
 «Посвататься бы на душечкѣ Настасѣ Митріе-
 вичной,
 «Да Митріевичной Настасьюшкѣ Петровичной.
 И всимъ была Настасья добрымъ добра,
 И тѣломъ Настасья быдто снѣгъ бѣла,
 Походочка у ёй была павлиная,
 Поговорка у Настасьи лебединая.
 Сходили братци крестовы на конюшню великую,
 Брали коня что ни лучшаго,
 Приводили коня ко крылечушку точеному,
 Ко тому столбу золоченому.
 Выходитъ Добрыня на новы сѣни,
 Изъ новыхъ сѣней на круто крыльцо,
 На круто крылечко на перинчато,
 И самъ говоритъ таково слово:
 «Ай же вы народъ, людюшки добрые!
 «Пороздвинѣтесь, поростронѣтъ, на три на че-
 тире стороны,
 «Дайте Добрынь порозѣхаться.»
 Только видѣли Добрынюшку сѣдучись,
 Не видѣли Добрыню поѣдучись.
 Курева стоитъ, столбомъ парь валить.
 Куда надали конята лошадиныи,
 Ставятся колодцы ключевой воды,
 Рѣки озера Добрыня межъ ногамъ слушаль.
 Приѣзжааетъ ко городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю Владиміру на широкій дворъ,
 Привязывать коня ко столбику точеному,
 Ко тому столбу золоченому,
 Самъ заходитъ Добрыня во горницу великую.
 Поклошъ ведетъ по ученому,
 На всѣ на чегыре стороны поклоняется,
 Ласковому князю въ особину.

Выходитъ князь со горницы великоюй,
 И самъ говоритъ таково слово:
 — Ай же вы гостюшки заѣзжіе,
 — Заѣзжіе гости захожіе!
 — Вы чего пришли, чего заѣхали? —
 «Мы пришли, зашли посвататься,
 «На душечкѣ Настасѣ Митріевичной,
 «Митріевичной Настасьюшкѣ Петровичной.»
 Честнымъ пиркомъ да и свадьбу.
 Бралъ Добрыня за бѣлы руки,
 Бралъ за злачены перстни,
 Отвозилъ Добрыня во чисто поле.
 И много-ль мало времечки ѣхали,
 Какъ всгрѣтились два сѣдочика.
 И первой сѣдъ бѣла звѣря,
 Другой сѣдъ кунушки прорыскивать.
 Пошли братци крестовые за полѣсьицею *).
 Молодой Добрыня Микитинець
 Раскинулъ бѣлъ шатерь, зашелъ съ Настасѣей
 забавлятися.

И много-ль мало времечки миновалоси,
 Наѣзжалъ Гришка-Растрижка нечистой духъ,
 И самъ говоритъ таково слово:
 — Ай же ты Настасья Митріевична!
 — За емъ будешь Настасья Митріевична,
 — Будутъ бабой звать портомойницею,
 — Кабы за мной была Настасьюшка,
 — Былъ бы старій малый кланялся. —
 Хватила она за желты кудри,
 Посадила Добрыню ко сыру дубу,
 Приковала Добрыню ко сыру дубу,
 Сама зачала съ нечестливымъ забавлятися.
 И много-ль мало времечки миновалоса,
 Налетало три голуба,
 Три малыхъ сизыхъ голубушка.
 Какъ кричатъ зычатъ звонкимъ голосомъ:
 «Зачто е та головушка посажена,
 «Посажена головушка прикована?
 «Ради дѣвки ль дуры, бляди сводницы,
 «Ради сводницы ль душегубницы?
 «У бабы у дуры волосъ дологъ, умъ коротокъ,
 «Куды вѣтеръ повѣетъ, туды й умъ понесетъ.»
 И видитъ Настасья Митріевична,
 Что бѣда пришла неминучая.
 Отъ бережка Настасья откачулася,
 Ко дрѹгому Настасья не прикачулася.
 Хватаетъ она палицу булатную во сорокъ пудъ,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Ай же ты Добрыня Микитинець!

*) т. е. за зтою дичью.

— Не станешь ли Добрыня бить мучити.
 — Буде Добрыня станешь бить мучити,
 — Ударю палицей булатнейей во сорокъ пудъ.—
 И его же богатырско сердце розгорѣлоси.
 Сходился Добрынюшка у сыра дуба,
 Вѣдь сырой дубъ ко матушкѣ сырой землѣ при-
 клоняется,
 И матушка сыра земля подрогнула,
 Все Божьи церкви пошаталиси,
 Князи бояра испужалися.
 И самъ говоритъ Добрыня таково слово:
 «Ай же ты Настасья Митрѣевична!
 «Не стану я тебя Настасьюшка бить мучити,

«Только дамъ я тебѣ три наукушки великихъ.
 «Отсѣку ей губы съ носомъ прочь:
 «Этихъ мнѣ мѣстищевъ не надобно,
 «Этима мѣстищами съ нечестливымъ цѣловаласи.
 «Отсѣку ей руки по локоткамъ прочь:
 «Этихъ мнѣ рукъ не надобно,
 «Этима рукамы съ нечестливымъ обнималаси.
 «Отсѣку ей ноги по колѣнамъ прочь:
 «Этихъ мнѣ ногъ не надобно,
 «Этима ногами съ нечестливымъ оплеталаси.»
 И столько Добрынюшка женатъ бывалъ,
 Только Добрыня съ женой сыпалъ.

Записано на Выгозерѣ, 15 юля.

V.

ВОДЛОЗЕРО.

ВОДЛОЗЕРО.

XXXVI.

II. ЗАХАРОВЪ.

Иванъ Григорьевичъ Захаровъ, крестьянинъ дер. Пога на Водлозерѣ, 82 лѣтъ, самый зажиточный и вліятельный домохозяинъ въ своей мѣстности. Былъ человѣкъ «волокистный», т. е. разтѣзжавшій много для покунки въ деревняхъ и перепродажи рыбы, дичи и скота и снабженія Водлозеровъ хлѣбомъ и порохомъ. Во время этихъ поѣздокъ (ему случалось бывать даже на Волгѣ) онъ выучился множеству былинъ, но въ настоящее время, по старости лѣтъ, многое уже забылъ. Тѣ былины, которыя онъ помнитъ твердо, поются имъ очень складно, замѣчательно пріятнымъ голосомъ и съ соблюденіемъ различныхъ напѣвовъ; другія былины (напр. про Вольгу и про Нилью съ Подлицемъ) онъ воспоминалъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ, и онѣ выходили у него не совсѣмъ складными.

—
193.

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВЪ.

Когда возіало красно солнышко
На тое на небо на ясное,
А тогда родился Вольга богатырь.
А звѣри ты ушли во темныи лѣса,
Рыба та ушла во глубокой станы,

А птица улетѣла подь оболоко,
Самъ Санталъ убѣжалъ во Золоту орду,
А со своей царицей со Давыдъевной.
А поѣзжалъ Вольга богатырь
На тое на тое на поле на чистое,
А наѣхалъ во чистомъ поли Вольга
Да Викулушку Сѣятелевича.
И говоритъ Вольга таково слово:
«А ѣ же ви дружинника хоробрая!
«Бросьте у мужика ви соху ту въ сторону,
«Да ведите мужика ви сюды.»
А ѣ тутъ-то дружина хоробрая
Приходили оны къ мужику оны
Ко Викулы ко Сѣятелевичу,
А хотять соху бросить въ сторону,
А не могутъ-то сохи отъ земли поднять.
Приходили къ Вольгѣ оны къ Сеславничу,
Говорять оны таково слово:
— А ѣ же ты Вольга сынъ Сеславьевичъ!
— Да не можетъ у мужика-то сохи поднять.—
Подѣзжать Вольга онъ самъ къ мужику,
Говоритъ онъ мужику таково слово:
«Здравствуй мужичокъ, тебя какъ зовуть?»
— А ѣ же ты Вольга сынъ Сеславьевичъ!
— А я есть Викула Сѣятелѣвичъ.—
«А ѣ же ты Викула Сѣятелѣвичъ!
«А поѣдемъ-ко со мной Викула Сѣятелѣвичъ.»
А тутъ оны поѣхали въ чисто полѣ,
А говоритъ Вольга таково слово:
«Кабы этая кобыла конемъ была,
«Даль бы я за кобылу пятьсотъ рублей.»
Говоритъ ему Викула Сѣятелѣвичъ:
— Глупый ты Вольга неразумный!

— Куплена эта кобыла во Пурховцѣ во Орѣ-
ховцѣ,
— Однолѣткомъ куплена съ-подъ матушки.
— Дано за кобылу пятьсотъ рублей,
— Теперь этой кобылы цѣны-то нѣтъ. —
Говоритъ ему Вольга сынъ Сеславьевичъ:
«А ѣ же ты Викула Святелевичъ!
«Да поѣдемъ-ко со мной ты о запуски.»
А Викулина кобыла въ ходъ пошла,
Этотъ Вольгинъ конь да оставаться сталъ.

Записано на Водлозерѣ (дер. Куганаволокъ), 7 августа.

196.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

А ѣ ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
Да наѣхалъ онъ калику переходяю.
«А здравствуй ты калика переходяя:
«Ты откуль идѣшь, да откуль путь держишь?»
Говоритъ ему калика переходяя:
— Здравствуй Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Развѣ не узналъ меня калики переходяя?
— Да я есть сильнѣе могучеѣ Иваннцо,
— А мы съ тобой училиси въ одномъ училищѣ,
— А я теперь иду да отъ Царяграда. —
«А ѣ же ты сильнѣе могучеѣ Иваннцо!
«Да все ли въ Царигради по старому,
«А все ли въ Царигради по прежнему?»
— Ахъ ты свѣтъ государь да Илья Муромецъ!
— А въ Царигради да не по старому,
— Не по старому да не по прежнему.
— А приѣхалъ поганое Идолище,
— Да зашелъ онъ къ царю Костянтину Бого-
любовичу
— Во тын во полаты бѣлокаменны.
— А сидитъ за столами за дубовыма,
— А за ѣствами сидитъ онъ за сахарнима,
— А къ царици сидитъ онъ лициницомъ *),
— А къ царю Костянтину Боголюбовичу,
— А къ царю сидитъ онъ хребтниницомъ.
— II такового вора гѣкъ не видывалъ,
— II слыхомъ про вора не слыхивалъ.
— Голова у него какъ пивной котѣль,
— А между глазъ идѣтъ стрѣла калѣвая,
— А въ плѣтахъ у вора сажень косалъ га. —
«Чего же ты сильнее могучее Иваннцо,

*) Т. е. лицомъ.

«Не очистилъ ты Царяграда,
«Не убилъ ты поганого Идолища?»
— Ахъ ты свѣтъ государь да Илья Муромецъ!
— Да не смѣлъ напуститъ на вора на разбой-
ника,
— Да на поганого Идолища. —
Да говоритъ тутъ Илья Муромецъ да сынъ Ивано-
вичъ:
«А ѣ же ты сильнѣе могучеѣ Иваннцо!
«А скидывай ты съ себѣ платье каличьеѣ,
«Да разувай съ себя лапотники семи шелковъ,
«А бери ты моего добра коня,
«Да надежь мон платья богатырскія.
«Я пойду каликой во Царь-то градъ,
«А очисти я вѣдь Царь-тотъ градъ,
«Да убью поганого Идолища.»
Да ѣ тутъ Иваннцо раздумался,
А ѣ раздумался Иваннцо рослакался:
— Ахъ ты свѣтъ государь Илья Муромецъ!
— Да кабы не ты просилъ платьевъ каличьихъ,
— Да не ты бы просилъ лапотниковъ семи шелковъ,
— Да не отдалъ бы я платьевъ каличьихъ,
— Да не отдалъ бы я лапотниковъ семи шелковъ,
— А въ лапотники ты было вплетено
— По' дорогомъ камню самоцвѣтному,
— Да не для ради красоты басы убожества,
— Ради темныи ноченки осевнии. —
А ѣ тутъ-то они платьями номѣнялися.
Надѣвалъ Илья Муромецъ платья каличьи,
Обувалъ онъ лапотники семи шелковъ,
Да бралъ онъ дубинѣ ту каличьюю,
Да пошолъ онъ къ Царюграду,
Да ко тому ли Костянтину Боголюбовичу.
Приходилъ калика переходяя къ Царюграду,
Приходилъ онъ на широкъ дворъ,
Закричалъ калика громкимъ голосомъ:
«А ѣ же ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
«Да возьми-тко ты калику да въ полаты бѣло-
каменны,
«Да пакорми-тко ты калику его до сыта,
«А напои-тко ты калику его до пьяна.
«За каликой есть вѣсти не издохи,
«А не плохи вѣсти есть царскіи.»
А ѣ тутъ-то царь Костянтинъ Боголюбовичъ
Выходилъ онъ на крылечко перѣное.
— А ступай-ко ты калика во полату бѣлока-
менну. —
Приходитъ онъ во палату бѣлокаменну,
Онъ крестъ-тотъ кладець по писаному,
Да поклонъ ведеть по ученому,
Царю Костянтину Боголюбовичу онъ кланяется,

Поганому Идолищу не клонится.
 Говоритъ ему поганое Идолище:
 «Ты откуль калика перехожая,
 «Ты съ коей земли съ коей орды?»
 — А я есть отъ города отъ Кіева,
 — Да хожу калика по святой Руси. —
 Говоритъ тутъ поганое Идолище:
 «А что у васъ е во городи во Кіевн,
 «Слава идетъ есть у васъ Илья Муромецъ,
 «Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 «А великъ ли онъ ростомъ собой-то онъ?»
 Говоритъ ему калика перехожая:
 — Намъ вѣдь ладятся съ нимъ платяя цвѣт-
 ныи. —
 «А по многу ли онъ хлѣба ѣсть?»
 — Ъсть онъ по три калачика круивчатыхъ. —
 «Экой богатырь да еще славится,
 «Я бы на руку клалъ другой ударилъ бы,
 «Такъ только одинъ бы блинъ да сталъ съ
 него.
 «Я какъ ѣмъ по три коровы яловницы,
 «Да по три ведра я пива пью.»
 Говоритъ тутъ калика перехожая:
 — Да у нашего князя у Владиміра,
 — Да ѣ было юровищо обжорищо,
 — Да много ѣла пила и трѣснула.
 — А ѣ ты же поганое Идолище.
 — По многу ѣшь да пьешь и трѣснешь самъ. —
 А ѣ тѣе татарину да не слюбилосье,
 А ѣ тѣе татарину да не взглянулосье.
 А беретъ татаринъ ножищо кинжалищо,
 Да бросать въ каліку перехожаю.
 А ѣ тутъ-то каліка перехожая,
 Да онъ ускакивалъ отъ ножища кинжалища,
 А ѣ пролетѣлъ-то ножищо кинжалищо,
 А ѣ пролетѣлъ-то во линину,
 Улетѣла линина со стѣной-то вся.
 А ѣ тутъ-то каліка перехожая,
 А ухватилъ онъ ножищо кинжалищо,
 Да кидалъ онъ въ татарина поганого
 А тѣмъ ли ножищомъ кинжалищомъ, —
 Пролетѣлъ ножищо кинжалищо татарина на
 скрозь.
 А ѣ тутъ хватилъ онъ татарина за ноги,
 А сталъ онъ татаринѡмъ помахивать.
 Говоритъ каліка таково слово:
 — Да ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
 — Упади ты царь подъ лавицу,
 — Не понади на махъ на татарскіи,
 — А по плечу мнѣ оружье пришло. —
 А поганый татаринъ на живыхъ не ломится,

А и бьетъ татаръ онъ до одинаго,
 Прибилъ онъ всѣхъ татаръ да до одинаго,
 А очистилъ онъ Царьградъ весь.

Записано тамъ же. 7 августа.

—
 197.

ПОЪЗДКИ ИЛЪИ МУРОМЦА.

Ѣздитъ-то старъ по чисто полю,
 А самъ себѣ старѡй днуется:
 «Ахъ ты старость ты старость ты старая,
 «А старая старость глубокая,
 «А глубокая старость триста годовъ,
 «А триста годовъ да пятьдесятъ годовъ!
 «Застала ты стараго во чистомъ поли,
 «Во чистомъ поли застала чернымъ ворономъ,
 «А сѣла ты на мою на буйную голову.
 «А молодость моя молодость молодецкая!
 «Улетѣла ты молодость во чисто поле,
 «А во чисто поле да яснымъ соколомъ.»
 Приѣхалъ какъ старѡй ко камешку,
 А ко бѣлому камени ко Латырю
 А у камня три дороги три розстанн,
 А на камени подиись написана:
 Въ середнюю розстанъ ѣхать — богату быть,
 Въ правую розстанъ ѣхать — убиту быть,
 Въ лѣвую розстанъ ѣхать — женату быть.
 А ѣ тутъ-то старѡй роздумался,
 Роздумался старѡй росплакался:
 «А на что мнѣ-ка старѡму женату быть,
 «А на что мнѣ-ка старѡму богату быть?
 «А поѣду въ тую розстанъ прямоѣзжую;
 «А въ тую розстанъ гдѣ убиту быть.»
 Выѣхалъ на поле на Елѣсино,
 Стоятъ-то тутъ станичники плѣвичники,
 Да по русьскому воры разбойники,
 А денны почныи подорожники,
 Хотятъ стараго убить да съ душой рѡзлучить.
 Говоритъ-то имъ старая старѣйшина:
 «А ѣ же вы станичники плѣвичники,
 «А ѣ бить меня вамъ стараго некого,
 «А взять меня со стараго вамъ нечего.
 «Однорядочка у стараго да во пятьсотъ рублей,
 «А петли пугвицы у стараго да въ цѣлу тысячу,
 «А мой добрый конь да цѣны смѣты нѣтъ.»
 А сталъ онъ по разбойникамъ поѣзживать,
 Шелковой плѣточкой да сталъ помахивать,
 Да тутъ разбойниковъ да мало ставится.

Да смолѣлисе станичники плѣннички:
 — Ай же ты старая старѣйшина!
 — А оставь ты насъ да хоть на сѣмена. —
 И говорятъ имъ старая старѣйшина:
 «А вы станичники плѣннички!
 «Выходите-тко вы на святую Русь,
 «Запишитесь-ко въ пустыннѣ вы въ монастыри,—
 «Нѣтъ, — такъ убью васъ я до единого.
 А й тутъ-то станичники плѣннички
 Ему дали заповѣдь великую
 Записаться во пустыни во монастыри.

(Дальше не помнитъ).

Записано тамъ же. 7 августа.

—

198.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
 А у ласковаго князя у Владиміра
 Заводился у князя почестной пиръ
 А на многи князя на бояра
 И на всѣ поляницы удалыи.
 Всѣ на пирѣ напивалисе,
 Всѣ на пирѣ наѣдалисе,
 Всѣ на пирѣ да пьяны-веселы.
 Говоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
 «А й же вы князи мои бояра,
 «Сильнии могучии богатыри:
 «А кого мы пошлѣмъ во Золоту орду
 «Выправлять-то давей выходы
 «А за старыи годы за новыи
 «За двѣнадцать лѣтъ.
 «А Олешу Поповича намъ послать,
 «Такъ онъ молодець холостъ нѣ женатъ:
 «Онъ съ дѣвушками загуляется,
 «Съ молодухами онъ да забалуется.
 «А пошлѣмте мы Добрынюшку Никитича:
 «Онъ молодець женатъ нѣ холостъ,
 «Онъ и съѣздитъ намъ въ Золоту орду,
 «Выправить дави выходы
 «Да за двѣнадцать лѣтъ.»
 Написали Добрыни Микитичу посольный листъ.
 А приходитъ Добрынюшка Микитичъ къ своей
 матушкѣ,
 А ко честной вдовы Амелфы Тимоеевичъ,
 Проситъ у ней прощеньица благословеньица:
 — Свѣтъ государыни моя матушка!

— Дай ты мнѣ прощеніе благословеньицо
 — Тѣхъ-то мнѣ въ Золоту орду,
 — Выправлять-то дави выходы
 — За двѣнадцать лѣтъ. —
 Остается у Добрыни молода жена,
 Молода жена любима семья,
 Молода Настасья Микулична.
 Поѣзжать Добрыни самъ наказывать:
 — Ужь ты а й же моя молода жена,
 — Молода жена любима семья!
 — Жди-тко ты Добрыню съ чиста поля меня
 три года.
 — Какъ не буду я съ чиста поля да перво три
 года,
 — Ты еще меня жди да и друго три года.
 — Какъ не буду я съ чиста поля да друго три
 года,
 — Да ты еще меня жди да третье три года.
 — Какъ не буду я съ чиста поля да третье три года,
 — А тамъ хоть ты хоть вдовой живи, а хоть за-
 мужь поди,
 — Хоть за князя поди хоть за боярина,
 — А хоть за сильнаго поди ты за богатыря, —
 — А только не ходи ты за смѣлаго Алѣшу По-
 повича,
 — Смѣлый Алеша Поповичъ мнѣ крестовой
 братъ, —
 — А крестовой братъ паче родного. —
 Какъ видѣли-то молодца съдучись,
 А не видѣли удалаго поѣдучись.
 Да прошло тому времечки девять лѣтъ,
 А не видать-то Добрыни изъ чиста поля.
 А какъ сталь-то ходитъ князь Владиміръ сва-
 таться
 Да на молодой Настасьи Микуличной
 А за смѣлаго Алѣшу Поповича.
 «А ты съ-добра не пойдеши Настасья Мику-
 лична,
 «Такъ я тебя возьму въ портомойниці,
 «Такъ я тебя возьму еще во постельниці,
 «Такъ я тебя возьму еще во коровниці.»
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ, стольнѣ-кіев-
 ской!
 — Ты еще прожди-тко три года.
 — Какъ не будетъ Добрыня четверто три года.
 — Такъ я тошто пойду за смѣлаго Алѣшу за
 Поповича. —
 Да прошло тому времени двѣнадцать лѣтъ,
 Не видать не видать Добрынюшки съ чиста поля.
 А й тутъ пошла Настасья Микулична
 Да за смѣлаго Алѣшу Поповича,

Да пошли они пировать столовать къ князю
Владиміру.

Ажно мало и по малу изъ чиста поля,
Наѣзжалъ удалий дородній доброй молодець.
А самъ на кони бывъ ясён соколъ,
А конь тотъ подъ нимъ будто лютой звѣрь.
Приѣзжать ко двору да ко Добрынину,
Приходитъ Добрыня Микитичъ тутъ
Въ домъ. тотъ Добрыниной.
Онъ крѣсть тотъ кладѣтъ по писаному,
Да поклонъ тотъ ведѣтъ по учёному,
Поклонъ ведѣтъ да самъ здравствуетъ:
«Да ты здравствуй Добрынина матушка!
«Я вчера съ твоимъ Добрынюшкой разѣхался,
«Онъ велѣлъ подать гусли скоморошвыи,
«Онъ велѣлъ подать платья скоморошынъ,
«Онъ велѣлъ подать дубинку скоморошьюю,
«Да итти мнѣ ко князю Владиміру да на по-
честень пиръ.»

Говоритъ тутъ Добрынина матушка:
— Отойди прочь дѣтина засельщина,
— Ты засельщина дѣтина деревенщина!
— Какъ ходя старухи кошельницы,
— Только нося висти недобрыи:
— Что лежитъ убить Добрынюшка въ чистомъ
полю
— Головой лежитъ Добрыня ко Пучай рѣки,
— Рѣзвима ножками Добрыня во чисто поле,
— Скрозь его скрозь кудри скрозь жолтые
— Проросла тутъ трава муравая,
— На травы росцвѣли цвѣточки лазуревы.
— Какъ его-то теперь молода жена,
— Молода жена любима семья,
— Да выходитъ-то за смѣлаго Олѣшу за Поно-
вичка. —

Онъ ей и говоритъ-то второй наконць:
«Да ты здравствуй ли Добрынина матушка,
«Ты честна вдова Амельфа Тимоѣевна!
«Я вчера съ твоимъ Добрынюшкой разѣхался
«Онъ велѣлъ подать гусли скоморошвыи,
«Онъ велѣлъ подать платья скоморошынъ,
«Онъ велѣлъ подать дубинку скоморошьюю,
«Да итти мнѣ къ князю Владиміру да на поче-
стенъ пиръ.
— Отойди прочь дѣтина засельщина!
— Кабы было живо мое красное солнышко,
— Молодой тотъ Добрынюшка Микитяничъ,
— Не дошло бы тѣ невѣжи пасмѣхатися,
— Ужъ не стало моего краснаго солнышка
— Да не что мнѣ дѣлать съ платьями скомо-
рошьима,

— Да не что мнѣ дѣлать съ гуслима скомо-
рошьима,
— Да не что мнѣ дѣлать съ дубинкой скомо-
рошьюю. —

Тутъ-то ходила въ погреба глубоки,
Принесла она платья скоморошынъ.
Принесла гусельшка яровчаты,
Принесла она дубинку скоморошьюю.
Тутъ накрутился молодой скоморошникъ
Удалий добрый молодець,
Да пошѣтъ онъ къ князю Владиміру на почест-
ной пиръ.
Приходилъ онъ во грядню столовую,
Онъ крѣсть тотъ кладѣтъ по писаному,
Да поклонъ ведѣтъ по ученому,
Онъ кланяется да поклоняется,
Да на всѣ на четыре на стороны.
Онъ кланяется тамъ и здравствуетъ:
«Здравствуй солнышко Владиміръ стольне-кѣв-
ской,
«Да со многима съ князіми и со боярами,
«Да со русскима могучими богатырями.
«Да со своей-то со думечкой со княгиней со
Опраксіей!»

Говоритъ ему князь Владиміръ стольне-кѣвской:
— Да ты поди-тко молодъ скоморошникъ!
— А вси тыи мѣста у насъ нынѣ заняты,
— Да только мѣстечка немношечко
— На одной-то печкѣ на муравленой. —
Да тутъ скочилъ молодъ скоморошника
А на тую-ту печку на муравлену,
Заигралъ онъ во гусельшка яровчаты.
Онъ первую завѣлъ отъ Кіева до Еросолима,
Онъ другу завѣлъ отъ Еросолима да до Царя-
града,
А всѣ пошли наѣвки ты Добрынины.
А й тутъ-то князь Владиміръ распотѣшился,
Говоритъ онъ молодой скоморошники:
— Поди-тко сюды молодъ скоморошника!
— А я тебѣ дамъ теперъ три мѣста:
— А первой-то мѣсто поди меня,
— А другое мѣсто опротивъ меня,
— Третьеѣ противъ княгини Настасьи Мику-
лични. —

А тутъ-то молодъ скоморошника
Садился онъ въ скамейку дубовую,
Да противъ Настасьи Микуличной.
А тутъ-то Настасья Микулична,
Наливала она чару зелена вина въ полтора
ведра.
Да туреи тотъ рогъ мѣду сладкаго,

Подносила она Добрынюшки Микитичу.
 А й тутъ-то Добрынюшка Микитиничъ
 Да бралъ онъ чару зелена вина въ полтора
 ведра,

А бралъ онъ чару единой рукой,
 Выпивалъ онъ чару на единый духъ,
 Да й турей рогъ выпилъ мѣду сладкаго,
 Да спускалъ онъ въ чару перстень злаченны,
 Которымъ перстнемъ съ ней обручался онъ.
 Да говорить онъ Настасья Микитичной:
 «Ты гляди-тко Настасья Микитична,
 «Во чару гляди-тко злаченую.»
 Какъ поглядѣла Настасья Микитична
 Въ тую чару золоченую,
 Взяла въ руки злаченъ перстень,
 Говорить тутъ Настасья Микитична:
 — Да не тотъ мужъ — который подли меня си-
 дить,
 — А тотъ мой мужъ — которой противо меня
 сидитъ. —

А тутъ-то Добрыня Микитиничъ,
 Да скочилъ Добрыня на рѣзвы ноги,
 Да бралъ Алѣшу за желты кудри,
 Да онъ выдѣргивалъ изъ-за стола изъ-за дубо-
 ваго,

А сталъ онъ по гридни потаскивать,
 Да сталъ онъ Алѣши приговаривать:
 «Не дивую я разуму женскому, —
 «Да дивуя я ти смѣлый Алѣша Поповичъ ты,
 «А ты-то Алѣшенька да мнѣ крестовой братъ.
 «Да еще тебѣ дивую, старый ты князь Влади-
 мѣръ стольне-кѣвской!
 «А колько я тѣ дѣлалъ выслугъ-то великихъ,
 «А ты всё Владимѣръ надо мной надсмѣхаешься.
 «Да теперь я выправилъ изъ Золотой орды,
 «Выправилъ дани и выходы
 «За старыи годы за новыи.
 «Везуть тебѣ три телѣги ордынскѣи:
 «Три телѣги злата и серебра.»
 Тутъ онъ взялъ свою молодую жену,
 Молодую жену любимую семью,
 Да повѣлъ Добрыня къ своей матушки.
 Да тутъ ли Алѣшенька Поповичъ тотъ,
 Да ходитъ по гридни окоракою,
 А самъ ходитъ приговаривать:
 — Да всякъ-то на сѣмъ свѣтѣ женится,
 — Да не всякому женитьба удавается. —
 А только Алѣшенька женатъ бывалъ.

Записано тамъ же. 7 августа.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

А й изъ-за того острова Кадойлова,
 А й изъ-подъ того вязу съ-подъ черлѣнаго,
 А й изъ-подъ того камешка съ-подъ бѣлаго
 Изъ-подъ того кустышка ракинтоваго,
 А пала выпадала мать Нѣпра рѣка,
 А устьемъ выпадала въ море Черное,
 Во Черное море во Турецкое.
 А по этой матери Нѣпрѣ по рѣки,
 Вылеталъ выѣзжалъ младъ хунавъ молодець,
 Молодь Соловей сынъ Будимировичъ.
 Поѣзжалъ Соловей вѣдь онъ свататься
 А за славной онъ за синѣ морѣ,
 Да ко славному городу ко Кіеву,
 А ко ласкову князю ко Владиміру,
 На его любимыи племянницы,
 А на молодой Забавы на Путятичной.
 А сталъ Соловей корабля снастить:
 Носъ корма по звѣрному,
 А бока у карабля всё по туриному,
 А вмѣсто бровъ было вдѣргивано
 А по дорогой кунцы по пещерскѣи,
 А вмѣсто ушей было повѣшивано
 А по дорогомому соболю заморьскому,
 А вмѣсто очей было врѣзвано
 А по дорогомому камню самоцвѣтному,
 А не для ради красы басы угожества,
 Ради темныи ноченки осенни.
 Приѣзжалъ Соловей сынъ Будимировичъ
 А ко славному городу ко Кіеву.
 А сходенки металъ онъ дорогъ рѣбей зубъ,
 Выходилъ выступалъ онъ на кругъ бережокъ,
 А со своей дружиной со хоборою,
 Чашу насыпалъ онъ красна золота,
 А другу насыпалъ онъ чиста серебра,
 Третью насыпалъ онъ скатяго жемчуга,
 А въ четвертыхъ беретъ онъ камочку крущатую,
 Крущатую камочку двослицную.
 А ничѣмъ эта камка была не дорѣга,
 А не краснымъ она да была золотомъ,
 А не чистымъ она да была серебромъ,
 А дорѣга камка была крущатая
 А тымъ ли цвѣтами заморскими.
 А приходилъ онъ во гридню во столовую,
 Онъ крѣсть-тотъ кладетъ по писавому,
 Онъ поклонъ-тотъ ведетъ по учѣному,

Онъ кланяется поклоняется
 Да на всё на четыре на стороны.
 Онъ кланяется, самъ чѣствуетъ:
 «Здравствуй Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 «Да со многима князѣми со боярами!»
 Онъ кланяется, самъ чѣствуетъ,
 Подавалъ онъ чашу красна золота
 А солнышку Владиміру стольнѣ-кѣвскому,
 А другую подавалъ онъ чиста серебра
 Только душечки княгини онъ Опракѣи,
 А третью подавалъ онъ скатпя жемчуга
 Молодой Забавы Путятичной.
 Да еще подавалъ онъ камочку крушатую.
 Онъ кланяется самъ и чѣствуетъ.
 А этни дѣрова князю любилансе.
 Заводилъ князь Владиміръ стольнѣ-кѣвской,
 Заводилъ онъ тутъ вѣдь почестевъ пиръ,
 А на многи князя на бояра,
 А на многыхъ поляницъ на удалыхъ.
 А вси на пиру нанивалисе,
 А вси на пиру да наѣдалнсе.
 И говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:
 «Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнѣ-кѣвской!
 «Бласлови государь мнѣ слово вымолвить.»
 — Говори Соловей что тебѣ надобно. —
 «А позволь мнѣ-ка-ва выстроить три терема,
 «А три терема златоверхнѣхъ.
 «Этой-то ноченкой тѣмною,
 «Темною ноченкой осенною,
 «А то поставитъ-то мнѣ-ка три терема,
 «А три терема златоверхнѣхъ,
 «Среди того полюшка чистаго,
 «Среди того садочку Путятинова.»
 — Станови Соловей гдѣ тебѣ любо. —
 А й тутъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
 Выходилъ Соловей онъ на крылечко перѣное,
 Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
 А своей говоритъ онъ дружиношкѣ хоробрыи:
 «А й же вы дружиношкѣ хоробрая!
 «Дѣлайте дѣло повелѣное.
 «Скидывайте-тко платьицо цвѣтное,
 «Надѣвайте-тко платьицо лосное,
 «Обувайте-тко лапотники семи шелковъ.
 «А вы дубля да вязья новѣрубити,
 «Вонъ пзъ зелена саду новѣмечите,
 «А состройте-тко мнѣ-ка три терема,
 «Три терема златоверхнѣхъ,
 «А въ четвертыхъ состройте мнѣ гостинной
 дворъ
 «Этой-то ноченкой темною,
 «Темною ноченкой осенною.»

А й тутъ-то дружиношка Соловьева,
 Скидывали они платьица цвѣтныи,
 Надѣвали кожаники лосновыи,
 Обували лапотники семи шелковъ.
 Они дубля да вязья новѣрубилн,
 Вонъ пзъ зелена саду новѣметали,
 А состроили они да три терема,
 Три терема златоверхнѣхъ,
 А въ четвертыхъ состроили гостинной дворъ,
 Той-ли ноченкой тѣмною,
 А темною ноченкой осенною.
 А по утру вставала дочь Путятинова,
 Поглядѣла во косичнато окошечко.
 — А что это чудо-то случилосе,
 — А что это диво-то сдѣвилосе?
 — А вечоръ-то стоялъ да мой зеленой садъ,
 — А стоялъ-то садъ онъ цѣлымъ цѣлой,
 — А теперичу-то садъ онъ полонѣной сталъ.
 — А построено въ немъ да три терема
 — А три терема златоверхнѣхъ,
 — Да въ четвертыхъ построено гостинный дворъ.
 — Ай же вы нѣвюшки мамушки,
 — Да пойдете-тко гулять да во зеленнй садъ. —
 Да пришли они гуляти во зеленнй садъ,
 А въ первомъ терему-то щелчокъ-молчокъ, —
 То есть дружиношка Соловьева.
 А въ другомъ теремѣ да шепотомъ говорятъ, —
 То есть Соловьева матушка,
 Она Господа Бога умаливаетъ,
 За своего за чада за милаго.
 А въ третьемъ терему-то гудки гудятъ,
 Игры играютъ Царяграда,
 Напѣвки выпѣвають Еросѣлима, —
 То самъ Соловей сидитъ Будиміровичъ.
 А говоритъ тутъ Забава дочь Путятична:
 — Ай же вы пенюшки мамушки!
 — Да зайдемте-ко въ этотъ теремъ высокин. —
 Приходила тутъ Забава дочь Путятична.
 А тутъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
 А ставалъ Соловей онъ на рѣзвы ноги,
 А подергивалъ онъ тутъ ременчатъ стулъ.
 «Да садись-ко ты Забава Путятевна,
 «А садись-ко Забава на ременчатъ стулъ.»
 А стали играть они во шахматы.
 А й тутъ ли Соловей сынъ Будиміровичъ,
 Разъ тотъ сыгралъ Забаву пѣнгралъ,
 Другой тотъ сыгралъ Забаву пѣнгралъ,
 Третьей тотъ сыгралъ Забаву пѣнгралъ.
 А говоритъ тутъ Забава дочь Путятична:
 — Ахъ молодецъ ты заулишекъ добръ!
 — Кабы взялъ за себя, я бы шла за тебя. —

Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:
 «А совсѣмъ ты мнѣ Забава въ любовь пришла,
 «А однимъ ты мнѣ Забава нѣ любя,
 «Что сама себя Забава ты просватываешь.»
 А ѣ туть ли у князя у Владиміра,
 Да не пива-ты варить да не мѣды-ты сычтить,
 Веселімъ пиркомъ да за свадебку.

Записано тамъ же. 7 августа.

—
 200.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

А города было то Крякова,
 А села то вѣдь было Березина,
 Снаряжается да убирается
 А Лука Петровичъ королевской сынъ,
 Да во далече далече во чисто полѣ.
 Онъ долгой день ѣздилъ до вечера,
 А темную ночь до полуночи,
 Да не могъ себѣ наѣхать супротивника,
 А супротивника наѣхать поединщика,
 Ему не съ кимъ розѣздить добра коня,
 Ему не съ кимъ ростолкать плеча богатырскаго,
 Да утѣшить мысли молодецкіи.
 А наѣхалъ во чистомъ поли —
 Сидитъ на дубу на кряковнестомъ,
 А ѣ сидитъ на дубу туть вѣдь черной врань.
 А ѣ самъ-то врань онъ чернімъ черѣпъ,
 А крылья у ворона бѣлымъ бѣлы,
 А бѣлымъ бѣлы да будто бѣлый свѣгъ.
 Говоритъ Лука Петровичъ королевскій сынъ!
 «Натяну я тѣгой лукъ розрывчатой,
 «Да убью я тя чернаго ворона,
 «Проупущу твою кровь горячую
 «По тому сыру дубу да по кряковнесту.»
 Говоритъ ему черній врань языкомъ человѣче-
 скимъ:
 — А ѣ же ты Лука Петровичъ королевскій сынъ!
 — А у васъ на Руси говорятъ пословицу:
 — А старца убить не спасеньѣ залучить,
 — А ѣ ворона убить некакую корысть получить.
 — А есть какъ далече далече во чистомъ поли,
 — А на поли было на Касимовскомъ,
 — А ѣздитъ тамъ Сокольникъ на добромъ кони,
 — Тебѣ е съ кимъ розѣздить добра коня,
 — Тебѣ е съ кимъ ростолкать плечо богатырское,
 — Да утѣшить тѣ мысли молодецкіи. —
 Поѣзжать Лука Петровичъ королевской сынъ

Да на тое поле на Касимовско.
 Приѣхалъ онъ на поле на Касимовско,
 Ажно видить тамъ Сокольникъ на добромъ кони,
 А самъ молодець да былъ ясѣнь соколь,
 А конь тотъ подѣ нимъ будто лютый звѣрь,
 Будто лютый звѣрь да на рогатину.
 А съѣхались молодцы да поздоровались,
 А ударились оны во палици будатни,
 А палици до рукъ да приломались.
 А ударились оны въ копыя бурзомецкіи,
 А другъ друга богатыри не ранили.
 Да спустились онѣ на сыру землю,
 Да пошли оны пировымъ боѣмъ,
 Пировымъ боѣмъ да рукопашкою,
 А ѣ туть Лука Петровичъ королевскій сынъ
 Да сбиль онъ Сокольника на сыру землю,
 А сѣлъ онъ туть на бѣлы груди,
 Вынимать онъ ножицо кинжалнищо.
 И хочеть пластать ему груди ты бѣлыи,
 Вынимать у него сердце то да со печенью,
 А въ плечи рука да застоялася.
 Говоритъ Лука Петровичъ королевскій сынъ:
 «Да ты скажи татаринъ не трави себя:
 «Ты коей земли да ты коей орды,
 «Коего отца коей матери,
 «А какъ тебя молодца именовъ зовуть,
 «А какъ величаютъ по отечеству?»
 Говоритъ ему Сокольникъ таково слово:
 — Кабы былъ я на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,
 — Да не спрашивалъ бы ни имени ни отчины,
 — А пласталъ бы груди твои бѣлыи,
 — Вынималъ бы у тя сердце со опеченью. —
 Богатырское сердце озвѣрилося,
 Да хватать онъ ножицо кинжалнищо,
 Хочеть ему пластать-то груди бѣлыи,
 Вынимать у него сердце то съ печенью,
 А въ плечи рука да застоялася.
 Онъ его спрашивать второй наконъ:
 «Да ты скажи Сокольникъ не трави себя:
 «Тѣбя какъ молодца зовуть по имени,
 «Тѣбя какъ величаютъ по отечеству?»
 — Я есть города Крякова,
 — А села то есть я Березина,
 — Молодой Василей Петровичъ королевской сынъ.
 — Когда воевали татарова Касимовцы,
 — Увели меня оны въ свою землю,
 — Увели меня да трехгодоваго.
 — А у меня остался братецъ королевскій сынъ,
 — Лука Петровичъ королевскій сынъ тремѣсяч-
 вымъ. —
 А ѣ туть-то Лука Петровичъ королевскій сынъ,

Да скочилъ онъ на ножки на рѣзвья,
 Да здымалъ онъ братца за ручки за бѣзья,
 Цѣловалъ во уста сахарниѣ:
 «Да ты здравствуй родимый мой брателко!
 «Да я вѣдь есть Лука Петровичь королевскій сынъ.

«А я слыхалъ отъ своей матушки,
 «Что воевали татарова Касимовци,
 «Да убили-то нашего батюшка
 «А увезли въ свою землю тебя да трехгодоваго,
 «А я остался въ селѣ Березинѣ трехѣсячной.»
 Говоритъ Лука Петровичь королевскій сынъ:
 «Ахъ ты братецъ Василей Петровичь-отъ!
 «Да поѣдемъ-ко мы въ свою землю.»
 Говоритъ тутъ Василій Петровичь королевскій сынъ:

— А поѣдемъ-ко къ татаровамъ Касимовцамъ,
 — Убьемъ мы татаровой до единого,
 — Отместимъ свою кровь ту горячую. —
 Говоритъ тутъ Лука Петровичь королевскій сынъ:
 «А ѣ же ты Василей Петровичь королевскій сынъ!
 «Да поѣдемъ-ко мы къ своей матушки.»
 Да тутъ поѣхали они въ свою землю,
 Да приѣзжали оны въ городъ въ Кряковъ-то,
 Да приходилъ Лука Петровичь къ своей матушки,
 Да здравствуетъ свою матушку:
 «Здравствуй ты родитель моя матушка!
 «А ѣ къ тебѣ привѣзъ татарина Касимовца.»
 Говоритъ его родитель-та матушка:
 — Не могла бѣ я ни слышати ни видѣти,
 — Про злодѣевъ Касимовскихъ татаровой. —
 «А ѣ же ты родитель моя матушка!
 «Не татарина привезъ къ тебѣ Касимовца, —
 «Твоего-то сына любимаго,
 «Своего-то братца родимаго.»

Записано тамъ же, 7 августа.

—
 201.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,
 Да у Грознаго царя Ивана Васильевича,
 А было пированьѣ почестной пиръ.
 Всѣ на пиру напивалисе,
 Всѣ на пиру наѣдалисе,
 Грозный царь тотъ Иванъ Васильевичъ стѣлъ на
 весели:
 Ходитъ онъ по гридинѣ столовынѣ,

Говоритъ-то царь таково слово:
 «Да повывелъ я измѣну со Кіева,
 «Да повывелъ я измѣну изъ Чернигова,
 «Да повывелъ я измѣну изъ Новѣ-города,
 «А повыведу измѣну съ каменной Москвы.»
 А говоритъ его сынъ тутъ любезный Федоръ
 Ивановичь:
 — Ахъ батюшко Грозный царь Иванъ Василье-
 вичъ!
 — Не повывести измѣны съ каменной Москвы.
 — А твой тотъ сынъ любезный Иванъ-то Ива-
 новичъ,
 — Онъ уважать-то боярамъ московскимъ,
 — Онъ-то творитъ великіи милости. —
 Тутъ-то Грозный царь Иванъ Васильевичъ да
 рзретивилъся:

«Вы ведите-тко Ивана Ивановича,
 «Да на тое-то на поле на житное,
 «А отѣкните вы Ивану буйну голову.»
 Какъ доносили эту вѣсточку на-скори
 Да его-то вѣдь царица благовѣрная,
 Анны доносили Романовной:
 — Ай же ты царица Анна Романовна:
 — Ышь ты пьешь да проклажаешься,
 — Про великую негодунку не вѣдаешь.
 — А твой тотъ мужъ любезный,
 — Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 — Отпускалъ твоего-то сына любимаго Ивана
 Ивановича,
 — А на тое на поле на житное,
 — Да на тую-то на плаху кровавую,
 — А велѣлъ ему отѣчь буйну голову. —
 Тутъ ли-то царица благовѣрная
 А кидала она шубу на одно плечо,
 А бѣжала-то она по Москвѣ городомъ,
 Она голосомъ кричитъ-то какъ въ трубу тру-
 битъ:

«А миръ крещеный народъ-то вы добрыи!
 «Дайте путь дорожку широкую.
 «А бѣжать-то мнѣ къ Микитѣ Романовичу.»
 Какъ приѣзжала къ Микитѣ Романовичу!
 «Ай же ты мой милый брателко,
 «А старый князь Микита Романовичь!
 «А ѣшь ты пьешь, проклажаешься,
 «Про великую негодунку не вѣдаешь.
 «А твоего-то племянника любимаго,
 «А Ивана Ивановича
 «Увели его на поле на житное,
 «А на тую-то на плаху кровавую,
 «Да велѣно отѣчь-то буйну голову.»
 А ѣ тутъ-то Микита Романовичь

Онъ скоро садился на добра коня,
 Не на уздана коня онъ не на сѣдлана,
 Онъ ѣдетъ Москвой-то вѣдь городомъ:
 — А ѣ вы люди народъ добрыи!
 — Дайте путь дорожку широкую
 — Ъхать на поле на житное,
 — Да на тую-то плаху кровавую,
 — Да застать въ живыхъ любимаго племянника,
 — Да Ивана застать мнѣ Ивачовича. —

Туть указъ читають оны царскіи
 А читають указъ государевъ-отъ.
 А заздынута у палача-то сабля острая.
 Закричалъ туть Микита громкимъ голосомъ:
 — Ахъ ты маленькой Малютушка Скурлатовъ
 сынъ!

— Съѣшь ты собака самъ подавишься,
 — Моего-то ты любимаго племянника. —
 Туть-то маленькой Малютушка Скурлатовъ сынъ,
 Да кладалъ онъ саблю вострую да во сыру землю,
 Во сыру землю тупымъ концёмъ,
 А на вострой конецъ закололся самъ.
 Прискакалъ туть Микита Романовичъ,
 Онъ бралъ своего любимаго племянника да за
 бѣлыя руки,

Цѣловалъ во уста да во сахарній.
 Да садился Микита на добра коня,
 Полагалъ племянника подъ пазуху,
 Да поѣхалъ Микита въ свою вотчину.
 А поутру-то равнымъ ранешенько,
 Да проспался Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Сдѣлалъ онъ указъ государевой
 Чтобы князи и бояра,
 Всѣ купци да мѣщана богатыи,
 А ходили бы оны въ платьяхъ-то опальныхъ.
 Да не ходитъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Не къ заутренѣ онъ ходитъ не къ обѣдѣ онъ.
 Въ воскресенье пришолъ онъ во Божью цер-
 ковь,

А пришолъ онъ во платьяхъ опальныхъ,
 А старый князь Микита Романовичъ,
 Да надѣлъ онъ платья что ни лучшии,
 Да приходитъ-то Микита во Божью церкву,
 Онъ крѣсть тотъ кладѣ по писаному,
 А поклонъ тотъ ведѣтъ да по учёному,
 Онъ поклонъ тотъ ведѣ самъ и здравствуетъ:
 — Здравствуй Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 — Со своимъ со любезнымъ со дѣтушками:
 — Здравствуй съ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
 — Да съ Иваномъ ты здравствуй Ивачовичемъ!
 Говоритъ ему грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «А ѣ ты старый князь Микита Романовичъ!

«Во глазахъ ли ты Микита насмѣхаешься,
 «Да не стало вѣдь у насъ-то Пивава Ивановича.»
 Онъ ему говоритъ и второй наконъ:

— Здравствуй-ко ты грозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ,
 — Да со своимъ со любезнымъ со дѣтушками:
 — Да ты съ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
 — Да съ Иваномъ ты здравствуешь Ивачови-
 чемъ! —

Говоритъ ему грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ахъ ты старый князь Микита Романовичъ!
 «Да давай-ко ты мнѣ Ивана Ивановича теперь
 на лицо.»

А туть-то старый князь Микита Романовичъ,
 Выводилъ-то онъ своего любезнаго племянника,
 Да съ-подъ шубы выводилъ онъ соболонни.
 — На-тко ты грозный царь Иванъ Васильевичъ
 — Своего туть ты сына любимаго,
 — Да Ивана Ивановича. —

А ѣ туть-то вѣдь грозный царь Иванъ Василье-
 вичъ

Обрадѣлъ *) онъ своего-то сына любимаго,
 Говоритъ онъ Микиты Романовичу:
 «Ахъ ты старый князь Микита Романовичъ!
 «А ѣ чѣмъ тебя Микиту буде жаловати:
 «Города-ты мнѣ-ка дать тебѣ съ приселками,
 «Али села-ты мнѣ дать тебѣ великии?»
 Говоритъ ему старый князь Микита Романовичъ
 — Ахъ ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Мнѣ не надобно городовъ съ пригородками,
 — Мнѣ не надобно сель-то съ приселками,
 — А ты сдѣлай-ко указъ мнѣ-ка царскій,
 — А дай ты мнѣ Пикитину отчину:
 — Кто голову убьётъ, кто коня уведётъ,
 — Кто коня уведётъ, да кто бабу уведётъ,
 — А не было бы ни иску, ни отыску,
 — Того Богъ проститъ. —

Записано тамъ же, 7 августа. >

202.

ЕРМАКЪ.

Какъ собирались казаки | на круть бережокъ,
 Ахъ донскии гребеньски | запорожскіи,
 Запорожскіи казаки | и все были яцкии.
 Ахъ атаманъ былъ у донс|кихъ у казаковъ,

*) Т. е. обрадовался.

Ой изъ Тихаго Дону Ермакъ былъ Тимоее-
вичъ,

А есаулъ былъ у донскихъ у казаковъ
Ахъ со Двины Остафей Лаврентьевичъ.
Какъ сядились казаки | на легки стружки,
А й на легки стружки | сѣли на мелки повозки,
Какъ грянули розмахну | ли внизъ по Волги
рѣки.

Ахъ еще будутъ казаки | о полу онѣ пути,
О полуцути пути будутъ противъ Охтучи рѣки,
Ахъ супротивъ того кустышка ракитоваго,
Супротивъ того лужечка | ай зелѣного.
А сверху внизъ было по ма|тушки по Камы
рѣки,
А по Камы рѣки | легка лодочка плыветь,
Ахъ со лютымъ со зельемъ | съ чернымъ поро-
хомъ,

А со страшной казной | государевой.
А й на казны-то сидитъ | тутъ грозѣнь посѣлъ,
Ахъ по имени Семѣнъ | Костянтиновичъ,
Костянтиновичъ Семѣнъ | сидитъ Корамышевичъ.
Ахъ какъ непопечко вре|мечки миновалосе,
Супротивъ кустышка лод|очка свереталасе,
Ахъ какъ дупула пу|шечка мѣдная,
Ахъ какъ розбила эту | лодочку коломянку,
А какъ убило посла | государева
Корамышева Семѣна Костянтиновича.

«Ахъ мы не ладно мы | два брателка удумали
«Какъ убили мы посла | государева
«А золотой казны | намъ темпошко доставалосе,
«Доставаласе казны | намъ же по три тмы,
«А й по три тмы доставалосе по три тысячн.
«Какъ куды же мы братцы | воровать теперь
пойдемъ?»

«А й намъ во Казань городъ итти | намъ уби-
тымъ быть.

«Намъ во Востракань итти | быть повѣшеннымъ.
«Ахъ пойдете-тко братцы | во каменцу Москву.

(Дальше не помнитъ).

Записано тамъ же, 7 августа.

203.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Какъ во славномъ было го|роди во Вострагани,
Проявился тамъ дѣти|пушка незнаемъ человекъ,
Какъ незнакомой дѣти|пушка невѣдомой откуль.
Басно шепетно по Ва|страгани погуливаетъ,
Ужъ онъ штапамъ афице|рушкамъ не кла-
няется,
Востраканскому губерна|тору челомъ ему не
бьетъ.

А сапоженки на пожкахъ шел|комъ таченыи,
Черна шляпа на кудряхъ | и перчатки на ру-
кахъ,

А й свой тотъ вишневой кафтанъ | на одномъ
плечи таскалъ,

И какъ персидской кучачокъ | во бѣлыхъ ру-
кахъ держалъ.

Какъ увидѣлъ молодца | губернаторъ скривчалъ:
«Вы сходите приведи|те удалого молодца.»
Еще сталь-то губерна|торъ его спрашивати:
«А ты скажись скажись-ко дѣти|пушка не-
знаемъ человекъ,

«Изъ тиху ли ты Дону казакъ | аль казачей сынъ
«Аль ты съ нашего крѣпкаго го|рода изъ Ва-
страгани.»

Какъ проговоритъ дѣти|пушка незнаемъ чело-
вѣкъ:

— Изъ тиху-то я Дону по казакъ | не казачей
сынъ,

— Я не съ вашего крѣпкаго го|рода а изъ Ва-
страгани.

— Я со Камы-то со рѣки | Сеньки Разина сынъ,
— Посулился мой-то ба|тюшко завтра въ гости
къ вамъ быть,

— Вы умѣйте-тко моего ба|тюшка кормить его
понть,

— Вы кормить его понть | и честно жаловати.»
Востраканьскому губерна|тору не слюбилися
словеса.

«Еще есть-ли то при миѣ | а слуги вѣрны при
собѣ,

«Вы сведите-тко молодца | въ бѣлокаменну
тюрьму.»

Взяли брали молодца за | желтии волоса,
Повели его молодца | въ бѣлокаменну тюрьму.

Сверху внизъ было по ма|тушки по Камы по
рѣки,
Что ѣ по Камы по рѣки | легка лодочка пловать.
Какъ на той-то на легкой лодкѣ а|таманъ
воровской сидитъ,
Атаманъ воровской сидитъ | Сенька Разинъ тотъ
сынъ.
— Еще что-то мнѣ братцы рѣбятунка тош-
нымъ стало тошно,
— Мнѣ тошнымъ стало тошно | и тошнѣшенько,
— Вы подайте-тко воды | съ-подъ правѣи съ-подъ
руки.»
И надъ водой-то Сенька волховаль | и воду взадь
выливалъ,
— Видно мой тутъ вѣдъ сынокъ | а сидитъ въ
бѣлокаменной тюрьмѣ,
— Приворачивайте робята | ко крутому берегу,
— Ужъ мы стѣну разобьемъ | а ѣ тюрьму по
каменю разнесемъ,
— И Вастраканьскаго губерна|тора въ полонъ
къ собѣ возьмемъ,
— И Вастраканьскую губерна|торшу въ на-
ложницы. —

Записано тамъ же, 7 августа.

—
204.

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА.

А пише пише король шведскій | государыни на-
шой въ Москву:
«А ѣ да милосердная государыня | не прогнѣ-
вайся на меня,
«На меня-то Швета да на злодѣя на Шведскаго
короля.
«А ѣ роспиши-тко ты мнѣ хватурушку | а ѣ въ
каменной Москвы постоять:
«И моей конницы пѣхотушки | и во ямской стоять
улицѣ,
«А самому-то мнѣ королю | Шведскому а ѣ въ
Кремль городи постоять,
«А ѣ у Борца стоять у Петровича | а ѣ Шеле-
ментьева во дворци.»
А милосердная государыни | а призадумалась
стоитъ,
А наши главные всѣ фельдмаршаты | а ѣ при-
ужахнулись.
Какъ у ней правой подъ рученькой донской
казакъ стоитъ,

Ахъ у ней подъ лѣвой подъ рученькой а ѣ ча-
совой солдатъ стоитъ,
О ѣ впереди-то наши служивыи | да словцѣ вы-
молвили:
— А милосердная государыни | не печалуйся ѣни
о чемъ,
— А ѣ не бывать-то королю Шведскому | а ѣ
въ каменной нашей Москвы,
— А ѣ не видать-то ему да собаки | о ѣ нашей
крѣпости.
— А ужъ мы встрѣтимъ короля Шведскаго | на
Тюмень быстрой рѣки,
— А ѣ ужъ мы встрѣтимъ, всѣ | съ королемъ
побратаемся,
— Да розоставимъ-ко мы сто|лники о ѣ все ду-
бовенькие,
— О ѣ да накачаем-ко мы пу|шечекъ все со
ядрушками.
— А ужъ какъ мы станемъ ему подавать, онъ |
не успеетъ принимать. —

Записано тамъ же, 7 августа.

—
205.

ПРУССКІЙ КОРОЛЬ.

О ѣ рогужитя росначется | нашъ Прусскій
нашъ Прусскій *) король,
А ѣ сдючпсь-то на украсушки а ѣ на крутой
горы,
А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣ|пушку
на Берлинъ городъ
И на свою укрѣпушку | на Берлинъ да на Бер-
линъ городъ.
«Ты ли-то укрѣпа | моя ты укрѣпушка,
«Ты мой Берлинъ | мой Берлинъ городъ,
«А ты кому-то моя укрѣ|пушка доставалася,
«Доставалася да доставалася моя укрѣпушка,
«О ѣ царю бѣлому | о ѣ царю бѣлому,
«А какъ другому же генера|лушку Красноще-
кову.»
А ѣ какъ ходилъ гулялъ | Краснощековъ кѣп-
цемъ по городу,
Ахъ онъ закунаетъ-то | Краснощековъ а ѣ сви-
цу пороку,
И закунае еще онъ | Краснощековъ сорокъ пу-
шечекъ.

*) Набранные курсивомъ слоги повторяются два раза.

Ахъ онъ Прускую жену | ту красавицу а й во
 половъ беретъ,
 И во половъ-то беретъ пруску | жену и самъ
 онъ допросомъ допрашивать:
 — А й ты скажи-тко скажи | пруска жена а й
 куди Прусъ ушелъ? —
 «Ахъ вы глуны генера, лупки глуны неразумныи!
 «А й за столомъ-то сидѣлъ | пруской король бѣ-
 лой лебеди,
 «А й на окошечки сидѣлъ | пруской король а й
 сизымъ голубомъ,
 «И на корабъ полетѣлъ | пруской король вотъ
 онъ чернымъ ворономъ.»

Записано тамъ же, 7 августа.

XXXVII.

Т. СУХАНОВЪ.

Трофимъ Ивановичъ Сухановъ, крестьянинъ съ Охтом-острова на Водлозерѣ, 70 лѣтъ, здоровый, молодежавый, еще несущій тягло и занимающійся доселѣ полѣсничествомъ. Переменялъ былныи отъ отца, который умеръ подъ 100 лѣтъ отъ роду; говоритъ, что большую часть изъ нихъ забылъ, вслѣдствіе тяжелой рабочей жизни.

206.

ДОВРЫНЯ И АЛЕША.

Во славноёмъ было городи во Кіеви,
 А й у ласкова князя Владиміра,
 Собирается у князя почестень пиръ.
 Все ли на пиру наивалисе,
 Все ли на пиру наѣдалисе,
 Все ли на пиру пьяны веселы,
 А все ли на пиру порасфастались:
 Умный фастать отцемъ матерью,
 Безумной фастать молодой женой,
 Глухой фастать добрымъ конемъ.
 А сидитъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ,
 Не ѣсть онъ не пьетъ да не кушаетъ,
 Бѣлой лебедушки не рушаетъ
 Надъ собой онъ думашку думаетъ.
 Говоритъ солнышко князь столно-кіевской:

«А чего же ты сидишь позадумался,
 «Хлѣба ты соли не кушаешь,
 «Бѣлой лебедушки не рушаешь,
 «Не пьешь ты чары зелена вина?»
 И говоритъ князь столно-кіевской:
 — Ай же вы русскіи богатыри:
 — Во первѣихъ казакъ Пляя Муромецъ,
 — Во другѣихъ Добрынюшка Микитиничъ
 — Вы берите злаченыи жеребы
 — Кому ѣхать въ путь богатырскую,
 — Во тую въ дороженку широкую,
 — Не за триста за три тысячч,
 — Выправляти данн выходы за двѣнадцать лѣтъ.
 — Во тыи Индѣи во богатии,
 — Не вамы были данн заупущены,
 — Только вамы будутъ данн взысканы. —
 А й тутъ Добрынюшка поросплакался,
 Своей матушки порозжалился:
 — Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка!
 — На что Добрынюшку спородила,
 — Сильняго Добрынюшку не сильняго,
 — Ростомъ его не высокога,
 — Красотою его не красиваго,
 — А й богатствомъ не богатаго.
 — Лучше родила-бъ моя матушка
 — Сѣрымъ горючѣмъ камешкомъ,
 — Завертѣла во тонко полотенышко,
 — Ставала на гору высокую,
 — Розмахала Добрыню — въ море бросила.
 — А лежалъ бы Добрынюшка въ синѣмъ мори,
 — Не ѣздилъ Добрыня по святой Руси,
 — Не проливалъ бы крови христіанскіи,
 — Не вдовилъ Добрыня молодыи жонъ,
 — Не сиротали-бъ малыя дѣточкн. —
 И получаетъ несчастныи жеребей.
 Говоритъ онъ казаку Пляю Муромцу:
 — Я поѣзжаю въ путь богатырскую. —
 И говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
 — Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка,
 — Честна вдова Намельфа Тимооеевна! *)
 — Только вѣтъ у молодца добра коня,
 — Нѣту сбруюшки богатырскіи,
 — Венхъ усѣховъ богатырскіи. —
 Отвѣчае добра да ему матушка:
 «Ты Добрынюшка сынъ Микитиничъ!
 «Поди на конюшню стоялую,
 «А на другу поди ты на конную,
 «Выбирай добра коня ученаго.
 «Буде тутъ тебѣ не прилюбится,

*) Она была поляница, сидѣла на пиру.

«Опускайся въ погрѣбы глубокіи,
 «Стоитъ добрый конь богатырскій
 «На двѣнадцати цѣпочкахъ серебряныхъ,
 «На двѣнадцати тонкихъ поводахъ,
 «На тыхъ ли на поводахъ шелковыхъ,
 «А не нашего полку — Шемахинскаго.
 «Тамъ есть сбруя богатырская,
 «Вся успѣхи молодецкіи.»
 Только Добрынюшка спрашивалъ.
 Сложилъ Добрыня на рѣзвы ноги,
 Зъ-за того за столика дубоваго,
 Бѣжалъ на конюшню стоящую.
 Тутъ ему не слюбилосе,
 Перешолъ на конюшенку на конную,
 Нѣтъ добра коня по разуму.
 Опустился въ погрѣбъ глубокіи,
 Увидѣлъ коня онъ добраго,
 Онъ валился коню во праву ногу:
 — Ужь ты добрый конь богатырскій!
 — Служилъ конь и батюшку,
 — Служилъ добрый конь дѣдушку,
 — Послужи-тко Добрыня Микуличу
 — Во твѣи путі богатырскій. —
 Сталъ добра коня откѣивать (*отковыивать*),
 Сталъ добра коня отвязывать,
 Кладывалъ онъ сѣдельшко черкальское.
 Самъ онъ себя сталъ окольчуживать:
 Обувалъ онъ сапожки сафьянные,
 Околъ носика яйцѣ кати,
 А й подъ пяточки воробей лети.
 Въ каблучкахъ были шпильки серебряны,
 Шляпочки позолочены,
 Не ради красы басы молодецкіи,
 Ради крѣпости богатырскій,
 Одѣвалъ онъ лату богатырскую,
 Не грузную лату, въ девяносто пудъ.
 Одѣвалъ онъ платицу цвѣтное,
 Кладывалъ онъ шляпу пуховую,
 Не грузную шляпу, во двѣнадцать пудъ.
 Кладывалъ онъ правую ногу во стремено,
 Во тое ли стремено булатнѣе,
 Сложилъ Добрыня легче заюшка,
 Повернулся кручѣ горносталяшка.
 Садился во сѣдельшко черкальское,
 Приѣзжалъ онъ къ полати бѣлокаменной,
 Ко своей ко матушки ко родныи,
 Ко честной вдовѣ Намельфѣ Тимоеевной.
 Говоритъ Добрыня таково слово:
 — Дай-ко прощеньице родительско,
 — Мнѣ-ка ѣхать въ путь богатырскую. —
 Свѣтъ добръ да его матушка,

Полагае крестъ благословенный,
 Отправляє въ путь богатырскую.
 Стоитъ молода жена Настасья Микулична,
 Говоритъ Настасья Микулична:
 «Ай же Добрынюшка Микуличичъ!
 «Поѣзжаешь ты въ путь богатырскую,
 «Когда ждаты тебя со чиста поля?»
 Отвѣчае Добрыня Микуличичъ:
 — Ждите Добрынюшку три года.
 — Не приѣде Добрынюшка три года,
 — Еще ждите Добрынюшку три года.
 — Не приѣде Добрыня черезъ шесть годовъ,
 — Еще ждите Добрынюшку три года,
 — Пройде времечки всего девять лѣтъ. —
 И говоритъ-то Настасья Никуличной:
 — Аль вдовой живи аль хоть замужъ поди,
 — И за того поди хошь за иннаго,
 — За вора поди хошь за разбойничка,
 — Не ходи за моего за брата крестоваго,
 — За смѣлаго Алѣшу Поповича,
 — За дѣвочьяго за насмѣшника. —
 Поѣзжалъ Добрынюшка во чисто полѣ,
 Аль не пылъ во поли запылаеся,
 Отъ земли песокъ поднимался,
 Одна куревка покурпла,
 Поѣзжалъ Добрыня во чисто полѣ,
 Видѣли молодца сядучись,
 А й не видѣли удалаго поѣдучись.
 Прошло тому времени три года,
 Не видатъ Добрынюшки съ чиста поля.
 Тутъ ходя старухи кошельницы *),
 Они вѣсти носятъ недобрыи:
 «Нѣту Добрынюшки во живности,
 «Убитъ Добрыня во чистомъ поли,
 «Лежитъ Добрыня о Почай рѣку,
 «А й ногамы лежатъ во Почай рѣку,
 «Кудрями лежатъ въ часть ракитовъ-кусть,
 «Малолѣсны птички гнѣзда спѣвили
 «Во Добрыниныхъ во желтыхъ кудряхъ.»
 Тому старуха не вѣрила:
 — Молода Настасья Микулична!
 — Подождемъ еще времечки три года. —
 Прошло того времечки шесть годовъ,
 Не видатъ Добрынюшки съ чиста поля.
 Приѣзжаетъ Олѣшенька поповскій сынъ
 Со далеча далеча со чиста поля,
 Прямо къ доброй-то его матушкѣ,
 Молодой жены Настасьи Микуличной.
 Говоритъ добра да его матушка:

*) Нищія.

— Гдѣ ты былъ Олѣшенька поповскій сынъ? —

Отвѣчаетъ Олѣшенька поповской сынъ:

«Ужъ я былъ во далѣчи далѣчи во чистомъ полѣ.»

— Не видалъ ли Добрыни Микитича? —

Отвѣчаетъ Олѣшенька поповскій сынъ:

«Ужъ я видѣлъ Добрыню во чистомъ поли,
«Видилъ Добрыню убитаго:

«Лежить Добрыня о Пучай рѣку,

«А ѣ ногами лежить во Пучай рѣку,

«Кудрямъ лежить въ часть раптовъ-кусть,

«Малолѣсны птички гнѣзда сповили

«Во Добрыниныхъ во желтыхъ кудряхъ.»

Говоритъ Настасья Микулична,

Говоритъ она Олѣши Поповичу:

— Не былъ ты Олѣша во чистомъ полѣ,

— Не видалъ ты Добрыни убитаго,

— А былъ ты съ собаками на задворки. —

Олѣши слова не слюбилесе,

Пдѣтъ онъ съ обидою великою

Прямо ко князю Владимиру:

«Ужъ ты солнышко князь столно-кѣвской!

«Пособи-тко мнѣ думы думати.

«Надо мной удовка насмѣяласе

«Молодая Настасья Микулична

«Не могу на ѣй сосвататься.

«Возьми меня во служители,

«Возьми меня въ сторожители,

«Буду служить вѣрой правдой.»

Говоритъ князь стольне-кѣвской:

— Ай же ты Олѣшенька поповской сынъ!

— Сдѣламъ указы ми грозныи,

— По первому городу по Кіеву,

— По дрѹтому городу Чернигову,

— По трѣтѣму городу Смоленску:

— Не держать бы жонъ безмужниихъ,

— Не держать удовокъ безпашпортниихъ.

— Пошлю стражовъ немилосливыхъ,

— Чтобы гнали со перваго города,

— Со перваго города Кіева,

— Со дрѹга гнали Чернигова,

— Со третьѣго со Смоленска, —

Какъ шли стражи немилосливы,

Выгнали съ перваго города Кіева,

Выгнали съ дрѹгаго Чернигова,

Выгнали съ третьяго Смоленска,

Всихъ удовокъ безмужниихъ.

Идутъ съ обидою великою

Ко той Добрыниной матушки,

Идутъ къ Настасьи Микуличной:

«Ужъ ты свѣтъ Настасья Микулична!

«Поди за Олѣшу во замужество.

«Не подѣшь за Олѣшу во замужество —

«Изгонять тебя вонъ изъ города.»

Говоритъ Настасья Микулична;

— Я порѹшаю мужнюю заповѣдь. —

Пожалѣла удовокъ безмужниихъ,

Пожалѣла вдовицъ безпашпортниихъ,

Не охвотою шла во замужество,

Поневолѣ пошла во замужество.

Во далѣчи во чистомъ поли,

Не за триста за три тысячи,

Синтъ Добрыня во бѣломъ матри.

Стоитъ добрый конь у бѣла шатра,

Онъ копытомъ бѣтъ о сыру землю,

Подъ шатромъ земля сколыбаласе,

Во рѣки вода зазыбаласе.

Скочилъ Добрыня на рѣзвы ноги,

Отъ крѣпка сну богатырскаго.

Говоритъ Добрынюшка Микитичъ:

«Ай же добрый конь богатырскіи!

«Не во врѣмя будишь русскаго богатыря.»

Отвѣчаетъ конь по-человѣчѣму:

— Ай же Добрынюшка Микитичъ!

— Ты не знашь незгоды великии.

— Твоя жена Настасья Никулична

— Пошла она во замужество,

— Не охвотою по неволюшки,

— За смѣлаго Олѣшу Поповича.

— Вчерасе было рукобитыцо,

— Сегодня у ихъ столованицо. —

Тольки Добрынюшка спрашивалъ.

Садилсѹ на добра ковы учѣнаго,

Бѣтъ коны плѣткой шелковою,

Бѣтъ коны по тучнымъ бедрамъ.

Сталь его добрый конь поскакивать,

Скоки давать съ горы на гору,

Мелки источинки въ шахъ берѣтъ.

Прѣзжае къ славному городу ко Кіеву,

Ко своѣй полаты бѣлокаменной.

Становилсѹ къ косивчату окошечку,

Закричалъ онъ гласомъ богатырскимъ:

«Ай же добра да моя матушка,

«Есть ли честна вдова во живности?

«Отвори-ко широкіи воротечка,

«Залусти Добрыню Микитича.»

Отвѣчать старуха таково слово:

— Отойдите голи кабацкіи!

— Кабы былъ Добрынюшка во живности,

— Не досутъ бы вамъ насмѣхатисе,

— Надо мной старухой пролыгатисе. —

Говоритъ Добрыня во второй наконъ:

«Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка,

«Честна вдова Намельфа Тимошеевна!
 «Опустись ты со печки муравленой,
 «Ты садись на скамейку хрустальную,
 «Ты гляди въ окошко стекольчато,
 «Тутъ сидитъ Добрыня на добромъ кони.»
 Свѣтъ добра да его матушка
 Опушаласе со печки муравленой,
 Садилась на скамейку хрустальную,
 Глядѣла въ околенку стекольчату.
 Только взяла дубину подорожную,
 Не грузную дубину, въ девяносто пудъ,
 Говорила старуха таково слово:
 — А ѿ удалый добрый молодець!
 — Не такой Добрынюшка отпущень онъ
 — Во тую ли путь богатырскую,
 — Во тую поѣздку молодецкую,
 — Его личико было бѣлое,
 — Платице на нёмъ цвѣтное,
 — Сапожки на ножкахъ сафьянныи,
 — Шляпа была пуховая. —
 Отвѣчатъ Добрыня Микитиничъ:
 «Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка!
 «Во тѣи пути богатырскіи
 «Сапожки о стрѣмена вытерло,
 «Цвѣтное платице сдѣржано,
 «Пухову шляпу дождями повѣсѣло,
 «Личико жарамы зажарило.»
 Говорить добра да его матушка:
 — Будеть сидитъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
 — На своемъ концѣ богатырскоемъ,
 — Дакъ подашь ты крестъ благословенный. —
 Тутъ Добрыня Микитиничъ
 Подавае крестъ благословенный,
 Свѣтъ доброй да своѣй матушки.
 Получала крестъ благословенный,
 Съ которымъ спустила во чисто поле,
 Тутъ она срадоваласе.
 Скоро бѣжала на широкъ дворъ,
 Отворяла воротца широкіи,
 Запустила Добрыню Микитича.
 Тутъ скочилъ Добрыня со добра коня.
 Говорить добра да ему матушка:
 — Ты Добрынюшка сынъ Микитиничъ!
 — Какъ твоя молода жена,
 — Пошла ѣна во замужество
 — Не охвотою, по неволюшки,
 — За смѣлаго Олѣшу Поповича. —
 Только Добрынюшка спрашивалъ.
 Спустилъ коня на свою волю,
 Самъ бѣжалъ въ полату бѣлокаменну,
 Обувалъ онъ сапожки сафьянныи,

Надѣвалъ онъ платице цвѣтное,
 Кладывалъ онъ шляпу пуховую,
 Берётъ онъ гусѣлушка яровчаты,
 Берётъ онъ напитокъ подорожныхъ
 Во правой корманъ, во лѣвой корманъ,
 Берётъ онъ дубину подорожную,
 Не грузную дубину, въ девяносто пудъ,
 Прямо пошолъ на почестень пирь.
 Тутъ у солнышка князя Владиміра
 Поставлены стражі немилосливы,
 Сильніи могучіи богатыри —
 Не ходитъ никому на почестень пирь —
 Не пуцають Добрыни на почестень пирь.
 У Добрыни сердце розгорѣлосе,
 Онъ махнулъ дубиной подорожною,
 Убилъ онъ сильныхъ богатырей.
 Прямо идётъ на почестень пирь,
 Во тую полату гряновитую,
 Къ этиимъ ко столикамъ дубовымъ,
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Ужъ ты солнышко князь стольно-кѣвской!
 «Нѣтъ ли мѣста немношечко
 «Поприѣсть удалому молодцу?»
 Отвѣчае князь стольно-кѣвской:
 — Всѣ мѣста попризанаты. —
 Угледѣлъ онъ мѣста немношечко
 На тѣи на печки муравленой.
 Скочилъ Добрыня лѣкче заюшка
 На тую на печку муравлену,
 Загралъ онъ въ гусѣлушка яровчаты.
 Всѣ на шире оглянулисѣ,
 Всѣ на шире ужахнулисѣ.
 Скочилъ князь на рѣзвы ноги,
 Самъ говоритъ таково слово:
 — А ѿ скоморошина удалая!
 — Опустись-ко со печки муравленой:
 — Первое мѣсто подлѣ меня,
 — А другое тѣ мѣсто возлѣ меня,
 — Третье мѣсто гдѣ слюбится. —
 Отвѣчаетъ Добрынюшка Микитиничъ:
 «Ужъ ты солнышко Владиміръ стольно-кѣвской!
 «Не спрашивай у холоднаго,
 «Не спрашивай у голоднаго.
 «Спѣшпсь-ко молодца кормить поить,
 «Потомъ удалаго спрашивать.»
 Приносили чару зелена вина,
 Не большую чару, полтора ведра.
 Принималъ Добрыня единой рукой,
 Выпивалъ Добрыня на единой духъ,
 Самъ говоритъ таково слово:
 — Солнышко князь стольно-кѣвской!

— Позволь поднести чару зелена вина,
 — У м'ня есть напитоковъ подорожныхъ.
 — Поднести мнѣ князю со княжниною,
 — Первую Настасья Микуличной,
 — А вторую Алеша Поповичу. —
 Наливаетъ чару зелена вина,
 Не большую чару, полтора ведра,
 На вѣсь-то чара полтора пуда,
 Кладываетъ онь перстень злаченны,
 Самъ говоритъ таково слово:
 — Ужъ ты пей Настасья Микулична!
 — Пей-ко чарочку зелена вина,
 — Пей-ко чарочку да всю до дна.
 — Какъ пьешь до дна — увидашь добра,
 — Не пьешь до дна — не видать добра. —
 Береть Настасья Микулична,
 Береть чарочку единой рукой,
 Выпивала чару на единой духъ,
 Къ устамъ перстень прикается,
 Свѣтъ Настасья срадоваласе.
 За тымъ за столикомъ дубовымъ,
 Скочила Настасья на рѣзвы ноги,
 Скочила она левче заюшка,
 Зь-за того за столика дубоваго.
 Прямо къ Добрыни на бѣлы груди,
 Сама говоритъ таково слово:
 «Не тотъ мой мужъ, кой подлѣ меля,
 «Тотъ мой мужъ — супротивъ меля,
 «Супротивъ очей моихъ ясныхъ.»
 Тутъ Добрынюшка Микитичъ
 Онь беретъ Алешеньку Поповича,
 Зь-за того за столика дубоваго,
 Береть Алёшу за желты кудри,
 Сталь онь дубною накладывать.
 Отъ стуканья пошло буканьё,
 Отъ буканья пошло оханьё
 По всей полѣты гряновиты.
 Всѣ съ ипру розбѣжалисе,
 Всѣ съ ипру розскакалисе,
 Тольки стоить князь со княжниною.
 Говорить Добрынюшка Микитичъ:
 — Чѣго ты стоишь князь со княжниною,
 — Чѣго ты стоишь-да того же ждѣшь,
 — Пусть тебѣ приуважено:
 — Моему-то багюшку крестовой братъ.» *)
 Тутъ пошоль Алешенька поповской сынъ,
 Пошоль съ ипру оворакую,
 Самъ идѣть съ ипру кленетсѣ,
 Больше того проклинаетсѣ:

*) Владиміръ.

«Всякой чортъ на сѣмъ свѣтѣ женится,
 «Не всякому женитьба удаваеця,
 «Мнѣ-ка женитьба неудачная,
 «Молода жена невзрачная.» *)
 «Удаваласе женитьба двумъ богатырямъ:
 «Во первыхъ Добрынюшка Микитичу,
 «Во-вторыхъ старому казаку Плью Муромцу.»

Записано на Водлозерѣ, 6 августа.

—
 207.

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ.

А й съ-подъ ельничку съ-подъ березничку,
 Изъ-подъ часта молодого орѣшничку,
 Выходила калика перехожая,
 Перехожая калика переѣзжая.
 У калики костыль дорогъ рыбой зубъ,
 Дорогъ рыбой зубъ да въ девяносто пудъ.
 О костыль калика подпираетсѣ,
 Высоко калика поднимаетсѣ,
 Какъ повыше лѣсу да стоячаго,
 А пониже облачка ходячаго.
 Опустилася калика на тын поля,
 На тын поля на широкія,
 На тын лужка на зеленія,
 А й о матушку-ль о Почай рѣку.
 Тутъ стоить ли силушка несмѣтная,
 А несмѣтна сила непомѣрная,
 Въ три часу сѣру волку да не обскѣкати,
 Въ три часу яву соколу да не облѣтѣти.
 Осередь-то силы той невѣрной,
 Сидить Турченко да богатырченко.
 Онь хватилъ Турку да за желты кудри,
 Опустилъ Турку да о сыру землю.
 Говорить калика таково слово:
 «Скажи Турченко да богатырченко!
 «Много ль вашей силы соскопилосье,
 «Куда эта сила снарядиласе?»
 Отвѣчаетъ Турченко да богатырченко:
 — Я бы радъ сказать, да не могу стерпѣть,
 — Не могу стерпѣть, да голова болитъ,
 — А й уста мои да запечалилисѣ.
 — Е сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
 — Сорокъ королей, да королевичевъ.
 — Какъ у кажнаго царя царевича,
 — А й у короля да королевича,

*) Т. е. дубина.

— А ѿ по три тмы силы по три тысячн,
 — Снарядиласе ужь силушка подь Кіевъ-градъ,
 — Хотуть Кіевъ градъ да головиѣй катить,
 — Добрыхъ молодцовъ ставить ширинкамн,
 — А ѿ добрыхъ коней да табунами гнать,
 — А ѿ животь со града вонъ телѣгамы. —
 О костьюль калнка поднирается,
 Высоко-ль калнка поднимается,
 А ѿ повыше лѣсу стоячаго,
 А ѿ пониже облачка ходячаго.
 Присакала калнкушка ко городу,
 А ѿ ко славному ко городу ко Кіеву,
 Она въ городъ шла да не воротамы,
 Она прямо черезъ стѣну городовую,
 Не что лучшу башню наугольную.
 Становилася калнка середь города,
 Закричала калнка во всю голову,
 Съ теремовъ вершочки посыпалсь,
 А ѿ окóленки да повалилсье,
 На столахъ питья да поплескалсье.
 Выходилъ Олешенька поповскій сынъ,
 Береть палицу булатную,
 Нѣ грузнью палицу, да въ девяносто пудъ,
 Онъ бьетъ калнку по головушки,
 Калнкушка стоить не страхнется,
 Его жёлты кудри не сворохнутсья.
 Выходилъ Добрынюшка Микитиничъ,
 Какъ беретъ Добрынюшка черлѣпый вязъ,
 Не грузнйя вязъ, да въ девяносто пудъ *),
 Онъ бьетъ калнку по головушки,
 Калнкушка стоить не страхнется,
 Его жёлты кудри не сворохнутсья.
 Выходилъ казакъ Илья Муромецъ,
 Говорить казакъ таково слово:
 «Ужь вы глупы русскіи богатыри!
 «Пошто бьете калнку по головушки?
 «Еще набъ у калнки вѣстей спрашивать:
 «Куды шла калнка, а что видѣла?»
 Говорить калнка таково слово:
 — Ужь я шла калнка по тынмъ полямъ,
 — По тынмъ полямъ, по широкінмъ,
 — По тынмъ лужкамъ по зелѣннымъ,
 — А ѿ о матушку ли о Почай рѣку.
 — Ужь я видѣла тутъ силушку великую,
 — Въ три часу волку не обскáкати
 — Въ три ясну соколу не облѣтѣти.
 — О середки силы великин
 — Сидить Турченко богатырченко.
 — Я хватилъ Турку за желты кудри,

*) Богатыри всѣ одной силы были.

— Опуцалъ Турку о сыру землю.
 — Скажи Турченко богатырченко:
 — Много ль вашей силы соскопилосье,
 — Куда эта сила снарядиласе?
 — Ужь бы радъ сказать, да не могу стерпѣть,
 — Не могу стерпѣть, да голова болптъ,
 — А ѿ уста мон да запечалилсь. —
 Говорить казакъ таково слово:
 «А ѿ калнка перехожая!
 «А идѣшь ли съ нами во товарищи,
 «Ко тыи ли силы ко великин?»
 Отвѣчать калнка перехожая
 Старому казаку Илью Муромцу:
 — Я иду со вами во товарищи. —
 Садилсь богатыри на добрыхъ коняхъ:
 Во первыхъ казакъ Илья Муромецъ,
 Во другихъ Добрынюшка Микитиничъ.
 Оны съ города ѣхали да не воротамы,
 Прямо черезъ стѣну городовую,
 Не что лучшу башню наугольную.
 А ѿ калнкушка не осталасе,
 О костьюль она да поднираласе,
 А скочила стѣну городовую.
 Поѣзжать казакъ Илья Муромецъ
 Во тую ли силу во великую,
 Во тую ли силу правой рукой,
 Добрыня Микитиничъ лѣвой рукой,
 Калнка шла серѣдочкой.
 Сталъ опъ своею дубиною помахивать,
 Какъ куды махнулъ—дакъ пала улща,
 Отмахивалъ—переулочокъ,
 Прибили всю силу невѣрному.
 Обращалсь ко славному городу,
 Ко тому ли городу ко Кіеву,
 Скакали черезъ стѣну городовую,
 Отдавали честь князю Владимиру:
 «Мы прибили силу всю невѣрную».

Записано тамъ же, 6 августа.

208.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

По морю морю морю спнему,
 По тому по морю по Веряйскому,
 По тому по морю по Дунайскому,
 Изъ-за того ли острова Кодольскаго,
 Вѣжить побѣжить тридцать кораблей.
 Одинъ корабль папередъ бѣжить,

Носъ корма по звѣриному,
 Бока-ты у его по туриному,
 И хоботь-ты мечѣ по змѣиному,
 И мѣсть очей было вставлено
 По дорогому камню самоцвѣтному,
 И мѣсто бровь было кладено
 По дорогому соболу заморьскому,
 Мѣсто хвоста было повѣшено
 По дорогой лисици заморьскія.
 О середѣ корабля стоить три терема,
 Три терема златоверхнѣхъ:
 Во первомъ теремѣ стунчигъ-бунчигъ,
 Въ другомъ теремѣ шепоткомъ говорятъ,
 Въ третьемъ терему скачуть и пляшуть и пѣсни
 поють,

Пѣсни поють прикокуиваютъ.
 Тутъ Соловѣва дружинишко
 Пятьдесятъ молодцовъ со единимъ,
 Все молодецъ молодецъ лучше,
 Тутъ самъ Соловей сынъ Будиміровичъ
 Сѣ своей дружиною хороброю.
 Онъ говоритъ таково слово:
 «А ѣ же дружина хоробрая!
 «Приворачивай къ крутому бѣрежку,
 «Выкиньте сходни дубовыи,
 «Другии сходни серебряныи,
 «Третьи сходни мѣди казанскіи.»
 Говоритъ Соловей таково слово:
 «А ѣ дружина хоробрая!
 «Бери дружина золоты ключи,
 «Отмыкай дружина кованіи ларьцы,
 «Вынимай-ко камочкику золотую,
 «Что въ золотн камочника не погнется.»
 Брала дружина золоты ключи,
 Отмыкала дружина кованы ларьци,
 Вынимала камочкику золотую,
 Въ золотн камочника не погнется.
 Берѣтъ онъ подарки великии,
 Иде къ солнышку князю столно-кѣевску
 Съ зтыма подарками великими,
 Въ этую нолату грянонитую,
 Крѣсть онъ кладѣтъ по писаному,
 Поклонъ-отъ ведѣтъ по учѣному,
 Бѣѣтъ онъ челомъ покланяется
 На вси на четьре на стороны.
 Онъ говоритъ таково слово:
 «Ужъ ты солнышко князь столно-кѣевскои!
 «Дай-ко мнѣ мѣста немпошечко
 «Поставить три терема златоверхнѣхъ.
 «Въ одную ноченку во тѣмную,
 «Во тѣмную ноченку въ осѣннюю,

«Къ утру свѣту жить перейти.»
 — Гдѣ тебѣ мѣсто прилюбится,
 — Устрой терема златоверхнѣи. —
 Поклонился Соловей Будиміровичъ
 Солнышку князю столно-кѣевску.
 Онъ говоритъ таково слово:
 «А ѣ же дружина хоробрая,
 «Пятьдесятъ молодцовъ со единимъ!
 «Скидывайте платицо цвѣтное,
 «Надѣвайте кожаны досинныи,
 «Берите топорники булатнии,
 «Поставьте три терема златоверхнѣхъ,
 «Къ утру къ свѣту бы жить перейти.»
 Въ этую во ноченку во тѣмную,
 Во тѣмную ноченку во осѣннюю,
 И молода Забава Путятничо
 Во тую во ноченку во тѣмную,
 Слышала стукъ и громъ она великии,
 Поглянула въ косивчату околѣнку:
 — Что это у насъ не по старому.
 — У батюшка въ зеленомъ саду
 — Дубья колодыя новысѣчена,
 — Изъ-за саду вопъ все новѣметано,
 — Стоять три терема златоверхнѣхъ. —
 Она скоро скочпла на рѣзвыи ногн,
 Чѣботы обула на босу ногу,
 Салонъ одѣвала на одно плечо,
 По крылечнику спущалася по-легошешенько,
 По улушкѣ шла по-скорѣшешенько.
 У перваго терема послухала,
 Въ тоемъ теремѣ стунчигъ-бунчигъ,
 Стунчигъ-бунчигъ шелчигъ-молчигъ,
 Тутъ Соловѣва золота казна.
 У другаго терема послухала,
 Въ другомъ теремѣ шепоткомъ говорятъ,
 Тутъ Соловѣва родна матушка,
 Она за Соловья Богѣ умаливала.
 У третьяго терема послухала,
 Въ тоемъ теремѣ скачуть и пляшуть и пѣсни
 поють,

Пѣсни поють прикокуиваютъ, —
 Тутъ Соловѣва дружинишка,
 Самъ Соловей сынъ Будиміровичъ.
 Она прямо идетъ во высокъ терѣмъ,
 Она крѣсть то кладѣтъ по писаному,
 Поклонъ-тотъ ведѣтъ по учѣному,
 Она бѣѣтъ челомъ покланяется
 На всѣ на четьре на стороны,
 Соловьѣю Будиміровичу въ собни.
 — Ты молодецъ есть холостъ не женатъ,
 — Я красна дѣвица на выдаваньи. —

Говоритъ Соловѣй сынъ Будиміровичъ:

«Всѣмъ ты мнѣ дѣвица прилюбилася,
«Однимъ ты мнѣ дѣвица не слюбилася,
«Сама себя за мужъ просватываешь.»

Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:

«А ѣ же дружина хоробрая!
«Сбирайте злаченыи теремы,
«Отъѣдемъ отъ крутаго берега.»

Записано тамъ же, 6 августа .

209.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда же возсіяло солнце красное
На тую ли на землю свято-русскую,
Тогда же воцарился нашъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
На тую на землю свято-русскую.

Тогда же собиралъ онъ почестень ширь.

Вси ли на ширю напивалнсе,

Вси ли на ширю похвалялнсе:

Умный фастать отцемъ матерью,

Безумной фастать молодой женой,

Глушой фастать добрымъ конемъ.

Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:

«А вывелъ я измѣну изъ Опского,
«Да вывелъ я измѣну изъ Казаньскаго,
«А вывелъ я измѣну съ Астраканьскаго,
«Да вывелъ измѣну съ Новѣгорода,
«Да выведу измѣну съ каменной Москвы,
«Всю неправду со святой Руси.»

Подъ его нодь ручкой нодь правую,

Сидитъ млады Иванъ тотъ Ивановичъ,

Подъ его нодь ручкой нодь лѣвою,

Сидитъ млады Федоръ Ивановичъ.

Воспроговоритъ Иванъ тотъ Ивановичъ:

— Батюшко Грозный царь Иванъ Васильевичъ!

— А вывелъ измѣну изъ Опского,

— Да вывелъ измѣну изъ Казаньскаго,

— А вывелъ измѣну съ Астраканьскаго,

— Да вывелъ измѣну съ Новѣгорода,

— Не вывести измѣну съ каменной Москвы,

— А всѣй-то неправды со святой Руси.

— У тебя измѣнщикъ за однимъ столомъ,

— Ыздилъ по царьству Російскому,

— По тому государству московскому,

— Улицу казнилъ онъ десятую,

— Въ десятой казнилъ онъ десятаго,

— Больше голову пѣтунюю,

— Все ерлуки онъ подписывалъ.

— Въ той улицы больше (пѣтуны не поютъ) *)

— Въ той улицы больше шепотью не молятся.

— Не могъ вывести измѣны изъ Пскога,

— Не могъ вывести измѣны изъ Скопскаго

— Не могъ вывести измѣны изъ Казаньскаго,

— Не могъ вывести съ Востраканьскаго,

— Не могъ вывести измѣны съ Нова-города,

— Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы

— Всей неправды со святой Руси. —

Грозно царь роспалается,

Скочитъ царь на рѣзвы ноги,

Говоритъ ли царь таково слово:

«А ѣ полачи немилосливыи!

«Берите-тко Федора Ивановича

«За его за ручки за бѣлыи,

«За его за перстни злаченыи,

«Накиньте камочнику черную,

«Бросьте въ телѣгу ордынскую,

«Везите за мать Москву бѣлокаменну,

«На тое болото на Житное,

«На тую на плаху кровавую,

«Отѣкните измѣннику голову.»

Вси палачи розбѣжалнсе,

Вси палачи роскакалнсе,

Большой-отъ хоронится за средняго,

Средней-отъ хоронится за меньшаго,

А отъ меньшаго стало да отвѣту нѣтъ.

Грозно царь роспалается,

Говоритъ ли царь таково слово:

«А ѣ палачи немилосливыи!

«Берите Федора Ивановича

«За его за ручки за бѣлыи,

«За тыи за перстни злаченыи,

«Накиньте камочнику черную,

«Бросьте въ телѣгу ордынскую,

«Везите за мать Москву бѣлокаменну,

«На тое болото на Житное,

«На тую на плаху кровавую,

«Отѣкните измѣннику голову.»

Изъ-за того стола за нижайшаго,

Выходитъ маленькой малютка Скуратковъ сынъ

Береть онъ Федора Ивановича

За его за ручки за бѣлыи,

За его за перстни злаченыи,

Накинулъ камочнику черную,

Бросилъ въ телѣгу ордынскую,

Повезъ за мать Москву бѣлокаменну,

*) Такъ при первоначальномъ сплошномъ распѣвѣ.

На тоё болото на Житное,
 На тую на плаху кровавую,
 Отсѣчь измѣнщику голову.
 Молодая Марья Романовна
 Сжочила она па рѣзвы ноги,
 Чобота обула на босу ногу,
 Шубу одѣвала на одно плечо,
 По крылечку слушалась полегошеньку,
 По улущку бѣжала поскорешеньку,
 Прямо къ Микиты Романовичу
 Во тую полату гряновитую.
 Крѣсть-то кладеть по писаному,
 Поклонъ-то ведеть по учоному,
 Бьетъ челомъ покланяется,
 На вси на четыре на сторовы,
 Братцу Микиты Романовичу въ собнну.
 Говорить братецъ Микита Романовичъ:
 — Что же за чудо за чудное,
 — Что же за диво за дивное,
 — Не звана пришла гостья не приказывана? —
 Говорить Марья Романовна:
 «А й братецъ Микита Романовичъ!
 «Погухла свѣча наша мѣстная,
 «Закатилось наше красное солнышко,
 «Не стало млада Федора Ивановича,
 «Увезъ маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ
 «На тоё болото на Житное,
 «На тую на плаху кровавую,
 «Отсѣкѣтъ ему буйную голову.»
 Сжочилъ Микита на рѣзвы ноги,
 Чоботы обулъ на босу ногу,
 Армякъ надѣвалъ на одно плечо,
 Шляпу кладывалъ на одно ухо,
 Онъ бѣжитъ па конюшню стоялую,
 Береть добра ковы учоного.
 Садился на добра ковы не сѣдлана,
 Ёде по мать Москвы бѣлокаменной,
 Шляпою маше голосомъ кричитьъ:
 — А й же народъ люди добрыи!
 — Дайте мѣста немножечко
 — Коню пройти, меня провезти,
 — Скоро ѣхать за мать Москву бѣлокаменну
 — На тоё болото на Житное,
 — Ко тыи ко плашки кровавыи,
 — Застать любезнаго племянника. —
 Увидѣлъ маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ,
 Закричалъ Микита во всю голову:
 — Ты не ѣшь-ко собака куса сахарня,
 — Хоть съѣшь собака подавнисья. —
 Повернулъ конье во матушку сиру землю,
 Цаленькой Малютка Скурлатковъ сынъ

Самъ надѣтъ па вострой конецъ.
 Тутъ Скурлатковы славы поють.
 Подѣзжаетъ Микита Романовичъ
 Къ этой ко плашкѣ кровавыи,
 Береть нонь любезнаго племянничка
 За его за ручки за бѣлыи,
 За тыи за перстни злаченыи,
 Кладывать его подъ правую пазушку,
 Везеть онъ въ полату бѣлокаменну,
 Во свой домъ да гряновитыи.
 Прошло тому времечки круглой годъ.
 Вспомнилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Своего Федора Ивановича,
 Сдѣлалъ указы онъ грозныи
 По всему по царьству російскому,
 По тому ли государьству московскому,
 Къ этии обѣдн воскресенскн,
 Къ этии заутренн Христовскн,
 Шли бы въ патыщахъ ошалѣнхъ.
 Молодой Микита Романовичъ
 Надѣвае платье что ни лучшеё,
 Кладываеъ любезнаго племянничка,
 Кладывае подъ правую пазушку,
 Идетъ онъ къ обѣдени Христовскн,
 Крѣсть онъ кладеть по писаному,
 Поклонъ ведеть по учоному,
 Бьетъ онъ челомъ покланяется
 На вси на четыре на стороны,
 Грозному царю Ивану Васильевичу въ собнну:
 — Здравствуй Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 — Со своимъ сѣменами царскимъ,
 — Со своей любезной семеюшкой:
 — Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
 — Со молодымъ Федоромъ Ивановичемъ,
 — Со молодой со Марьей Романовной! —
 Воспроговоритъ царь таково слово:
 «Кабы былъ ты не Микита не Романовичъ,
 «Отсѣкъ бы тебѣ буйну голову.»
 Здравствуетъ Микита во второй наконъ:
 — Здравствуй Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 — Со своимъ сѣменами царскимъ,
 — Со своей любезной семеюшкой:
 — Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
 — Со молодымъ Федоромъ Ивановичемъ,
 — Со молодой со Марьей Романовной! —
 Говоритъ царь таково слово:
 «А й же ты Микита Романовичъ!
 «Подай скоро Федора Ивановича.
 «Не подашь ты Федора Ивановича,
 «Отсѣку тебѣ буйну голову.»
 Молодой Микита Романовичъ

Внимають Федора Ивановича
Изъ этии правни пазушки.
Говорить Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А ѿ ты Микита Романовичъ!
«Чимъ тебя буде жаловать
«За твои подарки великинъ:
«Города ли тебѣ съ пригородками,
«Деньгами ль золотой казной,
«Али платьицомъ тебѣ цвѣтныимъ,
«Али пожаловать добрымъ конёмъ?»
Отвѣчаетъ Микита Романовичъ:
— Не надо городовъ съ пригородками,
— И золота казна у м'ня не тощится,
— Цвѣтное платьѣ не дѣржится,
— Добрыя кони не ѣзжены.
— Пожалуй Микитину улицу:
— Кто голову убьѣ, кто жону уведѣтъ,
— Въ Микитину отчину зайдетъ — того Богъ
простить. —

Записано тамъ же, 6 августа.

XXXVIII.

ПАНОВЪ.

Савелій Кузмичъ Пановъ съ Куганаволока на Водлозерѣ, 43 лѣтъ; выучился пѣть былины на лѣсныхъ гонкахъ, гдѣ бывалъ въ работникахъ.

210.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ.

А ѿ какъ изъ города да изъ Мурома,
А изъ того села Коротяева,
А ѿ какъ справляется вооружается,
А ѿ какъ удаленькой да дородненькой,
А ѿ какъ дородненькой добрый молодецъ.
А ѿ нынѣ какъ старинъ казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ справляется да вооружается,
А ѿ какъ въ тотъ ли во славныи да во Кіевъ градъ,
А ѿ какъ на тотъ ли онъ на славныи на почестень пиръ,
А ѿ какъ ко сознышку князю Владиміру стольнѣ-
кіевску.

А ѿ онъ беретъ себѣ да добра коня,
Беретъ бурушка да косматушка,
А ѿ какъ не сѣдлана добра коня беретъ не уздана,
А ѿ какъ не уздана беретъ не обкольчужена.
Сталъ онъ бурушка осѣдлывать,
Сталъ косматушка да обкольчуживать:
А ѿ на главу въ-первѣихъ клалъ лошадиную,
А ѿ онъ какъ клалъ уздицу тесмянную,
Какъ не ради клалъ красы басы молодецкою,
А ѿ ради крѣпости крѣпилъ онъ богатырскою.
А ѿ на спинну-ту клалъ онъ лошадиную
Двѣнадцать потниковъ двѣнадцать войлоковъ,
А ѿ на верѣхъ-то клалъ сѣдлышко черкальское,
А ѿ какъ не ради клалъ красы басы молодецкою,
А ѿ ради крѣпости крѣпилъ онъ богатырскою.
А ѿ онъ двѣнадцать нынѣ вязалъ подируговъ
шелковныхъ,
А ѿ ради крѣпости крѣпилъ-то всё да богатыр-
скою.
А ѿ какъ подируги у его сѣдлышка да шелковыи,
А ѿ какъ того шелку ли китайскаго,
Да славнаго того Маханскаго.
А ѿ какъ въдъ пряжечки нынѣ были мѣдныи,
А ѿ какъ той мѣди казанскои.
А ѿ Маханскій шолкъ да не сорвется,
Какъ казанская мѣдъ да не ржавѣтъ.
А ѿ стремена булагъ желѣза нынѣ крѣпкаго не
подогнутся,
А ѿ тутъ не ради красы басы крѣплѣно моло-
децкою,
А ѿ ради крѣпости нынѣ крѣплѣно богатырскою.
А ѿ только видѣли добраго молодца
А ѿ на добраго коня видѣли сядучись, —
А ѿ какъ не видѣли его удалаго да поѣдучись,
А ѿ только одна куревка по чисту полю да по-
кѣрила,
А ѿ какъ отъ буйнаго вѣтруска нынѣ зною
снѣгъ завивается, —
А ѿ также тутъ отъ старя казакъ отъ добра коня,
А ѿ отъ сырой земли песокъ-то къ верху подни-
мается.
А ѿ онъ прѣхалъ нынѣ на чисто полѣ къ трѣмъ
розстанямъ:
А ѿ нынѣ какъ первая розстань во Кіевъ градъ,
Какъ другая розстань во Черниговъ градъ,
А ѿ нынѣ какъ третья та розстань дорожка пря-
мохожая,
Прямохожая да прямоѣзжая.
А ѿ только нынѣ какъ на той пути на богатыр-
скои,
А ѿ какъ на той дорожки прямоѣзжей,

А ѿ какъ стоить тамъ сила ратищѣ да великая.
«А ѿ мнѣ не честь хвала молодецкая,
«Какъ мимо силушку да проѣхати,
«А ѿ не побиться мнѣ не пораниться,
«А на бою-то мнѣ стару казаку да смерть не
писана.»

А ѿ какъ стоить тамъ сила великая,
А ѿ стоять пановья да улановья,
А ѿ какъ поганни да татаровья.
А ѿ онъ прѣхалъ ко той ко силы ко ратищу,
А ѿ соходилъ вѣдь онъ со добра коня,
А ѿ ень какъ палъ коню во праву ногу:
«А ѿ ужъ ты бурушко мой косматушко!
«А ѿ пособи-тко мнѣ, помоги-тко мнѣ,
«А ѿ какъ побиться мнѣ какъ пораниться
«А ѿ со пановьями со улановьями,
«А ѿ со поганьми со татаровьями.»
А ѿ пошолъ его добрый конь какъ ясень соколъ.
А ѿ тутъ вѣдь старъ казакъ Илья Муромецъ
сынъ Ивановичъ

А ень какъ рвалъ сырїя дубъ да крякновистый,
А ѿ воротилъ онъ дубъ пзъ сырой земли со ка-
меньями со кореньями,
А ѿ сталъ онъ тутъ сырїимъ дубомъ да крякно-
вистымъ помахивать,
А ѿ его добрый конь сталъ по сплушки тутъ по-
скакивать.

А ѿ куды дубомъ махнетъ — падеть силы улица,
Перемахнетъ — переулочекъ.

А ѿ колько самъ-то бѣтъ — вдвое конь топ-
чѣтъ,

А ѿ какъ прибилъ онъ силушку до одинаго,
А ѿ не оставилъ онъ ни одинаго да тутъ во жив-
ности.

А ень прѣхалъ ко городу ко Чернигову.
А ѿ во томъ во городи во Чернигови,
А ѿ во стѣны ворота призаперты,
А ѿ у воротъ крѣпки стѣрожа да поставлены,
А ѿ стоять сильнии да могучи да богатыри.
А ень вѣдь тутъ да у сильниихъ у могучиихъ да
у богатырей,

Да ень не спрашивался не докладывался,
А ѿ ень направилъ добра коня черезъ стѣночку
городовую,

А ѿ какъ махнулъ его добрый конь черезъ тую
стѣну городовую,

А ѿ какъ котора стѣна высотой-то была двѣнад-
цать сажений печатниихъ,

А ень заѣхалъ тутъ да въ Черниговъ градъ,

А ень прѣхалъ тутъ ко Божьей церкви,

А ѿ ко тому ли Ивану великому.

А ѿ во Божьей церкви стоять тутъ люди Богу
молятся,

А ены каются приобщаются,
А ѿ какъ со бѣлымъ свѣтушкомъ да прощаются.
А ень принолъ тутъ во славныи да великой храмъ,
А ень какъ крестъ кладеть по писаному,

Поклонъ ведеть по ученому,
А ѿ во-первыхъ клонился Спасу образу,
А ѿ во-другиихъ клонился Божьей матери,
А ѿ во-третьихъ поклонился онъ тутъ всему міру.

«А ѿ ужъ вы здравствуйте кущи да Черниговци
вельможи богатыи,

«А ѿ ужъ вы сильнии могучи да здравствуйте
богатыри,

«А ѿ ужъ вы вси поляницы *) здравствуйте да
удалыи!

«А ѿ вы объ чемъ тутъ нынѣ-же каетесь да
причащаетесь,

«А ѿ вы зачѣмъ же со бѣлымъ свѣтомъ прощае-
тесь?»

А ѿ говорилъ тутъ вси кущи вельможи богатыри,
Какъ вси сильнии могучи богатыри,

А ѿ отвѣчали поляници удалыи:

— А ѿ мы объ томъ вѣдь каемся причащаемся,

— А ѿ для того со бѣлымъ свѣтомъ прощаемся,—

— А ѿ обступила насъ сила великая,

— А ѿ наступаютъ на насъ пановья да улановья,

— А ѿ какъ поганни да татаровья. —

А ѿ говорилъ тутъ вѣдь батюшко да старѣи ка-
закъ Илья Муромецъ,

А Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:

«А ѿ вы идите-тко да на славну стѣну городовую,

«А ѿ посмотрите-тко на чисто поле,

«Нынѣ на тую силу великую.»

А ѿ выходили кущи бояра вельможи богатыри,

А нынѣ какъ вси сильнии могучи да богатыри,

А ѿ нынѣ какъ вси выбиралсь поляници удалыи,

А ѿ какъ смотрѣли во чисто поле на тую силу
великую.

А гдѣ стояли пановья да улановья,

А ѿ какъ поганни да татаровья,

А ѿ тутъ только на томъ поли да на чистоёмъ,

А ѿ какъ остались знамена стоять да не русьскии,

А ѿ какъ осталось знамянь многимъ много мно-
гѣшенько,

А ѿ во темномъ лѣсу какъ стоить знамяно,

Какъ ровнымъ много какъ лѣсу сѣхаго.

А ѿ какъ народу тутъ прибито приранѣно,

А ѿ какъ приранѣно да привалено,

*) дѣвцы богатырицы.

Будто въ лисяхъ какъ пива приписана.

А ѿ оны вси ему какъ низкимъ низко кланялись:

— А ѿ ты удаленькой да дородненькой,

— А ѿ какъ дорѳдненькой доброй молодець,

— А ѿ ужъ ты старшн казакъ да Илья Муромецъ,

— А ѿ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!

— А ѿ хоть у насъ ты въ гради Чернигови

— А ѿ хоть князѳмъ живи, хоть королѳмъ живи,

— А хоть живи бариномъ а хоть крестьянникомъ.

— А занимай себѳ три мѳста любимыихъ:

— А ѿ ужъ какъ первое мѳсто сунротивъ Ивана
Великаго,

— А ѿ какъ другое мѳсто середь рынку-то на-
шего столичнаго,

— А ѿ вѳдь какъ третье мѳсто гдѳ думаешь. —

А ѿ вѳдь какъ старшн казакъ Илья Муромецъ,

А ѿ вѳдь какъ только у ихъ онъ спрашивалъ,

А ѿ вѳдь какъ только онъ тутъ сказывалъ:

«А ѿ, не живу я у васъ ни бариномъ, ни крестьян-
никомъ.

«А ѿ вы скажите мнѳ про ту дороженку да пря-
мохожую.»

А ѿ какъ сказали оны ему про дорожку прямо-
хожую.

А ѿ вы скажите мнѳ про ту дороженьку да пря-
моѳзжую.»

А ѿ какъ сказали оны ему про прямоѳзжую:

— А ѿ прямоѳзжая дороженка до Кіева одна
тысяча

— А ѿ какъ окольная дороженка есть двѳ ты-
сячи.

— А только не ѳзди по той дорожки прямоѳзжею,

— А ѿ какъ не ѳзди по той прямохожею:

— А ѿ какъ на той дорожки прямохожею,

— А ѿ какъ на той дорожки прямоѳзжею,

— Да есть три застави да великиихъ:

— А нынъ какъ первая застава гѳра крутая,

— А ѿ какъ вторая-та застава широка рѳка мать
Смородина.

— А ѿ въ ширину рѳка она въ шесть же вѳрсть,

— А за рѳкой живѳтъ тамъ разбойничокъ,

— А ѿ по названью живѳтъ Соловьѳшка,

— А вѳдь какъ тая птица рахманная.

— А только нынъ по той пути по дороженки,

— А ѿ какъ вѳдь тридцать лѳтъ никто да не ха-
лпвалъ,

— А ѿ на добромъ кони никто туда не проѳз-
лпвалъ. —

А вѳдь какъ только старъ казакъ у ихъ выспра-
шивалъ,

А вѳдь какъ только Илья Муромецъ вывѳдывалъ.

А ѿ ѳнъ садился нынъ на добра коня,

А ѳнъ поѳхалъ по той дорожки прямохожею,

А ѳнъ поѳхалъ нынъ по прямоѳзжею,

А ѳнъ приѳхалъ ко первую ко заставѳ.

А ѿ какъ приѳхалъ онъ ко крутой горы,

А ѿ какъ поднялся его добрый конь отъ сырой
земли,

А ѿ какъ поднялся конь какъ ясѳнъ соколы,

А ѿ ѳнъ повыше вѳдь лѳсу стоячаго,

Какъ пониже облачка ходячаго, —

А ѿ переѳхалъ тутъ старъ казакъ Илья Муро-
мецъ сынъ Ивановичъ

А ѿ переѳхалъ онъ первую заставу,

А ѿ переѳхалъ онъ гору высоко.

А ѿ приѳзжаетъ онъ ко второй заставы ко бы-
строй рѳки,

А ѿ какъ ко матушки ко Смородины.

А на быстрой рѳки нѳтъ ни мостыку, нѳтъ ни
плотыку,

Да не прибиралъ онъ тутъ мелка мѳстеця.

А ѳнъ какъ былъ коня по тучнымъ ребрамъ,

А ѿ какъ махнулъ его добрый конь какъ ясѳнъ
соколы,

А черезъ тую онъ махнулъ черезъ рѳку Сморо-
дину.

А ѿ подѳзжаетъ онъ къ третьей заставы,

А ѿ ко тому ли къ дому Соловьѳному,

А ѿ какъ сидитъ Соловѳюшко да разбойничекъ,

А по названью Птица Рахманная,

А ѿ какъ сидитъ-то на семи дубахъ да на кряк-
новыихъ.

А ѿ ѳнъ беретъ тутъ старъ казакъ Илья Муро-
мецъ сынъ Ивановичъ,

Да ѳнъ беретъ съ плеча нынъ тутѳи лукъ да раз-
рывчатой,

А ѿ кладываѳтъ на лукъ нынъ какъ стрѳлочку
калѳную,

А ѳнъ самъ тутъ какъ стрѳлочкы приговаривалъ:

«А ѿ ты лети-тко стрѳлка каленая къ Соло-
вьѳюшку,

«А ты лети къ Соловьѳюшко во право ухо,

«Вылетай-ко стрѳлка во лѳвыи глазъ.»

А ѿ покамѳстъ онъ тутъ стрѳлочку накладывалъ,

А ѿ вѳдь какъ тутѳи лукъ да направляивалъ,

А ѿ какъ вѳдь той порой да тѳмъ временѳмъ,

А ѿ засвисталъ Соловей по соловьѳному,

А ѿ закричалъ тутъ Соловѳюшко по звѳриному,

А ѿ заздыхалъ Соловѳюшко по змѳиному.

А ѿ у стара казака Илья Муромца сына Ивано-
вича,

А подъ имъ добрый конь на колѳнка палъ,

На колѣнѣ палъ испугается.

А ѿ только старъ казакъ со добра коня сопу-
щается,

А ёнь пиналъ коня по тучнымъ ребрамъ:

«А ѿ ужъ ты конь ты конь пеловой *) мѣшокъ!

«А развѣ ты не бывалъ вѣдь конь во темпомъ
лѣсу,

«А развѣ ты не слыхалъ вѣдь здоху змѣйнаго,

«А развѣ ты не слыхалъ вѣдь крику звѣринаго,

«А развѣ ты не слыхалъ вѣдь свисту соловьи-
наго.»

А ѿ какъ добрый конь да на нѣги всталъ,

А вѣдь какъ тутъ отъ стрѣльбы Соловейко на
землю упалъ.

А прїѣзжалъ тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ

А ѿ подѣзжаетъ онъ тутъ ко Соловьишкѣ,

А ѿ подымаетъ отъ сырой земли да онъ Со-
ловьишка,

А того ли пресильнаго премогуцата да разбой-
ничка.

А ёнь везалъ его Соловьишко ко сѣдѣлишкѣ да
ко стрѣмену,

А какъ поѣхалъ тутъ старъ казакъ Илья Му-
ромецъ,

А Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

А ёго добрый конь сталъ поскакивать,

А ѿ Соловьишко у стрѣмени сталъ поплясывать.

А подѣзжаютъ оны къ тому дому Соловьиному,

А ко тому двору да ко широку.

А ѿ Соловьишка дворъ да повыстроень,

Да повыстроень дворъ да повылаженъ,

А ѿ на семи столбахъ да на семи верстахъ.

А ѿ только тутъ увидали Соловьиныи какъ дѣ-
точки,

А ѿ говорили оны родной матушки:

— А ѿ государыни наша матушка!

— А ѿ нашъ какъ батюшка ѣдетъ мужика везеть,

— А ѿ какъ у стремена да привязана. —

А ѿ подходила къ тому окошку косивчату,

Подходила дочь Елена волшебница,

Какъ смотрѣла въ то окошко косивчато.

Какъ во то ли-то стекло хрустальнее.

А ѿ какъ глядѣла она да на улицу,

А ѿ говорила она таково слово:

«А ѿ мой родныи брѣтница мой сѣстрици!

«А ѿ какъ не батюшко ѣдетъ, — мужика ве-
зётъ, —

«А ѿ вѣдь какъ ѣдетъ старой казакъ Илья Му-
ромецъ сынъ Ивановичъ,

«А ѿ везётъ нашего батюшка да у стремена нынѣ
привязана.»

А ѿ какъ бѣжала Елена волшебница да на ши-
рокъ дворъ,

А ѿ какъ хватила она подворотенку полтора-
ста пудъ,

А ѿ какъ хотѣла ударить старѣ казакъ Илью
Муромца сына Ивановича,

А ѿ прямо въ лобъ ударить межъ ясны очн,

А ѿ какъ вѣдь дать ему разъ да смѣртныи.

А ѿ вѣдь на уволочки онъ былъ ловкенькой,

А ѿ увернулся отъ уразу великаго,

А ѿ онъ скочилъ вѣдь тутъ старъ казакъ Илья
Муромецъ сынъ Ивановичъ,

А ѿ онъ скочилъ скѣренъко со добра коня,

А ѿ какъ онъ пулъ то Алену подъ жопицо отъ
всѣго зла,

А ѿ какъ летѣла Елена волшебница черезъ ши-
рокъ дворъ,

А ѿ какъ ко заднюю летѣла ко стѣночкѣ,

Да у стѣны-то она плаваётъ окоракою.

А ѿ говорить Елена волшебница:

«Да меня чортъ-отъ кинулъ жалѣбницу *),

«А ѿ какъ не доброй меня сунулъ заступницу.»

А ѿ какъ кричитъ тутъ Елена волшебница своей
матушки:

«А ѿ государыня моя матушка!

«Вы насыпте нынѣ злата да серебра,

«А ѿ вѣдь какъ скатняго мелкаго жемчугу,

«А ѿ какъ три нынѣ насыпте подноса серебря-
ныхъ,

«А ѿ вы дарите стара казака Илью Муромца
сына Ивановича,

«А ѿ вы дарите его златомъ да серебромъ,

«Нынѣ какъ мелкимъ скатнымъ жемчугомъ,

«А чтобы оставилъ намъ родна батюшка,

«Хоть не ради прокормленьца, а хоть бы ради
поглаженьца.»

А ѿ говорить тутъ какъ батюшка старой казакъ
Илья Муромецъ:

— А прїѣзжай-те нынѣ во славный Кіевъ градъ,

— Не оставлю я вамъ батюшка на поглаженьцо.

— Прїѣзжайте вслѣдъ во Кіевъ градъ,

— А прїѣзжайте вы во Кіевъ градъ на про-
щеньцо. —

А ѿ только тутъ какъ поѣхалъ нашъ батюшко
да старѣй казакъ,

А ёго добрый конь сталъ поскакивать,

А ѿ Соловьишко у стрѣмени сталъ поплясывать.

*) Пелѣ — мякина отъ овса.

*) Отца жалѣя.

А ѿ какъ поѣхалъ да удаленькой дородненькой
 добрый молодець
 А ѿ нынѣ какъ старшн казакъ Илья Муромецъ
 сынъ Ивановичъ,
 А ѿ какъ во славныи да во Кіевъ градъ,
 Какъ ко славному князю Владиміру,
 А ѿ какъ на славныи да на почестень пиръ.
 А ѿ какъ на тѹ пору да на тѹ время,
 Какъ Владиміра князя стольне-кіевска,
 А его при домі не случилось.
 Какъ ушелъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
 Какъ ушелъ Владиміръ князь во Божій храмъ,
 А ѿ какъ ушелъ ко той обѣденн христосскіи.
 А ѿ какъ вѣдь тутъ старшн казакъ Илья Муромецъ
 сынъ Ивановичъ,
 А ѿнъ заѣхалъ ко Владиміру князю стольнѣ-кіевску
 на широкъ дворъ,
 А ѿ безъ допросу безъ доклада заѣхалъ нынѣ
 княженецкаго,
 И становилъ добра коня посередъ двора нынѣ
 какъ шірока,
 А ѿнъ вязалъ коня ко тому столбу ко точѣному,
 А ѿ ко тому ли вязалъ кольцо да къ золочѣному.
 А походилъ тутъ вѣдь старъ казакъ Илья Муромецъ
 сынъ Ивановичъ,
 Да онъ добру коню тутъ наказывалъ:
 — А стой-ко бурушка, стой косматушка,
 — Береги нынѣ бурушка косматушка береги Соловьяшка,
 — А ѿ того сильнаго могучаго нынѣ разбойничка. —
 А ѿнъ еще Соловейку наказывалъ:
 — Ты уйдешь Соловейко отъ моего коня,
 — А отъ меня ты Соловей ни куда не уйдешь
 по бѣлу свѣту. —
 А ѿ какъ пришолъ тутъ вѣдь батюшко да старой
 казакъ нынѣ во Божій храмъ,
 А ѿ какъ во Божій храмъ да во Божью церкву,
 А ѿнъ какъ крѣсть кладѣтъ по писаному,
 Онъ поклонъ веде по ученому,
 Онъ Владиміру князю тутъ челомъ не бѣтъ.
 А ѿ отошла тутъ обѣденка да христосская,
 А ѿ какъ пошолъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
 А ѿ какъ пошолъ онъ по городу по Кіеву,
 Онъ какъ сдѣлалъ тутъ публикацю:
 А ѿ чтобы кромѣ Владиміра князя стольне-кіевска,
 А ѿ чтобы не были пиры балы да открытти.
 А ѿ какъ выходитъ тутъ со Божѣй церкви
 Какъ старой казакъ Илья Муромецъ,
 А ѿ какъ идутъ тутъ по городу да по Кіеву,

Какъ идутъ тутъ голн кабацкіи пьяницы,
 А между собою они разговариваютъ:
 «А что это у насъ у князя нынѣ да узаконено,
 «А ѿ чтобы у его у одного было пированьицо,
 «Пированьицо да столованьицо?
 «А ѿ какъ вѣдь намъ голямъ да кабацкіимъ,
 «Въ кабакахъ не вышло позволеньица
 «А ѿ выпить съ горюшка да съ досадушн зелена вина.»
 А ѿ говорилъ голямъ кабацкіимъ пьянцамъ
 Какъ старой казакъ Илья Муромецъ:
 — А ѿ погодите голн кабацкіи пьяницы.
 — Я отопру кабаки вси питейные,
 — Розрѣшу я вамъ выпить зелена вина. —
 А ѿ вѣдь какъ самъ-то пошолъ тутъ батюшко
 нашъ старой казакъ,
 А ѿ ѿнъ вѣдь пошолъ къ тому нынѣ князю Владиміру,
 А ѿ ко тому ли пошолъ ко свѣту ко солнышку,
 А ѿ какъ пришолъ къ ему да на почестень пиръ,
 А ѿ какъ Владиміръ князь ему челомъ не бѣтъ,
 Какъ челомъ не бѣтъ его не здравствуйтъ.
 «А ты зачѣмъ идѣшь да незваной гость,
 «А ѿ какъ незваной гость не приказыванъ?»
 А ѿ приказалъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
 «А ѿ вы вставайте-тко друзья да вы удалы добры молодцы!
 «А ѿ вы ведите-тко гостя за бѣлы руки,
 «А ѿ какъ за бѣлы руки ведите на широкъ дворъ
 «А изъ-за того стола изъ-за дубоваго.»
 А ѿ какъ ставали два удалыхъ да два молодца,
 А ѿнѣ брали старá казака Илью Муромца
 А ѿнѣ брали его за бѣлы руки,
 А ѿ какъ они вели его да на широкъ дворъ,
 А ѿ ѿнъ какъ бралъ на дворн свою палицю,
 А ѿ свою палицю взялъ булатную.
 А ѿ какъ кругомъ-то у князя Владиміра,
 А ѿ у того ли у свѣта у солнышка,
 А ѿ кругомъ всѣй палаты бѣлокаменной,
 А ѿ были шарикн принавѣшены,
 А ѿ принавѣшены да золочѣнны,
 А тѣмъ полата да была изукрашена,
 А обломалъ тутъ вѣдь батюшко да старой казакъ,
 А ѿ какъ старой казакъ да Илья Муромецъ,
 А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 А собиралъ онъ ты шарикн во праву полу,
 А ѿ выходилъ онъ тутъ на улицу съ шірока двора,

А ѿ какъ на ту ли на дороженку да на почтовую,

А ѿ на ту улицу да на плановую.

Да ёнъ пошѣлъ тутъ нынѣ на царѣвъ кабакъ,
А ёнъ собралъ всѣхъ голѣй пьяницъ кабацкѣихъ,
А ёнъ пришѣлъ къ кабаку, — въ кабаки ворота
призѣнерты,

А ѿ крѣпкимъ-на-крѣпко да заложены,
А ёнъ кричалъ своимъ громкимъ голосомъ:
— А ѿ носидѣльщики цѣловальники!

— А ѿ отпирайте-тко да отложайте-тко
— А ѿ нынѣ какъ славны да царѣвъ кабакъ,
— И со тьма ли со напѣтками со рѣзными. —

А отвѣчаютъ тутъ ёму чумаки цѣловальники:
«А ѿ покамѣсть не изойдутъ строки тому пиру
княженецкому,

«А не пмѣемъ мы право отпереть кабака да за-
пустить тебя.»

А ѿ какъ вѣдь только тутъ старѣи казакъ Илѣя
Муромецъ,

А ѿ какъ вѣдь столько онъ у цѣловальничковъ
тутъ спрашивалъ.

Какъ ударилъ рукою во всѣ двери,
А ѿ какъ на разѣ тутъ двои трои двери отвори-
лисье.

А ёнъ какъ бралъ своей силою да натурою,
А ѿ бралъ своей силою да натурою зелена вина
полтора ведра,

А принималъ то онъ единой рукою,
Да выпивалъ-то онъ тутъ на единый здохъ.

А ѿ какъ скорымъ-скоро да скорѣшенько,
А ѿ у Владиміра князя стольнѣ-кѣевска,

А ѿ у того ль у свѣта у солнышка,
А ѿ вѣдь какъ тамъ за его да схватилисе.

«А ѿ вѣдь у насъ гость-отъ хошь не старъ ли
казакъ Илѣя Муромецъ?»

А ѿ говорить тутъ Владиміръ князь стольне-кѣев-
ской:

— А ѿ вы друзья братья гости любящи!

— А ѿ вы сходите-тко да провѣдайте,

— А ѿ гдѣ находится тамъ старѣи казакъ Илѣя
Муромецъ? —

А ѿ какъ во томъ столы да во дубовоёмъ,

А ѿ какъ всѣ вѣдь сѣдять во молчаночку.

А ѿ тутъ сидитъ одинъ удалой доброй молодець,
А ѿ Скоморохъ сидитъ да Скомороховичъ.

«А ѿ вѣрно надо мнѣ итти ко стару казаку да
Илѣю Муромцу.»

А ѿ вѣрно тутъ удалой доброй молодець да
справляется,

А ѿ какъ справляется онъ ворузается.

А ѿ какъ скорымъ-скоро было на скоро,
А ѿ онъ приходитъ тутъ да на царѣвъ кабакъ,
А ѿ во которомъ кабаки нашъ-ко батюшко да
старѣи казакъ,

А ѿ какъ старѣи казакъ Илѣя Муромецъ сынъ
Ивановичъ,

А ёнъ сидитъ-то тамъ пѣть проклаждается,
А ѿ со тьма со голямы съ кабацкѣма пьянцами.

А ѿ какъ пришлоъ тутъ удалой добрый молодець,
А ѿ какъ пришлоъ Скоморохъ Скомороховичъ,

А ѿ какъ низкимъ-низѣхонько кланялся,
А ѿ какъ тому ли нынѣ стару казаку Илѣю Му-
ромцу,

А Илѣю Муромцу сыну Ивановичу,
А нынѣ какъ сильнѣму могучему да богатырю:

«А ѿ ты пожалуй-ко нашъ какъ батюшко да ста-
рой казакъ

«И какъ старѣи казакъ да Илѣя Муромецъ,

«А Илѣя Муромецъ да сынъ Ивановичъ!

«Да ты пожалуй-ко да на почестенъ пиръ,

«А ѿ какъ ко нашему князю ко Владиміру,

«А ѿ ко тому ли ко свѣту ко солнышку.»

А ѿ вопроговорилъ тутъ удаленькой,
Какъ удаленькой да дородненькой доброй моло-
дець,

А ѿ нынѣ какъ старѣи казакъ Илѣя Муромецъ,
Да Илѣя Муромецъ сынъ Ивановичъ:

— А ѿ не иду я на вашъ на почестенъ пиръ.

— А ѿ заведите-тко смѣнѣ вы почестенъ пиръ,

— А ѿ какъ не ради вѣдь князя Владиміра,

— А для ради старѣи казака Илѣю Муромца,

— А Илѣю Муромца сына Ивановича. —

А ѿ завели оны да почестенъ пиръ.

А ѿ какъ пришлоъ тутъ батюшко да нашъ ста-
рой казакъ,

А ѿ нашъ старѣи казакъ Илѣя Муромецъ да сынъ
Ивановичъ,

А ѿ какъ низкимъ они низѣхонько ему кланя-
лисье.

А какъ вѣдь онъ самъ пришлоъ, Соловьѣя при-
вѣлъ,

Отвязалъ его да отъ стремена.

А ѿ какъ сѣдился съ Соловѣюшкою оны рядыш-
комъ,

А ѿ говорилъ тутъ Владиміръ князь стольне-кѣев-
ской,

А ѿ стольне-кѣевской, да красно солнышко:

«А ну-тко ты свищи нынѣ Соловьѣюшко въ поль-
свисту,

«А ѿ да ты крычи-тко Соловьѣюшко ровно въ
поль-криу,

«А ѿ да ты здыши-тко Соловьёшко ровно въ
поль-вздоху.»

А ѿ говорилъ вѣдь тутъ Соловьёшко да разбой-
ничокъ:

— А ѿ ты послушай-ко Владиміръ князь стольне-
кѣвской!

— Хоть за твоимъ столомъ сижу да пью да ку-
шаю,

— А только не тебя я Владиміръ князь да нынѣ
слушаю.

— А надо мною есть да нынѣ большій братъ,

— А нынѣ какъ старій казакъ есть Илья Му-
ромецъ.

— А если онъ прикажетъ мнѣ здыхать нынѣ въ
поль-здоху,

— А если онъ прикажетъ мнѣ крикать нынѣ
какъ въ поль-крику,

— А если онъ прикажетъ мнѣ свистать нынѣ
какъ въ поль-свисту. —

А говорилъ тутъ старой казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:

«А ѿ ты кричи Соловёшко ровно въ поль-крику,
«Вѣрно ты здыши Соловьёшко нынѣ какъ въ
поль-здоху,

«А нынѣ свищи Соловьёшко ровно въ поль-
свисту.»

А ѿ закричалъ Соловьёшко ровно въ поль-крику,
А ѿ заздыхалъ Соловьёшко вѣрно въ поль-здоху,

А ѿ засвисталъ Соловьёшко вѣрно въ поль-свисту.
А ѿ какъ отъ крику тутъ Соловьёшко,

А ѿ стары тѣрема розсыпалсе,
А новы тѣрема да поматалсе.

А ѿ какъ отъ здоху ёго люди тутъ пужалсе,
А ѿ какъ отъ свисту люди съ шру да розбѣжа-
лсе.

А ѿ какъ вѣдь бралъ тутъ Соловьёшка старой
казакъ,

А ѿ какъ вѣдь какъ бралъ его за бѣлы руки,
А ѿ выводилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,

А ѿ какъ вѣдь свѣлъ Соловёшка въ тѣмны по-
греба,

А ѿ въ темні погреба да во глубокіи.
А ѿ вѣрно тутъ Соловёшку да славі поють,
А ѿ только тутъ Дунай Дунай да ничего не знай.

Записано на р. Черевѣ, 8 августа.

211.

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША.

Начало этой былины Пановъ илѣ совершенно
сходно съ предъидущимъ сказителемъ. Послѣ
отвѣта Настасьи Алешѣ Поповичу, что онъ не
былъ въ чистомъ полѣ, а былъ съ собаками на
задворкѣ, Пановъ продолжалъ:

А ѿ какъ пошолъ тутъ Алёшенька да Поповскій
сынъ,

А ѿ онъ пошолъ ли тутъ ко князю Владиміру,

А ѿ ко тому ли свѣту ко солнышку,

А ѿ на совѣтъ пошолъ думы крѣпкіи.

«А ѿ ты послушай-ко пашъ батюшко какъ Вла-
диміръ князь:

«А ѿ пособи-тко мнѣ, помоги-тко мнѣ,

«А мнѣ новысватать нынѣ молодой жены,

«Той Настасьи ли свѣтъ Викулничой.

«А ѿ вѣдь ова надо мною нынѣ падемѣхаетея,

«А ѿ какъ она надо мною нынѣ да надрыгаетея.

«А ѿ папишите вы указы престроги,

«А ѿ нынѣ какъ тѣ манифесты да немилосливы:

«А ѿ чтобы въ городи да во Кіеви,

«А ѿ чтобы нѣ были жоны безмужніи,

«А ѿ чтобы нѣ жили люди безпашпортныи.

«А если найдутея жоны безмужніи,

«А ѿ найдутея люди да безпашпортныи,

«А ѿ высылать ихъ изъ города да изъ Кіева,

«А ѿ высылать ихъ на чужу на дѣльную на сто-
рону,

«А ихъ лишать государевой своей вотчины.»

А ѿ какъ писали указы престроги,

А ѿ нынѣ какъ тѣ манифесты немилосливы,

А ѿ розсылали по городу да по Кіеву,

А ѿ нынѣ какъ вси ты люди безпашпортныи убоя-
лсе,

А ѿ молодыи жоночки нерепалсе,

А ѿ какъ со той ео страсти со ужасти.

А ѿ какъ пошла свѣтъ Настасья Викулнична,

А ѿ какъ пошла за Алёшеньку во замужество.

А ѿ какъ скорымъ-скоро было на скоро,

А нынѣ какъ красное солнышко да на вечери,

А ѿ у Алёшеньки пиръ да на весели.

А ѿ путь не за триста, за три тысяци,

А ѿ тутъ у той ли рѣки у Смородины,

А ѿ какъ стонтъ тамъ шатѣръ бѣлополотняной,

А ѿ во шатри спитъ удаленькой

И какъ дородненькой добрый молодець,
И молодой Добрынюшка Микитичь-отъ.
А ёго добрый конь стоитъ не ѣсть не пьётъ да
не кушаётъ,

А какъ не зоблетъ ишена да бѣлоярова,
А ѣй призадумался, занечалнлся
А ѣй какъ о той незгоды великин.
А ёнъ какъ бѣётъ копытомъ лошадинымъ,
А ѣй какъ о матушку бѣётъ о сырѹ землю,
А ѣй какъ сырѹа земля подъ шатерикомъ потря-
хается,

А только тотъ шатѣръ бѣлополотняной колы-
бається.
А ѣй ото сна тутъ удалой доброй молодець про-
буждается

А молодой-то Добрынюшка да Микитинъ сынъ,
А ёпъ какъ сталь тутъ носкорѣшенько,
А ёнъ умылся тутъ да бѣлѣшенько,
А ёнъ пиналъ коня по тучнымъ ребрамъ.
— А ѣй ужъ ты конь мой конь пеловой мѣшокъ,
— Пеловой мѣшокъ да нынъ же волчья сыть!
— А ты ужъ что стоишь да не пьешь, не ѣшь,
да не кушаёшь,

— А ѣй ты скажи-тко каку незгодушку вѣдаёшь,
— А надъ собой ли нынѣ, надо мной ли нынѣ?—
А ѣй какъ заржалъ тутъ добрый конь по кони-
ному,

Только тутъ же конь проговорилъ по человѣчьему:
«А ты послушай-ко вѣдь какъ мой сѣдакъ,
«А вѣдь какъ мой сѣдокъ, я какъ твой возакъ.
«Только у насъ нынъ Добрынюшка сынъ Микити-
чъ-отъ,

«А ѣй какъ у насъ-то дома не по старому,
«А ѣй какъ у насъ-то дома не по прежнему:
«А какъ твоя молода жена свѣтъ Настасья Ви-
кулична,

«А ѣй какъ пошла она во замужество,
«А ѣй не со охвотушки да съ неволюшки,
«А ѣй за того ли Олѣшу Поповича,
«А за того ли твоего нынъ брата крестоваго.»
А ѣй вѣдь только Добрынюшка у добра коня вѣдь
спрашивалъ,

Вѣдь какъ только онъ у добра коня да вывѣди-
валъ,

А ёнъ садился тутъ на добра коня,
А поднимался ёго добрый конь да отъ сирой
земли,

А ѣй ровнѣо онъ полетѣлъ какъ ясѣнь соколъ,
А ѣй повыше онъ лѣсу стоячаго,
А ѣй какъ пониже поѣхалъ облачка ходячаго.
А ѣй какъ прѣхалъ во славныи да во Кіевъ градѣ,

А какъ ко той ли полаты прѣхалъ бѣлокаменной,
Къ своему ли дому да къ широку двору.

А ѣй во тоемъ широкомъ дворѣ ворота прѣза-
перты,

А ѣй да крѣпкимъ-на-крѣпко да заложены.
А ѣй какъ стучится Добрынюшка да колотится,
А ѣй какъ у тѣхъ воротъ да у широкинхъ
А ёнъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:

«А ѣй государини моя матушка,
«А ѣй ты честна вдова Намельфа Тимоѣевна!
«А ѣй если есть ты нынъ да во живности,
«А ѣй отопри ворота широкин,
«А ѣй ты пусти-тко Добрынюшку меня на ши-
рокъ дворъ.»

А ѣй какъ кричитъ старуха громкимъ голосомъ,
А ѣй на печи кричитъ она на печномъ столби:
— А ѣй отойдите вы голи кабацкин пьянщи,
— А ѣй отъ монхъ воротъ да отъ широкинхъ.
— А ѣй какъ не валы ворота устроены,
— А ѣй не для васъ ворота улажены.
— А ѣй кабы былъ Добрынюшка да во живности,
— Дакъ не досугъ бы вамъ надо мною нынъ на-
смѣхатнсе. —

А ѣй какъ соходила старуха со той ли печи кир-
пичи,

Соходила она да на кирпичень полъ,
А ѣй какъ подъ то окошечко коснвчато,
Какъ глядѣла во то стеклокъ хрустальнѣѣ,
А ѣй какъ глядѣла она прямо на улицу,
На улицу да на бѣлой свѣтъ,
А ѣй на того на удалаго на дородняго,
На дородняго да добра молодца,
А на своего на Добрынюшку Микитича.
А ѣй не узнала Добрынюшки своего Микитича,
А послѣ той поѣздки да богатырскою,
Не узнала его да во бѣло лицѣ.

А ѣй говорила старуха та престарая да предрев-
няя:

— А ѣй ты удаленькой да упаленькой,
— А ѣй ты дородненькой доброй молодець:
— Ты какой орды да ты какой земли,
— А ѣй какого отца какой матушки? —

А ѣй какъ кричалъ тутъ Добрынюшка громкимъ
голосомъ,

А ёнъ кричалъ ей вѣдь тутъ вторѣи разъ:
«А что же ты нынъ не узнала меня матушка,
«А ѣй ты честна вдова Намельфа Тимоѣевна!
«А ѣй что же ты не узнала меня во бѣло лицѣ?»
А ѣй говорила намѣсто старуха престарая:

— А ѣй потому не узнала я тебя удалой доброй
молodeць,

— А й потому не узнала да во бѣло лицѣ.
 — А й какъ у меня Добрынюшка былъ отпущенъ
 бѣлымъ-бѣло,
 — Какъ бѣлымъ-бѣлой да бѣлешенѣкъ,
 — А й какъ бѣлешенѣкъ румяпешенѣкъ. —
 А й говорилъ намѣсто Добрынюшка сынъ Мнѣн-
 тичъ-отъ:

«А й государыни моя матушка,
 «А й вѣдь честна вдова Намельфа Тимооеевна!
 «А й вѣдь какъ ѣздилъ я во той пути богатыр-
 скою,
 «А я вѣдь въ той поѣздки ѣздилъ молодецкою,
 «А й у меня бѣлое личушко да вѣтрамы завѣяло,
 «А й красоту во мнѣ краснымъ солнышкомъ да
 зажарило,
 «А цвѣтно платьѣ у м'ня нынѣ дождями повибило,
 «А й какъ о темны лѣса платьѣ да повырвало,
 «А й пуховую шляпу сучьями повырвало.
 «А й ты гляди-ко только на благословлящій
 крѣсть,
 «А й какъ которымъ крестомъ благословила
 ѣхати во тую путь,
 «А какъ во тую путь богатырскую,
 «Да какъ во ту поѣздку молодецкую.
 «А й ты еще гляди на втору примѣточку на зла-
 чонь перстень.
 «А й мы когда съ своей женой съ Настасей
 Викулпичной,
 «А й мы когда съ ей да вѣнчались,
 «А именьнымъ перстнемъ обручались.»
 А вѣдь какъ тутъ старуха срадовалася,
 А какъ тутъ она да испужалася;
 А какъ бѣжала старуха на широкъ дворъ,
 А й отпирала ворота широки,
 А й какъ пустила Добрынюшку заѣхати да на
 широкъ дворъ,
 А какъ заѣхалъ Добрынюшка да на широкъ дворъ.

(Конецъ сходенъ съ предыдущею быльною,
 № 206).

Записано на Заволочѣ. 8 августа.

XXXIX.

ӨЕДУЛОВЪ.

Павелъ Антоновичъ Өедуловъ, кре-
 стьянинъ 40 лѣтъ, родомъ съ Великострова на
 Водлозерѣ, теперь живетъ въ дер. Бостипловѣ.
 Зналъ нѣсколько быльнѣ, которымъ выучился отъ

стороннихъ людей; многое забылъ вслѣдствіе про-
 должительной горячки, отъ послѣдствій которой
 доселѣ еще не оправился.

212.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Старинъ казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Поѣзжаетъ онъ во далеко далеко чисто поле.
 Поѣзжаетъ онъ прямохожею,
 Прямохожею дорожкой прямоѣзжею,
 Черезъ тотъ ли черезъ градъ черезъ Чернигов-
 ской,
 Черезъ тую грязь да черезъ Черную,
 И ко стольнему ко городу ко Киеву,
 И ко ласкову князю ко Владимиру.
 И ужъ ѣдетъ черезъ градъ черезъ Черниговской
 Ужъ онъ спрашивать у старичковъ у чернигов-
 скихъ:

«И куды мнѣ-ка попасть этта будетъ
 «Прямохожею дорожкой прямоѣзжею,
 «Черезъ тотъ ли черезъ градъ черезъ Чернигов-
 ской,

«Черезъ тую грязь да черезъ Черную,
 «Черезъ тую рѣчку да Смородицу?»
 Говорятъ тутъ старички типъ черниговскин:
 — Еще тридцать лѣтъ дорожка заколодѣла,
 — Заколодѣла дорожка задубровѣла.
 — Тамъ сидитъ на той дорожкѣ Соловей разбой-
 ничокъ,

— Енъ сидитъ тутъ да есть на трехъ дубахъ.
 — Какъ вѣдь пѣшому тутъ пѣтъ проходница,
 — Лошадному вѣдь пѣту тутъ проѣздница,
 — И вѣдь птицы пѣту тутъ пролетница. —
 Какъ поѣхалъ тутъ вѣдь да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 Ужъ онъ ѣдетъ черезъ градъ черезъ Чернигов-
 ской,

Ужъ какъ въ томъ ли гради во Черниговѣ,
 Тутъ вѣдь стоитъ ли вѣдь войско несмѣтночно.
 Ужъ онъ поѣхалъ тутъ по рать силы великин,
 Ужъ онъ нѣсколько тутъ вѣдь бьетъ да на отма-
 шну,

Ужъ онъ только больше да конѣмъ топчѣтъ.
 Ужъ перебилъ онъ ту рать силу великую.
 Ужъ какъ выходятъ старички тутъ черниговскин:
 «А й же ты старинъ казакъ Илья Муромецъ!
 «Ты живи-тко у насъ полнымъ хозяиномъ:

«Золота тебѣ казна не запрешонала,
«Ужь что тебѣ угодно то и сѣтвориай.»
— Ужь мнѣ не надоть ли вѣдь вашей золотой
казны,
— У м'не золотой казны безсчѣтныи тутъ есть.
— Только покажите мнѣ дорожку прямохожую,
— Прямохожую дорожку прямоѣзжую. —
Ужь поѣхалъ тутъ казакъ да Пля Муромецъ,
Пля Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ужь онъ ѣдетъ-то мимо то Соловѣтое (sic) гнѣз-
дышко.

Ужь какъ сидитъ-то Соловей тутъ разбойничекъ,
Ужь сидитъ-ли тутъ на трехъ дубахъ,
Засвисталъ тутъ Соловей разбойничокъ,
Засвисталъ тутъ Соловей по змѣнному,
Закричалъ злодѣй онъ по змѣнному.
Ужь его добрый конь упалъ на колѣночка,
Говоритъ старин казакъ Пля Муромецъ,
Пля Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ужь не слыхалъ ли развѣ свисту Соловѣного,
— Аль ты крику змѣннаго? —

Ужь натягалъ онъ тутъ лукъ да валену стрѣлу,
Ужь онъ стрѣлялъ Соловѣя тутъ разбойничка,
Ужь онъ стрѣлялъ его да во правыи глазъ,
Вылетѣла ѣго стрѣлка во лѣво ухо,
Ужь повалился Соловей да тутъ разбойничокъ,
Ужь онъ съ трехъ дубовъ какъ овсяной снопъ,
О сыру землю.

Ужь онъ привязывалъ Соловѣя да тутъ разбой-
ничка,
Ужь ко булатнии ужъ онъ ко страмени.
Ужь онъ ѣдетъ мимо то Соловѣтое (sic) гнѣз-
дышко,

Ужь какъ глядятъ его рожонни дѣтушки:
«А ѣ же ты родитель наша матушка!
«Ужь какъ ѣдетъ нашъ да тутъ батюшко,
«Везетъ голову да человѣчью,
«А ѣ другу везетъ да лошадиную.»
И какъ глядитъ его родитель та матушка:
— А ѣ же вы рожоны мои дѣтушки!
— Какъ не батюшко везетъ да голову чело-
вѣчью,
— Только вашъ есть батюшко у булатнии ѣнь у
стремени. —

Ужь какъ проѣзжаютъ они къ Соловѣтому-то
гнѣздышку,

Онъ прибилъ то Соловѣтое-то гнѣздышко.
Ужь онъ ѣдетъ тутъ ко городу ко Кіеву,
А ѣ ко ласкову князю ко Владиміру,
Ужь приѣзжаетъ онъ ко городу ко Кіеву,
Приѣзжаетъ онъ ко князю Владиміру,

Приѣзжаетъ тутъ на широкой дворъ,
Ужь онъ приходитъ тутъ во грѣдню во столовую,
Говоритъ тутъ Владиміръ князь столно-кіевской:
«А ѣ же ты старин казакъ Пля Муромецъ!
«И ты которой же вѣдь ѣхалъ дорожкой:
«Прямоѣзжею ли дорожкой, ли окольною?»
— Ужь я ѣхалъ вѣдь дорожкой прямохожею,
— Прямохожею дорожкой прямоѣзжею,
— Ужь мимо того Соловѣя да разбойничка. —
Ужь говоритъ тутъ Владиміръ князь столно-кіев-
ской:

«Ужь какъ у насъ на той дорожки прямохожею,
«Какъ тутъ сидитъ Соловей да разбойничокъ:
«Ужь какъ пѣшому нѣту проходища,
«Лошадному нѣту проѣздища,
«И вѣдь птици нѣту тутъ пролетища.
«Ужь какъ сидитъ тутъ Соловей да разбойни-
чокъ».

Ужь говоритъ тутъ вѣдь ѣнь да таково слово
Еще старин казакъ да Пля Муромецъ,
Пля Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ужь Соловей да разбойничокъ,
— Ужь у меня онъ на бѣломъ дворѣ,
— У булатнии онъ у стремени. —

Ужь выходилъ тутъ Владиміръ князь столно-кіев-
ской,

Ужь онъ выходилъ тутъ да на бѣлой дворъ,
Самъ онъ говорилъ да таково слово:
«Еще а ѣ ты Соловей да разбойничокъ,
«Засвисти-тко ты вѣдь свистомъ соловѣнныимъ,
«Закричи-тко ты злодѣй да по змѣнному.»
Говоритъ тутъ Соловей да разбойничокъ:
— Еще а ѣ же ты Владиміръ столно-кіевской!
— Ужь не твоѣ я вѣдь ѣмъ пью да вѣдь кушаю,
— И не тебѣ я буду и слушати.
— У кого ѣмъ пью да я кушаю,
— Дакъ того я буду и слушати. —

Ужь какъ приходитъ Владиміръ столно-кіевской:
«Ужь ты старин казакъ Пля Муромецъ,
«Пля Муромецъ сынъ Ивановичъ!
«Ты заставъ-ко засвистать Соловѣя по соловѣн-
ному,

«Закричать тутъ злодѣя по змѣнному.»
Какъ выходитъ старин казакъ Пля Муромецъ,
Ужь онъ выходитъ тутъ на бѣлой дворъ,
Ужь онъ говоритъ Соловѣю да разбойнику:
— Еще а ѣ ты Соловей да разбойничокъ:
— Засвисти-тко Соловей по соловѣнному,
— Закричи злодѣй да по змѣнному. —
«А ѣ же старин казакъ Пля Муромецъ,
«Ужь какъ дай-тко мнѣ головушку лошадиную

«Ты купи-тко зелена вина полтора ведра.»
 Ужь выпиваль ёнь тутъ чару зелена вина,
 Зелена вина полтора ведра,
 Ужь выпиваль онъ чару на единый духъ,
 Ужь онъ самъ онъ говоритъ таково слово:
 «Еще старин казакъ Илья Муромецъ,
 «Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
 «Еще какъ мнѣ-ка да буде засвистать:
 «Еще въ поль-свиста, али во цѣлый свистъ?»
 Говоритъ тутъ старин казакъ Илья Муромецъ;
 — Засвищи-тко Соловей да разбойничокъ,
 — Закричи злодѣй по змѣнному,
 — Засвищи ты хотъ тутъ въ поль-свиста. —
 Ужь засвисталъ тутъ Соловей да разбойничокъ,
 Засвисталъ онъ свистомъ соловьинымъ,
 Закричалъ злодѣй да по змѣнному,
 Какъ во томъ во царствѣ во Кіевн
 Ужь вси околенки да порозсыпалсь.
 Ужь говоритъ тутъ Владиміръ столно-кіевской,
 Столно-кіевской да князь Владимірской:
 «А ѣ же ты старин казакъ Илья Муромецъ:
 «Ты уймн-тко Соловѣй свистать разбойника,
 «Ты уймн-тко свистать свистомъ соловьинымъ,
 «Да кричать злодѣя по змѣнному.»
 Ужь какъ тутъ вѣдь старин казакъ да Илья Му-
 ромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Ужь натягалъ ёнь лукъ калену стрѣлу,
 Каленую стрѣлочку розстрѣлчату,
 Ужь тугн лувъ да ёнь розрывчатой,
 Ужь застрѣлилъ тутъ Соловѣя да разбойничка.
 И тутъ ёму да ёнь вѣдь смерть придалъ.

Записано на Водлозерѣ, 5 августа.

—
 213.

ДЮКЪ.

А изъ Волинца города изъ Галичи,
 А изъ той Корели пребогатин
 А направляется да вооружается
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Ко стольнѣму ли городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю ко Владиміру.
 «И у мнѣ во Кіевн дѣ не бывано,
 «А ѣ Владиміра въ очи дѣ не видано.»
 И онъ приходитъ къ своей родителн матушки:
 «Ужь ты свѣтъ родителъ моя матушка,
 «А ѣ честна вдова Офимья Тимоѣевна!

«Дай прощеньицо да благословеньицо
 «Създити ко городу мнѣ-ка ко Кіеву,
 «Ко ласкову князю ко Владиміру.
 «У меня есте во Кіевн дѣ не бывано,
 «А ѣ Владиміра да въ очи дѣ не видано.»
 И говоритъ ёго свѣтъ родителъ матушка,
 А ѣ честна вдова Офимья Тимоѣевна:
 — Молодой боярской Дюкъ Степановичъ!
 — У тебя есте умокъ тотъ молодѣшенекъ,
 — Самъ не въ полноёмъ ты большомъ возрастн.
 — Когда будешь въ городн во Кіевн,
 — У ласкова ты князя у Владиміра,
 — Ужь ты самъ собой дѣ не рохнастайся,
 — Не житьемъ бытемъ да не богатствомъ,
 — А ѣ не силушкой своей богатырскн,
 — А ѣ не храбростью да молодецкн.
 — Много въ Кіевн есте богатырей,
 — Много тамъ сильннхъ да очень могучнхъ. —
 Благословила свѣтъ его родителъ матушка,
 А ѣ честна вдова Офимья Тимоѣевна.
 А ѣ пошолъ боярской Дюкъ Степановичъ,
 А ѣ онъ выходитъ на конюшню на стоялую
 И говоритъ своимъ да малымъ конюхамъ:
 «А ѣ же вы мои да малы конюхи!
 «Вы сѣдлайте-уздойте моего коня,
 «Моёго вы маленькаго бурушка.
 «Кладѣте вы потнички да вы на потнички,
 «А ѣ на потнички кладите вы войлочки,
 «А ѣ на войлочки кладѣте сѣдлашко.
 «Ужь вы то кладите сѣделышко черкальское,
 «Подруговъ кладите вы до двѣнадцати,
 «До двѣнадцати подруговъ шолковынхъ,
 «А ѣ того ль кладѣте толку Шаматиньскаго.
 «Ужь вы пряжочки кладите мѣдныи,
 «Дорогин мѣдн вы сбнрскн.
 «А ѣ шпенѣчки кладѣте булатьнн,
 «Дороги булату вы дѣ заморскаго.»
 Самъ пошолъ боярской Дюкъ Степановичъ
 Ко заутренки пошолъ христосскн,
 И отстоялъ заутренку христосскую.
 Онъ выходитъ Дюкъ да со Божьей церкви,
 Отъ тнн заутрени отъ христосскн,
 Набъ посѣтъ къ обѣденки христосскн
 И ко стольнѣму городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю ко Владиміру.
 Ёнь приходитъ Дюкъ да къ своей матушки,
 Во свою ль ёнь полатушку бѣлокаменную,
 Ёнь со матушкой своей прощается.
 А ѣ выходитъ Дюкъ тутъ на широкъ дворъ,
 И толь садился ёнь дѣ на добра коня.
 Евъ поѣхалъ тутъ да во городъ Кіевъ-онъ,

Черезъ тую стѣну городовую,
Черезъ тую башню что да не большую.
Какъ пошоль его добрый конь въ полъ дѣрѣвца,
Енѣ приправилъ коня повыше деревца,
А ѣи повыше деревца стоячаго,
А ѣи пониже онѣ облачка ходячаго.
И розстайнница было немпожечко
Отъ Волинца города отъ Галича
И до стольнѣго города до Кіева,
До ласкова князя до Владиміра,
Розстайнца было триста тридцать версть.
Переѣхалъ боярской Дюкѣ Степановичѣ,
Приѣзжаетъ къ стѣни онѣ бѣлокаменной.
Ужѣ енѣ не спрашивалъ у дверей придвернич-

ковъ,

У воровъ не спрашивать приворотничковъ,
Прямо ѣдетъ черезъ стѣну городовую,
Черезъ тую башню что да не большую.
Приѣзжать ко гриденки столовыи,
А ѣи ко столбику да ко точѣному,
А ѣи къ коленушку да къ золочѣному.
Насыпалъ шпона ѣнѣ бѣлоярова,
Самъ приходитъ енѣ да во гридню во столовую,
Ужѣ енѣ крестъ кладѣтъ да по писаному,
А ѣи поклонъ ведѣтъ да по учѣному,
И поклонился на вси четыре стороны,
А ѣи Владиміру князю въ особину.
Отстояли обѣдѣнку христосекую,
А ѣи пошоль Владиміръ князь стольно-кіевской
Отъ обѣдѣнки да отъ христосекіи.
Молодой бояринѣ Дюкѣ Степановичѣ
Ужѣ онѣ вслѣдъ идѣтъ всё не останется,
И самъ онѣ говоритъ да таково слово:
«А ѣи же ты Владиміръ стольно-кіевской!
«А ѣи велика славушка шла про Кіевъ градъ,
«Про тебя Владиміръ князь стольно-кіевской.
«Поцелуйжъ у васъ улушки есть грязныи,
«Какъ измаралъ я свои чоботы дорожныи?
«Во моемъ во городи во Галичи,
«У моѣи свѣтъ-родители дѣ у матушки,
«У честной вдовы Офимьи Тимоѣевной,
«У ѣи мостички стлани калѣныи,
«По мостамъ стлани сукна одинцовыи,
«По сукнамъ несочники посыпаны,
«Не измараешь чоботовъ своихъ дорожныихъ.»
И говорятъ его тутъ князя бояра,
И говорятъ сильви могучии богатыри:
— А ѣи же ты Владиміръ стольно-кіевской,
— Столно-кіевской да князь владимірской!
— А ѣи не Дюкѣ идѣтъ да тутъ Стѣпановичѣ,
— А идѣтъ мужикъ тутъ деревенщина,

— Деревенщина да пустохвастина. —

Какъ подходить ѣны къ гриденки столовыи,
Молодой боярской Дюкѣ Степановичѣ
Ужѣ онѣ вслѣдъ идѣтъ самъ не останется,
И богатырьско его сердце росходилое,
Молодецка кровь въ ѣмѣ розыграласе.
Енѣ началъ плѣтнымъ-плѣтно поступивать,
И дубово крылечко подгибается,
И мостовинники вси да ломаются,
А ѣи стекольчатыи сиши ходуномъ ходять.
Тутъ говоритъ Владиміръ стольно-кіевской:
«Ужѣ вы глупыи мои князя бояра,
«Неразумныи дѣ мои богатыри!
«Не мужикъ идѣтъ тутъ деревенщина,
«Не мужикъ идѣтъ да пустохвастина,
«Молодой идѣ бояринѣ Дюкѣ Степановичѣ.»
А ѣи проводя его въ гриденку столовую,
А ѣи садять его въ мѣсто въ большое,
А ѣи во большо мѣсто во большомъ углу,
И почитаютъ его гостя за гостя.
И становили ѣны столки дубовыи,
Накрывали скатерти шелковыи,
Ставовили ѣтвы тутъ сахарныи,
Розводили питья тутъ медовыи,
А ѣи садили за столки его дубовыи,
А ѣи за тыи скатерти шелковыи,
А ѣи во большо мѣсто во большомъ углу.
И вси ѣдятъ тутъ пьютъ да веселятисе,(sic),
Молодой боярской Дюкѣ Стѣпановичѣ
Енѣ не ѣсть не пѣтъ да енѣ не кушаѣ,
Енѣ не чимъ боль молодецъ не хвастаѣ.
И говоритъ Владиміръ князь стольно-кіевской,
Столно-кіевской да князь владимірской:
«А ѣи же молодой ты боярской Дюкѣ Степа-
новичѣ!
«Ужѣ ты что сидишь не пьешь не ѣиш дѣ не
кушаѣшь,
«А ѣи печимъ ты молодецъ боль не хвастаѣшь!»
— А ѣи же ты Владиміръ стольно-кіевской,
— Столно-кіевской да князь владимірской!
— Не могу я хлѣба соли вашей кушати.
— И почему же у васъ печки-ты кирпичныи,
— А ѣи помельца дѣржите вы болотвии,
— И неките хлѣбцы вы подгорѣлыи?
— Во моемъ во городѣ во Галичи,
— У моѣи родители дѣ у матушки,
— У честной вдовы Офимьи Тимоѣевной,
— У ѣи печки-ты есте да муравлены,
— А ѣи помяльца дѣржитъ она шелковыи,
— А ѣи некетъ она калачики крупнчатыи.
— И какъ колачики съѣишь — другого хочется,

— А ѿ какъ другой-отъ съѣшь — по третѣемъ
душа горитъ. —
Вынималъ онъ три калачика зъ-за пазушки,
Енъ поѣлъ попилъ своихъ калачиковъ,
Енъ употчивалъ князя Владимира,
Ены хлѣба-соли тутъ откушали.
А ѿ выходя изъ-за столчковъ дубовыхъ,
Изъ-за тыхъ скатертей шелковыхъ,
Изъ-за тыхъ ѣстовъ зъ-за сахарныхъ,
Изъ-за тыхъ напшточковъ медвяныхъ,
Ены Господу Богу помолише.
Говоритъ Владимиръ столно-кѣвской:
«Не угодно ли боярской Дюкъ Степановичъ,
«Не угодно ли съѣздить прогулятися,
«Съ мопма со князьями съ боярами,
«Съ сильными могучими богатырями?»
Говорилъ тутъ Дюкъ да таково слово:
— А ѿ же ты Владимиръ столно-кѣвской!
— Буде съѣздить прогулятися,
— Не въ досадочку съѣздить во гуляночку. —
И давать ему Владимиръ столно-кѣвской
Самолучшаго ему богатыря,
А ѿ того Щурилу шапа Пленкова.
Оны сядили тутъ на добрыхъ коней,
А ѿ поѣхали гуляти да во чисто полѣ.
А ѿ говоритъ ужъ Щурила шапа Пленковичъ,
Самолучшой богатырь столно-кѣвской:
«Молодой боярской Дюкъ Степановичъ!
«Поѣзжай-ко гостюшко попереди,
«Я поѣду я вслѣдъ тутъ да вѣдъ позади.»
Говорилъ вѣдъ Дюкъ да таково-ль слово:
— А ѿ же ты Щурилушка шапа Пленковичъ,
— Самолучшой богатырь столно-кѣвской!
— Ты когда будешь какъ на моей земли,
— Ты когда будешь да на моей орды,
— Дакъ тогда поѣду я попереди. —
Оны ѣзда гуляютъ во чистомъ поли,
А ѿ Владимиръ князь тутъ столно-кѣвской
Ужъ онъ смотритъ въ ты трубы подзорныи,
Какъ гуляютъ ѣздить добры молодцы,
Добры молодцы да во чистомъ поли.
И говорилъ вѣдъ Дюкъ енъ таково слово:
— А ѿ же ты вѣдъ-го да столно-кѣвской
— Самолучшой ты да богатырь-отъ.
— Да ай же ты Щурила шапа Пленковичъ!
— Что намъ ѣздить гулять да во чистомъ поли,
— Мы поѣдемъ гулять да за Неву рѣку,
— А ѿ по тому гулять станемъ по крѣжну,
— Какъ по тымъ по травопькамъ шелковымъ,
— А ѿ по тымъ по цвѣточкамъ по лазуревымъ,
— А ѿ Нева-рѣка три вѣрсты ширина. —

И говоритъ Щурила шапа Пленковичъ:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Поѣзжай-ко гостюшко попереди,
«Я поѣду вслѣдъ тутъ да вѣдъ позади.»
Говорилъ вѣдъ Дюкъ да таково слово:
— А ѿ же ты Щурила шапа Пленковичъ!
— Ты когда будешь вѣдъ на моей земли,
— Ты когда будешь да на моей орды,
— Тогда поѣду я да тутъ попереди. —
И самолучшой богатырь Щурила шапа Пленко-
вичъ,
Онъ чесалъ коня по чеснымъ ребрамъ,
Онъ приправилъ коня черезъ Неву-рѣку,
Онъ огрузъ съ конемъ съ мечемъ съ саблей во-
стрии,
Съ саблей вострии да осередѣ рѣки.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ приправилъ коня черезъ Неву рѣку,
Ухватилъ Щурилу шапа Пленкова,
Самолучшого его богатыря,
Осередѣ его рѣки да за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
Перевезъ Щурилу шапа Пленкова
Изъ тин онъ да изъ середѣ рѣки.
Переѣхали ены за Неву рѣку,
Ены тамъ ѣзда гуляютъ тутъ по крѣжну,
А ѿ по тымъ травопькамъ по шелковымъ,
А ѿ по тымъ цвѣточкамъ лазуревымъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Енъ приправилъ коня черезъ Неву рѣку,
Переѣхалъ взадъ да во чисто полѣ.
А ѿ тин Щурила шапа Пленковичъ,
Самолучшой богатырь столно-кѣвской,
Енъ не смѣеть ѣхать зъ-за Невы рѣки,
Онъ кричитъ отгуль да перевознику.
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ
Приѣзжать онъ къ князю тутъ Владимиру:
— А ѿ же ты Владимиръ столно-кѣвской:
— Столно-кѣвской ты князь владимирской!
— Самолучшой богатырь Щурила шапа Пленко-
вичъ,
— Енъ сидитъ тамъ вѣдъ да за Невой рѣкой,
— Енъ кричитъ отгуль да перевознику. —
Какъ запарядилъ Владимиръ столно-кѣвской
А ѿ достать Щурилу шапа Пленкова,
А изъ-за тин тутъ его да зъ-за рѣки,
А ѿ молодого боярского Дюка Степановича
Посадилъ его въ темницу тутъ во темную,
Енъ поставилъ тутъ вѣдъ енъ да стражниковъ,
Посылалъ во городъ тутъ во Галичу
А ѿ своихъ господъ енъ да обѣщниковъ,

Обцѣнить у Дюка вѣдь имѣнндо:
 «Не пустымъ ли захвастался Дюкъ Степановичъ
 «Енѣ житьемъ-бытьемъ своимъ богатствомъ,
 «Своей сплущкой да богатырскѣи,
 «Своей храбростью да молодецкѣи?
 А ѣй какъ пошли вѣдь тутъ какъ обцѣннички,
 А ѣй приходя во городъ тутъ во Галичу,
 Тамъ вѣдь увидѣли оны да портомойнищу.
 Оны падали тутъ на рѣзвы ножки:
 «Помогай вамъ Госнодь портомойнищи,
 «Портомойнищи да бѣломойнищи!
 «Еще какъ намъ увидать да Дюкова матушка?»
 — А какъ вы ѣйдитѣ добры людюшки,
 — Когда ищитѣ да Дюкову матушку,
 — Дюкову матушку вы въ портомойнищахъ.
 — Ино у насъ никогда вѣдь Дюкова матушка
 — Не быватъ она да въ портомойнищахъ. —
 «А ѣй же вы да портомойнищи!
 «Намъ увидѣть надо Дюкова матушку.»
 — Вы живите-тѣ да до воскресна дня.
 — А ѣй воскресный день да вы увидите
 — Какъ пойдѣтъ тутъ Дюкова-та матушка
 — А ѣй ко ты къ обцѣнн ко воскресныи. —
 Тутъ оны жили были до воскресна дня,
 Зазвонили тутъ какъ въ воскресный день,
 А ѣй ко ты къ обцѣнни къ воскресныи,
 Тутъ какъ этии господа обцѣннички
 А ѣй берутъ оны да тугошна чловѣка-то,
 А ѣй когда пойдѣтъ да Дюкова матушка.
 Какъ идѣтъ народу вѣдь преможество.
 Оны думаютъ совѣтъ удумывають:
 «Что не Дюкова ли идѣтъ тутъ вѣдь матушка?»
 Дюковой матушки да ище близко нѣтъ.
 Тутъ потомъ идѣтъ да Дюкова матушка,
 Дакъ ведутъ вѣдь Дюкову естъ матушку
 А ѣй за ты ведутъ ю за бѣлы руку (sic),
 За бѣлы руки да во Божью церковь.
 Идѣтъ Дюкова матушка вся въ золоти,
 Идѣтъ Дюкова матушка вся въ серебри.
 Околъ Дюковой да вѣдь тутъ матушки
 Золотии кнети и серебрияи,
 А ѣй отъ Дюковой матушки да лучи некутъ
 По всему ли по городу по Галичи.
 Какъ приходитъ Дюкова вѣдь матушка,
 Какъ на то крылечко на церковноѣ,
 Тутъ вѣдь господа вѣдь обцѣннички,
 А ѣй обцѣннички да столно-кѣевски,
 Становилисе да на колѣночка,
 Положили тутъ да эти записи,
 Эти записи да на головушку.
 Какъ глядитъ ѣго родитель матушка,

Принимать у ихъ да эти записи
 Во свои она да во бѣлы ручки,
 Ена сама вѣдь тутъ да прослезиласе,
 Горючи слѣзы съ глазъ прокатилисе,
 Только ничего имъ ена не спромолвила.
 Какъ прошла ена да во Божью церковь,
 Отстояла обцѣнку воскресную,
 Какъ пошли отъ обцѣнки воскресныи,
 Какъ выходитъ на церковно на крылечушко,
 Сейчасъ пали господа да вѣдь обцѣннички,
 Становилисе оны да на колѣночка.
 Какъ приходитъ къ нимъ Дюкова тутъ матушка,
 А ѣй на супротивку ихъ да устояласе,
 Ена говоритъ имъ таково слово:
 «А ѣй же вы господа да вѣдь обцѣннички,
 «А ѣй обцѣннички да столно-кѣевски!
 «Вы пришли Дюковыхъ животовъ оцѣннички.
 «А ѣй же онъ глупой Дюкъ да неразумной сынъ,
 «Молодой еиъ боярской Дюкъ Степановичъ.
 «Говорила ему родитель матушка:
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Ужъ ты будешь въ городи во Кѣевъ,
 «У ласкова князя у Владимира,
 «Ужъ ты самъ собой да не захвастайсе,
 «Не житьемъ-бытьемъ своимъ богатствомъ,
 «И не сплущкой своей богатырскѣи,
 «А ѣй не храбростью да молодецкѣи
 «Еиъ захвастался боярской Дюкъ Степановичъ
 «А ѣй какъ больша а ѣй сѣротски животы,
 «Сѣротски животы у его побѣдныи.
 «Дакъ приходите господа вы тутъ обцѣннички,
 «А ѣй послѣ обцѣда въ третѣемъ часу
 «Буду я оказывать вамъ Дюковыи животы.»
 Оны побѣли тутъ пришли покушали,
 Оны приходятъ на кое мѣсто приказаны,
 Ажно идѣтъ тутъ Дюкова естъ матушка,
 Идѣ въ золоти да иде въ серебри.
 А ѣй ведутъ тутъ Дюкову естъ матушку
 А ѣй служаночки да за бѣлы руки,
 А ѣй приходя къ погребамъ глубокѣимъ,
 Вынимать она три камешка съ погребовъ глубо-
 кѣихъ.
 «А ѣй же вы господа мои обцѣннички!
 «Можете ль этимъ камешкамъ цѣни тутъ дать?»
 Да когда отъ тѣихъ вѣдь тутъ камешковъ,
 По всему по городу по Галичи,
 Всякѣи огни горя, лучи некутъ,
 Ены господа да тутъ обцѣннички.
 Ены стали тутъ да пороздумалисе,
 А ѣй не могутъ оны да тутъ цѣни вѣдь дать,
 Ене что стоятъ этии три камешка.

Говорить тутъ Дюкова-та матушка,
 А ѿ честна вдова Офимья Тимоеевна:
 «А ѿ же вы господа да тутъ общѣщички!
 «Ужь вы что вы стали подроудумалсь?
 «Неужоль вы не можете цѣны тутъ дать.
 «А ѿ надо не эдакъ Дюковы животы цѣнить:
 «Когда не можете трехъ камешковъ цѣнить,
 «Дакъ не дорого вы стоите господа общѣщички,
 «А ѿ общѣщички да столно-кіевски.»
 Говорять господа вѣдь тутъ общѣщички:
 — А ѿ же ты вѣдь Дюкова есть матушка,
 — А ѿ честна вдова Офимья ты Тимоеевна!
 — А ѿ не можѣмъ тутъ мы цѣны-есть дать
 — Твоимъ ли этимъ тутъ камешкамъ.
 — Негдѣ оцѣнить намъ вѣдь Дюковы животы,
 — А ѿ велики вѣрно что у Дюка животы.
 — Какъ намъ спродать надо весь городъ Кіевъ-отъ,
 — А ещѣ семь разъ спродать ёго новыкупить,
 — Накупить бумаги да чернилъ-то,
 — То не хватить намъ у Дюка животовъ ун-
 сать. —

Оны пошли въ свой городъ столно-кіевской,
 Оны приходя тутъ въ городъ-есть въ Кіевъ-онъ
 А ѿ ко князю ёны ко Владимиру,
 Ко Владимиру да столно-кіевскому.
 Еще спрашивать Владиміръ князь столно-кіев-
 ской:

«А ѿ же вы господа мои общѣщички!
 «А ѿ чимъ хвасталъ Дюкъ у васъ Степановичъ,
 «А ѿ житѣмъ-бытѣмъ онъ да богатствомъ,
 «А ѿ велики ли есть у Дюка животы?»
 Говорять ёго тутъ князи ёго бояра,
 Говорять слыши могучи богатари:
 — А ѿ же ты Владиміръ столно-кіевской,
 — Столно-кіевской ты князь владимірской!
 — А ѿ велики у Дюка есте животы.
 — Какъ семь продать нашъ городъ Кіевъ набъ,
 — Намъ спродать ёго да и новыкупить,
 — Накупить намъ бумаги да чернилъ-то,
 — И то не хватить у Дюка животовъ унисать.—
 Тутъ Владиміръ князь да столно-кіевской
 Выпустилъ ёнъ Дюка тутъ Степановича,
 Изъ-за той тѣмницы на свою волю.
 Какъ запарядилъ Шурилу шала Плѣнкова
 На три годину да ёнъ выщанливать,
 Онъ со Дюкомъ тутъ вѣдь Степановичемъ
 Ёны стали вѣдь тутъ щанить-то есть.
 А что денчикъ то платьѣ смѣнноѣ,
 И прощанили оны тутъ два годичку.
 Какъ не стало у Дюка тутъ Степановича,
 Недохваточки стали во платьцахъ,

Посылаетъ ёнъ да своего коня,
 А ѿ своего коня во городъ во Галичъ-отъ,
 А ѿ привязывать коню да онъ записочку,
 Чтобы послала родитель ёго матушка,
 А ѿ честна вдова Офимья Тимоеевна,
 А ѿ послала бы ему да платьѣ смѣнноѣ,
 Чтобы хватило на цѣлой тутъ на годичокъ.
 Какъ приходитъ тутъ ёго вѣдь доброй конь,
 А ѿ во городъ ёнъ да вѣдь во Галичю,
 Онъ къ стѣны приходитъ бѣлокаменны,
 Началъ бить копытъ въ подворотенку,
 Въ подворотенку да во серебряну,
 По всему по городу по Галичи,
 А ѿ по Галичи да только звонъ пошолъ.
 Какъ выходятъ его да слуги вѣрныи,
 Отворяютъ ворота ты желѣзныи,
 Запускаютъ оны да доброго коня,
 А ѿ приводать его тутъ на бѣлой дворъ,
 А ѿ докладъ держать то Дюковой матушки:
 «А ѿ же ты честна вдова Офимья Тимоеевна!
 «А ѿ пришолъ вѣдь конь, а Дюка близко пѣтъ.»
 А ѿ выходитъ свѣтъ ёго родитель матушка,
 А ѿ выходитъ она тутъ на бѣлой дворъ,
 А ѿ берѣтъ она да доброго коня,
 Доброго коня да во бѣлы руки,
 И нашла у коня ёна записочку.
 Какъ глядитъ ёго родитель матушка,
 Молодой боярской Дюкъ Степановичъ
 Ёнъ находится тамъ во несчастницѣ,
 Онъ приказывать да платья цвѣтнаго,
 Платья цвѣтнаго ёнъ да на цѣмъ годъ.
 А ѿ честна вдова Офимья Тимоеевна,
 Она подвязывала да доброму коню,
 А ѿ ко тымъ подругамъ шелковымъ.
 Отпустила коня да во чисто поле,
 А ѿ пошолъ ёго тутъ да вѣдь доброй конь.
 А ѿ приходитъ ёнъ да вѣдь тутъ добрый конь,
 Ёнъ приходитъ ко князю столно-кіевскому,
 А ѿ стрѣтатъ его да Дюкъ Степановичъ,
 Своёго ёнъ маленькаго бурушка.
 Ёнъ со радостію стрѣтатъ съ весельцемъ,
 Что пришолъ ёго да тутъ добрый конь,
 А ѿ прицѣсь ёму да что вѣдь надобѣ.
 Какъ пошѣлъ тутъ Дюкъ да ёнъ выщанливать,
 А ѿ что день тутъ платьице ёго смѣнное.
 Прощанилъ вѣдь онъ да тутъ вѣдь цѣмъ годъ,
 Только недохваточки есть на одинъ тотъ день.
 Вынималъ тутъ онъ да еще сумочку,
 А ѿ котора прежде была привезена.
 Вынималъ ёнъ ланотки тутъ плетѣныи,
 Ёнъ пошолъ въ ланоткахъ Дюкъ плетѣныи,

Енъ щипить пошоль по городу Кіеву,
Только лапотки на поженкахъ посвистываютъ.
А й у князя тутъ да у Владиміра,
Во всемъ городи да тутъ во Кіеви,
Не нашлось тутъ вѣдь берѣстни,
Не могли вѣдь Дюковимъ лапоточкамъ,
А й лапоточкамъ его цѣны тутъ дать.
Тутъ вѣдь Дюкъ онъ есть да какъ Степановичъ,
Еще тутъ вѣдь Дюкъ онъ да слободенъ сталъ.
Отправляется во свой во городъ во Галичю,
Самъ говоритъ Дюкъ вѣдь таково слово:
— А й гости Владиміръ столю-кіевски!
— Ты гостн-тко князь да па ту же честь,
— А й на ту же честь какъ и меня уютчи-
валь *).

Енъ отправился въ свой городъ Галичю,
Ко своей родителн ко матушкн,
Ко честной вдовѣ Офимьи Тимошеевнѣй.
Онъ пріѣзжаетъ во городъ тутъ во Галичю,
Ко своей къ родителн енъ къ матушкѣ.
Ужъ какъ тутъ свѣтъ его родителъ матушка,
А й честна вдова Офимья Тимошеевна,
А й встрѣчатъ ёго да съ большой радостью,
Съ большой радостью да со весельцемъ.
«Дожидала своего Дюка Степановича,
Своего сына да я любимаго.»

Записано тамъ же, 5 августа.

XL.

ПЕТРОВЪ.

Алексѣй Петровъ, крестьянинъ съ Пил-
мас-острова на Водлозерѣ, за 50 лѣтъ отъ роду;
помнитъ только одинъ отрывокъ былинны, здѣсь
печатаемый; слышалъ его отъ стороннихъ людей.

214.

ДУНАЙ.

А во славномъ городи во Кіеви,
А у славнаго у князя у Владиміра,
Заводился у его да вѣдь почестенъ шуръ.
Всн на пиру да напивалнсе,
Всн на пиру да наѣдалнсе,

*) Т. е. пріѣзжай въ гости.

Всн на пиру да шьяпы веселы,
Всн на пиру порасхвасталнсе.
Умнои хвастатъ отцемъ матерью,
А безумный хвастатъ молодой женой,
Сильный хвастатъ своей силой богатырской,
А богатый хвастаетъ имѣніемъ.
А по той ли по гриднн княженецкн
А похаживатъ славный князь да стольнѣ-кіев-
ской,

Своимъ то бѣлыми онъ ручки помахиватъ,
Своп тын желты кудѣрышка подрачиватъ,
Самъ-то онъ да выговариватъ:
«Слушайте вы гости любимины!
«Всн вы на пиру напивалнсе.
«Съшпнтѣ-ко мнѣ невѣсту сосватайте,
«Чтобы возрастомъ да изъ плеча въ плечо,
«Красотою то была изъ лица въ лицѣ,
«Чтобы было мнѣ-ка съ кимъ-то вѣкъ-отъ жить,
«Чтобы вамъ то было кому кланяться.»
А всн эти гости закручинились,
А й всн эти гости запечалились.
Еще большой-отъ туляется за средняго,
Средней-отъ туляется за меньшаго,
А отъ меньшаго да и отвѣту нѣтъ.
Зъ-за тыхъ ли столовъ зъ-за дубовыхъ,
Зъ-за тыхъ ли бужаней медовыхъ,
А выходитъ-то славныи Дунай да сынъ Ивано-
вичъ.

Становился онъ супротивъ его лица княженец-
каго,

Говоритъ ёму да таково слово:

— А й же ты славныи да князь ты стольнѣ-кіев-
ской!

— Ты позволь сударь да словцѣ вымолвить:
— Съѣзди-то тебѣ невѣсту да сосватаемъ.
— Она возрастомъ да изъ плеча въ плечо,
— Красотою съ тобой да изъ лица въ лицѣ.
— Черны брови соболя заморскаго,
— Ясны очи сокола пролѣтнаго.
— Только дай-ко мнѣ да двухъ товарищовъ:
— Дай-ко мнѣ Василья да Буславьева,
— Дай-ко Ванюшенку повареннаго,
— И позволь сходить да на конюшннй дворъ,
— Выбратъ намъ да трѣхъ жеребчнковъ,
— Трѣхъ жеребчнковъ да намъ несѣдланыхъ,
— Несѣдланыхъ жеребчнковъ неѣженыхъ. —
Воспроговоритъ славный князь да стольнѣ-кіев-
ской:

«Ужъ ты славныи Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Ты берн-тко ты моей казны безсчетныи,
«Ты берн моей силы колько надобно.»

Славныи Дунай да сынъ Ивановичъ
 Говорилъ ему да таково слово:
 — Не набѣ твоей силы мѣ-ка мелкѣя,
 — Не набѣ твоей казни мѣ-ка безсчетныи. —
 И пошли добры молодцы да на конюшнѣй дворѣ,
 Выбиралн оны трѣхъ жеребчнковъ неѣзженихъ,
 Облатѣлись добры молодцы да обкольчужились,
 И садѣлись добры молодцы да на добрыхъ коней.
 Видѣли добрыхъ молодецьв сядучись,
 А не видѣли удалыхъ поѣдучись.
 Ъхали не путемъ да не дороженкой,
 И скакали черезъ стѣну городовую,
 Черезъ ту ли башню наугольную.
 Прѣѣзжали оны ко царству Малидоньскому,
 Ъъ Николаю державцю Малидоньскому,
 Сосватались оны да на Опраксѣи да Микулаевной,
 И садѣли ей да на добрыхъ коней,
 Повезли оны ко городу ко Кіеву,
 Ко славному князю ко Владиміру.
 Тутъ оны да заводили свадебку,
 Заводили тутъ оны почестень шпрѣ.

Записано на Водлозерѣ, 7 августа.

XII.

В. СУХАНОВЪ.

Василѣй Алексѣевичъ Сухановъ,
 крестьянинъ-столяръ, съ Пилмас-острова; выучился былиннамъ отъ слѣплаго старика изъ деревни Волковой, Быковской волости въ Каргопольскомъ уѣздѣ и прежде часто расцѣвлялъ ихъ за столярною работою. Въ послѣдствіи бросилъ заниматься этою работою и почти пересталъ итѣ былинны, большую часть которыхъ и забылъ.

215.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

А еще шла подошла у насъ повѣкатилѣ,
 Еще славная матушка быстра Волга рѣка,
 Ёна хѣста шла ровно три тысящи верстѣ,
 А ѣ широко а ѣ далѣко подѣ Казань подѣ го-
 родѣ,
 Ёна шире того далѣ подѣ Вастраканѣ.
 Ёна устьѣ давала ровно семдесятѣ вѣрстѣ,
 А ѣ во славное морюшко Каспѣицкойѣ.

Е широкой перевозѣ тамѣ подѣ Невѣмъ подѣ
 градѣмъ,

А ѣ тѣмныи дѣсушки Смоленскѣи,
 И тамѣ высоки были горы Сорочинскѣи,
 Славны тихи плеса да Черевѣистѣи.
 Теперь скажемъ про Добрынюшку мы сказочку,
 А ѣ теперь у насѣ Добрыни старина пойдѣтъ.
 И какѣ во стольномѣ славномѣ городѣи во Кіевѣи,
 А ѣ у ласкова князя у Владимера,
 Какѣ хорошенькой завѣденѣ былѣ почестной
 шпрѣ,
 А ѣ для многиныхъ для князей для бѣарей,
 А ѣ для сильныхъ могучиныхъ богатырей,
 А ѣ для всѣхъ поляницѣ для удалыхъ *).
 Еще всѣ на пиру да напивались,
 А ѣ всѣ на пиру да наѣдались,
 А ѣ всѣ на пиру да пѣяны весели сидѣтъ,
 Еще всѣ на пиру да поросхвастались:
 А ѣ умной-отѣ хвастатѣ отцемѣ матерью,
 А ѣ безумной-отѣ хвастатѣ молодой жепой.
 Выходилѣ ли князь Владиміръ на крутой кра-
 сѣнѣ крылецѣ,

Ужѣ онѣ зрѣтъ да глядитѣ во чистѣе во полѣ.
 Что ли во далѣчи далѣчи во чистѣомѣ во полѣ,
 Какѣ не ясныи соколѣкъ тамѣ вылѣтѣиваѣ,
 А ѣ не бѣ были заюшко просѣкаѣиваѣ,
 А ѣ не грѣчо-отѣ (sic) головою новѣрачиваѣ,
 Какѣ не малѣи горѣпосталюшко прорѣскиваѣ,
 Опѣ не млѣнскѣи слѣдочѣи прѣмѣтѣиваѣтъ.
 Какѣ изѣ далѣча далѣча изѣ чистѣого изѣ полѣ,
 А ѣ повиѣхалѣ удалой доброй молодець,
 Какѣ по имени Пльюшка славенѣ Муромецѣ.
 Ёде прѣ прямо ко Владиміру на широкой на дворѣ,
 Заходилѣ Пльѣ во гридни княженѣцѣи,
 Еще крѣстѣ кладѣ Пльюшка по писанѣому,
 Какѣ поклонѣ веде Пльюшка по ученѣому,
 Псполна творитѣ молитву поѣусову.
 Еще бѣетѣ Илей чоломѣ поклоняетѣся,
 А на всѣ ли на четыре на сторонѣи,
 Какѣ Владиміру да князю бѣе въ особнѣи че-
 лѣдѣмъ.

А ѣ садѣлся Пльюша за дубовой столѣ,
 А ѣ во тын ли во почѣстной во большѣом-угѣлѣ
 На тую ли на скамеечку на рѣбчатую.
 Еще всѣ ли у насѣ гости ѣдѣтъ и пьѣютѣ,
 Еще всѣ приходѣици хлѣбѣ соль кушаютѣ,
 А бѣдѣую лебедѣ сидѣ рушаютѣ.
 Какѣ Владиміръ князь по гридни похѣживаѣ,
 Еще самѣ государѣ князь выговариваетѣ:

*) Женщины-богатырицы были досель.

«Ахъ мы всё на шпру да ѣдимъ мы пьемъ,
 «А всё на почестномъ стали навеселѣ,
 «А ѣ некого у насъ нынѣ нѣту на заставушки.
 «А ѣ во дѣлечн далѣчи во чистомъ во полѣ,
 «Какъ летаетъ тамъ невѣжа чернымъ ворономъ,
 «А пише невѣжа за угрозою ко мнѣ:
 «А ѣ ты подай-ко князь Владиміръ поеднищичка!»
 А ѣ всё на шпру да замолчалъ да сидѣ,
 Еще большой-отъ хоронится за средняго,
 А средній хоронится за меньшаго,
 А отъ-меньшаго князю отвѣта нѣтъ.
 А со того ли со почестнаго большомъ-угла,
 А ѣ со той ли со скамеечки со рѣбчатип,
 Выходилъ ли тутъ удалой доброй молодецъ,
 Какъ по имени Ильюшка славенъ Муромецъ.
 Становился Ильюшка на рѣзвѣ ноги,
 Ёнъ клонилъ свою головушку низѣхонько,
 А свое-то онъ бѣло лицѣ къ рѣзвѣмъ ногамъ:
 — Ахъ вы многи наши князи а ѣ вы бояра,
 — А ѣ вы сильнии могучии богатыри,
 — Еще всё ли наши гости приходящи!
 — Еще колько не молчать да говорить намъ
 бытъ.
 — Я вѣдь топереча Пльюня изъ дороженки,
 — Я вѣдь три годѣ стоялъ подѣ Царемъ подѣ
 градомъ,
 — Я вѣдь три годѣ стоялъ подѣ Еросолпномъ,
 — Я двѣнадцать лѣтъ Ильюша на розѣздѣ былъ,
 — Не видалъ во поли собачки пробѣгаюнчисъ,
 — Я увидѣлъ бы собачку изъ лучка бы пострѣ-
 лилъ.
 — А поилѣмте-тко Добрынюшку Микитѣевича,
 — А ѣ во далѣчо далѣчо во чистѣе во полѣ,
 — Какъ защита-та буде славу Киеву,
 — Уборона (sic) будетъ нашей крѣпости. —
 Тутъ премлადи Добрынюшка Микитичъ младъ,
 Выходилъ ли тутъ Добрыня зъ-за дубоваго столѣ.
 Какъ пошолъ тутъ Добрыня на широкой дворъ,
 На широкой дворъ Добрыня къ своей матушки,
 Пришолъ къ матушки Добрынюшка росплакался,
 Своей матушки Добрынюшка розжалился:
 «Ахъ ты свѣтъ государини моя матушко,
 «Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимоеевно!
 «И ты на что молодца меня спородила:
 «Ахъ ты силой моя матушка не сильнѣго,
 «Ахъ ты смѣлостью моя мать не смѣлаго,
 «А похавностью меня ли не похавнаго *),
 «Какъ щаствомъ щегольствомъ не щегольни-
 ваго ли,

«Красотою моя матушка не красиваго,
 «Какъ имѣниемъ богатствомъ не богатаго менѣ.»
 Говорила тутъ Добрыни родна матушка:
 — Какъ премлადи Добрынюшка Микитичъ младъ!
 — Я бы знала молодца какъ воспородити тебѣ,
 — Я бы силою въ Самсона Кольвѣнища,
 — Я бы смѣлостью въ Ильюшку славна Муромца,
 — Я похавностью въ Олѣшу во Поповичева,
 — А ѣ щаствомъ щегольствомъ въ Чурилу Плен-
 ковича,
 — Красотою бы тебѣ въ Осипа прекраснаго,
 — А поѣздкою во Дюка во боярскаго.
 — Какъ такого тебѣ чада пише Господъ зародилъ. —

Тутъ Добрынюшка со матушкой прощается,
 Молодой жены Добрынюшка наказывае:
 «Ты премлада Катерина Викулчна!
 «Пройдетъ девять лѣтъ Добрыни во чистомъ во
 полѣ,
 «А не будутъ къ тебѣ письма и грамоты,
 «Какъ не будутъ ерлыки скоропѣчатый,
 «Хоть вдовой ты живи да хоть ты за мужъ поди,
 «Хоть ты за князя поди хоть за боярина,
 «За кушча хоть ты поди гостя торговаго,
 «А не ходи-ко ты за ворѣ за Олѣшу Поповичева.
 «Мнѣ похавный воръ Олѣшка крестовой братъ,
 «А какъ крестовой-отъ вѣдь братецъ паче род-
 наго.»

Выходилъ ли Добрыня на широкой дворъ,
 Какъ садился Добрыня на добра коня,
 Еще видѣли добра молодца сядучисъ,
 А не видѣли удалаго поѣдучисъ.
 А ѣ да пыль-та вспилѣла во чистомъ поли,
 Еще бѣлыи березки къ землѣ клонятся.
 Еще три года стоялъ онъ подѣ Царемъ-градомъ,
 Еще три года стоялъ подѣ Еросолпномъ,
 А ѣ двѣнадцать лѣтъ Добрыня на разѣздѣ былъ.
 Того времечки прошло ли восемнадцать лѣтъ,
 На Добрыни цвѣтно платицо поприрывалосе,
 На Добрынюшки платице звѣриное,
 На Добрынюшки шапочка звѣриная.
 А ѣ тутъ похавный Алѣшенька догадливъ былъ.
 А ѣ обуздаль обѣздаль онъ своего дѣбраго
 коня,
 Какъ объѣхаль Алѣшенька по задворкамъ,
 А ѣ назадъ къ Владиміру ворочался,
 Еще самъ говоритъ таково слово:
 — Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-киевской
 князь!

— А ужъ былъ я Алѣша во чистомъ во полѣ,
 — Ужъ я видѣлъ Добрыню бита рѣнена лежить,

*) Поступками не хорошии человекъ.

— Ужь онъ буйною головошкой въ раки товъ
кусть,

— А й да рѣзьма ногаы во кавыль во травѣ.

— Что ль оружье его ручки порозмѣганы лежѣ,

— Ёго добрый конь во степи гулять,

— Еще черны вороны тѣло трѣнкають его.

— А й ты поѣдемъ-ко Владиміръ со мной сва-
таться,

— Какъ на той ли поѣдемъ на молодой на вдовѣ,

— А й на прежней на Добрыниной молодой
женѣ,

— На молодой Катерины Викуличной. —

И тутъ на силушку Владиміръ приневѣлил ей
итти,

У нихъ въ пятницу-ту было сватовство,

Во субботу у нихъ было рукобитыцѣ,

Еще завтра воскресенье будетъ свѣдебка у нихъ.

Изъ широкихъ было улушокъ Ильинскихъ,

А й изъ мелкихъ перѣулковъ изъ Маринушки-
ныхъ,

Какъ не ясный соколикъ тамъ вылѣтываѣ,

А й не бѣлыи зайшко просѣкаиваѣ,

Какъ не гречегъ (sic) головою поварачиваѣ,

Какъ не малий горностаюшко прорѣскиваѣ,

Онъ не мленькии слѣдочкии промѣтываѣтъ,

Какъ повѣхалъ Ильюша славенъ Муромецъ.

А й поѣхалъ Ильюша во чистѣе во полѣ,

Какъ на тую ли заставушку на Кіевску.

Какъ роздѣрнулъ тамъ шатѣръ бѣлополотняной,

Насыналъ коню пшена онъ бѣлояроваго,

Какъ увидѣлъ тутъ Добрыня: стоитъ бѣлъ въ
полѣ шатѣръ,

Прѣзжаѣтъ тутъ Добрыня ко бѣлу шатру,

А й выходитъ Добрыня со добра коня,

Становилъ вѣдь ёпъ коня къ пшену да бѣлояро-
вому,

Какъ заходитъ Добрыня во бѣлыи во шатѣръ.

Оны свидѣлись съ Ильюшей ноздорѣвались,

Сталъ Добрынюшка про Кіевъ-отъ выспрашивать:

«Еще всё ли у насъ въ Кіевѣ по старому,

«Еще всё ли у насъ въ Кіевѣ по прежнему?»

— Только въ Кіевѣ у насъ нынѣ не по старому,

— Столько въ Кіевѣ у насъ яынѣ не по преж-
нему.

— А твоя-та молода жена замужъ пошла.

— Пошла за вора Алѣшу за Поповичева,

— А за нашего за брата за крестоваго.

— Ей на силушку Владиміръ приневѣлил ей
итти:

— У нихъ въ пятницу-ту было сватовство,

— Во субботу у нихъ было рукобитыцѣ,

— Въ воскресеньеце севодня у ихъ свѣдебка
идѣтъ. —

Не досугъ Добрыни разговаривать съ Ильѣй.

Выходилъ ли тутъ Добрыня съ бѣлаго шатра,

Какъ садился Добрыня на добра коня,

Оны видѣли добра молодца сядучисъ,

Какъ не видѣли удалаго поѣдучи,

Только пыль-та вѣдь вспылѣла во чистѣемъ во
полѣ,

Еще бѣлыи берѣзки къ землѣ клонятыся.

А й даваѣтъ онъ поѣздку лучше стараго,

Лучше стараго поѣздку лучше прежнаго,

Ѣдетъ прямо онъ ко городу ко Кіеву,

А не около вѣдь ѣде не воротами,

Ѣде прямо черезъ стѣну городовую,

Черезъ тую ѣде башню что не большую,

Ѣде прямо къ своей матушки на шірокой на
дворѣ.

Говорилъ тутъ вѣдь Добрыня своей матушки:

«Ахъ ты свѣтъ ли государыни моя матушка,

«Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимоеевна!

«Признавай-ко ты меня по правѣ по щекѣ,

«А й на правой на щеки есть три знамени у
м'ня,

«Какъ три знамени у м'ня твои родительскы.»

Говорила тутъ Добрыни родна матушка,

Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимоеевна:

— А ясный соколикъ на дворѣ залетѣлъ,

— А й да бѣлая лебедка со двора сошла.

— Какъ твоя то Добрыня молода жена,

— Молодая Катерина Викулична,

— А Викулична она замужъ пошла,

— И пошла за вора за Алѣшку за Поповичева,

— А за вашего за брата за крестоваго.

— Какъ на силу князь Владиміръ приневѣлил
ей итти:

— У нихъ въ пятницу-ту было сватовство,

— Во субботу у нихъ было рукобитыцѣ,

— Въ воскресеньеце севодня у ихъ свѣдебка
идѣтъ. —

Говорилъ ли тутъ Добрыня родной матушки:

«Ахъ ты свѣтъ ли государыни моя матушка,

«Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимоеевна!

«Принеси-тко мнѣ-ка платье скоморошкино,

«Принеси-тко мнѣ-ка досочку гусельчатую,

«Принеси-ко мнѣ шалыгу подорожную,

«Подорожную шалыгу поль-восьма пуда.»

Еще справился Добрынюшка на свѣдебку по-
шолъ.

Онъ приходитъ къ Алѣшкѣ на свѣдебку,

Еще крестъ кладѣтъ Добрыня по писаному,

А ѿ поклонъ ведётъ Добрыня по учёному,
 Исполна творитъ молитву поусову.
 Еще бѣтъ Добрыня челомъ и поклоняется,
 А ѿ на всѣ ли на четыре на сторонушки,
 Какъ Владиміру князю да бѣтъ въ особину че-
 ломъ.

Тутъ садился Добрыня на опеченку,
 Сталъ Добрынюшка въ гусѣлушка поигривати.
 Ужъ онъ струночку играетъ что я кievской,
 Какъ во другую играть отъ Еросолима,
 Еще въ третью про разѣзды про Добрынюш-
 кинь.

Какъ ни кто этой игры не догадается,
 Догадаласе Добрынина молодая жена,
 А ѿ молодая Катерина Викулична.

Какъ Владиміру игра эта показалае,
 Еще самъ говорилъ таково слово:

— А ѿ ты премладая заѣжа скоморошника!

— А ѿ ты поди-ко ты садисъ къ намъ за дубо-
 вой столъ,

— За дубовой столъ садисъ, вотъ три мѣста тебѣ:

— Еще перво тебѣ мѣсто, ты возлѣ меня садисъ,

— А другое тебѣ мѣсто супротивъ менѣ,

— Еще третье тебѣ мѣсто куда хочешъ тутъ и
 сядь. —

А ѿ садился Добрыня супротивъ своей жены,
 Супротиву Катерины Викуличной.

Наливала Катерина зелена чару вина,

Подавала тутъ Добрынюшки Микитичу,

А ѿ сама говорила таково слово:

«А ты премладий Добрыня сынъ Микитичъ младъ:

«Ужъ ты пей-ко у мѣя чару зеленоего вина,
 «Я другу тебѣ налью да пива пьянаго,
 «Еще третью подамъ я меду сладкаго.»

А ѿ премладыи Добрыня сынъ Микитичъ младъ,

А ѿ беретъ онъ чару зеленá въ руки вина,

Опускаетъ туды перстень злачѣний,

А ѿ которымъ оны перстнемъ обручалисе,

Подавае тутъ Добрыня зеленó вино назáдь.

— А ѿ ты премлада Катерина Викулична!

— Ужъ ты выпей-ко до дна, такъ ты увидишь и
 добра,

— А не выпьешь до дна, такъ не видать тебѣ
 добра. —

Еще пила Катерина зелено вино до дна,
 Какъ увидитъ Катерина тамъ злачѣний перстень

А ѿ сама говорила таково слово:

«Ахъ вы князи ли вы наши а ѿ вы бояра,
 «А ѿ вы сильнии могучи богатыри,
 «Еще вси ли наши гости приходящи!

«А ѿ не тотъ мѣѣ мужъ кой возлѣ меня стоить

«Еще тотъ мѣѣ-ка мужъ кой супротивъ меня си-
 дить,

«Еще прежнии Добрынюшка Микитичъ младъ.»
 Выходилъ ли тутъ Добрыня зъ-за дубового стола,

Уфатилъ вѣдь онъ Алѣшку за желты кудри,

А ѿ повидернулъ на сѣреду кирпичную,

Взималъ въ руки онъ шалыгу подорожную,

Подорожную шалыгу поль-восьмá пуда.

Еще сталъ вѣдь онъ Алѣшку тутъ работати,

А ѿ во охканьи не слышно бухканье,

А во бухканьи не слышно охканья.

Еще всѣ со пиру да разбѣжалисе,

Еще всѣ ли съ почестного росхучалисе *),

Ужъ какъ видитъ князь Владиміръ немпнучую
 бѣду,

Затыкаетъ онъ свою жону оучею.

Записано на Водлозерѣ, 7 августа.

XIII.

НИГОЗЕРКИНЪ.

Матвей Ѡедоровичъ Нигозѣркинъ,
 крестьянинъ дер. Чуялы на Водлозерѣ, малень-
 кий, невзрачный мужичина лѣтъ за 40, земледѣ-
 лецъ, занимающійся отчасти и рыболовствомъ.
 Выучился былинамъ осенью прошлаго 1870 года
 отъ старика, пробѣжавшаго изъ-за Кенозера че-
 резъ его деревню и два раза проведеннаго ночь
 въ его избѣ; до того времени былинъ не зналъ
 и не слыхалъ.

216.

ПОѢЗДКИ ИЛИ МУРОМЦА.

А ѿ ѣздитъ старой по чисту полю,
 А ѿ отъ младости ѣздитъ до старости,
 А ѿ отъ старости да до гробной доски,
 А ѿ стоялъ за вѣру да отечество.
 А ѿ какъ хорошъ у стараго былъ доброй конь,
 А ѿ у рѣкъ перевозу старъ не спрашивалъ,
 А конь рѣки вѣдь озѣра перескакивалъ,
 Ёнъ эти мхи болота промежъ ногъ пуцалъ,
 А ѿ сини моря тми кругомъ бѣжалъ.

*) Попраталисе.

А выѣзжае старъ на тую ли на путь,
 На путь дороженку широкую,
 А ѿ какъ камени подпись есть написана,
 А ѿ на другой стороны есть напечатана:
 «А ѿ какъ въ дорожку ѣхать да богату быть.
 А во дрѹгу ѣхать да женату быть,
 А ѿ во третью ѣхать да ѿ убиту быть.»
 Пльѣ Муромечъ да самъ раздумался:
 «А ѿ какъ на что старому жениться мни?
 «А еще стара взѣтъ да не надержишься *);
 «А ѿ молодая взѣтъ да какъ чужа корысть.
 «А ѿ на что тутъ старому богатество?
 «А ѿ золотой казны у ёго смѣты нѣтъ.»
 А ёнъ поѣхалъ старъ во тую ёнъ во путь,
 Во тую путь дороженку широкую — гдѣ убиту
 быть.

А ёнъ наѣхалъ на сорокъ на разбойниковъ,
 А ёнъ на чистыхъ ночныхъ подорожниковъ.
 А ѿ какъ разбойнички ко старому трогалъсе,
 А ёны хочуть у стараго коня отнять,
 Ёны хочуть старому тутъ смерть придать,
 Ёны смѣрточку да ему скорую.
 А ѿ говорить тутъ старой таково слово:
 «Ахъ вы сорокъ сорокъ вы разбойниковъ,
 «А ѿ сорокъ чистыхъ ночныхъ подорожниковъ!
 «А еще гдѣ вамъ у стараго коня отнять?
 «А ѿ какъ узница у стараго въ пятьсотъ рублей,
 «А ѿ какъ сѣдлышко у стараго въ двѣ тысячи,
 «А ѿ самому старъ бурушку чѣмъ не знать.
 «А ѿ какъ старъ колпакъ да со головушки,
 «А еще тотъ шпшакъ да девяносто пудъ.»
 А ёнъ вѣдъ началъ колпачкомъ да ёнъ помахи-
 вать,
 А ѿ куда махнетъ махнетъ—туда улучокъ,
 А ѿ назадъ отмахнетъ — переулочокъ.
 Ёнъ прибилъ тутъ сорокъ всѣхъ разбойниковъ,
 А ѿ сорокъ чистыхъ ночныхъ подорожниковъ,
 А ѿ какъ назадъ тутъ старъ да ворочается,
 А ёнъ вѣдъ старую ту подпись вѣдъ захѣривалъ,
 А ёнъ нову тутъ вѣдъ напечатывалъ:
 «Еще та дороженка росчнщена,
 А ѿ какъ росчнщена дороженка розѣзжена,
 А ѿ какъ розѣзжена дорожка Пльѣй Муром-
 цемъ.

(конца не знаетъ).

Записано на Водлозерѣ, 6 августа.

217.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

А ѿ во стольноёмъ во города во Кіевѣ,
 А ѿ у солнышко вѣдъ князя у Владиміра,
 Собираются да соѣзжаются,
 Соѣзжается да какъ почестный ширъ,
 На царевъ царевъ да на царевичовъ,
 А ѿ на королей королей да королевичевъ,
 Какъ на сильныхъ на могучихъ на богатырѣвъ,
 Какъ на тѣхъ ли поляницъ вельможь да на уда-
 лыныхъ.

Говорить тутъ солнце князь, да князь владимірс-
 кой,

Князь владимірской, да стольнѣ-кіевской:
 «А ѿ ужъ вы князіи, князи ужъ вы боярныи,
 «А ѿ ужъ вы сильнии могучии богатыри!
 «Вы поѣдьте-тко да по инымъ землямъ,
 «Вы сберите-тко да данн пошлныи,
 «Вы за стары годы да за нынѣшній,
 «Ужъ за тыи годы за двѣнадцать лѣтъ.»
 Какъ большой туляется за средняго,
 Какъ средній туляется за меньшаго,
 Какъ отъ меньшаго отъ бѣднаго отвѣту нѣтъ.

А ѿ изъ-за того стола изъ-за дубоваго,
 Выходилъ удалой доброй молодецъ,
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
 Говорить вѣдъ ёнъ да таково слово:
 — Ужъ ты солнце князь да князь владимірской,
 — Князь владимірской да стольнѣ-кіевской!
 — Я могу поѣхать по инымъ землямъ,
 — Я могу собрать да данн пошлныи,
 — Я за стары годы я за нынѣшній,
 — Я за тыи годы за двѣнадцать лѣтъ. —

Говорить тутъ князь да князь владимірской,
 Князь владимірской, да стольнѣ-кіевской:
 «А ѿ молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 «За твою услугу да великую,
 «Города тѣ дамъ я съ пригородками,
 «Я села тѣ дамъ да со приселками,
 «Золота казна пезатворѣная.»
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
 Ёнъ пошолъ вѣдъ ёнъ да со честна пира
 Во свою полату бѣлокаменну,
 Ёнъ садилъся на ременчатъ стулъ,
 Обувалъ сапожки ёнъ козловыи,
 Ёнъ черна козла да вѣдъ заморскаго.
 Одѣвалъ ёнъ шубу соболынуу,

*) Помрешъ скоро.

Ёнъ того ли черна соболя заморскаго,
 Выходилъ удалой доброй молодець,
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
 Выходилъ вѣдь ёнъ да на широкій дворъ.
 Енъ идѣтъ на стойлу лошадиную,
 Выбиралъ добра коня неѣзжена,
 Налагалъ уздицу ёнъ шелковую,
 Ёнъ пзъ чиста шолку Шемаханскаго.
 Ёнъ вѣдь потпички на потнички накладывалъ,
 Войлочки на войлочки сѣдельшко черкасско око-

ваное,

Ёнъ подпругъ кладает до двѣнадцати,
 Ёнъ тринадцату натягивалъ продольною,
 Какъ не для ради красы басы угожества,
 Для такой укрьны богатырскіи.
 Подпруга пзъ чиста шолку Шемаханскаго,
 Стремена желѣза есть булатнаго,
 Еще пряжки мѣди ты казанскіи.
 Шемаханской шолкъ не трется да не держится,
 А булатъ желѣзо то не ломится,
 А казанска мѣдь та не заржаѣѣ.
 Выходилъ удалой доброй молодець,
 Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Енъ вѣдь бралъ вѣдь сбрую всю ёнъ лыцарску,
 Енъ таку ли сбрую богатырскую.
 Во-первыхъ беретъ да онъ вѣдь вострой мечъ,
 Въ-другихъ беретъ да онъ вѣдь тугой лукъ,
 Енъ во-третьихъ палицу булатную.
 Енъ вѣдь вострой мечъ беретъ подъ пазуху,
 Енъ вѣдь тугой лукъ да на плечѣ кладаль,
 Енъ вѣдь палицу булатную ту въ кольцо кладаль.
 Какъ садился удалой доброй молодець,
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
 На туго ли бурушка косматушка,
 Приходила его родитель матушка,
 Какъ честна вдова Елена Тимоеевна.

Говоритъ епá да таково слово:

— Ужь ты чадо, чадо моѣ милоѣ,
 — Ты дитя дитя моѣ любимое,
 — Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 — Отправляешься ты вооружаешься,
 — Ты во дáлече далéчо по нимъ землямъ,
 — Ты собирать собирать какъ дани пошлины
 — За стары годы да за ныпѣшній,
 — Какъ за тин годы за двѣнадцать лѣтъ. —
 Во вторыхъ пришла да молода жена,
 Молода жена Настасья да Викулична.
 Говоритъ Добрынюшка наказывалъ:
 «Ай молода жена Настасьюшка Викулично!
 «Если годъ не буду, — жди вѣдь два году,
 «Если два не буду, — жди вѣдь три году,

«Если три не буду, — жди вѣдь шесть годовъ,
 «Если шесть не буду, — жди двѣнадцать лѣтъ,
 «Если двѣнадцать лѣтъ не буду — хоть вдовой
 живи,

«Хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди.
 «За царя поди, ли за царевича,
 «За короля поди, за королевича,
 «Ли за сильнаго за храбраго могучаго за вонна.
 «Не ходи за вора за Алёшеньку Поповица,
 «Воръ Алёшка миѣ крестовый братъ.»

Какъ видали добра молодца что сядучись,
 Не видали добра молодца поѣдучись.
 Какъ по тымъ степенямъ да по саратовскимъ
 Одна куревна да завивается,
 Съ горы на гору да съ доли на долу.

А й конь рѣки ёнъ озера перескакивалъ,
 А ёнъ мхи ты да болота промежь ногъ пуцалъ,
 Ёнъ сини моря тин кругомъ бѣжалъ.

А какъ день тутъ за день — какъ вода течѣ,
 Какъ недѣля за недѣлю — какъ трава ростѣ.
 Какъ прошло то тому времечки да чѣльный годъ,
 Не видать Добрыни пзъ чиста поля.

Какъ прошло то времечки тутъ два году,
 На проходи времечки тутъ три году.
 Какъ прошло времечки тутъ шесть годовъ,
 На проходи времечки двѣнадцать лѣтъ.

Еще сталъ тутъ воръ Алёшенька подхаживать
 Ко честной вдовы Настасьи да Викуличной:

— А й ты честна вдова Настасья да Викулична!

— Ты поди иди за м'ня да во замужество,

— За меня Олешу за Поповича.

— Я вечоръ вѣдь ѣздилъ по чисту полю,

— А на томъ ли поли да на лыцарскомъ

— Какъ видалъ Добрынюшка убить лежить,

— Головой лежить да ко синю морю,

— А й ноги рѣзвыи о ракиновъ кустъ.

— Скрозь его рапи да скрозь кровавыи

— Проросла трава да росшелковая,

— Расцвѣли цвѣты да всѣ лазуревы. —

Говоритъ Настасья таково слово:

«Воръ Алёшенька да ты Поповичъ-отъ!

«Не бывалъ вечоръ ты во чистомъ поли,

«Какъ ходилъ съ собаками па задворкахъ.»

Это слово ему не показалосе,

Не казалосе слово не слюбилосе.

Какъ идетъ Алёша ирямъ на царской дворъ,

Говоритъ Алёша таково слово:

— Ужь ты солнце князь да князь владимірской,

— Князь владимірской, да стольнѣ-киевской!

— Ты послушай князь да что тѣ я скажу:

— Сочини указы государевы —

— Не держать удочки въ гради въ Кіевн
 — Еще той Настасьи да Викулничной,
 — Не хорошима словами меня озвала,
 — Что я не былъ вечеръ да во чистомъ полн,
 — Я на томъ ли полн да на лицарскомъ,
 — Что ходилъ съ собаками по задворкамъ. —
 По Алешеньки да вси ручаются,
 Еще сильнии могучии богатыри,
 А й вельможи поляницы да удалинъ,
 Ёны прося солнышка да князя да Владимира
 Сочинить указъ да государевой,
 Не держать удочки въ гради въ Кіевн,
 Еще той Настасьи да Викулничной.
 Еще солнце князь да князь владимірской,
 Князь владимірской да стольнѣ-кіевской,
 Приказалъ указы сочинить ёнъ строгіи —
 Не держать удочки въ гради въ Кіевн.
 Приходитъ Алѣшенька Поповичъ-отъ
 Ко честной вдовы Настасьи да Викулничной,
 Говорить Алѣша таково слово:
 — А й ты честна вдова Настасья да Викулнична!
 — Если въ честь йдѣшь — такъ я тя въ честь
 возьму.
 — Если въ честь не йдѣшь — такъ я не въ честь
 возьму.
 — Красота твоя мнѣ приглянуласе,
 — Ты не йдешь ли за меня да во замужество,
 — За меня Алѣшу за Поповича,
 — Какъ должна птти да съ града съ Кіева.
 — Сочинишь указъ да государевы —
 — Не держать удочки въ гради въ Кіевн. —
 Какъ честна вдова Настасья да Викулнична,
 Какъ пошла ена да во замужество,
 За того Алѣшу за Поповича.
 Какъ во стольнѣмъ городи во Кіевн,
 Какъ во Кіевн да былъ почестной пиръ.
 Какъ на томъ пиру да на почестноемъ,
 Тамъ цари съѣзжалнсе царевичи,
 Короли съѣзжалнсе королевичи,
 Тамъ вѣдь сильнии могучии богатыри,
 Какъ вельможи поляницы да удалинъ.
 А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ
 Ёнъ съѣзжаетъ съ земли съ земли съ Датскіи,
 Выѣзжалъ вѣдь ёнъ да на чисто полѣ,
 Ёнъ роздернулъ шатѣръ бѣлополотняной,
 Насыпалъ коню ишена ёпъ бѣлоярова.
 Ёнъ зашелъ въ шатѣръ бѣлополотняной,
 Вкругъ бѣла шатра да его доброй конь,
 Его добрый конь кругомъ нохаживать,
 Ёнъ не ѣсть ишена да бѣлоярова,
 Ёнъ вѣдь билъ ногами о спру землю,

Еще мать земля сталá продрагивать.
 Выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра,
 Ёнъ вѣдь взялъ вѣдь палицу булатную,
 Ёнъ вѣдь бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
 Ёнъ вѣдь бьетъ коня самъ приговаривалъ:
 — Ужъ ты волчья сыть да травяной мѣшокъ! —
 Какъ за тымъ шатромъ бѣлополотнянымъ,
 Говорить Добрыни добру молодду *):
 «А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 «Ты не бей-ко бурушка косматушка,
 «Ты саднсь на бурушка косматушка,
 «Поѣзжай-ко ты во стольнѣй Кіевъ градъ.
 «Какъ во томъ ли городи во Кіевн,
 «Какъ во Кіевн да тамъ почестной пиръ.
 «Тамъ цари съѣзжаются царевичи,
 «Короли съѣзжалнсе королевичи,
 «Ужъ тамъ сильнии могучи храбрыи лицари,
 «Тамъ вельможи поляницы да удалинъ.
 «Какъ твоя теперь да молода жена,
 «Молода жена да любима семья,
 «Какъ пошла ёна да во замужество,
 «Не за царя ёна не за царевича,
 «А не за короля ёна за королевича,
 «Не за сильного за храбраго могучаго богатыря, —
 «За того Олена за Поповича.»
 А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
 Ёнъ саднся на бурушка косматушка,
 Поѣзжалъ вѣдь ёнъ да во стольнѣй Кіевъ градъ,
 Приѣзжалъ къ полати бѣлокаменной.
 Ёнъ во томъ ли городи во Кіевн,
 Становился къ окошечку косивчату,
 Ёнъ на томъ ли бурушки косматушки.
 Закричалъ Добрыня громкимъ голосомъ:
 — А й во моей полати бѣлокаменной,
 — Еще есть родитель моя матушка въ живио-
 ностяхъ? —
 Какъ честна вдова Елена Тимоѣевна,
 Какъ сидитъ старуха старо-матерша,
 На печи печи да у печна столба.
 Услыхала старуха старо-матерша
 Ёна громкій голосъ богатырскіи.
 Сопущается и съ неченки муравленой,
 Ко тому окошечку косивчату,
 Увидала сына да любимаго,
 Молода Добрынюшку Микитича.
 Какъ скочила ена да на широкой дворъ,
 Отворятъ ворота да широкии.
 Заѣзжалъ Добрыня на широкой дворъ,
 Говорилъ Добрыня добрый молодець:

*) Неизвѣстно кто, такъ слышалъ и отъ «пѣтара».

— А ѿ ты родитель мой матушка,
 — Честна вдова Елена Тимофеевна!
 — Еще гдѣ моя да молода жена,
 — Молода жена Настасья да Викулична? —
 «Ужъ ты чадо чадо моё милое,
 «Ты дитя дитя мое любимое,
 «Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 «Какъ твоя теперь да молода жена,
 «Молода жена да любимá семья,
 «Какъ пошла ѣна да во замужество
 «Не за цари ѣна не за царевича,
 «Не за короли ѣна за королевича,
 «Не за сильнаго за храбраго могучаго богатыря,
 «За того ли за Олѣшеньку Поповича.»
 — А ѿ ты родитель мой матушка,
 — Честна вдова Елена Тимофеевна!
 — Принеси мнѣ платке скоморошной,
 — Принеси гусельника яровчаты,
 — Какъ пойдѣтъ Добрыня на почестный пирь. —
 Принесла вѣдь платке скоморошной,
 Принесла гусельника яровчаты,
 Какъ пошолъ Добрыня на почестный пирь.
 Ёнъ иде въ полаты бѣлокаменны,
 Ёнъ во тии гридни во столовыи,
 А ѿ ёнъ крестъ кладець самъ по писаному,
 Ёнъ поклонъ веде самъ по учёному,
 Ёнъ на вси четыре да на стороны,
 А ѿ царю съ царницей да въ особицу.
 Говорить удалой доброй молодець,
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ:
 — Ужъ ты солнце князь да князь Владимірской,
 — Князь Владимірской, да стольнѣ-кіевской!
 — Ты послушай князь да что тѣ я скажу:
 — Отведи-ка мнѣ-ка нынѣ вѣдь мистечко
 — Мнѣ мождому теперь гусельнику. —
 Говорить тутъ солнце князь да князь владимірской,
 Князь владимірской да стольнѣ-кіевской;
 «А ѿ молодой молодый гусельничокъ!
 «Еще вси мѣста да попризаныи
 «У молодыхъ да у гусельничковъ,
 «Только мистечка да на печи печи,
 «На печи печи да на печномъ столби.»
 Какъ ставалъ Добрыня добрый молодець,
 Ёнъ на тую печенку муравлену,
 Ёнъ садился удалый добрый молодець,
 Ёнъ садился тутъ да на печной-отъ столбѣ,
 Ёнъ вѣдь началъ гуселка налаживать,
 Ёнъ вѣдь началъ струночки натягивать.
 Ёнъ первую наладилъ съ града съ Кіева,
 Ёнъ другу налазилъ изъ Черниова,

Ёнъ вѣдь третью изъ каменной Москвы.
 Ёнъ вѣдь началъ гуселка поигрывать, —
 Какъ дивилися цари цари царевичи,
 Короли дивилень королевичи,
 Ужъ какъ сильнии могучии богатыри,
 Какъ вельможи поляницы да удалыи.
 Еще не было молодого гусельничка
 Супротивъ Добрынюшки Микитица,
 А ѿ паходится молодой гусельничокъ,
 Ёнъ не хуже да Добрыни добра молодца,
 Ёнъ вѣдь волосомъ да ёнъ вѣдь возрастомъ,
 Красотой вѣдь ёнъ да веъмъ ужожествомъ.
 Какъ не хуже Добрынюшки Микитица.
 Говорить тутъ солнце князь да князь владимірской
 Князь владимірской, да стольнѣ-кіевской:
 «А ѿ молодой молодый гусельничокъ!
 «Сопущайся-ко да и съ печна столба,
 «Какъ и съ той и съ печенки муравленой.
 «Еще перво мистечко подлѣ меня,
 «Еще друго мѣсто супротивъ меня,
 «Еще третье мѣсто супротивъ княгини да мо-
 лодыи,
 «Супротивъ Настасьюшки Викуличной.»
 Молодой молодый гусельничокъ,
 А ѿ садился ёнъ да о-середь стола
 Ёнъ на ту скамейчку клеповую,
 Супротивъ княгини да молодой,
 Супротивъ Настасьи да Викуличной.
 Наливали чару зелена вина,
 Подносили молодому гусельнику,
 Принималъ ёнъ чару единой рукой,
 Выпивалъ ёнъ чару на единой здохъ.
 Говорить молодой гусельничокъ:
 — Ужъ ты солнце князь, да князь владимірской,
 — Князь владимірской да стольнѣ-кіевской!
 — Ты послушай князь да что тѣ я скажу:
 — Какъ позволъ-ка палить чару зелена вина,
 — А вѣдь тую чару, кою я вѣдь пилъ,
 — Поднести княгини да молодой,
 — Еще той Настасьюшки Викуличной. —
 «А ѿ молодой молодый гусельничокъ!
 «А ѿ паливай-ко чару зелена вина,
 «А ѿ подноси княгини да молодой,
 «Еще той Настасьи да Викуличной.»
 Наливалъ ёнъ чару зелена вина,
 Ёнъ снушалъ туда да имениой перстенъ,
 Какъ которымъ перетнемъ обручалсе
 А со той Настасьей да Викуличной.
 Подносилъ вѣдь чару приговаривалъ:
 — А ѿ молодá молодáя Настасья да Викулична!

— Если пьешь до дна, дакъ увидашь добра,
 — А й не пьешь до дна, дакъ не видать добра.—
 Принимала чару единой рукой,
 Выпивала чару па единой сдохъ,
 Увидала перстень золоченни.
 Какъ увид'ла перстень золоченни,
 Какъ которымъ перстнемъ обручалнсе
 А й со тымъ Добрынюшкой Микитиномъ,
 Положила перстень ёна на руку:
 «Ужъ ты солнце князь да князь владимірской,
 «Князь владимірской, да стольне-кіевской!
 «Ты послушай князь да что тѣ я скажу:
 «А не тотъ мой мужъ, кой нынь подлѣ меня,
 «Еще тотъ мой мужъ, кой супротнвъ меня.»
 Какъ ко той скамеечки кленовыи,
 Какъ пошла изъ-за стола изъ-за дубоваго.
 Какъ ко той скамейки ко кленовыи,
 Какъ къ тому Добрынюшки Микитичу.
 Розгорѣлось сердце богатырское,
 Какъ ставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
 Ёнъ взималъ Алёшу за желты кудри,
 Ёнъ кидалъ Алёшу о кирпичной полъ,
 А ёнъ пнулъ Алешеньку подъ лавочку.
 Какъ подъ лавпцей Алёша выговаривалъ:
 — Еще всякой-отъ дуракъ на свѣтѣ женится,
 — Какъ не всякому женидба удаается.
 — Удаваласе женидба тремъ богатырямъ:
 — Еще старому казачку да Илью Муромцу,
 — А й молоду Добрынюшки Микитицу,
 — А й молоду Чурилы шапы Пленковичу.

Записано тамъ же, 6 августа.

218.

Д Ю К Ъ .

А й въ Волынъ земли да въ золотой орды,
 А й что во той Индѣи пребогатыи,
 Во Волынцѣ городи во Галинцѣ,
 А й жилъ молоденькой бояринъ Дюкъ Степано-
 вичъ.
 А й какъ удаленькой да доброй молодець,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Енъ пришель въ полату бѣлокаменну,
 Енъ садился на лавочку брусовую,
 Енъ понизилъ буйну голову пониже плечъ,
 А й ниже плечъ своихъ могучихъ богатырскихъ.
 Приходила родитель ево матушка,
 А й честна вдова Нанельфа Тимооесва,

А й говорила ёна да таково слово:
 «Ужъ ты чадо, чадо моё милоё,
 «А й ты дитя дитя моё любимое,
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «И отправляешься ты вооружаешься,
 «А й во перву поѣздку богатырскую,
 «А й не възжай ли на гору на Палапъ-гору,
 «А на то ли мѣстечко па красное,
 «А й па красиво мѣстечко удобное,
 «Гдѣ цари съѣзжаются царевни,
 «А й короли съѣзжались королевни,
 «А й гдѣ сильнии могучи храбры лицари,
 «А й вельможи полянни *) тамъ удалыи.
 «А й не садисъ съ нима во тую во компаньицу
 великую,
 «А й какъ хвастай-ко имѣнникомъ сиротскимъ,
 «А й какъ сиротскимъ имѣнникомъ побѣднимъ.»
 Это слово ему не слюбилосе.
 А й какъ ставалъ бояринъ на рѣзвы ноги,
 Енъ пошелъ на стойлу лошадинну,
 А й выбиралъ добра копя не ѣзжана,
 Налагалъ уздцю енъ шелковую,
 А й опъ изъ чиста шолку Шемаханскаго,
 А й опъ вѣдъ потпички на потпички накладывалъ,
 А й войлочки на войлочки,
 Съделышко черкасско окованое,
 А й подпругъ кладасе до двѣнадцати,
 А й опъ тринадцату натягивалъ продольною,
 Какъ не для ради красы басы убожества,
 А й для такой укрьши богатырскии.
 А й подпруга изъ чистаго шолку шемаханскаго,
 А й стремена желѣза изъ булатниго,
 А еще пряжки мѣди ты казанскии.
 А й Шемаханской шолкъ не трется да не держится,

А й бузатъ желѣзо то не ломится,
 А й хошь казанска мѣдъ та не заржавѣе.
 А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Ёнъ пришоль въ полату бѣлокаменну,
 Садился ёнъ да на ременчатъ стулъ,
 А й обувалъ сапожки опъ козловыи,
 А й опъ черна козла да ёнъ заморскаго;
 А й одѣвалъ ёнъ шубу соболинну,
 Ёнъ того ли черна соболя заморскаго,
 Выходилъ удалой па широкій дворъ.
 А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 А й опъ беретъ вѣдъ сбрую всю вѣдъ лицарскую:

*) Досюль женщины боевали, это — поляница значить по деревенски, — объяснил пѣвецъ.

А ѿ во-первыхъ беретъ онъ вѣстрой мечь,
 А ѿ во другихъ беретъ да ёнъ вѣдъ тѣгой лукъ,
 А ѿ онъ во-третьихъ палицу булатную.
 А ѿ онъ вѣдъ вострой мечь да брагъ подь на-
 зуху,
 А ѿ онъ вѣдъ тѣгой лукъ да на плечѣ кладаль,
 А ѿ онъ вѣдъ палицу булатную ту въ кольцо
 кладаль,
 А ѿ онъ садился удалой доброй молодець,
 А ѿ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Ёнъ на того ли бурушка косматушка.
 А ѿ какъ видали добра мѡлодца что сядучнсь,
 А ѿ не видали удала поѣзжаюнсь.
 А ѿ съ горы на гору да съ доли на долу,
 А ѿ какъ по тымъ стѣнямъ по саратовскимъ
 Одна куревка да завивагся.
 А ѿ конь вѣдъ рѣки-озѣра перескакивалъ,
 А ѿ ёнъ мхи болота промежь ногъ вущаль,
 А ѿ какъ сини моря тыи кругомъ ѡбжалъ,
 Выѣзжалъ на гору онъ на Паланъ-гору,
 А ёнъ на тое мѣстечко красивой,
 А ѿ на красиво мѣстечко удобной.
 А ѿ тамъ цари съѣзжаются царевичи,
 А ѿ королѣ съѣзжались королевичи,
 А ѿ тамъ вѣдъ сильнѣи вѣдъ храбрии богатыри,
 А ѿ какъ вельможи поляницы да удалии.
 А ѿ не садился съ нимъ во ту ли во кампаньцу
 великую,
 А ёнъ не хвастаётъ имѣнцемъ спротекнѣмъ,
 А ѿ поѣзжалъ съ горы ёнъ съ Паланъ-горы,
 А ѿ выѣзжалъ ёнъ вѣдъ во чистго поле,
 А ѿ на тое поле да на лицарско,
 И прѣзжалъ онъ въ доли ко сырѣ дубу.
 А ѿ на сырѣмъ дубу сидитъ птица чѣрный во-
 рошь-отъ,
 А ѿ говорить тутъ удалой доброй молодець,
 А ѿ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 — А ужъ ты воронъ воронъ птица цорная,
 — А ѿ птица цѣрная да сама вѣщаль!
 — А ѿ ты скажи-ко воронъ да повѣдай-ко,
 — А ѿ не видалъ мнѣ воронъ поединщика,
 — А изъ царевъ ли изъ царевичѣвъ,
 — А изъ королей ли королевичѣвъ,
 — А ѿ какъ изъ сильнѣихъ храбрихъ могучнхъ
 изъ лицарѣвъ,
 — А ѿ какъ изъ тѣхъ вельможъ ли поляницъ да
 мнѣ удалиихъ.
 — А ѿ ты не скажешь воронъ сущей правды мнѣ,
 — А ѿ пострѣлю тя воронъ на сырѣмъ дубу,
 — А изъ сыра дуба да падешь на землю. —
 А закричалъ тутъ воронъ громкимъ голосомъ:

«А ѿ ты удаленькой да доброй молодець:
 «А ѿ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «А ѿ не стрѣлай-ко меня да чорна ворона,
 «А ѿ я скажу тебѣ про поединщика,
 «А ѿ я скажу тебѣ про супротивника.
 «А ѿ поѣзжай-ко къ риченкѣ Смородинѣ.
 «А ѿ какъ у той у риченки Смородины,
 «А ѿ тамъ стоитъ шатѣръ бѣлополотняной,
 «А ѿ ужъ тамъ тѣрема да златоверхнѣ.
 «А ѿ какъ во томъ шатрѣ бѣлополотняномъ,
 «А ѿ спитъ старѣй казакъ да Илья Муромецъ,
 «А ѿ Илья Муромецъ да спитъ Ивановичъ.
 «А ѿ у того шатра бѣлополотняна,
 «Что у шатричка да стоитъ доброй конь,
 «А ёнъ при всей вѣдъ сбрун богатырскон:
 «А ѿ на конѣ уздица е шелковая,
 «Что изъ чиста-ль шолку Шемаханскаго,
 «А ѿ на ёмъ потнички на потнички наклады,
 «А ѿ на ёмъ войлочки на войлочки,
 «А ѿ на войлочкахъ черкасское сѣделко окованое
 «А ѿ подпругъ кругомъ да до шестнадцати,
 «А ѿ какъ семнадцати натянута продольная,
 «А ѿ какъ не для ради красы басы угожества,
 «А ѿ для такой укѣрны богатырскн.
 «А ѿ подпруга изъ чиста шолку Шемаханскаго,
 «А ѿ стремена желѣза изъ булатнѣго,
 «А ѿ еще пряжки мѣди ты казанскн.
 «Шемаханской шолкъ не трется да не держится,
 «А ѿ какъ булатъ-желѣзо то не ломится,
 «А ѿ казанска мѣдъ та не заржавѣе.»
 А ѿ какъ удаленькой да доброй молодець,
 А ѿ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 А ѿ не стрѣлилъ вѣдъ ёнъ да чорна ворона,
 А ѿ поѣзжалъ ёнъ къ рѣченки Смородины.
 Прѣзжае къ рѣченки Смородины,
 А ѿ тамъ стоитъ шатѣръ бѣлополотняной,
 А ѿ тамъ теремъ-отъ да златоверхнѣ.
 И у того шатра бѣлополотняна,
 А ѿ что ль у терема да златоверхаго,
 А ѿ что ль у терема да стоялъ доброй конь,
 А ёнъ при всей вѣдъ сбрун богатырскн.
 А ѿ на конѣ уздица естъ шелковая,
 А ѿ какъ изъ чиста шолку Шемаханскаго,
 А на ёмъ потнички на потнички наклады,
 А ѿ на ёмъ войлочки на войлочки,
 На войлочкахъ сѣдельшко черкальско окованой,
 А ѿ подпругъ на ёмъ естъ до шестнадцати,
 А ѿ какъ семнадцати натянута продольная,
 А ѿ какъ не для ради красы басы угожества,
 А ѿ для такой укѣрны богатырскн.
 А ѿ какъ во томъ шатрѣ бѣлополотняномъ,

А ѿ въ терему во томъ да златоверхнѣмъ,
 А ѿ спитъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
 А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
 А ѿ приходилъ удалой доброй молодець,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 А ѿ говоритъ ёнъ таково слово:
 — А ѿ ты старый казакъ да Илья Муромецъ,
 — А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
 — А ужъ ты спишь лежишь да проклаждаешься,
 — А ѿ надъ собой пезгоды не начаешься,
 — А ѿ отрублю Ильюши буйну голову. —
 А ѿ какъ старій казакъ да Илья Муромецъ,
 А опъ на одри лежитъ самъ выговаривать:
 «А ѿ ты удаленькой да добрый молодець,
 «А ѿ молодая млада скоморошина!
 «А ѿ ты скажись удалой доброй молодець:
 «А изъ какой земли изъ какой орды,
 «Коего отца которой матушки?
 «А ѿ ты не скажешься удалой доброй молодець,
 «А ѿ ужъ мы сядемъ-ко на добрыхъ коней,
 «А ѿ мы отправимся мы во чисто полѣ,
 «А ѿ кто вывезе головушку съ чиста поля.»
 — А я скажу тебѣ да проповѣдую:
 — Я съ Волинь земли да съ Золотой орды,
 — Я изъ той Индѣи пребогатинъ,
 — Изъ Волинца города изъ Галичи,
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ. —
 »Ужъ мы сядемъ-ко да на добрыхъ коней,
 «Мы отправимся да во чисто полѣ,
 «Кто повывезе головушку съ чиста поля.»
 А ѿ молодой бояринъ сокручинился,
 А ѿ сокручинился да запечалился.
 А ѿ онъ понизилъ буйну голову понижше плечъ.
 А ѿ ниже плечъ своихъ могучихъ богатырскихъ,
 Говоритъ вѣдь епъ да таково слово:
 — А ѿ ты старій казакъ да Илья Муромецъ!
 — Еще гдѣ мнѣ стоять съ тобой въ чистомъ
 поли? —
 Говоритъ старой казакъ да Илья Муромецъ:
 «А ѿ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 «Не кручинься-тко да не печалься-тко,
 «Назовѣмся братьями крестовима.»
 А ѿ какъ старій казакъ да Илья Муромецъ,
 А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 А Илья Муромецъ да тотъ большій-отъ братъ,
 А ѿ молодой бояринъ тотъ меньшій-отъ братъ.
 А ѿ какъ старой казакъ да Илья Муромецъ,
 Своего да брата ёнъ крестоваго,
 А ёнъ за ручки за бѣзны,
 А ёнъ за тын перетни за злачѣнми,
 А ёнъ за тын кольца золочѣнми,

А ёнъ садилъ за столочки дубовни,
 А ёнъ за ты шелковы скатерти за бранни,
 Ёнъ за тын ѣствы за сахарни,
 И за такн нитя за медвянни.
 А ѿ какъ сидятъ тутъ ѣдятъ нють прокла-
 жаются,
 А ѿ какъ два брателка да два крестовыхъ,
 Надъ собой пезгоды не начаются.
 А ѿ какъ въ томъ шатри бѣлополотняномъ,
 А ѿ въ терему во томъ во златоверхнѣмъ,
 А ѿ отворялась дверь дубовая тутъ на питу,
 Какъ идѣтъ поганой Инодолицо,
 Ёнъ вѣдь чудному образу не молнитъ,
 Ёнъ вѣдь добрымъ молодцамъ челомъ не бѣтъ.
 А ёнъ садился на лавочку брусовую,
 А сидучись вѣдь епъ да поросфастался
 И какъ тое поганое Инодолицо:
 — Я прошолъ по всемъ землямъ, по всемъ ор-
 дамъ,
 — Я Казань-Рязань прошолъ да Вѣстрокань.
 — Ужъ я былъ я въ городи во Кіевн,
 — Я не давно ль былъ да во Черниговн,
 — Я сейчасъ иду изъ камедной Москвы.
 — А ѿ не находится мнѣ поединничка,
 — Изъ царевъ царевъ мнѣ изъ царевичѣвъ,
 — Изъ королей королей изъ королевичѣвъ,
 — А ѿ какъ изъ сильнѣихъ изъ храбрѣихъ могу-
 чѣихъ богатырѣвъ,
 — А ѿ какъ изъ вельможъ мнѣ поляницъ мнѣ
 да удалыхъ.
 — А ѿ какъ на тотъ ли тотъ ли столѣнѣ Кіевъ
 градъ,
 — А идѣтъ честь вѣдь слава великая,
 — А ѿ что во томъ ли гради да во Кіевн,
 — Есть старой казакъ да Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ. —
 А ѿ говоритъ погану Инодолицо:
 — А Илья Муромецъ да вѣрно силѣнъ есть,
 — А ѿ вѣрно силѣнъ есть, да ёнъ по многу ль
 ѣсть? —
 А ѿ говоритъ удалой доброй молодець,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Что старой казакъ да Илья Муромецъ,
 «А ёнъ вѣдь вытъ дергалъ да ёнъ не бѣль-
 шеньку,
 «По одной то ѣли крунчатой булочки,
 «А ѿ какъ крупнчатимъ колачикомъ закусы-
 валь,
 «А ѿ какъ крупнчатой колачикъ будто турей
 рогъ.»
 А ѿ говоритъ погану Инодолицо:

— А й что какой Илья миѣ поединничекъ?
 — Я того Илью да на помахъ убью.
 — А ужь какъ я удалой доброй молодецъ,
 — А хотъ выть держалъ да я вѣдь среднюю,
 — По семи хлѣбовъ да я къ выти ѣлъ,
 — По полу воду да я закусывалъ,
 — Гуся лебеди да на закуску ѣлъ. —
 Говоритъ Ильюша таково слово:
 «А й у поганого да Инодолица,
 «А й лошаденка была да обжорицо,
 «И обжралась ипеномъ да бѣлояровымъ.»
 А й какъ во стольноѣмъ во городи во Києви
 А поганому да Инодолицу
 Это слово ему не прилюбилосе,
 Вынималъ пожищо да книжалницю,
 А й ѣнъ бросалъ Ильюши во бѣлы груди.

А й какъ старій казакъ да Илья Муромецъ,
 А ѣнъ вѣдь зналъ увертѣн богатырскіи,
 Отвернулся отъ ножика книжалника.
 Пролетѣлъ тутъ ножъ да скрозъ дубову дверь,
 Улетѣлъ тутъ ножъ да во чистѣ полѣ,
 А й какъ валнлся ножъ да на сыру землю,
 Енъ ушолъ вѣдь въ землю да ѣ до череня.
 А й какъ старій казакъ да Илья Муромецъ,
 А й розгорѣлось сердце богатырское,
 И отъ порога ѣнъ да ворочается,
 И енъ хватилъ поганого Инодолица,
 И ѣнъ здымалъ его вышѣ могучихъ плечъ,
 А ѣнъ бросалъ его да о кирпичной полъ,
 А еще тутъ поганому славіи поють.

Записано тамъ же, 6 августа.

VI.

КЕНОЗЕРО.

КЕНОЗЕРО.

XIII.

ПОРОМСКОЙ.

Иванъ Павловичъ Сивцевъ, по прозванію **Поромской**, богатый крестьянинъ изъ дер. Поромска, лежащей у впаденія рѣчки Пормы въ Кенозеро, средняго роста, плотный, еще молоджавый, безъ единого сѣдаго волоса, старикъ 65 лѣтъ. Его отецъ, умершій 30 лѣтъ тому назадъ не старымъ еще человѣкомъ (на шестомъ десяткѣ отъ роду), былъ лучшимъ знаткомъ былины во всемъ околоткѣ. Звали его Павломъ Семеновичемъ, и онъ былъ по ремеслу деревенскимъ портнымъ. Былны свои онъ заимствовалъ отъ стариковъ въ Плесскомъ погостѣ, что у впаденія Кены въ Онегу-рѣку (этотъ погостъ соседній съ Березно-дубровскимъ, откуда ввезенъ былины Иванъ Феновъ, см. выше XIII). Здѣсь учителями старика Поромскаго были преимущественно двое слѣдующихъ «пѣтарей»*) — Шерѣнкинъ и Подмѣткинъ, оба давно умершіе. Мальчикомъ Иванъ Павловичъ сопровождалъ своего отца и помогалъ, ему въ портняжной работѣ; тутъ-то онъ, слушая отца, а иногда и вышеупомянутыхъ Плесскихъ пѣтарей, «понялъ старинны.» Самъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ выросъ, почти оставилъ портняжное ремесло и занимается по большей части земледѣліемъ и рыбною ловлею.

*) Слово *пѣтарь* употребляется на Кенозерѣ и Моглѣ въ томъ же смыслѣ, какъ *сказитель* на Онежскомъ побережьи, оно означаетъ пѣвца былины.

Иванъ Сивцевъ извѣстенъ былъ, хотя не лично, г. Рыбникову; въ сборникѣ его онъ упоминается подъ именемъ «Паромскаго старика»; былины, которыя были отъ него доставлены г. Рыбникову, записалъ по словамъ Сивцева, фельдшеръ, жившій въ то время на Кенозерѣ. Это лучший изъ кенозерскихъ пѣвцовъ, но нельзя сказать, чтобы его дѣлца была такъ изящна, какъ напр. у Рябинина, Калдинна, Никитина или Прохорова. Воиновъ (см. ниже, XLIV) поетъ изящнѣе его, но у Сивцева былины отличаются большею полнотою и складностью.

—
219.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Изъ столянаго города изъ Кіева
Выѣзжали два могучіе богатыря:
Одинъ богатырь Илья Муромецъ,
Да другой молодецъ Добрынюшка Микитьевичъ.
Пріѣзжали богатыри на Фаворъ гору,
Розставляли богатыри полотнянъ шатѣрь,
Во шатри-то богатыри опочишь держать.
Спать темную ночь до бѣла свѣту,
Пробужается свѣтъ государь Илья Муромецъ,
Да и самъ говоритъ таково слово:
«Вставай молодецъ Добрынюшка Микитьевичъ!
«У насъ что де надъ шатромъ сотворилось,
«Налетала на шатѣрь да вѣща птица
«Вѣща птица черной воронъ,
«Черной воронъ самъ прокѣривать,

«Нерадошну вѣсточку сказывать.
 «Да выходи-тко Добрыня изъ бѣла шатра,
 «Погляди по дорогѣ прямоѣзжіе:
 «Не проѣхала ли поляница удалая?»
 Выходить Добрыня изъ бѣла шатра,
 Да поглядѣль по дорогѣ прямоѣзжіе,
 Да проѣхала поляница удалая.
 Да ево храбра поѣздка молодецкая,
 Да ископытъ у коня мѣтана
 По цѣлой-то овчинѣ по барановой.
 У коня изъ рта-то пламя малѣ,
 Изъ воздрей у коня да кудрявъ дымъ валить,
 Да ѣде молодець да самъ тѣшится,
 Да шибаетъ онъ палицу подѣ облаки,
 Да назадъ-то она ей подхватывать.
 Да пришоль Добрынюшка въ шатѣръ, а самъ раз-
 сказывать:

— Ты де батюшко да Илья Муромецъ!
 — Да проѣхала поляница удалая
 — Ево храбра поѣздка молодецкая,
 — Ископытъ у коня мѣтана
 — По цѣлой овчинѣ по барановой.
 — У коня изъ рта-то пламя машѣ,
 — Изъ воздрей у коня да кудрявъ дымъ валить,
 — Да ѣде молодець да самъ тѣшится,
 — Да шибаетъ онъ палицу подѣ облаки,
 — Да назадъ-то она ей подхватывать. —
 Говорить Илья Добрыни таково слово:
 «Да ты молодець Добрынюшка Микитѣевичъ!
 «Поѣзжай-ко тѣперь за богатыремъ.
 «Да буде русской богатырь — побратайся,
 «А невѣрной богатырь — ты войны проси.»
 Говори Добрыня Ильи таково слово:
 — Ты де батюшко да Илья Муромецъ!
 — Я не смѣю де ѣхать за богатыремъ. —
 Говорить Илья Добрыни таково слово:
 «Когда не смѣешь ты ѣхать за богатыремъ,
 «Дакъ больше мнѣ въ товарищи не надобно.
 «Поѣзжай-ко назадъ ты во Кіевъ градъ,
 «Къ молодой-то жены, да къ своей матери.»
 Да ставаль Илья на чеботы сафьянныя,
 Да на сини чулки кармазинныя.
 Надѣваетъ онъ шубу соболиную,
 Да выходитъ старикъ изъ бѣла шатра,
 Да удалъ-сѣдаль онъ добра коня,
 Да удалъ-то осѣдаль скоро-на-скоро,
 Скоро-на-скоро да крѣшко-на-крѣшко,
 Да скочилъ де старикъ на добра коня,
 Да поѣхаль Илья за богатыремъ,
 Да онъ ѣдетъ изъ утра день до вечера,
 Да и темную ночь до бѣла свѣту;

Да на другой-отъ день понущается,
 Да другой день проѣхаль изъ утра до вечера,
 Да и темную ночь до бѣла свѣту,
 Да догналь онъ богатыря въ чистомъ поли,
 Да изъ далеча-то Илья закричалъ по звѣри-
 ному,
 Засвисталъ да старикъ а по змѣиному,
 Да подѣ богатыремъ копь на колѣни палъ.
 Да ѣде богатырь не оглянется,
 Да бьетъ палкой коня по тучнымъ ребрамъ:
 — Ты несытая кляча конь а травяной мѣшокъ!
 — Еще что ты въ полѣ птицы тарашинься,
 — Налетѣла де ворона поразграялась. —
 Закричалъ Илья-то во второй наконъ,
 Да засвисталъ де старикъ по змѣиному,
 Подѣ богатыремъ конь а на колѣни палъ,
 Да оборачиваль богатырь коня къ Илью Муромцу,
 Да съѣхались оны ужо коньями, —
 Только конья ты въ кольцахъ попривнулисе.
 Да разѣзды чинили на тридцати верстахъ,
 Да съѣхались богатыри палками, —
 Тольки палки во щербнямъ отвернулисе.
 Соскочили оны со добрыхъ коней,
 Да схватились оны на рукопашной бой.
 Да хватилъ невѣрной богатырь Илью Муромца,
 Да шибаль де его о сирѣ землю,
 Да и самъ де садился на бѣлы груди,
 Да вынималь изъ чинжалница вострой ножъ,
 Да хотѣль ему пороть а груди бѣлье.
 Да и видитъ Илья что бѣда пришла,
 Поглядѣль онъ на ручку на правую,
 На бою де старику смерть не писана.
 Да сокопляль Илья силу всю въ одно мѣсто,
 Да шибаль съ себя богатыря въ чисто полѣ.
 Да выскочилъ онъ на рѣзвыи ноги,
 Да хватилъ де богатыря за желты кудри,
 Да шибаль ево онъ подѣ облаки,
 Да назадъ-то онъ ево подхватываль.
 Кабы де ево не подхватываль,
 Дакъ предаль бы ему смерть ту скорую,
 Становилъ де богатыря противо себя,
 Да началъ ево онъ выспрашивать:
 «Скажи-тко удалый дородиій добрый молодець!
 «Ты коей орды ты коей земли,
 «Да котораго ты града урождѣніе,
 «Да и какъ тебя зовуть по имени?»
 Говорить молодець таково слово:
 — Да не знаю я себѣ рѣдиаго батюшка,
 — Да одна у м'ня есть родная матушка,
 — Да старая дѣвка Сиверьянична. —
 Говорилъ Илья-то таково слово:

«Да и съѣдешь ты къ родной матери,
«Да скажи-тко ты матери низьбой поклонъ.»
Да поѣхалъ молодець къ своей матери,
Да встрѣчаетъ ево матушка родимая,
Да сама говорила таково слово:

— Да ты что Василей приѣхалъ не весель, а съ
чиста поля? —

Говорилъ де Васька своей матери:

«Да государыни моя ты родна матушка!
«Да паѣхалъ богатырь меня во чистомъ полѣ.
«Да перво я было ево нобилъ сидѣлъ да на бѣ-
лыхъ грудяхъ,

«Да хотѣлъ ему пороть а груди бѣлые,
«Да онъ меня шибалъ во чисто полѣ,
«Да ухватывалъ за желты кудри,
«Да шибалъ де меня подъ облаки,
«Да назадъ-то онъ меня подхватывалъ.
«Кабы онъ, мать, не подхватывалъ,
«Дакъ предалъ бы мнѣ смерть ту скорую.»

Говорить ему мать да таково слово:

— Да и ты дитя моё милое!
— Да и тутъ-то тебѣ вѣдь ужъ отецъ родной. —

Говорилъ де Василей своей матери:

«Государыни моя ты родна матушка!
«Да не хочу де я слыть заугольникомъ.
«Да ему жить, алибо мнѣ-ка жить.»
Да обварачивалъ назадъ добра коня,
Да поѣхалъ опять къ Ильи Муромцу.
Да Илья Муромецъ гдѣ бился тутъ и опочивъ
держать (sic).

Да раздѣргиванъ былъ ево бѣлъ шатѣрь,
Да закричалъ де Васька зычнымъ голосомъ:
«Да ты старая собака сѣдатой пѣсь!
«Да выходи-тко ты а изъ бѣла шатра,
«Тебѣ вѣдь жить, либо мнѣ-ка жить.»
Да ставалъ Илья на чеботы сафьянныя,
Да на снни чулки кармазинныя,
Да выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
Да хватилъ де богатыря съ коня за желты
кудри,

Да шибалъ де онъ свѣ подъ облаки,
Да назадъ-то ево да не подхватывалъ,
Дакъ предалъ ему смерть ту скорую.

Записано на Кенозерѣ (дер. Нематова), 12 августа.

220.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ЦАРЕГРАДѢ.

Отъ стольняго города отъ Кіева,
Да идѣтъ тамъ калника переходяя.
Старой волосомъ бѣлъ бородой сѣдой,
Да на старомъ была гуля сорочинская,
Да была шляпа на главы земли греческой,
Да клюшá у калники свищовая.
Да идѣтъ ли старикъ подпирается,
Да йно мать земля та колибається.
Да пришло-де старикъ-отъ во Царьгородъ,
Да зашло на кружало государево.
Да онъ крестъ тотъ кладѣтъ по писаному,
Да поклоны ведѣтъ по ученому.
«Да вы здравствуйте чумаки чѣловальники!
«Да мнѣ дайте вина на пятьсотъ рублей,
«Да розопьюсь — мнѣ повѣрьте на тысячу.»
Да въ закладъ имъ даваль-то пречудной крестъ
Изъ червоннаво краснаго золота.
Да ему тутова старому не вѣрили.
Да догадались одни голи кабацкіе,
Да сбравались голи въ единой кругъ,
Да сложились голи по дѣньги въ складъ,
Да брали вина полтора ведра,
Да подносили де калники переходяему.
Да у ихъ принималъ единой рукой,
Да выпивалъ де старикъ на единой духъ,
Да и самъ говорилъ а таково слово:
«Да вамъ спасибо братцы голи кабацкіе!
«На приходѣ старика вы мѣня опохмѣлили,
«Да опохмѣлили нить розадорили.»
Да съ тово де пошло съ кабака долой,
Да пришло ко глѣбокому ко погребу,
Да пиналъ ворота ногой вальчачные,
Да съ кривоковъ замковъ двѣри вошь выставли-
валъ.
Да зашло де старикъ во глубокъ погребъ,
Да и бралъ-де онъ бочку подъ пазуху,
Да другую сороковую подъ другую,
Да третью ту бочку ногой катилъ,
Да выкачивалъ на площадь торговую,
Да уполъ де голей со всѣхъ кабаковъ,
Да и самъ упивался онъ до пьяна,
Да пришло лѣгъ спать на печку кабацкую.
Да и всѣ чумаки порасплакались,
Да къ царю пришли да поразжались:
— Ты де батюшко царь Костянтинъ Боголюбо-
всь!

— Да чога невѣдомо де къ намъ за староѣ при-
шоль,
— Да проспѣль онъ вина на пятьсотъ рублей,
— Да роспяваться-то ладилъ па тысячѣ,
— Да въ закладъ давалъ намъ пречудной крестъ,
— Да изъ червонова краснаго золота,
— Да и тутъ мы ему старому не вѣрзили.
— Догадался де голи кабацкіе,
— Да купили де вина полтора ведра,
— Подносили кѣлики перехожему.
— Да у ихъ принималъ единой рукой,
— И выпивалъ де старикъ а на единый духъ.
— Да съ тово де онъ ходилъ во глубоку погребъ,
— Да пиналъ ворота ногой вальчаные,
— Да съ кровковъ замковъ двери вонъ выставлявалъ.
— Да зашолъ де старикъ во глубоку погребъ,
— Да и бралъ де онъ бочку подъ назуху,
— Да другую сороковую подъ ірутку,
— Да третью ту бочку ногой катилъ,
— Да выкачивалъ на площадь торговую,
— Да упилъ де голей со всѣхъ кабаковъ,
— Да и самъ упивался онъ до пьяна,
— Ночь лежить на нечи да на кабацкіи. —
Говоритъ туто царь Костянтинъ Боголюбовецъ:
«Да вы глуши чумаки чѣловальники!
«Да подите приведите ко мнѣ на лицо,
«Погляжу я де каковъ станомъ вѣрастомъ.»
Пришли чумаки чѣловальники,
Да разбудили соннаго ёго хмѣлянаго.
Да скочилъ старъ со печки кабацкіе,
Да не успѣлъ хватить клюши водвѣнадцатъ пудовъ,
Да ухватилъ онъ воронѣчнну дубовую,
Да сталъ онъ по кабаку похаживать,
Да дубовоѣ воронѣчнной помахивать,
Да приблизъ чумаковъ чѣловальниковъ,
Да пошолъ де старикъ съ кабака долой.
Да идѣтъ мимо палату мимо царскую,
Да закричалъ де старикъ зычнымъ голосомъ:
— Ты де батюшко царь Костянтинъ Боголюбовецъ!
— Да ници казну за Ильей славнымъ Муром-
цемъ,
— Да приходилъ къ тебѣ на славу на великую,
— Да и пилъ зелено вино безденежно. —
Да ушолъ де старикъ а во чистѣ полѣ,
Да раздѣргивалъ въ полѣ бѣль шатѣръ,
Да во шатри то старикъ опочивъ доржалъ.
Да мы съ той норы Илью въ старинахъ поѣмъ,
Да отвынѣ поѣмъ его до вѣку.
Да диди-диди-дудай болѣ вперѣдъ не знай.

Записано тамъ же. 11 августа.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Да ѣздилъ тамъ старъ по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости.
Да хорошъ былъ у стараво добрый конь,
За рѣку ту перевозу мало спрашивалъ.
Да ѣдетъ де старый чистымъ полѣмъ,
Да большою-то дорогою латынскою,
Да наѣхалъ па дороги горючъ камень.
Да на камешки подишь подписана:
«Старому де казаку да Ильѣ Муромцу
«Три пути пришло дорожки широкіе:
«А во дороженку ту ѣхать — убиту быть,
«Во другую ту ѣхать — женату быть,
«Да во третью ту ѣхать — богату быть.»
Да сидитъ де старикъ на добромъ конѣ,
Головою то качать проговаривать:
— Да я кольки по святой Руси не ѣзживалъ,
— Такова-то чуда вѣкъ не видывалъ.
— Да па что мнѣ-ка старому богатество,
— Своего де у м'ня много злата серебра,
— Да и много у меня скатняго жемчугу.
— Да па что мнѣ-ка старому женитися,
— Да женитися мнѣ не пажитися,
— Молодая та жена взять чужа корысть,
— Да мнѣ-ка старѣй жены взять не хочется. —
Да поѣхалъ въ ту дорогу гдѣ убиту бытъ,
Да наѣхалъ па дорогѣ то станицу разбойниковъ.
Да разбойниковъ стоимъ до пяти ихъ сотъ,
Да хотять они у стараво коня отнять,
Да сидитъ де старикъ па добромъ конѣ,
Да головою то качать проговаривать:
— Да вы разбойники братцы станичники!
— Вамъ убити де старика меня некого,
— Да отняти у стараво печево,
— Да съ собою у м'ня денегъ семь тысячей,
— Да точмяна (sic) узда въ цѣлу тысячу,
— Да ковано моѣ сѣдло во девять тысячей.
— Своему де я добру коню цѣны не знай,
— Да я цѣны не знай бурку не вѣдаю:
— Да межъ ушми у м'ня у коня скаченъ жем-
чугъ,
— Драгоѣ самоцвѣтноѣ камень,
— Да не для ради красы басы молодецкоѣ,
— Для ради темной почки осенные,
— Чтобы видно гдѣ ходитъ мой доброй конь. —
Да говорятъ ему разбойники станичники:
«Да ты старая собака сѣздатой нѣсѣ!

«Да и долго ты сталъ разговаривать.»
 Да скочилъ де старикъ со добра коня,
 Да хватилъ де онъ шапку со буйной головы,
 Да и началъ онъ шапкой помахивать.
 Да къ куды де махнётъ — туда улица,
 Да назадъ отмахнётъ — переулочки.
 Да разбилъ ёнъ станицю разбойниковъ,
 Да разбойниковъ разбилъ подорожниковъ.
 Да садился старикъ на добра коня,
 Да поѣхалъ онъ ко латырю камешку,
 Да на камени подпись поднавливаль:
 «Да старому де казаку а Ильѣ Муромцу
 «На бою старику смерть не писала,
 «Да и та была дорожка прочищена.»
 Да отъ стольняго города отъ Кіева,
 Да отъ Кіева лежитъ а ко Чернигову,
 Да еще было дорожка извѣдати:
 «Отчево старику буде женитися,
 «Да женитися миѣ не нажитися,
 «Да молодая жена взять чужа корысть,
 «Да миѣ старой жены взяті не хочется.»
 Да поѣхалъ большою дорогою,
 Да наѣхалъ на дороги крѣпость богатырскую.
 Да стоитъ туто церковь соборная,
 Да соборная богомольная.
 Отъ тѣе де обѣдни полудѣшны,
 Идетъ двѣнадцать прекрасныя дѣвщи,
 Да посредѣ то ихъ идѣтъ королевична.
 Говорила королевна таково слово:
 — Ты удадой дородній доброй молодець!
 — Да пожалуй ко миѣ во высокъ терѣмъ,
 — Да напою накормлю хлѣбомъ солью. —
 Да соходилъ де старикъ со добра коня,
 Да оставливалъ онъ добра коня,
 Не прикована да не привязана.
 Да пошолъ де старикъ во высокъ терѣмъ,
 Да мосты ты подъ старымъ качаются,
 Переводники перегибаются.
 Да зашолъ де старикъ во высокъ терѣмъ,
 Да садился за столы за бѣлодубовы,
 Да онъ ѣсть де нѣтъ проклажается,
 Да весь дологъ день да до вечера.
 Да выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго
 Да и самъ говорилъ таково слово:
 «Ты ли душечка красная дѣвушка!
 «Да гдѣ-ка твоя ложни тѣплыя,
 «Да и гдѣ твоя кровати тесовыя,
 «Гдѣ-ка мяккіе перины пуховыя?
 «Да миѣ ца старость старику бы оочинуться.»
 Да привела его де въ ложни тѣплыя.
 Да стоитъ старой у кровати головой качать,

Головой то качать проговаривать:
 «Да я кольки по святой Руси не ѣживаль,
 «Таковѣ де я то чуда вѣкъ не видываль,
 «Да видно эта кроватка подложная.»
 Да хватилъ королевну за бѣлы руки,
 Да шибаль ей ко стѣны кирпичныя.
 Одвернулася кроватка тесовая,
 Да увалилася королевна во глубоко погрѣбъ.
 Да выходилъ старикъ на улицу паратную,
 Да наполь двери глубокаго погребя,
 Да колодземъ то были призавалены,
 Да песками-ты были призамынены.
 Да ёнъ колоды ногами распахиваль,
 Да пески ты руками распорхиваль,
 Да наполь двери глубокаго погребя.
 Да пиналъ ворота ногой вальчачныя,
 Да съ крюковъ съ замковъ двери вошь выставилъ,
 Да вынущалъ сорокъ царей сорокъ царевичевъ,
 Да и сорокъ королей королевичевъ,
 Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырѣвъ.
 Да и самъ говорилъ таково слово:
 «Да вы подѣте цари по своимъ землямъ,
 «Да вы королі по своимъ Литвамъ,
 «Да вы богатыри по своимъ мѣстамъ.»
 Да идѣтъ душечка красная дѣвушка,
 Да ёнъ выдѣргиваётъ саблю вострую,
 Да срубилъ ей по плечъ буйну голову,
 Да розѣкъ разрубилъ тѣло женское,
 Да куски ты разметалъ по чисту полю,
 Да сѣримъ-то волкамъ на сѣденіѣ,
 Да чернымъ воронамъ на пограннѣ.
 Да садился старикъ на добра коня,
 Да пріѣхалъ онъ ко латырю камешку,
 Да на камешки подпись поднавливаль:
 «Старому де казаку да Ильи Муромца,
 «Да и та была дорожка прочищена.»
 Да отъ стольняго отъ города отъ Кіева,
 Да отъ Кіева лежитъ а ко Царюграду,
 Да еще было дорожка извѣдати,
 Да отчего де старику будѣ богатество.
 Да поѣхалъ онъ большою дорогою,
 Да наѣхалъ на дороги пречудной крестъ,
 Да стоитъ у креста головой качать,
 Головой то качать проговаривать:
 «Да я кольки по святой Руси не ѣживаль,
 «Такова то де я чуда вѣкъ не видываль.»
 Да этотъ крестъ есть не ирѣтъ стоитъ,
 Да стоитъ онъ на глубокомъ на погрѣбѣ,
 Да есть несмѣтнойъ злато серебро.
 Да соходилъ де Ильи со добра коня,

Да и бралъ крестъ ёнъ на руки на бѣлге,
 Да снималъ со глубокаго со погребѣ,
 Да воздвигнулъ животъ въ славный Кіевъ градъ,
 Да построилъ онъ церковь соборную,
 Соборную да богомольную.
 Да и тутъ вѣдь Пля-то окаменѣлъ,
 Да понышѣ ево мощи нетлѣнные.

Записано тамъ же, 11 августа.

—
 222.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Изъ-за горь-то было изъ-за высокинхъ,
 Изъ-за лѣсу-то было лѣсу темнаго,
 Да повышла, повышла-повыкатила
 Да широкая та матушка быстра Волга рѣка,
 Да широкая та Волга подъ Казань прошла,
 Да ширше подалѣ подъ Вѣсторокаль,
 Да широкій перевозъ подъ Новѣмъ-городомъ,
 Темные лѣсы Смоленскіе,
 Да тихіе плеса то Чижарницкіе.
 Да мѣста шла ровно три тысячи,
 Да рѣкъ п ручѣвъ брала смѣты вѣтъ,
 Да выпала во море Коспійское.
 Да то де Добрынюшкѣ не сказочка,
 Да теерь старинны ево началъ пойдѣтъ *).
 Да въ стольцѣмъ во городи во Кіевѣ,
 Да у ласкова князя у Владиміра,
 Да хорошъ завѣдець былъ почестной пирь,
 На многи на князи да на бояра,
 На сильніе могучіе богатыри,
 Да на всѣ поляницы удалые.
 Да свѣтъ государь де Владиміръ князь,
 Да налилъ онъ чару зелена вина,
 Да залилъ онъ чару ту сладкімъ медомъ,
 Да засыпалъ онъ чару бѣлымъ сахаромъ.
 Становилосе вина да полтора ведра,
 Да подноситъ онъ сильнымъ богатырямъ,

*) Крестьянинъ Илья Максимовъ изъ Немытова на Кепозерѣ, лѣтъ 50-ти отъ роду, отецъ котораго пѣвалъ много былинъ, во который очень пемноего изъ пахъ удержалъ въ памяти, говорилъ, что его отецъ пачиналъ эту былинку такъ:
 Вышла, повышла-повыкатила да матушка Волга рѣка,
 Волга рѣка широка глубока,
 Мѣста-то шла она три тысячи,
 Плеса-ты давала Сужерницкіе,
 Выпала въ морѣ во Кирмское.
 Топерь-то про Добрынюшку не сказочка сказать,
 А топере про Добрыню старинны будетъ началъ.

Да самъ говоритъ и таково слово:
 «Вы братцы могучи богатыри!
 «Да шшѣ невѣжа заугрѣзою ко мнѣ,
 «Да проситъ де въ поле поединщика.
 «Да который изъ васъ меня выручитъ
 «Отъ этой бѣды а отъ великіе?»
 Всѣ во пиру призамѣляли сидѣтъ,
 Да говоритъ изъ ихъ уже большій-отъ богатырь,
 Да большій богатырь а Илья Муромецъ:
 — Да вы братцы могучіе богатыри!
 — Да хоша долго сидитъ, а говоритъ будѣтъ.
 — Да кому въ поле ѣхать поединщикомъ?
 — Да я вѣдь недавно изъ походу де пришолъ,
 — Да бился рубился съ невѣжей богатыремъ.
 — Да летаетъ невѣжа чернымъ ворономъ,
 — Да я не могъ его на очи обѣздрити.
 — Кабы увидѣлъ собаку, убилъ бы изъ туга лука.—
 Службу-работу накиннули
 Да молодцу Добрынюшки Мпкитъевичу.
 Да выпивалъ Добрыня чару зелена вина,
 Да одва де скороталъ онъ почестной пирь,
 Да невесель Добрыня со пиру пошолъ,
 Да невесель Добрыня да не радомѣпъ.
 Да приходитъ Добрыня къ своей матери,
 Говоритъ ему матушка сударини:
 «Что ты Добрыня невесель со пирю пришолъ?»
 «Мѣсто тебѣ было не по вотчины,
 «Али чара тебѣ де не рядомъ дошла,
 «Али безумница тебя да обезастила?»
 Говорилъ де Добрыня да отвѣтъ держитъ:
 — Да государини моя ты родна матушка!
 — Что мати спорѣдила несчастьяго,
 — Да несчастливаго да неталѣпливаго:
 — Да силою меня де ты не сильвяго,
 — Да поѣздкой меня не наѣздника. —
 Говорила ему матушка сударини:
 «Да удалый ты дородній добрый молодець!
 «Да я радѣ молодца бы ты спородити.
 «Ужо силою ль Самсона Кольвановича,
 «Да смѣльствомъ напускомъ въ Илью Муромца,
 «Да красотою во Осни прекраснаго,
 «Да кудрями въ царя де Кудрейшица,
 «Да поѣздкой во Дюка во Степановича,
 «Да пощипкой въ Чурпа сына Плѣпковича.
 «Да такова молодца тебя Госиодъ Богъ зародилъ.»
 Да больше Добрыня не распрашиваётъ,
 Да со своею матерью прощается.
 Да паче того де съ молодой женой.
 Да молодой-то жены да самъ наказывалъ:
 — Да хороша Катерина дочь Мигулична!
 — Да я въ полѣ проѣзжу вѣдь семь годовъ,

— Да подъ дубомъ простою да всёго девять лѣтъ,
 — Да всё Катерина ты вдовой живи.
 — Да тогда я не буду изъ чиста поля,
 — Да хотъ вдовой живи да хошь замужь поди.
 — Не ходи не за князя, не за боярина,
 — Да вѣбери богатыря протѣво хошь меиъ.
 — Да еше не ходи за Алёшу за Поповича,
 — Да ёнъ воръ собака мнѣ крестовой братъ,
 — Да крестовой-отъ братъ а паче роднаго. —

Да въ торока Добрыня кладѣтъ платье цвѣтное,
 Въ торока ты кладѣтъ и калены стрѣла,
 Въ торока кладеть и золоту казну.

Скоро Добрыня забирается.

Забирался Добрыня на коня ли самъ сѣлъ,

Поѣхалъ по городу по Киеву,

Да уѣхалъ Добрыня во чисто полѣ.

Да въ полѣ проѣздилъ онъ семь годовъ,

Да подъ дубомъ простоялъ а всёго девять лѣтъ,

Да всё Катерина-та вдовой живѣтъ.

Да выѣхалъ Алёша во чисто полѣ,

Да проѣздилъ ёнъ дологъ день до вечера,

Да прѣхалъ ко князю самъ подкѣзывается:

«Да свѣтъ государь ты Владимѣръ князь!

«Да ѣздилъ я сегодня во чисто полѣ,

«Да видѣлъ Добрыню бита ранена лежитъ,

«Да буйной головой а во рапнговъ кустъ,

«Да рѣзвыми ногами во чисто полѣ.

«Да орудія вся-де поразмѣтана,

«Да черные враны тѣло трынкають.»

Да ево-то хозяйка замужь пошла,

Да за премладава Алёшу за Поповича.

Да на силу ей князь поцеволилъ-де пойти,

Да въ пятницу у ихъ рукобитье было,

Да въ субботу у ихъ ужо и свѣдба была,

Въ воскресенье у ихъ а столованье.

Да на свѣтло-то Христово воскресеніе,

Да поѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто полѣ,

Стрѣтилъ Добрынюшку Микитѣевича.

Да ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,

Да началъ Добрыня-то про Киевъ градъ виспрѣ-
 шивати,

Да Илья ему Муромецъ разскѣзываетъ:

— Премладыи Добрынюшка Микитѣевичъ!

— Тебѣ первое слѣвцо перѣдошноё:

— Да твоя-та хозяйка за мужъ пошла.

— За премладава Алёшу за Поповича,

— На силу-де ей князь а поцеволилъ-де пойти

— Да сегодня у ихъ столованіе. —

Да больше Добрыня не разспрашиваетъ,

Да поѣхалъ ко городу ко Киеву.

Да будетъ Добрыня на своёмъ широкѣмъ дворѣ,

Да не узнала ёво матушка родимая,

Сама говорила таково слово:

«Ты какая поляница наѣхала,

«Не видала ли Добрынюшки Микитѣевича?»

Да нельзя признать Добрынюшки Микитѣевича:

Да ѣзжучись дѣтина по чисту полю,

Стоячись-де дѣтина подъ сырѣмъ дубомъ,

Истаскалосе да платье цвѣтное,

Издержаласе да золота казна,

Исношилъ-де кафтаны всё звѣрныя,

Да шапки, сапоги да всё звѣрипоё.

Говорилъ-де Добрыня таково слово:

— Да помнишь ли мать, спамятуешь-ли,

— Да у Добрыни на правѣмъ лицѣ три знамени
 было? —

Говорила ево матушка сударины:

«Да распекло-де у насъ какъ солнце красноё,

«Да закатается-де младъ свѣтѣлъ мѣсяць.

«Да твоя-та хозяйка замужь пошла

«За премладава Алёшу за Поповича,

«Да на силу-де ей князь поцеволилъ де пойти.»

Говорилъ-де Добрыня таково слово:

— Государыни моя ты родна матушка!

— Да мнѣ подай-ко мать платье скоморошноё,

— Да мнѣ подай-ко мать гусли хрустальни.

— Да подай мать шалыгу подорожную. —

Да пошоль-де Добрыня во почестной иирѣ,

Да садился Добрыня на упечинку,

Началъ во гусли пѣигривати,

Первоѣ разъ игралъ отъ Царя-де города,

Другоѣ разъ игралъ отъ Ерусалима,

Третьеѣ разъ сталъ пѣигривати,

Да всё своё-то похождениецо разскѣзываетъ.

Да князю эта игра и по уму пришла,

Самъ говорилъ и таково слово:

«А ѣ же ты дѣтина скоморошна!

«Да поди-ко дѣтина ты во почестной иирѣ,

«Тебѣ первое мѣсто подлѣ меня садись,

«Другое-то мѣсто супротѣво-де меня,

«Третье-то мѣсто куди самъ похощь.»

Да пришоль-де Добрыня во почестной иирѣ

Да садился протѣво Алёши съ молодой женой,

Началъ во гусли пѣигривати,

Первоѣ разъ игралъ отъ Царя-де-города,

Другоѣ разъ игралъ отъ Ерусалима,

Третьеѣ разъ сталъ пѣигривати,

Всё своё-то похождениецо разскѣзываетъ.

Никто-то тому не догадается,

А Катя тому и догадаласе.

Говорилъ-де Добрыня таково слово:

— Свѣтъ государь ты Владимѣръ князь!

— Прикажи Алёшиной да молодой жены,
 — Да миѣ палить де стаканѣ-и зелена вина. —
 Наливала Катерина стаканѣ-и зеленаго вина,
 Положила на подносѣ-и на серёбряной,
 Да подносила Добрыни, пизко кланяласе.
 Да виныла Добрыня стаканѣ-и зелена вина,
 Наливалъ стаканъ да назадъ подавалъ,
 Да опустилъ-де во чару ту значень перстень
 Молодца Добрынюшки Микитьевича,
 Да самъ говорилѣ-и таково слово:
 — Да выпивай Катерина стаканѣ до суха вина.
 — Да выпьешь ты до дна, дакъ увидашь добра. —
 Выпивала Катерина стакаѣ до суха вина,
 Да нашла де во чары-то значень перстень
 Да молодца Добрынюшки Микитьевича,
 Да сама говорила таково слово:
 «Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да не тотъ мнѣ-ка любь а кой подлѣ меня сп-
 дить,
 «А тотъ мнѣ-ка любь, кой супротиво менѣ,
 «Да молодецъ Добрынюшка Микитьевичъ.
 «Да я не знаю, откуда его Богъ пришѣсь.»
 Да князю эта рѣчь-и за бѣду пришла,
 За великую досаду не за малую.
 Да говорилъ де Добрыня таково слово:
 — Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 — Кабы ты-де былъ а не Владиміръ князь,
 — Назвалъ бы тебя я уже сводникомъ,
 — Да государыню княгину бы я сводницею.
 — Да вы зачѣмъ отъ жива мужа жену да от-
 няли? —
 Да бралъ Добрыня Алёшу за желті кудри,
 Да прямо черезъ столъ а передѣргиваѣтъ,
 Да началъ шалыгой поворачиваѣтъ:
 Въ бухканѣ не слышно охканья,
 Да не далъ ему смерти скорее,
 Да далъ ему безвѣче вѣковѣчною,
 Да столько Алёша-та женатъ бывалъ,
 Да столько Алёша-та съ женой сыналъ.

Записано тамъ же, 12 августа.

223.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

Въ стóльпѣмъ городи во Кіевѣ,
 У ласкова князя у Владиміра,
 Хорошіи завѣденъ былъ почестной пиръ,
 На многіе на князи да на бояри,

Да на спльни могучіе богатыри.
 Бѣлой день иде ко вечеру,
 Да почестной-отъ пиръ пдѣтъ на веселѣ.
 Хорошо государь роспотѣшился,
 Да выходилъ на крылечко перѣнос,
 Здрѣль-смотрѣтъ во чисто полѣ.
 Да изъ дѣлеча далѣча поля чпставо,
 Толна мужиковъ да появиласе.
 Да идутъ мужики да все Кіевляна,
 Да бьютъ они князю жалобу кладуть:
 «Да солнышко Владиміръ князь!
 «Дай государь свой праведные судъ,
 «Да дай-ко на Чурила сына Плѣнковича.
 «Да сегодня у насъ на Сарогѣ на рѣкѣ
 «Да невѣдомыи люди появиласе,
 «Да наѣхала дружина-та Чурилова.
 «Шелковы пѣводы замѣгивали,
 «Да тетивки были семі шелковъ,
 «Да плутивца у сѣтокъ-то серёбряные,
 «Камешки позолоченные.
 «А рыбу Сарогу (sic) повиловили,
 «Намъ государь свѣтъ улову пѣтъ,
 «Тебѣ государь свѣжа куса пѣтъ,
 «Да намъ отъ тебя пѣту жалованья.
 «Скажутся называются
 «Все они дружиною Чуриловою.»
 Та толна на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появлясасе.
 Да идутъ мужики да все Кіевляна,
 Да бьютъ они челомъ жалобу кладуть:
 — Да солнышко да нашъ Владиміръ князь!
 — Дай, государь, свой праведные судъ,
 — Дай-ко на Чурила сына Плѣнковича.
 — Севодня у насъ на тихихъ на заводахъ
 — Да невѣдомые люди появлясасе,
 — Гуся да лебедя да повѣстрѣляли,
 — Сѣру пернату малу утину.
 — Намъ, государь свѣтъ, улову пѣтъ,
 — Тебѣ государь свѣжа куса пѣтъ,
 — Намъ отъ тебя да пѣту жалованья.
 — Скажутся а называются
 — Все они дружиною Чуриловою. —
 Та толна на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появиласе.
 Да идутъ мужики да все Кіевляна,
 Да бьютъ они челомъ жалобу кладуть:
 «Да солнышко да нашъ Владиміръ князь!
 «Дай государь свой праведные судъ,
 «Дай-ко на Чурила сына Плѣнковича.
 «Да севодня у насъ во темнихъ во лѣсахъ
 «Невѣдомые люди появиласе,

«Шёлковы тѣнета замѣтывали,
«Купокъ да лисокъ повѣловили,
«Чернаго сибирскаго соболя.
«Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
«Да тебѣ, государь свѣтъ, корысти нѣтъ,
«Намъ отъ тебя да нѣту жалованья.
«Скажутся а называются
«Всѣ оны дружиною Чуриловою.»
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилася.
А иде молодцовъ до пяти ихъ сотъ,
Молодцы на коняхъ одноличные,
Кощи подъ нимъ да одпокъаріе были,
Жѣребцы все латынскіе,
Узды повода у ихъ а сорочипскіе,
Сѣдѣльшкя были на золотѣ,
Сапожки на пожегахъ зеленъ сафьянъ,
Зелена сафьяну-то турецкаго,
Славново покрою-то пѣмецкаго,
Да крѣпкаво шитья-де ярославскаго.
Скобы гвоздѣ да были на золотѣ,
Да кобзаны на молодцахъ лосинные,
Да кафтаны на молодцахъ голубъ скурлатъ,
Да источниками (sic) подноісаносе,
Колпаки золотіе верхи.
Да молодцы на коняхъ бывъ свѣчи-де горять,
А кони подъ нимъ бывъ соколѣ-де летять.
Доѣхали пріѣхали во Кіевъ градъ,
Да стали по Кіеву урѣдствовати,
Да лукъ чеснокъ весь повѣрвали
Бѣлую капусту повѣломали,
Да старихъ-то старухъ обезвчили,
Молодѣхъ молодѣцъ въ соромѣ-де довели,
Красныхъ дѣвицъ а опозорили.
Да бьютъ челомъ князю веѣмъ Кіевомъ,
Да князи-ты просятъ со княгинями,
Да бояра-ты просятъ со боарынями,
Да веѣ мужики огородники:
— Да дай, государь, свой праведные судъ,
— Да дай-ко на Чурила сына Пленковича.
— Да сегодня у насъ во городѣ во Кіевѣ,
— Да невѣдомые люди появились.
— Да наѣхала дружина та Чурилова,
— Да лукъ чеснокъ весь повырвали
— Да бѣлую капусту повѣломали,
— Да старихъ-то старухъ обезвчили,
— Молодѣхъ молодѣцъ въ соромѣ-де довели,
— Красныхъ дѣвицъ а опозорили. —
Да говорилъ тутъ солпышко Владиміръ князь:
«Да глуные вы князи да боира,
«Неразумные гости торговые:

«Да я не знаю Чуриловой посѣлчи,
«Да я не знаю Чурило гдѣ дворомъ стоить.»
Да говорятъ ему князи и бояра:
— Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
— Да мы знаемъ Чурилову посѣлчу,
— Да мы знаемъ Чурило гдѣ дворомъ стоить.
— Да дворъ у Чурила вѣдъ не въ Кіевѣ стоить,
— Да дворъ у Чурилы не за Кіевомъ стоить.
— Дворъ у Чурила на Почаѣ на рѣкѣ,
— У чудна креста-де Мендалидова,
— У святѣхъ мощей да у Борисовыхъ.
— Да около двора да веѣ булатнѣ тынъ,
— Да вѣрен были веѣ точѣные. —
Да поднялся князь на Почаѣ на рѣкѣ,
Да со князьями-ты поѣхалъ со боярами,
Со купцами со гостями со торговыми.
Да будетъ князь на Почаѣ на рѣкѣ
У чудна креста-де Мендалидова,
У святыхъ мощей да у Борисовыхъ,
Да головой-то кѣча, самъ проговаривать:
«Да право мнѣ не прогали мнѣ.»
Да дворъ у Чурила на Почаѣ на рѣкѣ,
Да у чудна креста-де Мендалидова,
У святыхъ мощей да у Борисовыхъ.
Да около двора веѣ булатнѣ тынъ,
Да вѣрен-ты были веѣ точѣные,
Воротника-ты веѣ были все стекольчатые,
Подворотенки да дорогъ рѣбей зубъ.
Да на томъ дворѣ-де на Чуриловомъ,
Да стояло теремовъ до семи до десяти.
Да во которыхъ теремахъ Чурилъ самъ живѣтъ,
Да тронъ сѣни у Чурила-де коспчатые,
Тронъ сѣни у Чурила-де рѣшатчатые,
Да тронъ сѣни у Чурила-де стекольчатые.
Да изъ тѣхъ-де изъ високныхъ изъ теремовъ,
На ту ли на улицу падовую,
Да выходилъ тутъ старыи матѣрый человекъ.
На старомъ шуба-та соболья былъ,
Да подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ стѣметомъ,
Да пугвицы были вальчпные,
Да вальчѣ-отъ литый красна золота.
Да кланяется поклоняется,
Да самъ говоритъ и таково слово.
— Да свѣтъ-государь ты Владиміръ князь!
— Да пожалуй-ко Владиміръ во высѣкъ терѣмъ,
— Во высѣкъ терѣмъ хлѣба кушати. —
Да говорилъ Владиміръ таково слово:
«Да скажи-ко мнѣ старыи матѣрый человекъ,
«Да какъ тебя да именѣмъ зовутъ,
«Хотя зналъ у кого бы хлѣба кушати?»
— Да я Пленко да гость Сарожаннъ,

— Да я вѣдь Чуриловъ-отъ есть батюшко. —
 Да пошолъ де Владимиръ во высокъ терѣмъ,
 Да въ теремъ-отъ идѣтъ да всё дивуется,
 Да хорошо де тѣремы да изукрашены были:
 Поль-середѣ одногò серебра,
 Печки-ты были всё муравленые,
 Да потики-ты (sic) были всё серебряные,
 Да поголокъ у Чурила изъ черныхъ соболѣй,
 На стѣны сукна навиваны,
 На сукна-ты стѣкла навиваны.
 Да всё въ теремѣ-де по небесному,
 Да вся небесная лупа-де принаведена была,
 Ино всякія утѣхи несказанныя.
 Да ширь-отъ идѣтъ о полу-ширу,
 Да столъ-отъ идѣтъ о полу-столѣ,
 Владимиръ князь роспотѣшилсе,
 Да вскрылъ онъ окошечка немножечко,
 Да поглядѣлъ-де во далече чистò полѣ.
 Да изъ далѣча далѣча изъ чистò поля,
 Да толпа молодцовъ появиласье,
 Да ѣде молодцовъ а болѣ тысячи,
 Да середѣ-то силы ѣздить купавъ молодець,
 Да на молодцѣ шуба-та соболья была,
 Подъ дóрогимъ подъ зеленымъ подъ стáметомъ,
 Пугвицы были вальячныя,
 Да вальякъ-отъ литый красна золота,
 Да по дóрогу яблоку свирскому.
 Да ѣде молодець да и самъ тѣшится,
 Да съ коня-де па коня перескáкиваетъ,
 Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
 Черезъ трѣтьево да па четвѣртаго,
 Да вверхъ конѣ побрасываетъ,
 Изъ ручки въ ручку подфатываетъ.
 Да ѣхали прѣехали на Почáй на рѣкѣ,
 Да сила-та ушла-де по своимъ теремамъ.
 Да сказали Чурилы по незнаемыхъ гостей,
 Да бралъ-де Чурила золоты ключи,
 Да ходилъ въ амбарѣ мугазенные,
 Да бралъ онъ сорокъ сороковъ черныхъ соболѣвъ,
 Да и многіе пары лисницъ да куницъ,
 Подарилъ-де онъ князю Владиміру.
 Да говоритъ-де Владиміръ таково слово:
 «Да хоша много было па Чурила жалобницковъ,
 «Да побольше того де челомъ-битчниковъ,
 «Да я теперь па Чурила да судá-де не дамъ.»
 Да говорилъ-де Владиміръ таково слово:
 «Да ты премлады Чурилушко сынъ Плѣнковичъ!
 «Да хошь ли итти ко мнѣ во стольники,
 «Да во стольники ко мнѣ во чашники.»
 Да иной отъ бѣды дакъ откупается,
 А Чурила па бѣду и нарывається.

Да пошолъ ко Владиміру во стольники,
 Да во стольники къ ему во чашники.
 Прѣехали они уже во Кіевъ градъ,
 Да свѣтъ государь да Владиміръ князь,
 На хорошá па поваго па стольника,
 Да завѣлъ государь да почестной инрь.
 Да премлады Чурила-то сынъ Плѣнковичъ,
 Да ходитъ-де ставить дубовы столы,
 Да желтыми кудрями самъ потрѣхиваетъ,
 Да желтыи кудри разсынаются,
 А бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
 Прекрасная княгиня-та Апраксін
 Да рушала мясо лебединоѣ,
 Смотрячійсе-де на красоту Чурилову,
 Обрѣзала да руку бѣлу правую.
 Сама говорила таково слово:
 — Да не дивуйте-ко вы жены господскіе,
 — Да что обрѣзала я руку бѣлу правую.
 — Да помѣшался у меня разумъ во буйной го-
 ловѣ,
 — Да помутилсе у м'ня-де очн ясныя,
 — Да смотрячійсе-де па красоту Чурилову,
 — Да па егò-то нá кудри па желтыя,
 — Да па егò-де нá перстни злаченые,
 — Помѣшался у м'ня разумъ во буйной головѣ,
 — Да помутились у меня да очн ясныя. —
 Да сама говорила таково слово:
 — Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 — Да премладому Чурилу сыну Плѣнковичу
 — Не нá этой а ему службы бытъ,
 — Да бытъ ему-де во постельникахъ,
 — Да стлати ковры да подъ пасъ мяккіе. —
 Говорилъ Владиміръ таково слово:
 «Да суди тѣ Богъ княгиня что въ любовь ты мнѣ
 пришла.
 «Да кабы ты княгиня не въ любовь пришла,
 «Да я срубилъ бы тѣ па плечъ да буйну голову,
 «Что при всѣхъ ты господахъ обезчестила.»
 Да снялъ-де Чурила съ этой бóльшину,
 Да поставилъ па бóльшину на иную,
 Да во ласковые зазывателп,
 Да ходитъ-де по городу по Кіеву,
 Да зазывать гостей во почестной инрь.
 Да премлады Чурило-то сынъ Плѣнковичъ,
 Да улицп идѣтъ да переулками,
 Да желтыми кудрями потрѣхиваетъ,
 А желтыя-ты кудри разсынаются.
 Да смотрячійсе-де па красоту Чурилову,
 Да старщи по кельямъ онаті*) оны деруть,

*) Такъ; не знаетъ что: «одѣжка, должно быть.»

А молодыи молодницы въ голенища сцать,
 Красныя дѣвки отселья (отъ селья?) деруть.
 Да смотрячѣсь-де на красоту Чурилову,
 Да прекрасная княгиня-та Апраксѣя
 Да еще говорила таково слово:
 — Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 — Да тебѣ-де не любить, а пришло мнѣ говорить,
 — Да премладому Чурилу сыну Плёнковичу,
 — Да на этой а ёму службы быть,
 — Да бити ёму во постельникахъ,
 — Да стлати ковры подъ насъ мягкіе. —
 Да видитъ Владиміръ что бѣда пришла,
 Да говоритъ-де Чурилу таково слово:
 «Да премлады Чурило ты сынъ Плёнковичъ!
 «Да больше въ домъ ты мнѣ не надобно.
 «Да хоша въ Кіевѣ живи, да хоть домой поди.»
 Да поклонѣ отдавъ Чурило да и вонъ пошолъ.
 Да вышелъ Чурило-то на Кіевъ градъ,
 Да напаялъ Чурило тамъ извончика,
 Да уѣхалъ Чурило на Почаѣй на рѣкѣ,
 Да и сталъ жить быть а вѣкъ корѣтати.
 Да мы со той поры Чурило въ стариннахъ ска-
 жёмъ,
 Да отнышѣ сказать а будемъ до вѣку.
 А ѣ диди диди дудай — болѣ всерѣдѣ не знай!

Записано тамъ же. 11 августа.

—
 224.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Наканушѣ было праздника Христова дни,
 Канушѣ-де честнаго Благовѣщенья,
 Вынадала порошица-де свѣтъ а молодѣй.
 По той-де порохѣ по бѣлому по снѣжку
 Да не бѣлый горносталя слѣды прометывалъ
 Ходилъ-де гулялъ уже кунавѣ молодець
 Да на имя Чурило сынъ Плёнковичъ.
 Да ронилъ ёнъ гвоздочки серебряныя
 Скобочки позолоченыя
 Да вслѣдъ ходя малые ребятушка
 Да собирали гвоздочки серебряныя,
 Да тѣмъ-де ребята головы кормятъ
 Да загулялъ-де Чурило ко Бермяты ко высокоу
 теремѣ.
 Да Бермяты во дому-де не случилось,
 Да одна Катерина прилучилась.
 Отворялось окошечко косивчатое,
 Не бѣлая лебѣдушка прокѣчала,

Говорила Катерина таково слово:
 «Да удалый дородній добрый молодець!
 «Да премлады Чурило ты сынъ Плёнковичъ,
 «Пожалуй ко мнѣ во высокъ терѣмъ.»
 Пришолъ-де Чурило во высокъ терѣмъ,
 Крестъ кладѣтъ по писаному,
 Да поклонѣ-отъ ведѣтъ по ученому,
 Клаиается да покланяется
 На всѣ чегире на сторонущи,
 Катерины Чурило и въ особину.
 Да брала Катерина-та доску хрустальною,
 Шахматы брала серебряныя,
 Да начали играть а съ имъ во шахматы.
 Говорила Катерина-та Микулнична:
 «Да премлады Чурило ты сынъ Плёнковичъ!
 «Да я тя поиграю, тебѣ Богъ проститъ,
 «А ты мени поиграешь, тебѣ сто рублей.»
 Да первой разъ игралъ Чурило ею матъ давалъ,
 Да взялъ съ Катерины денегъ сто рублей.
 Да другой-де разъ игралъ, да ей другой-де матъ
 давалъ,
 Да взялъ съ Катерины денегъ двѣсти рублей.
 Да третей-де разъ игралъ, да ей третей-де матъ
 давалъ,
 Да взялъ съ Катерины денегъ триста рублей.
 Да бросала-де Катерина доску хрустальною
 Да шахматы бросала-де серебряныя,
 Да брала-де Чурило за руки за бѣлыя,
 Да сама говорила таково слово:
 «Да ты премлады Чурилушко сынъ Плёнко-
 вичъ!
 «Да я не знаю играть съ тобою во шахматы,
 «Да я не знаю глядѣтъ на твою красоту,
 «Да на твои-ты на кудри на жѣлтые,
 «На твои-ты на персти на значеныя,
 «Да помѣшался у м'ня разумъ во буйной головѣ,
 «Да помутились у меня-де очи ясныя,
 «Смотрячѣсь-де Чурило на твою на красоту.»
 Да вела ево во ложню во тёплую,
 Да ложилъ спати во ложни тёплые,
 Да на мягку перину на пуховую,
 Да начали съ Чуриломъ забавляться.
 Да была у Бермяты-де дѣвка чернавка егѣ,
 Да ходитъ она по терему, шурчѣтъ да бурчѣтъ:
 --- Хороша ты Катерина дочь Микулнична!
 — Еще я пойду къ Бермяты, научу да намучу. —
 Да тово Катерина не пытаючи,
 Да во ложни съ Чуриломъ забавляется.
 Да пошла-де дѣвка во Божью церковь.
 Приходитъ-де дѣвка во Божью церковь,
 Крестъ-отъ кладѣтъ и по писаному,

Да поклонь-оть ведётъ по ученому,
 На вси стороны дѣвка поклоняется,
 Да хозяйну Бермяты-де въ особину:
 — Ласковой мой хозяйнушко!
 — Да старин Бермята сынъ Васильевичъ,
 — Да стоишь ты во церкви Богу молишься,
 — Надъ собой ты незгоды-то не вѣдаешь.
 — Да у тебя въ теремѣ есть уже гость гостить,
 — Да не званый-де гость а не приказываюй,
 — Да съ твоею-то женою забавляется. —
 Да говорил-де Бермята таково слово:
 «Да правду говоришь, дѣвка, пожалуй,
 «Да иѣтъ, тебѣ дуры срублю голову.»
 Говорила-де дѣвка таково слово:
 — Да маѣ сударь не вѣрнись, поди самъ а до-
 смотри. —
 Да пошоль-де Бермята изъ Божьей церкви,
 Да пришоль ко высокому ко терему,
 Да застучалъ во кольцо-де во серебряное,
 Спитъ Катерина не пробудится.
 Да застучалъ-де Бермята во второй наконь,
 Да спитъ Катерина не пробудится.
 Да застучалъ-де Бермята во третей наконь,
 Да изъ-за всей могутѣ де богатыескіе,
 Теремы-ты все да пошаталисе,
 Маковы поламалисе.
 Услышала Катерина та Микулчина,
 Да выбѣгала въ одной толенькой рубашечкѣ безъ
 пояса,
 Въ однихъ толенькихъ чулочкахъ безъ чеботовъ,
 Отпирала Катерина широкіе ворота,
 Зауцала Бермяту Васильевича.
 Говорилъ-де Бермята таково слово:
 — Что Катерина не спарядна идешь?
 — Сегодня у насъ вѣдь честной праздничекъ.
 — Честное Христово Благовѣщенье. —
 Да умѣ Катерина какъ отвѣтъ держать:
 «Да ласковой мой хозяйнушко:
 «Да старин Бермята сынъ Васильевичъ,
 «Да болитъ у м'ня буйная голова,
 «Онуцалась болѣсница ниже пуна и до пояса,
 «Да во тѣ ли во нижній черева,
 «Не могу хорошо я обрядитися.»
 Да пришоль-де Бермята во высокъ теремъ,
 Да увидѣлъ-де платье все Чурилово,
 Да шапка, сапоги да все Чурилово.
 Говорилъ-де Бермята таково слово:
 — Да хороша ты Катерина дочь Микулчина!
 — Да я этоѣ платье на Чурилы все видалъ. —
 Да умѣ Катерина какъ отвѣтъ держать:
 «Ласковой мой хозяйнушко,

«Старин Бермята сынъ Васильевичъ!
 «Да у моего роднаго у братска,
 «Да ковами съ Чурилой-то помѣняюсе,
 «Да цвѣтнымъ-то платьемъ побратаюсе.»
 Да того-де Бермята не пытаючи,
 Да беретъ-де со стонки саблю вострую,
 Да идеть-де Бермята въ ложню теплую.
 Да увидѣлъ Чурила на кровати слоповыхъ ко-
 стей,

На мяккой перинѣ на пуховые.
 Да не лучная зорюшка просвѣтила,
 Да вострая сабелько промѣхнула,
 Да не круцатая жемчужника скатиласе,
 Да Чурилова головушка свалиласе,
 Да бѣлые горохъ а разстипаласе,
 Да Чурилова кровъ-и проливаетсѣ,
 Да по той-де по сѣреды кирпичные
 Да Чуриловы кудри валяются.
 Да услышала Катерина та Микулчина,
 Да брала два пожа она, два вострые
 Становила ножи черенемъ во смру землю,
 Да разбѣгаласѣ на ножки на вострые,
 Да своею она грудью бѣлою.
 Да подрѣзала жилюе ходячей,
 Да выпустила кровъ-и ту горячую,
 Да ночнуло двѣ головушки,
 Да что хорошиѣ головы не лучшиѣ.
 Да старше Бермята сынъ Васильевичъ,
 Да дождался Христова Воскресенья,
 Да пропустилъ-де недѣлю ту онъ Свѣтлую.
 Старую дѣвку червавушку,
 Да беретъ ёю за правую за рученку,
 Да сводилъ-де дѣвку во Божью церковь,
 Да принялъ съ дѣвкой золотіе вѣнцы,
 Да сталъ жить быть да вѣкъ коротати.
 Да мы съ той норы Бермяту въ старинахъ ска-
 жемъ,
 Да премладаго Чурила сына Плѣшковича.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
 225.

Д Ю К Т.

Изъ славнаго города изъ Галича,
 Изъ Волынь земли богатые,
 Да изъ той Карелы изъ упрямые,
 Да изъ той Сарачины изъ широки,
 Изъ той Индѣи богатые,

Не ясе́нь соко́ль тамъ проле́тыва́ль,
 Да не бѣло́й вречетко вопъ выпорхива́ль,
 Да проѣ́халь уда́лой доро́днїи добро́й молоде́ць,
 Моло́дой боля́рской Дю́къ Степа́новичъ.
 Да на гу́ся ѣ́халь Дю́къ на лебе́дя,
 Да на сѣ́ру перпа́сту ма́лу ути́цу,
 Да изъ утра проѣ́халь де́нь до ве́чера,
 Да не наѣ́халь не́ гу́ся и не лебе́дя,
 Да не сѣ́рой перпа́стой ма́лой ути́цы.
 Да не разстре́лыва́ль вѣ́дь Дю́къ-отъ триста
 стре́ль,

Да триста стре́ль ровно́ три стре́льи,
 Голово́й-то кача́ть проговари́вать:
 «Да ве́сьм-то стре́ламъ я цѣ́ну знаю,
 «Только́ тре́мъ стре́ламъ цѣ́ны не вѣ́даю.
 «Почему́ эти стре́лы были доро́ги?
 «Да пото́му эти стре́лы были доро́ги,
 «На три гряно́чки были стре́лы строга́ни,
 «Да изъ той трестино́чки заморскі́е.
 «Да еще́ не тѣ́мъ стре́лы были доро́ги,
 «Что на три гряно́чки были стре́лы строга́ны,
 «Да тѣ́м-де были стре́лы доро́ги,
 «Перены́-де перо́мъ были сиза́ орла,
 «Не того́ орла сиза́ орловни́ча,
 «Да кото́рой лета́о по свято́й Русѣ,
 «Бьеть соро́къ, воро́нъ, черпую́ галци́у,
 «Да тово́-де орла сиза́ орловни́ча,
 «Да кото́рый лета́о по синю́ морю́,
 «Да и бьеть-де о́пъ гу́ся да и лебе́ди
 «И отлета́тъ сади́тся на бѣ́ль каменѣ́,
 «Ицплетъ ро́нитъ-де перы́ца орли́ные,
 «Да отме́тывать па́ море на сине́е.
 «Мимо́ ѣ́дутъ-де гости́ карабе́льщи́ки,
 «Да развозя́тъ тѣ́ перы́ца на ве́сьм орда́мъ,
 «По ве́сьм орда́мъ по ве́сьм укра́нналь,
 «Даря́тъ царей́ все́ царевни́чѣвъ,
 «Даря́тъ короле́й и короле́вничѣвъ,
 «Даря́тъ сильни́хъ могу́чихъ богаты́рѣвъ.
 «Да приша́л эти перы́а мнѣ́ въ да́ровахъ,
 «Оверилъ-де я э́тымъ перье́мъ три́ стре́лы.
 «Да еще́ не тѣ́мъ, братцы́, были стре́лы доро́ги,
 «Что перены́-де были перье́мъ е́щя́ орла, —
 «Да тѣ́м-де стре́лы были доро́ги:
 «Въ по́сь и въ пя́ты вти́раны ка́менья я́фалты.
 «Гдѣ́ стре́ла та ле́житъ, такъ отъ не́й лучъ не-
 чѣ́тъ,
 «Будто́ въ де́нь отъ красна́го отъ солны́шка,
 «Да въ но́чи то отъ свѣ́тлаго́ отъ мѣ́сяца.»
 Да собира́ль Дю́къ стре́лы во еди́нъ ко́лчанъ.
 Да дѣ́ло то вѣ́дь, братцы́, дѣ́ется:
 Да во ту́ ли во суббо́ту Велико́дѣ́ннью

Да приѣ́халь Дю́къ во сво́й Гали́чь гра́дь,
 Да ушли́ ко ве́черни ко Христо́вскі́е.
 Да пошо́ль Дю́къ ко ве́черни Христо́вскі́е,
 Отстоя́л ве́черню въ це́ркви Божі́ей,
 Да выходи́тъ-де Дю́къ изъ Божі́ей це́ркви,
 Ста́новился на кры́лечки перѣ́нше.
 Да выходи́тъ сво́ мату́шка изъ Божі́ей це́ркви,
 Да по́пизе́ненько Дю́къ покло́няется,
 Да желты́ма-гы́ кудря́ми до сы́рой земли́,
 Да и са́мъ говори́тъ тако́во сло́во:
 «Госуда́рыни ты свѣ́тъ а мо́я мату́шка!
 «Да на ве́сьхъ горо́дахъ, ма́тъ, мно́го быва́ю,
 «Да во горо́ди во Кі́евѣ не быва́ю,
 «Да Влади́мира кня́зя ма́тъ не ви́даю,
 «Да госуда́рыни кня́гини свѣ́тъ Апра́ксин.
 «Дай мнѣ́, мату́шко, проще́нье-блосло́вене́е —
 «Съѣ́здити во Кі́евъ гра́дь,
 «Пови́дати солны́шка кня́зя Влади́мира,
 «Госуда́рыню кня́гину свѣ́тъ Опра́ксию.»
 Говори́ла ему́ ма́тъ да тако́во сло́во:
 — Да свѣ́тъ ты моё́ чадо́ мило́е,
 — Да молодой ты боля́рской Дю́къ Степа́новичъ!
 — Да не ѣ́зди-тко ты уже́ во Кі́евъ гра́дь.
 — Да живу́тъ тамъ лю́ди все́ лука́вые,
 — Изведу́тъ те́бя добра́го молодца́,
 — Бывъ хоро́ша пали́вного я́блока. —
 Да говори́лъ Дю́къ матери́ отвѣ́тъ держа́ль:
 «Да госуда́рыни мо́я ты родна́ мату́шка!
 «Да да́сі ма́тъ проще́нье — поѣ́ду я́,
 «И не да́сі ма́тъ проще́нья — поѣ́ду я́.»
 Да да́вала мату́шка проще́ніе́,
 Да мату́шкино́ благосло́вене́е,
 Да́вала мату́шка па́сто́вкы шелково́у.
 Да покло́нъ отда́лъ Дю́къ про́чь пошо́ль,
 Да ходи́лъ па́ ко́нющю́ стоя́лую,
 Да выби́ралъ же́ребца себѣ́ пеѣ́зжана́,
 Да изо́ ста́ бра́лъ да изъ тыся́чи,
 Да и выби́рал себѣ́ буру́шка ко́сматаго́.
 Да у буру́шка шорсто́чка тре́хъ па́дей,
 Да у буру́шка гри́ва была́ тре́хъ локотѣ́,
 Да и фостѣ́-отъ у буру́шка тре́хъ сажѣ́нь.
 Да узда́лъ узду́ ему́ те́чмяную́,
 Да сѣ́длалъ ѣ́нь сѣ́делы́шко черка́сское,
 Да на́кипу́лъ по́ноу не́стряди́ннью,
 Да строче́на была́ по́нона въ три стро́ки:
 Да перва́я стро́ка краси́мъ золо́томъ,
 Да друго́я стро́ка чисти́мъ се́ребромъ,
 Да третья́ стро́ка мѣ́дью ка́заркою́ (sic).
 Да кото́ра-де была́ ка́зарка мѣ́дь,
 Да подо́роже ходи́тъ злата́ и сере́бра,
 Да не доро́га узда́ была въ цѣ́лу тыся́цу,

Да не дорого сѣдѣлко во двѣ тысячи,
 Да понона та была во три тысячи.
 Снарядилъ-де Дюкъ лошадь богатырскую,
 Да отходить прочь самъ поглядывать,
 Да поглядывать Дюкъ поговаривать:
 «Да и конь ли лошадь, али лютой звѣрь,
 «Да съ-подъ-наряду добра коня не видѣти.»
 Да въ торока ты кладѣть платя цвѣтныи,
 Въ торока ты кладѣть калены стрѣлы,
 Да въ торока ты кладѣть золоту казну,
 Да скоро дѣтина забиратся.
 Забирался-де скоро на коня ли самъ сѣлъ,
 Хорошо-де подъ нимъ добрый конь новыско-

чпль,

Черезъ стѣну маше прямо городовую,
 Черезъ високу башню наугольнюю.
 Да хорошо-де пошелъ въ поле добрый конь,
 Да мети-ты мече опъ нѣ версты,
 Да мети-ты мече по двѣ версты,
 Да по двѣ по три по няти-де вѣрстгъ.
 Да повыше идѣтъ дерева жаровчата,
 Да пониже иде облака ходячего,
 Да онъ рѣки озѣра межу ногъ пустилъ,
 Да гладкіе мхи перескакивалъ,
 Да синее-то море кругомъ-де пѣсь.
 Да налетала на молодца Горынь-змѣя,
 Да о двѣнадцати зла де ли о хоботахъ,
 Да и хочеть добра коня огнѣмъ пожечь.
 Да добрый конь у змѣи ускокивалъ,
 Да добра молодца у смерти унашивалъ.
 Да налегаль тутъ на молодца лютой звѣрь,
 Да хочеть добра коня живкомъ слотитъ,
 Да со боярскимъ со Дюкомъ со Степановымъ.
 Да доброй конь у звѣря ускокивалъ,
 Добра молодца у смерти унашивалъ.
 Да налетало на молодца стадо грачѣвъ,
 Да по нашему стадо черныхъ вороновъ,
 Да хотять они молодца расторгнути.
 Да доброй конь у грачѣвъ ускокивалъ,
 Добра молодца у смерти унашивалъ.
 Да и тѣ заставы Дюкъ проѣхаль вси,
 Да на заставу пріѣхаль на четвертую.
 Да край пути стоить во поли бѣль шатѣръ,
 Во шатрѣ-то спить могучъ бѣгатырь,
 Да старой-де казакъ Илья Муромецъ.
 Да пріѣхаль-де Дюкъ ко бѣлу шатру,
 Да не съ разума слово згѣворилъ:
 «Да кто-де тамъ спить во бѣломъ шатрѣ,
 «Да выходи-ко съ Дюкомъ поборотися.»
 Да вставас Илья на чеботы сафьянныи,
 Да на сини чулки кармазинныи,

Да выходитъ старикъ изъ бѣла шатра,
 Да самъ говоритъ таково слово:
 — Да я смѣю-де съ Дюкомъ поборотися,
 — Поотвѣдаю-де Дюковой-то храбрости. —
 Да одолила-де страсть Дюка Степанова,
 Да падалъ съ коня Ильи во рѣзвы ноги,
 Да и самъ говорилъ а таково слово:
 «Да одно у насъ на небеси-де солище красное,
 «Да одинъ на Руси-де могучъ бѣгатырь,
 «Да старѣй-де казакъ Илья Муромецъ!
 «Да кто-де съ нимъ смѣя поборотися,
 «Тотъ боками отвѣдать матки тупъ-травы» (sic).
 Да Ильи эти рѣчи полюбилисе,
 Да и самъ говорилъ а таково слово:
 — Да ты удалый дородній доброй молодець,
 — Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 — Да ты будѣшь во городи во Києви,
 — Да живутъ тамъ вѣдь люди все лукавыи,
 — Да и стануть налегать на тѣбя молодца,
 — Да ты ниши ярлыки скороничаты,
 — Да ко стрѣламъ ярлыки приченатывай,
 — Да разстрѣливай стрѣлы во чистѣ поле.
 — У меня-де летас младъ ясѣнь соколъ,
 — Да собираетъ-де все стрѣлы со чиста поля.
 — Да пособлю-де я, дѣтина, твоему горю. —
 Да поклонъ отдалъ Дюкъ на коня ли самъ сѣлъ,
 Да поѣхаль ко городу ко Києву.
 Да пріѣхаль опъ вѣдь во Києвъ градъ,
 Черезъ стѣну маше прямо городовую,
 Да черезъ високу башню наугольнюю,
 Да пріѣхаль ко палаты княженецкіе.
 Соходилъ опъ со добра коня,
 Да оставливалъ опъ добра коня
 Неприкована ево да непривязана,
 Да пошолъ-де Дюкъ во высокъ терѣмъ.
 Да приходитъ Дюкъ во высокъ терѣмъ,
 Крестъ-отъ кладеть по писаному,
 Да поклоны ведеть по учѣному,
 На все стороны Дюкъ поклоняется,
 Желтыма-ты кудрями до сырой земли.
 Владимира въ домъ не случилосе,
 Да однѣ какъ тутъ ходя люди стряпчѣ.
 Говоритъ туто Дюкъ таково слово:
 «Да вы стряпчѣ люди все дворецкіе!
 «Да гдѣ у васъ солнышко Владиміръ князь?»
 Говорять ему люди стряпчѣ:
 — Да ты удалой дородній доброй молодець!
 — Да изученье *) мы видимъ твое полноѣ,
 — Да не знамы теби ни имени ни вѣщныи.

*) Образование.

— У насъ Владиміра въ домѣ не случилось,
 — Да ушолъ ко заутрени Христовскіе. —
 Да больше Дюкъ не разговаривалъ,
 Да выходилъ онъ на улицу паратную,
 Да садился Дюкъ на добра коня,
 Да прїѣхалъ къ собору Богородицы.
 Соходилъ-де Дюкъ со добра коня,
 Да оставивалъ онъ добра коня
 Исприкована сво да испривязала,
 Да зашолъ-де Дюкъ во Божью церковь.
 Да крестъ-отъ кладѣтъ по писаному,
 Поклонъ ведѣтъ по ученому,
 Да на всѣ стороны Дюкъ а поклоняется,
 Желтыма-ты кудрями до сырой земли.
 Стаповился подлѣ князя Владиміра,
 Промежду-де Бермяты Васильевича,
 Промежду-де Чурила сына Плѣнковича,
 Да кланяется да поклоняется,
 Да на платьѣ-де часто самъ посматривать.
 «Да ногада-та братцы была вѣшная,
 «Да я ѣхалъ мхамн да болотамн,
 «Убрызгалъ-де я свое платьѣ цвѣтное.»
 Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово:
 — Да скажись-ко удамый дородній добрый моло-
 дець!

— Ты коей орды да коей земли,
 — Тебя какъ молодеца зовутъ по имени? —
 «Да есть я изъ города изъ Галича,
 «Изъ Волынъ-земли изъ богатые,
 «Да изъ той Карелы изъ упрямые,
 «Да изъ той Сорочины изъ широкіе,
 «Да изъ той Индѣи богатые,
 «Молодой-де боярской Дюкъ Стенановичъ,
 «Да на славу прїѣхалъ къ тебѣ во Кіевъ градъ.»
 Говорилъ-де Владиміръ таково слово:
 — Да скажи удамый дородній добрый молодець!
 — Да давно ли ты изъ города изъ Галича? —
 Говорилъ-де Дюкъ ему отвѣтъ держитъ:
 «Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да вечерню стоялъ я въ славномъ Галичѣ,
 «Да ко заутрени пошѣлъ къ тебѣ во Кіевъ
 градъ.»

Говорилъ-де Владиміръ таково слово:
 — Да дѳроги ли у васъ кони въ Галичѣ? —
 Да говорилъ Дюкъ Владиміру отвѣтъ держалъ:
 «Да есть у насъ кони, сударь, но рублю,
 «Да есть сударь кони но два рубли,
 «Да есть по сгу, по два, по пяти-де сотъ.
 «Да свосему-де я добру коню цѣны не знай,
 «Да я цѣны не знай, бурку не вѣдаю.»
 Говорилъ-де Владиміръ таково слово:

— Слушайте, братцы князи бояра!
 — Да кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
 — Да отъ Кіева до Галича много ль разстоянія? —
 Говорятъ ему князи да и бояра:
 «Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да окольней дорогой — на шесть мнѣяцевъ,
 «Да прямой-то дорогой — на три мнѣяца.
 «Да были бы-де кони перемѣнные,
 «Съ коня-де на конь перескакивать,
 «Изъ сѣдла въ сѣдло лишь перемакивать.»
 Да говорятъ ему князи да и бояра:
 «Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да не быть тутъ Дюку Степанову,
 «Тако быть мужичѣнку засельщныи,
 «Да засельщныи быть деревеньщныи.
 «Да жилъ у купца гости торговаго,
 «Да укралъ уиѣсь платьѣ цвѣтное.
 «Да жилъ у иного боярина,
 «Да угналъ у боярина добра коня,
 «На иной городъ прїѣхалъ и красуется,
 «Надъ тобой-то княземъ падемѣхастся,
 «Да надъ нами боярами проишастся.»
 Да отстояли оны заутрину въ церкви Божіей,
 Да съ обиднею да свѣтъ честныи молебныи.
 Выходили на улицу паратную,
 Да на улицѣ стоитъ народу и смѣты вѣтъ,
 Да смотрятъ на лошадей богатырскую,
 На сво-то снаряды молодецкіе.
 Да садились ѣны-де по добрымъ конямъ,
 Да поѣхали къ высокому терему.
 Да ѣдетъ-де Дюкъ головой качать,
 Головой-то качать проговаривать:
 — Да у Владиміра все а не по нашему.
 — Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
 — Да у моеи-то сударыни у матушки,
 — Да мощѣны-де были мосты все дубовые,
 — Сверху стланы-де сукна багрецовые.
 — Наперѣдъ-де пойдутъ у насъ лонатники,
 — За лонатниками пойдутъ и метельщники,
 — Очищаютъ дорогу сукна стланаго.
 — А твои мосты, сударь, неровныи,
 — Неровныи мосты да все сосновыи. —
 Да прїѣхали оны къ широкому двору,
 Головой-то качать Дюкъ проговаривать:
 — Да хороша была слава на Владиміра,
 — Да у Владиміра все де не по нашему.
 — Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
 — Да у моеи-то сударыни у матушки,
 — Надъ воротами было рамъ до семидесятъ.
 — А у Владиміра того-де не случилось,
 — Да одна та икона была мѣстная. —

Да заѣхали оны на широкой дворъ,
 Да головой качать Дюкъ проговаривать:
 — Да хороша была слава на Владиміра,
 — У Владиміра-де всё а не по нашему.
 — Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
 — Да у моей сударыни у матушки,
 — На дворѣ стояли столбы всё серебряны,
 — Да продѣрнуты кольца позолочены,
 — Разоставлена сятá медвѣчал,
 — Да насыпано пшени-то бѣлоярыс,
 — Да е что добрымъ колямъ нитъ-ѣсть-ку-
 шати,
 — А у тебя Владиміръ того-де не случилось. —
 Да зашли-де оны во высокъ терѣмъ,
 Да сядились за столы за бѣлодубовы,
 Попесли-де по чаркѣ зелена вина. ¹
 Да молодой боярской Дюкъ Степановичъ
 Головой-то качать проговаривать:
 — Да хороша была слава на Владиміра,
 — У Владиміра-де всё а не по нашему.
 — Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
 — У моей-то сударыни у матушки,
 — Да глубокіе были погребы,
 — Сорока-де сажоць въ землю копаны.
 — Зелено вино на цѣняхъ виситъ на серебря-
 ныхъ,
 — Да были въ поле то трубы понавѣдени.
 — Да поѣсть-де вѣтѣрь изъ чиста поля,
 — Да пропоситъ зѣтохолъ великую,
 — Да цару тѣ пѣснь другая хочется,
 — Да безъ третьей чары минутъ нельзя.
 — А твое, сударь, горько зелено вино,
 — Да пахнетъ та зѣтохолъ великую. —
 Попесли послѣднюю ѣству — колачки круп-
 щаты.

Говорилъ-де Дюкъ таково слово:
 — Хороша была слава на Владиміра,
 — У Владиміра-де всё а не по нашему.
 — Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
 — У моей-то сударыни у матушки.
 — Да калачикъ съѣй а другаго хочется,
 — А безъ третьего да минутъ нельзя.
 — Да твои, сударь, горькіе калачики,
 — Да пахнутъ ѣны на фою сосновую. —
 Да тутъ-то Чурилу стало зѣзорко,
 Да и самъ говорилъ таково слово:
 «Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да когда правдой дѣтина похваляется,
 «Дакъ пусть ударить со мной о великъ закладъ:
 «Щапитъ-баситъ по три года
 «По стольному городу по Кіеву,

«Надѣвать платя на разъ, на другой не пере-
 паншивать.»

Порокъ поставилъ пятьсотъ рублей:
 Который изъ ихъ а не перещанитъ,
 Взять съ того пятьсотъ рублей.
 Премладн Чурилу слыъ Плёнковичъ,
 Обуть сапожки-ты зеленъ сафьянъ,
 Носы — шило, а пятá — востра,
 Подъ пята хоть соловей лети,
 А кругомъ пята хоть лицо кати.
 Да падѣлъ ѣшь шубу-ту купеческу,
 Да во пуговкахъ лѣты добры молодцы,
 Да во петелькахъ ниты красны дѣвнцы,
 Да паложилъ ѣшь шапку черну мурмашку,
 Да ушпесту-пушпесту и завѣспегу,
 Спереди-то не видно лѣпѣхъ очей,
 А сзади не видно шеп бѣлес.
 А молодой боярской Дюкъ Степановичъ
 Да по Кіеву онъ не снаряженъ шоль:
 Обуты-то у его лапѣтци-ты семі шелковъ,
 И въ этын лапѣтци были вилѣтаны
 Каменья всё яфонты.
 Да который же камень самоцѣтные
 Стоитъ гóрода всего Кіева,
 Опришно *) Знаменья Богородицы,
 Да опришно прочихъ святителей.
 И надѣта была у его шуба-та расхожая,
 Во пуговкахъ лѣты люті звѣри,
 Да во петелькахъ ниты люті змѣи.
 Да бралъ онъ Дюкъ матушкино благословеніе,
 Плѣтеньку шольковую:
 Да подѣрнулъ Дюкъ-отъ по пуговкамъ,
 Да заревѣлъ по пуговкахъ люті звѣри;
 Да подѣрнулъ Дюкъ-отъ по петелькамъ,
 Да заснигали во петелькахъ люті змѣи.
 Да отъ тово-де рѣву отъ звѣринаво,
 И отъ тово-де свисту отъ змѣиново,
 Да въ Кіевн старой и малой на земли лежить.
 Токо (sic) малыс люди оставалис,
 Да за Дюкомъ всёмъ городомъ Кіевомъ качну-
 лисе.
 — Тебѣ спасибо удалый дородній добрый моло-
 дець!
 — Перещанитъ ты Чурилу сына Плёнковича. —
 И тогда взялъ онъ съ Чурилу пятьсотъ рублей,
 Да купилъ на пятьсотъ зелена вина,
 Да напоилъ онъ голей кабацкихъ всёхъ до нѣла,
 Тогда всё тутъ голн зрадовалис.
 Тутъ еще Чурилу стало зѣзорко,

*) т. е. крокъ.

Да самъ говорилъ таково слово:
 «Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Когда же правдой дѣтина похваляется,
 «Да пошлѣмъ мы туда перенесчика,
 «Во славную во Волинь землю.»
 — Кого намъ послать перенесчикомъ? —
 «Да пошлѣмъ мы Добрынюшка Микитѣвича.»
 Да поѣхалъ Добрыня во Волинь землю,
 Во славной во Галичъ градъ,
 Житія его богатства описывать.
 Да нашолъ онъ три высоки три терема,
 Не видалъ теремовъ такихъ на сѣмъ свѣтѣ.
 Зашолъ Добрыня во высокъ терѣмъ,
 Да сидитъ жена стара матера,
 Мало шолку вся въ золотѣ.
 Говорилъ-де Добрынюшка Микитѣвичъ:
 — Ты здравствуй Дюкова матушка!
 — Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
 — По-низку велѣлъ поклонъ поставити. —
 Говорила жена стара матера:
 «Удалой дородній добрый молодець!
 «Изученье вижу твоѣ полноѣ,
 «Да не знай тебѣ ни имени ни вотчины.
 «А я не Дюкова здѣсь а есть вѣдь матушка,
 «А Дюкова здѣсь а есть поргомойница.»
 Да тутъ Добрыня стало зѣорко,
 Отъѣзжалъ-де Добрыня во чисто полѣ,
 Да просыпалъ Добрыня почку темную.
 На утро пріѣхалъ онъ во Галичъ градъ,
 Да нашолъ три высоки три терема,
 Не видалъ теремовъ такихъ на сѣмъ свѣтѣ.
 Да зашолъ-де Добрыня во высокъ терѣмъ,
 Да сидитъ жена стара матера,
 Мало-де шолку вся въ золотѣ.
 Говорилъ-де Добрыня таково слово:
 — Ты здравствуй Дюкова матушка!
 — Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
 — По-низку велѣлъ поклонъ поставити. —
 Говоритъ жена стара матера:
 «Удалый ты дородній добрый молодець!
 «Я не знай тебѣ ни имени ни вотчины.
 «Да не Дюкова здѣсь а есть я матушка,
 «А Дюкова здѣсь а есть я божатушка.
 «Не найти тебѣ здѣсь Дюковой матушки.
 «У насъ на утро Христово Воскресеніе,
 «Да ты стань на дорогу прешнехтливую,
 «Гдѣ-ка стланы сукна багрецовые.
 «Панерѣдъ пойдугъ у насъ лопатники,
 «За лопатниками пойдугъ метельники,
 «Очищаютъ дорогу сукна стланаго,
 «Да къ ты стань на дорогу прешнехтливую.

«Да пойдѣтъ тутъ Дюкова-та матушка.»
 Да тутъ Добрыня стало зѣорко,
 Отъѣзжалъ Добрыня во чисто полѣ,
 Просыпалъ Добрыня почку темную.
 На утро пріѣхалъ онъ во Галичъ градъ,
 Да сталъ на дорогу прешнехтливую,
 Гдѣ-ка стланы сукна багрецовые.
 Панерѣдъ пошли тутъ лопатники,
 За лопатниками пошли метельники,
 Да очищаютъ дорогу сукна стланаго.
 Потомъ пошла уже толпа-де вдовъ,
 Пошла тутъ Дюкова-та матушка.
 То умѣтъ дѣтина поклонятися
 Желтымъ кудрями до сырой земли.
 — Ты здравствуй Дюкова же матушка!
 — Тебѣ сынъ послалъ челобитіе,
 — По-низку велѣлъ поклонъ поставити. —
 Говорила Добрыня мати таково слово:
 «Скажи ты удалый дородній добрый молодець,
 «Я не знай тебѣ ни имени ни вотчины,
 «А изученье вижу твоѣ полноѣ.
 «У насъ сегодня Христово Воскресеніе,
 «Пойдѣмъ со мной во Божью церковь,
 «Простой ты обѣдию воскресенную.
 «Заберу молодца тебя въ высокъ терѣмъ,
 «Наную накормлю хлѣбомъ солию.»
 Простояли обѣдию въ церкви Божесей,
 Забрала молодца во высокъ терѣмъ,
 Понтъ и кормитъ да много чествуетъ.
 Да преладилъ Добрынюшка Микитѣвичъ
 Выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
 Да самъ говорилъ таково слово:
 — Да государыни ты Дюкова матушка!
 — Да я вѣдь пріѣхалъ не тебя смотрѣть,
 — Житія твоего богатства описывать;
 — Призахвастался сынъ твой богатствомъ. —
 Да брала старуха золоты ключи,
 Да привела его въ погребы темные,
 Гдѣ-ка складена деньга не хожалая.
 Смекать Добрыня много времени,
 Да не могъ онъ деньгамъ и смѣти дать.
 Да привела его въ амбары мугазенные.
 Гдѣ-ка складены товары заморскіе.
 Да смекать Добрыня много времени,
 Не могъ товарамъ онъ смѣти дать.
 Да сядилъ Добрыня на ремешчатъ стулъ,
 Да исеалъ ярлыкн скоронпечатн,
 Да самъ говорилъ таково слово:
 — Да намъ съ города изъ Кіева,
 — Да везти бумаги на шести возахъ,
 — Да чернилъ-то везти на трѣхъ возахъ,

— Да описывать Дюково богатство,
 — Да не описать будётъ. —
 Да процался Добрыня-то съ Дюковой матушкой,
 Да садился Добрыня на добра коня,
 Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
 Пріѣхалъ онъ въ славный Кіевъ градъ,
 Да ко князю Владиміру,
 Ярлыкн на дубовъ столъ клалъ,
 Словесно-то больше самъ розказывать.
 Тогда Дюкова правда сбывается,
 Да будто вѣшная вода розливается.
 Да еще тутъ Чурилу стало зѣворко,
 Да самъ говорилъ таково слово:
 «Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 «Да когда же правдой дѣтина похваляется,
 «Дакъ пусть со мной ударить о великъ закладъ:
 «Скакать на добрыхъ коней,
 «За матушку Почай рѣку,
 «И пазадъ на добрыхъ коняхъ отскакивать.»
 И ударилсъ ёнъ о великъ закладъ.
 Да не о стѣ они и не о тысячѣ,
 Да ударилсъ онъ о своихъ о буйныхъ головахъ:
 Который изъ пхъ не перескочить,
 Дакъ у тово молодца голова срубить.
 Премладшн Чурило-то сынъ Плѣнковичъ,
 Выводилъ-де Чурило тридцать жеребцовъ,
 Изъ тридцати выбиралъ-де самолучшаго.
 Да разганивалъ да онъ разѣзживалъ,
 Изъ далѣча далѣча изъ чиста поля,
 Да скакалъ-де за матушку Почай рѣку.
 Молодой-отъ боярской Дюкъ Степановичъ,
 Да не разганивалъ да не разѣзживалъ,
 Да съ крутого берегу коня своего приправливалъ,
 Да сконилъ-де за матушку Почай рѣку,
 И пазадъ на добромъ конѣ отскакивалъ,
 И Чурила къ крутому берегу притягивалъ.
 Тогда выдѣргивалъ Дюкъ-отъ саблю вострую,
 Да хотѣлъ ему срубить буйну голову.
 Тогда ветунилъ князь и со княгиною,
 Говорили Дюку Степанову:
 — Удалий дородній добрый молодецъ!
 — Не руби ты Чурилу буйной головы,
 — Да спусти ты Чурила на свою волю. —
 Тогда Дюкъ-отъ инчалъ Чурила правой ногой,
 Да улегълъ Чурило во чиста полѣ,
 Да самъ говорилъ таково слово:
 «А й де ты Чурило сухопогіе!
 «Да поди щани съ дѣвками да съ бабамн,
 «А съ нами съ добрымъ молодцамн.»
 Да процается Дюкъ-отъ со княземъ Владиміромъ,
 Съ государыню княгиною Апраксей:

«Да простите вы бояра всѣ Кіевски,
 «Всѣ мужики огородники,
 «Да спомпайте вы Дюка вѣки на вѣки.»
 Да садился Дюкъ на добра коня,
 Да уѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ,
 Ко своей-то матушки сударыни,
 Да сталъ жить быть, вѣкъ коротати.

Записано тамъ же. 11 и 12 августа.

—
 XLIV.

В О И Н О В Ъ.

Петръ Андреевичъ Воиновъ, крестьянинъ дер. Рыжкова на Свиномъ озерѣ (у Кен-озера), высокій статный мужикна 59 лѣтъ, земледѣлецъ; въ молодости жывалъ въ работникахъ у кенозерскихъ крестьянъ, между прочими — у Павла Семеновича, отца Сивцева (XLIII), отъ котораго и перенялъ нѣкоторыя былинны; другимъ онъ научился отъ старика Захара Андреева, жившаго въ сосѣдней съ нимъ избѣ и запинаягося плетеньемъ стѣгей; а этотъ Захаръ Андреевъ въ свою очередь научился былиннамъ отъ того же Павла Сивцева. Петръ Воиновъ поетъ очень пріятнымъ голосомъ и складно; замѣчательно при этомъ, что былинны у него не подверглись искаженіямъ, которыхъ можно бы было ожидать отъ обстоятельствъ его жизни: Воиновъ былъ долго въ Петербургѣ и служилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ въ артедьщникахъ; во время крымской войны поступилъ въ ополченіе, гдѣ ему досталась честь быть знаменосцемъ. По окончаніи похода, онъ возвратился на родину и сталъ крестьянствовать.

—
 226.

ИЛІЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Изъ славнаго города изъ Кіева,
 Выѣзжало двѣ поляницы двѣ удалые
 А два сильные могучіе богатыря.
 Выѣзжали молодцы-де на Фаворъ-гору,
 Розвернули молодцы бѣлой шатѣрь,
 Проспали-то дологъ день до вечера,
 Да темную ночь да до бѣла свѣту.

По утру на збрюшки на утреной,
Пробуждается старіе казакъ да Илья Муромецъ.
Говорилъ Илья да таково слово:

«Ставай-ко Добрынюшка Микитьевичъ!
«Да что у насъ надъ бѣлымъ шатромъ да сдѣла-
лось?»

«Налетѣла вѣщая птица у насъ чѣрный врагъ,
«Жалобнѣшенько да онъ прокрѣпывать,
«Видно сказывать онъ вѣсточку перадостну.

«Не проѣхала ли поляница тутъ удалая,
«Ли не звѣрь ли подходитъ подъ добрыхъ коней?»

Выставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра,
Поглядѣлъ на дорожку прямоѣзжую,
Увидѣлъ въ чистомъ поли богатыря.

А ѣде богатырь на добромъ кони,
Его храбрая поѣздка молодецкая,
А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,

Скокі-ты онъ скаче по цѣлой версты,
Слѣдкн-ты какъ доброй конь вымѣтывать
По цѣлой овчини по барановой,

Изъ рта у добра коня пламя машѣ,
Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
Изъ ушей у коня да въ кудряхъ дымъ стаѣтъ.

У богатыря шишакъ на головы-де какъ огонь го-
рнтъ,

А узда на кони да какъ лучи пекутъ,
Отъ стремени его да звѣзды сыплются,
Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаѣтъ,
Зоря стаѣтъ да ровнио утренна.

У лѣва стремена борзой кобель проскакнвать,
На правомъ стремени сидѣть-то младъ сизой
орѣль,

Поѣ орѣль да все насвистывать,
Улещать, спотѣшаеъ онъ богатыря.

А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелѣты-
вать,

Да изъ уха въ ухо да вистн перенашивать.
Сидитъ богатырь на добромъ конѣ самъ тѣшитса,

Нпбаетъ палочку подъ облака,
А назадъ-то палка онущается,

Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
До сирой земли не допускаючи.

Подходить подъ коней у нхъ лютой звѣрь,
Забералъ Добрыня коней ко бѣлу шатру,

Насыпалъ пшеиа да бѣлоярова.
Заходилъ Добрыня во бѣлой шатѣръ,

Говорилъ Добрыня таково слово:
— Ужъ ты старіе казакъ да Илья Муромецъ!

— Проѣзжала поляница тутъ удалая,
— Проѣзжалъ богатырь на добромъ конѣ.

— Его храбрая поѣздка молодецкая
— А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
— Скокі-ты онъ скаче по цѣлой версты,

— Слѣдкн-ты какъ доброй конь вымѣтывать
— По цѣлой овчини по барановой,
— Изъ рта у добра коня пламя машѣ,

— Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
— Изъ ушей у коня да въ кудряхъ дымъ стаѣтъ,
— У богатыря шишакъ на головы-де какъ огонь

горнтъ,
— А узда на кони да какъ лучи пекутъ,

— Отъ стремени его да звѣзды сыплются,
— Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаѣтъ,

— Зоря стаѣтъ да ровнио утренна.
— У лѣва стремена борзой кобель проскакнвать,

— На правомъ стремени сидѣть-то младъ сизой
орѣль,

— Поѣ орѣль да все насвистывать,
— Улещать, спотѣшаеъ онъ богатыря.

— А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелѣ-
тывать,

— Да изъ уха въ ухо да вистн перенашивать.
— Сидитъ богатырь на добромъ конѣ самъ тѣ-
шитса,

— Нпбаетъ онъ палочку подъ облака
— А назадъ-то палка онущается

— Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
— До сирой земли не допускаючи.

— Подходилъ подъ коней у насъ лютой звѣрь,
— Забиралъ я коней ко бѣлу шатру,

— Насыпалъ пшеиа да бѣлоярова.
Говорилъ Илья да таково слово:

«Да а й ты Добрынюшка Микитьевичъ!
«Саднсь-ко ты да на добра коня,
«Поѣдь-ко ты да всѣдь съ угоною.»

Говорилъ Добрыня таково слово:
— Ужъ ты старіе казакъ да Илья Муромецъ!

— Мнѣ не дать на богатыря вѣдь напуску. —
Говорилъ Илья да таково слово:

«Ты худая поляница ты удалая!
«Выѣзжалъ ты въ чистѣ полѣ поляковать,
«Какъ наѣдешъ въ чистомъ поли сильнйя себя,
«А какъ съ тѣмъ ты будешъ бой держать,
«Али ты ему будешъ покоръ держать?»
«Поѣдь къ жены да къ своей матери,
«А ты мнѣ въ товарищи не надобно.»

А уздалъ Илья да тутъ добра коня,
Сѣдлалъ Илья да своего коня,

Садилса Илья да на добра коня,
Поѣхалъ Илья да всѣдь съ угоною.

Настигъ онъ богатыря въ чистомъ поли,

А ѣде богатырь на добромъ кони,
Его храбрая поѣздка молодецкая,
А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
Скоки-ты онъ скаче по цѣлой вереты,
Слѣдн-ты какъ доброй конь вымѣтывать
По цѣлой овчипи по барановой,
Изъ рта у добра коня пламя машѣ,
Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
Изъ ушей у коня да въ кудряхъ дымъ стаѣтъ.
У богатыря шпикакъ на головы-де какъ огонь горитъ,

А узда на кони да какъ лучи пекутъ,
Огъ стремени его да звѣзды сыплются,
Огъ сѣдла у него-де какъ зоря стаѣтъ,
Зоря стаѣтъ да ровно утренна.
У лѣва стремена борзой кобель проскакивать,
На правомъ стремени сидѣть-то младъ синзѣй орѣлъ,

Поѣ орѣлъ да всё насвистывать,
Улещать, спотѣнаеть онъ богатыря.
А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелѣтывать,

Да изъ уха въ ухо да вѣсти перенашивать.
Сидитъ богатырь на добромъ конѣ самъ тѣшитя,
Шибѣаетъ палочку подъ облака,
А назадъ-то палка опускается,
Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
До сырой земли не допускаючи.
Тутъ Илья да пораздумался.

«Да и что мнѣ съ богатыремъ да будетъ дѣлати?
«Мнѣ-ка битися драться не стоять будѣ,
«А назадъ отѣхатъ дакъ не честь не слава молодецкая:

«Что настигъ я богатыря въ чистомъ поли,
«Да тутъ мнѣ съ богатыремъ не свидѣться,
«Не свидѣться не поздороваться.»

Зарыкалъ Илья да по звѣрному,
Засвисталъ Илья да по змѣнному,
Подъ богатыремъ конь да на колѣна палъ,
Говорилъ богатырь таково слово:
— Ты мой доброй конь, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой доброй конь шаранишься,
— Пужаешься крику ворошпаго,
— Налетѣла ворона порозгралась.»

А ѣде богатырь не оглянется,
Впередъ богатырь подавается.
Во-второй разъ зарыкалъ Илья да по звѣрному,
Засвисталъ Илья да по змѣнному,
Подъ богатыремъ конь да на колѣни палъ.
Говорилъ богатырь таково слово:
— Ты мой доброй конь, да травяной мѣшокъ!

— Чего ты мой доброй конь шаранишься,
— Пужаешься крику ворошпаго.
— Налетѣла ворона порозгралась. —
Да ѣде богатырь не оглянется,
Впередъ богатырь подавается,
Да во третій разъ зарыкалъ Илья да по звѣрному,
Засвисталъ Илья да по змѣнному.
Подъ богатыремъ конь да на колѣна палъ,
Ударилъ богатырь тутъ добра коня да по тучнымъ бедрямъ.

— Ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой доброй конь шаранишься,
— Пужаешься крику ворошпаго,
— Видно мнѣ ворошпн да въ колопу-де быть. —

Обворачивалъ богатырь тутъ добра коня,
Поѣхалъ на стрѣту къ Ильи Муромцу.
Они стали добры молодцы съѣзжатисе.
Будто двѣ сильнии горы вмѣсто свалилисе,
Будто два сильнии ободока вмѣсто солетѣлисе:
Два богатыря вмѣсто съѣзжалисе,
Они палками молодцы ударилисе,
А палеи до рукъ поломалисе.
Да и коньями мѣлодцы ударилисе,
А и конья въ кольцахъ попригнулисе,
А другъ-то друга вѣдь не ранили,
Да оба изъ сидѣлъ вопъ выпалили.
Пошли какъ онѣ на рукопашной бой,
Пошибъ-то богатырь Илью Муромца.
Садилса богатырь на бѣлы груди,
Вынималъ ножнице-то кнпжалнице,
Ево ладитъ поротъ да груди бѣлые.
Говорилъ Илья да таково слово:

«Скажисе удалой доброй молодецъ!

«Ты коей земли, да ты коей орды,

«Коего отца, да чьѣи матери?»

Говорилъ богатырь таково слово:

— А чортъ тебѣ мѣртвому и надобно. —

Во-вторые разъ Илья да ево спрашивалъ:

«Скажисе удалой доброй молодецъ!

«Ты коей земли, да ты коей орды,

«Коего отца, да чьѣи матери?»

Говорилъ богатырь таково слово:

— Да чортъ тебѣ мѣртвому и надобно,

— Лежи подъ низомъ, когда-де Богъ убилъ. —

Да во третій разъ Илья да ево спрашивать:

«Скажисе удалой доброй молодецъ!

«Ты коей земли, да ты коей орды,

«Коего отца, да чьѣи матери?»

Говорилъ богатырь таково слово:

— Да чортъ тебѣ мѣртвому и надобно. —

Дакъ видитъ Илья да немнучую,
 Сокопляетъ силу всю въ одно мѣсто,
 Зглянулъ Илья да на праву руку,
 На правой рукѣ поднишь поднисаи:
 На бою Илья да смерть не писана.
 Ухватилъ богатыря онъ за бѣлы груди,
 Да онъ сшибъ богатыря въ чисто полѣ.
 Выставалъ Илья да на рѣзвы ноги,
 Ухватилъ богатыря да за желты кудри,
 Да онъ сшибъ богатыря подъ облака.
 Назадъ-то богатырь опускается,
 Онъ на бѣлые руки подфатаючи.
 Становилъ богатыря онъ супротивъ себя,
 Да то сталъ богатыря онъ спрашивать,
 И дакъ сталъ богатырь ему сказывать:
 — Я изъ западныхъ странъ, изъ Золотой орды,
 — Я Петре царевичъ золотничанинъ.
 — Я спорожонъ отъ дѣвки Сиверяичины *),
 — А не знаю родителя-то батюшка. —
 Говорилъ Илья да таково слово:
 «Да ай ты удалый добрый молодецъ!
 «Садись-ко ты да на добра коня,
 «Поѣдь-ко ты да къ родной матушки,
 «Скажи-тко ты да ей низкой поклонъ
 «Отъ старова казака Илья Муромца.»
 Садился богатырь на добра коня,
 Приѣзжаетъ богатырь къ родной матушки,
 Стрѣчаетъ ево да родна матушка,
 Стрѣчаетъ ево да среди двора.
 — Да ты ай ты дитя ты мое милое!
 — Что у ты дитя да въ лицы кровь не та,
 — Смѣнился румянецъ во бѣломъ лицы.
 — Видно ты, дитя, да на побойщи былъ? —
 Говорилъ богатырь родной матушки:
 «Ты свѣтъ государынъ моя матушка!
 «А былъ я сегодня на побойщи.
 «Ѣхалъ какъ я по чисту полю,
 «Настигъ меня богатырь во чистомъ поли,
 «Зарыкалъ богатырь по звѣриному,
 «Засвисталъ богатырь по змѣиному,
 «Подо мной доброй конь да на колѣна палъ.
 «А ѣду я да не оглядаюсь,
 «Вперѣдъ вѣдь я да подаваюсе.
 «И во второй разъ зарыкалъ богатырь по звѣ-
 ринному
 «Засвисталъ богатырь по змѣиному,
 «Подо мной доброй конь да на колѣна палъ.
 «А ѣду я да не оглядаюсь,
 «Вперѣдъ вѣдь я да подаваюсе.

*) «Была поляница какая-то, Богъ ее знаетъ.»

«И да во третій разъ зарыкалъ богатырь по звѣ-
 ринному,
 «Засвисталъ богатырь по змѣиному,
 «Подо мной доброй конь да на колѣна палъ,
 «Тутъ ударилъ я добра коня да по тучнымъ бе-
 драмъ.
 — Ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
 — Чего ты мой добрый конь шарашнишься,
 — Пугаешься крику воропниаго,
 — Видно мнѣ ворожени да въ полопу-де быть. —
 «И обворачивалъ тутъ я добра коня,
 «Поѣхалъ на стрѣту я къ богатырю.
 «Какъ мы стали добры молодцы съѣзжатисе,
 «Будто двѣ сильныи горы вмѣсто свалилисе,
 «Будто два сильныи облака вмѣсто солетѣлисе,
 «Мы съ богатырѣмъ вмѣсто съѣзжалисе,
 «А палками мы съ нимъ какъ ударились,
 «Да и налки до рукъ да поломались.
 «А копылами мы какъ съ нимъ ударились,
 «Да конья въ кольцахъ попригнулися,
 «И другъ-то друга вѣдь не ранили,
 «А оба изъ сидѣлъ вонъ выпадали.
 «Поняли мы какъ съ нимъ на рукопашной бой,
 «Понимъ вѣдь я да тутъ богатыря.
 «Садился тутъ я на бѣлы груди,
 «Вынималъ пожнше-то кипжалнище,
 «Ево лажу пороть да груди бѣлые.
 «Говорилъ богатырь таково слово:
 «Скажись удалой доброй молодецъ!
 «Ты коей земли, да ты коей орды,
 «Коего отца, да чьей матери?
 «Говорилъ вѣдь я да таково слово:
 «А чортъ тебѣ мертвому и надобно.
 «И во вторые разъ богатырь меня спрашивалъ:
 «Скажись удалой доброй молодецъ!
 «Ты коей земли, да ты коей орды,
 «Коего отца, да чьей матери?»
 Говорилъ вѣдь я да таково слово:
 — Да чортъ тебѣ мертвому и надобно. —
 «Да въ третей разъ богатырь меня спрашивалъ:
 «Скажись удалой доброй молодецъ!
 «Ты коей земли, да ты коей орды,
 «Коего отца, да чьей матери?»
 Говорилъ вѣдь я да таково слово:
 — Да чортъ тебѣ мертвому и надобно. —
 «Тутъ-то видитъ богатырь немнучую
 «Сокопляетъ силу всю въ одно мѣсто,
 «Ухватилъ меня онъ за бѣлы груди,
 «А онъ сшибъ меня-да во чисто полѣ.
 «Выставалъ богатырь да на рѣзвы ноги,
 «Ухватилъ меня онъ да за желты кудри,

«Да и сшибь меня онь тутъ подь облака,
 «Назадъ какъ я тутъ опускаюсе
 «Онь на бѣлые руки подфатаючи,
 «До сырой земли не допускаючи.
 «Становилъ меня онь супротивъ себя,
 «А и сталъ меня онь тутъ-то спрашивать,
 «Да вѣдь сталъ-то я вѣдь ёму сказывать:
 — Я изъ западныхъ странъ, изъ золотой орды,
 — Я Петре царѣвничъ золотничанниъ.
 — Я спорожонъ отъ дѣвви Сиверьянчнни,
 — А не знаю родителя-то батюшка. —
 «Говорилъ богатырь да таково слово:
 ««Да ты а й ты удалый добрый молодець!
 ««Садись-ко ты да на добра коня,
 ««Поѣдь-ко ты да къ родной матушки,
 ««Скажи-тко ты да ей низкой поклонъ
 ««Отъ староба казака Пльи Муромца.»»
 Говорила ему да родна матушка:
 — Да а й ты дитя ты мѣе милѣе!
 — Ты бился съ родителѣмъ вѣдь батюшкою.
 — Когда ѣздила я во чисто полѣ поляковать,
 — Съѣзжались мы съ нмъ на поединочку.
 — Онь меня побилъ, да тутъ и грѣхъ творилъ,
 — Оттого ты дитя моѣ зарѣжено. —
 Говорилъ богатырь таково слово:
 «Ты свѣтъ государыи моя матушка!
 «Поѣду я да на Фаворъ-гору,
 «Продамъ ему да смерть я скорую.»
 И обворачивалъ богатырь тутъ добра коня,
 Приѣзжалъ къ Ильну да шатру бѣлому,
 Говорилъ богатырь таково слово:
 — Ставай, старая собака, ты сѣдатой пѣс!
 — Я продамъ тебѣ да смерть вѣдь скорую. —
 Выставалъ Илья да на рѣзвы поги,
 Падѣвалъ халатъ да въ ростонашечку (sic),
 Выходилъ Пля да изъ бѣла шатра,
 Ухватилъ богатыря онь за желты кудри,
 Да онь сшибъ богатыря подь облака,
 Да назадъ богатырь опускается,
 Онь на бѣлые руки не подфатаючи.
 Убился богатырь о сыру землю.
 Говорилъ Пля да таково слово:
 «Едино чадушко на сѣмъ свѣтѣ зарѣжено,
 «И тому отъ своихъ да рукъ и смерть пришла.»

Записано на Кенозерѣ, 10 августа.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

По три года Добрынюшка стольничалъ,
 По три года Добрыня приворотничалъ,
 По три года Добрынюшка чашничалъ.
 На десятоѣ-то лѣто сталъ конѣмъ владать,
 Сталъ конѣмъ владать Добрынюшка по городу гулять.

И матушка Добрынюшкѣ наказывала,
 Государыни Добрыни наговаривала:
 «Ужь ты млаже Добрынюшка Микитинъ сынъ!
 «Не ѣзди-тко Добрынюшка по городу гулять,
 «Да не ѣзди-тко Микитинъ сынъ по Киеву гулять.

«Ты не ѣзди-ко во улицы Игнатьевски,
 «Да въ тѣ ли переулочки Маринкины.
 «Да и та курва Мариночка Игнатьевска,
 «Да и сама курва Мариночка отравничка,
 «Она много отравила князей бояръ,
 «А поболѣ отравила удалыхъ молодцовъ.
 «Отравила она девять богатырей,
 «Отравитъ тебя Добрыню во десятые.»
 Да и матушки Добрынюшка не слушаѣ,
 А поѣхалъ ли Добрынюшка по городу гулять,
 Да поѣхалъ ли Микитинъ сынъ по Киеву,
 Заѣзжалъ онь тутъ по улицы Игнатьевски,
 А во тѣ ли переулочки Маринкины.
 А у той курвы Мариночки Игнатьевской,
 Хорошо ли теремъ да изукрашены.
 Онь увидѣлъ на Маринкиномъ теремѣ,
 А сидятъ туто голубъ со голубкою,
 Да носокъ къ носку сидя ликуются *),
 А правильными крылами обнимаются.
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 А натягалъ ли Добрынюшка своей тугой лукъ,
 И да наклáдалъ ли Добрыня калену стрѣлу,
 Да стрѣлялъ онь тутъ во голуба съ голубкою.
 Не попалъ тутъ онь во голуба съ голубкою,
 А попалъ онь ко Маринки во высокъ терѣмъ,
 Да во то ли то въ овочечко косярчато (sic).
 А разбилъ у ней околенику стекольчатку,
 А сломилъ у ней прицѣленку **) серебряну,
 А убилъ онь у Маринки дружка милаго,
 А и младаго Тугарина Змievича.
 И та курва Мариночка Игнатьевска,

*) Милуются.

**) Рама.

А металасе въ окошечко по поясу,
 Говоритъ курвѣ Маринка таково слово:
 — А й ты младше Добрынюшка Микитъевичъ!
 — Ты на что стрѣлялъ во голуба съ голубкою,
 — Не попалъ ты во голуба съ голубкою,
 — А попалъ ко мнѣ ты во высокъ терѣмъ,
 — Да разбилъ у м'ня околенку стекольчату,
 — А сломилъ у м'ня прищѣленку серебряну,
 — А убилъ ты у меня да друга милого,
 — Младого Тугарина Змиевича,
 — Обпрай-ко ты поди да тѣло мѣртвое. —
 Соходилъ тутѣ Добрыня со добра коня,
 Стаповилъ тутъ онъ коня да ко точену столбѣ,
 Ко тому ли то кольцу да золочену.
 Заходилъ-то Добрыня во высокъ терѣмъ:
 «А й ты курва Мариночка Игнатьевска!»
 А металасе Мариночка за завѣсу,
 А мапала ли Добрынюшку за завѣсу,
 Просидѣлъ тутѣ Добрыня день до вечера,
 А не другъ-то другу слова не проговорили.
 Да пошоль-то Добрынюшка изъ терема,
 Да и та курвѣ Мариночка Игнатьевска,
 Да и брала то два ножика булатнѣ,
 А подрѣзала Добрынины слѣдочки,
 Ко слѣдамъ курва Маринка приговаривала:
 «Какъ я рѣжу то Добрынины слѣдочки,
 «Такъ бы рѣзала Добрынюшко сердечушко,
 «А по мнѣ ли по Мариночкѣ Игнатьевской.»
 Затопляла скоро печку муравленну,
 Да метала-то Добрынины слѣдочки,
 Ко слѣдамъ курва Маринка приговаривала:
 «Какъ горя этѣ Добрынины слѣдочки,
 «Такъ горѣло бы Добрынюшко сердечушко.»
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце
 А по той ли по Мариночкѣ Игнатьевской.
 По утру встаетъ онъ ранѣшенько,
 Да и проситъ онъ прощенія у матушки.
 — Ты свѣтъ государини моя матушка!
 — А и дай-ко мнѣ прощеньице женитися
 — А на той ли на Мариночкѣ Игнатьевской. —
 Говорила ли Добрыня родна матушка:
 «Ужь ты младше Добрынюшка Микитинъ сынъ!
 «Хоть у ввязя ты женись, хоть у боярина.
 «Хоть у мужика женись ты у крестьянина,
 «Вездѣ дамъ тебѣ прощениѣ женитися,
 «А не дамъ тебѣ прощеньица женитися
 «А на той курвѣ Мариночкѣ Игнатьевской.»
 Да и матушки Добрынюшка не слушаѣ,
 А садился ли Добрыня на добра коня,
 Да поѣхалъ ли Добрынюшка по городу гулять.
 Заѣзжалъ онъ тутъ во улицы Игнатьевскы,

Да во тѣ ли переулки во Маринкины,
 Соходилъ тутѣ Добрыня со добра коня,
 Стаповилъ онъ тутъ коня да ко точену
 столбу,
 Ко тому ли то кольцу да золочену,
 Заходилъ ли то Добрыня во высокъ терѣмъ.
 А й та курвѣ Мариночка Игнатьевска,
 Она брала ли Добрыню за бѣлы руки,
 Говорила ли Добрыни таково слово:
 — Ужь ты младше Добрынюшка Микитинъ сынъ!
 — Топерь какъ я захочу, такъ тобѣй поворочу.
 — Обвернуть тебя туромъ да златорогемъ,
 — Отъ златорогаго тура поворотъ-отъ есть,
 — Обвернуть тебя какъ жабою подколоднею,
 — А отъ жабы подколодней повороту нѣтъ. —
 А й тутъ курвѣ Мариночка сдобриласе,
 Обвернула-то туромъ да златорогемъ,
 Да спустила-то тура да во чисто полѣ.
 А провѣдала Добрынюшкина матушка,
 Приѣзжала ко Мариночкѣ Игнатьевской,
 Говорила ли Маринки таково слово:
 «Ужь ты ай Мариночка Игнатьевска!
 «А ты много отравила вязыей бояръ,
 «А поболѣ отравила удалыхъ молодцовъ,
 «Отравила ты девять богатыхъ,
 «Отравила ты Добрыню во десятые,
 «Обверни-тко ты Добрыню добрымъ молодцомъ,
 «Я тя за Добрынюшку замужъ возьму.
 «Не обернешь ты какъ Добрыни добрымъ мо-
 модцомъ,
 «Обверну тебя сорочкой вѣщицею.»
 Да и тутъ курва Маринка перепаласе,
 Обвернула-то Добрыню добрымъ молодцомъ.
 А и та ли та Добрынюшкина матушка,
 Обвернула-то Мариночку сорочкою,
 Да и той ли то сорочкой вѣщицею,
 Да спустила-то сорочку во чисто полѣ,
 Съ-подъ гумѣньица сорочекъ всѣхъ повѣгонилъ,
 Изъ чиста поля сорочекъ всѣхъ повѣтащилъ.

Записано тамъ же, 14 августа.

228.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Изъ-подъ бѣлыя березки кудреватя,
 Изъ-подъ чюдпа креста Левандова,
 Изъ-подъ святыхъ мощей изъ-подъ Борисовыхъ,
 Изъ-подъ бѣлаго латыря камня,

Тутъ повышла, повышла-повыбѣжала,
 Выбѣгала-вылежала матка Волга рѣка,
 Широка матка Волга подь Казань прошла,
 Пошире того она подь Вастракань.
 Она много матка Волга въ себе рѣкъ побрала,
 Побольше того она ручьѣвъ пожрала,
 Давала плеса она Далѣнскіе,
 А горы-долы Сорочинскіе,
 А мѣсто-то шла она три тысячи.
 А выпала Волга въ море Черноѣ,
 Да устьѣвъ пустила ровно семдесятъ,
 Широкъ перевозъ да подь Новѣмъ-градомъ.
 Да все это братцы не сказочка,
 А все это братцы прибалуточка,
 Теперь-то Добрынюшки зачинь пошолъ.
 Во стольнѣмъ-то городи во Києви,
 У ласкова князь у Владимира,
 Хорошъ погодился почестной пиръ,
 На многіе князи на бѣяра,
 На сильни могучіе богатыри,
 На всѣ поляници удалые.
 Да дологъ день иде ко вечеру,
 Почестной пиръ иде ко вѣселу,
 А красной солнышко ко западу.
 Почестной пиръ иде на весели,
 Владиміръ князь да распотѣшился,
 Онъ ходитъ по гряни по столовыи,
 Да самъ государь выговаривать:
 «Вы сильни могучіе богатыри,
 «Вы всѣ поляници удалые!
 «Постойте за вѣру христіанскую,
 «За домъ Пресвятыя Богородицы,
 «За меня за князя за Владиміра,
 «За княгиню Опракси-Тимоееву,
 «За вдовъ, за сиротъ и за безсчастныхъ жонъ,
 «А пишеть невѣжа за угрозою,
 «Да просить невѣжа поединщика.»
 А всѣ тутъ богатыри замолчали,
 А бѣльшей тулится за среднево
 А средней тулится за мѣньшево,
 Отъ мѣньшево царю отвѣту нѣтъ.
 Возговорилъ да Ильи Муромецъ:
 — Вы глушыя русскіе богатыри!
 — Хоть долго молячать, а слово говорить.
 — Не давно братцы я изъ походу-го пришолъ,
 — Я жилъ на дорожки сорочинскіе,
 — На крѣпости-заставы богатырскіе,
 — А бился я дрался съ поединщикомъ.
 — Налетѣла невѣжа чернымъ ворономъ,
 — Не покажется невѣжа на мои глаза,
 — А я бы невѣжу изъ туга лука убилъ. —

Накинули службу-работушку
 На млада Добрынюшку Микитича,
 Тутъ здробѣло у Добрыни ретиво сердцо,
 Помутились у Добрыни очи ясныя,
 Потемнѣлъ бѣлой свѣтъ во ясныхъ очѣхъ.
 Онъ со шпру пришолъ къ родной матушки,
 Да не весель пришолъ не радощей.
 Говорила Добрыни родна матушка:
 «Да ай ты дитя мое милоѣ,
 «Ты млада Добрынюшка Микитьевичъ!
 «А что ты не весель со шпру пришолъ?
 «Видно мѣсто тебѣ было не по вотчини,
 «Али чара пива не рядомъ дошла,
 «Али пьяница тобою осмѣялесе,
 «Али безумница прибезчестила.»
 Говорилъ Добрыни родной матушки:
 — Ты свѣтъ государынь родна матушка!
 — А мѣсто-то мнѣ было по вотчини,
 — И чара-то пива мнѣ рядомъ дошла,
 — Да пьяница мной не осмѣялесе,
 — Безумница не прибезчестила.
 — Спородила ты меня мать несчастливаго,
 — А шлюю меня не сильнѣго,
 — Да смѣлостью меня не смѣлаго,
 — Поѣздочкой меня не храбраго,
 — Походочкой и не шапливаго,
 — Басою-красой не красовитаго,
 — Кудрями меня не кудреватаго,
 — Богачествомъ не богатаго. —
 Говорила Добрыни родна матушка:
 «Да ай ты дитя ты мое милоѣ!
 «Я бы рада спородитъ дитя милоѣ,
 «А силой въ Самсона Кольванова,
 «А смѣлостью да въ Илью Муромца,
 «Поѣздочкой въ Дюка Степанова,
 «Походочкой въ Чурила Пленкова,
 «Басой-красой въ Осіна прекраснаго,
 «Кудрями въ царича Кудреянича,
 «Богачествомъ дитя милоѣ
 «Въ Садка купца да новгородскаго,
 «Таково ты Господь зародилъ.»
 А проспалъ Добрыня нощку тѣмную,
 Поутру Добрынюшка справляется,
 Съ родителью матушкой прощается,
 А наче тово съ молодой женой.
 И да наказывалъ Добрыня молодой жены:
 — Да ай ты моя ты молода жена,
 — А ты Катерина дочь Микулчна!
 — Какъ будѣтъ Добрынюшки три годы,
 — А будѣтъ Добрынюшки шесть годовъ,
 — Пройдетъ какъ Добрыни ровно девять лѣтъ

— Не будеть не вѣсточка, не грамотка,
 — Не низко близко челомбѣтьицо,
 — Тогда Катерина и замужъ поди,
 — Выбирай жениха собѣ по разуму.
 — Не ходи не за князя, не за барина,
 — А вѣдь ты за русскаго богатыря,
 — Выбирай-ко богатыря противо меня.
 — Не ходи Катерина дочь Микулчична
 — За вора Олѣшу за Поповича.
 — Олѣша Поповичъ мнѣ крестовой братъ,
 — Крестовой братъ и паче рѣдчаго. —
 Садился Добрыня на добра коня,
 Поѣхалъ Добрынюшка во чисто полѣ,
 Отѣзжалъ Добрыня во чисто полѣ,
 Становился на дорожку Сорочинскую,
 На крѣпость-заставу богатырскую.
 Онъ жилъ на дорожки ровно три года,
 Не видѣлъ ни конного ни пѣшого,
 Не сѣраго гуся пролѣтнаго.
 А плачь на молодци избилосе,
 Надѣвалъ онъ платъица звѣрныя.
 Захотѣлось Добрынюшки помытися,
 Помытися Добрыни покунатисе,
 Забродилъ онъ во матку во Пучай рѣку;
 На ту ли-то пору да на то время
 Налетѣла курва Ягá-баба,
 Ладитъ Добрынюшку нагá пожрать.
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 — А й ты курва Ягá-баба!
 — Не честь не слава молодецкая
 — Нагого богатыря въ води пожрать.
 — А дай-ко, курва, надѣтисе,
 — Да дай-ко, курва, обутисе! —
 Да дала Ягá-баба надѣтисе,
 А дала Яга-баба обутисе,
 Совсѣмъ Добрынюшка справилсе.
 А стали Добрыня съ бабой битисе,
 Да бился Добрыня съ бабой шесть годовъ,
 Не видѣлъ ни конного ни пѣшого,
 Не сѣрого гуся пролѣтнаго,
 Только видѣлъ Олѣшу Поповича.
 А ѣде Олѣша изъ чиста поля,
 Да прямо-то ѣде онъ во Кіевъ градъ.
 Приѣзжалъ Олѣша во Кіевъ градъ,
 Приходилъ Олѣша ко Владиміру,
 Говорилъ Олѣша таково слово:
 «Владиміръ ты князь да столень-кіевской!
 «Благослови государь меня женитисе
 «На той Катерины на Микулчичной.
 «Я видѣлъ Добрыню бита ранена,
 «Головою лежить да въ часть ракитовъ кустъ,

«Ногами лежить да во кувиль траву,
 «Да ружья, лука исприломаны,
 «По стѣронамъ лука испримѣтаны,
 «А конь-отъ ходитъ въ широкіхъ степяхъ.
 «А летаютъ вороны-ты черныя,
 «А трнѣшкаютъ тѣло Добрынино
 «Нося суставы всё Добрынины.»
 Говорилъ Владиміръ таково слово:
 — Поди-тко Олѣша ты къ ей сватайся.
 — Буде добромъ идѣ, дакъ ей добромъ бери,
 — Добромъ нейдѣ, дакъ забоемъ бери,
 — Ты силой бери да богатырскою,
 — Грозою бери да княженецкою. —
 Приходилъ Олѣша къ ей свататися.
 Не поизволила Катерина тутъ замужъ итти.
 Поизволилъ Владиміръ ей силѣмъ отдать,
 Онъ силой отдать да богатырскою,
 Грозою отдать княженецкою.
 Севодня у нихъ рукобитисе,
 А завтра будетъ у нихъ свадебка.
 По той ли по улки по Ильинскіи,
 Не ясною соколнѣя пролѣтывалъ,
 Проѣзжалъ-пролегалъ тутъ старѣи казакъ.
 Начальный богатырь Илья Муромецъ.
 Проѣзжалъ Илья во чисто полѣ,
 На ту на дорожку сорочинскую,
 На крѣпость-заставу богатырскую,
 Приѣзжалъ ко Добрынюшки Микитичу.
 Говорилъ Илья таково слово:
 «А здравствуй Добрынюшка Миентьевичъ!»
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 — А здравствуй любимый ты мой дядюшка,
 — Начальный богатырь Илья Муромецъ! —
 Тутъ-то спрашивалъ Добрынюшка про Кіевъ
 градъ,
 Здорово ли живѣтъ да весь тутъ Кіевъ градъ
 Первѣу говорилъ онъ вистъ перадошну:
 «Здорово живѣтъ да весь-то Кіевъ градъ,
 «Какъ твоя-то вѣдь и молода жена,
 «Твоя Катерина дочь Микулчична,
 «Выходитъ за вора Алѣшу за Поповича.
 «Не добромъ выходитъ, забоемъ берѣ,
 «Онъ силой берѣ да богатырскою,
 «Грозою берѣ княженецкою.»
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 — Да а й же ты любимый ты мой дядюшка,
 — Начальный богатырь Илья Муромецъ!
 — Пособи-тко убить курвы Ягѣи бабы. —
 Говорилъ Илья да таково слово:
 «Да а й ты Добрынюшка Микитьевичъ!
 «Не честь не слава молодецкая

«Двумъ богатырямъ биться съ одной бабою.
 «А бей-ко ты бабу по бабьему,
 «По титькамъ бей да и подъ гузно.»
 Да спомнилъ онъ старше ухваточки,
 А сталъ бить по титькамъ да и подъ гузно,
 Убилъ онъ курву Ягу-бабу.
 Садился Добрыня на добра коня,
 Поѣхалъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
 Кричитъ онъ вопить лучше старого,
 Поѣзду кажетъ лучше прѣжняго,
 Да прямо-то ѣде онъ во Кіевъ градъ.
 Приѣзжалъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
 Скавалъ черезъ стѣну городовую,
 Черезъ высоки башни наугольніе,
 Да прямо-то ѣде онъ ко терему,
 Ко своей родители матушки.
 Приѣзжалъ Добрынюшка ко терему,
 Соходилъ Добрыня со добра коня,
 Заходилъ Добрыня во высокъ теремъ,
 Онъ крестъ кладеть да по писаному,
 Поклонъ выводитъ до сырой земли,
 А бьетъ челомъ да на вси стороны,
 Родители матушки въ особину.
 — А здравствуй родители моя матушка! —
 Говорила Добрыни родна матушка:
 «Ты здравствуй удалый добрый молодець!
 «Хоть Добрынюшкой ты называешься,
 «А нѣту Добрыни жива на свѣтѣ.
 «А видѣлъ Олѣша Поповичъ-отъ,
 «Онъ видѣлъ Добрыню бита-ранена,
 «Головою лежитъ да въ часть раки товъ кустъ,
 «Ногами лежитъ да во кувиль траву,
 «Да ружья, лука испримоаны,
 «По сторонамъ лука испримоаны,
 «А конь-отъ ходитъ въ широкихъ степяхъ.
 «А лѣтають вороны-ты черныи,
 «А трещкають тѣло Добрынино,
 «Носятъ суставы все Добрынины.»
 Скндаль Добрыня до-нага платьѣ,
 Показывалъ пѣтенца родимныи.
 Подъ той подъ правой подъ пазушкой
 А было два пѣтенца два черныи,
 Два черныи пѣтенца родимныи.
 Говорила Добрыни родна матушка:
 — Теперь возсіло красно солнышко
 — Ты млáдой Добрынюшка Микитъевичъ!
 — Какъ твоя-то вѣдъ и молода жена,
 — Твоя Катерина дочь Микулчина,
 — Выходитъ за вора Олѣшу за Поповича.
 — Не добромъ выходитъ забоёмъ берѣ,
 — Онъ силой берѣ богатырскою,

— Грозою берѣ княженецкою.
 — Вчерасе у нихъ рукобильцо,
 — Севодня-то у нихъ свадебка. —
 Говорилъ Добрыня родной матушки:
 «Ты свѣтъ государынь моя матушка!
 «А дай-ко мнѣ доску гусельною,
 «Да дай-ко мнѣ платьѣ скоморошноѣ,
 «А дай-ко шалыгу мнѣ корманную,
 «Вѣсѹ кой тяне поль-семá пуда.
 «Пойду я къ Олѣшѣ на свадебку.»
 А дала мать доску гусельною,
 Да дала мать платьѣ скоморошноѣ,
 Да дала шалыгу корманную,
 Вѣсѹ кой тинѣ поль-семѣ пуда.
 Пошѣлъ онъ къ Олѣшѣ на свадебку,
 Заходилъ онъ къ Олѣшѣ во высокъ терѣмъ,
 Садился Добрыня на ошѣсточѣвъ *),
 Натягалъ онъ струну про Кіевъ градъ,
 Другую-ту про похождениецо,
 Выгривалъ своѣ рождениецо.
 Никто-то въ шпру не догадается,
 Одна Катерина догадаласе:
 «Не быть то весѣлой скоморошины,
 А быть то Добрынюшени Микитичу.»
 Владиміру игра прилюбиласе,
 Говорилъ Владиміръ таково слово:
 — Да а й ты весѣла скоморошина!
 — Садись, скоморохъ, за дубовой столъ,
 — Первое тѣ мѣсто подлѣ меня,
 — Другое мѣсто на лавочкѣ,
 — А третье мѣсто куды самъ садись. —
 Садился Добрыня на скамеечку,
 Супротивъ Олѣшиной молодой жены,
 Супротивъ Катерины-то Микулчиной.
 Не долго сидѣлъ а слово выдумалъ:
 «Владиміръ ты князь да столень-кіевской!
 «Благослови, государь, слово молвити.
 «За слово меня да не повѣсити.
 «А пусть-ко Олѣшина молода жена,
 «Поднесѣтъ мнѣ чару зелена вина.»
 Дакъ тутъ-то Олѣшина молода жена,
 Подносила чару зелена вина.
 Берѣтъ онъ чару единой рукой,
 Выпивалъ онъ чару на единой духъ,
 На отместку наливалъ самъ чару зелена вина,
 Подавалъ Катерины-то Микулчиной,
 Подавалъ чару выговаривать:
 «Ужъ ты а й ты Олѣшина молода жена,
 «А ты Катерина дочь Микулчина!

*) противъ печн.

«Ты пей до дна — дакъ увидашь добра,
«Не выпьешь до дна — дакъ не видать добра.»
Она пила до дна дакъ увидала добра:
Выкатывался перстень обручѣнни,
Которымъ перстнемъ обручались
Со старымъ Добрынюшкой Микитичемъ.
По перстню она да догадаласе,
А тутъ Катерина взрадоваласе,
Говорить Катерина таково слово:
— Владимиръ ты князь да столень-Кіевской!
— Благослови, государь, слово молвнть,
— За слово меня да не повѣсити,
— Какъ не тотъ мой милъ да кой подлѣ сидитъ,
— А тотъ мой милъ кой супротивъ сидитъ. —
Подавалъ-ка чару зелена
Старо-прежній Добрынюшка Микитьевичъ,
Выставалъ Добрыня со скамеечки,
Берѣтъ онъ Олѣшу за желты кудри,
Да онъ тѣне Олѣшу зъ-за дубоваго стола,
Ѣво шибъ-то о сѣреду кирпичную,
Вынималъ шалыгу корманную,
Да и сталъ Олѣшу покакивать *),
А и сталъ Олѣша поахкивать.
Въ томъ шалышномъ бухванѣ
Не слышно Олѣшина охканья.
Да только Олѣша женать бывалъ,
Постригся Олѣша посжимился,
Пошѣлъ Олѣша во монастыри.
А тотъ ли Добрынюшка Микитьевичъ
А бралъ Катерину за праву руку,
Повѣлъ Катерину къ родной матушки.
Съ той поры да съ того времени,
Стали Добрыню старинной сказать,
Отнынѣ сказать да-ѣво до вѣку.

Записано тамъ же, 10 августа.

—
229.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

Да во стольнемъ-то во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владимира
Хорошъ погодился почестной пирь
На многіе князи на бояра,
На сильніе могучіе богатыри,
На всѣ на полянцы удамѣ.
Дологъ день иде по вечеру,

*) покочкивать.

Почестной пирь иде ко веселу,
Красное солнышко ко западу,
Почестной пирь иде на весели,
Владимиръ князь распотѣшился,
Выходилъ онъ на крылечко перѣное,
Оваллся о перила о точеные,
Здрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Изъ далеча-далеча изъ чиста поля
Идутъ мужики и все Кіевляна,
Бьютъ они целомъ, жалобу кладутъ,
Владимиру-то князю до сырой земли.
«Солнышко нашъ, Владимиръ князь!
«Дай, государь-царь, правой судъ
«На вора Чурила сына Пленковича.
«У насъ было на матки на Сарогн на рѣки,
«Невѣдомые люди появилсе,
«Шелковы неводы запускивали,
«Грузивца были серебряные,
«Наплавки позолоченые.
«Рыбы сорогу *) повлловили,
«Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
«Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
«Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья.»
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилсе,
Идутъ мужики и все Кіевляна,
Бьютъ они целомъ жалобу кладутъ,
Владимиру-то князю до сырой земли.
— Солнышко нашъ Владимиръ князь!
— Дай, государь-царь, правой судъ
— На вора Чурила сына Пленковича.
— У насъ было на матки на Сарогн на рѣки
— Невѣдомые люди появилсе,
— Во тѣхъ ли во тихихъ во заводяхъ
— Гуся-лебедя повстрѣляли,
— Сѣрую пернату малу утушку.
— Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
— Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
— Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья. —
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилсе,
Идутъ мужики и все Кіевляна,
Бьютъ они целомъ жалобу кладутъ,
Владимиру-то князю до сырой земли.
«Солнышко нашъ Владимиръ князь!
«Дай, государь-царь, правой судъ
«На вора Чурила сына Пленковича.
«У насъ было за городомъ за Кіевомъ,
«Во тѣхъ ли рощахъ во сосновныхъ,

*) плотва.

«Невѣдомые люди появилисѣ.
 «Шелковы тѣнета протягивали,
 «Кунку и лиску повиловили,
 «Бѣлаго заморскаго зѣяпа,
 «Чернаго сибирскаго соболя.
 «Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
 «Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
 «Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья.»
 Та толпа-то на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появиласѣ,
 Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ,
 Кони подъ нимѣ однокѣріе были,
 Жеребцы все латынскіе,
 Узды повода сорочинскіе,
 Сѣдельшка были на золоті.
 Мблодцы на коняхъ одномѣрные,
 Платѣ у нихъ однопарное,
 Кожаны-ты на молодцахъ лосинные,
 Кафтаны-ты на молодцахъ голубъ скурлатъ,
 Источниками-де *) подноясалсѣ,
 Шляпы на главахъ золоті вѣршки,
 Камзолы-ты штаны голопѣсовые,
 Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
 Дѣрога сафьяну турецкаго,
 Баскаго покрою нѣмецкаго,
 Крѣпкаго шитья ярославскаго.
 Кони подъ нимѣ бы соколы летя,
 Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя,
 Ъзда по городу уродствуютъ,
 Лукъ и чеснокъ весь повыщипали,
 Бѣлую капусту повиломали,
 Красныхъ-то дѣвокъ къ сорому-де привели,
 Молодыхъ молодокъ прибезчестили,
 Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили.
 Собралисѣ князьѣ все и бояре,
 Все ли то купцы все торговые,
 Все ли мужики огородники.
 Бьютъ они целомъ, жалобу кладутъ,
 Владиміру-то князю до сырой земли.
 — Солнышко нашъ Владиміръ князь!
 — Дай, государь-царь, правой судъ
 — На вора Чурила сына Пленковича.
 — У насъ было во городи во Кіевѣ,
 — Невѣдомые люди появилисѣ,
 — Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ,
 — Кони подъ нимѣ однокѣріе были,
 — Жеребцы все латынскіе,
 — Узды, повода сорочинскіе,
 — Сѣдельшка были на золоті.

*) не знаетъ.

— Мблодцы на коняхъ одномѣрные,
 — Платѣ у нихъ однопарное,
 — Кожаны-ты на молодцахъ лосинные,
 — Кафтаны-ты на молодцахъ голубъ скурлатъ,
 — Источниками-де подноясалисѣ,
 — Шляпы на главахъ золоті вѣршки,
 — Камзолы-ты штаны голопѣсовые,
 — Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
 — Дѣрога сафьяну турецкаго,
 — Баскаго покрою нѣмецкаго,
 — Крѣпкаго шитья ярославскаго.
 — Кони подъ нимѣ бы соколы летя,
 — Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя,
 — Ъзда по городу уродствуютъ,
 — Лукъ и чеснокъ весь повыщипали,
 — Бѣлую капусту повиломали,
 — Красныхъ-то дѣвокъ къ сорому-де привели,
 — Молодыхъ молодокъ прибезчестили,
 — Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили. —
 Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
 «Глупые князьѣ все и бояра,
 «Неразумные купцы все торговые!
 «На ково мнѣ-ка дать, сударь, правой судъ.
 «Не знаю я Чурила гдѣ дворомъ стоить,
 «Не знаю я Чуриловой поселницы.»
 Говорятъ-то князьѣ все и бояра:
 — Знаемъ мы Чурила гдѣ дворомъ стоить,
 — Знаемъ мы Чурилову поселницу,
 — Живѣтъ-то Чурилушка не въ Кіевѣ,
 — Живѣтъ-то Чурилушка за Кіевомъ,
 — Дворъ-отъ у Чурила на семи верстахъ,
 — Около двора все булатній тынь,
 — Верхі-ты были все точѣные,
 — Подворотенки-ты были дорогъ рыбой зубъ,
 — Надъ воротами иконъ до семидесятъ,
 — На дворѣ есть теремовъ до семі ихъ сотъ. —
 Подымается Владиміръ во чисто полѣ,
 Подымается къ Чурилушку поселницы глядѣтъ.
 Садился Владиміръ на добрыхъ коней,
 Приѣзжае ко Чурилову широкому дворѣ,
 Говорилъ-отъ Владиміръ таково слово:
 «Какъ говорили мужики такъ и сдѣлалосѣ.
 «Есть туто дворъ на семи верстахъ,
 «Около двора все булатній тынь,
 «Верхі-ты были все точѣные,
 «Подворотенки-ты были дорогъ рыбой зубъ,
 «Надъ воротами иконъ до семидесятъ,
 «На дворѣ есть теремовъ до семі ихъ сотъ.»
 Изъ того ли изъ Чурилова широкаго двора
 Выходилъ тутъ старые матерній человекъ,
 Шуба-та на старомъ соболина,

Подъ дѳрогимъ подь зеленымъ подь знаметоу,
 Пуговики всё вольячныи,
 Литъ-то вольякъ красна золота,
 По тому ли-то по яблоку по любскому.
 Петельки изъ семи шелковъ,
 Шляпа-та на старомъ съ полимажами.
 Говорилъ туто старой таково слово:
 — Владимиръ ты пашъ князь столень-кѳевской!
 — Гости-тко ты, пожалуй во высѳкъ терѳемъ —
 — Хлѳба ты соли покушати
 — Бѳлаго-то лебеда порушати. —
 Говорилъ тутъ Владимиръ таково слово:
 «А ѳ же ты старые матерый человекъ!
 «Не знаю тебя, старый, какъ по имени зовутъ,
 «Не знаю тебя, старый, по отечеству.»
 Говорилъ туто старый таково слово:
 — Владимиръ ты нашъ князь столень-кѳевской!
 — Я-то вѳдь Плѳнкъ, сынъ Сарѳжанпнъ,
 — Со Сарѳги со рѳви, Чуриловъ батюшко. —
 Пошоль-то Владимиръ на широкой дворъ:
 У Чурила первы сѳни рѳшетчатые,
 У Чурила други сѳни серебряные,
 У Чурила третьи сѳни были на золотѳ.
 Заходилъ-то Владимиръ во высѳкъ терѳемъ,
 Въ терему поль-середѳ одного серебря,
 Стѳны потолка красна золота,
 На неби солнце и въ терему солнце,
 На неби мѳсяцъ и въ терему мѳсяцъ,
 На неби звѳзды розсыплются,
 Въ терему звѳзды розсыплются,
 Вся небесная луна въ терему приведена.
 Садился Владимиръ за дубовой столъ:
 Столъ-отъ вѳдь идѳ у нихъ въ поль-стола,
 Пиръ-отъ вѳдь идѳ у нихъ въ поль-пира.
 Красное солнышко ко западу,
 Почестной идѳ на весели,
 Владимиръ князь распѳтѳнился,
 Взглянулъ онъ въ окошко косѳрчатѳ,
 Увидѳлъ онъ въ поли толпа-де молодцовъ,
 Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ.
 Кони подь нимѳ однокѳрие были,
 Жѳребцы всё латынскѳе,
 Узды повода сорочинскѳе,
 Сѳделышка были на золотѳ.
 Молодцы на коняхъ одномѳрныи,
 Платьѳ у нихъ однопарное,
 Кожаны-ты на молодцахъ лосныи,
 Кафтаны-ты на молодцахъ голѳбъ скурлатъ,
 Источникамъ-де подпоясалисѳ,
 Шляпы на главахъ золотѳ вѳршки,
 Камзолы-ты штаны голоплѳсовыи,

Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ.
 Дѳрога сафьяну турецкаго,
 Бѳского покроу пѳмецкаго,
 Крѳпкого шитья ярославскаго.
 Кони подь нимѳ бы соколы летя,
 Молодцы на коняхъ какъ свѳчи горя.
 Владимиръ князь исполошался,
 Говорилъ-то Владимиръ таково слово:
 «А ѳ же ты старые матерый человекъ!
 «Чѳя эта сила появиласе?
 «Не царъ ли съ ордой, не кор оль ли съ Литвой
 «Не думные бояринъ ли не сватовщикъ
 «На любимые Забавны на племянницы?»
 Говорилъ туто старый таково слово:
 — Не пужайся, Владимиръ, не полошайся!
 — Не царъ ѳде съ ордой, не король съ Литвой,
 — Не думные бояринъ да не сватовщикъ
 — На любимые Забавиѳ на племянницы,
 — А ѳдутъ то Чуриловы всё стѳльщики. —
 Та толпа-то на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появиласе,
 Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ.
 Кони подь нимѳ однорѳжи бѳжа,
 Жѳребцы всё латынскѳе,
 Узды повода сорочинскѳе,
 Сѳделышка были на золотѳ.
 Молодцы на коняхъ одномѳрныи,
 Платьѳ у нихъ однопарное,
 Кожаны-ты на молодцахъ лосныи,
 Источниками-де подпоясалисѳ,
 Кафтаны-ты на молодцахъ голѳбъ скурлатъ,
 Шляпы на главахъ золотѳ вѳршки,
 Камзолы-ты штаны голоплѳсовыи,
 Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
 Дѳрога сафьяну турецкаго,
 Бѳского покроу пѳмецкаго,
 Крѳпкого шитья ярославскаго.
 Кони подь нимѳ бы соколы летя,
 Молодцы на коняхъ какъ свѳчи горя.
 Владимиръ князь исполошался
 Говорилъ-то Владимиръ таково слово:
 «А ѳ же ты старые матерый человекъ!
 «Чѳя это за сила появиласе?
 «Не царъ ли съ ордой, не король ли съ Литвой,
 «Не думные бояринъ ли не сватовщикъ
 «На любимые Забавиѳ на племянницы?»
 Говорилъ туто старый таково слово:
 — Не пужайся Владимиръ, не полошайся!
 — Не царъ ѳде съ ордой, не король съ Литвой,
 — Не думные бояринъ да не сватовщикъ
 — На любимые Забавиѳ на племянницы,

— А ѣдутъ то Чуриловы все ключники.—
 Та толпа-то на дворъ прошла,
 Новая изъ поля появиласе,
 Есть молодцовъ ихъ до тысячи.
 Кони подъ нимъ однобұры бѣжа,
 Жѣребцы всё латынскіе,
 Узды повода сорочинскіе,
 Сѣделышка были на золоты.
 Мѳлодцы на коняхъ одномѣрные,
 Платѣ у нихъ однопарное,
 Кожаны-ты на молодцахъ лосинны,
 Кафтаны-ты на молодцахъ голубъ скурлатъ,
 Источниками-де подпоясалсе,
 Шляпы на главахъ золоты вѣршки,
 Комзолы-ты штаны голоплісовые,
 Сапожки на ножкахъ зелень сафьянъ,
 Дѳрога сафьяну турецкаго,
 Баского покрою пѣмецкаго,
 Крѣпкого шитья ярославскаго.
 Кони подъ нимъ бы соколы летя,
 Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя,
 Средній ѣде улицею мѳлодець,
 Съ коня-то онъ на конь перескѳкиваѣ,
 Черезъ три-то онъ коня да на четвѣртого.
 Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово;
 «А й же ты старше матерій человекъ!
 «Что это ѣде за мѳлодець?»
 — Не пужайся, Владиміръ, не полошайся,
 — Ёде мой сыннишко безгодные,
 — Младше Чурлушко сынъ Пленковичъ. —
 Заслышалъ-то Чурило немилыхъ гостей,
 Бралъ туто Чурило золоты ключи,
 Заходилъ-то Чурило во глубоку погрѣбу,
 Бралъ-то Чурило золотой казны,
 Да бралъ-то Чурилушка куніць и лисиць,
 Бѣлыхъ заморскихъ-то зайцовъ,
 Князей-то дарилъ да онъ куніцами,
 Куницами дарилъ да лисицами,
 А мужиковъ-то дарилъ онъ золотой казной.
 Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
 «Младый ты Чурилушко сынъ Пленковичъ!
 «Много на тебя было просителей,
 «Теперь больше того благодателей.»
 Съ той поры съ того времени
 Стали Чурило стариной сказать.

Записано тамъ же, 14 августа.

230.

Д Ю К Ъ.

Изъ Волынца города изъ Галича,
 Изъ той Волыни земли богатя,
 Изъ той Корелы изъ проклятыя,
 Да не бѣлъ кречегушко выпѳрхиваль,
 Не бѣлъ горностаюшко проскакиваль,
 Не ясенъ соколикъ тутъ пролѣтываль,
 Проѣзжалъ удалой доброй мѳлодець,
 Молодой боярской Дюкъ Степановичъ.
 Ёздилъ Дюкъ да ко синю морю,
 Ко синю морю ѣздилъ за охвотами,
 Охвотникъ стрѣлять былъ гусей лебедей
 А сѣрыхъ пернатыхъ малыхъ утушекъ.
 Онъ днѣмъ стрѣлялъ, ночью стрѣлы собиралъ,
 Гдѣ стрѣла лежитъ, дакъ будто жаръ горитъ.
 А выстрѣлялъ Дюкъ да ровно триста стрѣлъ,
 А и триста стрѣлъ да ровно три стрѣлы,
 Не убилъ ни гуся и не лебедя,
 Не сѣрой пернатой малой утушки.
 Собиралъ онъ стрѣлочки въ одно мѣсто,
 Нашоль-то Дюкъ да ровно триста стрѣлъ,
 Не могъ найти онъ ровно трѣхъ-то стрѣлъ.
 Отошоль-то Дюкъ, а самъ дивуется:
 «Всѣмъ тремъ-стамъ стрѣламъ да цѣну вѣдаю,
 «А й тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаю,
 «Которыи стрѣлы потерялися.»
 А точены стрѣлки на двѣнадцать грань,
 Да точены стрѣлки позолочены,
 Перены были перьями сиза орла,
 Не тотъ орѣлъ, кой по полямъ летать,
 А тотъ орѣлъ, кой по морямъ летать,
 Летать орѣлъ да за синимъ моремъ,
 Дѣтей выводитъ на синимъ морю,
 На бѣломъ латыри на камени.
 Ёхали гости карабельники,
 Нашли три пѣрышка орлиныи,
 Приносили Дюку пѣрышка во даровяхъ.
 Садился Дюкъ да на добра коня,
 Поѣхаль Дюкъ да въ свою сторону.
 Онъ ѣхаль путѣмъ-дорожкой широкою,
 Настигъ тридцать каликъ да со каликою,
 Кричптъ онъ вопитъ зычнымъ гѳлосомъ:
 «Али воры вы, али разбойники,
 «Али вы ночныи подорожники,
 «Али вы церковныи грабители?»

Говоря калки перехожіе:

— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 — Мы не воры идёмъ, да не разбойники,
 — А и мы не ночныи подорожанки,
 — Да мы не церковныи грабители.
 — Идёмъ мы калки перехожіе,
 — Идёмъ калки мы изъ Кіева,
 — Идёмъ мы калки въ славный Галичъ градъ,
 — Во ту Индѣрію широкую. —

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

«А ѣ вы, ай калки перехожіе!
 «Скажете вы да мнѣ повѣдайте:
 «А много ли отъ Галича до Кіева да розсто-
 янница?»

Говоря калки перехожіе:

— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 — А отъ Кіева до Галича розстоянница:
 — Пѣшѣ птти будѣ на цѣлой годъ,
 — А конёмъ-то ѣхать на три мѣсяца,
 — Чтобы кони были перемѣнные,
 — А прямой дорожкой дакъ проѣзду нѣтъ.
 — На прямой дорожкѣ три заставушки:
 — Первая заставушка — Горынь-змѣя,
 — Горынь-змѣя да змѣя лютая,
 — Змѣя лютая, змѣя нещерская.
 — Другая заставушка великая —
 — Стоитъ-то стадушко лютихъ грачѣвъ,
 — По русскіи назвать дакъ черныхъ вороновъ.
 — А третья заставушка великая —
 — Стоитъ-то стадушко лютихъ гонцѣвъ,
 — По-русски-то назвать дакъ сѣрихъ волковъ.
 — Четверта заставушка великая —
 — Стоитъ шатѣръ да во чистомъ полцѣ,
 — Стоитъ богатырь во бѣломъ шатрѣ. —

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

«Спасибо калки перехожіе!»
 Поѣхалъ Дюкъ во славной Галичъ градъ,
 Приѣхалъ Дюкъ во славной Галичъ градъ,
 Простоялъ Христосскую вечеренку.
 Приходилъ-то Дюкъ да къ родной матушкѣ,
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 «Ты свѣтъ государынь моя матушка!
 «Мнѣ-ка дай прощеньцо благословленьцо,
 «Мнѣ-ка ѣхать Дюку во столень Кіевъ градъ.»
 Говорила Дюку родна матушка:
 — Да ай ты дитя, ты моѣ милое,
 — Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ:
 — Я не дамъ прощеньца благословленьца
 — Тебѣ ѣхать Дюку во столень Кіевъ градъ,
 — Не посиѣтъ къ христосскіи заутренны.
 — Пѣшѣ птти буде на цѣлой годъ,

— Конёмъ-то ѣхать на три мѣсяца,
 — Чтобы кони были перемѣнные.
 — А прямой дорожкой дакъ проѣзду нѣтъ.
 — На прямой дорожкѣ три заставушки:
 — Три заставы вѣдь великия:
 — Первая заставушка — Горынь-змѣя,
 — Горынь-змѣя да змѣя лютая,
 — Змѣя лютая, змѣя нещерская.
 — Другая заставушка великая —
 — Стоитъ-то стадушко лютихъ грачѣвъ,
 — По-русскіи назвать дакъ черныхъ вороновъ.
 — А третья заставушка великая —
 — Стоитъ-то стадушко лютихъ гонцѣвъ,
 — По-русски-то назвать дакъ сѣрихъ волковъ.
 — Четверта заставушка великая —
 — Да той заставушки минути нельзя:
 — Стоитъ шатѣръ да во чистомъ полцѣ,
 — Стоитъ богатырь во бѣломъ шатрѣ. —

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
 «Мнѣ-ка дай прощеньцо благословленьцо,
 «Мнѣ-ка ѣхать Дюку во столень Кіевъ градъ.
 «Во всѣхъ градахъ у мѣня побывано,
 «А всѣхъ князѣвъ да перевидано,
 «Да всѣмъ княгинямъ-то послужено,
 «Въ одномъ во Кіевѣ не бывано,
 «Кіевскѣго князя-то не видано,
 «Кіевской княгинѣ-то не служено.

Говорила Дюку родна матушка:

— Я не дамъ прощеньца благословленьца —
 — Тебѣ ѣхать Дюку во столень Кіевъ градъ.
 — Какъ вѣдь ты дитя мое заносливо,
 — А заносливо да фастоватое,
 — Пофасташъ Дюкъ ты родной матушкой,
 — Пофасташъ Дюкъ да ты добрымъ конёмъ,
 — Пофасташъ Дюкъ да золотой казной,
 — Пофасташъ Дюкъ да платьемъ цвѣтныимъ,
 — А во Кіевѣ люди всё лукавыи,
 — Изведутъ тебя Дюка не за денежку. —

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
 «Тѣмъ меня ты не уграживай.
 «Дасі прощеньца — поѣду я,
 «Не дасі прощеньца — поѣду я.»

Говорила Дюку родна матушка:

— А ѣ ты дитя, ты моѣ милое,
 — Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 — Тебя Богъ проститъ Господь помилуетъ. —
 Выходилъ-то Дюкъ да на широкій дворъ,
 На ту конюшню на стоялую,
 Выбиралъ коня да собѣ добраго,

Коня добраго да не ѣзжало,
 Выбиралъ онъ бурушка косматаго.
 Да шерсть у бурушка по три пяди,
 А грива у бурушка да трёхъ локоть,
 А фость у бурушка да трёхъ сажонъ,
 А фость и грива до сырой земли,
 Фостомъ слѣды да онъ запахивать.
 Выводилъ коня да на широкой дворъ,
 Катавъ-валявъ бурушка косматаго
 Во той росы да во вечернии,
 А бралъ часту рыбу ту гребёночку,
 Росчесалъ онъ бурушка косматаго,
 Наклалъ онъ понону пестрядиную,
 Въ три строки понона была строчена:
 Перва строка да краснымъ золотомъ,
 Друга строка да скатнымъ жемчугомъ,
 А третья строка мѣдью казанскою.
 Не тѣмъ понона была дорога,
 Что въ три строки понона была строчена,
 А тѣмъ понона была дорога,
 Что всякими манерами выплѣтана,
 По денежку мѣста дакъ рублемъ купить.
 А не тѣмъ понона была дорога,
 Что всякими манерами выплѣтана,
 Да и тѣмъ понона было дорога:
 Во ту понону пестрядиную,
 Вилѣтано по камешку по яфанту,
 По яфанту по самоцвѣтному.
 Пекуть лучи да солнпечные,
 Не ради красы басы да молодецкіе,
 А ради поѣздки богатырскіе,
 Чтобы днемъ и ночью видно ѣхати.
 Наклинулъ Дюкъ да подсѣдельники,
 Наклалъ сѣделышко черкасское,
 Подирягалъ подпруги богатырскіе,
 Подпруги были изъ семи шелковъ,
 А пряжицы были серебряны.
 Спенѣчки были всё булатіе,
 Да шоль не трется и булатъ не гнется,
 Красное золото не ломится.
 Подвязалъ торока-ты онъ великіе,
 Нагружалъ торока-ты золотой казны,
 Золотой казны да платья цвѣтнаго.
 Отошоль-то Дюкъ, а самъ дивуется:
 «Али добрый конь, али ты лютой звѣрь,
 «Изъ-подъ наряду добра коня не видѣти.»
 Садился Дюкъ да на добра коня,
 Простился Дюкъ да со всёмъ Галичемъ,
 Съ родителью матушкой въ особинку.
 А видѣли Дюка на коня гдѣ съѣлъ,
 Не видѣли Дюковой поѣзочки,

Только дымъ стоитъ да во чистомъ полн.
 А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то и въ поль-травы,
 А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то поверхъ травы,
 Да ѣдетъ Дюкъ тутъ-то и въ поль-лѣсу,
 А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то поверхъ лѣсу,
 Пovyше лѣсу-то стоячего,
 Пониже облака ходячего.
 Налегала на молодца Горынь-змѣя,
 Горынь-змѣя да змѣя лютая,
 Она ладитъ молодца съ конёмъ пожрать.
 Отъ змѣи-то добрый конь ускакивалъ,
 Добра молодца у смерти унашивалъ.
 Налетало на молодца стадо грачовъ,
 По-русски назвать дакъ черныхъ вороновъ.
 Отъ грачевъ-то добрый конь ускакивалъ,
 Добра молодца у смерти унашивалъ.
 Налегало на молодца стадо гонцевъ,
 По-русски назвать дакъ то сѣрыхъ волковъ.
 Отъ гонцевъ-то добрый конь ускакивалъ,
 Добра молодца у смерти унашивалъ.
 Да тѣ три заставушки проѣхано,
 Четвёртой заставушки минутъ нельзя.
 Доѣзжалъ до шатра бѣлополотняна,
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 «Еще что въ шатрѣ да за невѣжа спитъ?»
 «А идѣтъ ли съ Дюкомъ вѣдь побитися,
 «Да побитися съ нимъ поборотися?»
 Говоритъ въ шатрѣ да не уступивать:
 — А я-съ-то съ Дюкомъ вѣдь побитися,
 — Да я-съ-то съ Дюкомъ поборотися,
 — Я отвѣдаю Дюковой-то храбрости. —
 Тутъ-то видить Дюкъ да что бѣда пришла,
 А бѣда пришла бѣда не маленька.
 Сходили-то Дюкъ да со добра коня,
 Онъ снимаетъ шляпу съ буйной головы,
 Да онъ бьётъ челомъ да до сырой земли.
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово;
 «Да едино солнышко на небеси,
 «Единъ богатырь на святой Руси,
 «Единъ Илья да Илья Муромецъ!»
 Ильи тѣ рѣчи прилюбилъ,
 Да то бралъ онъ Дюка за бѣлы руки,
 Да заводилъ онъ Дюка во бѣлой шатѣрь,
 Говорилъ онъ Дюку таково слово:
 — Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 — Какъ будешь ты Дюкъ теперь во Києв,
 — На тебя какъ буде вѣдь незгодушка,
 — Незгодушка безвеременицо,
 — Тебя некому молодца повыручить,
 — Дакъ стрѣляй-ко ты стрѣлочки калѣныи,
 — Ко стрѣламъ ты ерлычки припечатывай.

— У меня летаетъ вѣдъ сизой орёлъ,
 — Сизой орёлъ да по чисту полю,
 — Приноситъ онъ стрѣлочки въ бѣлой патѣръ.
 — А тутъ я наѣду изъ чиста поля,
 — А тутъ тебя молодца новыручу. —
 Садился Дюкъ да на добра коня,
 Уѣхалъ Дюкъ да въ столень Кіевъ градъ.
 Приѣхалъ Дюкъ во столень Кіевъ градъ,
 А ѣде прешпехтами торговыма,
 А всѣ тутъ купци да и двуются:
 «Вѣкъ-то этого молодца не видано.»
 Ины говорятъ такъ вѣдъ и видано.
 И нашъ Чурилушко щанливѣ,
 Нашъ Чурило шогольливѣ.
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Да ай вы купци да вы торговни!
 — А и гдѣ вашъ солнышко Владиміръ князь? —
 Говоря купци да всѣ торговни:
 «Да нашъ-отъ солнышко Владиміръ князь,
 «А шполь Владиміръ во Божью церковь,
 «Ко собору пресвятыи Богородицы.»
 Соходилъ-то Дюкъ да со добра коня,
 Пошоль-то Дюкъ да во Божью церковь.
 Поставилъ коня своего добраго,
 Не привязана да не прикована.
 Приступили голи тутъ кабацкіе,
 Да ладя съ коня они попоу снятъ.
 А доброй конь голямъ не давается,
 Со голям конь да отдирается,
 Не давае конь съ себя попоны снятъ.
 Заходилъ-то Дюкъ да во Божью церковь,
 Онъ крестъ кладеть да по писаному,
 Поклонъ ведеть да по учёному.
 Бѣтъ челомъ до на всн стороны,
 Владиміру князю-то въ особинну:
 — Здравствуй солнышко Владиміръ князь! —
 Говорилъ Владиміръ таково слово:
 «Ты здравствуй удалый добрый молодецъ!
 «Ты коей земли, да ты коей орды,
 «Коего отца да чѣи матери?»
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Изъ Волянца я города изъ Галича,
 — Я изъ той Волянъ-земли богатя,
 — Изъ той Корелы изъ проклятыя,
 — Молодой боярской Дюкъ Степановичъ.
 Отстояли Христовскую обѣденку,
 Пошли какъ они да изъ Божьей церкви,
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Владиміръ ты князь да столень-кіевской!
 — А слава велика есть на Кіевъ градъ,
 — На тебя-де солнышка Владиміръ князь.

— Какъ у васъ вѣдъ всё да не по нашему.
 — Какъ у насъ во городи во Галичѣ,
 — У моей государыни у матушки,
 — У собора пресвятыя Богородицы,
 — Мощены мосточки всё калинны,
 — А вбиты гвоздочки шоломчатые,
 — Розстланы сукна багрецовые.
 — А у васъ въ городи во Кіевъ,
 — У собора пресвятыя Богородицы,
 — Мощены мостишка все сосновые,
 — Худые мостишка крениватые *),
 — Крениваты мостишка выловатые,
 — А вбиты гвоздишка деревянные. —
 А и то ли князю за бѣднѣ стало.
 Да идутъ по пришпехту по торговому,
 А и добрый конь идеть да на широкій дворъ.
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Ты мой маленькой бурушко косматенкой!
 — Помрѣшь ты добрый конь да здѣся съ голоду,
 — Какъ вѣдъ брошено овсншка тебѣ зяблого.
 — Во своёмъ ты городѣ во Галичѣ,
 — У моей государыни у матушки,
 — Не хотѣлъ ѣсть пшена да бѣлоярова. —
 А и то ли князю за бѣднѣ стало.
 Заходилъ тутъ Дюкъ да во высьвъ терѣмъ,
 Садился Дюкъ да за дубовый столъ.
 Понесли какъ по чары пива пьяного,
 Чару въ руку взялъ да онъ и въ ротъ не взялъ.
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Владиміръ ты князь да столень-кіевской!
 — А слава велика есть на Кіевъ градъ,
 — На тебя-де солнышко Владиміръ князь,
 — Какъ у васъ вѣдъ всё да не по нашему.
 — А у насъ во городѣ во Галичѣ,
 — У моей государыни у матушки,
 — Да то копаны погребы глубокіе,
 — На цѣпяхъ-то бочки туды спусканы,
 — Проведены трубы подземельныя,
 — Какъ новѣютъ вѣтры по чисту полю
 — Во тѣ ли погребы глубокіе,
 — На цѣпяхъ-то бочки зашатаются,
 — Въ бочкахъ пиво-то да сколыбається,
 — Оттого пива не затыхаются.
 — Да чарку пьешь, а другой хочется,
 — По третьей-то такъ вѣдъ душа горить.
 — У васъ во городи во Кіевъ,
 — Да копаны погребы глубокіе,
 — А спущены бочки ты да на землю,
 — Вы пива пьете да вѣдъ всё затхле,

*) крень — косое дерево.

— Не могу я пива-то вѣдь въ ротъ-отъ взять. —
 Да и то ли князю за бѣдно стало.
 Понесли колачикувъ крупнчатыхъ,
 Колачъ въ руку взялъ, да онъ и въ ротъ не
 взялъ.

Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:

— Владиміръ ты князь да столень-кѣвской!
 — А слава велика есть на Кіевъ градъ,
 — На тебя-де солнышко Владиміръ князь,
 — Какъ у васъ вѣдь всё да не по нашему.
 — А у насъ во городѣ во Галичѣ,
 — У моей государыни у матушки,
 — Да то печки были всё муравленки,
 — А поды-ты были всё серебряны,
 — Да помела были всё шелковые,
 — Колачки да всё крупнчаты.
 — Колачикъ съѣшь, другаго хочется,
 — По третѣмъ-то дакъ вѣдь душа горить.
 — А у васъ во городи во Кіевѣ,
 — А то печки были всё кирпичныя,
 — Поды-ты были вѣдь все гнѣяны,
 — Помяла были всё сосновыя,
 — Колачки да вѣдь крупнчаты,
 — А колачки да пахнуть пѣ фюу,
 — Не могу колачика я въ ротъ-отъ взять. —
 Да и то ли князю за бѣдно стало.
 Изъ-за того стола изъ-за дубоваго,
 Выставалъ Чурилушко сынъ Пленковичъ.
 Говорилъ Чурило таково слово:
 «Владиміръ ты князь да столень-кѣвской!
 «Къ намъ не Дюкъ Степановичъ паѣхаль-то,
 «Налетѣла ворона погумешная.
 «Да онъ у крестьянина да въ козакахъ живѣ,
 «Да онъ у крестьянина коня угналъ,
 «А и онъ у крестьянина животы накралъ.
 «А тѣмъ животомъ онъ похваляется.»
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Да а й ты Чурило сухоногоё,
 — Сухоного Чурило грабоногоё!
 — Я своимъ имѣнцемъ-богачествомъ
 — Да и вашъ-отъ весь я столень Кіевъ градъ
 — Я продамъ имѣнцемъ да и выкуплю. —
 Говорилъ Чурило таково слово:
 «Владиміръ ты князь да столень-кѣвской!
 «Посадимъ-ко мы Дюка во глубокъ погрѣбъ.
 «А пошлѣмъ-ко Олѣшу ми Поповича,
 «Ко Дюку имѣнница оинсывать.»
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Владиміръ ты князь да столень-кѣвской!
 — Не посылай-ко Олѣшеньки Поповича,
 — А Олѣшино дѣло вѣдь поповскоё,

— Поповско дѣло не отважноё.

— Не описать имѣнья буде въ три годы,

— Во тѣхъ межахъ ему числа не дать.

— Пошли-тко Добрынюшку Микитича.

— Добрышино дѣло вѣдь купецкое,

— Купецко дѣло всё отважноё,

— Опшѣ имѣнье онъ и въ три часа. —

Посылали Добрынюшку Микитича.

Садился Добрыня на добра коня,

Поѣхалъ Добрыня во славнои Галичъ градъ,

Приѣхалъ Добрыня во славнои Галичъ градъ,

Находилъ терема-ты самолучшіе.

Соходилъ Добрыня со добра коня,

Заходилъ Добрыня во высокъ терѣмъ,

Онъ крестъ кладѣтъ да по писаному,

Поклонъ ведѣтъ да по учёному,

А бѣтъ челомъ да на вси стороны.

Тутъ сидитъ жена да старо-матерна,

Не много шолку вѣдь, вся въ золоти,

Говорилъ Добрыня таково слово:

«Да ты здравствуй Дюкова ты матушка!»

Говорить жена да старо-матерна:

— А язъ-то Дюку вѣдь вѣдь не матушка,

— А язъ-то Дюкова колачница. —

Да и то ли Добрыни за бѣдно стало.

Выходилъ Добрыня на широкой дворъ,

Садился Добрыня па добра коня,

Отѣзжалъ Добрыня во чисто поле,

Роздернулъ шатеръ бѣлополотняной,

И спалъ онъ дологъ день до вечера,

А темную ночь да й до бѣла свѣту.

Поутру вставае онъ ранѣшенько,

Садился Добрыня на добра коня,

Приѣзжалъ Добрыня въ славнои Галичъ градъ,

Забирается да дальше прежняго.

Тутъ сидитъ жена да старо-матерна,

Не много шолку, вѣдь вся въ золотѣ.

Говорилъ Добрыня таково слово:

«Да ты здравствуй Дюкова ты матушка!»

Говорить жена да старо-матерна:

— Да ты здравствуй удалый добрый молодець!

— А язъ-то Дюку вѣдь не матушка,

— Да язъ-то Дюкова божатушка *). —

Говорилъ Добрыня таково слово:

«Да и ай ты Дюкова божатушка!»

«Скажи мнѣ про Дюкову-ту матушку.»

Говорить жена да старо-матерна:

— Да и ай ты удалой доброй молодець!

— Да ты въ утри стань-ко-ты ранѣшенько,

*) крестьяна мать.

— А и ставь въ церкви нищею калыкою.
 — Какъ первая толпа пройде метельщиковъ,
 — Друга толпа пройде лопатниковъ,
 — Третья толпа пройде подстельщиковъ,
 — Розстпляютъ сукна багрецовые,
 — Идутъ какъ тугова три женщины,
 — Несутъ подзоптикъ-отъ подсолнечной,
 — Умѣй-ко ты тутъ съ ней поздороваться. —
 Выходилъ Добрыня на широкой дворъ,
 Садился Добрыня на добра коня,
 Отѣзжалъ Добрыня во чисто полѣ,
 Роздернулъ шатѣръ бѣлополотняной,
 Да спать онъ дологъ день до вечера,
 А тѣмную почъ да до бѣла свѣту.
 Поутру ставае онъ ранѣшенько,
 Садился Добрыня на добра коня,
 Приѣзжалъ Добрыня въ славной Галичъ градъ,
 Становился въ церкви нищею калыкою.
 Первая толпа прошла метельщиковъ,
 Друга толпа прошла лопатниковъ,
 Третья толпа прошла подстельщиковъ,
 Розстпляютъ сукна багрецовые,
 Идутъ какъ тугова три женщины,
 Несутъ подзоптикъ-отъ подсолнечной.
 Заходилъ Добрынюшка на супротпвочку,
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 «Да ты здравствуй Дюкова ты матушка!
 «Послалъ вамъ Дюкъ по челомбѣтнику,
 «И всѣмъ по поклоу вамъ поставити.»
 Говорила Дюкова-та матушка:
 — Да ты здравствуй удалой доброй молодець!
 — Ты коей земли, да ты коей орды,
 — Коего отца да чьен матери? —
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 «Я изъ славнаго города изъ Кіева,
 «Молодой Добрынюшка Микитѣвниць.»
 Отстояли соборную обѣденку,
 Пошли какъ они да изъ Божьей церкви,
 Говорилъ Добрыня таково слово:
 «Да ты ай ты Дюкова ты матушка!
 «Послалъ-то Дюкъ да сынъ Степановиць
 «Своего имѣнника описывать.»
 Дакъ-то тутъ-то Дюкова-та матушка
 Завела во клѣтку во саножную,
 Не могъ Добрыня саноговъ-то онъ перѣчитать,
 Не то что перѣчитать, глазами-то перѣглядѣтъ,
 А и всё сапоги да не держаные.
 Завела во клѣтку во сѣдельскую,
 Не могъ Добрыня сѣдель-то перѣчитать,
 Не то что перѣчитать, глазами-то перѣглядѣтъ,
 Да всё этъ сѣдла не держаные,

А важно сѣдло стоить пятьсотъ рублей.
 Завела во конюшню во стоялую,
 Не могъ Добрыня жеребцовъ-то онъ перѣчитать,
 Не то что перѣчитать, глазами-то перѣглядѣтъ,
 Не какому жеребцу давъ онъ цѣны не знать.
 Завела во погребъ сорока сажонъ,
 Не могъ-то бочекъ онъ перѣчитать,
 Не то что перѣчитать, глазами-то перѣглядѣтъ,
 Да полные бочки красна золота,
 А все это злато не держаное.
 Дакъ-то тутъ Добрыня пороздумался,
 Спсисалъ онъ грамоту посольскую:
 «Владиміръ ты князь да столень-кіевской!
 «Пошли-тко бумаги сюды три воза,
 «А пошли сюды да тридцать писчиновъ.
 «Не описать имѣнья буде въ три года,
 «Во тѣхъ межахъ буде числа не дать.»
 Выпустили Дюка тутъ изъ погреба,
 Да и тутъ Дюкъ съ Чуриломъ припросхвастались,
 Ударили да о великъ закладъ,
 О великъ закладъ, да о пятьсотъ рублей —
 Шапить-басить да имъ по три года,
 На каждый день да платя смѣнныя.
 Поручились по Чурилуки всѣмъ Кіевомъ,
 Никто-то по Дюки не ручается.
 А и то ли Дюку за бѣднѣ стало.
 Выходилъ-то Дюкъ да на царевъ кабакъ,
 А и бралъ онъ три бочки зелена вина,
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — А и ай вы голи вы кабацкіе!
 — Да и нейте вино да вы безденежно,
 — Ручайтесь по Дюкъ по Степановѣ. —
 Дакъ-то тутъ-то голи поручились.
 И они стали шапить-басить по три года.
 Прощаили пробасили они три года,
 Пошли къ остатни Христоскинъ заутреня,
 Снаряжаютъ Чурилуку всѣмъ Кіевомъ.
 Обувалъ саножки онъ зеленъ сафьянъ,
 Да носъ-отъ шиломъ и пята востра,
 Съ носу къ пяты хотъ янцо кати.
 И надѣвалъ кафтанъ онъ съ прозуменгами,
 А да пуговики были вольячныи,
 А литъ-то вольягъ да красна золота,
 По тому ли яблоку по любскому,
 А петельки да изъ семи шелковъ,
 Накладалъ шляпу съ полимажами.
 Пошолъ Чурило во Божью церковь,
 Всѣ Чурилу поклоняются.
 Одни-то Дюкъ да сваряжается,
 Обувалъ онъ лапти изъ семи шелковъ,
 Таки были лапти востропосые,

Что вѣдь носъ-отъ шиломъ и пята востра,
 Съ носу къ пяты хотъ янцо кати;
 Во тѣ во носы во лапотнѣ,
 Вплѣтано по камешку по яфанту,
 По яфанту по самоцвѣтному,
 Пекутъ лучи да солннопечные,
 Не ради красы-басы да молодецкіе,
 А ради поѣздки богатырскіе,
 Чтобы днѣмъ и ночью видно ѣхати.
 Надѣлъ Дюкъ шубу соболонную,
 Подъ дѳрогимъ подъ зеленымъ подъ знѣметомъ.
 А пуговки были вольячныи,
 А лптѣ-то вольягъ да красна золота,
 Петельки да изъ семи шелковъ,
 Да въ пуговкахъ были левы-звѣри,
 А петелькахъ были люты змѣи.
 Накладывалъ онъ шляпу семигрянчату (sic),
 Пополь-то Дюкъ да во Божью церковь.
 Зарыкали у Дюка тутъ левы-звѣри,
 Засвистали у Дюка тутъ люты-змѣи,
 Да всѣ тутъ въ Кіевѣ заслушались,
 А всѣ тутъ-то Дюку поклонилися.
 «Спасибо ты Дюкъ да сынъ Степановичъ!
 «Перещанилъ Чурилушка ты Пленкова.»
 Отстояли христосскую заутреню,
 Пошли какъ онѣ да изъ Божьей церкви,
 Да отобралъ Дюкъ съ Чурила тутъ великъ за-
 глады,
 Великъ закладъ да вѣдь пятьсотъ рублей.
 — Да ай ты Чурило сухоногоѣ!
 — Сухоного Чурило грабоногоѣ!
 — Баси ты Чурило передъ бабами,
 — Передъ бабами да передъ дѣвками,
 — А й съ мамъ съ молодцами ты и въ конѣ
 нейди. —
 Говорилъ Чурило таково слово:
 «Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 «Ударимъ съ тобой мы о великъ закладъ,
 «О великъ закладъ да о пятьсотъ рублей —
 «Скакать-то намъ да на добрыхъ коняхъ,
 «Черезъ ту ли скакать черезъ Пучай рѣку,
 «А Пучай рѣка да ровно три версты.»
 Поручились по Чурилушки всѣмъ Кіевомъ,
 А никто-то по Дюкъ не ручается.
 Да голяжь-то болѣ не повѣрили,
 А и то ли Дюку за бѣднѣ стало.
 Выходилъ-то Дюкъ да на широкой дворѣ,
 Стрѣлялъ онъ стрѣлочки каленне,
 Ко стрѣламъ ермички припечатывалъ.
 Изъ того ли поля-то изъ чистаго,
 Наѣзжалъ стары казакъ да Пыля Муромецъ,

Поручился по Дюкъ по Степановѣ.
 Выбиралъ Чурилушко добра коня,
 Добра коня да улегуника,
 По чисту полю да сталъ розганивать,
 А розганивалъ да онъ розѣзживалъ.
 Приправилъ Чурилушка черезъ Пучай рѣку,
 Скочилъ Чурило за Пучай рѣку.
 Назадъ Чурило сталъ отскакивать,
 Упалъ Чурило о полу рѣки.
 Молодой боярской Дюкъ Степановичъ,
 Садился Дюкъ да на добра коня,
 Не розганивалъ да не розѣзживалъ,
 Приправилъ Дюкъ черезъ Пучай рѣку,
 Перескочилъ-то Дюкъ черезъ Пучай рѣку.
 Назадъ-то Дюкъ да сталъ отскакивать,
 Хватилъ Чурило за желты кудри,
 А сшибъ Чурило на крутъ бѣрежокъ,
 Да й бралъ съ Чурило онъ великъ закладъ,
 Великъ закладъ да онъ пятьсотъ рублей,
 И сталъ подъ жопу-ту попинивать.
 — Да ай ты Чурило сухоногоѣ,
 — Сухоного Чурило грабоногоѣ!
 — Баси ты Чурило передъ бабами,
 — Передъ бабами да передъ дѣвками,
 — А съ нами съ молодцами ты и въ конѣ нейди. —
 Говорилъ Владиміръ таково слово:
 «Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
 «Гости-тко, пожалуй во высокъ теремъ,
 «А хлѣба соли ты покушати,
 «А бѣлаго лебеда порушати.»
 Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
 — Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
 — Какъ вѣдь съ ўтра солнышко не спекло,
 — Подъ вечеръ солнышко не огрѣе.
 — На прѣздѣ молодца ты не учостовалъ,
 — А теперь на поѣздѣ не учостовать,
 — А будь-ко свинья да ты безшоретная. —
 Скоренько садился на добра коня,
 А видѣли Дюка на коня гдѣ сѣлъ,
 Не видѣли Дюковой поѣздочки.
 А съ той поры да съ того времени
 А стали Дюка стариной сказать,
 Отнынѣ сказать да его до вѣку.

Записано тамъ же, 10 августа.

231.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

А й изъ-подъ той бѣлой березки кудреватя,
 Изъ-подъ чуднаго креста Леванидова,
 Туда шло девять туровъ, девять молодыхъ,
 Да на встрѣчу-то турамъ да родна матушка,
 Гнѣдая туриха златорогая.
 Говорила-то турамъ да родна матушка:
 «Ужъ вы гдѣ туріи были, гдѣ гнѣдые гүляли?»
 Говорятъ туто туры да родной матушки:
 — Были мы туры да во чистомъ во полі.
 — Намъ случилося бѣжать мимо сталець Кіевъ
 градъ,
 — Ужъ мы видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно:
 — Какъ по той ли по стѣнѣ по городовой,
 — А ходила душа красная дѣвица,
 — На рукахъ носить Божью книгу евангелью,
 — Она кое-то читала съ двое плакала. —
 Говорила-то турамъ да родна матушка:
 «Вы глупые туры да неразумные!
 «Не красная дѣвица тутъ плакала.
 «Тутъ плакала сама мать Богородица,
 «Тужила-то о вѣрѣ христіанскіе.»
 Подъ ту ли подъ стѣну городovou
 Нагоняетъ тутъ Батыга силы смѣты нѣтъ,
 Будто чорнаго-то лѣсу дремучаго,
 Столько у Батыги силы пагнато.
 А богатырей-то дома не случилося.
 А Самсонъ и Лука на святыхъ на горѣхъ,
 А Плья-то вѣдь былъ Муромецъ въ иной земли,
 А Добрыня-то Микитичъ въ зеленыхъ лужкахъ,
 А Олѣша-то Поповичъ на желтыхъ пескахъ.
 Изъ тово ли-то изъ кабака царѣваго,
 Выходила туто голь-та кабацкая,
 Право на имя Василей сынъ Васильевичъ.
 Выходилъ онъ на крылечко перѣное,
 Овалился о перила о точеные,
 Здрѣль-смотрѣль въ поле чистое.
 А натягалъ ли Василей свой тугой лукъ,
 А накладалъ ли Василей калену стрѣлу,
 Да стрѣлялъ онъ по Батыгинимъ бѣлымъ шат-
 рамъ,
 А розбилъ онъ у Батыги три бѣла шатра,
 А убилъ онъ у Батыги три головушки,
 Три головушки убилъ самолучшіе.
 Убилъ сына-то Батыгу Батыговича,
 Убилъ зятя Торокашку Скурлатъевича,

Убилъ умнаго дьячка, убилъ разумнаго.
 Скоро у Батыги не замѣшалося,
 Посылаетъ тутъ Батыга скорого гонца:
 — Подай-ко мнѣ Владиміръ виноватаго,
 — На что ты мою силу бѣешь воровски? —
 Не знае туто Владиміръ виноватаго,
 Говори туто создаты буфетные:
 «Владиміръ ты нашъ князь столець-кіевской!
 «Знаемъ, государь, мы виноватаго.
 «Изъ того ли-то изъ кабака царѣваго,
 «Выходила туто голь та кабацкая,
 «Право на имя Василей сынъ Васильевичъ.
 «Выходилъ онъ на крылечко перѣное,
 «Овалился о перила о точеные,
 «Здрѣль-смотрѣль въ поле чистое.
 «Натягалъ ли Василій свой тугой лукъ,
 «Накладалъ ли Василей калену стрѣлу,
 «Стрѣлялъ туто Василій во чисто поле.»
 Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
 — А й же вы солдаты буфетные!
 — Приведите-тко Василья ко мнѣ на лицо. —
 Приводили-то Василья ко Владиміру на дворъ,
 Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
 — А й же ты голь ты кабацкая!
 — Не ты ли билъ силу Батыгинну?
 — Поѣзжай-ко ко Батыги со отвѣтомъ самъ. —
 Говорилъ-то Василій таково слово:
 «Владиміръ ты нашъ князь столець-кіевской!
 «Дай-ко мнѣ-ка чару зелена вина,
 «Другую-ту дай пива пьянаго,
 «Третью дай чару меду сладкаго.»
 Подавали ему чару зелена вина,
 Другую подавали пива пьянаго,
 Третью чару зелена вина,
 Спиваетъ онъ питье да все въ одно мѣсто,
 Становилося питье да полтора ведра.
 Береть онъ чару единой рукой,
 Выпивае питье на единый духъ,
 Да облатился Василей обкольчужился,
 Садился Василей на добра коня,
 Подѣзжаетъ ко Батыгинимъ бѣлымъ шатрамъ,
 Сходилъ туто Василей со добра коня,
 Да идеть онъ ко Батыгѣ низко кланяется:
 «А й же ты Батыга сынъ Васильевичъ!
 «Прости меня, Батыга, въ первой винѣ.
 «Дай-ко мнѣ-ка силы сорокъ тысячей,
 «Я пойду-де воевать столець Кіевъ градъ.
 «Знаю я ворота незаложены,
 «Незаложены ворота въ слѣтну *) сторону.»

*) южная.

Давае тутъ Батыга силы тысячей.
 Да пошоль Василей во столень Кіевъ градъ,
 Заводилъ онъ тутъ за стѣну городовую,
 Выпнмаеъ тутъ Василей свой вострой мечъ,
 Да и взялъ тутъ Васильюшко помахивать,
 А куды-де онъ махнетъ — дакъ туды улица,
 А куды онъ отмахнетъ — дакъ переулки знать,
 Да прибилъ онъ эту силу сорокъ тысячей.
 Обворачивалъ Василей тутъ добра коня,
 Приѣзжаетъ ко Батыгинимъ бѣлымъ шатрамъ,
 Остальнюю-ту онъ силу по шатрамъ добивалъ.
 У Батыги были кони тутъ добрые,
 А садился Батыга на добрыхъ коней,
 Да уѣхалъ ли Батыга во свою землю.
 Да и тутъ-то Батыга царь закаляся:
 — А не дай Богъ бывать на святой на Руси! —
 Да чудные кресты въ Еросблнмѣ,
 А славные богатыри во Кіевѣ.
 Съ той поры да съ того времени
 Стали Василья старшой сказать,
 Отнынѣ сказать да ево до вѣку.

Записано тамъ же, 14 августа.

XLV.

КАЛИТИНА.

Ирина Денисовна Калитина, крестьянка 49 лѣтъ, съ Суетпна-острова, что на Свиномъ-озерѣ, близъ Кенозера. Ея отецъ Данило Нечаевъ, умершій лѣтъ 40 тому назадъ, зналъ очень много былинъ, и по ея словамъ былъ учителемъ Петра Воинова (который, впрочемъ, приписывалъ происхождение своихъ былинъ другому источнику, см. выше). Кромѣ печатаемыхъ здѣсь, Калитина имѣла про молодость Чурилы, про Дюка и про Добрыню и Алешу варианты, весьма сходные съ тѣми, которые записаны со словъ Воинова, но менѣе подробные.

232.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ЦАРЕГРАДѢ.

Отъ славнаго батюшка отъ Царяграда
 Пролегала путь дорожка широкая,
 И долиною по дорожкѣ вѣтъ не бывано,
 И широко та дорожка тридцати сажень.

Да по той по дорожки по широкиѣ,
 Да пдѣтъ-де калика переходяя.
 И онъ-де волосомъ бѣлъ, бородой сѣдаты,
 Да и гуня-де на нѣмъ сорочинская,
 Да и шляпа-де на нѣмъ земли греческой,
 Да клякою-де калика подпирается,
 Подъ каликою земля подгибается.
 Да приходитъ тотъ калика въ стольней Кіевъ градъ,
 Да заходитъ-де старикъ во царевъ кабакъ:
 «Да и здравствуйте вы чумаки цѣловальники!»
 «Да всѣ-то вы головы да ларечные,
 «Да всѣ-то вы голы да кабацкіе.»
 Да по кабаку калика похаживать,
 И съ ноги на ногу старикъ переступывать,
 И всѣ дубовые половки подгибаются,
 Да переводины подъ старымъ шатаются,
 Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
 «Да и ой же чумаки вы цѣловальники!»
 «Да повѣрьте мнѣ вина вы на пятьсотъ рублей.
 «Буде мало розоньюсь дакъ на тысячу.»
 Да сказали чумаки цѣловальники:
 — Да и нѣ во что калика тебѣ вѣрити. —
 Да и тутъ-де калика переходяя,
 Да снимае онъ съ вѣрота свой чудень крестъ,
 Дорогаго-де червонаго золота.
 И толщиную тотъ крестъ былъ во три пятаки,
 Да вѣсу-то тѣнулъ поль-сема пуда,
 Да не смѣли за крестъ онъ принятьсе.
 Да и тутъ чумаки догадалисье,
 Да собирали голы по денежки,
 И того мало не хватило по копѣечкѣ,
 Да и брали-де вина полтора ведра,
 Приносили-де калики переходяе.
 Да примае-де калика единой рукой,
 Выпнмае-де старикъ на единый духъ,
 Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
 «Да и ой же вы голы да кабацкіе!»
 «Не напоили старика лишь роззадорили.
 «Выходите на площадку торговую,
 «Напою я всѣхъ до пѣна зеленымъ выпомъ.»
 Да и самъ вонъ калика пѣзъ кабака,
 Да приходитъ онъ ко погребу-то княженецкому,
 Ёнъ-де двери и колоды вонъ да выпннмвалъ,
 Да руками ёнъ замочки отщальмвалъ,
 Да спускался во погребы глубокиѣ.
 Да онъ бочку берѣтъ вина подъ назуху,
 Да другую сороковку подъ другую,
 Да и третью ту бочку да ногой катитъ,
 Да и выкатилъ три бочки зелена вина,
 Да на ту ли площадку на торговую,

«Ужь ты царь Костянтинь Боголюбовичь!
 «Да создай-ко калика милбстину,
 «Да милостину подай золоту гривну.»
 И отъ того ли отъ крыку богатырского,
 Бблокаменны полаты пошаталисе,
 Да напитки на столахъ пролпвалисе.
 И говоритъ-де поганой таково слово:
 — Ужь ты царь Костянтинь Боголюбовичь!
 — Да й что у тебя за уродъ пришоль?
 — Да зови-ко ты въ полату бблокаменну,
 — Погляжу-то я его лица-возрасту. —
 Да и царь Костянтинь Боголюбовичь,
 Опъ-де скоро выходилъ на широкій дворъ:
 «Ужь ты, батюшко, калика переходяя!
 «Овладѣло-де поганое Издолищо.
 «Да въ церквахъ образа всѣ исприколоты
 «И золотая-де казна запечатана,
 «У меня пѣтъ-те податъ нынѣ милбстину.
 «Да изволь итти въ полату бблокаменну,
 «Напою я накормлю хлѣбомъ солию.»
 Да и тутъ-де калика переходяя,
 Да заходитъ опъ въ полату бблокаменну,
 Своему-де енѣ образу молится,
 Онѣ кланяется поклопяется,
 Да на всѣ на четыре на сторонушки,
 Да поганому Издолищу челомъ не бѣе.
 Да тутъ-де поганое Издолищо,
 Да садился за столы хлѣба соли кушати,
 Да по цѣлой ковригѣ енѣ въ ротъ суе,
 Да по цѣлому быку енѣ у выти ѣсть,
 Да по цѣлому котлу енѣ-де пиѣ пѣтъ,
 Да и самъ говоритъ онѣ таково слово:
 — Да и ой же ты калика переходяя!
 — Ужь ты знашь ли Илью славнаго Муромца.
 — Да по много ль Илья у васъ да у выти ѣсть?
 И говоритъ-де Илья таково слово:
 «Ужь я знаю Илью славнаго Муромца.
 «Да и нашъ-отъ Илья славной Муромецъ,
 «А и колачикъ онѣ съѣсть а и много два,
 «Да не такъ какъ ты, кобыла обжорищо!
 «Какъ у моего-то государя у батюшка,
 «Эка была-де корова обжорищо,
 «Да дробинны-то наѣлась ей и треснуло.»
 Да и тутъ-де поганому Издолищу
 Да и рѣчи ты его не прилюбилиса,
 Да и винулъ онѣ ножищо книжалищо,
 Да Илья отъ ножа приувернулся,
 Да и пожикъ-отъ палъ въ ободвернцу.
 Да и тутъ-де Илья славной Муромецъ,
 Да снимаетъ-де шляпу съ буйной головы,
 Да ударилъ поганого Издолища,

Да отшпобъ у поганого голову,
 И проломилъ двѣ стѣны бблокаменныххъ,
 Да и самъ говорилъ онѣ таково слово:
 «Ужь ты царь Костянтинь Боголюбовичь!
 «Обери-ко ты поганое тулово,
 «Да живи-ко ты въ Царѣ-градѣ по старому,
 «Да молн-тко ты Бога за Илью за Муромецъ (sic),
 «Онѣ на славу приходилъ въ славный Царь-отъ градъ.»

Записано на Кенозерѣ, 15 августа.

233.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Выѣзжало два сильнии два могучие два богатыри:
 Илья Муромецъ, да Добрынюшка Микитинъ сынъ,
 Они ѣхали да во чисто полѣ,
 Да роздѣрнули въ чистомъ поли тонкой ббллой шатѣръ,
 Да и стали-то въ шатрѣ да опочикъ держать.
 Да на тотъ на тонкой да на ббллой шатѣръ,
 Налетѣла тутъ вранъ-отъ птица вѣщала.
 Да и вранъ-отъ надъ шатромъ да вѣдъ прокыр-
 кивать,
 Да ставаетъ Илья да славной Муромецъ,
 Онѣ-де будить Добрынюшку Микитича:
 «И ты ставай-ко Добрынюшка Микитинъ сынъ,
 «У насъ что надъ шатромъ-то сучинилосе,
 «Не проѣхала ли поляница та удалая,
 «Не подходитъ ли подъ коней у насъ лютой звѣрь.»
 Да ставаетъ Добрынюшка Микитинъ сынъ.
 Выходилъ-де Добрыня изъ бблла шатру,
 Поглядѣлъ по дорожкеѣ прямоѣзжкѣ,
 Да и ѣде поляница та удалая,
 Да подходитъ подъ коней у нихъ лютой звѣрь,
 И забиралъ онѣ коней ко ббллу шатру,
 И подавалъ пшена онѣ ббллояраго,
 И говоритъ Илья да таково слово:
 «Да и ой же Добрынюшка Микитинъ сынъ!
 «Поѣзжай-ко въ сугонъ ты за богатыремъ.
 «И буде русьской богатырь дакъ побратайся,
 «А невѣрной богатырь дакъ бою проси.»
 И говоритъ-де Добрыня таково слово:
 — Я не смѣю въ сугонъ ѣхать за богатыремъ.
 — У богатыря у коня изъ рота-то вѣдъ пламѣ
 машѣ,

— А изъ ноздрей у коня-то искры сыплются,
 — А изъ ушей у коня-то кудрявъ дымъ стаётъ,
 — У правой ноги борзой ли кобель проскакни-
 вать,
 — Съ плеча на плече ясенъ соколъ перелётыва-
 вать.

— Да и ѣде богатырь-отъ самъ тѣшится,
 — Да кинаетъ палку вверхъ подь облаки. —

Да говоритъ Илья да таково слово:

«Да и ой же Добрынюшка Минкитинъ сынъ!

«Да поѣзжай-ко къ женѣ да къ своей матери.

«Да ты экой въ товарищи мнѣ большѣе не на-
 добно.»

Енъ-де скоро удалъ-сѣдлаъ свой добра коня,
 Да уздае-сѣдлае крѣпко на крѣпко,
 Не ради красы-басы молодецкіе,
 Ради крѣпости да богатырскіе,
 И поѣзжаетъ въ сугонъ да за богатырѣмъ.
 Ёде вѣдъ дологъ день ёде до вечера,
 Да и тѣмву ночку до бѣла свѣту,
 Да не можетъ догнать богатыря во чистомъ поли.
 И на другой день Илья да попускается,
 И ёде дологъ день ёде до вечера,
 Да и тѣмву ночку до бѣла свѣту,
 Да не можетъ догнать богатыря во чистомъ
 полѣ.

Да на третій день же попускается,
 Да догналъ богатыря въ чистомъ поли,
 И закричалъ Илья-та по звѣриному,
 И засвисталъ Илья-та по змѣиному.
 И у богатыря конь-де на колѣника палъ,
 Да и бьётъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ:
 — Ужъ ты волчья смѣ конь травяной мѣшокъ!
 — Да пугаешься крику ты вороньяго. —

Да и тутъ Илья закричалъ онъ по звѣриному,
 Засвисталъ-де Илья та по змѣиному,
 И у богатыря конь-де на колѣника палъ,
 Да и бьётъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ:
 — Ужъ ты волчья смѣ конь травяной мѣшокъ!
 — Да пугаешься крику ты вороньяго. —

Налетѣла ворона изъ чиста поля,
 Налетѣла ворона порозгралася,
 Такъ тутъ-де Илья да славной Муромецъ,
 И того-же закричалъ онъ по звѣриному,
 И засвисталъ Илья-де по змѣиному.
 И у богатыря конь-де на всѣ ноги палъ.
 Да и видитъ богатырь [бѣду] неминучую,
 Обворачивае свой добра коня.

И съѣзжалось два сильніе два могучи два бога-
 тыря,

Будто двѣ сильніе горы вмѣстѣ скатилосе:

Да и палицами они ударились,
 Да и палки у ихъ-то поломались,
 Да и другъ-то друга-то не равнили.
 Да и тутъ же добры молодцы порозѣхались,
 Да и копытами они ударились,
 Да и конья въ кольцахъ-то погибались,
 Да и другъ-то друга-то не ранили.
 Да и тутъ же добры молодцы порозѣхались,
 Да и саблями они ударились,
 Да и сабли у ихъ же приломались,
 Да и другъ-то друга-то не ранили.

Да схватились онъ на рукопашечку,
 Да ушибъ-де богатырь-отъ невѣрные,
 Да ушибъ-де Илью-то о сырѣ землю,
 Да и сѣлъ на его-то на бѣлы груди,
 Да и ладить пороть онъ груди бѣлые,
 Да и вынять сердце-то со печенью.

И говоритъ-де Илья да таково слово:

«Да и ой же удалой доброй молодець!

«Ты скажись какой земли, да ты какой орды,

«Да чьего отца, да ты чьей матери?»

И говоритъ-де богатырь таково слово:

— Да и чортъ тебѣ старому псу надобно,

— Да и старому да пушай мертвому. —

И поглядѣлъ-то Илья да на праву руку,
 Какъ Илья на бою-то смерть не писана.

Да стрепетался Илья да подь богатырѣмъ,

Да ушибъ-то богатыря во чистомъ полѣ,

Да и взялъ-то богатыря впереди себя,

Да и сталъ у богатыря выпрашивать:

«Ты какой земли, да ты какой орды,

«Да чьего отца, да ты чьей матери?»

И говоритъ богатырь таково слово:

— Я есть сиверной страны да золотой орды,

— Да есть дѣвницы Сиверьяничны. —

И говоритъ Илья да таково слово:

«А ѣ когда ты дѣвницы Сиверьяничны,

«Да поѣзжай-ко ты да въ свою сторону,

«Да скажи Сиверьяничны низкой поклонъ.»

Да и тутъ богатырь-отъ невѣрные,

Да поѣхалъ богатырь въ свою сторону,

Да встрѣчае родитель ёво матушка:

— Да что дитя ты моё милое,

— Да и что моё милое съ лица ты сналъ. —

И говорилъ богатырь таково слово:

«Ужъ ты свѣтъ государь мой матушка!

«Я наѣхалъ богатыря въ чистомъ поли.

«И перво я ёво побилъ, а послѣ онъ меня,

«Да и сталъ у меня-то ёнъ выпрашивать,

«Я сказался дѣвницы Сиверьяничны,

«Ёнъ наказалъ тебѣ та вѣдъ низкой поклонъ.»

Ради данн и выходу,
 Ради чортова правезу.
 Онъ-де съ поля бралъ лó колосу,
 Съ б́городу по курици,
 Съ мужика по пяті рублей,
 У кого тутъ пяти рублей нѣту,
 У того онъ жену беретъ,
 У кого какъ жены-то нѣтъ,
 Такъ того самого беретъ.
 У Щелкана не вѣробинься,
 Со двора вонъ не вѣрядишься.
 Да прѣхалъ Щелканушко
 Изъ земли изъ жидовскіе
 Да къ царю на широкій дворъ.
 Говоритъ же Щелканушко:
 «Да ой же ты царь Возвякъ,
 «Да Возвягъ сынъ Таврольевичъ!
 «Ты князей бояръ жаловаль,
 «Да селами помѣстьями,
 «Города съ пригородками,
 «Да ѳому дарилъ Токмою,
 «Да Ерѣму Новімъ городомъ,
 «Да любимаго зятюшка,
 «Да Щелкана Дудентьевича,
 «Подари Тверью городомъ,
 «Токо Тверью славною,
 «Токо Тверью богатою,
 «Двума братцами рѳдныма,
 «Да князьями благовѣрныма,
 «Да Борисомъ Борисовичемъ,
 «Да и Митріемъ Борисовичемъ.»
 — Да ой же Щелканушко,
 — Да Щелканъ сынъ Дудентьевичъ!
 — Заколи чада милаго,
 — Токо сына любимаго,
 — Нацѣди токо чашу руды,
 — Токо чашу серебряную,
 — Да и выпей ту чашу руды,
 — Стоячись передъ Звягой царемъ,
 — Передъ Звягой Таврольевичемъ.
 — Подарю Тверію городомъ,
 — Токо Тверію славною,
 — Токо Тверію богатою,
 — Двума братцами рѳдныма,
 — Да князьями благовѣрныма:
 — Борисомъ Борисовичемъ,
 — Да и Митріемъ Борисовичемъ. —
 Да туто Щелканушко
 Заколомъ чада милаго,
 Токо сына любимаго,
 Нацѣдль-де онъ чашу руды,

Токо чашу серебряную,
 Да и выпилъ ту чашу руды
 Стоячись передъ Звягой царемъ,
 Передъ Звягой Таврольевичемъ..
 Да и тутъ царь Возвягъ
 Подарилъ Тверію городомъ,
 Токо Тверію славною,
 Токо Тверію богатою,
 Двума братцами рѳдныма,
 Да князьямъ благовѣрныма:
 Да Борисомъ Борисовичемъ,
 Да и Митріемъ Борисовичемъ.
 Поѣхалъ Щелканушко
 Да во Тверь-ту городъ-отъ,
 Да заѣхалъ Щелканушко
 Ко родвой сестры проститися,
 Токо къ Марѣѣ Дудентьевной:
 «Да и здравствуй ты рѳдна сестра,
 «Да и Марья Дудентьевна!»
 — Да и здравствуй-ко рѳдной братъ!
 — Ужъ ты лó роду рѳдной братъ,
 — По прозванью окаянной братъ.
 — Да чтобы тебѣ брѣтелку
 — Да туда-то уѣхати,
 — Да назадъ не прѣхати.
 — Да остыть бы тѣ брѣтелко
 — Да на востромъ копѣѣ,
 — На булатнемъ на ножечкѣ. —
 Дунай Дунай болѣ впередъ не знай.

Записано тамъ же. 15 августа.

236.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Да на что на насъ Господь Богъ прогнѣвался,
 Да сослалъ намъ Господь Богъ прелестника,
 И вора Гришку ростригу Отрепьева.
 И не успѣлъ онъ воръ собака на царство сѣсть,
 И похотѣлъ воръ собака женитися,
 И не у насъ въ Москвы на святой Руси,
 Да во той во земли въ проклятой Литвы.
 Да у Юрья у пана орды польскіе,
 Да берѣтъ онъ Маршку дочь Юрьевну.
 Его свадьба была не въ указной день,
 Да на вѣшний праздникъ Миколннъ день,
 Да бояры ты пошли ко заутрены.
 Да Гришка съ Маршкой во банну попомлъ.
 Да бояра ты идутъ отъ заутрены,

Да и Гришка съ Маришкой изъ банны идё.
 Да на Гришки-то шуба чернаго соболя,
 На Маришки салопъ краснаго золота.
 Говорить-де вдова благочесливая:
 «Ужь вы глупые бояра неразумные!
 «Да убить нашъ царевичъ во Углицкомъ,
 «Его мощи лежа въ каменной Москвы,
 «Да въ томъ ли во соборѣ Архангельскомъ.»
 Да и тутъ-де бояра догадался,
 Да и скоро до Григорья добирался.
 Да и эта Маришка дочь Юрьевна
 Обвернулась изъ окошка сорокою.
 Да этотъ Гриша Отрепьевъ-отъ
 Выпалалъ изъ окошка о сѣреду,
 О сѣреду кирпичную убился и до смерти.
 Дунай Дунай болѣ впередъ не знай.

Записано тамъ же, 16 августа.

—
 237.

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА.

Ой да пише пише-то нише король шведскіе *),
 Да государыни пише самой:
 «Ой да милосердная наша государыни!
 «Ну да замиримся-ко мы съ тобой.
 «Ой да ты отдай-ко мои города-ты,
 «Которые прежде ты намъ побрала.
 «Ой отдай Ригу ту Ригу отдай отдай Ревель,
 «Отдай Нарву-ту крѣпкій городокъ.
 «Аль да роспиши ты намъ ли полатушки
 «Въ каменной Москвы постоять,
 «Ой да нашої конницы нашимъ драгунамъ,
 «Въ пирской въ славной-то стоять улицы,
 «Ой да нашимъ графамъ, графамъ офицерамъ,
 «Ино да по купеческимъ стоять по домамъ.
 «Ой да самому-то королю шведскому,
 «Ему въ славномъ городѣ стоять въ Кремлѣ,
 «Ему въ шелемѣтѣвомъ стоять во дому.»
 Ой да милосердная наша государынька
 Убояласе она тогдъ,
 Ой да ея скѣрне рѣзвые ноженки
 Подломилсе стокучисъ,
 Ой да бѣлотѣльные царскіе рученки опустилсе
 онѣ о бока.
 Ой да какъ по правую царскую рученку

*) Каждые два стиха составляютъ одинъ куплетъ, который повторяется два раза.

Стоить Румянцевъ-отъ енераль,
 Ой да какъ по лѣвую царскую рученку
 Стоить Потемкинъ-отъ енераль.
 Ой да какъ возговорить ли-то промолвить
 Ну да нашъ Румянцевъ-отъ енераль:
 — Ой да милосердная наша государыни!
 — Да не убойся-ко ничего.
 — Ой да не бывать-то вору ему собаки,
 — Ну да въ каменной во славной Москвы.
 — Ой да не стоять-то вору собаки,
 — Ну да по купеческимъ славнымъ домамъ.
 — Ой да ужъ мы встрѣтимъ короля шведскаго
 — Среди моря во губѣ. —
 Ой да въ славной въ ревельской было во губы,
 Стбитъ тридцать-то караблей,
 Ой да стбитъ тридцать у насъ три караблика,
 Всѣ стонущечные.
 Ой да мы столки ему поставимъ,
 Черные охъ мы корабли.
 Ой да мы скатиртки ему постелемъ,
 Тонкіе бѣлые паруса.
 Ой да ужъ мы кушанья ему составимъ,
 Черные охъ мы пушечки,
 Ой да ужъ мы черны пушечки поставимъ,
 Чугунные охъ мы ядрышка.
 Ой да мы силушку прибѣмъ прирубимъ,
 Короля-то мы въ полонъ возьмемъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

—
 238.

НЕБЫЛИЦА.

Старина сказать да стародавняя,
 Стародавняя да небывалая,
 Хорошо сказать, да лучше слушати.
 Да побѣдна головушка бурлацкая,
 Да сокопилася гривна передъ злыднямъ,
 Да на кабакъ сойдѣ да на вино пропѣ,
 Да на остатній грошъ да табаку возьмѣ,
 Да табаку возьмѣ да свеселá запое,
 Да свесела запое да свеселехонька.
 Да Дунай Дунай болѣ впередъ не знай.
 Да не курица на ступы соягниласе,
 Коровá на лыжахъ покатиласе,
 Да свинья въ ели-то вѣдъ гнѣздо свила,
 Да гнѣздо свила да дѣтей вывела,
 Малыхъ дѣточекъ да поросяточекъ.
 Поросяточка всё по сучкамъ вися,

По сучкамъ вися и полетѣтъ хотя,
 По поднёбесью братцы медвѣдъ летить,
 Да медвѣдъ летить да онъ хвостомъ вертитъ.
 И по чисту полю у насъ карабъ бѣжитъ,
 На синѣмъ мори у насъ овинъ горитъ,
 Да овинъ горитъ и то со рѣною.
 Розодрался хлопоть *) хлопотнешко,
 Розодралась сношка со свекровкой,
 Да рогатками ёна мутовками,
 На остаткахъ поварѣнкамъ**),

Записано тамъ же, 16 августа.

XLVI.

ТРЯПИЦЫНЪ.

Михайло Ивановъ Тряпицынъ, крестьянинъ дер. Усть-поча у Кенозера, 58 лѣтъ, небольшого роста, лысый, съ русою бородою. Поетъ былины, которыя замѣтвоваль отъ дѣда и отца; въ молодости зналъ больше; такъ, теперь онъ не могъ припомнить былинь про Святогора и про Илью Муромца, которыя пѣваль въ прежнее время. Михайло Ивановъ упоминалъ, что и съ его словъ были записываемы «старинны» для г. Рыбникова тѣмъ же фельдшеромъ, который записывалъ ихъ у Синцева. Оказывается, что былины, помѣщенныя въ сборникѣ г. Рыбникова подъ именемъ Михайлы Богданова, должны принадлежать этому пѣвцу. Имя Богданова вкралось тутъ, вѣроятно, по ошибкѣ.

239.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Отъ того отъ города отъ Галича,
 Да ко городу было ко Кіеву
 Идѣ калика перехожаа.
 Балахонишко одѣто веретномъ трякнуть,
 Татавурницомъ ***) онъ подпоясался,
 Лапотци на пожегахъ ёво липовы,
 Бородушка у старого сѣдехонько,
 Головушка у стара на убѣлъ бѣла.

*) жорновъ мельничный.

**) ложки кухонныя.

***) обрывокъ

Да идѣтъ старикъ по городу по Кіеву,
 Захотѣлось зайти стару на царевъ кабакъ,
 Да выпить стару зелена вина.
 Идѣтъ-то старой потихохонько,
 Да ступаеъ старой пологошенько,
 Онъ молитву творить и воисусову,
 Ёнъ крестъ кладетъ по писаному,
 Клонится на всѣ четыре на стороны:
 «Да здравствуйте чумаки вы чѣловальники,
 «И здравствуйте бурмисты (sic) ларечные!
 «А й вы чумаки чѣловальники!
 «И налейте вина мнѣ полтора ведра,
 «Да онохмѣльте калику перехожаго.
 «Розопьюсь я старой, выпью на двѣ тысящи.»
 Говорять чумаки чѣловальники:
 — Тебѣ нѣ во что старому повѣрити.
 — Да головушка у старого сѣдѣченька,
 — Да бородушка у стара на убѣлъ бѣла,
 — На головушки у старого зеленъ колпакъ,
 — Да сорочинка одежда исприпошена. —
 Да снимае съ вѣрота старой чуденъ крестъ,
 Въ долину крестъ онъ и двѣ четверти,
 Поперѣкъ-то крестъ и въ цѣлу чѣтвереть,
 Въ толщину-ту крестъ былъ онъ и двухъ вер-
 ховъ,

Онъ старого червоннаго золота.
 Не берутъ чумаки ли чѣловальники,
 Не берутъ у него крѣста чуднаго.
 И тѣ ли бѣдны голи кабацкіе,
 Да тѣ ли мужики деревенскіе,
 Склали мужики они по денежки,
 Да побольше тово по копѣечки,
 И купили вина полтора ведра.
 Да примае старой одной рукой,
 И выпилъ старой на единъ на духъ.
 Говорилъ имъ старой таково слово:
 «Вамъ спасибо голи кабацкіе,
 «Да спасибо мужики деревенскіе!
 «Напоили стара меня до пьяна,
 «Не напоили только стара розадорили.
 «И теперь у насъ дѣло поздное,
 «Приходите по утру ко мнѣ ранѣшенько,
 «И напою я виномъ всѣхъ васъ до пьяна.»
 Да зашолъ старикъ на печку кирпичную,
 И спитъ тамъ старой просынается.
 Да ставае по утру онъ ранѣшенько,
 До восходу тѣла краснаго солнышка,
 Да спрашивать ключовъ сталъ ларечниковъ.
 Ёнъ и пришолъ ко погребамъ ко виннымъ,
 Да отворяетъ старой двери дубовые,
 Беретъ бочку сороковку подъ назуху,

Да другу сороковку бралъ подь другую,
 Ёнь и третью сороковку ногой катить,
 Да выкатывалъ старой на зеленой лугъ,
 Но на ту ли площадь торговую,
 Да скрѣчалъ да старой громкимъ голосомъ:
 «Эй же вы голи кабацкіе,
 «Да вы мужики деревенскіе!
 «Ступайте вы ко стару на почетной пиръ,
 «Напою виномъ я всѣхъ васъ до пьяна.»
 А тѣ ли чумаки ли чѣловальники,
 Собралось ихъ челоувѣкъ до восьмидесяти,
 Отбивать ли у стара зелена вина.
 Ничего не могли у стара сдѣлати,
 Да пошли просить ко князю Владиміру,
 Да на этого каліку переходяго.
 — Ты Владиміръ князь столень-кїевской!
 — Да у насъ-то было во вчерашной день
 — Невѣдома каліка появиласе:
 — Борода у каліки сѣдѣхонька,
 — Голова у каліки па убѣлъ бѣла,
 — Сорочинская одежда вся истаскана,
 — Лапотци на пошкахъ ёво линовы.
 — Да зашѣлъ въ подвалы къ намъ во винные
 — Бочку сороковку бралъ подь назуху,
 — И другу сороковку бралъ подь дрѹгую,
 — Да третью сороковку ногой катилъ.
 — Да выкатывалъ старой на зеленой лугъ,
 — На ту ли площадь торговую,
 — Да собралъ мужиковъ деревенскіе (sic)
 — И собралъ голей овъ и кабацкіе (sic),
 — И роспоилъ вино да и безденежно.
 — И гдѣ мы эту сумму сударь будемъ взыски-
 вать? —

Говорилъ князь имъ таково слово:
 «А й же чумаки вы чѣловальники!
 «Посмотрю я каліки переходяго,
 «Да за это я вамъ росчитаюсе.»
 И роспоилъ старъ зелено вино,
 Говорилъ старой таково слово:
 — А й вы голи кабацкіе,
 — Да вы мужики деревенскіе!
 — Вы ступайте теперъ по своимъ мѣстамъ,
 — По своимъ мѣстамъ по своимъ домамъ,
 — По своимъ домамъ къ молодымъ женамъ,
 — Къ молодымъ женамъ къ малымъ дѣточкамъ.
 — Я пойду теперъ старой на царевъ кабакъ,
 — Да пойду вѣдь я на печку кирпичную,
 — И буду я старой просыпнатисе. —
 Да по тому ли по утру по ранному
 Приходя отъ князя слуги вѣрные,
 Говорять енъ таково слово:

«А й ты каліка переходяя!
 «Ты ступай-ко ко князю ко Владиміру.»
 Говорилъ имъ старой таково слово:
 — А й же вы братцы товарищи!
 — Напрасно меня стара безпокоите,
 — Не даєте мнѣ старому проспатисе. —
 Сошолъ старикъ со печки кирпичные,
 Да пошолъ старикъ по городу по Кїеву,
 Мимо этиа полаты княженецкіе.
 И кричитъ старой громкимъ голосомъ:
 — А й ты Владиміръ князь столень-кїевской!
 — Получай-ко сумму за зелено вино
 — Ты съ донского казака ли съ Ильи Муромца.
 — Я пойду теперъ старикъ во чисто полѣ,
 — И на ту пойду дорогу на латынскую,
 — И на ту пойду заставу богатырскую,
 — Да подь тотъ пойду старой подь сїрой дубъ. —

Записано на Кенозерѣ, 11 августа.

—
 240.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старый по чисту полю,
 Ото младости ѣздилъ до старости,
 И наѣхалъ старой во чистомъ поли
 На тѣ на три дороги широкіе.
 Лежитъ на дороги горючъ камень,
 Да на томъ камени подпись подписана:
 Въ дорожку ѣхати богату быть,
 Въ другую-ту ѣхати женату быть,
 Да во третью-ту ѣхати убиту быть.
 Стоитъ-то старой, самъ дивуется:
 «Да колько по святой Руси не ѣживалъ,
 «Такового чуда вѣкъ не видывалъ.
 «Да на что-то старому мнѣ-ка богатство,
 «Своево у меня злата серебра,
 «Своево у меня скату-жемчугу.
 «На что мнѣ-ка старому женитисе,
 «Да старая взять мнѣ замѣны нѣтъ,
 «Да молоденька взять мнѣ чужа корысть.
 «Я поѣду старой гдѣ убиту быть,
 «Да убиту-то быть больнѣ ранену,
 «На бою на драки смерть не писана.»
 Да хорошъ былъ у стараго доброй конь,
 Былъ маленькой бурушко косматенькой.
 Грива у бурушка трѣхъ локтей,
 А фостъ-отъ у бурушка трѣхъ сажонъ.
 Ёнь рикн, озѣра перескакивалъ,

Мхи-ты болота впромежъ ногъ пустилъ,
 Енъ широки роздоля перерыскивалъ,
 Да отъ смерти меня старова й унашивалъ.
 Да ѣдетъ старикъ путемъ-дорогою,
 Тутъ стоитъ сорокъ тысячей разбойниковъ,
 Да стоять и денные подорожники.
 Стали ѣни ко старому приступывать,
 Хотуть оны старого убить-сказнить,
 Да хочуть ёго старого съ коня стащить.
 Говорилъ имъ старой таково слово:
 «А й же вы воры разбойники,
 «А й же денные подорожники!
 «Да бить-то меня старого вамъ нѣ-по-что,
 «И бить меня старого нѣ-за-что.
 «На кони у м'ня узда е во пятьсотъ рублѣвъ,
 «И оттого узда у мѣня дорога,
 « Драгоценныя каменя въ ёю вилѣтены,
 « Не для ради красы-басы молодецкіе,
 « Для ради славы богатырскіе,
 « Да для ради проѣзду полуножнаго.
 « И на кони е сѣдло въ цѣлу тысячу,
 « На себѣ кожанъ е во девять тысячей,
 « Свому доброму коню да я цѣны не знай.»
 Да стали ѣны къ старому приступывать,
 И хочуть ѣни старого убить-сказнить,
 Да хочуть ени старого съ коня стащить.
 И видить-то старой немнучую,
 Да беретъ старой свой-отъ вострой мечъ,
 Да въ другú руку кольѣ да бурземецкое.
 И началъ старой поскакивать,
 Да копьѣмъ, мечѣмъ ѣнъ помахивать.
 И куда-де проѣдетъ — гуды улица,
 И куда-де отѣдетъ — переулокъ знать,
 Да прибилъ сорокъ тысячей разбойниковъ,
 Да прибилъ всѣхъ денныхъ подорожниковъ.
 И ворочается старой изъ дороженки,
 И та ли дорога очищена,
 Эта ли подиска захѣрена,
 Да старымъ-то казакомъ Ильей Муромцемъ.
 «И поѣду старой гдѣ женагу быть.»
 Да ѣдетъ старой по чисту полю,
 И стоитъ въ чистомъ поли бѣлой шатѣръ,
 И приѣзжае старой ко бѣлу шатру.
 Привязалъ коня къ золоту кольцу.
 Выходила прекрасна королевична,
 Брала стара за бѣлы руки,
 Уводила въ полаты бѣлокаменны.
 Ставила столы ѣна дубовые,
 Наносила всѣи ѣсты сахарніе,
 Напоила накормила стара дѣ пьяна.
 Говоритъ прекрасна королевична:

— Старой казакъ Илья Муромецъ!
 — Мы пойдемъ съ тобой во ложни во тёплые,
 — Да на тѣ ли на кровати слоновыхъ костей,
 — И на тѣ ли на перины на мягкіе. —
 Говоритъ королевна таково слово:
 — А й же донскій казакъ Илья Муромецъ!
 — Ты ложись-ко ко стѣны кирпичные. —
 Говорилъ ей Илья таково слово:
 «А й же ты прекрасна королевична!
 «Намъ ли у стѣнки спать не хочется,
 «Въ насъ ли въ старикахъ мочь не держится,
 «Да мы старики часто вонъ ходимъ.»
 Да взялъ прекрасну королевичну,
 Ёнъ бросилъ на кроватку на тисовую,
 Повернуласи кроватка тисовая,
 Да й упала королевна во глубокъ погрѣбъ.
 Да молодцовъ у ней гуды наловлено.
 Тутъ донскіе казакъ Илья Муромецъ,
 Да розломалъ онъ двери ты желѣзные,
 Да у этого погреба глубокого,
 Да выпускае молодцовъ на святую Русь,
 Ворочается старой изъ дороженки,
 Да та ли дорожка очищена,
 И та ли подиска захѣрена
 Да старымъ-то казакомъ Ильей Муромцемъ.
 Да поѣхалъ онъ старой гдѣ богату быть,
 Да ѣдетъ старой по чисту полю,
 Стоитъ въ чистомъ поли царевъ кабакъ,
 Да собираются въ кабакъ воры разбойники,
 Сбираются въ кабакъ и голи пьяные.
 Да розбилъ Илья этотъ царевъ кабакъ,
 Да розгонялъ онъ всѣхъ голей кабацкѣнхъ.
 Ворочается старой изъ дороженки,
 Да и та ли дорожка очищена,
 Эта ли подиска захѣрена
 Да старымъ-то казакомъ Ильей Муромцемъ.

Записано тамъ же, 11 августа.

241.

ДОБРЫНЯ И ЗМЪЙ.

А й Добрынушки мать ему наказывала,
 А й государыни Добрыни наговаривала:
 «А й да поѣдешь ты Добрыня во чистѣ полѣ гу-
 лать,
 «А й да приѣдешь ты Добрыня ко синю ко морю,
 «А й ко синю ко морю Добрыня къ морю чер-
 ному,

«И поѣдешь Добрыня о снѣ морѣ,
«И палить будешь стрѣлять гусей, лебедей,
«Да малые пернастые утицы,
«А тѣмъ будешь Добрынюшка питатисе.
«И приѣдетъ Добрыня ко Шучаю ко рѣкѣ,
«А ѣ розгорится твоѣ сердце богатырское,
«Да захочется, Добрыня, покупатися тебѣ,
«Заплови-тѣо, Добрынюшка, за пѣрвую струю,
«Заплови-ко, Добрыня, за другую за струю,
«Да не плавай-ко, Добрыня, за третью за струю.
«А ѣ налетитъ тутъ змѣя, змѣя лютая,
«А ѣ она лютая змѣя, змѣя пещерская,
«Да возьмѣтъ тебя на хоботы на черные,
«А ѣ унесѣ ли тебя на горы змѣйныя,
«А ѣ да сядетъ ли къ тебѣ на бѣлыя груди,
«Да распоретъ ли тебѣ да груди бѣлыя,
«А ѣ она вынетъ ли сердце со печенью.»
А ещѣ мать Добрынюшки наказывала,
И государыни Добрыни наговаривала:
«А ѣ да поѣдешь ты Добрынюшка по Кіеву гу-
лять,
«Да не ѣзди-ко Добрыня на царевъ кабакъ,
«Да не ней-ко ты Добрыня зеленѣ вина,
«И не ѣзди во улицы Маринкины,
«Во тѣ ли переулочки къ Игнатѣвны.
«Эта ли вѣдь дѣвушка Мариночка
«Отравила девяти она богатырей,
«А ѣ отравитъ тебя Добрыню десятого.»
А ѣ Добрыня матушки не слушаѣтъ,
Да садился Добрыня на дѣброва на конѣ,
Да поѣхалъ ень Добрыня во чисто ли во полѣ,
И приѣхалъ онъ Добрыня ко снѣю ко морю,
И ко снѣю морю Добрыня ко морю черному.
Стрѣлялъ онъ палилъ гусей, лебедей
И малые пернастые утицы,
А ѣ ѣдетъ тѣмъ ли Добрынюшка питается,
Да приѣхалъ ли Добрыня ко Шучаю ко рѣкѣ,
И розгорѣлось ѣго сердце богатырское,
И захотѣлось Добрыни покупатисе ему.
Скидываѣтъ онъ съ себя платье цвѣтнѣо,
Да заплылъ Добрыня за пѣрвую струю,
И оѣ заплылъ Добрынюшка за другую струю,
И обзадорило Добрыню плять за третью за
струю.
И налетѣла тутъ змѣя, змѣя лютая,
И взяла его на хоботы на черные,
И унесла ли его на горы змѣйныя,
И да садиласе къ Добрыни на бѣлыя груди,
Да хочѣ ли распороти груди бѣлыя,
Да вынять ѣво сердце со печенью.
Да говорить ли Добрыня таково слово:

— А ѣ ты лютая змѣя пещерская!
— А ѣ не пори-ко змѣя моихъ бѣлыхъ грудей,
— А не вымай-ко ты сердца со печенью,
— А не придавай-ко мнѣ смерти скорые.
— Да ли ты змѣя пусть мнѣ сестра родная,
— И мы поидемъ съ тобою во чистоѣ во полѣ,
— Да напиль будѣмъ стрѣляти гусей, лебедей,
— Да малые пернастые утицы,
— И съ тѣмъ, змѣя, съ тобою будѣмъ питатисе.—
И взяла змѣя на хоботы на черные,
И унесла-де вѣдь Добрыню во чисто полѣ,
И во чисто полѣ Добрыню ко добру коню.
И надѣваетъ онъ Добрыня платье цвѣтнѣо,
И да садился Добрыня на дѣброва на конѣ,
И да берѣтъ ли онъ саблю ли вѣструю,
И во другу руку копьѣ бурземецкоѣ,
И заздынулъ онъ саблю вѣструю,
Да отрубилъ ень змѣи да буйну голову.
А ѣ да поѣхалъ онъ Добрынюшка во Кіевъ
градъ,
И да заѣхалъ онъ Добрыня на царевъ кабакъ,
И да напился Добрыня вина до пьяна.
Да поѣхалъ ли ень Добрыня по Кіеву гулять,
Ень заѣхалъ вѣдь во улицы Маринкины.
И во тѣ ли переулочки къ Игнатѣвны,
И ко той ли ко дѣвушки къ Игнатѣвны,
А ѣ у той Маринки у Игнатѣвны,
По окошечку два голуба похаживаѣтъ.
Да натягаетъ Добрыня тѣугой лукъ,
Накладаетъ онъ стрѣлочку каленую,
Да стрѣляетъ онъ во голубей во сизые.
Не попалъ ли ень во голубей во сизые,
Да ень розбилъ вѣдь околѣнку стекольчатую,
Да рамочку ту вышибъ позолочену,
Да убилъ ли у Маринки друга милого,
Друга милого убилъ у ней Тугарина,
Да Тугарина убилъ ево Змѣевича.
Ѣму жалко стало стрѣлочки калѣныя,
Посылаетъ ли Олѣшеньку Поповича:
— Ты крестовой братъ Алѣшенька Поповичъ
сынъ!
— И сходп-ко ты за стрѣлочкой во высокъ те-
рѣмъ.
— Еще стрѣлочки у мѣя е наточѣная,
— И точѣна стрѣлка золочѣная.
— Стрѣлка точѣна вѣдь была на двѣнадцать
грянь,
— Сажена была-то перьями орлинскими,
— Дарена-то была княземъ Владиміромъ. —
И сходилъ ли Олѣша во высокъ терѣмъ.
Да такой ли Добрынюшки отвѣтъ держалъ:

«Говорила ему дѣвушка Мариночка:
 «Да которыма руками стрѣлка стрѣлена,
 «Да тѣма руками пусть-де стрѣлка поднята.»
 Самъ пошолъ Добрыня во высокъ терѣмъ,
 Подъ Добрынею ступени подгибаются,
 Половницы подъ нимъ да шатаются.
 Да берѣтъ ёнъ стрѣлочку каленую,
 Да выхѣдитъ ли Добрыня на широкой дворъ,
 Да та ли дѣвушка Мариночка,
 И брала ли она ножикъ булатнѣе,
 Да подрѣзала слѣды его горячіе,
 И обернула вѣдъ Добрыню чернымъ соболѣмъ.

(Дальше не знаетъ).

Записано тамъ же, 14 августа.

—
 242.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Не бѣлевкой кречетокъ выпорхиваль,
 Не ясѣнъ соколичокъ вылетываль,
 Выѣзжалъ удалъ дороднѣй добрый молодецъ,
 По прозванію Чурилушко сынъ Плѣнковичъ.
 Но не скатняя жемчужинка катается,
 Да Чурило по Кіеву катается.
 Выѣзжае противу дому Бермятова,
 Заигралъ онъ во доску гусельную.
 Да перву доску играе про Кіевъ градъ,
 А й другу доску играе про свою поѣздочку,
 А й третью доску играе про Бермятовъ домъ.
 Да услышала Катерина дочь Микулична,
 Зазывала Чурилу на широкой дворъ:
 «Заѣзжай Чурило на широкій дворъ,
 «У меня Бермята-то дома не случилосе,
 «Да ушолъ ли Бермята во Божью церкву,
 «Да ёнъ ушолъ къ обѣднѣ благовѣщенской.
 «Заходи ко мнѣ въ полаты бѣлокаменны,
 «Да станемъ Чурило мы во шахматы играть.»
 Да перву доску играли Чурило Катинъ мать даѣ,
 Да другу доску играли Чурило Катинъ мать даѣ.
 Да тово ли Катя не пытаючи,
 Ёна крѣпче за Чурило принимается,
 И вводила во ложни во тёплые.
 Да служанка по терему похаживать,
 Таковы слова да выговаривать:
 — А й Катерина дочь Микулична!
 — А не за хороши порядки принимаешся,
 — И Катя глушого ума ты набираешся.

— Я пойду схожу къ Бермяту во Божью церкву,
 — И на тебя Катерина накучу й намучу. —
 Ёна спитъ-то Катя не пробудится,
 Да пошла ли служанка во Божью церкву,
 А стонтъ-та Бермятъ да Богу молится,
 И говорила ёму дѣвушка служаночка:
 — А ай же Бермятъ сынъ Михайловичъ!
 — А й у тебя въ дому да за невѣжа е.
 — Ёнъ спитъ съ Катериной забавляется,
 — Надъ твоимъ, Бермятъ, надъ домою надсмѣ-

хается. —

Да стонтъ-то Бермятъ онъ Богу молится,
 И Богу молится Бермятъ да не отвѣрнется.
 И во второй разъ служаночка говорила:
 — А ай же Бермятъ сынъ Михайловичъ!
 — А й у тебя въ дому да за невѣжа е.
 — Ёнъ спитъ съ Катериной забавляется,
 — Надъ двоимъ, Бермятъ, надъ домою надсмѣ-

хается. —

Да говорилъ ей Бермятъ таково слово:
 «А ай же ты дѣвушка служаночка!
 «Да ты правду говоришь, тебя за мѣжъ возьму,
 «Да ты ложно говоришь, да я голову срублю.»
 И достоялъ онъ обѣдню благовѣщенску,
 Ёнъ пришолъ въ свою полату бѣлокаменну,
 Это заперты ворота тѣ широкіе.
 Да первѣй разъ Бермятъ и постучается,
 Да спитъ Катерина не пробудится.
 И во второй разъ Бермятъ и постучается.
 Да изъ тѣрема околицы вопъ посыпалсѣ,
 Да крѣпко Катерина испугаласе.
 И отворяла Катерина двери на пятю,
 Да въ одной становочки *) безъ пояса,
 Да въ калужскихъ чулочникахъ безъ чѣботовъ.
 И говорилъ ей Бермятъ таково слово:
 «А ай Катерина дочь Микулична:
 «Да что же сегодня не снарядна ходишь?»
 — Да сегодня у насъ да дѣло празднично,
 — Да честнѣ Господне Благовѣщенсье. —
 «А й ты врѣшь Катерина все оманывашь!
 «На дворѣ-то стонтъ ли Чуриловъ конь,
 «Да шинель-сертуку виситъ Чурилово.»
 Говоритъ Катерина дочь Микулична:
 — У меня въ гостяхъ есть вѣдъ рѣднѣй братъ,
 — Да съ Чуриломъ у нхъ конами помѣняно,
 — И сертуками шинелями побратано. —
 «А й ты врѣшь Катерина все оманывашь!»
 И онъ зашолъ-де во ложни во теплые,
 Да спитъ тутъ Чурилушко сынъ Плѣнковичъ.

*) рубашки.

Да не утрени зоря да знаменуется,
 Да вострая сабелька промахнула,
 Но не скатня жемчужинка скатиласе,
 Да Чурилова голова съ плечъ свалиласе.
 Да не черная тафта да розстигается,
 Да Чурилова кровь проливается.
 И отверня Катеринѣ голову срубилъ.
 Да берётъ да дѣвочку служаночку,
 Да берётъ Бермять да за себя замужь.

Записано тамъ же, 11 августа.

—
 243.

ДЮКЪ.

Кого нѣтъ сильнѣе да могучѣе,
 Старика Ильи да Ильи Муромца.
 Кого нѣтъ славнѣе да богатѣе,
 Молодца-го Дюка да Стенанова:
 Дворъ у Дюка на семи верстахъ,
 Да кругомъ двора да всё булатнїй гынь,
 Столбики были точенне,
 Да точенне да золоченне.
 Да на каждомъ столбичкѣ по маковки,
 Маковки ты были мѣднѣе,
 Дорогою мѣди всё казарскіе (sic),
 Да пекутъ лучи да солнечные,
 По тому по городу по Галицѣ,
 Да по той Волянѣ-земли богатѣе.
 Да ещё у Дюка у Стенанова
 Ворота были вольячные,
 Подворотенки были хрустальнѣе,
 Надворотенки да дорогъ рыбей зубъ.
 Да еще у Дюка у Стенанова
 Надъ воротами да надъ шпрокима,
 Да стоя у Дюка чудны образы,
 Да горя свѣчи неугасимые.
 Да еще у Дюка у Стенанова
 Да стоятъ три церкви три соборные:
 Да на каждой церкви по три маковки,
 Маковки ты были мѣднѣе,
 Дорогою мѣди всё казарскіе (sic),
 Да пекутъ лучи да солнечные,
 По тому по городу по Галицѣ,
 Да по той Волянѣ-земли богатѣе.
 Да во перву церкву соборную
 Туда ходитъ Дюкова-та матушка.
 Да во другу церкву соборную
 Туда ходитъ Дюкъ Стенановичъ.

А во третью церкву соборную
 Туда ходитъ дружина-та Дюкова.
 Да еще у Дюка у Стенанова
 Среди двора его широкаво,
 Да стоятъ три терема высокіе,
 Да высокіе да златоверхіе.
 Да во первомъ тереме высокіемъ
 Да живётъ тутъ Дюкова-та матушка.
 А во другомъ тереме высокіемъ
 Да живетъ тутъ Дюкъ сынъ Стенановичъ.
 Да во третьемъ тереме высокіемъ
 Да живетъ дружина тутъ вѣдь Дюкова.
 Да еще у Дюка у Стенанова
 Среди двора того широкаго
 Да стояли погребы глубокіе.
 Да во эти погребы глубокіе
 Бочки спущены да на тетивочкахъ.
 Да во эти погребы глубокіе
 Да провѣдены да трубы мѣднѣе,
 Трубы мѣднѣе да изъ чиста поля.
 Да повіють вѣтры со чиста поля
 Да во эти трубы да во мѣднѣе,
 Да во эти погребы глубокіе,
 Въ погребахъ тамъ бочки зашатаются,
 Оттого ли пиво да не затыхается.

(Дальше не знаетъ).

Записано тамъ же, 11 августа.

—
 244.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда возсіяло красно солнышко,
 На наше ясно на небо,
 Тогда нацарился грозный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
 Ёнъ царей казнилъ по-царскіе *),
 Царя Симіона съ мѣста снялъ,
 Отнялъ клюху ли его царскую
 И снялъ порфиру королевскую.
 На ту на пору, на то время
 Хорошъ появился почестной пиръ,
 На многіе (sic) на князей на бояровъ,
 На русскіе (sic) могучихъ богатырей.
 Всѣ на пиру ли пьяны веселы,
 Да никто на пиру ничимъ не хвастае.

*) по-царски.

Да то грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Да ходитъ по гридни столовые,
 Таково слово ёнъ выговаривать:
 «Да вывелъ измѣну изъ Пскова,
 «Я вывелъ измѣну изъ Скопсково,
 «И вывелъ измѣну изъ Нова-города,
 «Изъ матушки вывелъ каменной Москвы.»

Ставать изъ-за большаго стола большо́й-отъ сынъ,
 Большо́й сынъ Иванъ Ивановичъ:

— Батюшко грозный царь сударь милосливъ!

— Дай одно слово мнѣ-ка молвити,

— За одно слово не повѣсити.

— Только есть у насъ измѣнникъ за однимъ

столомъ:

— На князя сказать напрасной грѣхъ,

— На барина сказать напрасна смерть,

— На брата сказать брата тошно жаль,

— На себя сказать пожалыче всѣхъ.

— Братецъ-отъ Оёдоръ Ивановичъ

— Да по матушкѣ ѣздилъ каменной Москвѣ,

— Свои-ты подписи подписывалъ,

— Твои подписи похѣривалъ,

— Прибилъ указы ко всѣмъ столбамъ. —

На ту пору па то времечко,

Будто сине море вскулибалосе,

Богатырско сердце розгорѣлосе.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Да ходитъ по гридни столовые,

Такое слово ёнъ выговаривать:

«Да есть ли во пиру ли таки ма́стеръ,

«Казнить бы вѣшать роды царскіе,

«Царски роды государскіе?»

Вставать изъ-за меньшаго стола Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ,

Говорилъ Малюта таково слово:

— Ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!

— Дай указъ да за своей рукой,

— Да за дорогою печатью государевой,

— Казнить буду вѣшать роды царскіе,

— Царски роды государскіе. —

Давать указъ и за своей рукой

И за дорогою печатью государевой,

Да казнить-то вѣшать роды царскіе.

По тому по утру по ранному,

И до выхода тѣла краснаго солнышка,

Верѣтъ воръ Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ,

Да того ли Оёдора Ивановича

За рученьки бралъ за бѣлые,

И за кудѣрышка бралъ его за желтые.

Повѣлъ во полѣ во чистое,

Къ тому ли болоту къ Куликову,

На ту на казень на смертную.

И бѣла у Оёдора матушка,

Обувала башмаки на босу ногу,

Шла къ братцу къ Никиты Романовичу.

«Братецъ Никита Романовичъ!

«А слышишь ли незгоды не вѣдаёшь.

«Надо мной несчастьё состоялосе,

«Не стало сына одинакаго,

«Твоего ли крестника любимаго.

«Увѣлъ Малюта во чистѣ полѣ,

«Къ тому болоту Куликову,

«На ту на казень на смертную,

«Да хочётъ отрубить буйну голову.»

Не много Никита розговаривалъ,

А свочилъ Никита скоро-па-скоро,

Обувалъ сапоги на босу ногу,

Одѣвалъ ёнъ шубу соболиную,

Накладалъ шляпу пуховую,

Берётъ узду свою мѣдную,

Да идѣ на конюшню стоялую,

Берѣ жеребца да не ѣзжалаго,

Не ѣзжалаго да не сѣдла́ного,

Несѣдла́ного только узда́ного.

Только видѣли Никиту саждаючи,

Не видали Никиты поѣзжаючи,

Только столбъ стоитъ во чистомъ поли.

У вора Малюты-та Шкурлаткина

Лѣва ножка откинута,

Правая рука заздынута.

А й скричалъ Никита громкимъ голосомъ:

— А й же Малюта-та Шкурлаткинъ слышь!

— Не твоя воръ ѣства не тебѣ воръ ѣсть,

— А съѣи собака кусъ подавишься,

— Теперь тебѣ вору живу не быть. —

У вора Малюты-та Шкурлаткина,

Лѣвая ногá его оглезула,

Правая рука его одрогнула,

Выпалада у Малюты сабля вострая.

Приѣхалъ Никита Романовичъ

Да берѣтъ своего крестника любимаго,

Да посадилъ ево ли на добра кою,

Да новѣзъ ево ли въ камениу Москву.

Стоитъ Малюта пороздумалсе:

«Да какъ я молодець теперь къ царю пойду.»

Взялъ кобеля ли мелединскаго,

Отрубилъ кобелю ёнъ буйну голову

И выпялъ сердце со печенью,

Подносилъ на подносы на серебряны.

Идѣтъ къ грозному царю Ивану Васильевичу,

Говорилъ царъ таково слово:

— Ахъ Малюта-та Шкурлаткинъ слышь!

— Да что же отъ сердца пёсей духъ пахнётъ? —
 Говорилъ Малюта таково слово:
 «Онъ закону-то былъ не нашево,
 «Порядку былъ не хорошаго,
 «Оттово ли отъ сердца пёсей духъ пахнётъ.»
 Да прошло тово времени цѣлой годъ,
 Да на ту ли заутрину христовскую,
 Приказалъ грозной царь Иванъ Васильевичъ
 Обрядиться всѣмъ въ платьѣ опальной,
 Поминать-то Ѳедора Ивановича.
 Да тотъ Никита Романовичъ
 Одѣвае платьѣ ёнъ цвѣтнѣй,
 Со каменьёмъ да драгоцѣннымъ,
 И пришолъ во церкву соборную
 Да бьетъ челомъ поклоняется:
 — Здравствуй Грозной царь Иванъ Васильевичъ,
 — Со своимъ ли дѣтми одинакима:
 — И со тѣмъ ли Ивашомъ Ивановицомъ,
 — И со тѣмъ ли Ѳедоромъ Ивановицомъ! —
 Говорилъ царь таково слово:
 «Да ты старая собака сѣдатой пёсь!
 «До вочью ты мною насмѣхаешься
 «По ворахъ и по разбойникахъ.
 «Много потучиковъ *) и попецельщиковъ
 «По моёмъ по сыни по Ѳедори,
 «Не потучики не были, ни попечальщики.»
 Отстоялъ заутрину христовскую,
 Да привёлъ къ обѣдени христовскіе,
 Показалъ ли сына одинакова,
 Да того ли Ѳедора Ивановича.
 Говорилъ царь таково слово:
 «Да кто скраде своруе голову убьётъ,
 «Да ступайте въ Минитину вотчину.»

Записано тамъ же, 11 августа.

XLVII.

КОСТИНЪ.

Александръ Давыдовъ Костинъ изъ дер. Кузминска на Почезерѣ (близъ Кенозера), крестьянинъ-земледѣлецъ, 35 лѣтъ отъ роду. Оставшись въ дѣтствѣ сиротою, онъ ходилъ по міру и тутъ, но его словамъ, еще будучи маленькимъ мальчикомъ, затвердилъ нѣсколько былинъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь, онъ пѣлъ про Добрыню совершенно сходно съ Вопновымъ и про смерть Чурилы одинаково съ Синцевымъ.

*) потужиковъ, тужителей?

245.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ И ПДОЛИЩЕ.

По той по дорожки по латынскіе,
 Идѣтъ тутъ калка перехожалъ,
 Перехожа калка бродимая,
 По прозванію славнѣ Иванище.
 Какъ на встрѣчу ему Илья Муромецъ,
 Говорилъ ему Илья таково слово:
 «Ужь ты здравствуй-ко, славнѣ Иванище!
 «Благополучно ли есть во славномъ во Кіевѣ,
 «Да здорово ли живѣтъ нашъ Владиміръ князь?»
 Говорить ему славнѣ Иванище:
 — Ужь ты сильнѣи богатырь Илья Муромецъ!
 — Какъ на нашъ-отъ на батюшко Кіевъ градъ
 — Наѣзжаетъ нечисто Едолище,
 — По прозванію Батыга Батыговичъ.
 — Онъ князей бояръ всѣхъ повырубилъ,
 — Самого Владиміра въ полонъ побралъ. —
 Говорилъ ему Илья, Илья Муромецъ:
 «А ѣ же ты славнѣ Иванище!
 «У ты силы есть вдвоёмъ противъ меня,
 «Только смѣтнѣ-то пѣтъ противъ меня.»
 Соходилъ Илья со добра коня,
 Одѣваетъ онъ платьѣ скоморошнѣй,
 Наложаетъ онъ шляпу сорочинскую,
 Да и пошелъ по дорожкѣ въ славнѣй Кіевъ градъ.
 И заходитъ Илья на царевъ кабакъ,
 Говорилъ Илья таково слово:
 «А ѣ же вы чумаки цѣловальники,
 «А ѣ же вы голи кабацкіе!
 «Вы собирайте-ко голи по денежки,
 «Да и мало тово по копѣчкѣ,
 «Наливайте вина полтора ведра,
 «Опохмѣльте калку перехожую,
 «Перехожую калку бродимую.»
 И тутъ склади ему голи по денежки,
 Да и мало тово по копѣчкѣ,
 Наливали вина полтора ведра,
 Выпиваетъ калка черезъ край до два.
 Какъ пошолъ Илья въ погребъ глубокіе,
 Да и перву бралъ бочку подъ пазуху.
 А другую бралъ бочку подъ другую,
 А третью-то бочку ногой катитъ:
 «Вы собирайтесь чумаки цѣловальники,
 «Вы собирайтесь всѣ голи кабацкіе!
 «Ужь вы пейте вино всѣ безденежно,
 «А молитѣ вы Бога за Илью Муромца.»
 А самъ пошолъ въ славнѣй Кіевъ градъ,

А заходитъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
 Да во тѣ ли чертоги государевы.
 Какъ во той ли полаты бѣлокаменной,
 За тѣмъ за столомъ бѣлодобовымъ,
 Да на той на скамейки изъ рыбьей зуба,
 Да сидитъ тутъ погано Едолице,
 По прозванью Батыга Батыговичъ.
 Какъ говоритъ Батыга таково слово:
 — Ты скажи мнѣ, калка переходя,
 — Перехожа калка бродимая!
 — У васъ есть сильнѣй богатырь Илья Муромецъ.
 — Онъ много ли хлѣба соли кумаётъ,
 — А и много ли пьётъ зелена вина? —
 Какъ говорилъ ему Илья Илья Муромецъ:
 «Ужъ онъ хлѣба-то ѣсть по три калачика,
 «А напитококъ пьётъ по три рюмочки.»
 Какъ говорилъ ему Батыга Батыговичъ:
 — Это нѣтъ богатыря Ильи Муромца.
 — Какъ я хлѣба-то ѣмъ вѣдь по три печи,
 — А напитококъ-то пью по три ведра. —
 Говорилъ ему Илья Илья Муромецъ:
 «У моево-то родителя батюшка,
 «У его есть-то корова обжиралая.
 «Она сѣна-то ѣла по три воза,
 «А напитококъ-то пила по три шану,
 «Ей съ этихъ напитококъ всю прирвало,
 «А тебя розорветъ погано Одолице.»
 Какъ хватаетъ погано Едолице
 Со стола вѣдь пожитокъ булатнѣ,
 Да кидаетъ въ Илью Илью Муромца,
 И какъ ульянютъ у Ильи ножикъ въ червоной
 крестъ.
 Какъ снимаетъ Илья шляпу сорочинскую,
 Какъ махнулъ онъ въ Батыгу Батыгова,
 Тутъ-то гдѣ его глава, гдѣ-ка тулово,
 И возвелъ онъ тутъ князя на высобѣкъ престоль.

Записано на Кенозерѣ, 13 августа.

—
 246.

ИЛЯ МУРОМЕЦЬ И СЫНЬ ЕГО.

Изъ Волынца города Галича,
 На ту на дорожку латынскую,
 На ту на заставу богатырскую
 Выѣзжало три сильныхъ могучихъ богатыря:
 Первой богатырь Илья Муромецъ,
 А второй Добрыня Микитьевичъ,
 А третьей Микита Романовичъ,

Простояли на заставы три мѣсяца.
 Какъ во то ли во время трехмѣсячно,
 Проѣзжаетъ тутъ сильнѣи могучи богатыре,
 По прозванью-то славно Аполонище.
 Какъ воспроговорилъ Илья таково слово:
 «Поѣзжай-ко ты Добрыня во чисто полѣ,
 «И ты наѣдешь въ поли на богатыря,
 «И ты сруби ему буйну голову.»
 Какъ осѣдлалъ Добрыня добра коня,
 Какъ поѣхалъ Добрыня за богатыремъ,
 И наѣхалъ въ полѣ на богатыря.
 Какъ богатырь ревить будто лютой звѣрь,
 Подъ Добрынею конь пошаранился,
 На конѣ-то Добрыня устрашился.
 Повернулъ коня ко заставушки,
 И приѣхалъ Добрыня къ Ильи Муромцу,
 И самъ говорилъ таково слово:
 — Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!
 — Какъ наѣхалъ я въ поли на богатыря,
 — А богатырь ревить будто лютой звѣрь,
 — Подо мною конь пошаранился,
 — На конѣ-то я поустрашился. —
 И говорилъ Илья таково слово:
 «Поѣзжай-ко ты Микита Романовичъ!
 «Поѣзжай-ко ты Микита во чисто полѣ,
 «И ты наѣдешь въ поли на богатыря,
 «И ты сруби ему буйну голову.»
 Осѣдлалъ Микита ворона коня,
 Поѣзжаетъ Микита за богатыремъ,
 Наѣхалъ онъ въ полѣ на богатыря,
 Какъ богатырь ревить будто лютой звѣрь,
 Подъ Микитою конь пошаранился,
 На конѣ-то Микита устрашился,
 Повернулъ коня ко заставушки,
 Ко той ко заставы къ Илью Муромцу,
 И говорилъ Микита таково слово:
 — Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!
 — Какъ наѣхалъ я въ поли на богатыря,
 — А богатырь ревить будто лютой звѣрь,
 — Подо мною конь пошаранился,
 — На конѣ-то я поустрашился. —
 И воспроговорить Илья таково слово:
 «Ужъ ты старость ты старость богатырская,
 «Видно некому мнѣ замѣнитися,
 «Надъ покинуть мнѣ старость великую.»
 И пошелъ на конюшню стоялую,
 И беретъ жеребца неѣзжалово,
 Неѣзжалово да и неузdana.
 Какъ сѣдлаетъ Илья ворона коня,
 Только видѣли людюшки сядучи,
 А не видѣли людюшки поѣздучи,

Только копытка въ поли какъ столбъ стонтъ.
 И наѣхалъ онъ въ поли на богатыря,
 А богатырь рѣвить будто лютой звѣрь,
 И ужъ онъ бьетъ коня по тучнымъ бедрамъ:
 «Ужъ ты конь ли мой конь травяной мѣшокъ,
 «Развѣ конь въ полѣ не бѣивать (sic),
 «Вороньяво крыку не слыхивать?
 «Не ворона ли въ полѣ поразгрѣялесе,
 «Не пусто ли перо поразгрѣялесе.
 «Я хвачу воробу въ карманъ брошу,
 «Не бывать вороны на бѣломъ свѣту.»
 Они ударились палицей въ палицу,
 У обѣхъ у нихъ палицы поломалесе,
 Не одинъ одново не поранили.
 Ударились коніемъ въ коніе,
 У обѣхъ у ихъ конья поломалесе,
 Не одинъ одново не поранили.
 Какъ сошлесе на ручную поборотнесе,
 Какъ ушибъ ево Илья, Илья Муромецъ.
 Онъ ставасе когѣнами на бѣлу грудь,
 Ужъ онъ самъ говорилъ таково слово:
 «Ужъ ты чьей земли ужъ ты чьей орды,
 «Ты чьего отца коей матери?»
 Говорилъ ему удалой доброй молодець:
 — Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!
 — Кабы я у ты былъ на бѣлой груди,
 — Я не сирашивалъ ни имени ни вотчины,
 — Не какой пути дорожки проѣзжіе.
 — Вынималъ бы я пожитчекъ булатніе,
 — Я пороль бы твои груди бѣлые,
 — Вынималъ бы я сердце со печенью. —
 Какъ второй разъ спросилъ Илья Илья Муромецъ:
 «Ты скажи-тко удалой добрый молодець!
 «Ужъ ты чьей земли, ужъ ты чьей орды,
 «Чьего отца коей матери?»
 Говорилъ ему удалой доброй молодець:
 — Ужъ ты дядюшка Илья Муромецъ!
 — Какъ по прозванію я славно Анолоинце,
 — А мать моя дѣвка Сиверьяннчна. —
 Какъ берѣтъ Илья за ручки за бѣлые,
 Поднимаетъ Илья отъ сырой земли,
 Цѣлюналъ во уста во сахарніе.
 «Видно ты мнѣ сильній могучій богатыре,
 «Видно ты мнѣ молодець рѣдной сыпъ.»
 Какъ садилесе они на добрыхъ коней,
 И поѣхали онъ ко заставушки,
 И наказалъ Илья Анолоинцу:
 «Ты свези своей матери низкій поклонъ.»

Записано тамъ же, 13 августа.

БРАТЯ ДОРОВОИЧИ.

Поѣхалъ Михайло Дородовичъ,
 Поѣхалъ гулять во чисто полѣ
 И выѣхалъ на гору высокую,
 Розвертывалъ трубку подзорную,
 Глядѣлъ-смотрѣлъ во чисто поле.
 Увидѣлъ онъ тамъ три знаменья:
 Первое знамя бѣлымъ-бѣло,
 Другое знамя краснымъ-красно,
 Да и третье-то знамя чернымъ-черно.
 Какъ поѣхалъ Михайло Дородовичъ
 Ко тѣмъ-то ко трѣмъ онъ ко значкамъ,
 Началъ ево бурушко поскакивать,
 Изъ-подъ копытъ-то онъ долы выметывать
 По цѣлой овчинн барановой.
 Приѣхалъ ко тѣмъ ко трѣмъ ко знаменьямъ.
 И первое знамя стонтъ бѣлъ шатѣрь,
 А другое знамя на шатри маковка,
 А третье-го знамя стонтъ воронъ конь.
 И соходилъ Михайло со добра коня,
 И надовалъ колю пшена бѣлоярова,
 А и самъ онъ зашолъ во бѣлой шатеръ.
 Во бѣломъ шатрѣ удалой доброй молодець,
 Ужъ онъ многима ранами раненой.
 И какъ спросилъ онъ удала добра молодца:
 «И ты удалой дородвій добрый молодець!
 «Ужъ ты гдѣ-ка битъ, гдѣ-ка раненой?»
 Какъ сказалъ ему удалой доброй молодець:
 — Ужъ былъ я во лугахъ во кургановыхъ,
 — Ино я бился со погаными татарами,
 — И наконецъ мнѣ-ка измѣна состоялесе,
 — И у туга лука тетивка порывалесе,
 — Булатняя палица поломалесе,
 — Конь въ череню пороспталолесе,
 — И востра сабля пополамъ переломилесе.
 — Тутъ обступили поганые татарове,
 — Тутъ меня били да ранили. —
 Какъ выходитъ Михайло изъ бѣла шатра,
 Садилсе Михайло на добра коня,
 Розвертывалъ трубку подзорную,
 Онъ смотрѣлъ во луга во кургановы.
 Уже сколько стонтъ лѣсу темнаго,
 Да и столько поганыхъ татаровей,
 Да и сколько во чистомъ поли кувиль травы,
 А тово болѣ поганыхъ татаровей.
 И тутъ-то молодца страхъ-отъ взялъ.
 «Какъ куда мнѣ-ка ѣхать, куда мнѣ коня гнать.

«Какъ ѣхать мнѣ въ луга, такъ убиту быть,
 «А домой мнѣ-ка ѣхать, нечимъ хвастати.»
 И какъ поѣхалъ онъ въ луга во кургановы,
 И ужъ онъ лукомъ перебилъ силы смѣты шѣтъ,
 Коньемъ перекололъ силы смѣты пѣтъ,
 Да и палицей прибилъ силы смѣты пѣтъ,
 Да и саблей перерубилъ силы смѣты пѣтъ,
 И наконецъ тово измѣна состояласе,
 И у туга лука тетивка порваласе,
 Булатняя палица поломаласе,
 Конь вѣ череню росшаталосе,
 Воэтра сабелька пополамъ переломиласе.
 И обступили поганые татарове,
 Да и хочуть добра молодца съ коня стащить.
 Ино ево была головунка удаала,
 Да и вся была натура молодецкая.
 Какъ скочилъ Михайло съ добра коня,
 А хваталъ онъ поганого татарина,
 За его ли за поганые за ноги,
 Началъ онъ татаринкомъ помахивать,
 Куда махнѣтъ — туды улнца,
 Назадъ отмахнѣ — переулочекъ.
 И то оружье по плечу пришло,
 Прибилъ онъ татаръ до единого,
 И ужъ онъ самъ сказалъ таково слово:
 «И ты родись-ко головунка удаала,
 «А худа голова бы лучше нѣ была.»
 Садился Михайло на добра коня,
 Поѣхалъ Михайло ко бѣлу шатру,
 И какъ пріѣхалъ Михайло ко бѣлу шатру,
 Падалвалъ коню ишена бѣлоярова.
 И заходитъ Михайло во бѣлъ шатерь,
 И спросилъ Михайло добра молодца:
 «Ты удалой дородній доброй молодецъ!
 «Ты котораго отца, которой матери?
 «И тому бы отцу вѣдь поклонъ отвезъ.»
 И какъ сказалъ ему удалой доброй молодецъ:
 — Какъ по имени зовутъ меня Ѳедоромъ,
 — А по отчеству Ѳедоръ Дородовичъ,
 — А больше я съ тобой говорить не могу. —
 И какъ тово часу молодцу смерть пришла.
 А сказалъ тутъ Михайло Дородовичъ:
 «Да и видно ты родимой мнѣ брателко,
 «Да и старшой-отъ Ѳедоръ Дородовичъ.»
 Да и предать онъ его тѣло сырой земли,
 А своимъ онъ родителямъ поклонъ отвѣзъ.

Записано тамъ же, 13 августа.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

Уже за моремъ было за синіемъ,
 Тамъ жила была молода вдова,
 Молода вдова благочестивая.
 Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
 Во десятихъ дочь однакая,
 Ею отдали замужъ за море,
 Замужъ за море за мореннина,
 Ею за вора за разбойника.
 Она жила за моремъ девять годонъ,
 На десятой годъ и стосковаласе.
 Она стала звать мореннишка:
 «Ты нойдемъ, мореннишко, за море,
 «Пойдемъ за море къ родной маменькѣ,
 «Къ родной маменькѣ, къ роднымъ братьницамъ.»
 Они пошли съ моренниномъ за море,
 Какъ на встрѣчу имъ девять разбойнковъ.
 Они мореннина въ море врѣзали,
 А моряночку во полонъ взяли,
 Во полонъ взяли и прибезчестили.
 Они шли разбойники день до вечера,
 Да и тутъ разбойники ночью *) сдѣзали,
 Да и все разбойники спать легли.
 Какъ одинъ разбойникъ не спитъ, не лежитъ,
 Не спитъ, не лежитъ и думу думаетъ,
 Думу думаетъ, рѣчь проговорилъ.
 — Ты скажи, моряночка, повѣдай мнѣ:
 — Ужъ ты чьей земли, ты чьей орды,
 — Ты чьево отца, которой матери? —
 Начала моряночка высказывать:
 «Уже за моремъ было за синіемъ,
 «Тамъ жила была молода вдова,
 «Молода вдова благочестивая.
 «Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
 «Во десятихъ дочь однакая,
 «Меня отдали замужъ за море.»
 Какъ скричитъ разбойникъ громкимъ голосомъ:
 — Вы вставайте, братья, пробужайтесе.
 — Не мореннина мы въ море врѣзали,
 — Не моряночку во полонъ взяли,
 — Въ море врѣзали зятя любимаго,
 — Во полонъ взяли сестру родимую,
 — Прибезчестили единокровную. —
 Какъ ставали разбойники пробужалисе,

*) мѣсто въ лѣсу съ огонькомъ для ночовки.

Какъ давали заповѣдь крѣпкую,
Начали вязать оны шелковъ неводъ,
Нѣ могли достать зятя любимаго.
И возвратилисе оны въ родимой домъ,
Онъ въ родимой домъ и къ родной матери.

Записано тамъ же, 13 августа.

—
XLVIII.

КУКШИНОВЪ.

Николай Ивановъ Кукшиновъ, крестьянинъ-земледѣлецъ изъ дер. Кенозерской у того же Почезера, о которомъ упомянуто выше. Ему лѣтъ за 50. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, зналъ, но плохо, про Грознаго царя Ивана Васильевича и про Нагасью королевичну литовскую.

—
249.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Изъ Волища города изъ Галица,
Изъ Волинь-земли невѣрныя,
Изъ той Корелы изъ упрямые
Лежала дорожка широкая.
Въ ширину дорожка сорока сажень,
Въ долину по дорожкѣ не бывано.
По той по дорожки широкіе
Идѣтъ калика перехожая.
Платье на немъ веретвѣмъ трихнуть.
Идѣтъ калика шатается,
Своею клюхой подпирается,
Подъ каликой земля подгибается.
На той на дорожки широкіе,
Стоитъ тутъ застава великая,
Стоитъ сорокъ воровъ сорокъ разбойниковъ,
Сорокъ ночныхъ подорожниковъ,
Верутъ калику за бѣлы руки,
Говорить калика таково слово:
«Вы ай же воры разбойники,
«Вы ай же ночны подорожники!
«Чего вамъ у стара захогѣлосе,
«Денегъ у м'ня теперъ не было,
«Только есть одинъ крестъ полтора пуда,
«Изъ самаво червонаво золота.»
Обступили воры разбойники:

— Намъ неча со старымъ разговаривать!
— Принимайтесь ребята за старова. —
У калики сила богатырская,
Ухватка была молодецкая.
Ухватилъ онъ разбойника за ногу,
Началъ разбойникомъ помахивать,
Разбойникъ-отъ гнѣтся — не ломится,
На жидяхъ проклятой не сорвется,
Куда махнетъ — туда улица,
Куда отмахнетъ — переулочокъ.
Прибилъ сорокъ воровъ всѣхъ разбойниковъ
И всѣхъ опъ ночныхъ подорожниковъ,
И самъ онъ калика впередъ пошѣлъ
Приходить ко погребамъ питейнымъ.
Ходятъ тутъ голи кабацкіе,
Нагольни горькіе пьяницы.
Опъ гóворилъ таково слово:
«Вы ай же голи кабацкіе,
«Вы пагольни горькіе пьяницы!
«Вы скиньте, голи, по денежкѣ,
«Еще прибавьте по копѣчкѣ,
«Купите вина полтора ведра,
«Опохмѣльте калику перехожую,
«Заутра напою васъ безденежно.»
Скинули голи по денежки,
Еще прибавляли по копѣчкѣ,
Купили вина полтора ведра,
Подавали калики перехожіе.
Берѣтъ калика единой рукой,
Выпиваетъ калика на единой духъ.
«Спасябо голи кабацкіе!
«Не напоили старика лишь роззадорили.
«Приходите къ питейнымъ погребамъ,
«Напою я васъ, голи, безденежно.»
Приходили голи ко погребамъ,
Ждали калику перехожую.
Идетъ калика ко погребамъ,
Онъ двери колоды выпинивалъ,
Заходитъ во погребъ питейныя,
Онъ бочку берѣтъ онъ подъ назуху,
Другую берѣтъ онъ подъ другую.
Кравы печати взялъ оторвалъ:
«Пейте голи сколько надобно,
«Споминайте калику — Илью Муромца.»

—
Записано на Кенозерѣ, 14 августа.

250.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЬ И АЛЕША ДОРОДОВИЧЬ.

На той на дорожки латынскіе,
 На той на заставы богатырскіе,
 Стоит тут заставушка великая,
 Три сильных могучих три богатыря:
 Во первых богатырь Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Пвановичъ,
 Второй же Микита Романовичъ,
 Подъ Микитой Олѣша Поповичѣвъ,
 Нельзя ни пройти, ни проѣхать,
 Ни конному да и не пѣшему.
 Какая невѣжа проѣхала,
 Невѣрная сила прокатилася,
 Не спросилъ онъ ни имени, ни вотчины.
 Илья говорилъ таково слово:
 «Кому изъ насъ ѣхать за богатырѣмъ?
 «Послать намъ Алѣшу Поповича.
 «Поповскіе роды задумчивы:
 «Хошь самъ онъ падеть, хошь богатырѣ убьеть,
 «Не спроситъ ни имени, ни вотчины.
 «Послать намъ Микиту Романова.»
 Въ дорожку Микитуша справляется.
 Онъ день-отъ ѣхалъ до темной ночи,
 И темну ночь ѣхалъ до бѣлова дни.
 Другой день ѣхалъ до темной ночи,
 И другую ночь ѣхалъ до бѣлова дни.
 Наѣхалъ онъ въ поли на богатыря.
 Богатырь кричитъ аки лютый звѣрь,
 Онъ бѣтъ коня по тучнымъ бедрамъ,
 А самъ говоритъ таково слово:
 — Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
 — Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
 — Ты развѣ конь во поли не бѣивалъ,
 — Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
 — Не ворона ли въ полѣ разлеталася,
 — Не пустое ли перо порозгралось?
 — Налетитъ ворона, я въ корманъ брошу.
 — Не бывать изъ кармана вѣкъ и по вѣку,
 — Не видать воропѣ свѣту бѣлаво. —
 Подъ Микитою конь пошаранился,
 И онъ на конѣ приурашился.
 Конь палъ на колѣни лошадиные,
 Воротилъ Микита добра коня,
 Поѣхалъ назадъ ко заставушки.
 Встрѣчас родитель ево дяденька,
 И дяденька Илья Муромецъ.
 «Ты ай же Микитушка Романовичъ!

«Здорово ли ѣздилъ за богатырѣмъ,
 «Срубилъ ли ему буйну голову,
 «Спросилъ ли про имя про вотчину?»
 — А й же дядюшка Илья Муромецъ!
 — Я день-отъ ѣхалъ до темной ночи,
 — Темной ночи ѣхалъ до бѣлова дни.
 — Другой день ѣхалъ до темной ночи,
 — Другую ночь ѣхалъ до бѣлова дни,
 — Наѣхалъ я въ поли на богатыря.
 — Богатырь кричитъ аки лютый звѣрь,
 — Онъ бѣтъ коня по тучнымъ ребрамъ,
 — А самъ говоритъ таково слово:
 — Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
 — Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
 — Ты развѣ конь во поли не бѣивалъ,
 — Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
 — Налетитъ ворона, я въ корманъ брошу.
 — Не бывать изъ кармана вѣкъ и по вѣку,
 — Не видать воропѣ свѣту бѣлаво.
 — Подо мною конь пошаранился,
 — А я на коня приурашился.
 — Конь палъ на колѣна лошадиные,
 — Воротилъ я Микитушка добра коня,
 — Поѣхалъ назадъ ко заставушки. —
 Илья Муромецъ призадумался,
 И самъ онъ себѣ розговаривалъ:
 «Вѣрно неѣмъ у стара замѣнитса.
 «Роснатать развѣ старость богатырская,
 «Ѣхать мнѣ въ поле за богатырѣмъ?»
 Онъ день-отъ ѣхалъ до темной ночи,
 Темну ночь ѣхалъ до бѣлова дни,
 Другой день ѣхалъ до темной ночи,
 Другую ночь ѣхалъ до бѣлова дни,
 И третій день ѣхалъ до темной ночи,
 И третью ночь ѣхалъ до бѣлова дни.
 Наѣхалъ онъ въ поли на богатыря.
 Богатырь кричитъ аки лютый звѣрь,
 Онъ бѣтъ коня по тучнымъ бедрамъ,
 А самъ говоритъ таково слово:
 — Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
 — Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
 — Ты развѣ конь во поли не бѣивалъ,
 — Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
 — Не ворона ли въ полѣ разлеталася,
 — Не пустое ли перо порозгралось?
 — Налетитъ ворона, я въ корманъ брошу.
 — Не бывать изъ кармана вѣкъ и по вѣку,
 — Не видать воропѣ свѣту бѣлаво. —
 Подъ Ильею конь не шаранился,
 Илья на кони не урашился
 И сталъ наѣзжать на богатыря.

Ударилсь молодцы во палици,
 И палици у нихъ приломалисе,
 Ни который ни кобего не ранили.
 Ударилсь молодцы во копия,
 И копия у нихъ приломалися,
 Ни который ни кобего не ранили.
 Ударилсь молодцы по сабельки,
 И сабли у нихъ приломалисе,
 Ни который ни кобего не ранили.
 Сошли онѣ поборотися.
 Въ пошибвахъ пошибъ Илья Муромецъ,
 И сталь ему на бѣлы груди.
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Скажи же удалъ дородній молодець!
 «Ты чьей земли скажи чьей орды,
 «Чьево отца да чьево матери,
 «Чьево урожденія великаго?»
 Онъ говорилъ таково слово:
 — Ты старой чортъ Илья Муромецъ!
 — Кабы я былъ на твоихъ грудяхъ,
 — Не спрошалъ бы ни имени ни вотчины.
 — Вымалъ бы ножищо-кинжалищо,
 — Поролъ бы твои груди бѣлме,
 — Вымалъ бы я сердце со печенью. —
 «Ты скажи удалый дородній молодець!
 «Скажи чьей орды, скажи чьей земли,
 «Чьево отца да чьево матери,
 «Чьево урожденія великаго?»
 Онъ говорилъ таково слово:
 — Ты старой чортъ Илья Муромецъ!
 — Кабы я былъ на твоихъ грудяхъ,
 — Не спрошалъ бы ни имени ни вотчины.
 — Вымалъ бы ножищо-кинжалищо,
 — Поролъ бы твои груди бѣлме,
 — Вымалъ бы я сердце со печенью. —
 «Не гордись на меня, чадо милое,
 «Скажи чьей орды, скажи чьей земли,
 «Чьево отца да чьево матери,
 «Чьево урожденія великаго?»
 — Я той орды, да я и той земли,
 — Того отца да того матери,
 — Того урожденія великаго,
 — Зовуть меня Алѣша Доробовичъ. —
 Илья Муромцу рѣчи прилюбился,
 Сходилъ какъ онъ со бѣлой груди,
 Да поднялъ ево за бѣлы руки,
 Цѣловалъ во уста во сахарные,
 Назвались они братьями крестовыми.

Записано тамъ же, 14 августа.

251.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

Во славномъ батюшки во Києви гради,
 У ласкова князя у Владиміра,
 Было столованіе почестень пиръ,
 На многіе князи а на бояра,
 На сильни могучиі богатыри,
 На всѣ поляницы на удалые.
 Дологъ день идѣ ко вечеру,
 Красное солнышко ко западу,
 Почестные пиръ идѣ на весели.
 Всѣ на пиру пьяны весели,
 Всѣ на пиру напвалисе,
 Всѣ па честномъ наѣдалисе,
 Князь-де Владиміръ свѣтель радошень,
 Выходитъ па крылечко переное,
 Опирается въ перилицо точеное,
 Зрѣль-смотрѣль въ чистое во полѣ.
 Изъ далека далека изъ чиста поля
 Идутъ мужики граждана,
 Граждана мужики посадские,
 Посадские рыболовщички.
 Кланяются князю поклоняются,
 Бьютъ-де челомъ жалобу кладутъ:
 «Солнышко-де пашо красное,
 «Солнышко Владиміръ стольне-киевской!
 «Пьешь-де їси спотѣшаешся,
 «Надъ нами побѣдушки не вѣдаешъ.
 «Надъ нами побѣда состояласе,
 «На нашихъ любимыхъ на занимахъ
 «У насъ-то ли было на Сарогн на рѣки,
 «Невѣдомые люди появились.
 «Платье на нихъ дорогой скурлатъ,
 «Источниками *) подпоясалисе,
 «Шапки на нихъ черны мурманки,
 «Черны мурманки золоты вершки.
 «Сапожки у нихъ-де зелень сафьянъ,
 «Дорога сафьяну заморскаго,
 «Хороша шитья новоторскаго.
 «Носъ-отъ шиломъ — пята востра,
 «Около посу лицо покати,
 «Подъ пята соловей пролетѣ.
 «Наши невода роздѣргивали,
 «Свои невода замѣтывали,
 «Рыбу сорогу помыловили.

*) не знаетъ.

«Намъ, государь, лову не было,
 «Вамъ, государь, подпосу нѣтъ,
 «Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 «Скажутся-называются —
 «Всё это дружина Чурилова.»
 Онъ и говорилъ таково слово:
 — Не знаю я Чуриловой вотчины,
 — Не знаю я Чуриловой поселицы,
 — Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
 Та толпа мимо дворъ прошла,
 Новая изъ поля появляется.
 Идутъ мужики граждана,
 Граждана мужики посадскіе,
 Посадскіе звѣрловщички.
 Кланяются князю поклоняются,
 Бьютъ-де челомъ жалобу творять:
 «Солнышко-де наше красное,
 «Солнышко Владиміръ стольне-кѣвской!
 «Пьшь-де ѣси спотѣшаешься,
 «Надъ нами побѣдушки не вѣдаешь.
 «Надъ нами побѣда состоялесе,
 «На нашихъ любимыхъ на займищахъ
 «У насъ-то ли было во темныхъ во лѣсахъ,
 «Невѣдомые люди появились.
 «Наши они петельки задѣргивали,
 «Свои они петельки заметывали,
 «Кунку да лиску повыволили,
 «Черпаго соболя повывапли,
 «Страго заморскаго заяца.
 «Намъ, государь, лову не было,
 «Вамъ, государь, подпосу нѣтъ,
 «Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 «Скажутся-называются —
 «Всё это дружина всё Чурилово.»
 Онъ и говорилъ таково слово:
 — Не знаю я Чуриловой вотчины,
 — Не знаю я Чуриловой поселицы,
 — Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
 Та толпа мимо дворъ прошла,
 Новая изъ поля появляется.
 Идутъ мужики граждана
 Граждана мужики посадскіе,
 Посадскіе огороднички,
 Кланяются князю поклоняются,
 Бьютъ-де челомъ жалобу творять:
 «Солнышко-де наше красное,
 «Солнышко Владиміръ стольне-кѣвской!
 «Пьшь-де ѣси спотѣшаешься,
 «Надъ нами побѣдушки не вѣдаешь.
 «Надъ нами побѣда состоялесе,
 «На нашихъ любимыхъ на заводахъ,

«На нашихъ любимыхъ на займищахъ
 «Невѣдомые люди появились.
 «Наши заводи*) раздѣргивали,
 «Свои они огороды заметывали,
 «Травку-муравку повытоптали,
 «Красныхъ дѣвицъ къ сорому привели,
 «Молодыхъ молодухозъ прибезчестили,
 «Старыхъ старухъ обизвичили.
 «Скажутся-называются —
 «Всё это дружина Чурилова.»
 Онъ и говорилъ таково слово:
 — Не знаю я Чуриловой вотчины,
 — Не знаю я Чуриловой поселицы,
 — Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
 За тѣмъ за столомъ бѣлодубовымъ,
 На той на скамейкѣ слоновыхъ костей
 Сидѣлъ тутъ удалой добрый молодець,
 По имени Иванъ да Ивановичъ.
 Онъ самъ говорилъ таково слово:
 «Знаю я Чурилову вотчину,
 «Знаю я Чурилову поселицу,
 «Знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ.
 «У Чурила дворъ на Сарогѣ на рѣкѣ,
 «Сушротивъ креста Леванидова,
 «У святыхъ моцей у Борисовыхъ.
 «У Чурила дворъ на семи верстахъ,
 «Около двора есть булатнѣй тынь,
 «На каждой тынничокѣ по маковѣ,
 «И маковки были золочёные.
 «Посередѣ двора стоитъ три терема,
 «Свѣдены были по небесному:
 «На неби солнце и въ тереме солнце,
 «На неби мѣсяцъ и въ тереме мѣсяцъ,
 «На неби звѣзды и въ тереме звѣзды.
 «По небу звѣздочка покажется,
 «По терему звѣздочки посыплются.
 «Въ которомъ же тереме Чурило живѣ,
 «Тронъ были сѣни косѣрчатые,
 «Тронъ были сѣни стекольчатые,
 «Тронъ были сѣни рѣшатчатые,
 «Полъ и середѣ изъ чиста серебра,
 «Потолокъ были соболинные,
 «Завѣсы были мптеалиновые.»
 Справляется Владиміръ стольне-кѣвской,
 Со многими князьями со боярами,
 Со всѣма купцами со торговыма.
 Поѣзжаетъ Чуриловой поселицы смотрѣть,
 Приѣзжаетъ Владиміръ ко Чурилову двору,
 Самъ говорилъ таково слово:

*) «заводы, т. е. огороды,» — такъ объяснилъ пѣвецъ.

— Какъ сказано да такъ и сдѣлано. —
 Изъ этого терема високаго,
 Выходитъ старь-младыи *) матёръ чловѣкъ,
 Клапяется князю поклоняется,
 Берѣ его за ручки за бѣлше,
 Проводитъ во тѣрема высокіе.
 Садилъ за столы бѣлодубовы,
 Кормилъ да поилъ хлѣбомъ солію.
 Князь-де Владиміръ воспотѣвшился,
 Съѣлъ подь одошко кострчатое,
 Зрѣлъ-смотрѣлъ во чистое во полѣ.
 Изъ дѣлека далѣка изъ чиста поля
 Ёдетъ молодцовъ сотъ до двухъ,
 Всѣ молодцы одноличные.
 Платѣ на нихъ дорогой скурлатъ,
 Источниками подпоясалисѣ,
 Шапки на нихъ черны мурманки,
 Черны мурманки золоты вершки.
 Сѣножки у нихъ-де зеленъ сафьянъ,
 Дѣрога сафьяну заморскаго,
 Хѣроша шитя новоторскаго.
 Носъ-отъ шиломъ — пята востра,
 Около носу янцо покати,
 Подь пята соловѣй пролетѣ.
 Кони подь пима были латынскіе,
 Узды повода сорочинскіе,
 Сѣделышка были чиста золота.
 Кони бѣжа какъ соколы летя.
 Та толпа къ нимъ на дворъ пришла,
 Новая изъ поля появляется:
 Ёдетъ молодцовъ сотъ до трѣхъ,
 Всѣ молодцы одноличные.
 Платѣ на нихъ дорогой скурлатъ.
 Источниками подпоясалисѣ,
 Шапки на нихъ черны мурманки,
 Черны мурманки золоты вершки.
 Сѣножки у нихъ-де зеленъ сафьянъ,
 Дѣрога сафьяну заморскаго.
 Хѣроша шитя новоторскаго.
 Носъ-отъ шиломъ — пята востра,
 Около носу янцо покати,
 Подь пята соловѣй пролетѣ.
 Кони подь пима были латынскіе,
 Узды повода сорочинскіе,
 Сѣделышка были чиста золота.
 Кони бѣжа какъ соколы летя.
 Та толпа къ нимъ на дворъ пришла,
 Новая изъ поля появляется:
 Ёдетъ молодцовъ до четѣрехъ сотъ,

*) «такъ слышано.»

Всѣ молодцы одноличные.
 Въ той толпѣ превеликіе,
 Ёдетъ Чурило сынъ Шленковичъ.
 Ёдетъ Чурило на трѣхъ лошадахъ,
 Съ лошади на лошадь перескакиваѣ,
 Изъ руки въ руку конѣ перемѣтываѣ.
 Князь-де Владиміръ испужается:
 — Какая-то невѣжа появляется,
 — Не проситъ ли въ поле поединщика? —

(Дальше не знаетъ.)

Записано тамъ же, 14 августа.

XLIX.

ПАТРИКЪЕВЪ.

Филиппъ Васильевичъ Патрикѣевъ, изъ дер. Дородилицкой на Почезерѣ, крестьянинъ-земледѣлецъ, 40 лѣтъ отъ роду. Знаетъ только двѣ былины, которымъ научился отъ своей матери, въ настоящее время дряхлой 70-лѣтней старухи.

252.

МИХАЙЛО ДОРОВОИЧЪ.

Но за Кіевомъ не ясенъ соколъ въ перелѣтъ летѣть,
 По той пути дорожкѣ широкіе,
 Туды ёдѣ Михайло Дородовичъ,
 На своѣмъ-то на бурушкѣ косматенькомъ.
 У бурушка шерсть была трѣхъ нядей,
 И грива у бурушка трѣхъ локотъ,
 И фостъ у косматаго трѣхъ сажонъ.
 И билъ онъ коня по конному,
 И билъ онъ коня по тучнымъ бокамъ,
 И по тучнымъ-то бокамъ по вострымъ ребрамъ.
 И пошѣлъ этотъ бурушко косматенькой,
 И во всю пору-мѣтъ лошадиную,
 И ископытъ мечѣ конную,
 И по-повыше лѣсу онъ жароваго,
 И по-пониже онъ облака ходячаго.
 И рѣки озѣра перескакивалъ,
 И топучи мѣста промежъ ногъ пустилъ,
 И выѣзжаѣ Михайло Дородовичъ
 На ту ли на гору сорочинскую,

И здрѣль-смотрѣль въ трубку подзорную,
 И увидѣль Михайло три значечка:
 И перво-то знамѣ бѣлымъ-бѣло,
 Да другое было знамѣ чернымъ-черно,
 И третье-то знамѣ краснымъ-красно.
 И поѣхалъ Михайло Дородовичъ
 И ко тѣмъ ко трѣмъ-то онъ значечкамъ,
 И пріѣхалъ Михайло Дородовичъ
 И ко этимъ трѣмъ онъ ко значечкамъ.
 И бѣлымъ-бѣло значечко — бѣль шатѣръ,
 И чернымъ-черно значечко — добрый конь,
 И краснымъ-красно значечко — добрый моло-

дець,

И лежитъ онъ бѣльнѣ поранѣной.
 И спрашивать Михайло Дородовичъ:
 «И ты труднѣй-то большѣй добрый молодець!
 «Ужь какъ гдѣ ты былъ бѣльнѣ пораненной?»
 — Ужь какъ былъ во лугахъ во кургановыхъ,
 — Бился-дрался съ поганима татарами,
 — И тутъ меня бѣльнѣ поранили.
 — И росчитывалъ раны кровавые:
 — И коя была рана отъ туга лука,
 — И другая была рана отъ востра конья,
 — И третья была отъ палици бузатныи. —
 И не синѣе морѣ сколыбалосе,
 У Михайлы ли сердце розгорѣлосе,
 И поѣхалъ Михайло Дородовичъ
 И на ту ли на площадь широкую,
 И на тѣ на луга на кургановы,
 И на то ли болото кудиково,
 И на ту ли на плашку на липову,
 И на ту ли на казень на смертнью.
 И началъ Михайло помахивать,
 У туга лука тетивка срываласе,
 И востро конь потуплосе.
 И фатиль онъ татарина за поги,
 И началъ татаринѣ помахивать.
 И впередъ онъ махнѣ — улца стоитъ,
 И татаринъ-отъ гнется не ломится,
 И на жылкахъ татаринъ подавается.
 И всѣхъ онъ татаринѣ новырубилъ,
 И оставилъ единого на сѣмена.

Записано на Кенозерѣ, 15 августа.

253.

РЕВНИВЫЙ МУЖЪ.

И женился князь во двѣдцать лѣтъ,
 Онъ ли бралъ княгиню девяти годовъ,
 Онъ ли жилъ со княгиней ровно три годы,
 На четвѣртой годъ онъ гулять пошолъ.
 Онъ гулялъ, гулялъ да ровно три годы,
 На четвѣртой годъ онъ домой пошолъ.
 И идѣ онъ по полю по чистому,
 Встрѣтилосе ѣму двѣ старницы,
 И двѣ старницы двѣ чѣрноризницы,
 И спрашивать князь у тѣхъ старницей:
 «Вы давно ли давно ли съ моего двора,
 «Съ моего двора съ княженецкаго?»
 — Мы топерь, топерь да топерѣшенько,
 — Съ твоего двора съ княженецкаго. —
 «А здорово ли стоитъ мой высокъ терѣмъ,
 «И здорово ли живутъ добры конюшкы,
 «И здорово ли живутъ чайны чашечкы,
 «И здорово ли нѣяны питьца.
 «И здорово ли живутъ и цвѣтны платица,
 «И здорово ли живѣтъ молода жена?»
 На отвѣтъ-то дѣржа и ты старницы:
 — Твой высокъ терѣмъ покосѣ стоитъ.
 — Добры кони да всѣ заѣзжены,
 — И чайны чашечкы да всѣ испрѣбиты,
 — И нѣяны питьца да всѣ испрѣпиты,
 — Цвѣтны платица да всѣ изношены,
 — Молода жена во теремѣ сидитъ,
 — Во теремѣ сидитъ колубѣнь качать. —
 И не синѣе-то море всколыбалосе,
 У князя сердце розгорѣлосе.
 И приходитъ князь къ своему двору,
 Къ своему двору да княженецкому,
 Тонне ворота правой ноженкой,
 Улѣтѣли тѣ ворота среди двора,
 Среди двора да княженецкаго.
 Вышла княгиня на круто крыльцо,
 Въ одной тоненкой рубашкѣ безъ пѣтничка *),
 Въ одиѣхъ бѣленкихъ чулочкахъ безъ чеботовъ.
 Вынималъ тутъ князь востру сабельку,
 А срубилъ у княгини буйну голову.
 А во теремѣ-отъ заходитъ колубѣня нѣтъ,
 Колубѣня нѣтъ всѣ паяла **) лежа.

*) сарафана.

**) для вышиванья.

Сколько што было вдвое сплавано,
 Все князі домончѣкъ (sic) дожидано.
 Ужъ какъ тутъ ли князь да закручиняся,
 И сходилъ во конюшенку стоялюю,
 Добры кони не ѣзжены,
 Лучше стараго да лучше прежняго.
 Чайны чашечки да не прибитые,
 Ныяны нитьца да не приптые,
 Цвѣтны платица да не изношены.
 И не синѣ море всколыбалосе,
 А у князя сердце розгорѣлосе,
 И заставалъ онъ князь и во чистомъ поли
 Отыхъ старицей да чѣрноризницей.
 Вынимасть князь и востру сабельку,
 Онъ срубилъ у старицъ буйну голову.

Записано тамъ же, 15 августа.

—
 L.

ЛЯДКОВЪ.

Иванъ Михайловичъ Кропачевъ, болѣе извѣстный по прозвищу **Лядковъ**, крестьянинъ деревни Мамонова на Кенозерѣ, грамотный, 65 лѣтъ, высокій, сторбленный старикъ съ сильною просѣдью. Запмствовалъ былины отъ своего отца, крестьянина-торговца, который зналъ очень много «старинъ» и превосходно ихъ цѣлъ; но отъ кого и гдѣ отецъ имъ научился, этого Лядковъ не знаетъ, потому что помнитъ отца только старикомъ. Когда онъ родился, отцу было 50 лѣтъ, умеръ же онъ въ глубокой старости лѣтъ 25 тому назадъ. Самъ позабылъ многое изъ того, что онъ прежде зналъ отъ отца, особенно съ тѣхъ поръ какъ научился грамотѣ отъ теткинъ монастырн (это было лѣтъ 15 тому назадъ) и предался чтенію церковныхъ книгъ. Онъ прочелъ всю Библию, Четью-Минію, Прологъ, Златую Цѣнь, Маргаритъ и др. Въ продолженіе 9-ти лѣтъ (въ концѣ 50-тыхъ и въ 60-тыхъ годахъ) Лядковъ былъ цѣловальникомъ и въ это время ему случилось бывать въ Каргополѣ, гдѣ онъ однажды встрѣтился съ г. Рыбниковымъ, который записалъ съ его словъ одну былинну. Онъ означенъ въ его сборникѣ подъ именемъ «кенозерскаго цѣловальника». Развязавшись съ должностью цѣловальника, Лядковъ занялся опять крестьянствомъ, но, разоренный недавно пожаромъ, жи-

ветъ очень бѣдно. Былныи поетъ не совсѣмъ приятнымъ, хриплымъ голосомъ, но весьма складно.

—
 254

ВОЛЬГА И ЩЕЛКАНЪ.

Ди-ди-ди Волга рѣка,
 Да широка-де мать рѣка,
 Да подъ Казань подошла,
 Да пошире-то тово
 Выла подъ Востракань.
 Много Волга рѣка въ себя побрала,
 Да поболѣ того ручьевъ вѣдь пожрала,
 Негдѣ Добрынюшки прогуливатьсѣ,
 Негдѣ Мнѣтинцу проѣзживатьсѣ.
 Да во славномъ во Твери во городѣ,
 Да на томъ ли то было на стули на зѣлотомъ,
 Да и на томъ ли было ремѣчатомъ,
 Да сидѣлъ туто царь-отъ Везвякъ сынъ Везвяковичъ.

Онъ сидѣлъ суды вѣдь разсуживаѣ,
 Да слова онъ выговариваѣ,
 Да князей-де бояръ онъ жалувѣ,
 Онъ чинами ихъ, вотчинами.
 Да ли Сеньшу на устьѣ послать,
 А Щелкана-то Дудентьевича
 Да тово-де пожаловалъ Тверію-то городомъ,
 Да ли Тверію-то славною,
 Да ли Тверію богатою.
 Да Щелканъ-отъ Дудентьевъ сынъ,
 Да онъ съ улицы бралъ-де по кѣрници,
 Со двора онъ бралъ по коню.
 У кого коня-то вѣдь цѣтъ,
 У того онъ жену возмѣ.
 У кого-де жены-то вѣдь цѣтъ,
 А тово-де самова возмѣ.
 Да у Щелканушка не вѣслужившѣся,
 Изъ двора-то вонъ не выпрѣжешѣся.
 Да тотъ ли то Щелканушко Дудентьевъ сынъ,
 Да царь-отъ Везвякъ сынъ Везвяковичъ,
 Да они слыша нарожденѣе богатырское
 Сильняго могучаго богатыря,
 Да Вольгѣ сына Щеславьевича.
 Да по той ли по Волги по рѣки,
 Взяли-де рыбоньку бѣлауженку повѣловили,
 Окуня сарожку повѣдобыли,
 Рябчика косачика повыстрѣляли,
 Да лисицу кунницу повывадили.

Да тутъ Вольбушненька раждается,
 Да Щелканушко кончается,
 Да кончается Щелканова вотчина,
 Да только ли Щелканушко живъ-то бывалъ.

Записано на Кенозерѣ, 12 августа.

—
 235.

МИКУЛА СЕЛЯНОВИЧЪ И ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Да во славномъ городи Києви,
 Да у младаго князя Владиміра,
 Былъ любимые племянникъ Иванъ сынъ Годино-
 вичъ.

Онъ ѣздилъ по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
 Онъ собиралъ даннъ пошлины,
 Онъ со всѣхъ съ царей со всѣхъ королей,
 Привозилъ-де во славный Києвъ градъ,
 Своему дядюшкѣ князю Владиміру.
 Онъ-де набралъ много злата и серебра,
 Да и набралъ много скатняго жемчуга,
 Да и больше того онъ набралъ мѣди аравітскіе.
 Котора была мѣдъ аравитская,
 Никогда она ни бусѣла *) и не ржавѣла,
 Была дороже злата и серебра,
 Дороже скатняго жемчуга.

Да за ту-де за ево службу вѣрную,
 Ево дядюшка князь Владиміръ стольне-кіевской
 Пожаловалъ Иванушку удѣломъ три города,
 Которые были города, сударь, славные.
 Тамъ въ ихъ жили люди упрямые,
 Да никому-де они не были покорные,
 Некому не давали ни дани, ни пошлины,
 Да и некрутской съ себя-де повинности.
 Да Иванушку пожаловалъ князь Владиміръ эти
 города.

Да поѣхалъ Иванъ сынъ Годиновичъ,
 Славной-отъ городъ былъ Курсовецъ,
 А другой-отъ городъ Орѣховецъ,
 А третьей городокъ былъ Орѣшечокъ.
 Набралъ съ собой онъ дружины хоробрые
 Тридцать удалыхъ добрыхъ молодець,
 Супротивъ себя голосомъ и волосомъ,
 И рѣчью, походкой, пословицей,
 И всей онъ постуничкой да молодецкою,
 И выѣзжалъ-де Иванъ во чисто полѣ изъ Києва.

*) чертила.

ѣхалъ онъ бѣлый день до вечера,
 Услыхалъ что сошка въ поли поскрываетъ,
 Ратные въ поли поскрываютъ.
 Пристигала его на пути вѣдь темна ночь.
 Спалъ онъ со своей дружиной хороброю
 Всю темпу ночь до бѣла свѣту.
 Таже на другіе бѣлой день,
 Слышитъ что сошка въ поли поскрываетъ,
 Да и ратные въ поли поскрываютъ.
 Наѣзжае онъ во чистомъ поли,
 Что пахнетъ ратные,
 Сырые дубья выѣрывать,
 А пни-де кореня валить въ борозду.
 Поровнялся супротивъ ево Иванъ сынъ Годино-
 вичъ,

Закричалъ громкимъ голосомъ:
 «Тебѣ Богъ помочь, ратные!
 «Что же ты пахнешь на кобылицы,
 «Можно бы тебѣ было и коня завести.»
 Отвѣтъ ему дѣржитъ ратные:
 — Да мол-та кобылица
 — Да буде лучше твоево коня.
 Говоритъ ему Иванъ Годиновичъ:
 «Почему же твоя кобылица лучше моего коня?»
 — Потому она лучше твоево коня,
 — Ей у м'ня даво прозвание «Упеси-голова».
 — Когда я былъ во городи Курсовици,
 — Купилъ я два куля соли Курсовской,
 — Да они были куля вѣсу два девяносто пудъ.
 — Да хона злы были мужичочка Курсовици,
 — Да и зляе того-де Орѣховици,
 — Хотѣли у меня мужичочка соль отнять,
 — Соль отнять и самого убить,
 — Я бралъ куль подъ пазуху,
 — Другой подъ другую,
 — Садился я на свою на кобылицу,
 — Только видѣли они меня-де саждаючи,
 — Да не могли-то меня увидать поѣзжаючи. —
 Тогда говорилъ-де Иванъ Годиновичъ
 Къ ратному да таково слово:
 «А й же ты, ратные, какъ тебя зовуть по имени?»
 Въ отвѣтъ ратной слова держалъ:
 — А й же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
 — Когда я пашу во чистомъ поли,
 — Тогда называютъ меня люди ратнымъ.
 — А когда приде весна-то красная,
 — Будутъ мужички-де ко мнѣ ходить,
 — Да ко мнѣ ходить да у м'ня и хлѣбъ купишь,
 — Да тогда меня зовутъ величаютъ по имени,
 — Да Микула да сынъ я Селяновичъ.
 — А я тебя-де спрошу, Иванъ Годиновичъ,

— Ты куда идешь-ѣдешь, куда путь держишь?—
Говорить-де Иванъ сынъ Годиновичъ:

«Я иду ѣду во славные городъ во Куровець,

«Да ѡ во славные городъ Орѣховець,

«Да ѡ во малый городокъ-де Орѣшечокъ.

«Мнѣ пожаловалъ дядошко Владиміръ князь,

«Покорить-то и съ нихъ дани побрать.»

Говорить-де Микула Селяновичъ:

— А ѡ же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!

— Да тѣ много мѣся мужики вѣдь прогнѣвали,

— Я желаю тебѣ ѣхать на помощь.

— Да вели-тко ты Иванъ сынъ Годиновичъ

— Своей-то дружины хоробрые,

— Да обратъ мою соху ратную съ бѣрозды,

— Да обратъ соху въ край степи,

— Чтобы не украли ей воры разбойники. —

Приказалъ-то Иванъ-отъ Годиновичъ,

Да своей-то дружины хоробрые,

Да обратъ соху ратного,

Да соху въ край степи.

Да ихъ тридцать-то удалыхъ добрыхъ молод-
цовъ,

Пришли обирать соху ратного,

Да не могли сохи они съ мѣста двигнути,

Да не то что имъ соха въ край степи.

Говорилъ-то Микула Селяновичъ:

— А ѡ же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!

— Да не почто везѣшь дружины хоробрую. —

Подходилъ онъ къ своей сохѣ ратные,

Какъ подпаялъ соху на руки,

Да онъ бросилъ-де сошку подъ облаки,

Самъ говорилъ таково слово:

— Ты прощай моя сошка ратная,

— Да болѣ мнѣ-ка вѣкъ на тебѣ и не нахи-
вать. —

Какъ приѣхали Иванъ сынъ Годиновичъ,

Да ѡ Микула сынъ Селяновичъ,

Да во тотъ ли славной-отъ городъ во Куро-
вець,

Да ѡ во славный городъ Орѣховець,

Да ѡ во тотъ городокъ во Орѣшечокъ,

Какъ собрались мужики къ имъ стапичамъ,

Да училили мужики съ пима великій бой

Какъ начали онѣ-де поѣзживать,

Да ѡ Микула съ Иваномъ носакивать,

И мужичковъ стали шалыгами пощалкивать.

Хоща злы мужичоночка Куровци,

А злѣе тово-де Орѣховци,

Да вида они что дѣлать буде нечево,

Тутъ мужики покорилисе,

Да ѡ Микулы съ Иваномъ поклонилисе.

Съ той поры стали они данъ платить,
Ко князю Владиміру во Кіевъ градъ.
И тѣмъ-то у ихъ дѣло кончилось.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
256.

ЖЕНИДЬБА ИВАНА ГОДИНОВИЧА.

Во славномъ во Кіевѣ было во городѣ,

Быль сильніе славные богатырь

Иванъ сынъ Годиновичъ.

Ѣздилъ онъ по всѣмъ землямъ,

По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,

И во многіе земли невѣрные,

Сучинялъ-де онъ войска великіе,

Онъ царей устрашалъ и богатырѣй убивалъ,

Множество городовъ въ полонъ побралъ,

Распространялъ онъ землю російскую.

Быль онъ во той земли да во Индіи богатые,

Увидалъ у гостя Митрія торговаго,

У кунца у Индійскаго,

Его дочерь прекрасну красавицу,

Молодую Настасью Митрїевну.

Какъ очи-ты у ей были какъ яснаго сокола,

А брови-ты у ей были какъ чернаго соболя за-
морскаго.

Рѣчь-га у ей была бѣлой лебеди кикучіе,

А походочка у ей была птици навинные.

Захотѣлъ онъ-де на Настасью Митреевной сва-
таться,

Приходилъ-де онъ въ полату къ кунцу гостю
Митрію торговому,

Онъ-де пришелъ безъ доклада и безспрося,

То-де кунцу Митрію не показалосе.

Онъ бѣ Иванъ челомъ гостю Митрію торго-
вому

О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ:

«А ѡ же ты гость Митрїей торговые!

«Есть у тебя вѣдь прекрасная дочь красавица,

«Красавица Настасья Митреевна,

«Ты пожалуй отдай за меня замужъ.»

Говорилъ гость Митрїей торговые перазумную
рѣчь:

— А ѡ же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!

— Да у насъ пзъ Индіи богатые,

— Да за тебя-де во Кіевъ градъ,

— У м'ня на дворѣ и собачка не выросла. —

Да ѡ немного Иванъ спрашивалъ,

Да й не горазно кунцёмъ розговариваль,
Онъ браль-де Настасью Митреевну за бѣлы
руки,

Повѣль-де онъ во чисто полѣ.

Говорилъ ему гость Митрій торговце:

— А й же ты Пвалъ сынъ Годиновичъ!

— У меня вѣдь есть дочка просватана,

— За тово за царя за Кошца Тринетова. —

Выѣзжаетъ Иванъ во чисто полѣ

Со прекрасной Настасьей Митреевной,

Онъ силу армию да впереди послалъ

Ко славному Киеву городу,

Самъ-де лѣтъ опочинуть во бѣломъ шатри,

Да онъ хотѣлъ ли съ прекрасной дѣвицей заба-
виться.

Да въ ту пору не стужъ стучитъ, не пылъ ни-
литъ во чистомъ поли,

Где поганый Кошуй сынъ Тринетовой.

Увидаль-де Ивана съ Настасьей въ бѣломъ
шатри,

Закричалъ-де онъ громнымъ голосомъ:

«Стой же Иванъ сынъ Годиновичъ!

«Да ты не всѣмъ повладѣль-де Настасьей Ми-
треевной,

«Какъ она вѣдь есть моя Богомъ сужена,

«За меня у отца вѣдь просватана.

«Пойдемъ-ко мы нынѣ во чисто полѣ,

«Сядемъ мы съ тобой на добрыхъ копей,

«Мы сдѣлаемъ надъ Настасьей великой бой.

«Да которому достанется прекрасна красавица

«Настасья Митреевна,

«Тому-де она буде молодой женой.»

Выѣзжали они во чисто поле на добрыхъ ко-
пяхъ,

Другъ на друга розѣхались,

Копьями ударилсь,

У ихъ конья въ кольца согнулисє.

Они саблями ударилсь,

У ихъ сабли поломилсь,

Сами отъ удару на землю валилсь.

Нимѣли на земли они рукопашной бой,

Ушибъ-де Иванъ Кошуй о сыру землю,

Сѣлъ-де Кошуй на бѣлу грудь,

Самъ говорилъ таково слово:

— А й ты прекрасна красавица

— Настасья Митреевна!

— Подай ты мнѣ вострой булатній ножичокъ,

— Я роспору Кошуйю груди бѣлєе,

— И выну ёму сердце ретивоѣ. —

Кошуй подъ низомъ лежить,

Говоритъ Кошуй да не съ упадкою:

«А й же ты Настасья Митреевна!

«Ты подумай нынѣ своимъ разумомъ:

«Какъ за Ивановъ жить, дакъ те служанкой
слить,

«А за мною быть, дакъ те царницей слить.

«Будуть земли покорятисє,

«Добры люди поклопятисє.

«А бери-ко ты Ивана за желты кудри,

«Тащи-ко ты Ивана съ моей груди бѣлєе.»

Туть Настасьюшка раздумалась,

Брала-де Ивана за желты кудри,

Тащила-де она съ груди Кошусвой.

Выставаль-де Кошуй со сырой земли,

Онъ беретъ тетивки шелковыи,

Связаль-де Ивану ручки бѣлєе,

Да завязаль онъ крѣпко пожки рѣзвыє.

Положилъ онъ Ивана подъ сѣрой дубъ,

Онъ поставилъ противо ножичко-книжачицо,

Говорилъ-де онъ таковы слова:

«Вотъ тебѣ Пвалъ сынъ Годиновичъ

«Тебѣ буде туть скоро смерть,

«А я пойду съ Настасьей Митреевной въ бѣлой
шатерьъ,

«Я пойду позабавлюсє.»

Да зашолъ-де Кошуй во бѣлой шатерьъ

Со прекрасной красавицей

Со Настасьей Митреевной.

Лежить-де Иванушко Годиновичъ,

Да подъ тѣмъ ли подъ дубомъ подъ сырнимъ,

Да отъ желанья Иванъ Богу молитсє,

Чтобы Ивану отъ смерти избавитисє.

Налетѣли на шатерьъ на Кошувъ вѣдь

Да два сызыхъ два голубя,

А не два голубя палетѣло два ангела,

Поразили Кошуйю смертью скорою,

Только Кошуй вѣдь Тринетовъ и живъ бываль.

Оставаласє Настасья единѣшенька,

Выходила она изъ бѣла шатра,

Приходила къ Ивану Годиновичу,

Брала она отъ сырой земли въ руки острой
ножь,

Сама говорила Ивану таково слово:

— А й же ты молодой Пвалъ сынъ Годиновичъ!

— Ты возмешь ли нынѣ меня Настасью за себя
замужъ?

— Если ты взять общаешьсє,

— То я розрѣжу тетивки шелковыє

— На твоихъ на бѣлыхъ рукахъ,

— А пѣтъ дакъ предамъ тѣ смерти скорые. —

Да Иванъ на земли летитъ,

Говоритъ Пвалъ да не съ упадкою:

«А й же ты Настасья Митреевна!
«Я возьму тебя за себя замужь,
«Только я тебѣ дамъ три грозы превеликіе:
«Перву грозу — отрублю ручки бѣлые,
«Другую грозу — отсѣку ноги рѣзвые,
«А третью грозу — отсѣку твою буйную голову,
«Да и вырѣжу все твое добро.»

Таковыхъ угрозъ Настасья испугаласе,
Опустила пожъ изъ бѣлыхъ рукъ,
Паль-де къ Ивану по тетивкамъ шелковиннѣмъ,
Онъ разрѣзалъ у Ивана на рукахъ тетивки шел-
ковые.

Туть-то Ивась сынъ Гоудиновичъ отъ земли воз-
сталъ,
Бралъ-де онъ Настасью Митреевну за бѣлы
руки,

Отсѣкъ онъ ей ручки бѣлые,
Самъ говорил таково слово:
«Эти миѣ ручки не надобно,
«Обнимали поганого Кощуя Трипетова.»
Отрубилъ ножки рѣзвые,
Самъ говорил таково слово:
«Да эти ножки миѣ не надобно,
«Оплетали Кощуя Трипетова.»
Да отрѣзалъ ей уста тѣ сахарніе,
Самъ говорил таково слово:
«Эти уста миѣ не надобно,
«Цѣловали Кощуя Трипетова.»
Да ископалъ-то у Настасьи очи ясные,
Да отсѣкъ-де у ей буйну голову,
А только-то Иванушко и жепать бывалъ.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
257.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Во славномъ во Києви городи,
Былъ сильніе славные богатырь Илья Муромецъ.
Онъ ѣздилъ далече далече во чистомъ поли,
Онъ ѣздилъ много времени.
Цвѣтно платье сво истаскалосе,
Золота казна у сво издержаласе.
Приѣзжаѣ во Києвъ градъ,
Захотѣлъ онъ съ пути-дорожки опохмѣлнться,
Приходитъ онъ во царевъ кабакъ,
Говоритъ чумакамъ чѣловальникамъ:
«А й вы братцы чумаки чѣловальники!
«Я ѣздилъ долго въ чистомъ поли,

«Цвѣтно платье у м'ня истаскалосе,
«Золотая казна у м'ня издержаласе,
«Я желаю теперь съ пути опохмѣлнться,
«Со своимъ людьми познакомнться.
«Вы позволте миѣ три бочки сороковые
«Зелена вина безденежно.»

Говорятъ чумаки чѣловальники:
— А й ты старая собака, сѣдатый нѣсъ!
— Да не дадимъ мы безъ денегъ зелена вина. —
Да не много-то Илья у ихъ спрашивалъ,
Да не много съ нима разговаривалъ.

Приходилъ онъ ко подвалу кабачному,
Онъ инналъ правой ногой во двери подвальніи,
Бралъ онъ бочку сороковую подъ назуху,
Да другую бралъ подъ другую,
Третью бочку онъ ногой катилъ.
Выходилъ Илья да на зеленый лугъ,
Закричалъ онъ во всю голову чловачію,
Во всю силу свою богатырскую,
Онъ зычнымъ громкимъ голосомъ:

«А й вы братцы мои пьяници,
«Да вы голи кабацкіе,
«Кабацкіе голи мужички деревенскіе!
«Вы пожалуйте ко миѣ на зеленый лугъ,
«Да вы пейте у м'ня зелена вина до пьяна,
«Да вы молитте Бога за стараго.»
Да собиравлсе пьяници голи кабацкіе,
Мужики деревенскіе на зеленый лугъ,
Они шили вино да и безденежно.
Да чумаки чѣловальники.

Не могли у Илья отнять зелена вина.
Да Илья-то Муромецъ скидалъ съ себя шубу со-
боливую,

Обливалъ эту шубу зеленымъ виномъ,
Самъ волочилъ по лужечку зеленому,
Онъ ко шубы приговаривалъ:

«Уливайся, моя шуба, зеленымъ виномъ.
«Судитъ ли миѣ Богъ волочить собаку царя Га-
лина.

«Да по этому лужечку зеленому,
«А ёму отъ моихъ бѣлыхъ рукъ плакати.»

Услыхали эти рѣчи чумаки чѣловальники,
Приходили ко князю Владиміру,
Они били челомъ низко кланялись.

— Да ужъ ты нашъ свѣтъ государь-де Владиміръ
князь!

— Да мы не знаемъ у насъ вчера какое чудо
сотворилосе,

— Да не знаемъ кто пришолъ:

— А чертъ ли пришолъ, али водяной пришолъ

— Къ намъ на царевъ кабакъ.

— Онъ просилъ зѣлена вина безденежно
 — Три бочки сороковше,
 — А мы безденежно ёму вино не дали.
 — Да онъ не много у насъ спрашивалъ,
 — Да не горазно съ нами разговаривалъ,
 — Шоль ко подвалу кабачному,
 — Онъ пиналь-де во двери подвальной правои
 ногой
 — Бралъ онъ бочку сороковую подь пазуху,
 — А другую бралъ бочку подь другую,
 — Да третью бочку ногой катилъ.
 — Да й выходилъ онъ сударь на зеленый лугъ,
 — Закричалъ-де онъ громкимъ голосомъ,
 — Во всю голову человическу,
 — Во всю силу свою богатирскую:
 — А й вы братцы мои вы товарищи,
 — Пьяници голи кабацкіе,
 — Мужички деревенскіе!
 — Вы пожалуйте ко мнѣ на зеленой лугъ,
 — Да вы пейте у м'ня зѣлена вина безденежно.
 — Приходили тутъ пьяници голи кабацкіе,
 — На зеленой лугъ,
 — Роспонилъ оно вино имъ безденежно,
 — Да скіналъ съ себя шубу соболинную,
 — Да уливалъ эту шубу зеленымъ виномъ,
 — Да й волочилъ по лужечку зеленому,
 — Да онъ ко шубы приговаривалъ:
 — Да уливайся, моя шуба, зеленымъ виномъ,
 — Да судить ли мнѣ Богъ волочить собаку князя
 Владиміра
 — Да по этому лугу зеленому.
 — Да намъ нечѣмъ сударь Владиміръ князь,
 — Нечѣмъ буде за вино расчесть держать. —
 Воскричалъ князь Владиміръ стольне-кіевской
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Посадить его въ погребъ глубокіе,
 «Въ глубокъ погребъ да сорока сажень.
 «Не дать ему не пить не ѣсть да ровно сорокъ
 дней,
 «Да пусть онъ помрѣтъ собака и съ голоду.»
 Какъ узнала про это честная вдовица княгиня
 Апраксія,
 Что посаженъ Илья Муромецъ да во глубокъ по-
 грѣбъ,
 Она сдѣлала подкопъ ту тайную,
 Да во тотъ ли погребъ глубокіе,
 Кормила пошла Илью ровно сорокъ дней.
 Да прошоль туто слухъ по всѣмъ землямъ по
 всѣмъ ордамъ,
 Да прознали то всѣ короли иностранные,
 Что не стало во Кіевѣ во городѣ

Славнаго богатіря Ильи Муромца.
 Изъ той земли изъ Корельскіе
 Подходилъ тутъ подь Кіевъ градъ
 Собака Галинъ царь,
 Со своей силой арміей.
 Да й не много не мало было силы нагонено,
 Да колько было въ лип лѣсу стоячаго,
 Да й на лѣсочку-то прутья вѣсучаго,
 А на прутьяхъ листочку зеленого.
 Онъ пишѣ во Кіевъ градъ ко князю Владиміру,
 Да ли пишѣ къ ёму со угрозами:
 — А й ты князь Владиміръ стольний-кіевской!
 — Ты пожалуй-отдай добромъ мнѣ Кіевъ градъ,
 — Безъ бою-то драки великіе.
 — А если добромъ не дашь Кіева,
 — То я возьму его силою,
 — Я князей бояръ твоихъ всѣхъ повьрублю,
 — Да и княгини боярыней живыхъ въ полонъ
 возьму,
 — А тебя князя Владиміра
 — Предамъ смерти скорме. —
 Тѣхъ-то угрозы Владиміръ князь испугается,
 Объ Ильи Муромци схватается.
 «Какъ бы былъ у м'ня живъ несудимый бога-
 тиръ Илья Муромецъ,
 «Да я не слышалъ бы я этой угрозы великіе.»
 Да приходитъ честная вдовица княгиня Апраксія
 Ко князю Владиміру.
 Она бьетъ челомъ да й поклоняется:
 — Да ужъ ты свѣтъ государь нашъ Владиміръ
 князь!
 — Да ты прости меня я виновата есть:
 — Да живъ-то Илья да вѣдъ Муромецъ,
 — Онъ сидитъ во тѣмномъ во погребѣ.
 — Я сдѣлала подкопъ тутъ тайную
 — Да во тотъ ли во погребъ глубокіе,
 — Я пошла кормила его сорокъ дней. —
 Да говоритъ ей Владиміръ князь:
 «А й же ты честная вдова княгиня Апраксія!
 «Если правду говоришь до любви буду жаловать,
 «А если лѣтъ жива, буду казнить твою голову.»
 Приходитъ князь во погребъ глубокіе,
 Тотъ погребъ сорока сажень.
 Онъ приходитъ къ Ильи поклоняется,
 Говорилъ-то Владиміръ Ильи таковы слова:
 «Ты прости, сударь Ильюшенка, во пѣрвой вини,
 «Этому дѣлу были виновны чѣловальники.»
 Да приходитъ во погребъ честная вдова княгиня
 Апраксія,
 Да приходитъ Ильи поклоняется:
 — А й же ты сильный богатырь Илья Муромецъ!

— Послужи ты за вѣру христіанскую,
 — Да и за землю россійскую,
 — Да за славный за Кіевъ градъ,
 — За вдовъ за сиротъ за бѣдныхъ людей,
 — За меня молодую княгиню Апраксію,
 — Да за князя за стольнего Владиміра. —
 Говорилъ тутъ Илья-де Муромецъ:
 «А ѣ же ты честная княгиня вдовица Апраксія!
 «Я иду служить за вѣру христіанскую,
 «И за землю россійскую,
 «Да и за стольніе Кіевъ градъ,
 «За вдовъ, за сиротъ, за бѣдныхъ людей.
 «И за тебя молодую княгиню вдовицу Апраксію.
 «А для собаки-то князя Владиміра,
 «Да не вышелъ бы я вонъ изъ погреба.»
 Выходилъ-то Илья изъ погреба глубокаго,
 Онъ сѣдлалъ-уздалъ своего коня добраго,
 Онъ садился на добра коня,
 Бралъ онъ въ руки шалыгу желѣзную,
 Да желѣзну шалыгу дорожную,
 Да котора была вѣсу ровно сто пудовъ.
 Да поѣхалъ онъ во чисто полѣ,
 Гдѣ стояла сила собаки царя Галина.
 Только видѣли молодца на коня вѣдъ саждаючи,
 Да не увидѣли куда его поѣдучи.
 Онъ какъ взялъ этой шалыгой помахивать,
 Да и по татарамъ пощаливать,
 Дакъ куда ли махнѣ — улицѣ надѣ,
 А назадъ отмахнѣ — переулци,
 Да исприбилъ онъ всѣхъ до одинаго.
 Приѣзжалъ ко шатру-де онъ царскому,
 Да онъ берѣтъ-де въ полонъ самого царя Галина,
 Предалъ его смерти скорые.
 Да тѣмъ рѣшилося царство татарское,
 Покорилась земля-де Корельская.
 Да стольнѣму князю Владиміру,
 Да стали татарове
 Съ той поры дань платить,
 И тѣмъ это дѣло прикончилось.

Записано тамъ же, 13 августа.

—
 258.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Изъ-подъ бѣлые березки кудревастенъкіе,
 Изъ-подъ чуднаго креста Деванделидова
 Шли туто четыре гнѣдые туры,
 Гнѣдые туры олени златорогіе.

Они шли-де бѣжали мимо Кіевъ градъ,
 Они видѣли надъ Кіевомъ городомъ
 Чудо ли чудное, диво ли дивное:
 Да на той ли стѣны городовыи,
 Да стоитъ-то дѣвица душа красная,
 Держитъ она въ бѣлыхъ-де рукахъ
 Да святую книгу-де евангелъе,
 Колько читать вдвоѣ плакала.
 Да на стрѣчу турамъ ѣде турица златорогая:
 «Да вы здравствуйте туры-де олени златорогіе!
 «Да вы шли-де мимо Кіевъ мимо градъ:
 «Что ли надъ Кіевомъ видѣли,
 «Али что ли надъ городомъ слышали?»
 — Да мы видѣли надъ Кіевомъ городомъ,
 — Да ли чудо-то видѣли чудное,
 — Да ли диво-то видѣли дивное.
 — Да на той ли стѣны-де ограды городовые,
 — Да стояла дѣвица душа красная,
 — Да держала-де въ рукахъ Божью книгу,
 — Али Божію книгу святое евангелъе.
 — Сколько читала вдвое плакала. —
 Возговорить турица златорогая:
 «А вы мудные туры олени златорогіе!
 «Да не дѣвица тутъ стояла душа красная,
 «Да стѣна та-де ограда городовая.
 «Она плакала о вдовахъ о сиротахъ о бѣдныхъ
 о головахъ.»

Да на ту ли пору врѣмечко,
 Да ко нашему городу Кіеву
 Подходилъ-то вѣдъ царь Батыга Батыговичъ,
 Онъ привѣлъ много силы-де арміи:
 Колько было-де въ лиси лѣсу стоячево,
 На лѣсочку-то прутья вѣсучево,
 Да на прутьицахъ листьица зелененькаго, —
 Только у Батыги было силы нагонено.
 Да во славномъ во Кіевѣ во городѣ
 Сильныхъ славныхъ тѣхъ богатырей не лучило.
 Самсонъ Святогоръ за снѣгомъ за морѣмъ,
 Славные Илья-то вѣдъ Муромецъ
 Тотъ далече, далече во чистомъ во полѣ,
 А Добрыня съ Олѣшкой у Макарья на желтихъ
 на пескахъ.

Только во Кіевѣ осталосе во городѣ
 Одна-та вѣдъ голь-та кабацкая,
 Молодые Василей Игнатѣевъ сыны.
 Да въ младые лѣта онъ во двѣнадцать лѣтъ,
 Да онъ прожилъ житьѣ-бытьѣ отеческо богатество,
 Онъ ходилъ темной ноченкой,
 Да за стѣну онъ ходилъ городовую.
 Не путѣмъ онъ ходилъ не дорогою,
 Прямо онъ скакалъ черезъ бани наугольнии,

Выходилъ онъ во чисто во полѣ,
 Приходилъ онъ ко Батыгину шатрѣ.
 Онъ убилъ у Батыги у царя у Батыговича,
 Онъ убилъ у Батыгушки три головы,
 Да которые головушки ни лучшенькіе:
 Первую головушку — милá сынка,
 А другую-ту головушку — любимаго зятюшка,
 Да любимаго-то зятя Торокана Карáнникова,
 А третью-ту головушку — большóго дьяка,
 Да большóго-то дьяка ево здумщика.
 Пишѣ-дѣ Батыга ко князю ко Владиміру,
 Алл пишѣ Батыга со угрозами:
 — А ты солнышко Владиміръ-де князь стольне-
 кіевскіе!
 — Кто-де теперь у тебя виноватой есть,
 — Кто у м'ня убилъ-де три головы,
 — Да которые головушки ни лучшенькіе:
 — Первую головушку — милá сынка,
 — А другую-ту головушку — любимаго зятюшка,
 — Да любимаго-то зятя Торокана Карáнникова,
 — А третью-ту головушку — большóго дьяка,
 — Да большóго-то дьяка моего здумщика,
 — Нонь пришии ко мнѣ, сударь, виноватаго. —
 Солнышко Владиміръ-отъ князь стольне-кіевскіе
 Сбиралъ-де почестный пиръ,
 Па многіе князя онъ на бояра,
 Да й на сильни на могучи на богатыри.
 Да на всѣ ли поляницы на удалые.
 Говорилъ-де Владиміръ на пиру таково-де слово:
 «А вы ли мои князи есть бояра,
 «И всѣ вы мои сильни могучи богатыри,
 «Всѣ тѣ полянчи удалые!
 «Да ли кто ли изъ васъ виноватъ сударь есть?
 «Кто ли почесь-де ходилъ тёмной ноченкой,
 «Черезъ стѣну онъ ходилъ-де городовую,
 «Не путёмъ онъ ходилъ не дорогою,
 «Онъ-де прямо скакалъ черезъ башню наугль-
 ную?
 «Кто ли убилъ у Батыги царя у Батыговича
 «Три головы которые головушки ни лучшенькіе:
 «Первую головушку — милá сынка,
 «А другую-ту головушку — любимаго зятюшка,
 «Да любимаго-то зятя Торокана Карáнникова,
 «А третью-ту головушку — большóго дьяка,
 «Да большóго-то дьяка ево здумщика.
 «Нынѣ ступай-ко ко Батыги со отвѣтами.»
 Да большой-отъ столь тудился за середняго,
 А средней столъ тудился за меньшаго,
 А меньшово столá-де князю отвѣту пѣтъ.
 Да со той ли скамеечки дубовенькіе,
 Изъ-за того ли стола изъ-за меньшаго,

Выставае каравульніе сторожъ вѣдъ,
 Онъ приходитъ ко князю ко Владиміру:
 — А й ты солнышко Владиміръ князь стольне-
 кіевскіе!
 — Да я знаю ли кто у насъ виноватъ сударь
 есть.
 — Есть у насъ во Києви во городи голь-та ка-
 бацкая
 — Молодые Василей Игнатъёвъ сынъ:
 — Да въ младше онъ лѣта во двѣнадцать лѣтъ,
 — Онъ прошилъ всё отеческо житѣ-бытѣ бога-
 чество,
 — Онъ ходилъ-де тёмной ноченкой,
 — Черезъ стѣну-ту ходилъ онъ городовую,
 — Да не путёмъ онъ ходилъ не дорогою,
 — Онъ-де прямо скакалъ черезъ башню наугль-
 ную.
 — Онъ убилъ у Батыгушки три головы. —
 Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевскіе
 Доставае онъ Василья на почестенъ пиръ.
 Приходитъ Василей на почестный пиръ,
 Да онъ крестъ-отъ кладѣ по писаному,
 А поклоны-ты ведѣ по учёному,
 Да онъ князю-то Владиміру поклоняется въ осо-
 бину:
 «А й ты солнышко Владиміръ-де князь!
 «Да не достоенъ я прийти къ тебѣ на почестенъ
 пиръ.»
 Да возговоритъ Владиміръ-де князь:
 — А й же ты Василей сынъ Игнатъевичъ!
 — Да почто ты убилъ у Батыгушки три головы,
 — Да которые головушки ни лучшенькіе?
 — Нынѣ ступай-ко ко Батыгѣ со отвѣтами. —
 Да отвѣтъ держитъ Василей Игнатъёвъ сынъ:
 «А й ты солнышко Владиміръ-де князь стольне-
 кіевскіе!
 «Не могу я нынѣ итти ко Батыги со отвѣтомъ,
 «Какъ болитъ у м'ня съ похмѣлья буйна голова,
 «Да дрожа у м'ня съ похмѣлья всѣ жилия под-
 колѣнныя.
 «Да налей-ко ты мнѣ чарочку похмѣльную,
 «Да опохмѣль-ко мою буйну голову
 «Похмѣльною чарочкой зелѣнаго вина,
 «Этого вина полтора-де ведра,
 «А другу налей пива-то пьянаго,
 «А третью ты налей меду сладкого.»
 Наливалъ Владиміръ князь-де чару похмѣльную,
 И сливалъ оцъ пивѣ въ единое мѣсто,
 То вѣдъ этого пивѣ было полпятá ведра.
 Да принималъ-то Василей чарочку единою рукой,
 Выпивалъ-то Василей на единыя духъ,

Говорилъ-то Василей таково слово:
 «Да топеречу Васильюшко поправился,
 «Да спасибо тѣ царь Батыга Батыговичъ,
 «Что прѣхалъ ко нашему Киеву городу,
 «Да привѣзъ ко мнѣ-ка чарочку похмѣльную.
 «Не видать бы мнѣ-ка чарочки похмѣльные
 «Да отъ ласкова князя Владиміра.»
 Нонь пошоль-де Василей во чисто во полѣ,
 Да во чистое поле ко Батыгину шатру.
 У собаки у царя у Батыги у Батыговича,
 Нѣту на воротахъ-де Спасова образа,
 Помолиться-то Васильюшку не кому.
 Онъ приходитъ ко Батыги во бѣлье шатѣрь,
 Онъ приходитъ къ Батыги поклоняется.
 Говорить-де вѣдъ царь Батыга Батыговичъ:
 — А ѣ ты голь же кабачкая,
 — Молодые Василей Игнатѣевъ сынъ!
 — Да ты ли то топеръ виноватый есть,
 — Ты ли почесь приходишь компѣ во бѣлой шатѣрь,
 — Ты почто у мнѣ убиль-де вѣдъ три головы
 — Да которые головушки ни лучшенькіе:
 — Первую головушку — милѣ смѣка,
 — А другую ту головушку — любимаго зятюшка,
 — Да любимаго-то зятя Торокана Каранникова,
 — А третью ту головушку — большою дьяка,
 — Да большою-то дьяка мово здумщика. —
 Возговоритъ Василей таково слово:
 «Да помилуй-де царь Батыга Батыговичъ!
 «Да моѣ-то вѣдъ дѣло поднево́льной,
 «Да моѣ-то вѣдъ дѣло подначальной.
 «Да ты прости, сударь, во пѣрвой вини,
 «Да пожалуй мнѣ силы-де арміи триста тысячъ,
 «Я пойду-де подъ столпие Киевъ градъ,
 «Да я скоро-де градъ въ полонъ безъ труда
 возьму.
 «Да я знаю гдѣ-ка тонкая стѣна городова,
 «Да я знаю гдѣ-ка полы ворота ты не заложены.»
 Да сдавался Батыга на Васильевы слова,
 Даваль-де Васильюшку силы триста тысячъ,
 Да выходилъ-то Василей во чисто во полѣ,
 Да выводилъ-де онъ силушку Батыгина,
 Да бралъ онъ-де татарина за ноги,
 Да какъ началъ онъ татарномъ помахивати,
 Куды-де махнѣ — улицѣ-де падѣ,
 Отмахнѣ-де — переулочки,
 Да исприбилъ онъ татаръ всѣхъ до единаго.
 Да пошоль онъ ко Батыгину шатру,
 Ко Батыги ко царю ко Батыговичу,
 Увидаль-то Батыга Василья единешеньки,

Да садился Батыга на добраго копя,
 Да ноѣзжалъ онъ въ свою-де вѣдъ сторону.
 Проговорилъ Батыга таково-де слово:
 — Да унеси-тко Господь буйну голову,
 — Да отъ стольнѣго города отъ Киева,
 — Да отъ молода Василья отъ Игнатѣевича.
 — Да не дай болѣ Богъ бывать подъ Киевомъ,
 — Да не дѣтямъ моимъ-де не вучатамъ,
 — Да не роду моему-де не племени. —
 Только-то Батыгушка подъ Киевомъ бывалъ.

Записано тамъ же, 11 августа.

—
259.

ВАСИЛІЙ БУСЛАВЕВИЧЪ.

Молодой Василій Буславѣевичъ,
 Да во млади лѣто былъ восемнадцать лѣтъ,
 Заводилъ онъ почестенъ пиръ —
 Изобрать себѣ дружина хоробрая.
 Много на пиръ народу ко Василью съѣзжалосе.
 Выходилъ то Василей преже пиру на широкой
 дворъ,

Говорилъ-то Василей таково слово:
 «Кто хочѣ къ Василью на пиру вѣдъ быть?»
 Бралъ-то Василей въ руки черлѣнный вязъ,
 Ударялъ народъ по рѣзвѣмъ погамъ:
 Кто отъ удару ево выстонѣтъ,
 Тотъ ему буде дружина хоробрая:
 Перебилъ онъ народу многи тысячъ,
 Только нашлося дружина хоробрая.
 Ома толстородливой,
 Да Костя Бѣлозѣрянинъ,
 Ванюша Новгороджанинъ.
 Да пошли со двора мужики отъ Василья Бу-
 славѣева,

Все идутъ со двора-де ругаючи,
 Все Василья прокливаючи.
 — Да ушто было у вора Василья не уѣдено,
 — Да и въ краснѣ въ хорошѣ не ужожено,
 — Только на вѣкъ безвѣчья залізено. —
 Услыхалъ-де солнышко Владиміръ князь да
 стольне-киевской,
 Созывалъ онъ Василья къ себѣ на почестенъ
 пиръ.

Всѣ на пиру напивалосе,
 Да многіе люди на пиру поросхвастались:
 Умною-отъ фастатъ отцемъ матерью,
 А богатой-отъ фастатъ золотой казпой,

А глушой-отъ ѣстать молодой женой.
 А Василей-отъ Буславьевичъ,
 Съ молодого ума разума,
 Воспроговорилъ-то онъ словечушко глуное:
 «А ѣ ты князь Владиміръ стольне-кїевской!
 «Я могу итти биться-драться со всеѣмъ Новѣмъ-
 градомъ,
 «Со своєю дружиной хороброю,
 «Опроче двухъ мочастрей Юрьева и Антопьева.»
 Ударилсь оны о великъ закладъ:
 Если Василей побѣтъ съ князя два ста тысячъ,
 Если побѣютъ мужики Новгороджана,
 То Василью голова срубить.
 Вой чинить на мосту на калиновомъ,
 Да на славной на рѣчкѣ на Волхови.
 Тутъ на пиру припапилисе,
 Тутъ на пиру припапилисе,
 Розошолся у князя почестенъ пиръ.
 Приходилъ онъ Василей въ свои полаты бѣлока-
 менны,
 Ложился онъ во спальню во теплую,
 Спалъ онъ съ хмѣлю тѣмпу ночь до бѣла свѣту,
 Да не могъ пробудиться, прошло много бѣла дни.
 Во ту пору билася его дружина хоробрая
 На мосту на калиновомъ,
 На той ли на рѣчкѣ на Волхови.
 Малая дѣвушка чернавочка,
 Васильева вѣрна служаночка,
 Мыла она бѣльё на рѣчкѣ на Волхови,
 Выходила она съ коромысломъ дубовыпимъ,
 На тотъ на калиновъ мость,
 Убила она новгороджанъ до трёхъ вѣдь сотъ.
 Приходила къ Василью во спальню во теплую,
 Говорила она таково слово:
 — А ѣ же ты молодой Василій Буславьевичъ!
 — А ѣ же ты пьешь ѣси да проклажасься,
 — Али сладко спишь забавляешься,
 — А надъ собой ничего-де не знаешь не вѣ-
 даешь.
 — У твоей-то у дружины хоробрее,
 — На мосту на калиновомъ,
 — Да на той ли на рѣчкѣ на Волхови,
 — На бою ихъ головки проломаны,
 — Да уже платками кушаками были завязаны.—
 Пробужался Василій Буславьевичъ изъ велика
 спу,
 Бралъ на дворѣ онъ ось ту телѣжную,
 А телѣжную ось ту дорожную,
 Выходилъ-то Василій Буславьевичъ на калиновъ
 мость,
 На ту ли на рѣчку на Волхово,

Говорилъ таковы слова:
 «А ѣ же вы моя дружина хоробрая!
 «Поразстроньтесь, пороздвиньтесь на стороны,
 «Чтобы мнѣ васъ не убить выѣсто съ повы-го-
 рожапы.»
 Какъ зачалъ Васильюшко осью помахивать,
 Исприбилъ новгороджанъ онъ до единого.
 Былъ у новгороджанъ староста Ёма Роднвопо-
 вичъ,
 Шолъ въ монастырь-де онъ Юрьевской.
 Упросилъ-де онъ старца сильна богатыря,
 Посулилъ-де онъ старцу много золотой казны,
 Чтобы онъ побѣдилъ-де Василья Буславьева,
 А этотъ старецъ былъ Василью крестный ба-
 тюшко.
 Да пошолъ-де старецъ на калиновъ мость,
 Да на ту ли на рѣчку на Волхово,
 Къ своему сыну крестному
 Молодому Василью Буславьеву.
 Онъ клалъ на свою голову колоколь мапастыр-
 скій,
 Который колоколь былъ вѣсу ровно три тысячъ,
 Онъ идѣтъ-де колокольнымъ языкомъ подпирается.
 Тутъ калиновъ мость да подгибается.
 Какъ поровнялся съ сыномъ крестнымъ,
 Съ молодымъ-де Васильемъ Буславьевымъ,
 Говорилъ-де Василей таковы слова:
 «А ѣ ты собака мой крестные батюшко!
 «Какъ безъ тебя было у насъ съ княземъ дѣло
 дѣлано,
 «Да ѣ безъ тебя были записи написаны.
 «Да не дождался ты яичка отъ крестника о Хри-
 стовѣ дни,
 «Дакъ вотъ тебѣ нынѣ яичко о Петровѣ дни.»
 Какъ ударилъ его осью телѣжною въ голову,
 Роскололъ колоколь монастырскій,
 Который былъ вѣсу пудовъ три тысячъ,
 И проломилъ онъ у старца его буйну голову.
 Тѣмъ тутъ бой на мосту прекращается.
 Получае Василей Буславьевичъ со князя Влади-
 міра
 По залогу золоту казну до двухъ сотъ тысячъ.
 Какъ Василей Буславьевичъ,
 Со своей-то дружиной хороброю,
 Получили оны со князя залогъ золоту казну,
 Пировали онѣ угощалисе
 Ровно семь-де дѣнь.
 Да отъ той-де великой отъ радости,
 Послѣ этого пиру великаго,
 Вышли на гору высокую,
 Не могли никакъ у себя силы извѣдати.

Увидали на горѣ лежатъ сѣрые горячіе каме-
шоки,
Въ долину камень да сорока сажень,
Въ ширину камень да двадцати сажень,
Въ толщину камень да десяти сажень.
Брали они нъ руки коныя долгомѣрныя,
Скакали они поперекъ сѣра горячаго камешка.
Да захотѣлось скакать вдоль сѣра угрюмаго (sic)
камешка.

Да мало того Василью показалосе,
Говорилъ-го своей дружинѣ хоробрые:
«А ѣ же вы моя дружина хоробрая!
«Вы скачите вдоль камешка напередъ лицомъ,
«А я буду скакать назадъ лицомъ.»
Какъ скочилъ-де Василій назадъ лицомъ,
Вдоль сѣра горячаго камешка,
Какъ перенёсъ ножку правую,
А задѣлъ ножкой лѣвою,
Да упалъ-де Василій о сыру землю,
Только-де Васильюшко тутъ живъ бывалъ,
Получилъ тутъ Васильюшко скору смерть.
Оставалась дружина хоробрая:
Оома толстородливой,
Костя Бѣлозѣряннѣ,
Да Ванюша Новгороджаннѣ.
Да тому молодцу такова слава,
А тѣмъ дѣло всё ихъ кончилось.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
260.

АВДОТЯ РЯЗАНОЧКА.

Славные старые король Бахметъ турецкіе.
Восвалъ онъ на землю російскую,
Добывалъ онъ старые Казань городъ подлѣсные.
Онъ-де стоялъ подъ городомъ
Со своей силой арміей,
Много поры этой было времени,
Да ѣ розорилъ Казань городъ подлѣсные,
Розорилъ Казань-де городъ на-пусто.
Онъ нъ Казани князей бояръ всѣхъ вырубилъ,
Да и княгини боярыней
Тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ.
Полонилъ онъ народу многи тысячи,
Онъ новѣлъ-де въ свою землю турецкую,
Ставилъ на дороги три заставы великіе:
Первую заставу великую —
Напускалъ рѣки, озѣра глубокіе;

Другую заставу великую —
Чистые поля широкіе,
Ставилъ воровъ разбойниковъ;
А третью заставу темні лѣсы —
Напустилъ звѣрьевъ лютихъ.
Только въ Казани во городи
Оставалась одна молодая жонка Авдотья Ряза-
ночка.

Она пошла въ землю турецкую
Да ко славному королю ко Бахмету турецкому,
Да она пошла полону просить.
Шла-де она не путѣмъ, не дорогою,
Да глубоки ты рѣки, озѣра широкіе
Тѣ она пловомъ плыла,
А мелкіе ты рѣки, озѣра широкіе
Да тѣ ли она бродкомъ брела.
Да прошла ли она заставу великую,
А чистые поля тѣ широкіе,
Воровъ разбойниковъ тѣхъ о поддѣпъ прошла,
Какъ о поддѣпъ вору лютые,
Тѣ опочивъ держа.
Да прошла-де вторую заставу великую
Да темны ты лѣса дремучіе,
Лютихъ звѣрей тѣхъ о полночь прошла,
Да во полночь звѣри лютые
Тѣ опочивъ держа.
Приходила во землю турецкую
Къ славному королю Бахмету турецкому,
Да въ его ли палаты королевскіе,
Она крестъ-отъ кладетъ по писаному,
А поклоны-ты ведѣ по учёному,
Да она бѣе королю-де челомъ низко кланялась.
«Да ты осударь король-де Бахметъ турецкіи!
«Розорилъ ту нашу стару Казань городъ под-
лѣсную,
«Да ты князей нашихъ бояръ всѣхъ поврубилъ,
«Ты княгини нашихъ боярыней тѣхъ живыхъ въ
полонъ побралъ,
«Ты бралъ полону народу многи тысячи,
«Ты завѣлъ въ свою землю турецкую,
«Я молодая жонка Авдотья Рязаночка,
«Я осталасе въ Казани единешенька.
«Я пришла сударь къ тебѣ сама да изволила,
«Невозможно ли будетъ отпустить мнѣ народу
сколько иибудь плѣннаго,
«Хощь бы своево-то роду племени?»
Говоритъ король Бахметъ турецкіе:
— Молодая ты жонка Авдотья Рязаночка!
— Какъ я розорилъ вашу стару Казань подлѣ-
сную,
— Да я князей бояръ я всѣхъ поврубилъ,

— Я княгиня боярыней да тѣхъ живыхъ въ по-
лошъ побралъ,
— Да я бралъ полону народу многи тысячи,
— Я завелъ въ свою землю турецкую,
— Становилъ на дорогу три заставы великіе:
— Первую заставу великую —
— Рѣки, озѣра глубокіе.
— Вторую заставу великую —
— Чистые поля широкіе,
— Становилъ лютыхъ воровъ разбойниковъ.
— Да третью заставу великую —
— Темны лѣса ты дремучіе,
— Напустилъ я лютыхъ звѣрей.
— Да скажи ты мнѣ жонка Авдотья Рязаночка!
— Какъ ты эти заставы прошла и проѣхала? —
Отвѣтъ держитъ жонка Авдотья Рязаночка:
«А ѣ ты славныи король Бахметъ турецкіе!
«Я эти заставы великіе
«Прошла не путѣмъ, не дорогою.
«Какъ я рѣки озѣра глубокіе
«Тѣ я пловомъ плыла,
«А чистые поля тѣ широкіе,
«Воровъ-то разбойниковъ,
«Тѣхъ-то я о полдѣнь прошла,
«О полдѣнь вору разбойники
«Они опочивъ держа.
«Темные лѣса ты лютыхъ звѣрей,
«Тѣхъ-де я въ полночь прошла,
«О полночь звѣри лютые,
«Тѣ опочивъ держа.»
Да тѣ ли рѣчи королю прилюбилисе,
Говоритъ славныи король Бахметъ турецкіе:
— А ѣ же ты молодая жѣнка Авдотья Рязаночка!
— Да умѣла съ королемъ ричъ гóворить,
— Да умѣй попросить у короля полону-де голо-
вущки,
— Да которой головушки боль вѣкъ не пажитъ
будѣ. —
Да говоритъ молодая жѣнка Авдотья Рязаночка:
«А ѣ ты славныи король Бахметъ турецкіе!
«Я замужь выйду да мужа паживу,
«Да у м'ня буде свѣкоръ стану звать батюшко,
«Да ли буде свекрова стану звать матушкой.
«А вѣдь буду у ихъ снохою слыть,
«Да поживу съ мужомъ да я сынка рожу,
«Да воспою вскормлю у м'ня и сынъ будѣ,
«Да стане мѣня звати матушкой.
«Да я сынка женю да и сноху возьму,
«Да буду ли я и свекровой слыть.
«Да еще же я поживу съ мужомъ,
«Да и себѣ дочь рожу.

«Да воспою вскормлю у м'ня и дочь будѣ,
«Да стане мѣня звати матушкой.
«Да дочку я замужь отдамъ,
«Да ѣ у мѣня и зять будѣ,
«И буду я тѣщей слыть.
«А не пажитъ-то мнѣ той буде головушки,
«Да милого-то братца любимаго.
«И не видать-то мнѣ братца буде вѣкъ и по
вѣку.»

Да тѣ ли рѣчи королю прилюбилисе,
Говорилъ-де онъ жонкѣ таково слово:
— А ѣ же ты молодая жонка Авдотья Рязаночка!
— Ты умѣла просить у короля полону ли голо-
вущки,
— Да которой-то не пажитъ и вѣкъ будѣ.
— Когда я розорялъ вашу стару Казань городъ
подлѣсные,
— Я князей боярь-де всѣхъ повирубилъ.
— А княгиня боярыней я тѣхъ живыхъ въ по-
лошъ побралъ,
— Бралъ полону народу многи тысячи,
— Да убили у м'ня милого братца любимаго,
— И славнаго пашу турецкаго,
— Да ѣ не пажитъ мнѣ братца буде вѣкъ и по
вѣку.
— Да ты молодая жонка Авдотья Рязаночка,
— Ты бери-тко пародъ свой половѣиме,
— Да уведи ихъ въ Казань до единого.
— Да за твои ты слова за учливые,
— Да ты бери себѣ золотой казны.
— Да въ моей-то земли во турецкіе,
— Да ли только бери тебѣ, сколько надобно. —
Туту жѣнка Авдотья Рязаночка
Брала себѣ пародъ полоненные,
Да и взяла она золотой казны,
Да изъ той земли изъ турецкіе,
Да колько ей-то было надобно.
Да привела-де пародъ полоненные,
Да во ту ли Казань во опустѣлую,
Да она построила Казань городъ на пово.
Да съ той поры Казань стала славная,
Да съ той поры стала Казань-де богатая,
Да тутъ ли въ Казани Авдотьино имя возвеличи-
лось,
Да и тѣмъ дѣло кончилось.

Записано тамъ же, 13 августа.

261,

КАСТРЮКЪ.

На горахъ было да Воробѣвнхъ,
 На мѣстахъ было да на знакомнхъ,
 Ставовилнсе да пораздернули
 Шатры да бѣль-полѣтнцы,
 Да той ли царицы для Крымскіе,
 Для той ли Управы татарскіе,
 Для Марьи Демрюковной,
 Дочери королевскіе.
 Туто былъ Кастрюкъ-Демрюкъ
 Молодой черкашеннпъ.
 Кострюкъ семдесятъ побойщовъ пробилъ,
 Триста бѣрцей пѣбороль,
 Да и девятьсотъ городовъ вѣбороль.
 Похвалялся онъ вѣбороть
 Матушку каменну Москву,
 Просить онъ себѣ съ Москвы
 Кострюкъ онъ поединника:
 Съ кѣмъ бы было поборотнся,
 Да ѣму попытатнсе,
 Да ли другъ друга извѣдатп
 Своего плеча богатырскаго.
 Да у Грознаго царя,
 У Ивана Васильевича,
 И не было въ Москвѣ поединника,
 Не кому съ Кострюкомъ поборотнсе,
 Съ молодымъ попытатнсе,
 Другъ друга извѣдати,
 Своего плеча богатырскаго.
 Собиралъ царь почестень пиръ
 Онъ на многи на князи на бояри,
 На сильнѣ думные русски богатыри,
 Да и на всѣ поляничн удалнсе.
 На ппру государь слово гѣворнлъ:
 «А и вы всѣ мои князи есть и бояра,
 «Да всѣ сильни могучи богатыри!
 «Кто бы изъ васъ могъ съ Кострюкомъ поборо-
 тнсе,
 «Съ молодымъ попытатнсе,
 «Другъ друга извѣдати
 «Своей силы богатырскіе.»
 Да большій столъ тулнся за середняго,
 А середней столъ за мѣньшаво,
 Отъ меньшаго стола-де отвѣту пѣтъ.
 Говоритъ на ппру тутъ честная вдова-де Апрак-
 сія:
 — Ты государь императоръ-царь!

— Есть у меня два сына любимые:
 — Большой сынъ Ванюшка.
 — Меньшой сынъ Потапюшка.
 — Ты достань, сударь, пхъ на почестень пиръ,
 — Онѣ могутъ съ Кострюкомъ поборотнсе
 — Съ молодымъ попытатнсе,
 — Другъ друга извѣдати
 — Своей силы богатырскіе. —
 Посылае царь государь
 Призвать сынвѣвъ на почестень пиръ,
 Приходили онѣ на почестень пиръ,
 Говорилъ государь императоръ царь:
 «Да вы дити честной вдовы-де Апраксіи!
 «Да можете ли вы съ Кострюкомъ поборотнсе,
 «А съ молодымъ попытатнсе?»
 Ванюшка не хвалнтся,
 А Потапюшка онъ похваляется.
 А Потапюшка былъ ростомъ маленькой,
 Собою былъ хуленькой,
 Самъ былъ хроменькой горбатенькой.
 — Я сударь могу съ Кострюкомъ поборотнсе
 — Да я могу съ молодымъ попытатнсе. —
 Да Кострюкъ и за столомъ сидитъ,
 Онъ ѣсть-то Кострюкъ по звѣрншому,
 А пѣ Кострюкъ по лошадиному,
 Самъ во хмѣлю похваляется,
 На Потапюшку ругается:
 «Да мнѣ съ тобой съ дуракомъ боротнся не съ
 кѣмъ вѣдь.»
 Потапюшка на мѣсто отвѣтъ держитъ:
 — А и же ты Кострюкъ-Демрюкъ,
 — Молодой Кострюкъ черкашеннпъ!
 — Да у насъ на Россіи прежде всякаго дѣла не
 хвастаютъ;
 — Когда дѣло сдѣлаютъ
 — Тогда и пофастаютъ.
 — Да пожалуй, Кострюкъ, мы пойдемъ на широ-
 кой дворъ. —
 Какъ пошолъ Кострюкъ на широкой дворъ,
 Онъ ннналъ правѣй ногой за скамейку дубовую,
 Гдѣ сидѣли татаровья поганые.
 Тутъ татаровья на земь повалнлнсе,
 Много ихъ отъ разу убилосе.
 Выходили онѣ на широкой дворъ,
 Потапюшка хроменькой маленькой
 На пожку принадаѣ,
 Изъ-подъ ручки выглядѣа.
 Онъ бѣе Кострюка правѣй рукой во бѣлѣю грудь,
 А лѣвой ногой пппае его пѣдъ гузно.
 Отъ его Кострюкъ упалъ на сыру землю,
 Содралъ съ его Потапюшка илатьнцо цвѣтносе,

Оказалось его тѣло жепскоё.
Туть узнали всё люди увѣдали,
Что ходила дѣвчонка мущиною.
Говорила царица та Крыльская,
Та ли Управа татарская:
«А й же ты Потанюшка хроменькой!
«Да на что Кострюкомъ надрываешься? .
«Лучше бы было кабы ты по рукамъ локти въ
жонѣ бираль,

«А ясные очи копаль,
«Неже нагу Кострюка по Москвы пускаль.»
На то-де царици Потапя отвѣтъ держить:
— Да на то вѣдь дѣло было у м'ня дѣлано,
— Дѣло дѣлано, и съ царемъ записи были попи-
саны,
— Чтобы знали всё люди и вѣдали,
— Какъ ходила дивчонка мущиной. —
Да Дунай-Дунай да Лядковъ болѣ нѣтъ не знай!

Записано тамъ же, 12 августа.

262.

МОЛОДЕЦЪ И РЪКА СМОРОДИНА.

А Богъ молодца-то не милуё,
И государь его царь не жалуё,
И нѣтъ ни чести ему похвальбы молодецкіе,
Да друзья братья товарищи
Тѣ на совѣтъ не свѣзжаются,
Да женилъ молодца родной батюшко,
Да на чужой-то дальней сторонунки.
Да бралъ-де онъ ему молоду жену,
Да бралъ за женой приданого
Три, три чериённыхъ коробля:
Да первой-отъ грузонъ черёпъ корабъ
Былъ златомъ и серебромъ,
А другой-отъ грузонъ черёпъ корабъ
Все скатнимъ жемчугомъ,
А третей отъ грузонъ черёпъ корабъ
Все женинымъ приданнымъ.
Туть молодцу-де жена не въ любовь пришла,
Не въ любовь-де пришла ему не по разуму.
Бралъ молодецъ себѣ онъ коня добраго,
Да бралъ себѣ онъ сѣдѣлко черкальское,
Да бралъ себѣ уздицю точмяную,
Да бралъ себѣ въ руки плетку шелковую,
Самъ говорилъ таково слово:
«Лучше мнѣ доброй конь злата и сѣребра.
«Лучше мнѣ сѣдѣлко уздица точмяная,

«Лучше всёво женина приданого.
«Да лучше мнѣ-ка илетка шелковая,
«Да лучше-то мнѣ буде молодой жены.»
Шоль да сковаль себѣ два товарища два падѣй-
ные,

Два пожа онъ сковаль два булатніе.
Онъ садился вѣдь на добра коня,
Самъ поѣзжалъ на чужую на дальню на сто-
рону.

Да ли ѣхаль онъ путёмъ ли дорожкой,
Гдѣ-ка было на пути на дороги широкіе
Текла быстралъ рѣчка Смородинка.

Было на этой рѣки на Смородинки
Три, три мосточка каллиновы:

Да на первомъ-то рѣка берё на мости

Да сѣдѣлко съ коня окованое,

Да на другомъ берё на мости

Добра коня паступчива,

А на третьемъ берё на мости

Самово добра молодца.

Онъ взмолился-де рѣчки Смородинки:

«А й ты матушка черная рѣчка Смородинки!

«Есть ли черезъ тебя, рѣка, переходы ты узкіе,

«А переброды ты мелкіе?»

Да отвѣтъ держить рѣка ему Смородина:

— А й ты удалый дородній добрый молодецъ!

— Есть черезъ меня рѣчку Смородинку,

— Есть переходы ты узкіе,

— Да и переброды есть мелкіе.

— А есть три мосточка каллиновы:

— Я на первомъ беру на мости

— Съ коня сѣдѣлко кованое,

— А на другомъ беру на мости

— Добра коня паступчива,

— Я на третьемъ беру на мости

— Самово добра молодца.

— А ты поѣзжай-ко дородній добрый молодецъ,

— Я тебя и такъ топерь пропущу. —

Какъ переѣхалъ молодецъ черезъ рѣчку Сморо-
динку,

Да тѣ ли мосточки каллиновы,

Да возговоритъ молодецъ перазумпу рѣчь:

«Да мнѣ сказали добру молодцу,

«Что топерь на пути на дороги широкіе,

«Да текётъ черная рѣчка грозна Смородинка.»

Да онъ сталъ падъ рѣкой падемѣхатисе,

Да онъ сталъ падъ рѣкой падрыватисе:

«Да топерь ли вѣдь рѣчка Смородина,

«Будто текётъ болотня вода-та со рѣзавичкой.»

Да забылъ-то доброй молодецъ,

За рѣкой за Смородинкой,

Опъ забыль два товарища два надѣйныс,
 Два пожичка забыль два булатніе,
 За той рѣкой за Смородинкой.
 Опъ поѣхалъ черезъ рѣчку Смородинку,
 Да по тѣмъ по мосточкамъ калпшовымъ.
 Да на первомъ брала на мости
 Съ коня-де сѣделко кованое,
 А на дрúгомъ брала на мости
 Добра коня наступчива,
 А на третьемъ брала на мости
 Самова добра молодца.
 Возмолится удалый дородній добрый молодець
 Опъ-де быстрой рѣчки Смородинки:
 «А й ты матушка быстрая рѣчка Смородинка!
 «И не губи и не топн добра молодца.»
 Говорить-де рѣка молодцу,
 Говорить-де рѣка человѣческимъ голосомъ:
 — Да не я тебя топлю гублю,
 — А топить губить похвальба молодца моло-
 децкая. —
 Только вѣдь молодець и живъ бывалъ,
 Да тому хоробрú такова слава,
 И оставалась у его пелюба жена.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
263.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Ыздилъ молодець изъ земли въ землю,
 Гулялъ удалой изъ орды въ орду,
 Загулялъ молодець къ королю въ Литву,
 Къ королю въ Литву-де ко Прусскому.
 Да тово молодца-де король во любви держалъ,
 Да тутъ молодець съ королёмъ за одпѣмъ сто-
 ломъ сидѣлъ,
 Да вѣдь нилъ онъ ѣлъ съ одной ложечки,
 Со одново-де стаканца да водочку кушали.
 Тово было времени прошло три года,
 Да слюбился молодець съ королевскою дочерью.
 Да ничево-то про это король не вѣдаѣ.
 Да донесли королю вѣсти нехорошіе:
 «А й ты король земли Прусскіе!
 «Да ты котора молодца во любви держишь,
 «Да ты съ которымъ молодцомъ сидишь за однимъ
 столомъ,
 «Да ты пѣшь ѣи да съ одной ложечки,
 «А съ одпово стаканца вища кушаешь,
 «Тотъ живѣ молодець съ твоей дочерью,

«Опъ творить любовь вѣдь третьей годъ.»
 Эти королю были рѣчи не поправились,
 Приказалъ вести молодца во чисто полѣ,
 Да на то ли болото Куликово,
 Да на то ли на мѣсто на лобноѣ,
 Да на ту вѣдь на плаху на липову,
 Да отрубить молодцу буйну голову.
 Повели молодца палачи во чисто полѣ,
 Мимо тѣ вѣдь ведутъ палаты королевскіе,
 Тутъ возмоллся молодець палачамъ немилосли-
 вымъ:

— А й вы братцы палачи немилосливы!
 — Не водите молодца вы по задворкамъ,
 — Да мимо ту ли палату королевскую.
 — Да вы ведите меня молодца по подбѣконью,
 — Да мимо эту спальню ту тѣплую,
 — Гдѣ-ка мы спали съ дѣвицей королевичной.—
 Повели молодца по подбѣконью,
 Да мимо тѣ ли палаты королевскіе,
 Да мимо эту спальню теплую,
 Гдѣ-ко спалъ молодець съ дѣвицей королевичной.
 Да онъ запѣлъ нѣсню новую,
 Да онъ новую нѣсню хоронпую:
 — Да хорошо у м'ня молодца было пожито,
 — Да хорошо было цвѣтноѣ платьѣ изнашено,
 — Да приупито было у молодца приуѣдено,
 — Да и въ красніи въ хорошіи приухожено,
 — Да и въ зеленѣмъ-то саду приугуляно,
 — Да подъ яблонью на кроваточѣ было приу-
 сано,
 — Да и у королевскою дочери
 — На бѣлой груди было у дѣвицы улѣжано. —
 Какъ услышала дѣвица королевична,
 Что повели молодца палачи во чисто полѣ,
 Да во то ли болото куликово,
 Да на ту вѣдь на плаху на липову,
 Да хотя отрубить ему буйную голову,
 Сама отворяла красно окошко косьвчато,
 Брала въ руки булатніе вострые пожичокъ,
 Ставила она тупымъ концѣмъ да во окошечко,
 А вострымъ себѣ да въ бѣлу грудь,
 Говорила она таково слово:
 «Да куда полетѣлъ младъ ясѣнъ соколъ,
 «Да туда полетай-ко лебѣдушка бѣлая,
 «Да ты прежде лети ясна сокола.»
 Тутъ-то она сама себя и зарѣзала,
 Да отрубили палачи молодцу буйну голову,
 Да донесли королю-де Прусскому,
 Да дошли ему вѣдь вѣсти нехорошіе,
 Что ево-то любимая дочь сама себя зарѣзала,
 Да еще прежде дородня добра молодца.

Тутъ говоритъ-де король таково слово:

- Кабы зналъ я это вѣдалъ вѣдь,
- Что моя любима дочь вѣдь зѣрѣжется,
- Да я бы не приказалъ вести молодца во чисто
полѣ,
- Да на то на болото куликово,
- Да на ту ли на плаху на липову,
- Да не рубить бы ему буйну голову.
- Пусть бы лучше жилъ молодець съ моею до-
черью,
- Да пусть бы жилъ-де вѣкъ да и нѣ вѣку.
- Теперь я весь потерялъ бѣлый свѣтъ изъ
яснѣхъ очей,
- Я лишился милой дочѣри любимыя. —

Записано тамъ же, 12 августа.

264

ПТИЦЫ.

- Отчего-то зима наставала?
 Наставала зима отъ морозовъ.
 Послѣ той зимы — теплое лѣто.
 Изъ-за тихаго дунайскаго синяго моря,
 Вылетала младая дунайская птица,
 Малая птица пѣвица,
 Садилась на синѣ русское море,
 Начала птица вѣдь пѣти,
 Голоса на Русь подавати,
 Да слеталась къ ей русскія птицы,
 Да садилась птицы ко птицы рядами,
 Да въ одну ли онѣ сторону головами.
 Начали птицы вѣдь пѣти,
 Стали онѣ воспѣвати,
 Младую птицу пѣвицу пѣтати:
 «Да скажите намъ младая птица пѣвица,
 «Да кто у васъ на мори пѣвица большой,
 «А кто на дунайскомъ вѣдѣхъ выше?»
 Да возговоритъ млада дунайская птица:
 — Да у насъ было на мори пѣвица большой,
 — Да у насъ на дунайскомъ вѣдѣхъ выше,
 — Вѣдѣхъ клепчѣхъ-то бѣдѣхъ царь,
 — Вѣдѣхъ птица клепчѣхъ та вѣдѣхъ есть бѣлая ца-
рица.
 — Гусь-отъ вѣдѣхъ на мори тотъ губернаторъ,
 — А рябчикъ тотъ на мори стряпчій,
 — А журавль-отъ на мори-то перевозчикъ:
 — Ноженки топеньки топеньки,
 — Штапники сипеньки узеньки.

- Онъ ходитъ да бродитъ,
- Да всякую птицу перевозитъ,
- А цвѣтного платья не мочитъ.
- А кўронать на мори бобыль безномѣстой,
- Изъ куста въ кустъ вылетаетъ,
- Самъ себѣ покою не знаетъ.
- Хлюстикъ тотъ на мори хлюстикъ*),
- Дроздикъ тотъ на мори гвоздикъ
- Сивъ тотъ на мори птица безсчастна,
- А сивъ роботать не умѣе,
- Казаковъ панимать онъ не смыслитъ.
- Галка-та на мори палка,
- Богатая на мори птица ворона:
— Она зиму ту живѣ по дорогамъ,
— А лѣто живѣ по суслонамъ,
— Осень живѣ по омѣтамъ,
— Всѣ она крестьянъ разоряе,
— Оттого она сѣта пребывае,
— Тѣмъ свою голову пѣтае.
— Детель тотъ на мори плотникъ церковный:
— Церкви онъ Божию строятъ,
— Тѣмъ свою голову кормитъ.
— А курица на мори птица несчастна:
— Всякъ у ей въ жоны копае,
— Одно яйца добывае,
— А всѣ тѣща зятю занасае. —

Записано тамъ же, 12 августа.

II.

ТРЕТЬЯКОВЪ.

Игнатій Григорьевичъ Третьяковъ, крестьянинъ дер. Росляковой на Кепозерѣ, 58 лѣтъ, грамотный. Отецъ его зналъ очень много былинь, которыя онъ отъ него и перенялъ, но теперь забылъ большую часть. Третьяковъ, хотя и поетъ былины, но сомнѣвается въ правдивости событій, которыя въ нихъ описываются. Кромѣ былинь, здѣсь помѣщаемыхъ, онъ знаетъ, по только словами, въ видѣ сказки, «исторію» про первыя поѣздки Ильи Муромца и про Михайлу Погика.

*) не знаетъ.

265.

СВЯТОГОРЪ.

По той дорогѣ по латынскіе,
 Стоптъ семь заставъ да богатырскіехъ.
 Первѣ застава — Илья Муромецъ,
 Другѣ заставушка — Добрынюшка Микитьевичъ,
 Третья застава — Алѣша Поповичъ младъ.
 Подъ Алѣшей стоялъ тутю Полѣшанинъ,
 Полѣшанинъ да Долгоболянинъ.
 Было два братца родимые,
 Лука, Моисей — дѣти боярскіе.
 Тѣ ли роды ты боярскіе
 Охвочн они были долго спать,
 Они проспали житьё-бытьё богатство.
 Проѣхалъ богатырь-отъ во чистѣ полѣ,
 У коня слѣды по цѣлой овчинѣ по бараповы.
 Поутру ставали-то ранѣшенько:
 «Кому у насъ ѣхать за богатыремъ съ угоною?»
 «Послать Лука, Моисѣя — боярскіихъ дѣтей,
 «Онѣ ли роды ты боярскіе,
 «Онѣ проспали житьё-богатство.
 «Послать Добрынюшку Микитича.»
 Сѣдлалъ Добрыня своего коня,
 Уздалъ Добрыня своего коня,
 Садился Добрыня на добра коня,
 Поѣхалъ за богатыремъ съ угоною,
 Засталъ богатыря-то во чистомъ поли,
 Не доѣдучи до Кіева-то двадцать вѣрсть.
 Сидитъ богатырь-отъ на добромъ кони,
 Онъ мечетъ палку ту подъ облаки,
 Дѣ земли не допускаючи,
 На бѣлы руки подхватючи.
 Не смѣлъ Добрыня дати напуска,
 Назадъ Добрыня ворочается,
 Не путёмъ онъ ѣхалъ не дороговю,
 Приѣхалъ Добрыня къ Ильи Муромцу:
 — Я засталъ богатыря-то во чистомъ поли,
 — Не доѣдучи до Кіева-то двадцать вѣрсть.
 — Сидитъ богатырь-отъ на добромъ кони,
 — Мечетъ палку ту подъ облаки,
 — Дѣ земли не допускаючи,
 — На бѣлы руки подхватючи,
 — Не смѣлъ-то я да дати напуска. —
 Говоритъ Илья да таково слово:
 «Хоша ѣ много рати удалого вѣтъ,
 «Нѣтъ на Илью да вѣтъ на Муромца.»
 Сѣдлалъ Илья да своево коня,
 Уздалъ Илья да своево коня,

Садился Илья да на добра коня,
 Поѣхалъ за богатыремъ съ угоною,
 Засталъ богатыря-то во чистомъ поли,
 Не доѣдучи до Кіева пятнадцать вѣрсть.
 Сидитъ богатырь-отъ на добромъ кони,
 Онъ мечетъ палку ту подъ облаки,
 Дѣ земли не допускаючи,
 На бѣлы руки подхватючи.
 Закричалъ Илья да громкимъ голосомъ.
 У богатыря конь-отъ на колѣни палъ,
 Выскочилъ съ подъ стрѣмена багровъ жижелецъ *).
 Поди жижелецъ да на своѣ волю,
 Лови жижелецъ да осетра рыбу,
 Сиомничай меня старого хозяйнища,
 Видно мнѣ уже живу не быть.
 Полетѣ соколя да на свою волю,
 Лови лисицу да и зайца,
 Сиомничай меня старого хозяйнища.
 Съѣхались онѣ ударились,
 Другъ-то друга вѣдь не ранили,
 Оба изъ сѣделъ вопъ выпáдали.
 Помогъ-то Богъ да Ильи Муромцу,
 Сбился Илья да на бѣлы груди,
 Вынималъ пожищо онъ книжищицо,
 Хочетъ пороть да груди бѣлыс.
 И сталъ Илья да ёво спрашивать:
 «Ты коѣй земли, да ты коѣй орды,
 «Какъ тебя да именёмъ зовуть?»
 — Я есть-то вѣдь изъ золотой орды,
 — Петръ царевичъ Золотничанинъ,
 — Тебѣ, Илья, да вѣдь я крестный сынъ.
 — Тебѣ полно, Илья, ѣздитъ по чисту полю,
 — Побивать, Илья, тебѣ богатырей,
 — Пора, Илья, тебѣ душа счастья. —
 Ильи тѣ рѣчи прилюбился,
 Спустилъ богатыря онъ на своѣ волю,
 Самъ поѣхалъ Илья да по чисту полю,
 Засталъ богатыря онъ во чистомъ поли,
 И думалъ: «богатырь-отъ певѣрише.»
 Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердце,
 Наганивалъ коня онъ со чиста поля,
 Со чиста поля онъ во первой накомъ,
 Ударилъ богатыря онъ налкою,
 И думалъ: «богатыря съ конёмъ убилъ».
 Сидитъ богатырь на добромъ кони,
 Назадъ богатырь не оглянется.
 Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердце,
 Наганивалъ коня онъ со чиста поля,
 Со чиста поля онъ во второй накомъ,

*) «такъ поется, неизвѣстно что.»

Ударил богатыря онъ палкою,
И думалъ: «богатыря съ копѣмъ убилъ.»
Сидитъ богатырь на добромъ кони,
Назадъ богатырь не оглянется.
Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердце,
Наганивалъ коня онъ со чиста поля,
Со чиста поля онъ во третій законъ
Ударил богатыря онъ палкою,
И думалъ: «богатыря съ копѣмъ убилъ.»
Сидитъ богатырь на добромъ кони,
Назадъ богатырь отоглянется:
— Я думалъ кусаютъ русскіе комарики,
— Ажно славной богатырь Илья Муромецъ. —
Взялъ Илью онъ и со копѣмъ въ карманъ,
Возилъ-то онъ вѣдь троѣ сутки.
Святигоровъ конь провѣщился язѣкомъ чловѣ-
ческимъ:

«Ты славный богатырь Святигорь!
«Тяжело возить мнѣ двухъ богатырей,
«Третью лошадь богатырскую.»
Онъ выпяля Илью да изъ кормана вопъ,
Говоритъ Ильи онъ таково слово:
— Ты поѣдемъ, Илья, да на святѣ горы,
— Я буду тамъ да преставлятися.
— Пойдѣ отъ меня уже великой потъ,
— Ты моёво поту-то накопѣ лизни,
— Наконѣ лизни да ты другой лизни,
— Третьяво накопу, Илья, пѣ лизни,
— Не стане нѣснть матушка сырѣ земля,
— Не стануть вѣзнтъ кони богатырскіе. —
Приѣхали онѣ да на святѣ горы,
Сталъ Святигорь-отъ преставлятися.
Пошолъ отъ него уже великой потъ,
Илья тово поту-то накопѣ лизнулъ,
Наконѣ лизнулъ да онъ другой лизнулъ,
Третьяво накопу Илья не лизалъ.
Святигорово было преставленіе,
Ильи Муромца было погребеніе,
Надъ верхомъ воздвигъ-то онъ чудецъ крестъ.
А ѣй дидай-дидай болѣ впередъ знай.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

266.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Ѣздилъ старъ по чисту полю,
Ого младости ѣздилъ до старости.
Хорошъ былъ у старого-ли добрый конь,
За рѣку перевозу онъ не пращивалъ,

Конь рѣки, озѣра перескакивалъ,
Широкіе мхи кругомъ обскакивалъ.
Наѣхалъ ли старой во чистѣмъ поли
Три пути дороги три широкіе.
На разстѣняхъ лежитъ сѣрый камешекъ,
На камени подиись подиисана:
«Въ дорогу ту ѣхать убиту быть,
«Въ другую ту ѣхать женату быть,
«Въ третью ту ѣхать богату быть.»
Стоитъ тутъ старикъ да пораздумался,
Сѣдой головой своей пошатывасть:
«На что мнѣ-ка старому богачество,
«У м'не есть-то своей золотой казны,
«Своей золотой казны смѣты пѣтъ.
«На что мнѣ-ка старому женитися,
«Женитися мнѣ да не нажитися:
«Худая та взять такъ замѣны нѣтъ,
«Хорошая взять, такъ чужа корысть.
«Я поѣду въ ту дорогу, гдѣ убиту быть,
«А убитому быть, такъ не вѣку и жалъ,
«При смерти головушка шатается.»
Тѣде старикъ да по чисту полю,
Заѣхалъ ли старой во темны лѣса,
Стоитъ тутъ станица станичникѣвъ,
По русски назватъ такъ разбойниковѣвъ,
Не много не мало сорокъ тысячей.
И хочуть-то стараго пограбитъ,
И хочуть у стараго коня отнять,
Говоритъ-то старикъ да таково слово:
«Вы ой же станичники разбойники!
«И битъ меня стараго некого,
«Пограбитъ у стараго печего,
«Съ собой-то казны да не случилосе
«Съ собой-то казна одна пятьсотъ рублей,
«Шуба на себѣ да соболиная,
«Шуба-та стѣбитъ три тысящи,
«Сѣделко черкальское въ двѣ тысящи,
«Узда та течмяная въ пятьсотъ рублей.
«Межъ ушами камѣнь драгоцѣнный
«Не ради красы-басы великіе,
«Ради тѣмные почи осѣнные,
«Гдѣ ходитъ гуляе мой доброй конь,
«Видно за три-то вѣрсты какъ мѣрные,
«Мѣрные вѣрсты семисотные.»
Говорятъ-то станичники разбойники:
— Ты много старикъ да разговариваешь.—
И хочуть-то стараго съ коня стащить.
Какъ снизас старикъ шелѣмъ*) да со буйной
главы,

*) киверъ или шляпа, не зваеть что.

Вѣсомъ то шеломъ былъ двѣнадцать пудъ,
 И сталъ шеломомъ онъ помахивать.
 Куды онъ махнѣтъ — дакъ туды уллицы,
 Куды отмахнѣтъ — дакъ переулочки.
 Прибилъ сорокъ тысячъ ставничниковъ,
 По русски назвать дакъ разбойниковъ.
 Пазадъ-то старикъ ворочается
 Ко сѣрому камению латырю,
 Старую подпись захѣриваль,
 Новую подпись подписываль:
 «Ложно была подпись подписана,
 «Я сѣздилъ въ дорожку, убить не бываль.»
 «Поѣду въ ту дорогу гдѣ женату быть.»
 Ёдетъ ли старой по чисту полю,
 Стоять тутъ полаты бѣлокаменные.
 Изъ тѣхъ изъ полаты бѣлокаменныхъ,
 Идетъ изъ полаты сорокъ дѣвицей,
 Прекрасна идетъ королевична,
 Беретъ старика да за бѣлы руки,
 Цѣлуе во уста да во сахарніе,
 Зовѣтъ во полаты бѣлокаменные
 Къ себѣ хлѣба соли она кушати.
 Идѣтъ-то старикъ да умѣхается:
 «Сколько по святой Руси не бываю,
 «Экого-ли чуда вѣкъ не видаю.
 «Ведѣтъ-то прекрасна королевична,
 «Ведѣтъ старика да за бѣлы руки,
 «Цѣлуе во уста да во сахарніе,
 «Зовѣтъ въ полаты бѣлокаменные
 «Къ себѣ хлѣба соли она кушати.»
 Привела она въ полаты бѣлокаменные,
 Садила за столы да за дубовые,
 Пили ѣли прохладжалися.
 Говорить-то прекрасна королевична:
 — Вотъ тебѣ мѣсто старому туту спать,
 — Ложись-ко ко стѣнки кирпичные.—
 Говорить-то ли старой таково слово:
 «Ты ой же прекрасна королевична!
 «Мы старики да по краямъ вѣкъ спимъ.
 «Нашо-то дѣло вѣдь старое,
 «Охвочн мы почію па дворъ ходитъ.
 «Ложись-ко сама ко стѣнки ко кирпичные.»
 Взялъ онъ прекрасну королевичну,
 Взялъ-то ее за бѣлы груди,
 Кицулъ на кровать на тисовую.
 Тисовая кровать была подложная,
 Тисовая кровать та обвернулася,
 Упала прекрасна королевична,
 Упала во погребы глубокіе,
 Во глубокіе погребы сорока сажень.
 Говорить-то старикъ да таково слово:

«Вы слуги лакеи безызмѣнные,
 «Покажите вы ходы мнѣ во глубоко погрѣбъ.»
 Показали ему ходъ да во глубоко погрѣбъ,
 Ключи старику были не надобно.
 Замки ты руками роздѣргиваль,
 Онъ двери-то погами вопъ вышныиваль.
 Идѣтъ тутъ изъ погребя сорокъ чарей,
 Сорокъ то чарей идѣтъ чаревичей,
 Сорокъ королей да королевичей,
 Идѣтъ тутъ прекрасна королевична.
 Говорить-то старикъ да таково слово:
 «Подѣте цари вы по своимъ царствамъ,
 «А вы короли да по своимъ ордамъ.
 «Молите вы Бога за старово,
 «За старово Илью вы за Муромца.»
 И взялъ онъ прекрасну королевичну,
 Посадилъ на ворота па широкіе,
 Онъ всю разстрѣлялъ да изъ туга лука,
 Розѣкъ распласталъ да тѣло бѣлое,
 П все разметаль онъ по чисту полю.
 Пазадъ-то старикъ да ворочается,
 Ко сѣрому камению латырю,
 Старую подпись захѣриваль,
 Новую подпись подписываль:
 «Та ложно была подпись подписана.
 «Я сѣздилъ въ дорожку, жепать не бываль.»
 «Я поѣду въ ту дорогу, гдѣ богату быть.»
 Ёдетъ старикъ по чисту полю,
 Заѣхаль ли старой во темны лѣса.
 Стоитъ туго погрѣбъ золотой казны,
 На погрѣбѣ подпись подписана:
 «Выкатитъ казна да Илья Муромцу,
 «Папаят хитро-мудрынхъ плотниковъ,
 «Построятъ-то церкву соборную
 «Святителю Николы Можайскому,
 «Во славномъ во городи въ Києви,
 «И тутъ-то Илья будетъ преставиться.»
 Какъ выкатилъ казну да Илья Муромецъ,
 Папаят хитро-мудрынхъ плотниковъ,
 Построилъ онъ церкву соборную
 Святителю Николы Можайскому,
 Во славномъ въ городи во Києви,
 Самъ заѣхаль во пещеры во глубокіе,
 Тутъ-то Илья уже преставился.
 Попыгѣ теперъ мощи петлѣнные.

Записано тамъ же, 17 августа.

267.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

По три года Добрынюшка-то столпничаль,
 По три года Добрынюшка да чашничаль,
 По три года Добрыня у воротъ стояль.
 Того столпничаль-чашничаль она девять лѣтъ,
 На десятыя Добрынюшка гулять пошоль,
 Гулять пошоль по городу по Киеву.
 А Добрынюшка-ли матушка показывасть,
 Государыни Добрыни наговаривасть:
 «Ты пойдешь гулять по городу по Киеву,
 «Не ходи-тко ты, Добрыня, на царевъ кабакъ,
 «Не пей-ко ты до пьяна зелена вина.
 «Не ходи-ко ты во улицы Игнатьевски,
 «Въ тѣ ли переулки во Маринкины,
 «Та ли блядь Маринкина да питавица,
 «Потравила она Маринка девят-ли молодцовъ,
 «Десяти-ли молодцовъ да будто ясныхъ соколовъ,
 «Потравить тебя Добрынюшку въ десятыя.»
 А Добрынюшко-то матушки не слушала,
 Заходитъ-ли Добрыня на царевъ кабакъ,
 Напивается до пьяна зелена вина.
 Самъ пошелъ гулять по городу по Киеву,
 А заходитъ ли во улицы въ Игнатьевски,
 А во тѣ ли переулки во Маринкины.
 У той ѹ бляди Маринки у Игнатьевой
 Хорошо-ли терема были роскрашены,
 У ней теремъ-отъ со теремомъ свивается,
 Одиѣмъ-то жемчугомъ пересынается.
 На теремахъ сидѣли два сизыхъ два голубя.
 Носокъ-то по носку они цѣлуются,
 Правильныма крылами обнимаются.
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 Натягаетъ Добрынюшка свой тугой лукъ,
 Накладаетъ Добрыня калепу стрѣлу,
 Стрѣляетъ ли Добрыня во сизыхъ голубей.
 По грѣхамъ ли надъ Добрыней состоялось,
 Ево правая-то поженка поглѣзнула,
 Ево лѣвая-та рученка подрогнула,
 А не могъ згодить Добрыня во сизыхъ голубей,
 Едва згодилъ къ Маринкѣ во красно окно.
 Онъ вышибъ прицѣпну *) серебряную,
 Розбилъ-то околенику стекольчатую,
 Убилъ-то у Маринки друга милово,
 Милово Тугарина Змѣѣвича.
 Стоитъ-то ли Добрыня пороздумалсе:

*) у окна поперечина.

«Въ теремъ-отъ итти такъ голова пропадѣтъ,
 «А въ теремъ-отъ ийти такъ стрѣла пропадѣтъ.»
 Зашоль-то ли Добрыня во высокъ теремъ,
 Крестъ-отъ онъ владѣтъ по писаному,
 А поклонъ-отъ онъ ведѣтъ ученому.
 Сѣлъ онъ во большій уголъ на лавицу,
 А Маринка та сидитъ да блядь за завѣсою.
 Просидѣли они лѣтній день до вечера,
 Онѣ другъ-то съ другомъ слова не промолвили.
 Взялъ-то ли Добрыня калепу стрѣлу,
 Пошоль-то ли Добрыня изъ высока терема.
 Ставала-ли Маринка изъ-за завѣсы,
 А берѣтъ-та ли Маринка булатній ножъ,
 Она рѣзала слѣдочки Добрынюшкины,
 Сама крѣпкой приговоръ да приговаривала:
 — Какъ я рѣжу эти слѣдочки Добрынюшкины,
 — Такъ-бы рѣзало Добрыни ретиво сердце,
 — По мѣ-ли по Маринкѣ по Игнатьевой. —
 Она скоро затопляла печь кирпичную,
 Какъ метала эти слѣдочки Добрынюшкины,
 Сама крѣпкой приговоръ да приговаривала:
 — Какъ горятъ-то эти слѣдочки Добрынюшкины,
 — Такъ горѣло бы Добрыни ретиво сердце,
 — По мѣ-ли по Маринкѣ по Игнатьевой.
 — Не могъ-то бы Добрынюшка ни жить, ни быть,
 — Ни дни бы не дивать, ни часу бы часовать. —
 Какъ вышедъ-ли Добрыня на широкой дворъ,
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце
 По той-ли по Маринкѣ по Игнатьевой.
 Назадъ-то ли Добрыня ворочается,
 Этая Маринка Игнатьева
 Обвернула-то Добрынюшку глѣдимъ туромъ,
 Послала-то ко морю ко турецкому:
 — Поди-ко ты, Добрынюшка, ко морю ко турецкому.
 — Гдѣ ходять тамъ гуляють девять туровъ,
 — Поди-ко ты Добрынюшка десятнымъ туромъ. —
 Какъ провѣдала Добрынюшкина матушка,
 Сама-то ли старуха подымаласе,
 Пришла она къ Маринкѣ ко Игнатьевой,
 Сѣла-то на печку на кирпичную,
 Сама-ли говорила таково слово:
 «Хочешь ли Маринка блядь потравица
 «Обверну я ты собакой подоконою,
 «Ты будешь-ли ходить да по подоконю.»
 Этая Маринка Игнатьева
 Видитъ-ли она да немнучую.
 Обвернуласе Маринка сѣрой ласточкой,
 Полетѣла-то ко морю ко турецкому,
 Сѣла ли Добрыни на могучій плеча,
 Говорила-ли она да таково слово:

— Возьмешь ли ты, Добрыня, за себя меня за мужъ,
 — Отверну я тя, Добрыня, добрымъ молодецъ. —
 — Возьму я тя Маришка за себя за мужъ. —
 Повернула-то ево да добрымъ молодцомъ.
 Взялъ то онъ Маришку Игнатьевну,
 Посадилъ онъ на ворота на широкіе,
 Всю онъ разстрѣлялъ изъ туга лука,
 Розсѣкъ онъ роспосталъ тѣло бѣлое,
 Всѣ-ли размстала по чисту полю.

Записано тамъ же, 17 августа.

—
 268.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Вышла порошица снѣгъ молодѣй.
 По той по пороши по бѣлѣ снѣжку
 Да не бѣлый горностаи слѣды промѣтываетъ,
 Ходить-ли гуляетъ удалой молодецъ,
 На имя Чурилушко сынъ Пленковичъ.
 Рощитъ онъ гвоздочки серебряныя,
 Скобочки да позолоченыя,
 И вслѣдъ ходятъ ребятушка маленкїе,
 Обираютъ тѣ гвоздочки серебряныя,
 Тѣмъ они ребята свою голову кормятъ.
 Приходить-ли Чурило ко Бермятову двору,
 И пошолъ ли Бермята ко заутрени.
 Кто-ли отъ бѣды да откупаеся
 Иной то на бѣду да накупаеся.
 Старые Бермята Васильевичъ
 Онъ на бѣду ту вѣдъ самъ идѣтъ.
 Посылаеъ ли Чурило во высокъ терѣмъ:
 «Ты поди-тко-ли Чурило во высокъ терѣмъ.»
 Заходить-ли Чурило во высокъ терѣмъ,
 Стоитъ-то Катерина Богу молится,
 Назадъ Катерина оглянулася,
 Тѣпла вода да по пятѣмъ потекла.
 Говорить-то Катерина таково словъ:
 — Сядемъ-ко Чурило мы во шахматы играть.
 — Ты ли поиграешь такъ тебѣ сто рублей,
 — Я ли поиграю тебя такъ прощу. —
 Поигралъ онъ Катерину во первой наковъ,
 Взялъ казны онъ съ ней сто рублей,
 Поигралъ онъ Катерину во второй наковъ,
 Взялъ казны онъ съ ней двѣсти рублей,
 Поигралъ онъ Катерину во третій наковъ,
 Взялъ казны онъ съ ней триста рублей.
 Говорить-то Катерина таково слово:
 — Ты премладше Чурилушко сынъ Пленковичъ!

— Хошь во шахматы играть, хошь на тебѣ смотрѣть.
 — У меня по тебѣ сердце розгорѣлось.
 — Пойдемъ-ко Чурило въ ложню теплую,
 — И станемъ-ко Чурило опочинъ держать. —
 Черная дѣвка служанка ея,
 Она говорила таково слово:
 «Не ходите вы во ложню во теплую.
 «Я пойду къ Бермяту пакучѣ и памучѣ,
 «Пакучу и памучу я пажалюсѣ.»
 Катерина-то тово да не пытабчи,
 А во теплую-то ложню убираетсе,
 А черная-то дѣвка изъ тѣрема пошла.
 Пришла-то она да ко заутрени,
 Говорила-ли она да таково слово:
 «Ты старые Бермята Васильевичъ!
 «Стоишь ты Бермята Богу молишься,
 «И не знаешь Бермята ты не вѣдаешь.
 «Право у тебя да сударь гость гоститъ,
 «Незваной-отъ гость да не приказываюй.»
 Говорить-то Бермята Васильевичъ:
 — Черная дѣвка служанка моя!
 — Правду донесѣшь я за мужъ тебя возьму,
 — А неправду донесешь, я тебѣ голову срублю. —
 «Поди-ты Бермята скоро-вѣ-скоро.»
 Скоро золото кольцо забрѣкало,
 Маковки все пошатилися,
 Идѣтъ Катерина та Микулична,
 Въ одной она рубашки безъ пояса.
 Говорить-то Бермята Васильевичъ:
 — Что же Катерина не въ снарядѣ ты идѣшь?
 — У насъ-то севодня дѣло праздничноѣ. —
 Говорить-то Катерина таково слово:
 «У меня-то ли севодня голова болитъ,
 «Болитъ моя буйная головушка,
 «Щемитъ мое сердце ретивоѣ,
 «Дрожать мои жилия подкожные,
 «Не могла я хорошо да снарядитися.»
 Заполь-то ли Бермята во высокъ терѣмъ,
 Вся туту кафтаны платьѣ цвѣтнѣ.
 Говорить-то ли Бермята таково слово:
 — Этя кафтаны на Чурилы-то видѣлъ. —
 Говорить-то Катерина Микулична:
 «У моего у брата родимого,
 «Съ Чуриломъ было платьями помѣняно,
 «Платьями, да добрымъ коньми.»
 Заполь-то ли Бермята въ ложню теплую,
 Спитъ туту Чурило опочинъ держать.
 Взялъ-то ли Бермята саблю острую,
 Отрубилъ-то ли Чурилу буйну голову.
 Будто скатпя жемчужина скатиласѣ,

Скатилася Чурилова головушка,
 Не груцатая камка да розстпаласе,
 Чурилова кровь пролпваласё.
 Огрубилъ онъ Катерины буйну голову.
 Двѣ ли головы да вдругъ погнуло,
 Наканунѣ честнаго Благовѣщенья.
 Дожили до свѣтлаго Христова дня,
 Чѣрную дѣвку за мѹжь онъ взялъ,
 Сталъ онъ жить быть вѣкъ коротати.

Записано тамъ же, 17 августа.

—
 269.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

Во Таврѣ было городи,
 На стули на золоти,
 На отласи на бархати,
 Сидитъ Возвякъ Возвякъ царь
 Возвякъ Таврольевичъ.
 Онъ суди ты рассуживаль,
 Дѣла приговариваль,
 Кпйзей боярѣ жаловаль,
 Онъ ѳомку ту Тотмою,
 Ерѣму Новѣмъ-городомъ;
 Любимаго зятюшка,
 Щелкана Дудентьевича,
 Нѣ дому не случилосе,
 Онъ уѣхаль въ землю жидовскую;
 Во жидовскую землю литовскую.
 Не для дани да выхода
 Ради чѳртова прѣвезу.
 Чортъ-отъ съ улицы
 Бралъ по курицы,
 Сѳ избы бралъ онъ по пѣтуху,
 Сѳ бѣла двора онъ по добру коню,
 У ково коня пѣтъ дакъ и жену возьмѣтъ,
 У ково жены нѣтъ, самово въ полѳнъ возьмѣтъ.
 Гдѣ ли Щелканъ побываль,
 Какъ будто Щелканъ головнѣй покатиля.
 Приѣхаль Щелканушко Дудентьевичъ
 Къ царю Возвяку Таврольевичу:
 «Чѣмъ тебя Щелкана буде жаловать?
 «Сѣла тебѣ ли же со присѣлками,
 «Ли городами тебѣ съ пригородками,
 «Ли деревини тебѣ да со крестьянами?»
 — Пожалуй меня государь царь Таврольевичъ
 — Тверью-то городомъ,
 — Тверью богатою,

— Двуми братьями рѳдными:
 — Борисомъ Борисовичемъ,
 — Митриемъ Борисовичемъ. —

(Дальше не помнитъ).

Записано тамъ же, 17 августа.

—
 ЛП.

ГУРЬБИНЪ.

Иванъ Александровичъ Гурьбинъ,
 изъ Кривцова, 60 лѣтъ, крестьянинъ, въ прежнѣе
 годы занимавшійся преимущественно издѣлемъ
 гребней, отчасти земледѣлемъ. Былины перенялъ
 частію отъ своего отца, частью отъ постороп-
 нихъ стариковъ. Кромѣ здѣсь помѣщаемыхъ,
 нѣлъ обыкновенную былину про Добрыню и
 Алешу; про Дюка Степановича и Михайлу Пѳ-
 тика Гурьбинъ нѣтъ былины не умѣтъ, но знаеть
 содержаніе ихъ, которое рассказываетъ словами,
 въ видѣ сказокъ.

—
 270.

СВЯТОГОРЬ.

Ѣздилъ-то Илья да по чисту полю,
 Да наѣхаль Илья на поляницу тутъ.
 И да ѣдутъ съ поляницей по чисту полю,
 Да ударилъ ѣво палицей по буйной главы,
 Да ударилъ ѣпъ тутъ во другіе разъ,
 Да ударилъ ѣпъ вѣдъ тутъ да въ третій разъ,
 И розгорѣлось у ѣво сердце богатырско,
 У тово ли у Самсона Святигора у богатырѣ.
 Даль-то-ко Илью да за бѣлы руки,
 И положилъ-то-ко Илью да во корманъ къ себѣ,
 И далъ (sic) -то-ко Илью да во кормани у себи.
 Еще сталъ туто вѣдъ конь да поппинатисе.
 «Еще что ты туто волчья ситъ да травяной мѣ-
 шокъ!»
 «Еще что ты туто вѣдъ да заппнаешься,
 «Еще развѣ ты незгоду мпѣ-ка вѣдаешь?»
 И да провѣщилъся вѣдъ конь языкомъ человѣче-
 скимъ:
 — Еще гдѣ мпѣ-ка возить да двухъ богатырей
 съ конѣмъ. —
 И вынималъ туто Самсопъ Илью да изъ кармапа
 тутъ,

Да поѣхали съ Ильей да по святымъ горамъ,
Ещѣ сталъ Самсонъ-Святигоръ тутъ выпраши-
вать:

«Да велика ли въ тебѣ да еще сила есть?»

— А ѣ во мнѣ вѣдь еще сила небольшая есть,

— Еще только побиваю я вѣдь хрѣбостью
сводѣй. —

«И да славные Илья да вѣдь ты Муромецъ!

«Да вѣдь во мнѣ-то сила да такая есть,

«Кабы въ земною-то обшѣрности быть столбъ,

«Да какъ былъ бы-то въ небѣсной вышнны,

«Да кабы было въ столбѣ въ этомъ кольцо,

«Поворотилъ бы я всю землю подвселенную.»

И поѣхали-то тутъ они да по святымъ горамъ,

И паѣхали на тѣхъ они на святыхъ горахъ,

Да лежитъ тутъ вѣдь двѣ сумы переметные,

И говоритъ тутъ Самсонъ да таково слово:

«Ужъ ты славные Илья да ты Муромецъ!

«Соходи-ко ты Илья да со добра коня,

«И какн тутѣ лежатъ двѣ сумы переметные,

«Поздымай-то ты сумы переметные.»

Соходилъ-то-ко Илья да со добра коня.

И онъ признается за ты сумы за переметные,

Еще тѣ ли сумы съ мѣста не здымаются.

Соходилъ-де вѣдь Самсонъ да со добра коня,

Еще самъ-то за сумы да признается,

Еще тѣ ли-де сумы да съ мѣста не здымаются,

А всѣ жнлы и суставы у Самсона роспуцаются,

И по колѣну-то въ землю Самсонъ убирается.

(Тутъ Илья его и похоронялъ).

Записано на Кенозерѣ, 15 августа.

—
271.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЪИ МУРОМЦА.

Ѣздилъ-де старъ по чисту полю,

Отъ младости Ѣздилъ онъ до старости.

И хорошій у его былъ добрый конь,

И за конѣмъ-то онъ вѣдь перевозу вѣкъ не пра-
шиваль,

И всѣ рѣки ты озѣра конь вѣдь перескакивалъ,

Мелкіе источнны прѣмежъ погъ пустилъ.

Да паѣхаль-то-де старый на чистомъ поли

Да на тѣ ли на розстави на черниговски.

И лежитъ-то на розстапяхъ вѣдь латѣмъ камень,

И на камешки-то поднѣсь написана:

«Во дороженьку ту ѣхать гдѣ вѣдь старому бо-
гату быть,

«Да во другую-ту ѣхать гдѣ женату быть,
«Да во третью-ту дороженьку вѣдь ѣхать гдѣ
убиту быть.»

Да сидитъ-то-ко вѣдь старый на добромъ кони,

Да сидитъ-то-ко вѣдь старый пороздумался:

«Да на что-то мнѣ вѣдь старому богатство?

«Еще нѣтъ у м'ня любѣю-то семьи да молодой
жены,

«И нѣту малыхъ у м'ня да нѣту дѣтонѣкъ,

«Еще некому тощитъ да золотой казны.

«А на что-то мнѣ да старому жепитися?

«Еще старая мнѣ взять дакъ не пажитися,

«И отъ старою-то мнѣ да вѣдь замѣны нѣтъ,

«И да молодая взять то вѣдь чужа корысть.

«Да поѣду въ ту дорожку гдѣ убиту быть.»

Да отѣхаль-де вѣдь старый за три поприща,

Да по-русьски-то сказать да за три веретоньки.

Вышло сорокъ-то воровъ да розбойнковъ,

Вышло сорокъ-то стапичныхъ подорожнковъ,

Тутъ хочуть старого-де вѣдь пограбити.

Еще что тутъ у стараго пограбити:

И тачипая да есть на бурушкѣ въ пятьсотъ
рублѣвъ,

И черканское сѣдѣлко во двѣ тысячи,

И на бурушкѣ попопа есть семп шелковъ,

И въ три строки ли-то попопа была точено.

Еще первая строка да злата серебра,

А другая-та строка да чиста золота,

Да третья-та строка мѣдѣ казарочки,

Еще тою ли-де мѣдѣ журавницкіе,

Да на всѣхъ-то уголкахъ да камешки само-
цвѣтные,

И во гривушку тутъ вилетанъ-де скаченъ жем-
чугъ,

Не для ради красы-басы,

А для поченки-то было ради темные,

Чтобы видно старому-то ѣхать вѣдь путемъ до-
роженкой.

«А коню-то у меня да еще смѣты нѣтъ,

«А мнѣ-то старику да на бою смерть не писана.»

Говорятъ тутѣ-де воры разбойники:

— Ужъ ты старой-де вѣдь чортъ сѣдатыи волкъ!

— Еще много съ памн сталъ да разговоривать.

— Соходи-тко-де вѣдь старый со добра коня,

— И тогда вѣдь будемъ мы съ тобой да бой дер-
жать. —

Соходилъ-то-де вѣдь старый со добра коня,

Спалъ-то-де вѣдь старъ шеломъ да съ буйной
головой,

И да началъ-де шеломомъ онъ помахивать.

Со права-то плеча-то махнеть — улочка,

И назадъ-то отмахнётъ и переудочокъ.
 Розгорѣлось ево сердце богатырскоѣ,
 Ухватилъ-то вѣдь татарина онъ за ноги,
 Качалъ онъ татаринномъ помахивалъ,
 Да прибилъ онъ прибилъ всѣхъ татаръ до
 едншова.

Да назадъ-то старенькой ворóтился,
 И онъ старую-то поднись вопъ выхѣривалъ,
 Еще новую-ту поднись онъ поднисьвалъ:
 «И та очищена дороженка старымъ казакомъ
 Ильей Муромцемъ.

«И поѣду во дорожку гдѣ женату быть.»
 И отѣхалъ онъ-де старый за три поприща,
 Да по русьски-то сказать да за три вѣрстоныки,
 Тутъ стоять-де терема вѣдь златоверхіе.
 Выбѣгала-де прекрасна королевична,
 Брала-де вѣдь стара за бѣлы руки,
 Да вела-то въ терема вѣдь златоверхіе,
 Да вѣдь ставила столы она дубовые,
 Стлала скатерѣточки вѣдь браные шелковые,
 И посила епа ѣтвы вѣдь сахарніе,
 И напитокки посила вѣдь медовые,
 Да попла вѣдь кормила низко кланяласц,
 И ложила на кроватку слоповыхъ костей.
 Говорилъ тутъ старый таково слово:
 «Ты хорошая прекрасна королевична!
 «Ты сама-де вѣдь ложись ко стѣпочки,
 «А я-то-де старикъ и на краю посилю.»
 Не ложится тутъ хорошая прекрасна короле-
 вична.

Бралъ тутъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
 И хорошую прекрасну королевичну,
 Бралъ токо вѣдь ей да за бѣлы руки,
 И за ей-то вѣдь за персѣчи за злачѣныи,
 И бросилъ-то на кроватку слоповыхъ костей.
 А у ей-то вѣдь кроваточка подложная,
 Увалиласе во погребъ сороку сажень.
 Выходилъ-то старыи казакъ да Илья Муромецъ,
 Выходилъ онъ съ теремовъ вѣдь златоверхіихъ,
 И перстамп-то замки онъ сдергивалъ,
 Да ногамп-то вѣдь двери вопъ вышпывалъ.
 Вышло сорокъ-то царей да вѣдь царевичѣвъ,
 Вышло сорокъ королевей да королевичѣвъ,
 И вышло сорокъ сильніихъ могучіихъ богатырей.
 И говорилъ тутъ старыи казакъ да Илья Муро-
 мецъ:

«Еще глупы вы цари да всѣ царевичи,
 «И да глупы короли да королевичи!
 «Вы сдавайтесь на прелесть-ту на женскую.»
 И говорилъ тутъ старыи казакъ да Илья Муро-
 мецъ:

«Вы поѣзжайте-тко да по своимъ мѣстамъ,
 «По своимъ мѣстамъ вы ко своимъ женамъ,
 «И ко малымъ ко глупымъ ко дѣтонькамъ.»
 И туто всѣ они да съединилися,
 И да стару казаку да Ильи Муромцу
 И да всѣ-то вѣдь онѣ да поклонилися.
 Тутъ взялъ вѣдь онъ розстрѣлялъ прекрасну ко-
 ролевичну,
 Пресѣкъ, припласталъ, куски разметалъ по чисту
 полю,
 И назадъ-то-ко старенькой ворóтился,
 И онъ старую-ту поднись вопъ выхѣривалъ,
 Да вѣдь новую-ту поднись тутъ поднисьвалъ:
 «И стали туто старому женату быть,
 «Туто старенькой женать не бывалъ.»
 И поѣхалъ въ ту дорожку гдѣ богату быть.
 И отѣхалъ старой за три поприща,
 Да по русьски-то сказать за три вѣрстоныки,
 И тутъ стоять-то погребѣ да золотой казны.
 Тутъ онъ взялъ эту казну и сталъ стропить мо-
 настыри.

Записано тамъ же, 15 августа.

—
 272.

Д У Н А Й.

А во стольнѣмъ-то городи во Києви,
 Да у ласкова князя у Владиміра,
 И хорошей-то заведецъ былъ почестной пиръ,
 На всѣ сильніи могучи на богатыри,
 И на всѣ ли поляницы на удалые.
 И дологъ-то вѣдь день идѣтъ ко вечеру,
 И да всѣ ли во пиру да няны веселы,
 Самъ государь да роспотѣшился.
 Еще красное солнышко Владиміръ князь,
 И онъ по гринди (sic) по столовые похаживать,
 И онъ умилныхъ-де словъ выговаривать:
 «Еще всѣ у насъ во Києви поженены,
 «А дѣвицы-ты вдовицы за мужъ выданы,
 «Еще я-то-де Владиміръ не женать кожу.
 «Еще кто бы мнѣ-ка зналъ да супротивишцу,
 «Чтобы любѣ-то да мнѣ была княгиною,
 «Еще вамъ нарекать да государыней.»
 Тутъ большой-отъ ворогъ-де хоронится за сред-
 няго,
 А середней-отъ ворогъ хоронится за меньшого,
 А й отъ меньшого отъ вóрога й отвѣта нѣту.
 Изъ-за тово ли-де стоялка окольняго,

Ставать тихіе Дунай сынъ Иवानовичъ:
 — Бласловъ-ко ты словцо промолвити. —
 «Говори-тко ты тихой Дунай Иवानовичъ!»
 — И я жилъ-то я во земли во польскіе,
 — А й у короля у Жмана у польскаго.
 — И жилъ я во служеньцѣ двѣнадцать лѣтъ,
 — И есть у него три дочѣри любимыя.
 — Еще перва Настасья королевична,
 — Еще та тебѣ не буде вѣдь царницею,
 — Ъздитъ въ чистомъ-то во полѣ долиницею.
 — Есть вторая-то вѣдь Марья королевская,
 — И та просватапа въ землю жидовскую
 — И за царя-то за Коцея за Тринетова,
 — И тутъ пописаны-то записи крѣпкія.
 — И третья-то есть Апракси королевична,
 — Еще та тебѣ любя княгиною,
 — И намъ нарекати государыней,
 — Есть намъ кому покоритисе,
 — И по низкому намъ поклонитисе. —
 «И тихіе Дунай сынъ Иवानовичъ!
 «И силы ты бери сорокъ тысячей,
 «Золотой ты казны сколько надобно,
 «И поѣдь-ко ты ко королю посватайся.
 «И добромъ отдаётъ, такъ ты добромъ возьми,
 «А добромъ не даётъ, такъ ты забоемъ возьми,
 «И силою грозой княженецкою,
 «И великой могутой богатырскою.»
 — И красное солнышко Владиміръ князь!
 — О сватовствѣ-то съ войскомъ-то не ѣздить
 вѣдь.
 — Дай-ко думщичка мнѣ да вѣдь совѣтничка,
 — А дай мѣлодца Добрынюшку Микитѣвична,
 — А ево-то-де родительство хорошее,
 — Да умѣ-то Добрыня съ людьми ричъ гово-
 рить. —

Да не долго тутъ у солнышка замѣшчалосе,
 И давалъ думщичка ему да вѣдь совѣтничка,
 А еще молодца Добрыню-то Микитича.
 И да сѣдлали да уздали вѣдь добрыхъ копей,
 Не для ради красн-басы молодецкіе,
 Для ради могуты вѣдь богатырскіе.
 И да видѣли вѣдь мѣлодцевъ сѣдучи,
 И да не видѣли удалмехъ поѣдучи.
 И да наскокъ-отъ берутъ да по цѣлой версты,
 Да ископытъ тутъ мечуть по цѣлой конны.
 И приѣхали во землю во польскую,
 И ко Жману ко королю литовскому.
 И оставялъ вѣдь онъ товарища въ чистомъ поли,
 И поѣхалъ-де ко Жману на широкій дворъ,
 А идѣтъ-де во полаты безобьявочно,
 И крѣсть-отъ онъ кладѣтъ да по писаному,

И молитву-ту творитъ изуесть по книжному,
 И поклонъ-отъ онъ ведѣтъ да по ученому,
 Еще съ праваго колѣна до сырой земли,
 И Жману-де королю въ особину.
 «Поди тихіе Дунай да сынъ Иवानовичъ!
 «Аль въ придверники идѣшь-ли въ приворот-
 ники,
 «Аль въ любимыя идѣшь ко мнѣ во конюхи.»
 — И не въ придверники иду не въ приворот-
 ники,
 — И не въ любимыя иду да я по конюхи,
 — Я пришолъ къ тебѣ вѣдь король польскіе
 — Посватайся-то да на хорошей Апракси ко-
 ровичнымъ,
 — И за солнышка Владиміра за князя. —
 И росшумѣлся со королемъ о большую,
 И выходилъ-то-ко тихой Дунай Иवानовичъ
 И на то ли па крылечко на перѣное,
 И махнулъ онъ тутъ шелковымъ платкомъ.
 — И казни-тко ты татаръ да и улаповей,
 — И всѣхъ тутъ подолщѣвъ поганыхъ. —
 Да пзъ чистого-то поля вѣдь бѣгцы бѣжать,
 А пзъ чистого-то поля вѣдь гонцы гонять.
 И не велика-то птичка летать во чистомъ поли,
 Еще всю-де пашу силу о полу была,
 И для одной-то намъ вѣдь дѣвки не погнуги.
 Говоритъ тутъ да король Жманъ польскіе:
 «Уйми-тко ты вѣдь думщичка совѣтничка,
 «Уйми молодца Добрыню Микитича.
 «Отдаёмъ-ко мы честнымъ пиркомъ да за сва-
 дебку.»

Записано тамъ же, 15 августа.

—
 III.

МЕНШИКОВЪ.

Петръ Яковлевичъ Меншиковъ,
 крестьянинъ 52 лѣтъ съ Тамбасезера, на Юго-за-
 надъ отъ Кенозера. Онъ считался въ прежнее
 время хорошимъ пѣвцомъ былшиъ, которыхъ, по
 его словамъ, зналъ въ молодости весьма много,
 выучившиъ имъ частью отъ своего отца, частью
 ходя по чужимъ людямъ на заработки; по те-
 перь уже позабылъ большую часть того, что
 зналъ: «крестьянство» убило въ немъ память,
 потому что у него большая семья, 9 человекъ
 дѣтей и хлѣба не всегда хватаетъ на ея про-
 кормленіе.

274.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗ-
БОЙНИКЪ.

Ѣздилъ-то старой въ чистомъ поли,
Въ тѣхъ-ли во долинушкахъ широкіехъ.
Пріѣзжаетъ старъ ко лѣсамъ да дремучіемъ,
Выѣзжаетъ старой на дороженку широкую,
А прямою дороженькой ѣхать надо трои суточки,
А окольную дорожкой ѣхать надо три мѣсяца,
А на этой дорожкѣ есть заставушка великая.
«Да поѣду я прямой дороженькой.»

Ѣхалъ онъ день ко вечеру,
Наѣхалъ на сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ,
На сорокъ ночныхъ да подорожниковъ.
Началъ онъ да ево спрашивать:
— Ты давай-ко старой намъ имѣньицо. —
«Пограбить-то у мѣня у стараво нечево,
«Но убити-то меня стараво не за что.
«Уздица на кони да во сто рублей,
«А сѣдѣлка на кони да во пятьсотъ рублей,
«А попонка на кони да въ цѣлу тысячу,
«А самому-то я коню цѣны не знай.»
— Но давайте-тко, ребята, принимайтесь-ко за
старого. —

Но такъ у стараго сердце розгорѣлось,
Да и началъ плѣточкой помахивать,
Началъ плѣточкой посвистывать,
Куды онъ махнѣтъ — да туды улущка,
А назадъ онъ отмахнѣтъ — да нереулочокъ.
Да прибилъ онъ всѣхъ-то сорокъ воровъ, сорокъ
разбойниковъ,
Да убилъ-то онъ сорокъ ночныхъ-то подорожни-
ковъ.

Да садился старой на добра коня,
Да поѣзжаетъ старой ко Соловьиному ко гнѣз-
дышку.

Не доѣхалъ до гнѣзда да за три поприща,
Услыхалъ Соловѣй-отъ разбойникъ-отъ:
«А какая невѣжа проѣхала
«Мимо мою заставу ту великую?»
Засвисталъ Соловѣюшко въ полъ-свиста,
Конь подъ Ильей да на колѣнцы палъ.
Вѣтъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,
Говорилъ Илья да таково слово:
— Что же ты конь и потыкаешься,
— Не слыхалъ ты соловьиного посвисту? —
Пріѣзжае къ соловьиному гнѣздышку,

У Соловья гнѣздо на двѣнадцати дубахъ.
Началъ Соловей посвистывать,
Илья на конѣ сидитъ не ворохнется,
А кудѣрышка на немъ да не стряхнется.
А натѣгае старый своей тугой лукъ,
Да накладае старый калену стрѣлу,
А спущалъ въ Соловьи вора разбойника,
Вышибъ у Соловья да правой глазичокъ,
А отшибъ у Соловья да право ухо прочь,
Увалился Соловѣй да со гнѣзда долой.
Соходилъ Илья да со добра коня,
Привязалъ Илья Соловья вора разбойника,
Привязалъ Соловья да ко стремянышку,
А садился Илья да на добра коня,
Да спущался въ долинушки широкіе.
Изъ далѣча далѣча пѣзъ чиста поля
Да не солнце тамъ выкаталосе,
Выѣзжаетъ старый казакъ Илья Муромецъ.
Выходила Соловьиная дочка вонъ,
Да смотрѣла въ подозорную трубочку.
Говорила она да таково слово:
«Ай мужья наши любезные!
«Батюшко ѣдетъ изъ чиста поля,
«Да какого-то богатыря везѣтъ у стремянышка.»
Средняя дочи вышла на улущку,
Глядѣла въ подозорную трубочку.
— Ай мужья наши любезная!
— Да сѣдлайте-тко добрыхъ коней.
— Какой-то богатырь ѣдетъ везѣтъ нашево ба-
тющка,
— Ъдѣте-тко да отбивайте нашево батюшка. —
Меньшая дочи вышла на улущку,
Глядѣла въ подозорную трубочку.
«Мужья наши любезные!
«Садитесь на добрыхъ коней,
«Ѣдѣте-тко да вы встрѣчайте-тко,
«Проспѣте-тко сильняго могучаго богатыря
«Къ себѣ ево въ гость.»
А больша-то дочи говорила таково слово:
— Я пойду сяду на ворота *),
— Здыну я подворотенку желѣзную,
— Какъ онъ и въѣдетъ подъ ворота,
— Тутъ спущу я подворотенку желѣзную,
— Убью сильняго могучаго богатыря. —
Не доѣхалъ Илья да до двора да къ нимъ,
Увидѣлъ невѣжу на воротахъ сѣжучисъ.
Но ударилъ коня по тучнымъ ребрамъ,
Да пустился Илья во Кіевъ градъ.
Пріѣзжаетъ-то Ильюшка во Кіевъ градъ,

*) самъ сознается, что не складно.

Да заѣзжалъ Илья да на широкой дворъ,
 Становилъ коня да среди двора,
 Ко тому ли столбичку къ точёному,
 Да къ тому ли-то къ крылечку къ золочёному,
 Заходилъ Илья въ полаты бѣлокаменны.
 «Ужь ты здравствуй-ко батюшко Владиміръ князь!
 — Ужь ты здравствуй Илья да Илья Муромецъ!
 — Гдѣ ты ѣздилъ, гдѣ гулялъ?»
 «Ѣздилъ-гулялъ во долинушкахъ широкіехъ,
 «Ѣздилъ-гулялъ я во чистомъ полѣ,
 «Привѣзь-ка тебѣ Соловья вора разбойника.
 «Слыхалъ ли ты Соловьиного посвисту?»
 — А й же ты Илья да Илья Муромецъ!
 — Прикажи-тко засвистать Соловьёу вору раз-
 бойнику
 — Во весь-отъ свистъ. —
 Говорилъ Илья князю Владиміру:
 «А й же ты батюшко Владиміръ князь!
 «Прикажу я засвистать да въ полной свистъ,
 «Да розсыплются твои полаты бѣлокаменны.
 «А прикажу я засвистать въ четвереть свиста.»
 Выходятъ со княгиной на балковничъ смотрѣть,
 А приказалъ Илья одѣтъ имъ шубы-то епотовые,
 А завязать-обвить свои буйныя головушки,
 Говорилъ Илья да таково слово:
 «Ты послушай Соловѣй вору разбойничъ-отъ!
 «Засвищи-тко въ четвереть свиста.»
 Соловей вору разбойничъ-отъ осмѣлился,
 Засвисталъ Соловей въ полъ свисту.
 Задрожали полаты бѣлокаменны,
 Посыпались стѣкла хрустальніе.
 Тутъ у Ильюшки сердце розгорѣлось
 На Соловѣя вора разбойника.
 Да приходить Илья да къ Соловьёу вору,
 Вынимаетъ Илья да саблю острую,
 Отрубилъ у Соловья вора разбойника,
 Отрубилъ буйну голову.

Записано тамъ же, 14 августа

—
 275.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во славномъ-то во городи во Києви,
 У ласкова князя у Владиміра
 Да заведенъ былъ почестной пиръ
 Да на многіе ты князей бояровъ,
 Да на сильніехъ могучіехъ богатырей,
 Да на всѣ-ты полянцы на удалые.

Честной-отъ пиръ идетъ по веселу,
 Катится красно солнышко ко вечеру.
 Всѣ на пиру понапивалисе,
 Всѣ на почестномъ наѣдалисе,
 Всѣ на пиру поросхвасталисе:
 Умнои хвастать отцемъ матерью,
 Безумной отъ хвастать молодой женой,
 А шной-отъ хвастать коньми добрыма,
 А шной-отъ хвастать золотой казной,
 Золотою-то казной песчотною.
 А сидитъ Иванушко Годѣновичъ,
 Не веселъ сидитъ онъ и нерадошепъ.
 Приходитъ къ нему дядюшка Владиміръ князь,
 Владиміръ князь столнѣ-іевской:
 «Что же ты любезной мой племянничекъ
 «Не веселъ сидишь нерадошенъ?
 «Развѣ тебѣ чарочка винца да не рядомъ дошла,
 «Ли безумница тобою осмѣяласе,
 «Ли злые-ты собаки облаяли,
 «Ли черныя вороны тебя ограили?»
 — А й же ты любезный мой ты дядюшка!
 — Мнѣ-ка чарочка винца рядомъ дошла,
 — И безумница-то мною не осмѣяласе,
 — И злые-ты собаки меня не облаяли,
 — И черныя вороны меня да не ограили.
 — А всѣ-ты на пиру у тебя да испожепены,
 — А одинъ я молодецъ холостой сижу,
 — И холостой сижу да и жениться хочѹ.
 — Дай-ко ты мнѣ силы сколько надобно,
 — Золотой казны да сколько я возьму,
 — Да поѣду я ко Митрею гостю торговому сва-
 таться
 — На прекрасной Настасѣ дочкѣ Митрьевой.
 — Онъ добромъ отдасть — дакъ я добромъ возьму,
 — А добромъ онъ не отдасть — дакъ забоёмъ
 возьму,
 — Своей силой могутой да богатырскою. —
 «А й любезной мой племянничокъ!
 «Да бери-тко силушки да сколько тебѣ надобно,
 «Казна тебѣ не затворѣная.»
 Да беретъ-то Иванъ да сынъ Годиновичъ
 А и силы сколько надобно,
 А й золотой казны да сколько самъ возьмѣтъ,
 Да въ походъ-отъ отправилъ свою силушку,
 Впереді себя да за два мѣсяца.
 Но онъ засталъ-то силу въ единой день,
 Но объѣхалъ всеё силу въ чистомъ поли,
 Да приѣзжаетъ къ Митрію гостю торговому,
 Не спрашивалъ онъ у дверей придверничковъ,
 Да у воротъ да приворотничковъ,
 Да прямо приправилъ своего бурушко

Прямо через стѣну городовую.
Становилъ коня да среди двора
Ко тому ли столбичку точеному,
Да ко тому колечку золоченому,
Да приходитъ прямо къ Митрею гостю торго-
вому,

Прямо-то въ полаты бѣлокаменны.
Крестъ-отъ кладеть и по писаному,
Да молитву творить да вонсусову,
Кланяется да покланяется
Да на всѣ ли на четыре и на стороны,
Митрею гостю въ особинку.
— Здравствуй-ко ты Митрей гость торговые!
— Я прѣхалъ къ тебѣ вѣдь свататься,
— Да на прекрасные Настасьи дочки Митрьевной.
— Ты добромъ отдашь — дакъ я добромъ возьму,
— А добромъ ты не отдашь — дакъ забоёмъ
возьму,

— Своей силой могутой да богатирскою. —
А ѣй заходитъ Иванушко Годиновичъ,
Да заходитъ онъ во спаленку во теплую,
Да отдѣрнулъ онъ вѣдь завѣсу шелковую,
Да берѣтъ онъ Настасью за бѣлы руки,
Да цѣлуетъ онъ Настасю въ уста сахарніе,
Да говорилъ-то Иванъ да таково слово;
— Да прощай-ко, Митрей, гость торговые. —
Да выходилъ Иванъ-то на широкой дворъ,
То сядились-то съ Настасьей на добра коня,
Да отправились съ Настасьей во чисто полѣ.
Да засталъ онъ силушку въ чистомъ поли,
И говорилъ-то онъ да таково слово:
— Отправляйтесь вы да вѣдь во Кіевъ градъ. —
Онъ поѣхалъ Иванушко Годиновичъ во Кіевъ
градъ.

Не доѣзжая Иванъ до Кіева,
Раздѣрнулъ Иванъ шатеръ бѣлополотняной,
Сталь-то Иванъ да опочиць держать,
Дакъ съ прекрасные Настасьей дочкой Митрьев-
ной.

Въ тое само времечко,
Да наѣхалъ Кощей-отъ безсмертныи,
Биться-рубиться съ Иванъ Годиновичемъ.
Выходитъ тутъ Иванъ да изъ бѣла шатра,
А сядилъ Иванъ да на добра коня,
Да съѣхались съ Кошеемъ да безсмертныемъ,
Да вышибъ Иванъ Кощею да изъ сѣдла,
Да сядилъ Иванъ Кощею на бѣлы груди.
Вострой сабельки при себѣ да не случилосе,
А книжалища у его не пригодилосе
Роспороть-то у Кощея груди бѣлыи.
— Ой даты прекрасная Настасья дочка Митрьевна!

— Да подай-ко мнѣ-ка-ва саблю вострую
— Роспороть-то у Кощея груди бѣлыи,
— А и вынять-то сердечушко со печенью. —
Говорилъ-то Кощей да таково слово:
«А ѣй же ты Настасья дочка Митрьевна!
«Пособи-тко мнѣ Ивана приобдужати.
«Да за мной-то жить дакъ царицей слить,
«А за Ивановъ-то жить дакъ портомойницей
слить.»

Настасья пороздумалась,
Да и взяла-то Ивана за желты кудри,
Да стащила-то съ Кощея со безсмертнаго.
Да и двое одного да приобдужали,
Да связали у Ивана ручки бѣлыи,
Да сковали у Ивана ножки рѣзвыи,
Да привязали-то Ивана ко сыру дубу.
Да пошоль-то Кощей опочиць держать
Съ прекрасные Настасьей дочкой Митрьевной.
Но налетѣло-то два голуба съ голубушкой,
Сѣли они да на сырой дубъ,
Да голубъ-отъ съ голубушкой воркуется,
А носочникъ къ носочнику цѣлуются,
А правильными крыльями обнимаются.
А выходятъ-то Кощей да изъ бѣла шатра,
Да натягае Кощей да свой вѣдь тугой лукъ.
Да накладае Кощей да калену стрѣлу,
Да спущалъ-то Кощей въ двухъ низыхъ голубей,
Да не попалъ-то онъ въ двухъ низыхъ голубковъ.
Высоко-то стрѣла да поднималасе,
Да назадъ-то стрѣла да ворочаласе,
Росколота у Кощея буйну голову,
Роспорота у Кощея груди бѣлыи.
Выходила-то Настасья изъ бѣла шатра,
Говорила-то Настасья таково слово:
— А ѣй же ты Иванъ да сынъ Годиновичъ!
— Возьмешь ли, Иванъ, меня да за себя за мужъ,
— Да отвяжу я тебя да отъ сыра дуба. —
«А и взяти возьму да за себя за мужъ,
«Только дамъ тебѣ я три грозы великіе:
«Первую грозу да бѣлы ручки ѳтрублю,
«А вторую-то грозу дамъ тебѣ
«Сахарніе уста прочь ѳтрублю,
«А третью то грозу дамъ тебѣ,
«Да рѣзвы ножки ѳтрублю.»
Тутъ-то сердце-то женско испугалосе,
Бѣлы рученки у ней да задрожалисе,
Востра сабелька изъ ручекъ повалиласе,
Да на тѣ ли-то тетивочки шелковыи,
Тутъ-то Иванушко на воли сталь.
Да беретъ-то Иванъ саблю вострую,
Отрубилъ-то у Настасьи ручки бѣлыи,

Отрубилъ-то у Настасьи уста сахарніе,
Отрубилъ у Настасьи ножки рѣзвые.
Говорилъ-то Иванъ да таково слово:
«Только Иванъ да женатъ бывалъ,
«Только Иванушко съ женой сыпалъ.»
Да не всякому женитьба издавается;
Издалься-то женитьба Олешу Поповичу,
Да Ивану Годѣновичу.

Записано тамъ же, 14 августа.

—
276.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Въ славномъ-то во городи во Вѣстракави
Очудился-проявился тамъ дѣтинушка незнамый
человѣкъ,
Да незнамой, незнакомый чей, невѣдомый откуль.
Баско-щепеко по городу погуливать,
Черной бархатній кафтанчикъ на распѣшечку
таскалъ,
Перстирску опояску носилъ въ правѣе руки,
Зелены сафьянны сапожки носилъ на шелковѣхъ
чулкахъ,
Черну шляпу со полями носилъ на желтыхъ ку-
драхъ.
Онъ вѣдь штафамъ офицерамъ не кланяется,
Востроканьскому губернатору челомъ не бѣтъ,
А челомъ-то ему не бѣтъ да подь судъ ней-
дѣтъ.
А и увидѣлъ губернаторъ изъ окошка молодца,
Воскричалъ-то губернаторъ громкимъ гѣлосомъ
своимъ,
Громкимъ гѣлосомъ своимъ на своихъ вѣрныхъ
слугъ:
«Ужъ вы слуги мои слуги слуги вѣрные мои,
«Слуги вѣрные мои да банбандѣры урванці!
«Ужъ вы подьте — приведите удалого молодца,
«Удалого молодца да къ губернатору на дворъ.»
Приводили молодца да къ губернатору на дворъ,
Ставовили молодца противъ паратнаго крыльца.
Выходилъ-то губернаторъ на паратное крыльцо,
И говорилъ-то губернаторъ таково слово:
«Ты скажись-ко, скажись, дѣтинушка, незнамый
человѣкъ,
«Да незнамый, незнакомый, невѣдомый откуль!
«Да ты какой орды, какой земли,
«Да какого отца, да чьей матери?
«Али со Дону казакъ, али казачій сынъ?»

Отвѣчалъ-то молодець не съ уаждкою:
— Я не со Дону казакъ да не казачій сынъ.
— Я изъ-за матушки Москвы да я со Камы со
рѣки.
— Со Камы со рѣки да Сеньки Разина сынъ.
— Завтра батюшко прїѣдетъ, дакъ ты умѣй-ко
гостя встрѣтити.
— Хорошо ты гостя встрѣтишь — кунью шубу
подаритъ,
— Ужъ ты худо гостя встрѣтишь — во тюрьму
тя посадитъ,
— А и мало-то тово — дакъ и на висѣлицу. —
Ахъ по утру во полдѣнь да красно солнышко пе-
кѣтъ,
Ахъ по Камы по рѣки да лѣгка лѣлочка бѣ-
житьъ,
И всѣмъ-то лодка изукрашена,
Да молодцами вѣдь эта лодка изусажена.
Въ этой лодочкѣ гребцовъ да сидитъ сѣрокъ мо-
лодцовъ,
Посреди-то этой лодки Сенька Разинъ сидитъ.
Какъ грянули прихватили прямо къ губернатору
на дворъ,
Не успѣлъ-то губернаторъ Сеньки встрѣтити,
Ахъ посадилъ-то Сенька Разинъ губернатора въ
тюрьму,
Мало-то тово сво на висѣлицу.

Записано тамъ же. 14 августа.

—
LIV.

Г-жа ГЕОРГІЕВСКАЯ.

Авдотья Васильевна Георгіевская,
супруга кенозерскаго іерея о. Никиты и дочь
прежняго іерея о. Василья Кенозерскаго. Родилась и всю жизнь провела на Кенозерскомъ по-
гостѣ; ей лѣтъ подь 40. Выучилась былинамъ отъ
крестьянина «Швеца» изъ Массльги Лекшмозер-
ской (Лекшмозеро лежитъ къ югу отъ Кенозера
въ Каргопольскомъ уѣздѣ), который по зимамъ
живалъ для портняжныхъ работъ въ домѣ ея
отца. По словамъ г-жи Георгіевской, причина,
подавшая ей поводъ усвоить себѣ былины, со-
стояла въ томъ, что ея отецъ, отличавшійся осо-
бенною суровостью характера, запрещалъ своимъ
дочерямъ пѣть хороводныя и другія веселыя пѣ-
сни, которыя онъ называлъ грѣховными, и за-

ставляя ихъ пѣть божественныя стихи. Вмѣстѣ съ такими стихами она отъ скуки выучилась п былинамъ, которыхъ знала въ молодости гораздо больше, чѣмъ теперь.

—
277.

ХОТЕНЬ БЛУДОВИЧЪ.

Было на пиру двѣ почестныхъ вдовы:
Первою была Садоваго жена,
А другá была вдова да Огородникова
Наливала вдова да Огородникова,
Еще чарочку да зелена вина,
Подносила вдовы да Садоваго жены:
«Ужъ ты пей-ко, вдова да Садоваго жена!
«Какъ буду я тебѣ да слово говорить,
«А слово говорить да буду свататься.
«У меня-то есть Оадеюшко Игнатъевичъ,
«У тебя-то есть да лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да одинакая дочь.»
Уразила вдова да Садоваго жена
Она чарочку да о сыру землю:
— Ты не хвастай-ко вороной погумѣнью,
— Пусть-ко ворона полетаетъ по загумѣнью. —
И отправилась вдова Огородникова,
И встрѣчаетъ ей Оадеюшко Игнатъевичъ.
«Что же ты, родитель моя маменька, не всело
идѣшь?
«Развѣ мѣстечко да не по вотчины,
«Али чарочка тебѣ да не рядомъ дошла,
«Али пьяница тебя да обезчестила?
— А ѣ же ты дитятеко да моѣ милое!
— Мнѣ-ка мистечко было по вотчинѣ,
— И мнѣ-ка чарочка да вѣдъ рядомъ дошла,
— Пьяница меня не обезчестила.
— А что же ты родился нехорошъ непригожъ:
— Красотою бы родился въ Олѣшеньку Поповича,
— А походочкой бы родился въ Чурила Пленковича,
— А поѣздочкой да въ Илью Муромца,
— А богатствомъ да въ Дюка Степановича.—
«А ѣ ты родитель моя матушка!
«Ты ложись-ко на кроваточку тиговую,
«А на ту ли на перинку на пуховую,
«Пусть-ко дикой-отъ хмѣль да выкуряется
«Какъ паѣдетъ-то къ тебѣ да лебедь бѣлая.»
Какъ садился Оадей да на добра коня,

Да берѣтъ-то Оадей полуратовѣе.
Прѣѣхаль Оадей ко той ли ко вдовы да ко Садоваго жены,
Какъ задѣлъ-то Оадей да полуратовѣемъ,
Сини новыя да пошаталисе,
А крылечушко да приломалосе,
Выходила тутъ да лебедь бѣлая:
— А ѣ же ты ворона погумѣнная!
— Летала бы ворона по загумѣнью.
— У меня-то есть да дѣвять братьовъ,
— Какъ стоятъ они да во чистомъ во полѣ,
— А тебя-то вороны дожидаются. —
Какъ поѣхалъ Оадейко во чистое полѣ,
А задѣлъ-то Оадей да полуратовѣемъ.
Какъ убилъ-то Оадеюшко пятіи братьовъ,
А остатніе братья помирились,
Да Оадеюшку въ ноги поклонилися:
«Ты бери-тко съ насъ да золотой казны.»
Ужъ какъ втáкнулъ Оадей да полуратовѣе:
— Насыпайте-тко мнѣ да полуратовѣе. —
Они пять-то сажень да насыпали,
А три-то сажени не дохвѣтило,
И пошли они къ Чурилушку займовать.
Говорилъ имъ Чурило таково слово:
«Не давайте Оадею золотой казны,
«А отдайте за Оадея сестру родную.»
Говорили они Оадею таково слово:
— Не бери-тко съ насъ да золотой казны,
— А возьми-тко за себя да лебедь бѣлую. —
И па то Оадей да соглашается,
Заѣзжаетъ къ вдовы да Садоваго жены,
Онъ берѣтъ себѣ да лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да одинакую дочь.
Онъ привозитъ ко родители ко матушки:
«Ужъ ты матушка да моя родная!
«И вотъ тебѣ привѣзъ я лебедь бѣлую,
«Лебедь бѣлую да одинакую дочь.»

Записано на Кенозерскомъ погостѣ, 16 августа.

—
278.

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЪ.

Гулялъ молодецъ загуливалъ,
Загулялъ онъ къ королю въ Литву.
Полонилъ его король и сталъ выспрашивать:
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Какого отца да ты коей матери?»
— Ужъ какъ есть да со тиха Дону,

— Со тихого Дону есть донской казакъ,
 — Да Данило сынъ Игнатьевичъ. —
 Полюбилъ король да добра молодца,
 За одиѣмъ столомъ да хлѣба кушалъ,
 Съ одной чарочки или сладкой водочки.
 А жилъ молодецъ да то тринадцать лѣтъ,
 Еще сталъ молодецъ да онъ сталъ погуливать,
 По царевымъ кѣбачкамъ да онъ похаживать,
 А королевскимъ жѣтьемъ онъ похвастьвать:
 — Какъ жилъ въ королевствѣ тринадцать лѣтъ,
 — Со той прекрасной королевичной двѣнадцать лѣтъ.

Какъ стали къ королю вѣсти донашивать,
 Говорилъ король да таково слово:
 «Палачи палачи да немилосливы!
 «Отыщите Данилушку Игнатьева,
 «Отведите къ болотичку Куликову,
 «А ѣй на ту ли на плашечку на ливну,
 «Отсѣйте Данилу буйну голову.»
 Отыскали палачи ево Данилушку,
 Вели-то ево да ко болотечку,
 Говорилъ-то Данило таково слово:
 — Проведите меня по королевству,
 — Позвольте-ко спѣть да пѣсню новую,
 — Пѣсню новую да вѣдь побѣдную. —
 Какъ вели палачи по королевству,
 Запѣвалъ-то Данило пѣсню новую,
 Пѣсню новую да вѣдь побѣдную:
 — Какъ во этомъ-то садичкѣ погуляно,
 — Да со той со прекрасной королевичной,
 — И попыто-то было да ѣй поѣдено. —
 Услыхала прекрасна королевична,
 Не разбирала она частыхъ мелкихъ да лѣсенокъ,
 Выпадала съ окошечка костѣрчата,
 И бѣжала ко родителямъ ко батюшку.
 «Ужъ ты батюшко мой родненьки!
 «Не сѣки-тко Данилу буйной головы.»
 Говорилъ отецъ да таково слово:
 — Ты бѣжи-тко къ болотечку Куликову,
 — Если можешь застать жива да добра молодца,
 — Не казните ему да буйной головы. —
 Еще брала она два ножечка булатные,
 Отправлялась къ болотечку Куликову,
 И не застала жива да добра молодца.
 Ена втакнула ножечки въ сыру землю,
 А ко ножечкамъ сама да выговаривать:
 «Гдѣ тутъ палъ да палъ ясѣнъ соколъ,
 «Тутъ пади-тко пади да лебедь бѣлая.»
 Она пала на ножечки, скололасе.

Записано тамъ же, 16 августа.

279.

Д Ю К Ъ.

Изъ Волинца-то города изъ Далеча,
 Изъ Волинъ-земли было богатые
 Не ясѣнъ ли соколчечкѣ выпархивать,
 Какъ не Дюкъ ли на бурушкѣ выѣзживать,
 Онъ на свивушкѣ да онъ на бурушкѣ,
 Онъ на маленькомъ да на косматенькомъ.
 Еще шерсть-та у бурка ровно трѣхъ пятей,
 Ужъ какъ грива у бурка ровно трѣхъ локотѣ,
 Ужъ какъ хвостъ у бурка ровно трѣхъ сажень,
 Изъ кольца да въ кольцо да завивастся,
 Изъ замочка да въ замочекъ замыкается.
 Поѣзжаетъ-то Дюкъ да во чисто полѣ,
 А Дюку матушка да вѣдь наказывать:
 Государыни Дюку выговаривать:
 «Ужъ ты Дюкъ, ты Дюкъ, да Дюкъ Стѣпановичъ!
 «Ты не ѣзди, Дюкъ, да во чисто полѣ,
 «Ты не бей-ко удалыхъ добрыхъ молодецѣвъ,
 «Ты поѣзди-ко, Дюкъ, да ко синюю морю,
 «А на тѣ ли-то тихіе на заводи.
 «Ужъ ты бей-ко пали да гусей лебеди,
 «Сѣру малую заморскую да утушку.»
 Дюкъ-отъ матушки да онъ послушаётъ,
 Онъ сѣдлаетъ уздаётъ добра копя,
 Онъ и уздицю кладётъ тесмяную,
 Да сѣделко кладётъ да Дюкъ черкальское,
 А подируги кладётъ да Дюкъ шелковые,
 Еще славнаго шолку Шемахинскаго.
 Какъ поѣхалъ-то Дюкъ да ко синюю морю,
 Да на тѣ ли-то тихіе на заводи,
 Еще нѣтъ-то ни гуся да ни лебеди,
 Нѣтъ ни сѣрыя заморскія да утушки.
 Онъ палилъ-то стрѣлялъ да въ бѣла заюшка,
 Онъ повистрѣлялъ да ровно тридцать стрѣлъ,
 Еще тридцать-то стрѣлъ, ровно три стрѣлочки.
 — Тридцати-то стрѣламъ да цѣну вѣдаю,
 — Ужъ я трѣмъ-то стрѣламъ цѣны не вѣдаю,
 — Еще чѣмъ-то стрѣлки были дороги,
 — Чистымъ серебромъ стрѣлки изнавѣдены.
 — Какъ не тѣмъ-то стрѣлки были дороги,
 — Какъ изъ камешка были драгоцѣннаго.
 — А и не тѣмъ-то стрѣлки были дороги,
 — Развѣ тѣмъ эти стрѣлки были дороги,
 — Какъ изъ перышка были изъ орлиного,
 — Еще славнаго орла да изъ чиста поля. —
 Поѣзжаетъ-то Дюкъ да во чисто полѣ,
 Ко тому ли ко бѣлому ко шатрику.

На шатричкѣ подписочка подписана:
Кто во этой-отъ шатёръ зайдётъ тому убиту
быть.

Богатырское сердце не удрогнуёт,
Богатырская кровь да розгорѣлась,
И пришло это Дюкъ да во бѣлой шатёръ,
Онъ и крестъ-отъ кладётъ да по писаному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по учёному,
Онъ бѣтъ-то челомъ да поклопяется.
А сидитъ тутъ старбй да хлѣба кушаетъ,
И говорилъ-то старбй да таково слово:
«А й же ты удалъ доброй молодець!
«Ты на что идёшь да во бѣлой шатёръ,
«Какъ на шатричкѣ-то написано?»
— Я запѣлъ къ тебѣ, старой, распроситисс. —
«Ты куда ѣдешь, куда путь держишь,
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Какого отца да ты и матери,
«Еще какъ тебя зовуть на имя на отечество?»
— Какъ есть я изъ Волянца города изъ Далеча,
— Изъ Волянъ-то земли да изъ богатые,
— Ужь я Дюкъ-то Дюкъ да Дюкъ Степановичъ.—
«А й же ты молодой Дюкъ Степановичъ!
«Мы поѣдемъ съ тобою да силы пробовать.
«А розѣдемся мы да по чисту полю.»
Говорилъ это Дюкъ да таково слово:
— Ты скажисъ-тко, да ты повѣдайся,
— Ты коей земли, ты коей орды,
— Какого отца да ты матери,
— Еще какъ тебя зовуть на имя на отечество?—
«Ужь какъ есть-то есть да со тиха Дону,
«Со тихого-то Дону есть донской казакъ,
«А донской-отъ казакъ да Илья Муромецъ.»
Говорилъ это Дюкъ да таково слово:
— Какъ одно-то пѣ небо да красно солнышко,
— А одинъ-то пѣ Руси да Илья Муромецъ.
— Я не ѣду съ тобой да во чисто полѣ.—
Еще это-то слово показалосе,
За однимъ-то столомъ да хлѣба кушали,
Изъ одной-то чарочки пили сладку водочку.

Записано тамъ же, 16 августа.

—
280.

ПТИЦЫ.

Ди-ди-ди-ди отчего же зима становилась?
Становилась зима да отъ морозовъ,
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны становилось лѣто тепло,

А отъ лѣта становилась богатая осень.
Изъ-за синяго дунайского моря
Налетѣла малая птица пѣвица.
Садиласе птица пѣвица
Во зеленой да во садочекъ,
Ко тому ли ко бѣлому шатрочку.
Налетали малыя птицы стадами,
Садиласе птички рядомъ,
И въ одну сторону да головами,
И пачали птицу пытать:
«А й же ты малая птица пѣвица!
«И кто у насъ за моремъ большой,
«Кто за дунайскимъ меньшей?»
— На морѣ колникъ-отъ царикъ,
— Бѣлая колница царица.
— На морѣ гуси бояра,
— А лебедушки были княгини.
— На мори рябчикъ стряпчой,
— На мори жеравъ перевозчикъ.
— Ножки бѣленьки тоненьки,
— Штаники сненьки узеньки,
— По морю ходить и бродить,
— Штанчиковъ не смочить,
— Кажпую птицу перевозить,
— Тѣмъ свою голову кормить.
— На мори дятель-отъ плотникъ,
— Кажное дѣрево пытайтъ,
— Съ тово ради сытъ пребываётъ.
— А ластушки были дѣвцы,
— Утушки молодцы,
— Чаюшки водоплавы,
— Гагары были рыболовки,
— Много-то рыбы наловили;
— Рыба па горы не бывала,
— Крестьяны рыбы не ѣдали,
— Всѣ она крестьянъ розоряётъ,
— Съ того ради сыта пребываётъ.
— А сипочка она худая,
— Часто милая она хвораётъ,
— Долго она не умираётъ.
— Роботы работать не умѣётъ,
— Казакъ панимать не смыслитъ.
— А ворона богатая птица:
— Въ лѣтнюю пору по суслонамъ,
— А въ зимнюю пору по омѣтамъ,
— Всѣ она крестьянъ розоряётъ,
— Съ тово ради сыта пребываётъ.
— А воробьи были царскіе холопы,
— Кольѣ-жердѣ подбираютъ
— И загоры подпирютъ,
— Всѣ они крестьянъ розоряютъ,

— Съ тово ради сыты пребываютъ.
 — А голубь-отъ на морн попвѣь,
 — А голубушки попадьюшки,
 — А сорока кабацкая жопка,
 — Съ ножки на ножку ступаѣтъ,
 — Черные чѣботы топтаѣтъ
 — Высоко чѣботы топтаѣтъ,
 — Удаляхъ молодцовъ прельщаѣтъ.
 — Пѣтушки казачки были донскіе,
 — Имѣють по хозяйки и по двѣ,
 — По цѣлому да по десятку,
 — И не такъ какъ на Руси крестьянниъ,
 — Одну-го онъ женку имѣтъ,
 — А той нарядить не умѣтъ,
 — А бить-то ей бѣдной не смѣтъ.
 — Курица побѣдная птица,
 — По улицѣ ходить и бродить.
 — Кто вѣдь ей пзымаѣтъ,
 — Всякъ яйца у ей пытаѣтъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

—
 LV.

МАТРЕНА МЕНЬШИКОВА.

Матрена Григорьевна Меньшикова, крестьянка лѣтъ около 40, подруга г-жи Георгіевской, съ которою росли вмѣстѣ; уроженка дер. Якимовой на Кенозерѣ, нынѣ замужемъ въ сосѣдней деревнѣ Горкѣ. Выучилась пѣтъ былины отъ своего отца. Ея отецъ, также какъ и сынъ, грамотные; сама она грамотѣ не знаетъ. Она поетъ, такимъ же складомъ какъ былины, «старину» про Юву и Мару (въ переводѣ Щербини), вовсе не дѣлая различія между этою пѣснью и настоящими былинами. Меньшикова знаетъ, кромѣ печатасмыхъ здѣсь, былины про Добрыню и Маринку, про молодость Чурилы и Молодца и королевну. Про Садка купца богатаго она разсказываетъ словами, изрѣдка переходя къ стихотворному складу, варіантъ, одинаковый по содержанию съ напечатаннымъ выше подъ № 70.

281.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Ото столпяго города Кіева
 Ко славному городу Чернигову
 Пролегала дорога-путь широкая.
 Въ ширину-то дорожка двадцати сажень,
 А въ долину-то дороженка не бывана,
 А боемъ та дороженка не выбита.
 И по той дорожкѣ прямоѣзжія
 Идетъ тутъ калика перехожая.
 Ёнъ волосомъ бѣлъ а бородой сѣдать,
 А гуня на калики сорочинская,
 А трунь на калики тришестова,
 И шляпа у калики шестьдесятъ пудовъ,
 И костыль у калики девяти сажонъ,
 И клюхой идѣ калика подпирастея,
 И подъ имъ мать земля вся колубастея.
 И заходитъ калика на царевъ кабакъ,
 А по кабаку калика-та похаживаль,
 Съ ноги на ногу калика переступывать,
 Веѣ дубовые половки подгибался.
 Говоритъ чумакамъ онъ цѣловальникамъ:
 «Отпустите вина мнѣ полтора ведра.»
 Говорятъ чумаки-де цѣловальники:
 — Какъ не во что старому тѣ вѣрпги.
 — Муница*) на тебѣ вѣдь веретнѣмъ трихнутъ. —
 «А берите въ закладъ у м'ня чудепъ-крестъ,
 «Золотаго крестъ червоннаго золота,
 «А вѣсу-то крестъ тѣне поль-семѣ пуда.»
 Не смѣють за крестъ они принятися,
 Не смѣють ему дати зелена вина.
 Какъ онъ вышелъ на площадь на торговую,
 И скрыкнулъ-де калика змычнымъ голосомъ:
 «Собирайтесь-ко веѣ голи до единого,
 «А купите вина мнѣ полтора ведра,
 «А опохмѣльте калнку перехожю.»
 Собиралися голи до единого.
 Какъ собрали калики да по денежнъ,
 И мало того по копѣсчкѣ,
 И купили калики полтора ведра.
 И принялъ калика единой рукою,
 И выпилъ калика на единой вздохъ,
 И уже самъ говоритъ ёнъ таково слово:
 «Не напоили старика лишь роззадорилн.»
 Какъ шолъ ёнъ ко погребу княженецкому,
 Ёнъ вѣдь замочки руками-то отщалкиваль,

*) «рипсвшка», худое платье.

А двери колоды вошь выпиниваль.
 И заходитъ во погребы княженецкіе,
 И берѣ бочку сороковку подъ пазуху,
 Другу сороковку бралъ подъ другую,
 А третью-ту бочку ѣтъ ногой катилъ.
 И выходилъ на площадь на торговую,
 И скрикнулъ-де самъ онъ зычнымъ голосомъ:
 «Собирайтесь вы голи до единого!
 «Пейте-тко голи зелено вино,
 «Зеленого вина вы пейте до пьяна.»
 Собиралися голи на площадь торговую,
 Пили-де голи зелено вино,
 Зелено вино да пили до пьяна.
 Туту все голи панивалнсе,
 Панивались голи упивалисє.

Записано на Кенозерѣ (дер. Немятова), 16 августа.

—
 282.

ХОТЕНЬ БЛУДОВИЧЬ.

Какъ во стольнемъ городи во Києви
 И у ласкова князя у Владиміра
 Хóрошъ заведенъ да былъ почестной пиръ,
 На многіе князи пиръ на бояра,
 На все сильни могучіе богатыри,
 На все поляницы на удалые.
 И была-де на томъ на почестномъ пиру
 Славна богата Часовенна вдова,
 Другая вдова-де была Збудова.
 Такъ эта вѣдь Збудова вдова,
 Ея наливала чару зелена вина,
 Подносила ту чару славные богатые Часовенной
 вдовы:
 «Выпей-тко ты славная богатая Часовенна вдова.»
 — И я же вѣдь теперь не у тебя въ гостяхъ. —
 «А есть у меня премладый Фотенчикъ Збудовича,
 «А у тебя есть единка та Часовенна.
 «И отдай-ко ты Чединку за Фотѣя замужъ.»
 И она хлопъ по подносу и стаканъ улетѣлъ,
 И такъ-де вдову вѣдь обезчестила,
 И одва вдовница и пиръ кончала,
 И не весела вдова прѣзжала домой.
 И встрѣчає Фотей да родну матушку:
 — Ты свѣтъ государынъ моя матушка!
 — Развѣ мѣсто тѣ было не по вотчины,
 — Развѣ винная чара да не рядомъ дошла,
 — Развѣ пьяница тобою осмѣялсе,
 — И безумница да слово молвила. —

«Ты премладыи Фотеюшко сынъ Збудовичъ!
 «И мѣсто-то мнѣ было по вотчины,
 «И винная чара мнѣ рядомъ дошла,
 «И пьяница-та мной не осмѣялсе,
 «И вдова-та м'ня и прибезчестила.
 «Я за тебя Фотеюшко посваталася,
 «И у славные богатые Часовенной вдовы.
 «Ена хлопъ по подносу и стаканъ улетѣлъ.»
 Говорилъ Фотей да родной матушки:
 — Свѣтъ государынъ моя матушка!
 — Я насмѣшку эту ѳтсмѣюсь. —
 Говорить слуги оупъ своей вѣрныи:
 — А й слуга ты моя вѣрная!
 — Поди на конюшню на стоялую,
 — Выбирай-ко ты двухъ добрыхъ лошадей,
 — И сѣдай-уздай да скоро-на-скоро,
 — Скоро-на-скоро и крѣпко-на-крѣпко,
 — И не ради красы-басы молодецкіе,
 — Ради крѣпости да богатирскіе. —
 И шоль слуга на конюшню на стоялую,
 Етъ сѣдлалъ-уздалъ да двухъ добрыхъ лошадей,
 И не ради красы-басы молодецкіе,
 Ради крѣпости да богатирскіе.
 И поѣхалъ со слугой онъ въ стольній Києвъ
 градъ,
 И заѣхали ко вдовы да во широкій садъ,
 Приломали притоптали все притравнили.
 И вдовы-то дома не случилосє,
 И одна Чадинка пригодиласє.
 Выходила на балхончикъ на точеные,
 Сама говорила таково слово:
 «И что за невѣжа появилсє,
 «И падъ нашимъ домомъ насмѣхаетсє!»
 У Фотей-то ратовьѣ шести сажень,
 Ётъ-де хлопнулъ по балхончику точеному,
 И балхончикъ точеный весь розсыпалсє.
 И прѣзжала вдова-де на широкой дворъ,
 Говорить Фотей да таково слово:
 — Вотъ тѣ славная богата Часовенна вдова,
 — И обсыпъ-ко это ратовьѣ ты золотомъ,
 — И не увезу Чадинки за себя замужъ. —
 Самъ уѣхалъ Фотей да во чисто полѣ,
 И роздѣрнулъ Фотей да тонкой бѣлъ шатѣръ,
 И сказалъ слуги онъ своей вѣрныи:
 — Какъ появится слушка изъ Києва,
 — Ты буди-ко меня да скоро-на-скоро. —
 Эта славна богата Часовенна вдова,
 Она начала собирать да злато серебро
 И обсыпѣть это ратовьѣ шести сажень.
 И пять она сажень вѣдь насыпала,
 И шестой сажени вѣдь нечѣмъ насыпать.

И вы́хала она вѣдь въ стольней Кіевъ градъ,
 И сама говорила таково слово:
 «А й мужики вы всё мнѣ должны!»
 «Ваши головы всё запоручены.
 «А поѣдьте, мужики, вы во чисто полѣ,
 «Убейте Фотеюшка въ чистомъ поли,
 «Я всёхъ мужиковъ васъ во долгахъ прощу.»
 Она справила срядила семи сѣновѣвъ,
 И появиласе силушка изъ Кіева.
 Да будить слуга Фотеюшка Збудовича:
 — А вставай Фотеюшко Збудовичъ!
 — Появиласе силушка изъ Кіева. —
 И встаетъ Фотеюшко Збудовичъ,
 И паразъ зашибъ онъ всёхъ семи сѣновѣвъ.
 «И васъ, мужики, не троню я не единого,
 «Ваше дѣло поновольнѣе.»
 И приѣхаль Фотей ко вдовицы на широкой дворъ,
 И скрикнулъ-де Фотей да зычнымъ голосомъ:
 «Неси, вдова, заниси закладніе,
 «По которымъ золота казна роздѣвана.»
 И несла-де вдова заниси закладніе,
 По которымъ золота казна роздѣвана.
 Роздалъ Фотеюшко эти записи,
 И всё мужики поѣхали да клаялись.
 — Какъ спасибо Фотеюшко Збудовичъ! —
 И взялъ ту Чадишку Часовенну,
 И увелъ ту Чадишечку замужъ за себя.
 Привозилъ Фотей ей въ родной матушки:
 «Свѣтъ государынъ моя матушка!
 «Эту пасмѣшку ты ей отсмѣйся,
 «И втрое ты вдвое и впятеро,
 «Хоть въ портомойниці клади, хоть въ бѣломой-
 ниці.»

Записано тамъ же, 16 августа.

—
 283.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

А на стулѣ на бархатѣ,
 На золотомъ на ремесъчатомъ
 Сидѣлъ тутъ царь Возвягъ,
 Возвягъ сынъ Таврольевичъ.
 Етъ-де суды разсуживалъ
 Всё дѣла приговаривалъ
 И князьевъ бояръ жаловалъ
 Селами, помѣстьями,
 Городамъ съ пригородками.
 И Хому дарилъ Токмою,

И Ерѣму Новымъ-городомъ.
 И Щелкапушка дома не случилосье,
 И уѣхаль Щелкапушко
 Етъ во землю жидовскую,
 Етъ для чѣртова прѣвежу
 Ради дани и выходу.
 Етъ-де съ поля по кóлосу бралъ,
 Съ уллицы по курицы,
 Съ мужика по пяті рублей.
 У ково-де пяті рублей нѣтъ,
 У того онъ жеңу берѣтъ.
 У кого какъ жеңы-то нѣтъ,
 И того самого берѣтъ.
 Какъ у Щелкана не віробинься,
 Со двора вонъ не вірядинься.
 Какъ приѣхаль Щелкапушко
 Изъ земли изъ жидовскіе
 Ко царю на широкой дворъ:
 «Токо токо ты царь Возвягъ,
 «Царь Возвягъ сынъ Таврольевичъ!
 «И ты суды разсуживалъ,
 «Всѣ дѣла приговаривалъ
 «Всѣхъ князьевъ бояръ жаловалъ.
 «И селами помѣстьями,
 «Городамъ съ пригородками.
 «И Хому дарилъ Токмою
 «И Ерѣму Новымъ-городомъ.
 «Подари-тко Щелкапушка,
 «Ты любимаго зятюшка,
 «Мѣня Тверію городомъ,
 «Мѣня Тверію славною,
 «Мѣня Тверью богатою.
 «Двума братцами родными
 «И князьемъ благовѣрнымъ,
 «И Борисомъ Борисовичомъ,
 «И Митріемъ Борисовичомъ.»
 Говорить ему царь Возвягъ:
 — Ты любимые зятюшко,
 — Щелканъ сынъ Дудентъевичъ!
 — Заколѣ-ко чада милаго,
 — Своего сына любимаго,
 — Ты Гордѣя Щелкановича.
 — Нацѣди-ко ты чашу руды,
 — Токо чашу серебряную;
 — Выпей ту чашу руды
 — Стокучиесь передъ Звягой царемъ,
 — Передъ Звягой Таврольевичемъ. —
 Токо взявши Щелканушко,
 Заколѣ чада милаго
 Своѣго смнѣ любимаго
 И Гордѣя Щелкановича.

Нацѣдилъ же ёнъ чашу руды
Токо чашу серебряную.
Выинилъ ту чашу руды,
Стоючись передъ Звягой царёмъ,
Передъ Звягой Тавролевичемъ.
Подарилъ ёго царь Возвягъ
Ёго Тверю городомъ,
Ёго Тверю славною,
Ёго Тверю богатою,
Двума братцами родными
И князёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичомъ
И Митріёмъ Борисовичемъ.
И поѣхалъ Щелканушко,
И заѣхалъ Щелканушко
Къ родной сестры проститися,
Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
«Ты прощай моя родна сестра
«Токо Марья Дудентьевна.» ;
— Ты прощай же мой родной братъ,
— Ужо по роду родной братъ,
— По прозванью окаянной братъ.
— И кабы ти уѣхати,
— И назадъ не пріѣхати.
— Кабы ти самому на ножі остыть
— И на сабли на вострые. —
И уѣхалъ Щелканушко
Еще самъ головой вѣршилъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

LVI.

ЛОСКУТОВА.

Марья Семеновна Лоскутова, крестьянка вдова дер. Горка, лѣтъ 60-ти отъ роду. Былинамъ научилась отъ своего отца, который, по ся словамъ, пѣлъ очень много и между прочимъ зналъ большую былинну про Михайлу Пóтыка, сю теперь забытую. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаются, она пѣла отрывокъ изъ былинны про молодость Чурилы и про братьевъ-разбойниковъ и сестру.

284.

ВАСИЛІЙ ВУСЛАЕВИЧЪ.

Былъ у вдовы единой сынъ,
Былъ Василій сынъ Буслаевичъ.
Ходилъ Василій на великій пиръ,
Всѣ на пиру да напивалпсе,
Всѣ на пиру да наѣдались,
Всѣ на пиру да приросхвастались.
Васильюшко да тѣмъ похвастывать,
Кабы битися-рубиться со Новымъ градомъ,
Со тѣмъ-ли повгородскимъ новымъ старостой.
Сдѣлали залогн ты великіе,
Пописали записи за бóль того,
Что заутра Василью стать да на великій бой,
Битися-рубиться со Новымъ градомъ.
Пошолъ Василій съ пиру вѣдь не весель ёнъ не
радошень,
Буйну голову да понизилъ онъ Васильюшко.
Встрѣчае ёго родна матушка:
«Что ты, Васильюшко, съ пиру идёшь,
«Да не весель вѣдь не радошень?»
«Мѣсто тебѣ бѣло не по разуму?»
«Ли рюмка тебѣ не рядомъ пришла,
«Али пьяница да осмѣялассе?»
Говоритъ Васильюшко да родной матушки:
— Мнѣ мѣсто было да по разуму,
— Мнѣ рюмочка да вѣдь рядомъ пришла,
— Мною пьяница не осмѣялассе.
— Сдѣлали мы записи великіе
— Со тѣмъ ли повгородскимъ новымъ старостой,
— Что заутру мнѣ стать Василью на великій
бой. —
Говоритъ же ёму родна матушка:
«Не за дѣло, Васенька, примаешься,
«Что гдѣ-тѣ битися со Новымъ градомъ,
«Со тѣмъ ли повгородскимъ новымъ старостой.»
Ёна брала мису злата серебра,
Другую брала скатня жемчугу,
Пошла ёна да къ новгородскому да новому ста-
росты:
«Ты новгородскіе да новой староста!
«Ты возьми-тко мису злата серебра,
«А другú берн да скатня жемчугу,
«Оставь моего да сына роднаго.»
Говоритъ же повгородскій новій староста:
— Мнѣ не надо миса злата серебра,
— Не надо скатня жемчуга,
— Надо мнѣ Васильева головушка. —

Приходила ёво родна матушка,
 Врала Василья за бѣлы руки,
 Поводила Василья въ чисто полѣ,
 Посадила Василья во глубокой погребѣ,
 Рѣшоточкой задернула желѣзною,
 Чтобы не выйти Васѣ да не выѣхать.
 Какъ дѣвочка её служаночка,
 Со дубовымъ да со ведѣрышкомъ,
 Пришла къ Василью во (sic) ту погребу,
 Говорила Василью таково слово:
 «Ты Василій сынъ Буславьевичъ!
 «Ты сидишь да вѣдь во погребѣ.
 «Какъ идѣ да шумъ да громъ да во Новомъ градѣ,
 «Какъ твои тѣ дружинишки хорабрие,
 «Какъ тебя Василья дожидаются,
 «Еще гдѣ у насъ да славной воинъ есть,
 «Славный воинъ-отъ Василій сынъ Буславьевичъ?
 Говоритъ же дѣвочки служаночки:
 «Ты одерни-ка рѣшоточку желѣзную,
 «Выпусти Васильюшка на бѣлый свѣтъ.»
 Какъ одернула рѣшоточку желѣзную,
 Выходилъ Васильюшка на бѣлый свѣтъ,
 Ухватилъ Васильюшко черлѣный вязъ,
 Пошолъ Василій по Нову граду.
 Еще сталъ Васильюшко помахивать,
 Какъ куды махнѣтъ — такъ тутъ улнца,
 Назадъ отмахнѣтъ — переулочекъ.
 Ёнъ прибилъ всю силу богатырскую,
 Не оставилъ силы онъ на сѣмена.
 Какъ прослышала да ёго родна матушка,
 Выходила она на крылечко на перѣное,
 Кричала она да зычнымъ голосомъ:
 — Ахъ ты Василій мой да сынъ Буславьевичъ!
 — Сокроти-тко свою силу богатырскую. —
 Ёнъ идѣтъ по мосту то по Волховскому,
 Идѣ старичицо-то Угрюмицо,
 На головѣ несе колоколъ да стонудовые,
 У колокола языкъ двадцати пудовъ.
 Говоритъ старичицо-то Угрюмицо:
 «Молодоѣ куро, не попадай мнѣ,
 «Молодоѣ куро, не попорхивай.»
 Какъ хватилъ Василій онъ черлѣной вязъ.
 Теснулъ Василій по буйной главѣ,
 Слетѣлъ колоколъ да стопудовые.
 Ухватилъ языкъ-отъ колоколнїе,
 Зашьбъ старичица съ одного разу.
 Не старичица ёнъ убилъ да крѣстна батюшка.
 Какъ прослышала ево да родна матушка,
 Выходила она на крылечко на перѣное,
 Какъ крикала ему да сыну родному:
 — Ахъ ты чадо, чадо моѣ милоѣ!

— Ты зачѣмъ убилъ да крѣстна батюшка,
 — Тебѣ самому да вѣдь така же смергъ придѣ. —
 Пошолъ да вѣдь Василій въ дороженку,
 Какъ стоитъ же камень превеличѣющей,
 Какъ на камешку поднись да вѣдь подписана:
 «Еще кто этотъ камень вѣдь перескочитъ,
 «Такъ вѣдь богато будетъ жить.»
 Василій разъ скочилъ, такъ ёнъ не дѣскачилъ,
 А другой скочилъ, такъ тутъ и смерть пришла.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

—
285.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Было у вдовы тридцать трї дочери,
 Да всѣ ёны во грамотѣ повѣучены.
 Всѣ ёны пошли по Божьимъ церквамъ,
 Всѣ ёны сказали: «Боже мой,
 «Боже мой да помилуй насъ!»
 А одна бѣднѣ Софіюшка промѣлвиласѣ:
 — Князь молодой ты Васильюшко,
 — Ты, Васильюшко, подвинься сюдѣ. —
 Бралъ онъ Софію за бѣлы руки,
 Поводилъ онъ Софію въ Божью церкву,
 Накладали имъ да золоты вѣнцы.
 Да провѣдала Васильюшкова матушка,
 Да садиласе она на ворона коня,
 Поѣзжала во Кнѣтай-городѣ.
 А на гривенку взяла зелѣного вина,
 А на другую взяла люта зелья,
 Да Василью наливала люта зелья,
 А Софію наливала зелѣного вина.
 «А Василій испивай, ты Софи не давай.»
 А Василій испивалъ, онъ Софи подавалъ,
 А къ утру свѣту преставиласе.
 А Васильюшку тѣшутъ изъ кленѣва дерева,
 А Софіюшки тѣшутъ изъ елѣшки молодой.
 А Васильюшка несутъ на буйнїхъ головахъ,
 А Софіюшку несутъ на бѣлѣхъ на-рукахъ.
 А Васильюшка хоронятъ по правую по руку,
 А Софіюшку хоронятъ по лѣвую по руку.
 На Софи выросло кипарїсовое древо,
 На Василѣ выростала золотѣ верба.
 А старой отъ идѣтъ такъ наплачется,
 А посередѣ вѣку идѣ надивуется,
 А маленьки ребятка тѣ патѣшатся.

Записано тамъ же, 17 августа.

LVII.

ШУМАНОВЪ.

Еодоръ Григорьевичъ Шумановъ,
крестьянинъ 68-ми лѣтъ изъ дер. Тамницкой-
лахты на Кенозерѣ, по ремеслу каменотесъ,
ослѣпшій лѣтъ пять тому назадъ. Знаетъ хорошо
только одну былинну, здѣсь печатаемую. Онъ ее
перенялъ отъ старика Ивана Григорьева изъ дер.
Ряпусовой, который былъ отличный мастеръ нѣтъ
былинны.

—
286.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

И жнль-то Буславьюшко сто годовъ,
И жнль-то Буславьюшко не старѣлся,
И теперь-то Буславьюшко преставился
Оставалось у Буславья чадо милое,
И премладый Вася Буславьевичъ.
И сталь-то ли Васенька конѣмъ владать,
Конѣмъ-то владать и конѣмъ шурмовать.
И сталь-то Вася по улки похаживать,
И нелѣккія шутки пошучивать,
И нелѣккія шутки непомѣрные:
Ково за руку хватить — ручку выдернѣ,
Ково подъ ногу пнѣ — ножку выпиниваль,
Ково въ голову ударить и въ смерть убѣтъ.
И тутъ ли повгородскіе староста,
И приносить великіе жалобы,
И къ той ли вдовѣ благочестивые,
И премлады Амелфы Тимоѣевны.
«Ай же ты вдова благочестивая,
«И премлада Амелфа Тимоѣевна!
«Уйми своево чада милово,
«И премладова Васю Буславьева,
«И много обидушку дѣлаѣ.»
У тово-ли новгородскаго старосты
И хорошъ былъ заведенъ почестной пиръ
И на сильни могучи богатыри,
И на всѣ полчищи удалые,
И на всѣ па добрые молодцы.
И какъ всѣ на пиру напивались,
И какъ всѣ да пиру наѣдались,
И всѣ на пиру пьяны веселы,
И всѣ на пиру порасхвастались.

И которой-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
И которой-то хвастаетъ золотой казной,
И безумной похвасталъ молодой женой.
И сидитъ-то Василій Буславьевичъ
И ничѣмъ-то Василій не хвастаетъ.
И говоритъ-то новгородскій староста:
«И что ты Василій Буславьевичъ,
«И что ты ничѣмъ не похвастаешь?
— И чѣмъ мнѣ-ка братцы похвастать?
— Да нѣту у м'ня вѣдь добрыхъ коней,
— И нѣту у м'ня золотой казны,
— И нѣту у м'ня молодой жены;
— И похвастаю силой могучіе,
— Итти-то вѣдь биться-драться на весь Новый
градъ
— И съ тѣмъ-ли новгородскимъ старостой. —
И тутъ-то ли они записи записывали,
И къ записямъ бѣлы ручки прикладали,
И завтра-то итти да на Волховъ мостъ,
И биться-то драться со Новымъ градомъ,
И съ тѣмъ ли новгородскимъ старостой.
И пріѣзжаетъ Василій къ своей матушки,
И премлады Амелфы Тимоѣевны,
Онъ не веселъ пріѣзжаетъ не радощенъ.
Говорила ему родна матушка,
Премлада Амелфа Тимоѣевна:
«И что ты ли Вася Буславьевичъ,
«Али что ты не веселъ не радощенъ?
«Али мѣсто тебѣ было не по разуму,
«Али чара тебѣ не рядомъ дошла,
«Али безумница тобой осмѣяласе.»
— Ай ты же родная матушка!
— И мѣсто-то было по разуму,
— И чара та мнѣ вѣдь рядомъ дошла,
— И безумница мной не осмѣяласе.
— И какъ всѣ на пиру напивалисе
— И какъ всѣ на пиру наѣдались,
— И всѣ на пиру поросхвастались:
— Которой-то хвастаетъ добрымъ конѣмъ,
— А которой-то фастатъ золотой казной,
— И безумной пофасталъ молодой женой.
— Я похвасталъ-то силой могучіе
— Итти-то биться-драться на весь Новый градъ,
— И съ тѣмъ-ли новгородскимъ старостой. —
И повела ево да и во чисто полѣ,
И садила ево во темной погрѣбъ,
И темной отъ погрѣбъ сорока сажонъ,
И павалила плиту ровно сто пудовъ,
И наклала кису злата серебра,
И другую наклала скатня жемчуга,
И попесла-то великіе даровья

И тому ли новгородскому старосты.
 «Ай же новгородкіе староста!
 «И прими-ко великіе даровья,
 «И огмѣни-ко моего чада милова,
 «И премладаго Васю Буславьева,
 «Отъ тово ли побонща кроваваго.»
 И говорилъ-то новгородкіе староста:
 — Ай же ты вдова благочестивая,
 — Премлада Амельфа Тимоѳеевна!
 — Не дорого ни злато ни серебро,
 — И не дорого ни скатніе жемчуга,
 — Только дѳрога похвальба молодецкая. —
 И были дружины хоробрые,
 И были слуги были вѣрные,
 Слуги вѣрные и неизмѣнные,
 И пошли оны да и на Волховъ мость,
 И биться-то драться съ Новымъ-градомъ,
 И съ тѣмъ-ли новгородкіемъ старостой.
 Оны бились ровно три вѣдь дня,
 И эта-то дѣвка чернавушка,
 И выходила на Дунай рѣку,
 И увидала это побонща кровавое.
 И эти ево слуги вѣрные,
 И стоятъ оны и по колѣнъ въ рудѣ,
 И буйны головки проломаны,
 И платками головки повязаны.
 И тутъ-то ли дѣвка Чернавушка,
 И тутъ-то она слезно всплакала,
 И приходила она да и во чисто полѣ,
 И во чисто полѣ да и во темной погрѣбѣ,
 И говорила она таково слово:
 «А й же ты, Вася Буславьевичъ!
 «И спишь ли ты Вася просыпаешься,
 «И надъ собой ты невзгодушки не вѣдаешь.
 «И твои-ты вѣдь слуги вѣрные,
 «И стоятъ оны да по колѣнъ въ руды,
 «И буйны головки проломаны,
 «И платками головки повязаны.»
 И скидывала эту плиту ровно сто пудовъ,
 И выпускала Василья на святую Русь.
 И выходилъ-то ли Вася на святую Русь,
 И не попало оружію звѣриное,
 И не попало коньѣ бурземецкой,
 И ратовѣ до девяти сажень,
 И попала осіща телѣжная.
 И пошолъ-то ли Вася на Волховъ мость,
 И на то ли кроваво побонща,
 И началъ-то Вася помахивать.
 А куды-то махнѣтъ — улнцѣ падѣ,
 И повыхахнетъ — дакъ переулочѣкъ.
 И приблизъ-то народу и смѣты нѣтъ

И тотъ ли новгородкіе староста,
 И наклалъ-то кису злата серебра,
 И другую наклалъ скатня жемчуга,
 И понѣсъ-то великіе даровья,
 И той ли вдовѣ благочестивья,
 И премлады Амельфы Тимоѳеевнѣй.
 — Ай же ты вдова благочестивая!
 — И уйми своево чада милого,
 — И премладаго Васю Буславьева,
 — И оставь хоть народу на смена. —
 И говорила ему родна матушка,
 И премлада Амельфа Тимоѳеевна:
 «А й же ты Василій Буславьевичъ!
 «И окроти своё сердце богатырское,
 «И оставь хоть народу на смена.»

Записано на Кенозерѣ, 14 августа.

LVIII.

АНДРЕЙ ГУСЕВЪ.

Андрей Тимоѳеевичъ Гусевъ, изъ Заболотья на Кенозерѣ, худенькой, маленькаго росту старичокъ-крестьянинъ, 70 лѣтъ. Оставшись въ дѣтствѣ сиротой, выучился быллинамъ отъ стороннихъ людей, у которыхъ жилъ въ работникахъ; потомъ завелъ себѣ крестьянское хозяйство, подѣ старость впалъ почти въ нищету. Кромѣ былнинъ, здѣсь печатаемыхъ, онъ зналъ, но довольно плохо, былины про Василья Игнатьевича и Батыгу и про Братьевъ-разбойниковъ и сестру.

287.

ТРИ ПОЊЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старъ по чисто полю,
 Ото младости ѣздилъ до старости,
 Ото старости ѣздилъ до гробной доски.
 Хорошъ былъ у старого доброй конь,
 А батюшко бурушко косматенкой.
 А фость-отъ у бурушка трѣхъ сажонъ,
 А грива у бурушка трѣхъ локотъ,
 А шерсть-та у бурушка трѣхъ пядей.
 А й рѣки озѣра перескакивалъ,
 А мхи-ты болота промежь ногъ пустилъ.

Поѣхалъ путёмъ по дороженки,
 На той на пути на дороженки,
 На дорожки лежить сѣрь горячъ камень,
 На камешки подпись подписана,
 Написана подпись напечатано.
 Отъ камешка три дороженки:
 И во дороженку ѣхать — убиту быть,
 Убитому быть, биту, граблену.
 И во другую ѣхать — женату быть,
 А въ третью-ту ѣхать — богату быть.
 И тутъ-де какъ старъ пороздумалъ,
 А въ каку ѣхать дорожку широкую.
 А во дорожку ту ѣхать богату быть?
 А на что мнѣ-ка старѣму богатство,
 Своево живота класть какъ некуда?
 Въ дорожку-ту ѣхать — женату быть?
 На что мнѣ-ка старѣму жѣнитися,
 И старой-то взять не захочется,
 Молодая-та взять дакъ чужа корысть.
 Я поѣду въ ту дорожку широкую,
 И во которой дорожкѣ-то убиту быть,
 А убитому быть, биту, граблену.
 И поѣхалъ путёмъ по дороженки,
 И по дороженки сорокъ тысячъ разбойниковъ,
 И тутъ атаманъ со атаманью,
 И захватили у стараго добра коня.
 «А сходи-тко ты, старъ, со добра коня,
 «Давай-ко намъ злата да серебра,
 «Давай-ко намъ сватнаго жемчуга.»
 Говорить туто старъ не съ унадкою:
 — И ой же станичны разбойники!
 — У м'ня-то у стараго взять печего.
 — Уздица у м'ня во пятьсотъ рублёвъ,
 — А сѣдѣлышко-то въ цѣлу тысячу,
 — А багюшку бурушку смѣты нѣтъ,
 — Самому старику мнѣ-ка смерти нѣтъ,
 — На бою мнѣ-ка смерть не написана. —
 «Ой же ты старой матѣрой человекъ!
 «Почему у ты сѣдѣлышко да дѣрого?»
 — Потому у м'ня сѣдѣлышко дѣрого,
 — Орленѣ было перьемъ орлинымъ.
 — А не тотъ ли орѣль по горамъ леталъ,
 — А тотъ ли орѣль по морямъ леталъ,
 — Да ушибся орѣль о сирь горячъ камень,
 — Ломалъ ёнъ перья да орлиные.
 — Ёхали купцы зъ-за синя моря,
 — Обирали эти перья орлиные,
 — А врѣзаны камня самоцвѣтные,
 — Самоцвѣтны камень драгоцѣнные.
 — Не ради красы-басы мождецкіе,
 — Не ради крѣпости богатирскіе,

— Ради тѣмныя почки да осенніе.
 — Ходить батюшко бурушко въ чистѣмъ поли,
 — Отъ батюшка бурушка лучи пекутъ. —
 «А й ты же старъ матѣръ человекъ!
 «А много ты сталъ розговаривать.»
 Говорить же старъ не съ унадкою.
 Хватилъ какъ разбойника за ноги,
 Какъ взялъ онъ разбойникомъ помахивать,
 Прибилъ онъ станичныхъ разбойниковъ,
 Убилъ атамана со атаманью.
 Приѣхалъ ёнъ ко тому ли ко камешку,
 Ту вѣдь онъ подпись сорѣзывать,
 А другую-то подпись нарѣзывать,
 А эта-то подпись была ложная:
 А пусть-ко дорожка прямохожая,
 Прямохожая дорожка прямоѣзжая,
 Прочпстилъ Илья старій Муромецъ.
 — Я поѣду въ ту дорожку гдѣ женату быть. —
 Ёдетъ путёмъ по дороженки,
 А стоять терема златоверхіе.
 Заѣхалъ-то старъ на широкой дворъ,
 Привязалъ-то коня онъ вѣдь добраго,
 Ко тому-то столбу ко точѣному,
 Ко тому ли къ кольцу къ золочѣному.
 И выходила прекрасна королевична, '
 На ей было платьѣ самоцвѣтноѣ,
 Самоцвѣтноѣ платьѣ драгоцѣнноѣ,
 На денежку мѣста рублѣмъ не купить.
 Берѣтъ же за ручки за бѣлые,
 Цѣлуе во уста во сахарніе,
 Заводитъ ево во высокъ терѣмъ,
 Становила столы ты дубовые,
 А стлала-то скатерти браные,
 Носила-то кушанья сахарніе,
 Питья носила медвяные,
 Сама говоритъ таково слово:
 «Не унвайся-то, старъ, не уѣдайся-тко,
 «Чередь со дѣвицей забавлятисе.»
 Приводила къ кровати тиловые,
 Ко той ко перинкѣ пуховые.
 «А ложись-ко старой ко стѣночкѣ,
 «Я молода на краю проспю.»
 — Ой же ты дѣвица душа красная!
 — Да нашѣ-то дѣло дорожное,
 — И нашѣ-то дѣло походноѣ.
 — Ложись-ко дѣвица ко стѣночкѣ,
 — А я вѣдь старъ на краю проспю. —
 И хватилъ какъ вѣдь ёнъ по серѣдочкѣ,
 Уложилъ какъ ей да ко стѣночкѣ,
 Кроваточка была у ней ложная,
 Упала во погребъ глубокіе,

Глубокіе погребѣ сорока сажонѣ.
 Въ тѣхъ погребѣхъ во глубокіехъ,
 Наспускаю народу у ней — смѣты нѣтъ:
 Много царей, много царевичѣвъ,
 Много королей и королевичѣвъ,
 Много спящихъ могучихъ богатырѣвъ.
 И ключѣвъ ѣнѣ не роспрашиваль,
 Дверп колоды ногами выпинываль,
 И ропустиль ѣнѣ народѣ по своимъ землямъ,
 По своимъ отцамъ, по своимъ ордамъ,
 По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ.
 Захватилъ онѣ прекрасну королевичну,
 Ухватилъ ю за ноженку,
 Да роздѣруль прекрасну королевичну.
 И ворогилса старикѣ на дороженку,
 И на тѣ розгѣнн на широкіе,
 Да съ камня онѣ пописъ ту сорѣзывать,
 Да новую ту пописъ самѣ нарѣзывать:
 Да прочистилъ Илья да какѣ дороженку.
 «Да поѣду я въ дороженку,
 «Гдѣ ка старому богату быть.»
 А ѣде старикѣ путѣмъ-дорогою,
 Да наѣхаль на дороги сѣрѣ горючѣ камень,
 Да на камешки, гдѣ пописъ подписана,
 Насыпано злата серебра,
 Отвалитъ старикѣ да Ильи Миромцу,
 Отобратъ-де злато серебро,
 Поставитъ три церкви три соборныя:
 Первая-та церковь Спасу пречистому,
 А другая-та церковь Миколы Можамскому,
 А третья-та церковь Егорью храброму.
 Отправилса старикѣ по розгѣнн широкіе
 И старую-ту пописъ срѣзывать,
 Да новую-ту подписъ старѣ подрѣзывать:
 Прочищены дорожки широкіе,
 У старика да Ильи Муромца.

Записано на Кенозерѣ, 16 августа.

—
 288.

ДОВРЫНЯ И МАРИНКА.

По три годы Добрынюшка столарничаль,
 По три годы да пивоварничаль,
 И на четвѣртой годѣ Добрынюшка коня сѣдлалъ,
 Коня сѣдлалъ, да со двора сѣзжалъ.
 Добрынюшкѣ матушки наказывать,
 А Микитичу да наговаривать:
 «А поѣдешъ, Добрынюшка, по Кіеву гулять,

«Поѣдешъ, Микитичъ, да по славному гулять,
 «И не завѣртывай-ко въ улицы мѣщанскіе,
 «А во тѣ переулочки Маринкины.
 «И курва-блядъ Мариночка Игнатьевна
 «Отравила провела да девяти молодцовъ,
 «Отравитъ тебя, Добрыня, во десятыхъ.»
 А Добрынюшка матушки не слушае,
 Поѣхаль Добрынюшка по Кіеву гулять,
 Заѣхаль во улочки мѣщанскіе,
 А во тѣ переулочки Маринкины.
 А курва-блядъ Мариночка догадлива,
 Сама отравчивая.
 У курвы у Маринки у Игнатьевной
 Сидитъ голубокѣ да со голубушкой,
 На еѣ на окошкѣ на косячатомъ,
 А рыльцо-то въ рыльцо оны цѣлуются,
 Правильными крылами обнимаются.
 А натягиваль Добрынюшка ѣнѣ тугой лукъ,
 А накладывае стрѣлочку каленую,
 И стрѣлилъ въ голубка да со голубушкой.
 А не убилъ онѣ голубѣюшка съ голубушкой,
 А пролетѣла стрѣлка во высокъ терѣмъ,
 Убила у Маринки друга милого,
 Друга милого Тугарина Зміевича.
 — А поди-тко, слуга да моя вѣрная,
 — Маринкинымъ богамъ поди не кланяйся,
 — Да дѣвкѣ Маринкѣ ты челомъ не бей,
 — Стрѣлку возьми да самъ вонъ поди. —
 Пошоль-то слуга да слуга вѣрная.
 Говоритъ-то Мариночка Игнатьевна:
 «Кто застрѣлялъ да пусть-ко самъ идѣтъ.»
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердцѣ,
 Маринкинымъ богамъ идѣ не молится,
 И дѣвкѣ Мариночкѣ челомъ не бѣе,
 Стрѣлочку взялъ да самъ вонъ пошоль.
 А курва Мариночка догадлива,
 Да брала ѣна да свой-отъ вострой ножъ,
 А срѣзывать слѣдочки Добрынины,
 И мечѣ во пѣченьку кирпичную,
 Сама ко слѣдамъ да приговаривать:
 «А горятъ какѣ слѣдочки Добрынины,
 «Такъ розгорись-ко у Добрыни ретиво сердцѣ.»
 И розгорѣлось у Добрыни ретиво сердцѣ,
 По дѣвкѣ Маринки по Игнатьевной.
 Маринкинымъ богамъ да идѣтъ молится,
 Дѣвкѣ Маринкѣ да челомъ-то бѣе:
 — Здравствуй, Мариночка Игнатьевна!
 — Ты ли, дѣвица, на выдаванн,
 — А я молодецъ да нежепѣтъ, холостъ,
 — Идешъ ли, дѣвица, за меня замужъ? —
 И говоритъ-то Мариночка Игнатьевна:

«Теперь ты, Добрыня, во моихъ рукахъ,
 «Какъ захочу такъ и поворочу.
 «Обверну тебя во чистó поле сѣрымъ волкомъ,
 «А нѣтъ дакъ во темнй лѣса гнѣдймъ туромъ.»
 И обвернула вѣдь въ темнй лѣса гнѣдймъ ту-
 ромъ.

Прознала его да вѣдь провѣдала,
 Родитель его тѣтушка.

— Ужъ ты курва Мариночка Пгнатьевна!
 — Теперь ты, Маришка, во моихъ рукахъ,
 — Какъ захочу такъ и поворочу.
 — Обверну тебя сорокой шекотливой,
 — А нѣтъ дакъ кобылой водовозницей,
 — Вози-тко ты воду на весь Кіевъ градъ. — *)

Записано тамъ же, 16 августа.

—
 269

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Добрынюшки матушка наказывала,
 А Микитичу да наговаривала:
 «Поѣдешъ, Добрынюшка, ко риченки,
 «Поѣдешъ, Микитичъ, да ко быстрые,
 «И не задумай-ко, Добрыня, ты купатися,
 «И не задумай ты, Микитичъ, да вѣромъ хо-
 дить.»

Добрынюшка матушки не слушаѣ,
 Задумалъ Добрынюшка купатися,
 Задумалъ Микитичъ онъ вѣромъ ходить.
 А на бережку вѣрне, на другомъ вѣнрне.
 Налетѣла змѣя, да змѣя лютая,
 А ладитъ Добрынюшку глотомъ слотить.
 И говоритъ-то Добрынюшка Микитичъ младъ:
 — А нагого слотить да будто мѣртваго,
 — Дай надѣтъ платьѣ богатырскоѣ. —
 И надѣвае ѣнъ платьѣ богатырскоѣ,
 Берѣтъ-то же ѣнъ да саблю вострую,
 Отсѣкъ у змѣи да ѣнъ три хобота.
 А на ту ли пору на то времечко,
 Летитъ-то змѣя, да змѣя лютая,
 Несѣ ѣна да красну дѣвушку.
 Сидитъ-то дѣвица да причитывать
 И ко своей-то косы да желто-русые:
 «И моя-та коса да желто-русовая,
 «Плетенá у родители у матушки,

*) Гусевъ досказалъ словами, что Маришка испугавшись
 «отвернула» Добрыню по старому.

«Во новомъ во высокомъ во теремн.
 «Росплетать станутъ маленьки змѣеныши,
 «Да во тѣхъ во пещерахъ во глубокіехъ.»
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 Поѣхалъ за змѣей да онъ за лютой,
 Во тѣ во пещеры во глубокіе.
 А эта змѣя, да змѣя лютая,
 Да хоче его да вѣдь глотомъ слотить,
 И убирается во пещеры во глубокіе.
 А во тѣхъ во пещерахъ во глубокіехъ,
 А наошено народу тамъ вѣдь смѣты нѣтъ,
 Смѣты нѣтъ да смѣтить нѣможно.
 Сидятъ старички-ты — посѣдатѣли,
 Сидятъ старушки-то — посѣдатѣли,
 У груди висятъ маленьки змѣенышки.
 Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 Розбилъ эти пещеры онъ глубокіе,
 Приблизъ онъ вѣдь маленькихъ змѣенышковиъ,
 Роспустилъ онъ народъ-отъ по своимъ землямъ,
 По своимъ землямъ, да по своимъ ордамъ,
 По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

—
 290.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ-то городи Кіевн,
 У ласкова солнца Владиміра,
 Хорошъ заведенъ былъ почетной пиръ
 На многи на князи, на бояра,
 На сильни могучи богатыри,
 На всѣ поляницы удалые.
 А всѣ на пиру напшвалисе,
 И всѣ на почетномъ наѣдалисе,
 А тутъ всѣ молодцы поросхвастались:
 Иной-отъ хвастаетъ: «у м'ня домъ хорошъ»,
 Иной-отъ хвастаетъ силой богатырскою,
 Иной-отъ хвастатъ: «у м'ня платьевъ много»,
 Иной-отъ хвастатъ отцемъ матерью,
 Безумный-отъ хвастаетъ молодой женой.
 Одинъ молодецъ онъ не пѣтъ, не ѣсть,
 Не пьетъ онъ не ѣсть да не кушаѣ,
 Не кушаѣ да ѣнъ не хвастаѣ.
 А солнышко-то нашъ Владиміръ князь,
 И ходитъ по полатамъ княжевецкіемъ,
 А самъ государъ выговаривалъ.
 Накидывать службу на большаго,
 А большой тулялся за средняго,

Средней гулялся за меньшаго,
 А отъ меньшей-то братаи отвѣту вѣтъ.
 Навинули службу великую,
 А великую службу непомятнуну,
 А на молодца Добрыню Микитича:
 Завтра ему ѣхать въ чисто полѣ,
 Биться-рубиться съ богатыремъ,
 Съ богатыремъ биться съ Ягой-бабой.
 Наказывалъ Добрыня молодой жентъ:
 «Послушай, моя молода жена!
 «Жди-тко меня ровно три года,
 «Другое-то жди меня три года,
 «И жди меня третье три года.
 «Пройдетъ того времечка девять лѣтъ,
 «На десятый годъ домой не жди.
 «Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
 «Хоть за князя поди, за боярина,
 «И за спльня могуча богатыря,
 «Не ходи ты за Олешу Поповича,
 «Олена Поповичъ — крестовой братъ,
 «Крестовой братъ онъ да насмѣшникъ мой.»
 Поѣхалъ Добрыня во чисто полѣ,
 А биться-рубиться съ богатыремъ,
 Съ богатыремъ биться съ Ягой-бабой.
 Подъ краснымъ-то боромъ стоялъ три годы,
 Подъ крутой-то горой стоялъ три годы,
 Подъ ракиновымъ кустомъ стоялъ три годы,
 Туто времечки прошло девять лѣтъ.
 Ой поѣхалъ Илья славный Муромецъ,
 Ой искать онъ баженаго племянничка.
 — Ой же Добрыня Микитичъ младъ!
 — И пьешь ты, ѣси, проклажаешься,
 — Не знаешь незгоды, не вѣдаешь:
 — Твоя молода жена замужъ пошла
 — А и за вора Алешу Поповича.
 — Поневолилъ ей солнышко Владиміръ князь.
 — Севодни у нихъ рукоблтыцо,
 — А завтра у ихъ буде свадьба. —
 «Ой же родитель мой дядушка!
 «Подломилсь у меня ручки рѣзвые,
 «И трѣбалъ у меня ручки бѣлые,
 «И не могу я убить-то богатыря.
 «Пособи-тко убить мнѣ богатыря,
 «А богатыря убить мнѣ Ягу-бабу.»
 — Не честь похвала молодецкая
 — Биться двумъ богатыремъ съ Ягой-бабой,
 — А бей бабу по титкамъ, пинай подъ гузно. —
 И бьетъ бабу по титкамъ, пиналъ подъ гузно,
 Да вѣдъ тутъ же баба и умерла.
 Розсѣлъ эту бабу на мелки куски,
 Розметалъ эту бабу по чисто полю,

Поѣхалъ путемъ по дороженькѣ,
 Ёнъ встрѣтилъ калыку переходую,
 Перехожу калыку переѣзжую:
 «Ты ой же калыка переходая!
 «А скидывай-ко, калыка, платье чѣрное,
 «И надѣвай-ко ты платье Добрынина.
 «Добромъ не даси — забоемъ возьму.»
 И скидывае калыка платью калыческо,
 И поѣхалъ калыкой переходою.
 Приѣхалъ Добрыня Микитичъ младъ
 Ко своей ко родителю къ матушкѣ:
 «И здравствуй Добрынина матушка,
 «А и матушка Омельфа Тимоѣевна!
 «И дай-ко гусѣлка яровчаты,
 «И дай же шалыгу подорожную.
 «Я поѣду къ Алѣши на свадьбу.»
 И говоритъ-то Добрынина матушка:
 — И ой же калыка переходая!
 — Пришолъ ты, калыка, насмѣхаешься,
 — Надо мной безсчастной надъ матерью.
 — Потерялось у мѣня солнце красное,
 — А сегодня закатился младъ свѣтѣлъ мѣсяць,
 — У Добрыни молода жена замужъ пошла. —
 Несѣ ёна блюдо злата серебра,
 А другое несѣ скатня жемчуга,
 И третье мѣди жаровически.
 Поминаетъ Добрыню Микитича.
 «И ой же Добрынина матушка!
 «Какбе у Добрыни было знамечко!»
 — Знамечко было на головушки. —
 Ущупала ёна знамечко.
 Роспекло тёплое красное солнышко,
 Приѣхалъ Добрыня Микитичъ младъ,
 И несѣ она гусѣлка яровчаты,
 И несѣ она шалыгу подорожную.
 Ёнъ поѣхалъ къ Олѣши на свадьбу,
 Приѣхалъ къ Олѣшѣ на свадьбу,
 Ёнъ игрицо игралъ отъ Царяграда,
 Другое игралъ отъ Еросолима,
 Третье играе отъ Кіева,
 И походежня выигрывалъ Добрынины.
 Которы на шру догадались,
 А зъ-заранья съ шру убрались.
 И самъ говорилъ таково слово:
 «Послушай, Алѣша Поповичъ младъ!
 «Прикажи налить чару зелена вина,
 «Поднести-то твоей молодой жены.»
 Наливали ту чару зелена вина.
 Съ руки онъ спустилъ свой злачѣнъ перстенъ:
 «И выпьешь до дна — увидашъ добра,
 «Не выпьешь до дна — не видать добра.»

И выпила до дна й увидала добра,
 А спушонъ съ руки-то злочонъ перстень.
 Она говоритъ таково слово:
 — Не тотъ мой мужъ, кой подлѣ меня сидитъ.
 — Да тотъ мнѣ мужъ, супротивъ меня стоитъ. —
 Хватилъ какъ шалыгу подорожную,
 А взялъ какъ шалыгой помахивать,
 Куды онъ махнѣтъ — туды улица,
 Куды отмахнѣтъ — переулочка.
 А въ буханьѣ какъ не слышно ѳханья,
 А въ охканьѣ какъ не слышно бухканья.
 Хватилъ какъ Алѣшу за желты кудри,
 Ушибъ ѳнъ Алѣшу о сыру землю.
 «Кабы ты вѣдъ былъ не крестовой братъ,
 «Я придалъ бы тобѣ скору смѣртоньку.»
 И говоритъ-то Алѣша Поповичъ младъ:
 — И всѣ-то у насъ братцы женятся,
 — А не всякому женидба пздавается. —
 И только и Алѣша и женать биваль.

Записано тамъ же, 16 августа.

—

LIX.

ХАРЛАМЪ ГУСЕВЪ.

Харламъ Андреевичъ Гусевъ, сынъ
 предыдущаго сказителя. Ему лѣтъ 40. Былныи
 заимствовалъ отъ отца. Кромѣ здѣсь помѣщае-
 мыхъ, онъ зналъ еще былины про Добрыню и
 Маринку и смерть Чурилы.

—

291.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Былъ старъ матѣрь чловѣкъ Илья Муромецъ,
 Былъ у стараго хорошъ добрый конь,
 Рѣкъ, озѣра перескакивалъ,
 Грива-та была да трѣхъ локоть,
 Да фостъ-отъ былъ да трѣхъ сажѣнь,
 Шерсть-то была да трѣхъ прятѣй*).
 Осѣдаль-то старой коня добраго,
 Поѣхалъ во чисто полѣ,
 Ко тому ли камешку горючему.
 На камешки подписъ подписана:
 Во первую дорожку ѣхать — убиту быть,

*) масть — какъ объяснилъ сказитель.

Въ другую-ту ѣхать — женату быть.
 Тутъ-то старъ пораздумалъ:
 «На что мнѣ старому женитися?
 «Старой-то взята мнѣ не хочется,
 «Молодая-то взята дакъ чужа кормить.
 «Поѣду въ дорожку гдѣ убиту быть,
 «А биту-то быть, биту, граблену.»
 Поѣхалъ въ дорожку гдѣ убиту быть.
 Началъ бурушко поскепывать,
 Началъ косматушко помахивать,
 Онъ рѣкъ, озѣра перескакивалъ,
 А мхи ты болота промежъ ногъ пустилъ,
 Наѣхалъ на заставу великую,
 Сорокъ тысячъ разбойниковъ.
 Атаманъ стоитъ со атаманью,
 Захватилъ у стара добра коня.
 — Отдай-ко, старой, золоту казну. —
 Говоритъ-то старой не съ упадкою:
 «А й же станичны разбойники!
 «У м'ня у стара грабить нечего.
 «Сѣделко у м'ня во пятьсотъ рублей,
 «Уздница у м'ня во тысячу.»
 — Почему у тебя она дорога? —
 «Врѣзываны каменя самоцвѣтные,
 «Самоцвѣтны каменя драгоцѣнные,
 «Не для красы-басы молодецкя,
 «Для крѣпости богатырскя,
 «Чтобы видно въ осення ноценьки,
 «Чтобы видно добра коня во чистомъ поли.
 «Еще шуба у м'ня во пятьсотъ рублей,
 «Шапка у м'ня да во тысячу.»
 — Почему у тебя она дорога? —
 «Перена она перьемъ орлинымъ.
 «Не того орла, кой леталъ по синимъ морямъ,
 «И того ли орла, кой леталъ по крутымъ горамъ,
 «Ударился онъ горючь камень,
 «Обломалъ онъ перья орлиныя.
 «Ѣхали куццы Измайловски,
 «Собирали перья орлиноѣ,
 «Везли-то старому въ подарочкахъ.
 «Коню моему цѣны вѣдъ нѣтъ,
 «А мнѣ старику вѣдъ смерти нѣтъ.»
 Хватилъ онъ разбойника за ноги,
 Началъ разбойникомъ помахивать,
 Началъ онъ поворачивать.
 Куды махнѣ — туду улущка,
 Куды отмахнѣ — переулочѣкъ,
 Прибилъ онъ сорокъ тысячъ разбойниковъ,
 Убилъ атамана со атаманью,
 Самъ ли онъ выговаривалъ:
 «Пусть эта дорожка прохожая,

«Прохожа и проѣзжая.»
 «Поѣду въ дорожку гдѣ женату быть.»
 Началъ бурушко поскакивать,
 Онъ рѣки, озѣра перескакивалъ,
 Мхи ты болота промежъ ногъ пустилъ.
 Приѣхалъ къ терему златоверхому,
 Къ той ли стѣны да высокія,
 Къ той ли башни треугольніе.
 Сочилъ онъ черезъ стѣну высокую,
 Черезъ ту ли башню треугольную.
 Приѣзжаетъ онъ на широкой дворъ,
 Стѣзаетъ старъ со добра коня,
 Привязывалъ старой добра коня
 Къ тому ли столбу да точёному,
 Къ тому ли кольцу золочёному.
 Выбѣгала дѣвица душа красная,
 Брала стара за бѣлы руки,
 Цѣловала въ уста сахарніе,
 Проводила во полаты бѣлокаменны,
 Садилась за столы за дубовыя,
 За тѣ ли скатерти бранныя.
 Приносила вина полтора ведра,
 Брала старой единой рукой,
 Выпивалъ-отъ старой па единой духъ.
 Возговорить дѣвица душа красная:
 — А й же ты старъ матѣрь человекъ!
 — Полно пить, ѣсть, веселитися,
 — Пора времечко со мной забавлятися.
 — Ложись-ко ты, старой, на кроваточку,
 — На кроваточку ко стѣночѣ,
 — Я молода на краю просилю. —
 Говорить-то старъ таково слово:
 «А й же дѣвица душа красная!
 «Ты ложись-ко ко стѣночѣ,
 «А я старичокъ на краю просилю,
 «Потому что часто вопъ хожу.»
 Не ложится дѣвица ко стѣночѣ.
 Хватилъ-то старой за бѣлы руки,
 Бросилъ ей на кроваточку,
 Кроваточка была ложная,
 Кроватка у ней провалилесе,
 Сама во погребъ увалилесе,
 Погреба были сорока сажонъ.
 Выходилъ-то старой на широкой дворъ,
 Розломилъ онъ двери дубовыя.
 Выходило изъ погреба глубокаго,
 Сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
 Сорокъ королей, королевичевъ,
 Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
 Простого народу и смѣты нѣтъ,
 Стары старички — посѣдатѣли.

Возговорить старъ таково слово:

«А й же вы люди добрые!

«Росходитесь по своимъ землямъ, по своимъ
 ордамъ,

«По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ.»

Записано тамъ же, 16 августа.

—
 292.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ во городи Києви,
 У ласкова солнца Владиміра,
 Былъ заведенъ хорошъ почётной пррѣ
 На многихъ на князей и на бояровъ,
 На сильны могучи богатыри,
 На всё поляницы удалые,
 На всё ли татары улановы.
 Всё па пиру напивался,
 Всё па пиру наѣдался,
 Всё па пиру роспотѣшилсь,
 Всё па пиру поросхвасталсь:
 Умною-отъ хвастать отцомъ матерью,
 Безумною-отъ хвастать молодой женой,
 Пной-отъ хвастать: «у м'ня конь хорошъ»,
 Пной-отъ хвастать: «у м'ня домъ хорошъ»,
 Иной-отъ хвастать силой богатырскою.
 Добрыня Микитичъ младъ
 Не пѣтъ онъ не ѣсть да не кушае,
 Не кушае Добрыня не хвастае.
 Солнышко Владиміръ князь
 По княженецкимъ полатамъ похаживалъ,
 Руки въ карманахъ понашивалъ,
 Самъ государъ выговаривалъ:
 «Кому-то, братцы, ѣхать съ утра во чисто поле
 «Биться-рубиться съ богатыремъ,
 «Съ богатыремъ биться съ поляницею,
 «Съ поляницею биться со Ягой-бабой?»
 Наклиывали службу великую
 На того ли Добрыню Микитича.
 Поголъ-то Добрыня ко матушки,
 Не веселъ пдѣ не радошенъ,
 Спустилъ онъ очи ясны въ сырú землю,
 Буйпу голову въ плечи могучіе.
 Встрѣчаетъ родилецъ ево матушка,
 Та ли Омельфа Тимоеевна:
 — А й же Добрыня Микитичъ младъ!
 — Что ты не веселъ не радошенъ,
 — Спустилъ ты очи ясны въ сырú землю,

— Буйну голову въ плечи могуціе.
 — Развѣ мѣсто было не по разуму,
 — Развѣ чарка тебѣ не рядомъ дошла,
 — Или дворянскі собаки облаяли,
 — Невѣжа тобой осмѣялase?
 «А ѣ же родитель моя матушка!
 «Мѣсто-то было по разуму!
 «Чарка-та мнѣ-ка рядомъ дошла,
 «Дворянскі собаки не облаяли,
 «Невѣжа-то мной не осмѣялase.
 «Солнышко Владиміръ князь
 «Накиньвалъ службу великую:
 «Заутра-то ѣхать въ чистó полѣ,
 «Биться-рубиться съ богатырѣмъ,
 «Съ богатырѣмъ биться съ поляницею,
 «Съ поляницею биться съ Ягой-бабой.»
 Наказывалъ Добрыня молодой женѣ:
 «А ѣ же моя молода жена,
 «Катерина Миклулична!
 «Жди-тео меня ровно три года,
 «Другое-то жди меня три года,
 «Третье-то жди меня три года.
 «Того времечки пройде девять лѣтъ,
 «На десятый годъ домой не жди,
 «Хоть вдовой живи, хоть за мужъ поди,
 «Хоть за князя поди за боярина,
 «Хоть за сильна могуча богатыря,
 «Не ходи за Олѣшу Поповича,
 «Олѣша Поповичъ — крестовой братъ,
 «Крестовой братъ да насмѣшникъ мой.»
 Осѣдлалъ Добрыня коня добраго,
 Поѣхалъ Добрыня во чистó полѣ,
 Ко тому ли камешку горячому.
 Начали биться со Ягой-бабой,
 Подъ сѣрымъ-то камешкомъ билисъ ровно три
 года,
 Подъ красной-то сѣсной друго три года,
 Подъ крутой-то горой третье три года.
 Того времечки прошло девять лѣтъ.
 Солнышко Владиміръ князь
 Обневолилъ Добрынну молоду жену
 Итти за мужъ за вора Олѣшу Поповича.
 Севодни у нихъ рукобитыцо,
 Завтра будетъ у нихъ свадьба.
 Былъ у Добрынюшки дядюшка,
 Славный-то храбрый Илья Муромецъ.
 Осѣдлалъ онъ коня добраго,
 Поѣхалъ искать онъ племянника,
 Нашелъ онъ племянника въ чистóмъ полѣ,
 Говорилъ-то ему таково слово:
 — А ѣ же Добрыня Микитичъ младъ!

— Что ты пьешь, ѣси, проклажаешься,
 — Не знаешь незгоды не вѣдаешь.
 — Твою ли молоду жену
 — Солнышко Владиміръ князь
 — Обневолилъ итти за мужъ за Олѣшу Попо-
 вича.
 — Севодни у нихъ рукобитыцо,
 — Завтра будетъ у нихъ свадьба.
 «А ѣ же родитель мой дядюшка!
 «Пособи-тко убить мнѣ богатыря,
 «Богатыря убить мнѣ Ягу-бабу.»
 Возговоритъ дядюшка:
 — Не честь-то хвала молодецкая,
 — Двумъ богатырямъ биться съ Ягой-бабой.
 — Вей бабу по титкамъ, пинай подъ гузно. —
 Билъ онъ бабу по титкамъ, пиналъ подъ
 гузно,
 Тутъ-то ей да скоро смерть пришла.
 Разсѣлъ онъ бабу на мелкі куски,
 Росшибалъ онъ бабу по чистó полю,
 Сорокамъ воронамъ на пожраніе.
 Самъ поѣхалъ путѣмъ-дорогой широкою,
 Стрѣтилъ калику прохожую.
 «Здравствуй, калика прохожая!
 «Скидай-ко платье калическо,
 «Надѣвай-ко платье цвѣтное,
 «Платье цвѣтно богатырское.»
 Надѣлъ калика платье богатырское,
 Надѣлъ Добрыня платье калическо,
 Пришоль-то Добрыня ко матушки.
 «Здравствуй Добрынина матушка!»
 — Здравствуй, калика прохожая! —
 Несетъ она блюдо злата серебра,
 Другое несетъ скатня жемчугу;
 Третье несетъ мѣди жаровической.
 — Поминай Добрыню Микитича. —
 Примае блюдо злата серебра,
 Другое примае скатня жемчугу,
 Третье примае мѣди жаровической,
 Поминае Добрыню Микитича.
 «А ѣ же Добрынина матушка!
 «Како у Добрыни было знамечко?»
 — Знамечко было на головушкѣ,
 — Кружокъ-отъ былъ да съ копѣчку. —
 «Погляди-ко у м'ня на головушкѣ.»
 Поглядѣла у калики на головушкѣ,
 Кружокъ-отъ былъ да съ копѣчку.
 Говорила она таково слово:
 — Роспекло-то севодни красно солнышко,
 — Освѣтитъ-то севодни младъ свѣтѣль мѣсяць.
 Возговоритъ Добрыня таково слово:

«А й же родитель моя матушка!
 «Принеси мнѣ шалыгу подорожную,
 «Принеси мнѣ гусѣлка муравчаты,
 «Пойду я къ Олѣши на свадебку.»
 Принесла она шалыгу п... жную,
 Принесла ему гусѣлка аты,
 Пошоль-то Добрыня на свадебку.
 Приходить Добрыня на свадебку,
 Игрище игралъ отъ Царяграда
 Другое игралъ отъ Еросѣлнма,
 Третье игралъ отъ града отъ Кіева,
 Отъ того ли отъ солнца Владиміра,
 Похожденья выигрывалъ Добрынины,
 Которы на ширѣ здогадался,
 Тѣ зараня съ пиру убирался.
 Которы на ширѣ не догадался,
 Тѣ на пиру оставался:
 Оставались воры-разбойники,
 Оставались голы кабацкіе.
 Разгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
 Хватилъ ош шалыгу подорожную,
 Началъ шалыгой помахивать,
 Началъ шалыгой поворачивать.
 Куда махнѣ — туда улица,
 Куда отмахнѣ — переулочѣвъ,
 Онъ силы прибилъ и смѣти вѣтъ,
 Говоритъ онъ Алѣши Поповичу:
 «А й же Алѣша Поповичъ младъ!
 «Прикажи-ко своей молодой женѣ,
 «Налить-то чару зелена вина,
 «Подать-то калки прохожія.»
 Приказалъ Алѣша молодой женѣ
 Налить-то чару зелена вина,
 Подать-то калки прохожія.
 Примае калка прохожая,
 Полагае перстень со правой руки
 Въ чару зелена вина,
 Подавае Алѣшиной молодой женѣ:
 «А й же Алѣшина молода жена!
 «Пей чару до дна — дакъ увидашь добра,
 «Не вынешь до дна — не видать добра.»
 Она пила до дна увидала добра,
 Увидала злачѣнъ перстень
 Младаго Добрыни Микитича.
 Говорила таково слово:
 — Не тотъ мой мужъ, кой подлѣ стоитъ,
 — Тотъ мой мужъ, кой супротивъ стоитъ. —
 Хватилъ Добрыня Алѣшу за желтѣ вудри,
 Ударилъ Алѣшу о сырѣ землю:
 «Кабы былъ Алѣша не крестовой братъ,
 «Придалъ-бы тебѣ скору смѣртоньбу.»

Столько Алѣша и женатъ бывалъ.
 Всякой у насъ, братцы, женится,
 Не всякому женитьба издавается.

Записано тамъ же, 15 августа.

—
 LX.

АНДРЕЕВА.

Ирина Андреева, крестьянка 60-ти лѣтъ.
 Вдова, въ дер. Нямтовой на Кепозерѣ; слышала
 былины отъ стариковъ и поетъ нѣкоторыя изъ
 нихъ, впрочемъ, довольно нескладно. Кромѣ бы-
 лины, здѣсь помѣщаемыхъ, она пѣла еще обще-
 извѣстную женщинамъ старину про двухъ лю-
 бовниковъ и весьма плохой пересказъ того
 самаго варианта былины про Молодца и рѣку
 Смородину, который поетъ Лядковъ (см. № 262).

—
 293.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

А й да во славномъ городѣ во Кіевѣ,
 А у ласкова князя Владиміра,
 А й да пошло пированье почестной пирѣ
 А й да на многіи князи на болре,
 А й да на спльніе могучіе богатыри,
 А й да на всѣ поляницы удалые.
 А й лѣтней девъ идѣтъ ко вечеру,
 А красное солнышко ко западу,
 А й честепь-отъ пирѣ на весели.
 А й всѣ-то на пиру да напивалисе,
 А й всѣ-то на почестномъ наѣдалисе,
 А й всѣ-то на пиру да порасхвасталисе:
 А умной-отъ хвастать отцемъ матерью,
 А й да безумный хвастать молодой женой.
 Да одинъ на пиру да все не весѣль сидитъ,
 Не весѣль ѣнъ сидитъ не радошень:
 «А й что ты Иванъ сынъ Годиновичъ,
 «Не весѣль ты Иванушко не радошень.
 «Развѣ мѣсто-то тебѣ да не по вотчнны,
 «А чара та да не рядомъ дошла,
 «А й ли умница прибезчестила,
 «Аль безумница насмѣяласе,
 «Али пьяница надрыгаласе.»
 — А й послушай-ко, любезный мой дядюшко!
 — А й умница не насмѣяласе,

— А й пьяница не нарыгаласе.
 — А во славномъ городи въ Черниговѣ,
 — А у Митрея гостя торговаго,
 — Естє у него любимая дочь,
 — Любимая Настасья дочь Митреевна.
 — Тѣломъ-то бѣла ѣна, лицомъ свѣрстна,
 — А походочка-то лани златорогіе,
 — Щечки у неѣ будто маковъ цвѣтъ,
 — Брови у неѣ соболнине,
 — А глаза-то у неѣ соколнине,
 — А дородно бы, дядюшка, посвататъсе.
 — А добромъ ѣнъ отдасть, я добромъ возьму,
 — А добромъ не отдасть, забоёмъ возьму.
 — А й силушки дай колько надобно,
 — Золотой-то казны колько требуется,
 — Поѣду я къ Митрію свататься,
 — А на той ли Настасьи Митрѣвичной. —
 А видѣли молодчика саждаючи,
 А не видѣли молодчика поѣзжаючи.
 А прѣѣхалъ ѣнъ въ городъ Черниговской,
 А ко тому ли-то къ Митрею ли гостиному,
 А ко тому ли терему златоверхому,
 А ко тому ли крылечку къ перѣному,
 А ко тому ли столбичку ко точеному,
 А къ колечушку къ золоченому.
 А й да заходитъ Иванъ во високой въ терѣмъ,
 Крестъ-отъ кладѣтъ по писаному,
 Поклоны ты ведеть по ученому,
 Да на всѣ-то четыре сторонушки,
 А й Митрею гостю въ особинку.
 — Ай здравствуй, Митрей торговый гость!
 — А прѣѣхалъ у тебя я посвататъся
 — А на той ли Настасьи Митрѣвнѣй.
 — А й добромъ-то отдашь, я добромъ возьму,
 — А добромъ не отдашь, такъ забоёмъ возьму. —
 Говорить тутъ Митрей таково слово:
 «У меня про тебя и собачки нѣтъ.
 «А у мѣне Настасьюшка просватана,
 «А й да великіе записи пописаны,
 «А къ записямъ-то рученки прикладены,
 «А буйные головушки приложени.»
 Не много Иванушко спрашивалъ,
 Да не долго Иванъ разговаривалъ,
 Захватилъ онъ Настасью за бѣлы руки,
 Да за тѣ-ли за перстни за злаченые,
 Цѣловалъ во уста во сахарніе,
 Выходилъ съ Настасьей на широкой дворъ,
 А садился съ Настасьей на добра коня,
 А поѣхалъ съ Настасьей во чисто полѣ.
 А видѣли молодчика саждаючи,
 А не видѣли куды поѣзжаючи.

Выѣхалъ съ Настасьей во чисто полѣ,
 А раздернулъ шатѣръ бѣлополотняной,
 Надавалъ коню бѣлорова пшена,
 Сталъ съ Настасьей опочивъ держать.
 А нѣ стукъ стучитъ да не громъ гремитъ,
 Лѣтѣтъ тутъ Кошей сынъ Трипѣтовичъ,
 — А й станемъ, Пванушка, мы бой держать,
 — А кому-то будетъ на бою Божья помочь. —
 Какъ уразилъ Кошей о сырѣ землю,
 А ударилъ ѣнъ Иванъ сынъ Годиновичъ.
 «А й же ты Настасья дочь Митрѣвна!
 «А подай-ко ты мнѣ булатнй ножъ,
 «Стану рѣзать поротн ѣго бѣлу грудь,
 «Вынимать сердечушко со печенью.»
 Говорить Кошей сынъ Трипѣтовичъ:
 — Не давай-ко, Настасьюшка, булатнаго ножа.
 — А за мнѣ-то жить тебѣ служанкой слыть,
 — А за мной-то жить тебѣ царицей слыть. —
 А й женское сердце разгорѣлосе,
 А фатла Ивана за желты кудри,
 Ударила Ивана о сыру землю.
 Привязали Ивана ко сыру дубу,
 А сами зашли во бѣлой шатѣръ,
 А й стали со Кошеюшкою опочивъ держать.
 А й на этотъ на сѣрой на дубочекъ
 Налетѣло тутъ два сизыхъ голуба,
 А й голубъ налетѣлъ да со голубушкой,
 А носокъ къ носку ѣнѣ цѣлуются,
 Правильными крылышками обнимаются.
 Направливалъ Кошеюшко тугой лукъ,
 Натягивалъ Кошеюшко калѣную стрѣлу.
 А этая стрѣла Кошеюшку
 Прилетѣла Кошею въ бѣлу грудь,
 Роспорола у Кошеюшка бѣлу грудь.
 А сидитъ тутъ Настасья дочь Митрѣвна,
 Сидитъ тутъ Настасья разгорѣлась,
 А й отъ беретъ откачнуласе,
 А къ другому-то не прыкачнуласе.
 Говорить тутъ Иванъ сынъ Годиновичъ:
 «Отвяжи-тко ты, Настасья, отъ сыра дуба,
 «Я не стану тебя да не бить бранить,
 «Только дамъ тебѣ три грозы три великіе.»
 Женское сердце розгорѣлосе,
 Отвязала Ивана отъ сыра дуба.
 Отрѣзалъ Иванъ бѣлы рученки:
 «А мнѣ-то эти рученки не надобно,
 «Которы обнимали Кошеюшка.»
 Да отрѣзалъ у нею да сахарніе уста:
 «А мнѣ эти устика не надобно.
 «Которы цѣловали Кошеюшка.»
 А отломилъ у ей рѣзвы поженки:

«А мнѣ эти ноженки не надобно,
«Которы заплетали Кощеюшка.»
Да столько Иванъ и женатъ бывалъ.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Болѣ впередъ не знай.

Записано на Кенозерѣ, 12 августа.

—
294.

БРАТЪЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

А жила была да молода вдова,
Молода вдова благочесливая.
А у той вдовѣ было девять сыновъ,
А девять сыновъ да ясныхъ соколовъ,
Во десятые да дочь любимая,
Дочь любимая да одинокая.
А прѣхали да на ей свататься,
Да за мужъ за море да за морянина.
А ея отдала да родна матушка,
Поневолили вѣдь родны братьяца,
А ушла съ моряниномъ она за море,
А девять годовъ да не стоснулося,
На десятой годъ да стосковалосе,
Стала звать просить морянина:
«А поидемъ, морянинъ, со мной за море,
«Со мной за морѣ да къ моей матушки,
«Къ той ли ко вдовѣ благочесливые.»
Какъ шли-прошли да путь-дороженку,
А намъ встрѣтилосе девять школьничковъ,
Девять школьничковъ, девять разбойничковъ.
Какъ морянина да въ море врѣзвили *),
А моряночку да съ собой взяли.
Всѣ разбойнички да опочивъ держа,
А одинъ разбойникъ не спитъ нечто (sic),
У моряночки да сталъ выпрашивать:
— Ты скажись, моряночка, коей земли,
— Ты коей земли да ты коей орды,
— Коего отца да коей матери?
«Есть морянка изъ за снѣга моря,
«Той вдовы благочесливые.
«Меня отдали да родны братьяца,
«Поневолила да родна матушка.»
Говоритъ разбойникъ таково слово:
— Вы ставайте, братцы разбойники!
— Не морянина да въ море врѣзвили,
— Не моряночку да вособѣй взяли:

*) потопили.

— Въ море врѣзвили зятя любимаго,
— Да вособой взяли да сестру родную.—
Всѣ разбойнички да перепалисе,
За рогатинки да пофаталисе,
Три дни, три ночи да не пиваючи,
Не пиваючи да не ѣдяючи,
У морянина душу добываючи.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
295.

НЕБЫЛИЦА.

Старина скажу стародавнюю,
Стародавнюю да небывалую.
Хорошо сказать, да лучше слухать.
Побѣдна головушка бурлацкая,
Соскопилась гривна передъ злыми дни.
«На кабакъ иду да на вино пропью,
«На остатній грошь да табаку возьму,
«Дунай, Дунай, Дунай, впередъ болѣ не знай.»
А не курица подъ стопоку агниласе,
Не кобыла на лыжахъ прокатиласе,
Клепнина въ ели да бѣлку слаяла,
Бѣлку слаяла да дѣтокъ вывела.
Малы дѣточки да поросяточка,
По сучкамъ вися, да полетитъ хотя,
Полетитъ хотя да по поднебѣсью.
По поднебѣсью братцы медвѣдь летитъ,
Медвѣдь летитъ, самъ фостомъ вертитъ.
А за плотной стѣной было за жарновомъ,
Роздралася свекрова со невѣсткою,
Ѣпа мутовками да поварѣнками,
Тараканъ шельмѣ да ѣтъ въ портки насралъ.

Записано тамъ же, 12 августа.

—
LXI.

СТЕПАНЪ МАКСИМОВЪ.

Степанъ Ильичъ Максимовъ, крестьянинъ-земледѣлецъ и отчасти каменотесъ, изъ дер. Немытовской. Выучился былинѣ про Илью Муромца отъ Трофима Романова изъ дер. Пирзаковской, что на Колодозерѣ (Пудожскаго уѣзда), извѣстнаго, сказителя со словъ ко-

того записано 8 былинъ въ сборникѣ г. Рыбникова (этотъ Трофимъ Романовъ умеръ въ 1870 году). Прочій «старинки» Максимовъ переписалъ дома, у своей тетки.

—
296.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Во стольномъ городи во Кіевѣ,
 Да у ласковаго князя у Владиміра,
 Да собранъ-то былъ почестной пиръ,
 Да на многіе князи всихъ на бояровъ,
 Да и сильныхъ на могучихъ богатырей,
 Да на ихъ поляницу *) на удалую,
 Да на всѣхъ-то купцевъ-гостей торговыхъ.
 Самъ ли солнышко спотѣшился,
 Да кого дарилъ онъ городами-то,
 Да кого-то дарилъ и съ пригородами,
 Да кого-то дарилъ и селамп-то,
 Да селами-то дарилъ да съ присѣлками,
 А Ильи-то подарилъ да шубу кунью-ту,
 Да-де тотъ воротникъ соболіные.
 Да Ильи-то шуба не въ честь пришла,
 Да не въ честь пришла, не въ хвалу дошла.
 Да повѣсь-то-де шубу онъ на кухнѣ,
 Да таскаль-то-де шубу онъ по кухнѣ,
 Да самъ-то-де шубѣ приговариваетъ:
 «Таскаю я какъ шубу соболіную,
 «Оттаскаю змѣя царя Калина,
 «За его-ль-то за кудерышка желтые.
 «И обливаю шубу зеленымъ виномъ,
 «И оболется его сердце ретивое,
 «Да ево ли-то кровью горячею.»
 Да-де была тутъ дѣвушка чернавушка,
 И доложила то солнышку Владиміру:
 — Ужъ ты солнышко Владиміръ князь!
 — Какъ и былъ-то Илья у мѣна на кухнѣ,
 — Да таскаль ѣнъ шубу какъ и кунью-ту,
 — Да-де самъ-то онъ шубѣ приговариваетъ:
 — Оттаскивать-ли мнѣ князя да Владиміра
 — И за его ли-то кудерышка за желтые,
 — Обливалъ-то де шубу зеленымъ виномъ,
 — Самъ-то ли шубѣ приговариваетъ:
 — Оболется ли солнышко Владиміръ князь
 — Да своей-то ли кровію горячею
 — И отъ монхъ-то рукъ да отъ бѣлыхъ.
 Да разсерчался-то солнышко Владиміръ князь,

*) дружина богатырей, — у каждаго богатыря дружина.

Да скричаль своимъ да громкимъ голосомъ:

«Ахъ вы сильніе могучіе богатыри!
 «Да отведите вы Плью да вѣдь во погребъ,
 «И навалите чугунную рѣшеточку,
 «И завалите дубъ-колодыя со всѣ стороны,
 «Да заройте песками ево желтыма.»

Привзжають тутъ богатыри:

— Ужъ ты старые казакъ Илья Муромецъ!
 — Приказалъ намъ солнышко Владиміръ князь
 — Посадитъ тебя въ погребы глубокіе,
 — И навалитъ-то рѣшеточку чугунную,
 — И завалитъ-то дубъ-колодемъ со всѣ стороны,
 — Да зарыть-то песочками желтыма. —
 И говоритъ-то Илья да таково слово:
 «Да-де что со мною подѣлаете?»
 Да говорятъ богатыри таково слово:
 — Да не одно ли солнышко на небѣ,
 — Не одинъ ли богатырь на святой Руси,
 — Старые казакъ Илья Муромецъ.
 — Да выведи изъ неволи изъ великія,
 — Побѣдитъ насъ солнышко Владиміръ князь. —

Да садился Илья да на добра коня,
 Да поѣхаль Илья да и во Кіевъ градъ,
 Не заѣхаль Илья во Кіевъ градъ,
 Да поѣхаль ко погребу глубокому.
 Соходилъ-то съ коня да онъ со добраго,
 Да спимае сѣдельшко черкальское,
 Да спимае уздицу да тесмяную,
 Да спущае онъ бурушка на Божью волю.
 Да спушался Илья во погребы глубокіе,
 И навалили рѣшеточку навалили,
 И навалили дубъ-колодыя со всѣ стороны,
 Да зарыли песочками какъ желтыма.
 Какъ провѣдала княгиня да Апраксія,
 Да конала-то ли копи да глубокіе,
 Да къ старому казаку да къ Ильи Муромца
 Да послала-то ѣствы сахарніе,
 Да ставила напитокъ медовые.
 Да сидѣлъ-то Илья да онъ три годика,
 Да провѣдалъ-то царь-змѣи Калиновъ,
 Да собралъ силы сорокъ тысячей,
 Подошолъ ѣнъ къ городу ко Кіеву,
 Посылае посланника строгаго:
 «Ужъ ты солнышко Владиміръ князь!
 «Ваше-то царство пожрѣмъ-поплѣнимъ
 «И головней покатымъ,
 «А тебя-то возьмемъ во поварники,
 «Молодую-то княгину да въ постельницу.»
 Да некому-то князя замѣнитъ-то.
 Говорила княгиня-то Апраксія:
 — Да иди-тко ты къ погребамъ глубокиемъ

— Да отрой-ко песочкы ты желтые.
 — Отвали-ко ты дубь-кѳлодыя на все стороны,
 — Отвали-тво рѳшоточку чугушную,
 — Да проси старика да Плью Муромца. —
 И говоритъ-то-де солнышко Владимиръ князь:
 «Да вѳдь нѳтъ-то Ильи да въ живностяхъ.»
 Да приходитъ ко погребамъ глубокіемъ,
 Да отрыль-то песочки да желтые,
 Отвалиль-то ли дубь-кѳлодыя на все стороны,
 Отвалиль-то рѳшоточку чугушную,
 Да сидитъ-то Плья вѳдь въ живностяхъ.
 И говорилъ-то де солнышко Владимиръ князь:
 «Ужь ты выдь-то Плья да пзь погреба.
 «Какъ подступилъ-то змѳй-царь Калиновъ
 «Подъ нашъ да подъ Кіевъ градъ.»
 — А нѳтъ у м'ня силы теперь по старому. —
 И приходила-то княгиня какъ Апраксія
 Съ спротами да съ вдовами людьми бѳдныма,
 Да просила-то Плью да съ униженіемъ:
 «Да встань ты, Плья, да какъ пзь погреба,
 «Да ли выдь ты, Плья, да на святую Русь.»
 И выходилъ-то Плья да какъ пзь погреба,
 Да скривалъ ѳнь теперь да громкимъ голо-
 сомъ:
 «Ахъ ты бурушко да ты косматые! —
 Да накладывалъ уздечку тесьмяную
 Да накладывалъ сѳдѳлышко черкальское,
 Да поѳхаль-то Плья да во Кіевъ градъ.
 Да заѳхаль-то Плья да на широкой дворъ,
 Да заходитъ-то въ полаты княженецкіе.
 Да встрѳчае ево солнышко Владимиръ князь
 Да не одно-то ли солнышко на небѳ,
 Не одинъ ли богатырь на святой Русь,
 Старые казакъ да Плья Муромецъ.
 Да на эту пору да на времечко,
 Да является посланникъ и какъ строгіе,
 Да и требуетъ отъ солнышко Владимира,
 Да и требуетъ ево да во чисто полѳ.
 Говоритъ-то Плья да какъ и Муромецъ:
 — Ахъ ты солнышко да Владимиръ князь!
 — Принесп-тко вина да полтора ведра,
 — Да ты потчуй посланника строгаго. —
 Да берѳтъ-то посланникъ вино еднѳой рукой,
 И выпиваетъ ѳнь на единый духъ.
 — Принеси еще вина полтора ведра. —
 Да берѳтъ-то вино онъ еднѳой рукой,
 И выпиваетъ ѳнь на единый духъ.
 — Принесп-тко ты да пива крѳнкаго,
 — Да подай-то ему да полтора ведра. —
 Да берѳтъ-то-де пиво онъ еднѳой рукой,
 Выпиваетъ на единый духъ.

Говоритъ-то старина таково слово:
 — Ахъ ты солнышко да Владимиръ князь!
 — Да хорошъ къ намъ пріѳхаль гостюшко,
 — Да выпилъ напитокъ полията ведра. —
 И говоритъ-то старикъ таково слово:
 — Да ѳ отсрочьте вы время трѳи сутокки. —
 Да садился Плья да на добра коня,
 Да поѳхаль Плья да во чисто полѳ,
 Да пскать-то дружины своей храбрые.
 Говоритъ ему бурушка косматая:
 «Поѳзжай-ко, Плья, да ко снѳю морю,
 «Да стонтъ-то дружина у снѳя моря,
 «Да служила молебные богомольнѳе.»
 Да розѳѳхался старикъ да Плья Муромецъ
 И поклонился-то пмъ съ униженіемъ.
 — Да заступимъ мы да за Кіевъ градъ,
 — Да не длѳ ради князя Владимира,
 — Съ молодой-то княгиней Апраксіей,
 — Да длѳ ради дому Богородицы
 — Да длѳ ради вдовъ спрѳтъ людей бѳдныихъ. —
 И отвѳчать-то дружина и какъ храбрая:
 «Ты старые казакъ да Плья Муромецъ!
 «Да однажды отъ Кіева отказаны.»
 И воротился Плья да онъ ко Кіеву,
 И пріѳхаль онъ къ дядюшкѳ родимому.
 — Да любимый мой какъ дядюшка Самсонъ
 богатырь!
 — И пособи защититъ да за Кіевъ градъ.
 — Да не для ради князя Владимира,
 — Да не длѳ ради княгини Апраксіи,
 — Да длѳ ради дому Богородицы,
 — Да длѳ ради вдовъ спрѳтъ людей бѳдныихъ.
 — Да не много то я да не поправился. —
 Да подѳхаль онъ ко городу ко Кіеву.
 Обступила-то спла больша армія
 Да ко нашему городу ко Кіеву,
 Да ли бьютъ въ колоколы во церковные,
 Проклинаютъ старика да Плью Муромца.
 И разсерчался Плья Муромецъ,
 Да заѳхаль-то въ рать силу великую,
 Да вынимаетъ старикъ шалыгу подорожную,
 Да и началъ шалыгою помѳхивать.
 Да куда-то махнѳтъ — да какъ улица,
 Да куда ѳ отмахнѳтъ — переулочокъ.
 Да скричалъ-то ли царь громкимъ голосомъ:
 «Ужь ты старые казакъ да Плья Муромецъ!
 «Да отсрочь-ко ты времени трѳи сутокки.»
 Говоритъ-то старикъ да Плья Муромецъ:
 — Да не дамъ-то тебѳ да нисколѳшенько. —
 «Да отсрочь-ко ты мнѳ хоть на сутокки.»
 Да дозволил Плья да какъ на сутокки.

Да-де въ эту пору въ это времечко
 Да копали-то кони глубокиѣ,
 Да спускали телѣги ордынскіе,
 Становили-то копыя бурманецкіе,
 Зарывали песочками желтыма.
 Да слышались-то бурушко незгодущку,
 И говоритъ-то Ильи да таково слово!
 — Да великое несчастіе подведено.
 — Да на той-то дорожкѣ на латышкыной,
 — Да на тѣхъ-то сковахъ богатырскіехъ,
 — Да ли выкопаны кони глубокиѣ,
 — Да ли спущены телѣги ордынскіе,
 — Становили-то копыя бурманецкіе.
 — Да перву-то копь перескочимъ мы,
 — И другую-то копь перескочимъ мы,
 — А въ третью-ту копь сами врѣжемся. —
 И разсерчался старикъ да Илья Муромецъ,
 И да садился на бурушка косматаго,
 Да и билъ-де бурушка по тучнымъ ребрамъ.
 И на бою-то Ильи смерть не писана.
 Да поѣхалъ Илья по дорожкѣ по латышкыной,
 Да по тѣмъ-то скокамъ богатырскіемъ.
 Да-де первую копь пересакаливали,
 Да другую-ту копь пересакаливали,
 Да-де въ третью-ту копь сами врѣзались.
 Да взлетѣлъ-де бурушко косматые,
 Да изъ тѣхъ-то коней изъ глубокиехъ,
 Да скакнулся старикъ да Илья Муромецъ,
 Да схватила его сила больша армія,
 И завязали ему очи ясныя.
 И повели-то Илью да по чисту полю,
 И говоритъ-то царь таково слово:
 «Да ѣ отправте его да во свою землю *).»
 И говоритъ-то Илья да таково слово:
 — Да повѣсьте меня да во своей земли **),
 — Да во славномъ-то городѣ во Кіевѣ. —
 И повели-то Илью да ко висѣлицѣ,
 И сопровожаютъ Илью да какъ и Муромца,
 Со всѣми звонами-то съ церковнымъ.
 Да идѣтъ-то старикъ потихохонько,
 Да разглядывалъ старикъ помелѣохонько,
 И осматрѣлъ-то овъ да ѣ богатыря,
 Да которій богатырь пилъ вина да полъ - пята
 ведра,
 И ухватилъ-то богатыря за ноги,
 Да и началъ онъ богатыремъ помахивати:
 Такъ куда-то махнетъ — туда улнца,
 Да куда отмахнѣтъ — переулочѣтъ.

*) г. е. въ землю царя Калина.

***) г. е. на Руси.

Да прибилъ-то всѣхъ до единого,
 И самого-то царя да во плѣтъ ѣтъ бралъ,
 Да садилъ-то въ засадушки во крѣпкіе.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

—
297.

СТАРИНА О БОЛЬШОМЪ БЫКѢ.

Да всѣ-то теперь разбѣжались,
 Да всѣ-то теперь роскучались
 И со того со двора со боярскаго,
 Да со того помѣстья государскаго:
 «Да, князья, послушайте,
 «Да, бояра, послушайте,
 «Да мужички, ты земскіе,
 «И старички деревенскіе,
 «Да ребята мѣхотныя,
 «Да крестьянущка мѣхотныя,
 «И не шумите — послушайте.
 «Да я вамъ старинушку скажу
 «Про тово-де большово быка,
 «Рободановка,
 «У котораго степи *) рукой не достать.
 «Промежду-то рогами косая сажень,
 «На рогахъ была подпись-та книжная,
 «Того Василья Богдановича,
 «Самого де Рободановича.»
 Да ли былъ Алѣшенька Бутятинъ-отъ,
 Да не ѣлъ ли онъ да ни утятинки,
 Да не ѣлъ ли онъ ни лебедятинки,
 Захотѣлъ поѣсть урослой телятинки,
 Да-де собралъ ѣтъ почестной пиръ.
 И говорилъ-то Алѣша таково слово:
 — Да кто бы у м'ня да во честномъ пирѣ,
 — Да кто бы у м'ня да на ножку скоръ,
 — Да кто бы у меня да на походку легобъ,
 — Да скочилъ бы за Москву за рѣку,
 — Да на тотъ бы на боярской дворъ,
 — Ко тому бы боярину,
 — Да къ Василью Богдановичу,
 — Къ самому Рободановичу. —
 Да былъ Зеновка на ножку скоръ,
 Да былъ на походку легобъ,
 Да скочилъ за Москву за рѣку,
 Да на тотъ ли на широкій дворъ,
 Да къ тому ли Василью Богдановичу,

*) мѣсто надъ передними ногами.

Къ самому ёнъ да ли Рободановичу.
 Да обуль-то бытца *) въ лапотци,
 Да повернулъ быка пятами на перёдъ,
 Да самъ-то быку да приговаривалъ:
 «Да кто-то быка какъ увёлъ,
 «Да тому бы какъ безвѣстно уйти.
 «Да кто-то быка къ дѣреву вязалъ,
 «Да тому бы какъ въ то вѣзпо **) попасть.»
 Да былъ Алёшенька мясникъ,
 Да были у его кулаки толсты.
 И розскачилъ быка палкой въ лобъ,
 Да ткнулъ-де ево ножомъ въ бокъ.
 Да сдирали кожу съ бычочочка,
 Совивали кожу трубочкой,
 Завязали кожу урывочкомъ,
 Понесли кожу кожевнику.
 Ихніе урывочекъ срывается,
 Пхна кожа розвивается,
 Да собаки ты облаяли,
 Да черные вороны ограили,
 Пала кожа — дѣло не ўдало ***).
 Три года въ дѣли была,
 Да серёбочка у ей повыгнила,
 Да крабчочкой у ей да не осталосе,
 Да-де вовсе-то кожа потеряласе.
 Да тому-то кожевнику
 Да набили-то спину кнутомъ,
 Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
 Да двѣстѣ съ полтиною,
 Да полно, дѣло покинули.
 Да не люди-ты добрые,
 Да не заступы-ты брѣвкіе,
 Да не гости-ты Стрѣганые,
 Да только кожевнику бы головой вершить.
 Да та бѣда не бѣда,
 Лишь бы больше впередъ не была.
 Да была Марья Кишочница,
 Она старая харчевница.
 Да состроила харчевенку,
 Наварила она студенца,
 Наварила она хорошаго,
 Да сварила она съ прѣросью,
 Господамъ-то ѣсть было съ лёгостью,
 Да не съ того ли большого быка,
 Рободановика,
 У котораго стѣни рукой не достать,
 Промежду-то рогами косая сажень,

*) быка.

**) веревка, привязанная къ рогамъ.

***) плохо.

На рогахъ была подпись-та книжная,
 Того Василья Богдановича,
 Самого-де Рободановича.
 Да той-то Марья Кишочница
 Да набили-то спину кнутомъ,
 Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
 Да двѣстѣ съ полтиною,
 Да полно, дѣло покинули.
 Да не люди-ты добрые,
 Да не заступы-ты брѣвкіе,
 Да не гости-ты Стрѣганые,
 Да только бы Марья и головой вершить.
 Да та бѣда не бѣда,
 Лишь бы больше впередъ не была.
 Да былъ у ихъ Васенька,
 Да былъ у ихъ Васильюшко,
 Да строилъ онъ волянчочку
 Да на новую переладочку.
 Да сталь-то Васенько пощалькивать,
 Да стали господа-ты пощалькивать,
 Да стали Василья подхвалять.
 — Да то-то нашъ Васенька,
 — Да тотъ нашъ Васильюшко!
 — Какъ состроилъ онъ волянчочку,
 — Да не съ большого ли быка,
 — Рободановика,
 — Промежду-то рогами косая сажень,
 — На рогахъ была подпись-та книжная,
 — Того Василья Богдановича,
 — Самого-де Рободановича. —
 Да тому-то ли Васенькѣ
 Да набили спину кнутомъ,
 Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
 Да двѣстѣ съ полтиною,
 Да полно, дѣло покинули.
 Да не люди-ты добрые,
 Да не заступы-ты брѣвкіе,
 Да не гости-ты Стрѣганые,
 Да только Василью и головой вершить.
 Да тотъ-то быкъ сталь во шестьсотъ рублѣвъ,
 И во шестьсотъ рублѣвъ кромѣ становихъ
 костѣвъ.
 Дунай, Дунай — больше впередъ не знай.

Записано тамъ же, 17 августа.

LXII.

АНДРЕЙ МАКСИМОВЪ.

Андрей Ильичъ Максимовъ, меньшей братъ предыдущаго, крестьянинъ-земледѣлецъ, 35 лѣтъ отъ роду. Знаетъ только одну нижеслѣдующую «старину», которую пѣвалъ его дѣдъ, жившій въ той же деревнѣ Нематовой.

298.

ПТИЦЫ.

Изъ-за синяго дунайскаго моря
Вылетѣла малая птица,
Малая птица синица.
Садилася птица синица
На высокое дерево калину,
Начала птица та пѣти,
На Русь голосъ подавати.
Услышали русскія птицы,
Слѣталися птицы стадами,
Садилсь около рядами,
Въ одну сторону да головами.
Начали птицы ты пѣти,
Заморскую птицу питати:
«Скажи-ко, заморская птица,
«Всю-ту суцу правду неутайну:
«Кто у васъ за моремъ больше,
«Кто за дунайскіемъ меньше?»
— Глупая русская птица!
— Зачѣмъ же сюда налетѣла,
— Про синее море спросила?
— Всѣ у насъ за моремъ большія,
— Нѣтъ за дунайскіемъ меньшіе:
— Цари ты всѣ царя по царствамъ,
— Поны ты поны по погостамъ,
— Купцы бояра по посадамъ,
— Крестьяна живутъ по деревнямъ.
— Колпикъ былъ на мори царикъ,
— Вѣлая колпца царца.
— Солóвьюшко былъ веселіе,
— Всякіе свирѣла играе,
— Всѣ ли царя спотѣшае.
— Голубъ-отъ на мори поппикъ,
— Голубушка та попадейка.

— Кóсачки дьячки церковны.
— Тетери были дьячицы,
— Кúликъ пономарь церковный,
— Травникъ былъ на мори трапезникъ,
— Зуй-отъ ли былъ портомойникъ,
— Жеравъ-отъ былъ перевозникъ:
— Всякую птицу перевозить,
— Ноженки тоненьки долёнки.
— Штанчикъ были узеньки,
— Глúбоко по берегу бродить,
— Цвѣтнаго платища не мочить.
— Гуси-ты на мори бояра,
— Бѣлая лебеди княгини,
— Ластушки были дѣвицы,
— Утушки ты молодичи,
— Сѣлезни гости торговли,
— Чаюшка та водолавка,
— Гагара была рыболовка:
— Всю-то ли рыбу приловила,
— Та-то ли рыба
— На горы не бывала,
— Той-то ли рыбы
— Крестьяна не ѣдали.
— Мошникъ-то на мори крестьянникъ,
— Кóпчала крестьянская жонка,
— Дроздъ-отъ у нихъ казаченко:
— Колья жердѣ подбирае,
— Вѣгорода подшпрае.
— Ястребъ на мори разбойникъ,
— Сова-то ли былъ подорожникъ,
— Въ дѣревни оны летаютъ,
— Великую дань собираютъ.
— По куры берутъ по другой,
— Для сердія ради по чегыре.
— Дятель-отъ на мори плотникъ,
— Желна-то церковные мастеръ.
— Галушки были цыганки,
— Вóронъ-отъ вѣщая птица,
— Воробушки были холопы,
— Рябчикъ-отъ на мори стряпчикъ,
— Пѣщикъ-отъ на мори писчикъ,
— Кóкушка побѣдная птица:
— День она ночь кокуе,
— Дѣтей выводитъ не толкуе.
— Ворона богатая птица:
— Зѣмой она да по гумнамъ,
— Вѣсной она по дорогамъ,
— Осенью по суслонамъ.
— Сорока кабацкая блядка:
— Съ ножки на ножку скакала,
— Высоко фостъ залупала,

— Всѣ молодцовъ прелешала.
 — Кúропоть безпомѣстная птица:
 — Изъ куста въ кустъ онъ и бродитъ,
 — Себѣ подворья не имѣе.
 — Пѣтушки ты казачки донскіе,
 — Тѣ ли молодцы удалые,
 — По куры дѣржитъ, по другой,
 — По другой дѣржитъ, по четыре,
 — И по цѣлому ли по десятку.
 — Не такъ какъ мужикъ крестьянншъ:
 — Одну бажѣну женушечку держитъ
 — И той нарядить не толкуе.
 — Курица побѣдная птица:
 — Кто ли ей ни изымае,
 — Кажный въ жоны ковире,
 — Всѣ какъ яйца пытаеть.
 — Кошечки были вдовицы:
 — День они ночь вдовѣють,
 — Днѣмъ-то ли сля по печуркамъ,
 — Ночью-то ходя по добычамъ,
 — Молочные крынки ломають,
 — За то ихъ и бьютъ непощадно.
 — Волкъ-отъ на морн овчинникъ,
 — Медвѣдь-отъ ли былъ кожедерникъ,
 — Заяшко былъ калачникъ,
 — Лисица лукавая свекрова:
 — Сдѣлае вину да не скаже,
 — Дологъ фостъ, не наступишь. —
 Дунай, Дунай — болѣ впередъ не знай.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

LXIII.

ВАРВАРА МАКСИМОВА.

Варвара Ивановна Максимова, жена
 предыдущаго, лѣтъ 30 отъ роду, уроженка дер.
 Шуй-лахты на Кенозерѣ. Переняла былинны отъ
 своего отца, пинѣ умершаго.

299.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

Женился не спросился,
 Повѣнчался не сказался.
 Его матушка родима,
 Скоро со двора сироводила,

Парну баенку топила,
 Горючь камень нажигала,
 Горючь камень до калины*).
 Выжигала мать**) младеня,
 Мать младеня изъ утробы.
 Завивала мать младеня
 Въ мелкотравчату бумажку,
 Кладѣла мать младеня
 Во бѣлодубову колоду,
 Набивала на колоду
 Что ты обруча желѣзныхъ,
 Поносила ту колоду
 Во Онего великое.
 И какъ ѣде князь Михайло,
 Вороной-отъ коня попѣлся,
 Востра сабелька сломилась,
 Очи ясны помутились,
 Изъ глазъ слѣзы покатились.
 Видно дома нездорово,
 Родна матушка не можетъ.
 Ко крылечку прѣѣжае,
 Его пяночкы встрѣчая,
 Со слезами проздравляял.
 Князь Михайло прослезился,
 Во Онегушко бросился,
 Во Онего великое,
 Во Онего къ риболовамъ.
 Рыболовцы рыбу ловятъ.
 «Вы закиньте шолковъ нѣводъ,
 «Вы достаньте ту колоду
 «Изъ Онего великого.»
 Ёнъ примае ту колоду
 Со горючима со слезами.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

300.

НЕВОЛЬНОЕ ПОСТРИЖЕНІЕ.

Батюшко съ матушкой споръ сучинилъ:
 Батюшку надо за князя отдать,
 Матушкѣ надо да въ старушки постричь.
 «Садись-ко ты, дитятко, да на зѣлотой на стуль,
 «Постригёмъ ты дитятка старушкою.»
 — Дай волю, матушка, въ баенку схожу. —
 «Вытопишь ты, дитятко, старушкою,

*) калены.

**) мать князя Михайлы.

«Да садись-ко ты, дитятко, да на зóлотой на
стуль,

«Постригёмъ ты дítятка стáрушкою.»

— Дай волю, матушка, божатку дождусь. —

«Садись-ко ты, дитятко, да на зóлотой на стуль,

«Постригёмъ ты дítятка стáрушкою.»

— Дай волю, матушка, я косы заплагу. —

«Остригёмъ у дитятка пожницами.»

Мало по малу да стукъ во крыльцо,

Стукъ во крыльцо да еще брякъ во крыльцо,

Да батюшко идё да молодá князя ведетъ.

Молодой князь идё да золотí вñнцы несё,

Матушка на ей да ли спрогнѣваласе.

Хватила она дитятка за бѣлье волоса,

Ушибла она дитятка о сырúю о землю*).

Записано тамъ же, 17 августа.

LXIV.

ЛОСКУТОВЪ.

Еодоръ Никифоровичъ Лоскутовъ, крестьянинъ дер. Вершинина у Кенозера, 50 лѣтъ. Большой мастеръ пѣть божественные стихи (что, впрочемъ, не имѣетъ для него значенія ремесла). Изъ былинъ знаетъ только нижеслѣдующую, составляющую переходъ отъ былинъ къ духовнымъ стихамъ.

301.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

Изъ-за славнаго батюшка Царя-града,
Изъ-за того ли изъ-за озера Москова,
Вышло сорокъ каликъ да со каликою,
Да калики тѣ всѣ были ученые,
Ученые калики были грамотніе.
Да шубы на калнѣхъ соболнные,
Подсумки у калкѣ рьта бархату,
Да шляпы на главахъ земли грецкіе.
Пришли эти калики ко Ясець ко рѣй,
Да рѣзали калики по жеребью,
Метали тѣ жеребьи во Ясець во рѣву.

*) Забыла конецъ этой старины, гдѣ рассказывается, что все-таки отецъ, не смотря на сопротивление матери, выдалъ дочь за князя замужъ.

«А ѣй да чей у насъ жеребей противъ воды пойдеть,

«Тому у насъ братцы атаманомъ быть.»

Да всѣ какъ вѣдъ жеребьи внизъ пошли,

Одинъ у насъ жеребей противъ воды пошоль,

Противъ воды пошоль, будто собо́ль полетѣлъ.

«Пошоль жеребей Касьяна Михайловича,

«Тому у насъ братцы атаманомъ быть,

«Податаманьемъ Терентью Михайловичу.

«Какъ сдѣлаемте заповѣдь великую:

«Кто скраде своруе за блудомъ пойдеть,

«По титкамъ копать да во сырúю землю,

«Языкь-отъ тянуть у него теменемъ,

«Глазá ты копать да вонъ косицами.»

А пошли эти калики во Кіевъ градъ*).

Записано тамъ же, 17 августа.

LXV.

ЗАВАЛЪ.

Ефимъ Яковлевичъ Завалъ, крестьянинъ-коноваль, 84 лѣтъ, изъ Ошевенска (волость эта лежитъ къ югу отъ Кенозера, по дорогѣ къ Каргополю). Онъ—старообрядецъ и пользуется репутаціею мудреца, лѣкаря и чуть ли не знахаря. Въ качествѣ коновала, псходилъ почти всю Россію отъ Петербурга до Кавказа, былъ въ 20-ти губерніяхъ; на старости лѣтъ поселился на роднѣ и имѣетъ нѣкоторый достатокъ. Онъ мастеръ рассказывать сказки и шуточные повѣстунки, которыхъ набрался въ своихъ странствіяхъ. Изъ старинъ помнитъ только двѣ, которыя пѣваль его отецъ.

302.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.¹

Какъ во ту было пору во то время,
Какъ во славномъ было градѣ во Кряковѣ,
Какъ не бѣлая берёза къ земли клонится,
Приклоняется сынъ ко матери
Молодые Лука Петровичъ дворянской сынъ:
«А ой же ты матушка честна вдова,

*) Конецъ былинны Лоскутовъ рассказывалъ плохо, сбиваясь на сказочный складъ.

«Честна вдова Катерина Ивановна!
 «Ты дай мнѣ прощенье благословеньице,
 «Ѣхать во далечо во чисто поле
 «Да ко славному морю Каспицкому,
 «Тамъ стрѣляти гусей и лебедей,
 «Сѣрыхъ малыхъ пернатыхъ утенышковѣ.»
 Не дала она ему не прощенья, не благосло-
 веньице.

Выходилъ онъ на свой на широкой дворъ,
 Выводилъ онъ коня себѣ бураго.
 Въ вышину тотъ бурушко трѣхъ аршинъ,
 Въ долину тотъ бурушко трѣхъ сажень,
 Какъ у бурушка грива трѣхъ аршинъ,
 Какъ у бурушка чолка трѣхъ пядей,
 Какъ у бурушка фостикъ трѣхъ сажень.
 Полагалъ онъ войлокъ на войлокъ,
 А на верхъ наложилъ сѣдельцо черкасское.
 Подтягивалъ онъ двѣнадцать подпругъ подѣ
 брюхо,

А тринадцатую подѣ груди,
 Не ради красы-басы молодецкіе,
 А ради крѣпости богатырскіе.
 Видѣли добраго молодца на коня сѣдучи,
 А не видали въ кою сторону поѣдучи.
 Выѣзжалъ онъ изъ града изъ Крякова.
 Онъ бьетъ коня по тучнымъ бедрамъ,
 Какъ конь его разгорается,
 Отъ земли его конь отдѣляется,
 Онъ пошолъ выше лѣсу стоячаго
 А ниже облака ходячаго.
 Онъ рѣки, озѣра перескакивать,
 А мхи да болота промежь ногъ пустить.
 Онъ пріѣхалъ во далечо чисто полѣ,
 Онъ ко славному морю Каспицкому.
 Онъ ѣздилъ цѣлый день до вечера.
 Не нашолъ онъ не гуся, не лебедя,
 Да не сѣраго малаго пернатого утенышка.
 И тутъ говорить Лука Петровичъ дворянской сынъ:
 «А ой же ты мать пресвята Богородица!
 «Не дала мнѣ не гуся, не лебедя,
 «Да не сѣраго малаго пернатого утенышка.
 «Теперь поѣду ли я во тѣ ли во лѣсы во темные,
 «Да во тѣ ли-то грязи тонучіе.»
 Заѣхалъ онъ во тѣ ли во темный лѣсы,
 Привязалъ коня онъ ко сырѣ дубу!
 Онъ насыпалъ ишена бѣлоярова,
 А самъ сталъ вынять колачникъ крупнчатой,
 И не по множечку ножничкомъ порушивать.
 Да вдругъ со восточною стороны,
 Не темной облакъ накатается.
 Налетѣлъ на дубъ черной воронъ,

Какъ заграялъ воронъ по ворониному,
 Да какъ дубъ по корепью шатается,
 Говорить Лука Петровичъ дворянской сынъ:
 «А ой же ты черной воронъ!
 «Какъ я выну свой тугой лукъ изъ залучника,
 «А каленую стрѣду изъ заплечника.
 «Натяну я свой тугой лукъ,
 «Я пуцу въ тебя, чернаго ворона.
 «Ушибѣтъ твоѣ черно мясо о сырѣ землю,
 «Потекѣтъ твоя черна кровь во корень дубовой,
 «Полетитъ твое черпо перѣ по чисту полю
 «Полетитъ твой бѣлой пухъ по поднѣбесью.»
 Во ту было пору во то время,
 Возговорить воронъ по человѣчески:
 — А ой же ты молодой Лука Петровичъ дворян-
 ской сынъ!
 — Тебѣ ворона убить — не корысть получить,
 — А тебѣ старца убить — спасенья нѣтъ.
 — А лучше ты молодой Лука Петровичъ,
 — Ты стань по утру ранешенько,
 — Ты до самой красной зори до утренной.
 — Поѣзжай ты во далечо чисто полѣ,
 — Тамъ пріѣдетъ татаринъ Касимовской,
 — Тамъ побейся подерись съ татариннымъ Каси-
 мовскимъ. —

И во ту пору воронъ не видимъ бысть.
 Какъ ставае поутру Лука Петровичъ до зори до
 утренной,
 Онъ садился на своево на добра коня,
 Выѣзжаетъ во далечо чисто полѣ,
 Онъ раскинулъ шатѣрь бѣлополотняной,
 Какъ насыпалъ коню ишена бѣлоярово.
 Какъ не долго поры миновалосе,
 Да какъ ѣдетъ татаринъ Касимовской.
 Подѣ татаринномъ бѣжить бѣлой конь,
 У коня пѣз ушей дымъ валить,
 Изъ ноздрей у коня искры сыплются,
 Изъ рта у коня пламя машеть.
 Тутъ садится Лука Петровичъ дворянской сынъ,
 Садится Лука Петровичъ на добра коня,
 Поѣзжаетъ противу татарина Касимовскаго.
 Они сѣхались съ татаринномъ Касимовскимъ,
 И ударились они палицами боковыми.
 У нихъ палицы въ рукахъ поломались.
 Сѣзжаются они во вторій разъ,
 И ударились они саблями вострыми.
 У нихъ сабли въ рукахъ поломались.
 Какъ сѣзжаются онъ въ третей разъ,
 Да ударились они бѣлыми рѣками.
 Какъ сшибъ Лука Петровичъ татарина на сырѣ
 землю,

Какъ притиснуть конь ногой татарина къ сырой
земли.

Какъ сходить Лука Петровицъ со своего добра коня,
Садится къ татарину на бѣлу грудь,
Вынимаетъ пожищо кинжалшищо,
И самъ говоритъ таково слово:

«А ой же ты татаринъ Каспмовскій!
«Ты скажи какой орды ты какой земли,
«Какого роду ты какого племени.»

Говорить татаринъ Касимовской:

— А ой же ты удалъ доброй молодець!
— Кабы я сидѣлъ на твоихъ на бѣлѣхъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы не роду, не племени;
— Я поролъ бы твои бѣлы груди,
— Вынималъ бы твоё сердце со печеню. —

«Да однако скажи татаринъ Каспмовскій,
«Ты какой орды какой земли,
«Ты какого роду и племени.»

Говорить татаринъ Касимовской:

— А ой же ты удалъ доброй молодець!
— Кабы я сидѣлъ на твоихъ на бѣлѣхъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы не роду, не племени;
— Я поролъ бы твои бѣлы груди,
— Вынималъ бы твоё сердце со печеню. —

Въ трѣтѣхъ говоритъ Лука Петровицъ:

«Ты скажи татаринъ Касимовской!
«Ты какой орды, какой земли,
«Ты какого роду и племени.»

Говорить татаринъ Касимовской:

— Я изъ славнаго города изъ Крякова,
— Я Василей Петровицъ дворянской сынъ. —

Какъ ставаетъ Лука Петровицъ дворянской сынъ
На свои на рѣзвы ноги,

Какъ примааетъ его за бѣлы руки,
Какъ стаивитъ его также на рѣзвы ноги,
Да цѣлуетъ его во уста во сахарніе:

«А ой же ты любезной мой брателко,
«Я и самъ изъ того града изъ Крякова,
«Молодые Лука Петровицъ дворянской сынъ.»

Говорить татаринъ Касимовскій:

— А ой же ты родимый мой брателко,
— Молодой Лука Петровицъ!
— Какъ наѣхали татара Касимовски,
— Какъ на славный нашъ на Краковъ градъ,
— Отца нашего Петра смерти предали,
— А меня малолѣтнаго въ полонъ взяли,
— А ты остался отъ меня во качелюшки. —

Тутъ садятся они на добрыхъ коней,
Прѣзжаютъ во славный городъ во Кряково.
Заѣзжаетъ Лука Петровицъ на свой на широкій
дворъ,

Говорить Лука Петровицъ таково слово:

«А ой же ты матушка честна вдова Катерина
Ивановна!

«Ты встрѣчай-ко меня съ дорогимъ гостемъ,
«Я привѣзъ тебѣ въ гости татарина Касимов-
скаго.»

Говорить Катерина Ивановна:

— А ой же ты мой любезный сынъ,
— Молодой Лука Петровицъ дворянской сынъ!
— Я и чуть не могу про татарина Касимов-
скаго.

— Какъ плѣнили татара нашъ Кряковъ градъ,
— Твоего отца Петра дворянина смерти предали,
— А брата Василья Петровица въ полонъ взяли. —

«А ой же ты любезная матушка,
«Честна вдова Катерина Ивановна!
«Я не татарина привѣзъ тебѣ Касимовскаго,

«А своего я привѣзъ братца роднаго,
«Я Василья Петровица сына дворянскаго.»

Тутъ пошли они въ полаты бѣлокаменны,
Тамъ сажались они за столы за дубовые,
Тамъ веселились пировали много времени,
А потомъ остались въ покоѣ и весели.

Записано въ Ошевенскомъ. 18 августа.

303.

СТАРИНА О БОЛЬНОМЪ БЫКѢ.

А й диди диди диди дидѣ,
Князи послушайте,
Да бояра послушайте,
Да вы всё люди земскіе
Мужики вы деревенскіе,
Да солдаты служивые,
Да ребятушки маленькіе,
Не шумите послушайте.
Да старушки вы старенькіе,
Не дремлите послушайте.
Молодіе молодушки
Не прядите послушайте.
Да красныя дѣвушки
Дя не шейте послушайте.
Да какъ я вамъ пословицу скажу,
Да пословицу хорошенькую,
Про того ли про большаго быка,
Про быка Рободановскаго.
Да какъ тотъ ли великіе быкъ,
Да какъ степи рукой не добыть,

Промежу роги косая сажень,
 На рогахъ подпись княжеская:
 Василья Богдановскаго,
 Да еще Рободановскаго.
 Да какъ нашъ-отъ великіе князь,
 Аеонасій Путятинской,
 Да не бѣтъ онъ гусятинки,
 Да не бѣліе лебедятинки,
 Да не сѣрые утятинки,
 Не пидѣйской курятинки.
 Да свинина отъблесе,
 Баранины не хочется.
 Захотѣлось говядинки,
 Да урослой телятинки.
 Да какъ самъ-то похаживаётъ,
 Да какъ самъ-то побрякиваётъ,
 Бородой-то потряхиваётъ,
 Да какъ самъ выговариваётъ:
 «Да какъ есть ли у меня на дворѣ,
 «Да такіе люди подобные.
 «Да сходили бы на барской дворъ,
 «Да на помѣстьѣ дворянское
 «По того ли по большого быка,
 «По быка Рободановскаго.»
 Да какъ былъ-то Зеновей слуга,
 Да онъ часто на Волги ходилъ,
 Да онъ много-то сѣлъ тамъ громилъ,
 Да и тѣмъ голову кормилъ.
 Хватилъ конопля на плетень,
 Да скочилъ за Москву за рѣку
 Ко двору-то боярскому,
 Да къ помѣстью-то дворянскому.
 Да какъ свилъ-то вѣдь вязивцѣ,
 Да какъ онъ воръ догадливъ былъ,
 Быку липовы лаптици обулъ,
 Насерѣдъ онъ пятами повернулъ
 Да какъ такъ-то быка увѣлъ.
 Да завѣлъ быка въ рощицу,
 Привязалъ быка къ деревцу.
 Да какъ самъ-то похаживаётъ,
 Да какъ самъ поговариваётъ:
 — Да какъ кто-то быка-то увѣлъ,
 — Да и тотъ-то безвѣстно ушолъ,
 — Да какъ кто съ быка кожу сдерѣтъ,
 — Да и тотъ концомъ пропадѣтъ. —
 Да какъ былъ-то Алѣша мясникъ,
 Да у него кулаки мясны,
 Да у него клешки востры.
 Да какъ ткнулъ быка палкой въ лобъ,
 Да какъ ткнулъ клешкомъ-то въ бокъ,
 Да какъ взялъ съ быка кожу снулилъ,

Да снулилъ въ трубу завертѣлъ,
 Завязалъ его вязивцѣмъ,
 Да и чуть на плечо воротилъ.
 По несчастью Алѣшенькину,
 По навожденью по дьявольскому,
 Да какъ люди тѣ пробаяли,
 Да собаки тѣ облаяли,
 Да обстали собаки въ кругъ,
 Да лише только кожа кинуть съ рукъ.
 Да скочилъ за Москву за рѣку,
 Да какъ къ Митькѣ къ кожевнику,
 Полтора́ годы въ дѣлѣ была,
 Да не ўдала изъ дѣла вышла:
 Да середочка выгнула,
 По краямъ не осталось ничто,
 Да Алѣши-то мяснику,
 Да какъ Митьки-то кожевнику,
 Какъ кожи по рядамъ провѣли,
 Да кожи тѣ кнутомъ набили,
 Да какъ справили двѣсти рублей,
 Да по двѣсти съ полтиною,
 Да еще не накиннули,
 Кабы нѣ люди добрые,
 Да не заступы тѣ крѣпкіе,
 Да не гости тѣ Стрѣганова́,
 Да лише только головы отстать.
 Та-то бѣда не бѣда,
 Да лише бы болѣ той не была.
 Да къ тому ли къ большому быку,
 Да къ быку Рободановскому,
 Да были два тѣ харчевника,
 Да молодые тѣ поспѣшнички,
 Да какъ губки обрѣзывали,
 Да бедѣрки обрѣзывали,
 Да какъ сдѣлали студенцу,
 Молодую да съ прорѣзью,
 Да на здоровье и съ лѣгостью,
 Да не на что не подумати.
 Выносили на базаръ продавать,
 Да какъ гости подхаживали,
 Да бояра подхаживали,
 Да студенечку подкушивали,
 Да какъ ей-то подхваливали:
 Да какъ-то это студенца,
 Молодая да съ прорѣзью,
 На здоровье и съ лѣгостью,
 Не на что не подумати,
 Да не тово ли большого быка
 Да быка Рободановскаго,
 Да какъ двумъ-то харчевникамъ,
 Да молодымъ-то поспѣшникамъ.

Да какъ кожи по рядамъ проведи,
 Да какъ кожи тѣ кнутомъ набилъ,
 Да какъ справили двѣсти рублей,
 Да по двѣсти съ полтиною,
 Да еще не покинули,
 Кабы нѣ люди добрые,
 Не заступы тѣ крѣпкіе,
 Да не гости тѣ Строганова,
 Лише только головѣ отстать,
 Да какъ то-то бѣда не бѣда,
 Да лишь бы больше той не была,
 Къ тому ли къ большому быку,
 Да быку Рободановскому.
 Да била Марья харчевенка,
 Молодая поспѣшенка,
 Да кишочки обрѣзывала,
 Да какъ ихъ-то начинивала
 Толоконцемъ да крупочкой,
 Да лучкомъ да и нѣречкомъ,
 Выносила на базаръ продавать.
 Да какъ гости подхаживали,
 Да бояра подхаживали,
 Да кишочки подкушивали,
 Да какъ ихъ-то подхваливали:
 Да какъ-то это кишечки,
 Молодѣе да съ прорѣзью,
 На здоровье и съ лѣгостью.
 Не на что не подумати,
 Не того ли большого быка,
 Да быка Рободановскаго.
 Да какъ Марьи-то харчевенки,
 Да молодой-то поспѣшенки.
 Да какъ кожу по рядамъ проведи,
 Да какъ кожу-ту кнутомъ набилъ,
 Да какъ справили двѣсти рублей,
 Да по двѣсти съ полтнною,
 Да еще не покинули,
 Кабы нѣ люди добрые,
 Не заступы тѣ крѣпкіе,
 Да не гости тѣ Строганова,
 Лише только головѣ отстать,
 Да какъ та-то бѣда не бѣда,
 Да какъ больше той не была,

Да къ тому ли къ большому быку,
 Да къ быку Рободановскому
 Да былъ нѣкаковъ волынничекъ,
 Да молодѣй-отъ гудошничекъ.
 Да онъ другомъ *) пузырь доступилъ,
 Да какъ сдѣлалъ волюночку,
 Да на новую перегудочку.
 Да какъ сталъ онъ на рѣнокъ гулять,
 Да какъ сталъ онъ въ волынку играть,
 Да какъ гости подхаживали,
 Да бояра подхаживали,
 Да волынку послушивали,
 Да какъ ей-то подхваливали:
 Да какъ-то это волюночка,
 На новую перегудочку,
 Да не на что не подумати,
 Но того ли большаго быка,
 Да быка Рободановскаго.
 Да тому ли-то волынщику,
 Да молодому-то гудошнику,
 Да какъ кожу-ту кнутомъ набилъ,
 Да какъ справили двѣсти рублей,
 Да по двѣсти съ полтиною,
 Да еще не покинули,
 Кабы нѣ люди добрые,
 Не заступы ты крѣпкіе,
 Да не гости тѣ Строганова,
 Лише только головѣ отстать,
 Да какъ та-то бѣда не бѣда,
 Да какъ болѣ бы той не бѣды,
 Да къ тому ли къ большому быку,
 Да къ быку Рободановскому.
 Да какъ кажнея косточка,
 Да какъ стала-то въ пять рублей,
 Да какъ кажное рѣбришко,
 Да какъ стало-то въ семь рублей,
 Опрічѣ становихъ костей,
 Ровно тысяча сѣмьсотъ рублей,
 А становимъ костямъ,
 И цѣны не знай.

Записано тамъ же, 18 августа

*) черезъ друзей досталъ.

VII.

M O III A.

М О Ш А.

LXVI.

ШВЕЦОВЪ.

Николай Михайловичъ Швецовъ, крестьянинъ дер. Ормы, Лимскаго прихода (сосѣдняго съ Мошенскимъ), 65 лѣтъ, грамотный. Его дѣдъ, Леонтій Игнатьевичъ, славился какъ знатокъ былинъ; занимаясь преимущественно рыболовствомъ на р. Мошѣ, онъ бралъ съ собою внука, который тутъ и слышался отъ него быливъ, потому что дѣдъ, во время рыбной ловли, почти всегда пѣвалъ. Самъ Швецовъ мало занимается рыболовствомъ, а болѣе «крестьянствуетъ», по знимамъ же обыкновенно ѣздитъ къ Бѣлому морю, въ Сороку, покупать тамъ сельдей, которыя доставляетъ для продажи въ Вельскъ, Верховажье и Вологду. Онъ одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ и уважаемыхъ крестьянъ въ его мѣстности. Одинъ изъ его сыновей, по словамъ Швецова, перенялъ почти всѣ былинны, которыя онъ знаетъ.

304

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А ѣ въдъ чужда Калинъ Смарадоновичъ
Собиралъ онъ силы съ сорока земель,
Съ сорока земель и съ сорока царей,

Со икажнимъ силы по сту тысячей,
А съ самимъ собакою силá несчетная.
Поднимался онъ чужь да на святую Русь,
На святую Русь, на красенъ Кіевъ градъ,
Не дошелъ до Кіева пятнадцать верстъ,
Розоставилъ онъ шатры бѣлополотниці,
Выбиралъ татариченка малава,
Которой по-русьски умѣлъ говѣрити,
Онъ гораздъ толмачить по татарскому,
Онъ и пѣсалъ ему грамоту скорописчату,
А на верхъ словами наговаривалъ:
— Ты поди, татарченко, во Кіевъ градъ.
— Ты поди ко князю ко Владиміру,
— Да поди въ палаты бѣлокаменны,
— Отвори ты двери ты нá пяту,
— Не клади креста ты по писаному,
— Не веди поклона по ученому,
— А Владиміру князю ты не клаяйся,
— Да ѣ княгини Опраксін такожде,
— Выкидай ты грамоту на дубовый столъ,
— Да ѣ на верхъ словами наговаривай:
— «Ужъ ты ой Владиміръ столень-кіевски!
— «Выбирайсе изъ города изъ Кіева,
— «Аль встрѣчай собаку чаря Калино». —
Онъ пошелъ татарченко во Кіевъ градъ,
Да ѣ приходитъ ко князю ко Владиміру,
Онъ заходитъ въ палаты бѣлокаменны,
Не кладетъ креста онъ по писаному,
Не ведѣтъ поклона по ученому,
Онъ Владиміру князю не клаялся,
Да ѣ княгини Опраксін такожде,
Выкидалъ онъ грамоту на дубовой столъ,

А онъ самъ говорилъ таково слово:
 «Ужь ты ой Владиміръ столень-кїевской!
 «Выбирайся изъ города изъ Кїева,
 «Али стрѣчай собаку царя Калина.
 «Ты мости мосточки каленныя,
 «Усыпай песочками желтыма,
 «Утяни всё сукна багречевыя,
 «Убивай гвоздѣмъ шеломчатнымъ,
 «Да куда итти куда ѣхати,
 «Самому собакѣ царю Калину.»
 А вѣдь тутъ Владиміръ призадумался,
 Онъ задумался и запечалился,
 Собираетъ онъ скоро князь почестной ширь,
 Да онъ самъ говоритъ же таково слово:
 — Ужь вы ой князья вы мой бѣяра,
 — Вы сильніи могучіи богатыри,
 — А ѣи всё поляницы вы удалыи,
 — Пособите князю думу думати,
 — Выбираться изъ города изъ Кїева,
 — Али намъ съ собакой попротивиться. —
 А большій хоронится за среднево,
 А средній хоронится за меньшево,
 А отъ меньшево князю отвѣту нѣтъ.
 Изъ тово ли стола было изъ заднево,
 Да изъ той скамелки бѣлодубовой,
 Выставалъ удалой доброй молодець,
 А вѣдь храбрый сударинь Илья Муромецъ,
 Да онъ самъ говорилъ таково слово:
 «Ужь ты ой Владиміръ столень-кїевской!
 «Когда заведешь ты князь почестной ширь,
 «Тогда много есть у тебя думщиковъ,
 «Много думщиковъ, много совѣтниковъ,
 «А топерь вѣдь нѣту ни единово.
 «Еще я тебѣ да что придумаю,
 «Я придумаю да присовѣтую:
 «Ты дари татарченка шубою,
 «Ево шубою ты соболиною,
 «Ты дари татарченка шапкою,
 «Ево шапкой черной мурманкой,
 «А оспета пушкета была завѣсета,
 «Насыпай ему мису злата серебра,
 «И поѣду просить строку на три годичка,
 «Къ самому собакѣ къ царю Калину.»
 Онъ сѣдаль-уздалъ скоро добра коня,
 Да ѣи поѣхалъ Илеюшка во чисто полѣ,
 А Владиміру князю онъ наказывалъ:
 «Защрай ворота ты на крѣпко.»
 Онъ прїѣхалъ къ собакѣ царю Калину,
 Онъ заходитъ Илеюшка во бѣлы шатерь:
 «Ужь ты чужъ да Калинь Смарадоновичъ,
 «А ты дай намъ строку на три годичка —

«Намостить мосточки каленныя,
 «Усыпать песочками желтыма,
 «Утянуть всё сукна багречевыя,
 «Убивать гвоздѣмъ шеломчатнымъ,
 «Да куда встрѣчать собаку царю Калину,
 «А куда итти да куда ѣхати,
 «Самому собакѣ царю Калину.»
 — Я не дамъ вамъ строку на три годичка. —
 «Ты хоть дай намъ строку на поль-годичка.»
 — Я не дамъ вамъ строку на поль-годичка. —
 «Ты хоть дай намъ строку на три мѣсяца.»
 — Я не дамъ вамъ строку на три мѣсяца. —
 «Ты хоть дай намъ строку на три денечка.»
 — Я не дамъ вамъ строку на три денечка. —
 А проговоритъ татарченко малое:
 «Ужь ты чужъ да Калинь Смарадоновичъ,
 «А безстрочныхъ людей-то вѣдь на свѣтѣ нѣтъ.»
 Онъ вѣдь далъ имъ строку на три денечка.
 А ѣи поѣхалъ Илеюшка отъ бѣла шатра,
 Онъ вѣдь тутъ Илеюшка раздумался,
 Онъ раздумался и запечалился:
 «Не знай въ Кїевъ ѣхати, не знай — во чисто
 поле,
 «Я поѣду развѣ да въ чисто полѣ,
 «А искать поѣду своево дядюшки,
 «Дядюшки Самсона Нанойловича.»
 А онъ ѣздилъ день да и до вечера,
 Да не могъ наѣхать своево дядюшки.
 А стоитъ гора да превысокая,
 Да вѣдь тутъ Илеюшка раздумался:
 «Я выѣду на гору на высокую,
 «Я поѣду вирамъ да со крутой горы,
 «Упаду ли я да со добра коня,
 «Ушибуся я о сыру землю,
 «Хощь бы мнѣ не отъ собаки скоро смерть при-
 нять.»
 А онъ выѣхалъ на гору на высокую,
 А онъ здрѣлъ-смотрѣлъ да на всё стороны,
 А увидѣлъ въ доли стоятъ бѣлы шатры,
 А вѣдь бѣлыя шатры полотняныя,
 А вѣдь маковки были золоченыя,
 Да ѣи поѣхалъ Илеюшка ко бѣлымъ шатрамъ,
 Ажно тутъ въ шатрѣ ево дядюшка,
 Ево дядюшка Самсонъ Нанойловичъ.
 Да проговоритъ Илеюшка Муромецъ:
 «Ужь ты ой родимой ты мой дядюшко,
 «А поѣдемъ скоро въ красень Кїевъ градъ,
 «Обступилъ собака красень Кїевъ градъ.»
 А проговоритъ Самсонъ Нанойловичъ:
 — Ужь ты ой любезной мой племянничекъ,
 — Отказалъ меня Владиміръ князь отъ Кїева. —

А проговорить Илья Муромецъ:
 «Не для Владимира князя со княгиною,
 «Для Божьихъ церквей для монастырей,
 «Для спроть-то маленькихъ дѣточекъ.»
 Закрывчалъ Самсонъ да громкимъ голосомъ:
 — Ужь вы ой, мои слуги вѣрныи,
 — Вы двѣнадцать сильнии богатыри,
 — Вы сѣдлите-уздайте скоро добрыхъ коней.—
 А срядились они да и поѣхали.
 Не доѣхали до Кіева пятнадцать верстъ,
 Соходили Самсонъ со добра коня,
 Розоставили шатры бѣлополотняны,
 Онъ ложился спать опочивъ держать,
 А Илеюшки Муромчу недосугъ вѣдь спать,
 Онъ вѣдь билъ коня съ поры на пору,
 Онъ вѣдь скачетъ конь съ горы на гору,
 Онъ пріѣхалъ Илеюшка во Кіевъ градъ,
 Обступила сила красенъ Кіевъ градъ,
 А вѣдь бьютъ въ колоколы да во плакуція,
 Проклинають Илеюшку Муромчо,
 Не велѣлъ выбираться да намъ изъ Кіева,
 А теперь приходитъ смѣртка скорая.
 У Илеюшки побойща не случилосье,
 Ухватилъ татарина онъ за ногу,
 Да и началъ татаринномъ помахивать,
 Онъ вѣдь гдѣ махнѣтъ тутъ и улочка,
 А назадъ отмахнѣтъ переулочекъ,
 Да и отбилъ онъ силу на три поприща.
 Тутъ забилъ въ колоколы да въ радуція,
 Моля здравія здоровья, вѣку долгаго
 А за свѣта сударя Илью Муромча.
 Да и проговорить Илеюшка Муромецъ:
 «Ужь ты ой Владимиръ столень-кіевской,
 «Ты подай съ полины мнѣ-ка тугой лукъ,
 «Ты подай съ иольца мнѣ калену стрѣлу.»
 Да и натягивалъ Илеюшка тугой лукъ,
 А накладывалъ стрѣлочку каленую,
 А онъ самъ ко стрѣлки приговаривалъ:
 «Полети моя ты калена стрѣла,
 «Далеко далече во чисто полѣ,
 «Не пади не на воду не на землю,
 «Пади къ дядюшки Самсону на бѣлы груди,
 «А сбуди его да отъ велика сна.»
 Ото сна Самсонъ пробуждается,
 Закрывчалъ Самсонъ громкимъ голосомъ:
 — Ужь вы ой мои слуги вѣрныи,
 — Вы двѣнадцать сильниа богатыри,
 — Пошто ѣхали мы-то и проспали,
 — А мы выдали Илью Муромча,
 — Вы сѣдлите-уздайте скоро добрыхъ коней.—
 А срядились они да и поѣхали,

Да и пріѣхали во красенъ Кіевъ градъ.
 А проговорить Самсонъ Нанойловичъ:
 — Ужь ты ой любезной, мой племянничокъ,
 — Поѣзжай топерь ты во чисто полѣ,
 — А ложись ты спать да опочивъ держать,
 — А мы будемъ здѣсь оберегатели,—
 Онъ поѣхалъ Илеюшка въ чисто полѣ,
 Онъ розоставилъ себѣ скоро бѣлы шатеръ,
 А ложился спать и опочивъ держать.
 Онъ вѣдь спалъ девять дней да и девять ночей
 Поутру ставаетъ ево добрый конь,
 Онъ провѣштвуетъ языкомъ человѣческимъ:
 — Ужь ты ой любезной мой хозяйнушко,
 — Мнѣ ночесъ коню добру малю спалось,
 — А малю спалось, да много видѣлось,
 — Будто копаютъ Калинь Смарадоновичъ,
 — Онъ копаютъ три подкони глубокия,
 — Упаду я доброй конь въ перву подконь,
 — А я самъ-то доброй конь выскочу,
 — Тебя добраго молодца вынесу;
 — Упаду я доброй конь во втору подконь,
 — А я самъ-то доброй конь выскочу,
 — Тебя добраго молодца вынесу;
 — Упаду я доброй конь въ третью подконь,
 — Я вѣдь самъ-то доброй конь выскочу,
 — Тебя добраго молодца не вынесу.—
 А проговорить Илеюшка Муромецъ:
 «А тебѣ не спалось дакъ тебѣ видѣлось,
 «А вѣдь мнѣ Илеюшки на здоровьицо.»
 Онъ сѣдласть-уздалъ скоро добра коня,
 Да поѣхалъ Илеюшка изъ чиста поля.
 А упалъ ево доброй конь въ перву подконь,
 А онъ самъ вѣдь доброй конь выскочилъ,
 Ево доброво молодца выносилъ;
 Да упалъ онъ доброй конь въ втору подконь,
 Онъ вѣдь самъ-то доброй конь выскочилъ,
 Ево добраго молодца выносилъ;
 Да упалъ онъ доброй конь въ третью подконь,
 Да онъ самъ вѣдь доброй конь выскочилъ,
 Ево добраго молодца не выносилъ.
 Тутъ схватили-сымали вѣдь добраго молодца
 Да и сковали въ желѣза во нѣмецкия,
 А въ ручныи въ ножныи да и въ заплечныи,
 Повели къ собакамъ къ царю Калину.
 А проговорить чужда Смарадоновичъ:
 — Ужь ты ой Илеюшка Муромецъ,
 — У меня вѣдь есть двѣ дочери,
 — Ты посватайся на мѡихъ дочеряхъ,
 — Я любую отдамъ за тебя замужъ.—
 Говорилъ Илеюшка не съ упадкою:
 «Ужь ты чужда Калинь Смарадоновичъ,

«Не случилось у меня сабли вострая,
 «Я посватался бы на твоей шен.»
 Да на толи чужда порозсердился,
 Приказалъ вести да во чисто поле —
 Отрубить ему буйну голову.
 Повели Илеюшку въ чисто полѣ,
 Да вѣдь вывели ево во чисто полѣ,
 Онъ страхнулся Илеюшка Муромецъ,
 Всѣ нѣмецкія желѣза попадали,
 А ручныя ножныя да и заплечныя.
 А вѣдь тутъ Илеюшка на воли сталъ.
 У Илеюшки побойща не случилось,
 Ухватилъ татарина онъ за ногу,
 Да началъ татаринномъ помахивать,
 Онъ гдѣ махнеть а тутъ и улица,
 Назадъ отмахнеть — тутъ нереулочькь,
 А приблизъ онъ силы и смѣту нѣтъ.
 Самъ пошолъ Илеюшка во Кіевъ градъ,
 Да приходитъ ко князю ко Владиміру.
 А вѣдь тутъ Самсонъ и Нанойловичъ,
 А съ двѣнадцатю онъ богатырями.
 Они стали метати во жеребей,
 Да кому итти по праву руку,
 А кому итти по лѣву руку.
 На паю Илеюшки не обидѣли,
 Доставалось итти по середкѣ по матицы
 Противо собаки царя Калина.
 Выходили они да во чисто полѣ
 Они стали силу битъ какъ траву косить,
 А приблизи силу всю до единово,
 Не оставили и не единово,
 Самого собаку царя Калина
 А отсѣкли ему да руку правую,
 Отрубили ему да ногу лѣвую,
 Да вѣдь выкопали ему-то вѣдь правый глазъ,
 Посадили ево да на добра коня,
 Да спустили ево да во чисто полѣ:
 «А ты ѣзди вѣкъ да и по вѣку,
 «А мы будемъ за Кіевъ обстоятели
 «Отъ всѣхъ сторонъ оберегатели.»

Записано на Мошѣ. 24 августа.

—

305.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А старья сударинъ Илья Муромецъ,
 Хорошъ былъ у старова доброй конь,
 А онъ ѣздилъ въ чистомъ полѣ день до вечера,
 А темную ночь до бѣла свѣту,

Да наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ три дороженки,
 Три дорожки наѣхалъ три розстанюшки.
 На розстаняхъ лежитъ тамъ вѣдь бѣлъ камень,
 На камешкѣ подпись написана:
 «А въ дорожку ту ѣхать — богату быть,
 «Въ другую ту ѣхать — женату быть,
 «А во третью ѣхать — убиту быть.»
 А тутъ вѣдь какъ старъ пороздумался,
 Да въ которую дорожку будетъ ѣхати:
 «На что мнѣ-ка старому богатество?
 «Я самъ-то умру животъ останется,
 «Животомъ-то владѣть будетъ некому.
 «А по что мнѣ старому женитися?
 «А женитися мнѣ — не нажитися,
 «Худой-то мнѣ взять — не захочется,
 «А хорошая-то взять — такъ чужа корысть.
 «Поѣду въ ту дорожку, гдѣ убиту быть,
 «А убитому быть и замучену,
 «А души-то со тѣломъ быть разлѣченой.»
 А онъ ѣхалъ по пути по дороженки,
 Наѣхалъ стаметниковъ разбойниковъ,
 Не мало число сорокъ тысячей.
 Говорятъ эти стаметники разбойники:
 — Это что-ли за шаль къ намъ приѣхала,
 — Съ коня-то вѣдь снять ево неково,
 — Да развѣ взять-то у старова нечево. —
 Говорилъ съ нима старъ не съ упадкою:
 «А вы глупыя стаметники разбойники!
 «Съ коня-то вѣдь снять ево неково,
 «Да и взять вамъ у старова нечево,
 «Одна кунья вѣдь шубочка въ пятьсотъ рублей,
 «По карманамъ казны сорокъ тысячей,
 «А доброму коню и цѣны вѣдь нѣтъ,
 «А мезъ уши вилѣтанъ былъ свѣтѣлъ камень,
 «Онъ не ради красіи молодецкія,
 «А онъ ради вѣдь ноченки темныя.
 «Осередь-то вѣдь было темной ноченки
 «Розстрѣлялъ я всѣ отрѣлки каленныя,
 «Да и собралъ я стрѣлки до единой всѣ.»
 Да натягивалъ Илеюшка тугой лукъ,
 Накладывалъ стрѣлочку каленую,
 Да стрѣлялъ онъ вѣдь стрѣлку въ сыру землю,
 Рвала стрѣла землю въ косу сажень,
 Тому они весьма испугалисе,
 Со дубовъ они на землю попадали,
 Да сами говорятъ таково слово:
 — Одно красное солнцо на бѣломъ свѣтѣ,
 — Одишь сильней богатырь Илья Муромецъ,
 — А спусти ты насъ, свѣтъ, по своимъ домамъ,
 — Бери ты казны колько надобно,
 — Да табунъ лошадей ты любѣхъ бери,

— А спусти ты насъ, свѣтъ, по своимъ домамъ,
 — Да къ отцамъ, къ матерямъ, къ молодымъ
 женамъ,
 — Не будемъ мы стоять при пути при дороженкѣ,
 — Проливати вѣдь кровь христіанскую. —
 Натягивалъ Илеюшка тугой лукъ,
 Да накладывалъ стрѣлочку каленую,
 Стрѣлялъ онъ стаметниковъ разбойниковъ,
 Прибилъ онъ вѣдь всѣхъ до единова,
 Не оставилъ онъ тутъ ни единова.
 Да оттудова назадъ онъ ворочался,
 На камешкѣ подпись переписывалъ:
 «Хоть я ѣздилъ въ дорожку мѣ-ка смерти нѣтъ,
 «Росчитилъ дорожку широкую.»
 Да поѣду въ ту дорогу гдѣ женату быть.
 Доѣхалъ, стоятъ тереміи высокія,
 Идетъ вѣдь толпа красныхъ дѣвушекъ.
 Выходила тутъ прекрасна королевична,
 Брала ево за руки за бѣлья,
 За тѣ ли за перстни злаченія,
 Повела ево въ высокія новы тѣремы,
 Садила за столы за дубовыя,
 Да поила-кормила хлѣбомъ-солою:
 — Ты гой еси удалой доброй молодець,
 — Пожалуй со мною опочинуться
 — На ту на кроватьку тисовую
 — Да на ту ли на перину пуховую. —
 Привела она во спальню во теплую,
 Да сама говоритъ таково слово:
 — Ты къ стѣнѣ ложись, я на край съ тобой. —
 А видитъ Илеюшка Муромецъ,
 Онъ видитъ, что кроватька фальшивая,
 Фальшивая кроватька, подломная.
 Ухватилъ какъ онъ прекрасну королевичну,
 Да онъ бросилъ на кроватьку тисовую
 На ту ли на перину пуховую,
 Да и въ тотъ часъ кроватька подломилась,
 Унала она во погребы глубокія,
 Оттудова назадъ онъ ворочался,
 Пошолъ онъ во погребы глубокія,
 У дверей онъ придверниковъ не спрашивалъ,
 У воротъ приворотниковъ не слѣдовалъ,
 Всѣсучія замочки онъ на руку беретъ,
 Подворотенки ногами вышнывалъ,
 Отворалъ онъ воротца широкія,
 Побралось тамъ вѣдь много князей*) да бойръ
 Много сильныхъ могучихъ богатырей.
 Проговорить Илеюшка Муромецъ:
 «Проздравляю васъ съ прекрасной королевичной.»

*) такъ вездѣ.

Они молятъ здравія здоровья вѣку долгаго
 Да за свѣта сударя Илью Муромча,
 Проклинають всё прекрасну королевичну,
 Отрубили королевны руку правую,
 Отебкли королевны погу лѣвую,
 Посадили ея на добра коня,
 Спустили ея во чисто полѣ.

(Дальше не знаетъ).

Записано тамъ же, 24 августа.

—
306

ДОБРЫНЯ И АЛЕНА.

Повышла, новышла-новыгатила
 Наша славная матушка быстра Волга рѣка,
 Много она рѣкъ и ручей побрала.
 Широка перевозъ подъ Нижнимъ городомъ.
 Поширь-подавъ подъ Вастраканью;
 Долгіе плеса Чижиковскія,
 Высокія горы Сорочинскія,
 Темныя лѣсы Смоленскія.
 Ростояница шла она три тысячи,
 А устье въ ровню она семьдесятъ дала
 Во славное морѣ во Персидское.
 Это вѣдь Добрынюшки не сказочка.
 Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
 У ласкова князя Владиміра
 Было столованье почѣстной пиръ.
 Да самъ государь князь распотѣшился,
 Выходилъ онъ на крылечко на красное.
 Приходитъ въ палату розговаривать:
 — Гой вы есть князя мои бѣдра,
 — Вы сильніи могучи богатыри,
 — Да всѣ поляницы удалы!
 — Ково намъ послать будѣ въ чисто поле —
 — Стоять на заставы на крѣпкія,
 — Битъся со невѣжей во чистомъ полѣ,
 — Пишетъ вѣдь невѣжа за угрозою ко мнѣ. —
 Большой-отъ хоронится за среднево,
 Средней хоронится за меньшево,
 Отъ меньшево князю отвѣту нѣтъ.
 Изъ тово стога было изъ задпяво
 Выставалъ удалой доброй молодець
 Храбры сударинъ Пля Муромецъ.
 Да самъ говорилъ онъ таково слово:
 «Хоть долго молчать да говоритъ же будѣ.

«Вчарѣ я прѣхалъ изъ чиста поля,
 «Стоялъ на заставѣ двѣнадцать лѣтъ,
 «Бился со невѣжей во чистомъ полѣ,
 «У ево ли у невѣжи крылатой конь.»
 А службу-работу накладывали
 На премладова Добрыню Микитича,
 А ѣхалъ Добрыни во чистѣ полѣ,
 Стоялъ на заставѣ ему шесть годовъ,
 Биться со невѣжей во чистомъ полѣ.
 Пошолъ вѣдь Добрынюшка домой со ширѣ,
 Не веселъ пришолъ онъ не радочень.
 Матушка Добрыни вѣдь спрашивать:
 — Что же ты Добрынюшка Микитьевичъ
 — Не веселъ пришолъ и не радочень?
 — Мѣсто тебѣ было не по разуму,
 — Чара-та была развѣ не рядовая,
 — Княгиня въ ширѣ развѣ обезчѣстила тебѣ. —
 «Гой еси родитель моя маменька!
 «Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
 «Чара та была мнѣ-ка рядовая,
 «Княгиня въ ширѣ не обезчѣстила.
 «На что такова мевя спорѣдила,
 «Силою родила м'ня не сильняво,
 «Красотой родила не красиваво,
 «Счастлиномъ да не счастливаго.»
 Проговорить родитель ево маменька;
 — Гой еси Добрынюшка Микитьевичъ,
 — Какъ бы я могла тебя спорѣдить молодца
 — Силою въ Самсонича сильняво,
 — Красотою я въ Осипа прекраснова,
 — Смѣлостью въ Плеюшку Муромча,
 — Богачествомъ въ Дюка Степановича,
 — Пошанкой въ Чурила сына Пленковича,
 — Премудростью въ Солѣмона премудраго,
 — Кудрями въ царича Кудреянича, —
 — Такова-то тебѣ, дитятко, Господь же спорѣдилъ. —
 Прощается Добрыня съ своей маменькой,
 Напаче со своей онъ молодой женой.
 Молодой жены Добрыня наказываеъ:
 «Гой еси моя молодца жена!
 «Пройдетъ какъ вѣдь времечка шесть годовъ,
 «Не вѣсти не будетъ, ни грамотки,
 «Такъ тебѣ, Авдотья, свой воля:
 «А хошь ты, Авдотья, вдовой сиди,
 «А хошь ты, Авдотья, замужъ поди,
 «Прибирай ты молодца супротивъ меня;
 «Не ходи ты за Алѣшу Поповича,
 «Алѣша Поповичъ мнѣ-ка крестный братъ,
 «А крестный-отъ братъ паче рѣднаго.»
 Поѣхалъ Добрынюшка въ чистѣ полѣ,

Стоялъ на заставѣ на крѣпикѣ,
 Бился со невѣжей въ чистомъ полѣ,
 У ево ли у невѣжи крылатый конь.
 Прошло вѣдь какъ времечка шесть годовъ,
 Не конново нѣгу, не пѣшево,
 Ко славному городу ко Киеву
 А не съ кѣмъ послать ему вѣсточки,
 А не съ кѣмъ послать ему грамотки.
 Алѣша Поповичъ догадливъ былъ,
 Онъ ѣздилъ Алѣша въ чистомъ полѣ,
 Прѣхалъ онъ къ князю розсказываетъ:
 — Убитъ лежитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
 — Буйной головой въ ракивовъ кустъ,
 — А рѣзвиза ноженни въ ковыль травы,
 — Сабелька лежитъ на сирой земли,
 — А добрый конь ходитъ во чистомъ полѣ,
 — Черны вороны вѣдь тѣло ево притрынкали,
 — Пойдемъ же, Владимиръ, станемъ свататься
 — На Добрыниной на молодой жены. —
 Пришли на Авдотьи стали свататься.
 Авдотьи итти не хотѣлосе,
 На силу Владимиръ поневѣлилъ ей итти.
 Въ пятницу было рукобитыче,
 Въ субботу было у нихъ сватовство *),
 Въ воскресенье-то у нихъ буде свадебка.
 Премладый Добрынюшка Микитьевичъ
 Износилъ Добрыня платьѣ свое цвѣтноѣ,
 Надѣвалъ на себя платьѣ звѣриноѣ,
 Поѣхалъ Добрыня изъ чиста поля,
 Наѣхалъ Добрыня въ полѣ бѣлѣ шатеръ.
 Ко бѣлу шатру Добрыня приворачивалъ,
 Ажно тутъ въ шатрѣ Плеюшка Муромецъ.
 Первое слѣво нерадоино:
 «Твоя-то жена вѣдь замужъ пошла
 «За премладаго Алѣшу Поповича,
 «Авдотьи итти не хотѣлосе,
 «На силу Владимиръ поневѣлилъ ей итти,
 «Во пятницу было рукобитыче,
 «Въ субботу у нихъ было сватовство,
 «Въ воскресенье у нихъ дакъ буде свадебка.»
 Не досугъ Добрыни долго разговаривать,
 Поѣхалъ Добрыня отъ бѣла шатра
 Ко славному городу ко Киеву.
 Поѣзду даваетъ лучше прежнаво:
 Скачетъ конь по вѣрсты по мѣрныя,
 Ископытъ по ямы по рѣвныя.
 Прѣхалъ Добрынюшка во Киевъ градъ,
 Пришолъ онъ къ родитель своей маменькѣ,
 Матушка Добрыни не узнала:

*) такъ поетъ.

— Гой еси удалый добрый молодец!
 — Коей ты орды а ты коей земли,
 — Какъ же вѣдь тебя именемъ зовутъ
 — А какъ звелчаютъ изъ отечества? —
 На Добрынюшки была замѣточка,
 На бѣломъ лицѣ была баруздинка,
 Узнала родитель ёво матушка:
 — Обогрѣло меня красное солнышко,
 — Потухъ у насъ молодой-отъ свѣтѣль мѣсяць,
 — Твоя-та вѣдь жена да замужъ пошла.
 — Авдотьи птти не хотѣлось,
 — Насилу Владиміръ поневолилъ ей птти,
 — Въ пятницу было рукобитнице,
 — Въ субботу у нихъ было сватовство,
 — Сѣводня у нихъ да идетъ свадебка. —
 Не досугъ Добрыни долго разговаривать:
 «Гой еси родитель моя маменка!
 «Подай мнѣ-ка платье скороморочноё,
 «Подай мнѣ-ка доску гусельную,
 «Подай мнѣ шалыгу подорожную,
 «Пойду я къ Алёши на свадьбу.»
 Приходить въ палаты бѣлокаменные,
 Отворяетъ двери онъ на пяту,
 А крестъ-отъ кладеть по писаному,
 Поклонъ-отъ ведеть по учёному,
 На всѣ онъ вѣдь стороны поклоняется,
 Владиміру князю на особинку.
 Садился на печку на муравленую,
 Дай ѣ началъ играть онъ вѣдь въ гусельцы:
 Струночку играетъ отъ сини моря,
 Другую играетъ отъ Царь-града,
 А третью отъ Ерусалима,
 А всё походянице Добрынюшкино.
 Не кто-ли тому не догадается,
 Добрынина жена вразумляется.
 Владиміру игра полюбилася:
 — Гой еси удалой доброй молодец!
 — Любо тебѣ мѣсто подліи меня — садись,
 — Друго тебѣ мѣсто — супротивъ меня,
 — А третье мѣсто — куда хочешь ты садись. —
 Садился Добрынюшка въ скамелечку
 Противъ Авдотьи Микуличны.
 Премлада Авдотья Микулична
 Налила стоканъ зелена вина,
 Подавала она Добрыни Микитичу,
 Брала онъ вѣдь стоканъ единой рукой
 Выпивалъ стоканъ на единый духъ,
 Положилъ въ стоканъ Добрынюшка злаченъ
 перстень,
 Наливалъ стоканъ зелена вина,
 Подносилъ Авдотьи Микуличны,

Да самъ говорилъ онъ таково слово:
 «Пить до дна — такъ видать добра,
 «А не пить до дна — не видать добра.»
 Брала она стоканъ единой рукой,
 Выпила стоканъ на единый духъ,
 Брала вѣдь Авдотья злаченъ перстень,
 Наложила на руку на правую,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Этимъ мы съ Добрыней обручались.
 — Не тотъ мнѣ-ка миль, кой подліи меня сидѣтъ,
 — А тотъ мнѣ-ка миль, кой супротивъ меня,
 — Премладый Добрынюшка Микитѣвичъ. —
 Не досугъ Добрыни долго разговаривать,
 Хватилъ какъ Алёшу за желты кудри,
 Черезъ столъ бросилъ на чѣреду *) кирпичную,
 Да началъ шалыгой охобачивать:
 Въ охканѣ нѣ чуть бухканья,
 А въ бухканѣ дакъ нѣ чуть охканья.
 Прибилъ онъ Алёшу до полу-смерти,
 Только Алёшенька женать бывалъ,
 Лучше бы Алёши не родитися,
 Родитися, мнѣ бы не женитися,
 Всякъ-то на сѣмъ свѣтѣ женитися,
 Не всякому женитьба издавается.
 Премладый Добрынюшка Микитѣвичъ
 Брала онъ вѣдь Авдотью за праву руку,
 Пошолъ онъ къ родитель своей маменькѣ,
 Да сталъ онъ жить бытъ да вѣкъ коротати,
 Отнынѣ живётъ да и до вѣку.
 А мы вѣдь Добрыню въ старинахъ поёмъ,
 Ахъ дудай-дудай, больше впередъ не знай!

Записано тамъ же, 24 августа.

307.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во славномъ во городѣ во Киевѣ
 У князя Ивана Васильевича
 Было столованье почестной пирь.
 А самъ государь князь роспотѣшился,
 Выходилъ середь полаты бѣлокаменной,
 Да самъ говорилъ онъ таково слово:
 — Гой вы есть мой князья бояра,
 — Сильнии могучиі богатыри,
 — Да всѣ поляници удалыи!
 — Есть у меня три добрыя три коня,

*) полъ.

— Кто ударится со мною о великъ закладъ,
 — Розъѣзжать вѣдь намъ на добрыхъ коняхъ —
 — Изъ Кіева ѣхать въ Черниговъ градъ,
 — Изъ Чернигова ѣхать въ чисто полѣ,
 — Изъ чиста поля ѣхать во Кіевъ градъ,
 — Неворотами прямо, черезъ стѣну городовую. —
 Вольшей-отъ хоронится за средняво,
 Серѣдней хоронится за меньшево,
 Отъ меньшево князю отвѣту нѣтъ.
 Изъ тово стола было изъ заднева,
 Изъ той ли скамелыи бѣлодубовой
 Выставалъ удалой доброй молодець
 Премладый Иванушко Годиновичъ,
 Да самъ говорилъ онъ таково слово:
 «Гой еси князь Иванъ Васильевичъ!
 «Есть у меня маленькой бурушко,
 «Селяточкомъ купленъ былъ за моремъ,
 «За селяточка дано было пятьсотъ рублей,
 «Съ пошлиной съ провозомъ сталъ въ тысящу.
 «Я ударюся съ тобою о великъ закладъ —
 «Розъѣзжать вѣдь намъ на добрыхъ коняхъ.»
 Написали записи крѣпкіе,
 Къ записямъ-то руки прикладывали.
 По князь-то все поручаются,
 По Иванъ-то никто не поручается,
 Поручилося двѣ голи двѣ кабацкія,
 Пошолъ вѣдь Иванушко домой да со пиру.
 Матушка Ивана вѣдь спрашивать:
 — Что же ты не весель не радочень пришолъ?
 — Мѣсто было тебя не по разуму,
 — Али чара-то была развѣ не рядовая,
 — Княгиня въ пиру развѣ обезчестила тебѣ? —
 Проговорилъ Иванушко Годиновичъ:
 «Гой еси родитель моя маменька!
 «Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
 «Чара-та была мнѣ-ка рядовая,
 «Княгиня въ пиру не обезчестила.
 «Я самъ во хмѣлю призахвастался,
 «Ударился со княземъ о великъ закладъ —
 «Розъѣзжать вѣдь намъ на добрыхъ коняхъ,
 «Князь прописалъ золоту казну,
 «А я прописалъ буйну голову свою.»
 Проговорить родитель ево маменька:
 — Поди на конюшню стоялую,
 — Падай малу бурушку въ ноженки,
 — Чтобы збавилъ опъ хозяина отъ смѣрточки. —
 Пошолъ онъ на конюшню стоялую,
 Падалъ малу бурушку въ ноженки.
 Онъ провѣштуетъ языкомъ чловѣческимъ:
 — Гой еси любезный мой хозяйнушко!
 — Выпусти меня во чисто полѣ:

— Поѣсть-то вѣдь мнѣ муравой травы,
 — Попить-то вѣдь мнѣ ключевой воды. —
 Конь наѣлся-напился онъ домой идеть,
 Самъ провѣштуетъ языкомъ чловѣческимъ:
 — Гой еси любимый мой хозяйнушко!
 — Сѣдлай-уздай ты скоро добра коня,
 — Поѣзжай ко князю на широкой дворъ,
 — Не воротами прямо, черезъ стѣну городовую,
 — Стапови добра коня среди двора,
 — Приказана станови а не привязана,
 — Самъ соболинну шубочку порѣивай *),
 — Маленьково бурушка подрачивай. —
 Сѣдлай-уздалъ онъ скоро добра коня,
 Поѣхалъ ко князю на широкой дворъ,
 Не воротами прямо, черезъ стѣну городовую,
 Становилъ добра коня среди двора,
 Приказана становилъ, а не привязана,
 Самъ соболинну-ту вѣдь шубочку порывалъ,
 Маленьково бурушка подрачивать.
 Набралось тутъ много князей да бояръ,
 Сами говорятъ таково слово:
 «Пропала у Ивана буйна голова.»
 Донесли вѣдь князю Ивану Васильевичу.
 Выходилъ вѣдь князь на широкой дворъ,
 Да самъ говорилъ онъ таково слово:
 — Гой еси мои слуги вѣрныя!
 — Выпускайте коней вы на берегъ. —
 Бѣжать ево кони со ярости,
 Хотятъ мала бурушка на смѣртъ да затоптать,
 Хотятъ мала бурушка на смѣртъ залагать.
 Какъ маленькой бурушко справился,
 Закусилъ онъ губу ту нижнюю,
 Ударилъ копытомъ о сыру землю,
 Магъ-земля придрогнула,
 Красное крылецо разсипалось,
 Все князья-бояра попадали,
 Златогривова коня онъ на смѣртъ затопталъ,
 Сивогривова коня онъ на смѣртъ залагалъ,
 Полоненой воронкѣ Ильи Муромца,
 Полоненой воронкѣ одва выскочилъ.
 Приходить вѣдь князь Иванъ Васильевичъ,
 Бьётъ онъ челомъ до сырой земли:
 — Спасибо, Иванушко Годиновичъ!
 — Спасибо на маленькомъ бурушкѣ,
 — Не на комъ мнѣ ѣхать въ чисто поле,
 — Получай поди со князя золоту казну. —
 Подучилъ вѣдь онъ Иванъ и золоту казну,
 Зашелъ онъ въ канторы питейныя,
 Откупилъ двѣ бочки зелена вина:

*) похищай.

«Гой, вы есть мой поручитель!
«Пейте зелено вино безденежно.»
Садился Иванъ на добра коня,
Поѣхалъ къ родителям своей матушкѣ.
Да сталъ онъ вѣдь жить бытъ да вѣкъ коротать,
Отнынѣ живѣтъ да и дѣ вѣку.

Записано тамъ же, 24 августа.

308.

ХОТЕНЬ ВЛУДОВИЧЬ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласкова у князя у Владимира
Было столованье почестной ширѣ.
Да было у князя во честномъ да во ширѣ
Двѣ славны двѣ богаты двѣ Часовыя вдовы.
Первая славная Часовая вдова,
Вторая богатая Збѣдова жена.
Наливала она чару зелена вина,
Заливала чарочку сладкимъ медомъ,
Засыпала чару бѣлымъ сахаромъ,
Подносила эту чарочку Часовыя вдовы:
— Ты славна богата Часовая вдова,
— Выпьемъ мы по чары зелена вина,
— Да мы вѣдь за чары порозговоримся съ тобой.
— У тебя ли у вдовы есть вѣдь дѣвять сыновей,
— Будто ясны хороши твои соколы. —
«Еще у вдовы есть единака дочь,
«Премлада Чадночка Часовенная.»
— У меня ли у вдовы есть единый сынъ,
— Премладый Хотешко сынъ Збудовичъ.
— Отдай-ко ты Чадночку Часовенную
— За моево Хотеша любимой семьей. —
На то ли вдова порозсѣрдилася,
Бросила она чару зелена вина,
А платьѣ-то всё перенозорила,
Пристрамила она Хотеша, въ безчестыицо ввела,
Называла она вороной погумѣнною.
На то ли вдова же порозсѣрдилася,
Пошла вѣдь вдова домой со ширѣ,
Не вѣсела пришла она не радочна.
Началъ вѣдь Хотеш да еѣ спрашивать:
— Гой еси родитель моя маменька!
— Что же ты не вѣсела не радочна пришла?
— Мѣсто было тебѣ не по разуму,
— Чара та была развѣ не рядовая,
— Княгиня въ ширѣ развѣ обезчестила. —
Проговорить родитель ево матушка:

«Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
«Чара-та была мнѣ-ка рядовая,
«Княгиня въ ширѣ не обезчестила,
«А я за тебя Хотеша посваталася
«У той ли у вдовы у Часовыя
«На премладыя Чадночки Часовенныя,
«Пристрамила она тебя Хотеша въ безчестыицо
ввела,
«Называла она вороной погумѣнною.»
Проговорить Хотеша своей маменькѣ:
— Гой еси родитель моя маменька!
— Напейся ты съ горя зелена вина,
— Ложись-ко ты спать опочивъ держать,
— Эту я насмѣшку отсмѣюсь я вдовы. —
Вѣрному слуги онъ приказывалъ:
— Гой ты еси моя слуга вѣрная!
— Сѣдай ты уздай скоро двухъ лошадей. —
Срядились они да и поѣхали.
Видѣли они какъ садился,
Не видали въ кою сторону поѣхали.
Приворачивали ко вдовѣ ко Часовыя.
Вдовы-то вѣдь дома не случалосе,
Девять сыновей дома не было,
Одна въ домѣ Чадночка Часовенная.
Поѣхалъ Хотеша на широкой дворѣ,
У дверей придверниковъ не спрашивалъ,
У воротъ онъ приворотниковъ не слѣдовалъ,
Подворотенки ногами выпинывалъ.
Выходила тутъ Чадночка Часовенная
На то на крылечко на красное,
Сама говорить таково слово:
— Настояща ты ворона погумѣнная,
— Надъ нашимъ ты домоу надсмѣхаешься. —
На то ли Хотеша поразсѣрдился,
Бралъ онъ вѣдь конѣ буржомецкое,
А ратовѣ было девяти сажонъ,
Хотѣлъ ударить по Чадночкѣ Часовенной,
Ударилъ по крылечку по красному,
Росшибъ на щепу онъ на мелкую.
Отгудова назадъ онъ ворочался,
Поѣхалъ Хотеша во чисто полѣ,
Розставилъ Хотеша себѣ бѣлыя шатѣры,
Ложился онъ спать опочивъ держать,
Вѣрному слугѣ онъ наказывалъ:
«Гой еси слуга моя вѣрная,
«Поберется когда сила изъ Кіева,
«Тогда ты меня отъ сна разбудѣ.»
Часовая вдова домой прибыла,
Девять сыновей домой прѣхали,
Чадночка имъ и порозжалилася.
Проговорить вдова та Часовая:

— Ой вы сыновья мои ясны соколы!
 — Убейте Хотю во чистомъ полѣ. —
 Проговорятъ сыновья ея ясны соколы:
 «Гой еси родитель наша маменька!
 «Были мы во земли во Шведскія,
 «Были у Хотю мы во вѣрныхъ во слугахъ,
 «Не убить вѣдь намъ Хотю во чистомъ полѣ.»
 На то ли вдова порозсердилась,
 Бросалась въ сундуки оковапия,
 Вымала вѣдь записи крѣпкия,
 По которымъ были денежки раздаваны,
 Собрала мужиковъ своихъ должниковъ:
 — А вы мужики, мои должники!
 — Убейте Хотю во чистомъ полѣ
 — Во всѣхъ-то васъ денежкахъ Господь про-

ститъ. —

Видятъ мужики, что бѣда пришла,
 Дѣться мужикамъ стало некуда,
 Срядплися они да и поѣхали.
 Побралась сила изъ Кіева,
 Началъ вѣдь слуга Хотю-то бужать.
 Ото сна Хотю пробужается,
 Садился Хотю на добра коня,
 Бралъ онъ копьѣ буржамецкоѣ,
 А ратовѣ было девяти сажонъ.
 Трѣхъ-то вѣдь сыновъ у ей на смерть убилъ,
 А шесть-то сыновъ онъ во полонъ побралъ:
 «А вы мужики ея должники,
 «Ваше-то вѣдь дѣло поневолею,
 «Скажите вдовѣ вы Часовья,
 «Этою вѣдь силою меня не взять.»
 Самъ поѣхалъ онъ къ родителю своей матушкѣ.
 Не хотѣлося вдовѣ покориться,
 Пришло вѣдь вдовы да поклониться,
 Пришла она къ Хотю низко кланялась:
 — Премладшій Хотюшко сынъ Збудовичъ!
 — Возьми мою Чадиночку Часовенную
 — За себя возьми любимой семьей,
 — Отдай мнѣ-ка шесть сыновъ изъ полону. —
 Проговоритъ Хотю таково слово:
 «Мнѣ твоя Чадиночка не надобно,
 «Я за вѣрнаго слугу замужь ея не возьму.»
 Бралъ онъ вѣдь копьѣ буржамецкоѣ,
 А ратовѣ было девяти сажонъ,
 Поставилъ тупымъ концомъ въ сыру землю:
 «Засыпь это ратовѣ златомъ-серебромъ,
 «Отдамъ тебѣ шесть сыновъ изъ полону.»
 Сбирала вдова злато серебро,
 Шесть-то вѣдь сажонъ приказывала,
 А трѣхъ-то вѣдь сажонъ мнѣ-ка не гдѣ взять.
 Пошла она ко князю ко Владиміру

Займовати злата и сѣребра,
 Выкупити шесть сыновъ изъ полону.
 Проговоритъ Владиміръ столень Кіевской:
 — Соберу я скоро князь почестной пиръ,
 — Попросимъ Хотю на почестень пиръ,
 — Не-что мѣво разговору онъ послушаетъ,
 — Возьмётъ твою Чадиночку Часовенную,
 — Отдасть тебѣ шесть сыновъ изъ полону. —
 Сбиралъ вѣдь скоро князь почестной пиръ,
 Просили Хотю на почестень пиръ,
 Да началъ Владиміръ уговаривать,
 Послушалъ онъ князя Владиміра,
 Да взялъ онъ Чадиночку Часовенную.
 Да шли во Божью церковь обвѣнчались,
 Со той ли Чадиночкой Часовенной,
 Бралъ онъ вѣдь за руку за правую,
 Повѣлъ онъ къ родителю своей маменькѣ:
 «Гой еси родитель моя маменька!
 «Вотъ тебѣ Чадиночка Часовенная,
 «Хоть ты держи ея подворничей,
 «А хоть ты держи портомойничей,
 «Какъ тебѣ надо-ть поворачивай.»
 А мы вѣдь Хотю въ старинахъ поёмъ.
 Ахъ дудай-дудай, больше впередъ не знай.

Записано тамъ же, 24 августа.

309.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Супротивъ праздника велика дни,
 На канунъ было Благовѣщенья,
 Выпала пороха, снѣжокъ молодой.
 По той по порохъ, по бѣлу снѣжку,
 Ходилъ тамъ вѣдь гулялъ купать*) молодець,
 По имени Чурилушко сынъ Плѣнковичъ.
 Дѣрого на немъ было цвѣтно платьѣ,
 Шапочка была соболиная,
 На ножкахъ сапожки — зелѣнъ сафьянъ,
 Зелена сафьяну турецкаво,
 Мудрово покрою нѣмецкаво,
 Крѣпкаво шитья ярославскаво;
 Около носочка — яничко катить
 Подъ пату Чурилу соловой пролетитъ.
 Ходилъ-щипилъ по городу по Кіеву,
 Красныя тѣ дѣвки вѣдь стѣкла рвутъ,
 Смотрючесь да на Чурилукову на красоту,

*) не знаетъ.

На ево ли на дороднее дородинство,
 Молоды молодки въ голенища сгать.
 Старья старухи вѣдь влюхѣ тѣ грызуть,
 Смотрючись да на Чурилкуву на красоту,
 На ево ли на дороднее дородинство.
 Зашоль-загулял онъ ко Бермятину двору,
 Ко ему ли-то Бермяты высокѣму теремѣ.
 Бермяты во домѣ не случилосе,
 Ушоль къ благовѣщенской заутрини,
 Одна въ домѣ Катерина дочь Микулична,
 Отпирала она окошко косивчатое,
 Отворяла она околенику стокѣльчатую,
 Сама говорить таково слово:
 — Премлѣдѣй Чурилушко сынъ Плѣнковичъ,
 — Пожалуй ко мнѣ на высокѣ теремъ. —
 Отворяла она воротца широкѣ,
 Пошли они въ высоки новы терема,
 Брали они доску ту шахматную,
 Да стали играти они шашкамѣ.
 Проговорить Катерина дочь Микулична:
 — Гой еси Чурилушко сынъ Плѣнковичъ,
 — Буде ты меня поиграешъ, съ меня сто рублей,
 — А какъ я тебя поиграю, тебѣ Богъ про-
 ститъ. —

Разъ сѣгралъ, да онъ матѣ ей далъ,
 Наигралъ на Катерину онъ вѣдь сто рублей;
 Другой разъ сѣгралъ, да онъ матѣ же ей да-
 валь,
 Наигралъ на Катерину онъ вѣдь два ста рублей;
 Третій разъ сѣгралъ, онъ матѣ же ей давалъ,
 Наигралъ на Катерину онъ вѣдь триста рублей
 Проговорить Катерина дочь Микулична:
 — Гой еси Чурилушко сынъ Плѣнковичъ,
 — Полно намъ играть съ тобой шашкамѣ,
 — Пойдемъ мы во спальню во тёплую,
 — На ту на кроватку тисовую,
 — На ту на перину пуховую,
 — Лягемъ-ко мы спать — забавлятися. —
 А дѣвка вѣдь ходитъ служанка ево,
 Ходитъ она дѣвка стучитъ да ворчитъ:
 «Я пойду къ Бермяты накучѣ да намучѣ.»
 Тому Катерина не пытается,
 Съ Чуриломъ на перини забавляються.
 Надѣвала дѣвка платье-то цвѣтное,
 Пошла къ благовѣщенской заутрини,
 Приходитъ она въ церковь соборную,
 Отворяетъ двери-ти на пятау,
 Да крестъ-отъ кладѣтъ по писаному,
 Поклопъ-отъ ведѣтъ по учёному,
 На всѣ она стороны поклоняется,
 Старому Бермяты на особинку:

«Престарѣлыя Бермята сынъ Васильевичъ!
 «Не хѣрошо у насъ въ домѣ учинилосе,
 «Есть у тебя вѣдь и гость гоститъ,
 «Гость щалливъ есть и гѣсть ломливъ,
 «Незванъ у тебя и не приказыванъ,
 «Премлѣдѣй Чурилушко сынъ Плѣнковичъ,
 «Съ Катериной на перини забавляються.»
 Проговорить Бермята таково слово:
 — Гой еси дѣвка служанка моя!
 — Буде правду говоришь, дѣвка, пожалую тебя;
 — А неправду говоришь, тебѣ голову срублю. —
 Проговорить дѣвка служанка ево:
 «Буде мнѣ вѣры не имѣешь, поди самъ досмотри».
 Пошоль отъ благовѣщенской заутрини,
 Ко своимъ пошоль онъ ко высокимъ теремамъ,
 Здымался на крылечко на красное,
 Да брякалъ въ колечко серебряное.
 Какъ разъ онъ побрякалъ, да нѣтъ никово,
 Другой разъ побрякалъ, да нѣтъ же никово,
 Третей разъ побрякалъ поуще тово,
 Высокіе терема пошаталисе,
 Маковки со теремовъ попадали,
 Выходила Катерина дочь Микулична,
 Сафьяны башмачки на босѣй ноги.
 Проговорить Бермята сынъ Васильевичъ:
 — Что ты Катерина не убѣрна идѣшь,
 — Севодня у насъ праздникъ Благовѣщеннѣ. —
 Проговорить Катерина дочь Микулична:
 «Гой еси Бермята сынъ Васильевичъ!
 «Угорѣла я севодня, голова болитъ,
 «Щемитъ у меня ретиво сердце,
 «Не могла такъ хорошо обрядитисе.»
 Тому ли Бермята не пытается.
 Пошоль онъ въ высоки новы теремы,
 Увидѣлъ на стонѣ шпачку Чурилкуву:
 — Эту я вѣдь шапку на Чурилѣ видѣлъ. —
 Проговорить Катерина дочь Микулична:
 «Гой еси Бермята сынъ Васильевичъ!
 «У моево родимово у брателка,
 «Съ Чуриломъ вѣдь платьницомъ помѣняюся,
 «А добрыми конями побратаносъ.»
 Тому ли Бермята не пытается,
 Пошоль онъ во спальню во тёплую,
 Увидѣлъ подъ кроваткой сапожки Чурилкувы,
 Увидѣлъ на кроватки Чурилѣ лежитъ.
 Какъ бралъ онъ со стопки саблю вострую,
 Не утраена зорюшка просвѣтила,
 А вострая сабелька просвѣркала,
 Не скачѣная жемчужинна катиласе,
 Чурилкува головушка съ плечъ свалиласе
 На ту ли на чѣреду кирпичную,

Не красная камка розстилается,
 Чурилова кровь проливается
 На ту ли на череду кирпичную.
 Не бѣлой горохъ розсыпается,
 Чуриловы желты кудри валяются,
 По той ли по чѣреды кирпичныя.
 Видить Катерина, что бѣда пришла,
 Дѣться Катерины стало нѣ куда,
 Брала Катерина востръ булатнїй ножъ,
 Поставила тупымъ концомъ въ сыру землю,
 А вострымъ концомъ въ ретиво сердце.
 Погинуло втѣпоръ двѣ головушки,
 Чурило съ Катериной со Микулчпой.
 Прожили говѣнье великое,
 Пропустили вѣдь недѣлю они свѣтлую,
 Старья Бермята сынъ Васильевичъ
 Да шли съ дѣвкой въ церковь обвѣнчались
 Со той ли со дѣвкой служанкой ево,
 Стали жить и быть да вѣкъ коротати.
 А мы вѣдь Чурила въ старинахъ поёмъ.
 Ахъ дудай-дудай больше впередъ не знай!

Записано тамъ же, 24 августа.

—
310.

КОСТРЮКЪ.

Изволил нашъ царь государь
 Царь Иванъ да Васильевичъ,
 Онъ изволил жениться
 Да онъ, свѣтъ, обручится,
 Не у насъ на святой Руси,
 Не у насъ въ каменной Москвѣ,
 Во земли во литовскія,
 Да во той во черкасскія
 На премладой Черкашенки,
 А на Марьѣ Демрюковны.
 Да онъ много въ приданы бралъ,
 Онъ триста улаповей,
 Да пятьсотъ улывановей.
 Еще онъ въ приданы бралъ
 Молодого-де шурна
 Кострюка-то Демрюковича.
 На радостяхъ завѣлъ онъ пиръ,
 Да онъ всѣхъ по мѣстамъ садилъ.
 А всѣ во пирѣ напивались,
 Да всѣ во хмѣлю пьняи веселы сидятъ,
 Одинъ во пирѣ какъ не пьетъ не ѣстъ,
 Зелена вина не кушаетъ,

Бѣлой лебеди не рушаетъ.
 Проговорить царь государь:
 — Ужъ ты гой еси шуришъ мой,
 — Кострюкъ ты Демрюковничъ!
 — Молодой Черкашенко!
 — Для че'же ты хлѣба и соли не ѣшь,
 — Зелена вина не кушаешь,
 — Бѣлой лебеди не рушаешь,
 — На царя лихо думаешь,
 — Али на мать каменну Москву. —
 Проговорить Кострюкъ Мастрюкъ
 Да Кострюкъ-отъ Демрюковничъ:
 «Ужъ ты гой еси царь государь,
 «Царь Иванъ да Васильевичъ!
 «Хоть и хлѣба и соли не ѣмъ,
 «Зелена вина не кушаю,
 «Бѣлой лебеди не рушаю,
 «На царя лиха не думаю,
 «И на мать каменну Москву.
 «Захотѣлось какъ мнѣ Кострюку,
 «Захотѣлось какъ мнѣ Демрюку
 «Молодому Черкашенкѣ —
 «Въ Москвѣ поборотися,
 «Да въ Москвѣ поломатися,
 «По двору покатагися,
 «По двору-ту по царскому,
 «По тому государскому.»
 Борцовъ не случилось
 Молодцовъ не сгодилося,
 Одинъ князь Микита Ромаповичъ
 Выходилъ на широкой дворъ,
 На крылечко на красное,
 Да кричалъ громкимъ голосомъ:
 — Еще есть ли у насъ въ Москвы,
 — Еще есть ли у насъ борцы,
 — Удалие молодцы? —
 Борцовъ не случилось,
 Молодцовъ не сгодилося.
 Изъ тово изъ села изъ Иванова
 Да шло вѣдь три родные брателка,
 А первой-отъ брателко
 Былъ Василей Андреевичъ,
 Второй-отъ брателко
 Былъ Андрей да Андреевичъ,
 А третьей-отъ брателко
 Былъ Потаней Андреевичъ.
 Большой-отъ вѣдь братъ говоритъ:
 «Да мнѣ не съ кѣмъ боротися,
 «Да мнѣ не съ кѣмъ ломатися,
 «По двору-ту кататися.»
 Средней-отъ братъ говоритъ:

«Да мнѣ не съ кѣмъ боротися,
«Да мнѣ не съ кѣмъ ломатися,
«По двору-ту кататися.»

А малой-отъ брателко

Былъ Потапюшко хроменькой,

А на ножку былъ лёгонькой,

Онъ на ножку припадывать,

Изъ-нодь ручки поглядывать:

«Развѣ мнѣ поборотися,

«Развѣ мнѣ поломатися,

«По двору покататися?»

Ухватилъ какъ вѣдь онъ Кострюкѣ,

Ухватилъ какъ вѣдь онъ Демрюкѣ,

Молодово Черкашенку,

Да ушибъ о сыру землю,

О чѣреду кирпичную.

Изъ холіи ногу выставилъ,

Изъ плеча руку выломилъ,

Да нагѣ по двору спустилъ,

А былъ доброй молодецъ,

Стала красная дѣвица,

Онъ рукой закрывается,

За людей убирается.

За бѣду пришло

Марьи Демрюковны:

— Не поставлю я пени въ томъ,

— Что крестьянской-отъ сѣнъ одолѣлъ

— А царева-то шуринѣ,

— А поставлю я пеню въ томъ

— Что нагѣ по двору спустилъ. —

Записано тамъ же, 24 августа.

—
314.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды онъ въ орду, къ королю въ Литву,
Служилъ королю ровно тридцать лѣтъ.

Король молодца любилъ-жаловалъ,

Королевна любила паче короля.

Да онъ сталъ молодецъ по пирамъ ходить,

По пирамъ-то ходить сталъ упиватися,

Королевскимъ-то домомъ похвалитися,

Королевскимъ-то домомъ, ево дочерью.

А злы палачи, бурзы-гетманы

Донесли королю они Шведскому:

«А батюшка ты ль нашъ, Шведскій король!

«А есть у тебя съ Русн молодецъ,

«По пирамъ онъ вѣдь ходитъ упивается,
«Королевскимъ твоимъ домомъ похваляется,
«Королевскимъ-то домомъ, твоей дочерью.»

Король-то на молодца прогнѣвался:

— А вы злы палачи, бурзы-гетманы!

— Отведите молодца во чисто полѣ,

— Да на то ли на поле кровавое,

— Да на ту ли-то на плашку на липову,

— Отрубите молодцу буйну голову. —

А злы палачи, бурзы-гетманы

Повели молодца позади дворца.

Да речѣ молодецъ таково слово:

«А вы злы палачи, бурзы-гетманы!

«Не водите молодца позади дворца,

«А ведите молодца попередъ дворца,

«Мимо тотъ ли-то садъ, мимо зѣленой.»

Палачи молодца вѣдь послушали,

Повели молодца попередъ дворца,

Мимо тотъ ли-то садъ мимо зѣленой.

Запѣлъ молодецъ съ горя пѣсенку:

«А садъ ты мой садъ ты мой зѣленой,

«А яблонь ты яблонь кудреватая,

«Приунило вѣдь было приунило,

«Съ королевной-то было приунило,

«А теперъ вѣдь приходитъ смертка скорая.»

Да услышала прекрасна королевична,

Она по поясъ въ окошко бросалася:

— А вы злы палачи, бурзы-гетманы!

— Не ведите молодца во чисто полѣ,

— По локѣтъ вы берите золотой казны. —

Палачи королевны не послушали,

Повели молодца во чисто полѣ,

Да на то ли-то на поле кровавое,

Да на ту ли-то на плашку на липову,

Отрубили молодцу буйну голову.

Да скорѣшенько королевна сряжалася,

Пришла королевна во чисто полѣ,

Ко той ли ко плашкѣ ко липовой,

Брала королевна востръ булатней ножъ,

Поставила тупымъ концомъ во сыру землю,

А вострымъ концомъ въ ретиво сердце.

Да погнуло втапоръ двѣ головушки.

Записано тамъ же, 25 августа.

312.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНКА.

Со Шугина двора
Идетъ сѣдая борода,
Тотъ милѣнкой мой,
Пріятель дорогой.
Во всё лѣтушко гуляли,
Картофельку копали,
Денежку брали.
У насъ не было работы,
Только прибыло заботы,
Гдѣ бы деньги брать,
Кому работать.
День и два живѣмъ не ѣмчи,
Съ горя пѣсенку запѣвши,
Пошли во Тычокъ,
Славный кабачокъ.
Ужъ мы двери отворяли,
Насъ вѣдь за руки примали
Дьяконъ и дячокъ.
— Вы здорово ли живѣте,
— И куда теперь идѣте? —
Спрашивали насъ.
«Ужъ вы видите вы сами,
«Что въ трактирѣ встрѣтѣсь съ вами.»
Мы имъ говоримъ.
«Давай пива и вина,
«Еще есть у насъ казна
«Роздѣлаться съ вамъ.»
Мы наѣлись-папились,
Домой скоро пошлись,
Захотѣли спать.
Зашли въ улицу Садову,
Во ту харчевню нову,
Послухатъ часовъ.
Скоро частной прибѣгалъ,
На допросы призывалъ,
Очень хорошо.
Не успѣли мы сказать,
Намъ вѣдь рученки назадъ,
Въ полицу свели.
Что во темную тюрьму
Во холодную стѣну:
«Сидите-тко тутъ.»
Мы хотѣли оправдаться,
Велятъ скоро роздѣлаться,
Очень цоскорай.
Не успѣли платяи свлечь,

Начинаютъ спину сѣчь
Моржовымъ ремнѣмъ,
Большимъ шеленнѣмъ.
Спину, жопу отстегали,
Впередъ вотъ что наказали:
«Ходите умнай,
«Очень посмирнай.»
Ужъ мы вышли изъ полицы,
Намъ на встрѣчу по дѣвицы,
Лапушки драгі.
Мы наказы забывали,
Дѣвокъ за руки примали,
Радошны были,
Ихъ съ собой вели.

Записано тамъ же, 25 августа.

LXVII.

ЮРЬЕВЪ.

Антонъ Степановичъ Юрьевъ, 82 лѣтній старикъ, крестьянинъ изъ дер. Пророкова, Мошенскаго прихода, выучился пѣть былины отъ старика изъ Онегн-города, который часто у него ночевалъ по зимамъ, когда проѣзжалъ черезъ Мошу. Кромѣ «старинъ», здѣсь помѣщаемыхъ, знаетъ о похожденияхъ Ильи Муромца, но сказочнымъ, а не пѣсеннымъ складомъ.

313.

ДОБРЫНЯ.

У князя у Владимира заводился почестень пиръ
На многи князя многи бояра,
А на всѣ поляницы на удале.
А какъ всѣ ли во пиру да напивалисе,
А какъ всѣ ли во честномъ да наѣдалисе,
Ужъ какъ всѣ ли во пиру да пьяны веселы сидятъ,
Ужъ какъ всѣ ли во пиру да поросхвасталисе.
Ужъ какъ кто ли-то похвастатъ золотой казной,
А другой-отъ похвастатъ добрымъ конемъ,
Глушой-отъ похвастатъ молодой женой,
Неразумный-отъ похвастатъ своей дочерью.
А сидитъ Добрынюшка Микитинъ сынь
По концу онъ столика дубоваго,
Говоритъ онъ рѣчи таковы слова:

— А ты князь ты князь да вѣдь Владимірской!
 — А спустп-ко вѣдь меня да во чистó поле,
 — А во то ли поле во широкое,
 — А ко той рѣки да ко Пучи-рѣки,
 — Обвалить тамъ сила всё татарская,
 — А татарская та сила всё уланская. —
 Говорить-то князь вѣдь тутъ владимірско:
 «Молодой воробыкъ не вылетывай,
 «Молодой Добрыня не выскакивай.»
 Говорить тутъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
 — А ты князь ты князь да вѣдь владимірскій!
 — Ахъ дамъ тебѣ вѣдь я добра коня,
 — Выѣзжай ты во чисто поле,
 — Помолись ты матери пресвятой Богородицѣ. —
 Даль вѣдь онъ ему добра коня,
 Онъ какъ сѣлъ да вѣдь на добра коня,
 А поѣхаль онъ да во чисто полѣ,
 А ко той ли ко матушки ко Пучи-рѣкѣ,
 Обвалить тамъ сила вся татарская,
 Татарскія сила все уланская.
 А пріѣхаль Добрынюшка Микитинъ сынъ
 А ко той ли ко матушки къ Пучи-рѣкѣ,
 Какъ махнѣтъ на право — туды улочка,
 А махнѣтъ на лѣво — переулочекъ,
 Прирубилъ онъ силу всю татарскую,
 А татарску силу всю уланскую.

Записано на Мошѣ, 24 августа.

—

314.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

А й дюрди-дюрди да дюрди гетманы,
 Загралъ молодецъ изъ орды въ орду,
 Пзъ орды въ орду да къ королю въ Литву,
 А й полонилъ молодца да тутъ шведскóй ко-
 роль,
 А й король король да король батюшко.
 Привели молодца да на конюшенку,
 А на ту ли на конюшню на дубовую,
 А запѣлъ молодецъ да пѣсни царскія,
 Пѣсни царскія пѣсни умильня,
 А услышала королѣвна пѣсни царскія,
 А пришла къ ему да на конюшенку,
 А на ту ли на конюшню на дубовую.
 Она стала съ молодцомъ да въ шахматы играть,
 Онъ игралъ съигралъ да ёя обыгралъ,
 Онъ другой игралъ да ёя обыгралъ,
 Онъ третей игралъ да ёя обыгралъ,

Онъ третей игралъ да и на верхъ полѣзь,
 Увидѣли палачи да бурзы-гетманы,
 Донесли королю да вѣдь таковы рѣчи.
 У ево розгорѣлось ретиво сердце,
 У ево роскипѣлась кровь горячая:
 — А й вы палачи палачи, да бурзы-гетманы!
 — Вы возьмите молодца да за желты кудри,
 — Поведите молодца да во чисто полѣ,
 — А во то ли во поле во Куликово,
 — А на ту ли плашку вы на липову,
 — Отрубите молодцу вы буйну голову. —
 Повели молодца да во чисто поле,
 Повели молодца да поперекъ дворца,
 А запѣлъ молодецъ да пѣсню новую,
 Пѣсню новую запѣлъ да все умильною:
 «А й со королѣвной было приуинто, приуѣдено
 «А съ съ королѣвной было приуѣжано.»
 Ахъ услышала королѣвна пѣсню новую,
 А бросаласе да вѣдь по плечъ въ окно:
 — А й вы ай вы палачи да бурзы-гетманы,
 — Не ведите молодца да во чисто поле,
 — Не рубите молодцу да буйной головы,
 — А й берите вы казны да сколько надобно. —
 А повели молодца да во чисто полѣ,
 Отрубили молодцу да буйну голову.
 А какъ тутъ она да воскипѣласе,
 Ея сердце розгорѣлосе,
 Обвернуласе она да лебедю бѣлою,
 А брала съ собою ножечки булатніе,
 Прилетѣла она въ полѣ Куликово,
 А ко той ко плашкѣ ко липовы,
 Она ставила ножечки булатніи,
 А тупымъ концемъ да во сыру землю,
 Вылетала сама да высокошенько,
 Говорила рѣчь да номалѣшенько:
 — А гдѣ палъ какъ вѣдь сѣрой гусь,
 — А нади тутъ лебедь бѣлая. —

Записано тамъ же, 24 августа.

—
 LXVIII.

МАКУШКИНЪ.

Андрей Ѳеодоровичъ Макушкинъ,
 крестьянинъ дер. Мелехинской на Мошѣ, земле-
 дѣлецъ, лѣтъ 40. Знаетъ только былинну, здѣсь
 поимѣщаемую, да еще про Анику-воина.

315.

ДОБРЫНЯ И АЛЁША.

Было во славномъ городѣ во Кіевѣ,
 При славномъ князѣ было при Владимірѣ,
 Были у его слуги вѣрныя,
 Былъ Алеша богатирь Поповичъ,
 А другой Добрынюшка Микитинъ сынъ.
 И завелъ Владиміръ оупъ почестенъ пиръ.
 Собрались на пиръ князья да и бояра
 И вси думныя министры.
 На пиру сидѣли, напивались,
 На честномъ сидѣли, наѣдались,
 На пиру сидѣли, приросхвастались:
 И кто хвастаетъ добрымъ житьемъ,
 И кто хвастаетъ мѣшнѣмъ - богатствомъ,
 И кто хвастаетъ своей силой богатирскою.
 Приѣзжало на пиръ чудовищо-пздолищо,
 Просило себѣ поединщика.
 Говорилъ и тутъ Владиміръ стольне-кіевской,
 Говорилъ оупъ таково слово:
 — А кому у насъ ѣхать на большнну,
 — А ѣ на ту границу на турецкую
 — Битися да съ неприятелиемъ.
 Говорилъ ему Алёша вѣдъ Поповичъ:
 «ѣхать Добрынюшки Микитичу
 «И на ту границу на турецкую
 «Битися да съ неприятелиемъ.»
 Приходилъ Добрыня къ своей матери:
 — И прощай же матушка Омельфа Тимоеевна!
 — Поѣзжаю я на ту границу на турецкую
 — Битися да съ неприятелиемъ,
 — Мнѣ-ка времни намѣченъ я на три года.
 — А какъ три года да время прѣдлится
 — И когда не возвращусь назадъ,
 — И въ ту поръ меня вы помниайте. —
 Говорилъ оупъ вѣдъ своей жены и таково слово:
 — Какъ вѣдъ три года да сполнится,
 — И когда я назадъ да не вбзвращусь,
 — И въ ту поръ меня вы помниайте,
 — И ты хотъ вдовой живи, хотъ замужъ поди,
 — Только не ходи ты за Алёшу за Поповича.—
 Тому время прѣдлнлось только три года.
 Выѣзжалъ Алёша во чисто полѣ,
 Приѣзжалъ ко князю ко Владиміру,
 Говорилъ Алёша таково слово:
 «И увидѣлъ я Добрынюшку въ чистомъ полѣ,
 «И лежитъ и головой да во ракитовѣ кустѣ,
 «Голова коньемъ вся исприколота.»

Говорилъ Владиміръ таково слово:

—И не врѣшь ли ты Алёша и Поповичъ. —
 «И не вру, не вру, Владиміръ князь, да стольне-
 кіевской.»

Говорилъ Алёша ёму таково слово:

«И Владиміръ князь да стольне-кіевской!
 «Ты меня на той же ты вдовы жени
 «И на той Добрынюшки да на Микитиной.»

Говорилъ ему Владиміръ таково слово:

— А ѣ Алёша и Поповичъ,
 — Я съутра же вѣдъ тебя женю. —

И на ту да пору время

Приѣзжалъ Добрыня вѣдъ со той границы со ту-
 рецкой

И ко той вдовы къ Амельфы Тимоеевны.

Приѣзжалъ да вѣдъ на бѣлый дворъ,

Стаповилъ и своего добра коня

Среди же оупъ бѣла двора,

И къ тому кольцу да къ золочёвому.

Приходилъ оупъ тутъ къ своей матери:

— Здравствуй, здравствуй, бабушка Амельфа Ти-
 меевна!

— Гдѣ у ты Добрынюшка Микитинъ сынъ. —

«А и ты удалый добрый молодецъ!

«Кабы былъ Добрынюшка Микитинъ сынъ,

«Ты бы безъ доклада и сюда бы не пришѣлъ.»

— Ужь ты бабушка Амельфа Тимоеевна,

— Гдѣ его обручная княгиня? —

«А ѣ удалой удамой молодецъ,

«А ѣ увѣлъ Алёша и Поповичъ

«И увѣлъ оупъ за себя замужъ,

«И волей ушла ли по неволѣ,

«И увѣлъ ее Владиміръ князь да по неволѣ.»

Обрядился Добрыня скоморошкою весёлою,

И пошѣлъ Добрыня вѣдъ на чѣстенъ пиръ,

Говорилъ и скоморошка вѣдъ весёлая:

— И Владиміръ князь да стольне-кіевской,

— Прикажи же нонграть да скоморошки мнѣ ве-
 сѣлая

— И на вашемъ на честномъ пиру. —

«А играй, играй же скоморошка ты весёлая.»

Зангралъ тутъ скоморошка да весёлая

А во тѣ ли зовицаты гусли.

Выходилъ Владиміръ князь изъ-за бѣла стола,

Бралъ оупъ скоморошку вѣдъ веселу за праву
 руку,

Говорилъ ему да таково слово:

«Скоморошка ты весёлая

«И тебѣ три мѣста три любимыя:

«И первѣ мѣстѣ хотъ въ рядъ меня садисъ,

«А ѣ друго мѣстѣ хотъ въ рядъ княгини,

«Третьей мѣсто гдѣ-ка вѣдь тѣбѣ любо.»

И садился онъ насупротивъ княгини много-
брапья.

Наливала тутъ княгиня чару зелена вина,

Подавала скоморошкѣ вѣдь весѣлья:

— Выпей, выпей чару зелена вина. —

Принималъ и скоморошка чару зелена вина:

«Здравствуй, здравствуй и княгиня многобраная,

«Выпить чара мѣ-ка зелена вина.»

И онъ снімалъ съ руки своей злачѣнъ перстень,

Подавалъ онъ въ чары вѣдь княгини много-
бранья,

И брала княгиня многобраная,

И брала вѣдь она свой злачѣнъ перстень,

Говорила вѣдь она да таково слово:

— А ѿ Владиміръ князь да стольне-кіевской,

— И не тотъ-то мужъ, да кой вѣдь въ рядъ меня
сидитъ,

— То мѣ мужъ, которой прямъ меня сидитъ,

— И сидитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ. —

Не стерпѣло тутъ Добрынюшки Микитича

И его да ретиво сердцо,

Ухватилъ онъ тутъ Алѣшу вѣдь Поповича

Зѣ-за того ли онъ вѣдь зѣ-за бѣла стола.

Тутъ Алѣша только живъ бывалъ.

Выскочилъ же тутъ Владиміръ князь

Зѣ-за за того ли онъ изъ-за бѣла стола,

Говорилъ онъ тутъ да таково слово:

«А ѿ Добрынюшка да ты Микитинъ сынъ!

«Хочешь ты теперь что надо мной дѣлай.»

Бралъ Добрыня свою молодую жену,

Бралъ Добрыня за праву руку,

И повелъ и къ своей матери Амелфы Тимо-
еевны:

— Здравствуй матушка родимая Амелфа Тимо-
еевна! —

Зависано на Мошѣ, 23 августа.

LXIX.

МАЛЫГИНЪ.

Петръ Саватьевичъ Малыгинъ, 18-
лѣтній огромнаго роста юноша, изъ дер. Полни-
ской на Мошѣ; знаетъ только одну былинну, ко-
торую слыхалъ отъ стариковъ.

216.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Ходилъ-гулялъ Добрынюшка по городу,

Ходилъ-гулялъ Микитиничъ по Кіеву,

Да Добрынюшки-то матушка наказывала:

«Не ходи-ко ты по городу по Кіеву,

«Не ходи-ко ты во улочку возвратную,

«Во тѣ ли переулки во Маринкины,

«Тутъ живѣ курва Маринка Игнатѣвна,

«Она отравница да ожелещница,

«Отравила она много добрыхъ молодцовъ,

«Еще сильныхъ могучихъ богатыревъ.»

Ну ходилъ-гулялъ Добрынюшка по городу,

Да ходилъ-гулялъ Микитиничъ по Кіеву,

Зашолъ какъ онъ въ улочку возвратную,

Да во тѣ ли переулки Маринкины.

Увидала тутъ Маринка Игнатѣвна,

Выпускала голубка да со голубушкою.

Тутъ увидѣлъ какъ Добрынюшка Микитичъ
младъ,

Онъ натягивалъ Добрыня свой-отъ тугой лукъ,

Онъ накладывалъ стрѣлу ту калѣную,

Ко стрѣлы-то онъ Добрыня приговаривалъ:

— Ты убей-ко голубка да со голубушкою. —

Не убила голубка да со голубушкою,

А убило у Маринки околенику,

Околенику да дружка милого,

Дружка милого Идолница,

И поганого да некрещеного.

Стоячись какъ самъ Добрыня пороздумался:

— Не честь мѣ хвала да молодецкая,

— Не есть слуга да богатырская,

— Не пропасть моей да каленой стрѣлы,

— У дѣвки у Маринки у Игнатѣвны. —

Заходилъ какъ-но Добрыня во высокъ теремъ,

Онъ и крестъ-то кладеть да по писаному,

И поклоны тѣ ведеть да по ученому,

Ну Добрынюшка Марини-то челомъ не бьетъ.

А Марини-то Добрыни низко кланялась,

Онъ и бралъ свою да калену стрѣлу,

Ну пошолъ Добрыня вонъ изъ тѣрему.

Марини тутъ да за бѣду стало,

За бѣду стало да за досадушку,

За досаду-ту да за великую.

Брала она два ножичка булатнія,

Ставала-то она да на рѣзвѣ ноги,

Ну подрѣзывала слѣды-ты Добрынины,

Она клала на дрова-тѣ на дубовыя:

«Ужь вы пойте, вы пойте, слѣдочки вы Добры-
нины,

«Чтобы нило у нево да ретиво сердце,

«Ну по той ли по Маринки по Игнатѣвны.»

Приходилъ какъ-но Добрыня къ родной ма-
тушки.

— Ну ходило, моё дигятко, догулялосе. —

Какъ не може ну Добрынюшка ни нѣтъ, ни
ѣсть,

Ну не може какъ Добрыня тёмной ночки спать.

Завонили какъ ко ранней ко заутрини,

Выходилъ какъ-но Добрыня на крылечушко,

Стоячесь какъ самъ Добрыня пороздумался.

— Что мнѣ дѣлать какъ у церкви у соборныя

— Да у той ли у заутренки у ранняя,

— Ну пойду я ко Марини ко Игнатѣвны. —

Заходилъ какъ-но Добрыня во высокъ теремъ,

Онъ крестъ-то кладеть да по писаному,

Поклоны тѣ ведётъ да по учёному,

На всѣ стороны Добрыня поклоняется,

Туть Добрыня-то Маринки на особину.

Ну Марини-та Добрынюшки челомъ не бѣтъ:

— Ты теперъ-то ты да во монхъ рукахъ,

— Во монхъ-то рукахъ да подъ моей грозой,

— Обверну я тебя жабой подземельною,

— Ну которой жабы отвороту нѣтъ. —

Обвернула какъ Добрынюшку Микитича

Обвернула какъ она ево да мѣрскимъ кобелемъ:

— Ты ходи-ко-се но городу по Киеву,

— Ты собирай-ко кусочки тѣ подгольня. —

Туть ходилъ какъ-но Добрыня ровню суточки,

Приходилъ какъ туть Добрынюшка къ Марин-
нушки,

«Насбирался ли кусочковъ подстоельныхъ-то?»

«Ты возьми-ко си теперъ да за себя замужь.»

— Не подобаеть-де взять дѣвка невѣрная,

— Ну невѣрная да некрещёная. —

«Обверну-то я Добрынюшку морскимъ туромъ

«Есть у меня да во чистомъ полѣ,

«Есть у меня да девять туровъ,

«Девять туровъ да девять гнѣдыхъ,

«Пусть ты десятины да ты на большины,

«Я тура да тебя да изукрашу всѣмъ,

«Рожка тѣ у тура да позолочёная,

«Бочка тѣ у тура да рыта бархату.»

У царя-то было да у Владиміра

Собирался у нево да и великой ширъ.

На на ширу-то они да напивался,

На ширу-то они да наѣдался,

На ширу-то они да поросхвастался,

Кто хвастать видно да молодой женой,

А другой-отъ хвастать золотой казной*),

А четвертой-отъ хвастать добрымъ конемъ.

Туть Добрынюшкой Марини та похвастала:

— Есть у меня да во чистомъ полѣ,

— Есть у меня да девять туровъ,

— Да девять туровъ да девять гнѣдыхъ,

— А десятой-отъ да изукрашень всѣмъ,

— У тура-то рожка да позолочёные,

— Ну бочка тѣ у нево да рыта бархату. —

Туть ставала Парасковья какъ Микитична,

Какъ ставала она да на рѣзвы ноги,

Ну брала она Марину рукой за воротъ,

А другой-то рукой она била по бѣду лицу:

«И какъ курва Маринка ты Игнатѣвна,

«Отверни-ко Маринка всѣхъ да добрыхъ молод-
цевъ,

«Отверни-ко всѣхъ могучихъ да богатырѣвъ.

«Отверни-ко ты Добрынюшку Микитича.»

Отвернула какъ Маринушку сорокою

Улетѣла она да во чистое поле,

Сѣла Добрыни она на золотой рожокъ:

— Находился ли ты да во чисту полю,

— Наѣлся ли ты да ну ковыль травы,

— Напился ли ты да водушки болотнія,

— Дашь ли теперъ клятву мнѣ великую,

— Ты возьмешь ли меня да за себя замужь? —

Даль онъ теперъ клятву ту великую.

Отвернула туть Добрынюшку Микитича,

Отвернула она да всѣхъ сильныхъ добрыхъ мо-
лодцевъ,

Всѣхъ да могучихъ богатырѣвъ.

Приходилъ какъ ко царю туть ко Владиміру:

— Даль я Маринки Игнатѣвны,

— Даль ужъ какъ клятву я великую,

— Взять-то ея да за себя замужь. —

Туть-то они да обручались,

Туть-то они да повѣнчались.

У Добрыни-то какъ слуги тѣ здогадливыя:

— Ужь вы дайте мнѣ-ка чару ту оправшую. —

Ужь какъ дали Добрыни саблю вострую,

Онъ срубилъ какъ-но Марини буйну голову,

Онъ сожѣтъ какъ на дровахъ да на дубовыхъ,

Роскидалъ какъ онъ несокъ да во чисту полю.

Приходилъ какъ-но ко ранней ко заутринкѣ,

Проздравляютъ сво да съ молодой женой.

«Я вчера-то былъ да я женать ходилъ,

«Сегодня я да какъ и вдовъ хожу.»

Записано на Мошѣ, 24 августа.

*) третьяго нѣтъ.

LXX.

КУРНИКОВЪ.

Иванъ Ивановичъ Курниковъ, 70-ти-лѣтній крестьянинъ изъ Кѣнакши (волость на юго-востокъ отъ Моши, на границѣ Вельскаго уѣзда), зажиточный и уважаемый въ своей мѣстности домохозяинъ. Знаетъ много сказокъ и прибаутокъ, а изъ былинъ только про Кострюка, да еще ту самую буквально былину про Добрыню и Маринку, которую пѣлъ Малыгинъ (см. выше № 216). Курниковъ рассказывалъ, что эту послѣднюю былину онъ перенялъ незадолго передъ тѣмъ (именно въ 1870 году) отъ прохожаго мужичка изъ Шалекужской волости (къ сѣверу отъ Моши), который, зная только одну эту былинку, ходилъ изъ дома въ домъ просить милостыни и тутъ поетъ свою былинку.

317.

КОСТРЮКЪ.

А не тките-то дѣвушки,
Не прядите молодухи,
Ужъ вы сядьте послушайте,
Я вамъ сказку скажу,
Прибаулушку немаленькую,
Ай диди-диди-диди
И про того Кострюка Кострюкановича
Про того Дебряка Дебрякановича.
И какъ у насъ было братцы въ каменной Москвѣ,
У великаго царя Ивана Васильевича,
Заводился тутъ пиръ ппрованьцо,
Собирались гости честные почестные,
Приѣзжалъ Кострюкъ Кострюкановичъ,
Приѣзжалъ Дебрякъ Дебряковичъ,
Садилъ его за столы тѣ дубовые,
Подносили напитки сладкіе медовые,
Еще тутъ Кострюкъ напивается,
Еще тутъ молодой наѣдается,
Еще тутъ Кострюкъ прирехвастался,
Еще тутъ молодой разбохвалился
Да своей ли то силой богатырскою:
— У васъ есть ли борцы молодцы
— Да московскіе ухватчики
— А со мной поборотися,

— Да со мной поломатися,
— Отвѣдати силы богатырскія. —
У царя была слуга вѣрная
Слуга вѣрная благовѣрная
Да Миканта Романовичъ.
Выходилъ на крылечко перѣное,
Кричалъ во всю голову,
Чтобы слышно на всю Москву,
Собирался бы борцы молодцы,
Да московски ухватчики
И съ Кострюкомъ поборотися
И съ молодымъ поломатися.
Ай диди-диди-диди!
Вотъ на пору на таково время,
Въ Москвѣ борцовъ не лучилосе,
Въ Москвѣ удалцовъ не лучилосе,
И только было въ малой улицѣ,
У старухи врядъ (sic) кузницы
Было три сына милые,
Было три родимые:
Первой былъ Васенька,
Другой Потапюшка,
Третій былъ Мишенька,
Маленькой хроменькой,
На ножку припадаетъ
Изъ-ноды ручки посматриваетъ.
Обряжался братаны
Въ кафтаны тѣ синіе,
Кушаки были шелковые,
На пожаткахъ сапожки сафьяненныіе,
На головушкѣ шляпоныи пуховенныіе.
Идутъ-то по мосту калиновому.
Говорятъ царю да не съ угадкою:
— Ужъ если поборемъ Кострюка Кострюкановича
— Дебряка Дебрякановича.
— Дакъ не будемъ ли гнѣвны мы,
— Да не будемъ ли судѣбны мы. —
Говоритъ имъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Да борите борцы молодцы,
«Да московски ухватчики,
«И не будете гнѣвны вы,
«Да не будете судѣбны вы,
«И дамъ я вамъ по двадцати пяти рублей день-
гами,
«И по кафтану голубому,
«Дамъ я вамъ похвальный листъ
«Ѣздить по инымъ городамъ и по ярмонкамъ
«Торговать всё товарамъ разными,
«И безъ данн безъ пошлины,
«Безъ государевой подати,

« И нтъ вино въ каждомъ кабаѣ безденежно.»

А й диди-диди-диди!

Услыхалъ Кострюкъ Кострюкановичъ,

Услыхалъ Дебрюкъ Дебрюкановичъ,

Выходилъ изъ-за столовъ-то дубовникъ,

Столы-тѣ всѣ пошаталнсе,

Уже напточки коплескалнсе,

Уже скатерти шелковыи да заливалнсе,

Пошолъ по полу — половочки да погнбалнсе,

Уже петельки у дверей разгнбалнсе,

Уже лиственки дубовныи порозсыпалнсе:

— Уже гдѣ борцы, гдѣ молодцы,

— Да Московски ухватчики? —

Говорять борцы да не съ унадкою,

Говорить ббльшій братъ Васенька:

«Развѣ я пойду поборотнся,

«Развѣ я пойду поломатнся

«И захвачу я тебя осередѣ кншви,

«Да брошю я тебя осередѣ Москвы.»

А говоритъ дрўгой Потаюшка:

«Какъ я пойду поборотнся,

«Какъ я пойду поломатнся,

«Захвачу твою буйную голову,

«Отверну твою буйную голову,

«Да брошю за Москву за рѣку,

«Чтобы слышно на всѣ на Москву.»

Говорить имъ третїй братъ Мишенька:

«Развѣ я пойду поборотнся,

«Развѣ я пойду поломатнся?»

Пошолъ Мишенька да пошолъ маленькой,

Не припадывалъ онъ не на ногу и не на руку,

Онъ припадывалъ къ правому плечуку,

Какъ гнянулъ *) Кострюка о сырѣ землю,

Тутъ рубашка та треснула

И брюшинка верѣснула,

Да нага-то нага Кострюка по двору спустилъ,

Да Кострюкъ-отъ былъ дѣвушка,

Да Кострюкъ-отъ былъ красная,

У ево п...а какъ сильная вачуга**),

Закрыла она долонью-то правую

Побѣжала по двору-то широкому,

Хоронится за лиственни дубовые

Говорить имъ сестра Марья Добрюковна:

— А й вы борцы молодцы

— Да московски ухватчики

— Онъ какой борець какой молодець

— Она красная дѣвушка. —

Говорить имъ царь Иванъ Васильевичъ:

«А й спасибо борцы молодцы,

«Да московски ухватчики,

«И ступайте ко мнѣ въ каменный домъ,

«Дамъ вамъ по двадцати пяти рублей деньгами,

«И дамъ я вамъ пофальной листъ,

«Ѣздитъ по пвымъ городамъ и ярмонкамъ

«Торговать всё товарами разнымъ,

«Безъ дани безъ пошлины,

«Безъ государевой подати,

«Ужо нтъ вино въ каждомъ кабаѣ безденежно!»

Да диди-диди-диди!

Записано въ Кавашѣ. 25 августа.

LXXI.

СИВЦЕВЪ.

Тимоѣей Михайловичъ Сивцевъ крестьянинъ дер. Парфеновской, Лимскаго прихода, 60-ти лѣтъ, знаетъ много сказокъ про Илью Муромца и другихъ богатырей; поетъ только одну, нижеслѣдующую «старинку», сложенную на Мошѣ объ истинномъ происшествїи, тамъ случившемся.

318.

СОБЫТІЕ 1830-ТЫХЪ ГОДОВЪ.

Вотъ по Моши по рѣкѣ
Живутъ богаты мужики

Вотъ ка|лина,

Вотъ ма|лина!

Околъ масляной гуляли,
Коневала признавали.

Коневалушко знакомъ,
Стало ѣхать не на комъ.

Взяли лошадь заложили,
Коневала придружили.

Еще лошадь-та берѣжа,
Что дорожка нехороша.

А лошадка воронá,
Дороженька не торнá.

*) пригнуть.

**) рукавица.

Только сълъ Кузька съ кнудомъ,
Коневалко съ багоркомъ.

Кузьма сзади обнимае *),
Коневаль дѣла не знае,

Они ѣхали страдали,
Пѣтушкова **) вслѣдъ дождали,

Пѣтушкова обождали,
Коневала повалили,

Онъ сказалъ добромъ не лпхомъ,
Что вы ѣдете-то тихо.

Это слово не по здраву,
Пѣтушкова обругали.

Пѣтухъ, Пѣтухъ, Пѣтушокъ!
Ты табашной корешокъ.

Потому ты корешокъ,
Зачѣмъ дѣржишь дѣвушкѣ.

Коневала повалили,
Къ Одежьѣ на груди напали.

Съ него сумочки сорвали,
Всѣ мѣшочки розвязали.

Въ сумѣ денежки нашли,
Въ разны стороны пошли.

Коневаль опамятѣлся,
На погость бѣжать спѣшился.

Къ подомарю прибѣжалъ
У воротъ-то постучалъ.

Подомарь-отъ отложилъ **),
Коневаль стоитъ дрожитъ.

Онъ по утру-то ставалъ,
Онъ туда же къ нмъ бѣжалъ.

Онъ по утру-то ставалъ,
Онъ въ Запондомѣ бѣжалъ.

Изъ Запондомья-то шелъ,
Къ Пѣтушкову гость зашелъ.

Ужъ ты батюшко Романъ,
Что пустой-то сталъ карманъ.

Не можно ли тому статься,
О мои деньгѣ стараться.

Когда денежки взыщу,
За работу заплачу.

Какъ Романъ со стула всталъ,
Коневалу руку далъ.

Еще сядь, дуракъ, послушай,
Чаю кофею покушай.

Коневалушкѣ не пьется,
О своихъ деньгахъ пекется.

Романъ кофею напился,
Во дѣлахъ распорядился.

Взялъ записку написалъ,
За Кузьмой скоро послалъ.

По чужой Кузьма паслышкѣ,
По Романовой запискѣ,

Какъ сейчасъ скоро явился,
Во дѣлахъ своихъ виновился.

Романъ Кузьмѣ говорилъ:
Небось, Кузька, не тужи.
У тя много старой ржи.

Ничего тебѣ не будетъ,
Только старой ржи убудетъ.

Старшина у насъ Морозъ,
Онъ вѣдъ любить стару рожь.

Для сѣменъ для ѣды,
Онъ избавить отъ бѣды.

Небольшимъ судомъ судили,
Мы въ расправы замирили.

Вотъ Кокора ковыляе,
Становому объявляе.

*) чтобы деньги ущупать.

**) Богатый крестьянинъ держалъ (носилъ) нѣмецкое платье,
былъ временщикомъ.

***) отперъ ворота.

Становой дѣло узналъ,
Сейчасъ на глазички призвалъ.

Онъ и бить-то ихъ не бѣтъ,
Ручки ноженки куётъ.

Кузька скоро догадался,
Онъ ночью домой бросался.

Золотыма подарили,
Съ рукъ желѣзо-ти сложили,

Съ рукъ желѣза-ти сложили,
По домамъ ихъ ропустили.

Трои сутоки гулялъ,
Дни ни ноченки не зналъ.

Записано на Мошѣ, 24 августа 1871 года.

К О Н Е Ц Ъ .